ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ.

ВОСЬМОЙ ГОДЪ. — КНИГА 5-ая.

МАЙ, 1873.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, В. О. 2 лин. 7.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 5-ая. — МАЙ, 1873.

ОБЪЯВЛЕНІЯ и ПРИЛОЖЕНІЯ см. ниже: I—IV стр.

Объявленіе объ изданіи журнала „Вѣстникъ Европы“ въ 1873 г. см. на оборотѣ.

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ВОСЬМОЙ ГОДЪ.—ТОМЪ III.

ГОДЪ XXXVII — ТОМЪ CCXV. — 1/13 МАЯ 1873.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

forty · first volume

СОРОКЪ-ПЕРВЫЙ ТОМЪ

ВОСЬМОЙ ГОДЪ

ТОМЪ III

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Невскомъ просп., у Казан. моста, № 30.

Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академ. переулокъ, № 9.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1873.

ТИПОГРАФІЯ М. СТАСЮЛЕВИЧА
В. О. 2 лин. 7.

СКАЗКИ ДИККЕНСА

The Life of Charles Dickens, by John Forster. Vol. II. 1842—1852. London, 1873.

Десятилѣтіе изъ жизни Диккенса, которому его біографъ посвящаетъ второй томъ своего труда, вышедшій въ началѣ нынѣшняго года, представляло блестящую пору въ дѣятельности великаго писателя; но нѣтъ причины ограничивать эту пору десятилѣтіемъ, и не представляется удобнымъ по поводу однихъ этихъ десяти лѣтъ резюмировать всю дѣятельность Диккенса въ очеркѣ, который долженъ имѣть полубіографическій, полукритическій характеръ. Десятилѣтіе съ 1842 по 1852 годъ не представляло ни въ жизни, ни въ творчествѣ Диккенса отдѣльной, заключенной въ себѣ, имѣющей свою особую физіономію эпохи. Періодъ это произвольный; онъ начинается съ возвращенія Диккенса изъ перваго путешествія его въ Америку, и останавливается на окончаніи имъ романа «Давидъ Копперфильдъ». Въ теченіе этого періода, Диккенсъ сдѣлалъ нѣсколько поѣздокъ на континентъ Европы, написалъ романы «Чёзльуитъ», «Домби и Сынъ», и «Копперфильдъ», и свои замѣчательнѣйшія «Рождественскія сказки». Желая продолжить очеркъ, предпринятый нами при появленіи перваго тома сочиненія Форстера [1]), а именно, познакомить русскихъ читателей Диккенса съ его личностью и съ процессомъ его работы, и приводя, какъ мы это сдѣлали и прежде, такія личныя черты къ оцѣнкѣ тѣхъ результатовъ, которые были ими обусловлены, то-есть самого творчества Диккенса, мы пока оставимъ, насколько возможно, въ сторонѣ романы, написанные имъ въ это

[1]) „Дѣтство и молодость Диккенса“, „Вѣстникъ Европы“ іюнь, 1872, стр. 685.

десятилѣтіе. При окончаніи труда Форстера мы надѣемся имѣть случай бросить общій взглядъ на капитальныя его произведенія, къ которымъ принадлежать и нѣкоторые, въ то время имъ еще ненаписанныя.

Но особую область въ творчествѣ Диккенса составляютъ его такъ-называемыя сказки или разсказы, періодически издававшіеся имъ къ концу года, къ Рождеству. Съ одной стороны, въ этой области проявился въ особомъ освѣщеніи и съ удивительнымъ богатствомъ весь поэтическій геній этого писателя; съ другой стороны, сказки Диккенса менѣе извѣстны, менѣе популярны у насъ, чѣмъ большія его произведенія, его романы. Наконецъ, въ то именно десятилѣтіе, которое обнимается настоящею книгой Форстера, Диккенсъ написалъ всѣ лучшіе изъ такихъ его, небольшихъ, имѣющихъ свое особенное значеніе разсказовъ. По всѣмъ этимъ причинамъ, мы и хотимъ на этотъ разъ спеціально заняться этой именно областью Диккенсова творчества и къ ней подвести тѣ личныя черты, съ которыми насъ знакомитъ настоящая часть біографіи.

I.

«Въ видѣ отдыха отъ труда», въ то время, когда Диккенсъ былъ занятъ своимъ полуанглійскимъ, полуамериканскимъ романомъ «Чёзльуитомъ»; онъ предпринялъ другую работу. Онъ сталъ набрасывать нѣчто въ родѣ сказки. Въ первой статьѣ, посвященной Диккенсу, мы указали на тотъ весьма характеристичный фактъ, что въ воображеніи этого поэта, въ его постоянной мечтѣ, въ томъ интимномъ уголкѣ души, гдѣ живутъ полусознанные образы и хранятся полузабытыя впечатлѣнія, въ этомъ истинномъ родникѣ поэзіи,—у Диккенса главное мѣсто занимало время его дѣтства. Дѣтство въ воображеніи Диккенса всегда оставалось какъ бы главною эпохой его жизни; какъ будто именно въ дѣтствѣ онъ жилъ для наблюденія и собиранія матеріала, для изученія душевныхъ движеній и природы человѣка, для оцѣнки и взвѣшиванія на тончайшихъ, чувствительнѣйшихъ вѣсахъ всякаго элемента насилія и несправедливости, состраданія и любви въ отношеніяхъ между людьми. Какъ будто въ дѣтствѣ онъ и жилъ только для этого и исключительно этимъ былъ занятъ; а послѣ, въ возрастные годы, являлся уже повѣствователемъ своего дѣтства, расходователемъ того сокровища, которое имъ было собрано въ ту пору. Сознать этотъ фактъ и проникнуться имъ необходимо для того, чтобы вѣрно оцѣнивать всю поэтическую сторону въ твор-

честве Диккенса. Этимъ мы, разумѣется, не хотимъ сказать, что Диккенсъ всегда оставался ребенкомъ. Еслибы было такъ, то какъ бы прелестны ни были созданія его, но Диккенсъ, какъ писатель, не имѣлъ бы общественнаго значенія. Одна наивная впечатлительность не могла бы произвести того могучаго направленія, въ силу котораго Диккенсъ сталъ Диккенсомъ. Ребенокъ знавалъ бѣдныхъ людей, видѣлъ отдѣльныя страданія, но онъ не могъ подняться до знанія бѣдныхъ и слабыхъ въ ихъ совокупности, какъ громадной корпораціи тѣхъ безъименныхъ единицъ, которыхъ давитъ и топчетъ въ Англіи современная общественная жизнь, которыми и на которыхъ она строитъ свои колоссальныя фабрики и палацы. Ребенокъ могъ вглядѣться въ суровыя, безжалостныя лица тѣхъ счастливцевъ, которые въ общей свалкѣ за жизнь, за кормъ и наслажденія, держатся на позиціяхъ возвышенныхъ, пригрѣтыхъ солнцемъ, съ которыхъ удобно отталкивать соперниковъ внизъ, въ темную и холодную яму. Мистеръ Домби, конечно, попадался ему на глаза въ дѣтствѣ и былъ предметомъ его проницательнаго созерцанія. Но ни геніальный ребенокъ, ни поэтъ, живущій исключительно для поэзіи, не ощутилъ бы необходимость и не съумѣлъ бы выступить на защиту слабыхъ, посвятивъ именно этому *дѣлу* всю прелесть своей поэзіи, выступить обличителемъ довольныхъ и безжалостныхъ тріумфаторовъ, обратясь къ нимъ съ бичомъ сатиры, тѣмъ болѣе могущественной, что она не имѣла въ себѣ ничего лирическаго и субъективнаго, а по реальности и холодности своей уподоблялась скорѣе зеркалу изъ полированной стали, чѣмъ бичу, за которымъ видна дѣйствующая имъ рука.

Сатира Диккенса, избирающая себѣ способомъ самую объективную иронію, близка къ сатирѣ Тэккерея и однородна съ нею, хотя предметъ ея не совсѣмъ тотъ же. Но, сдѣлавъ эту необходимую оговорку, мы затѣмъ можемъ возвратиться, безъ опасенія быть непонятыми, собственно къ поэтической сторонѣ Диккенсова творчества. И вотъ, здѣсь мы должны признать главнымъ источникомъ, такъ сказать хранилищемъ его поэзіи—его дѣтство, то-есть неисчерпаемый запасъ впечатлѣній, который онъ вынесъ изъ своего дѣтства, той поры его жизни, которая, повторяемъ, всегда представлялась въ умѣ этого поэта какъ-бы главною его эпохой, эпохой собиранія матеріала. Но дѣтство единичнаго человѣка близко къ дѣтству всего человѣчества,—къ фантастичности, легендѣ, сказкѣ. Изъ того факта, что уму Диккенса постоянно были присущи воспоминанія изъ дѣтства, очевидно, что Диккенсу весьма близка должна была быть сказка, ближе чѣмъ кому-либо;

притомъ близка ему, сродни его генію была сказка именно дѣтская, такая сказка, какія разсказываются или разсказывались въ старое время няньками малымъ дѣтямъ. Сказки эти—волшебныя, чудесныя сказки, не потому только, что въ нихъ являются волшебныя лица, но и потому, что въ нихъ, какъ онѣ усвоиваются тѣмъ умомъ, который и самъ-то еще очень недавно возникъ какимъ-то чудомъ, въ самомъ дѣлѣ дѣйствуетъ сила чудесная, сила очарованія. Между словами разсказчицы и впечатлѣніемъ слушателей здѣсь почти такое же различіе, какъ между звукомъ отъ прикосновенія пальцевъ къ клавишамъ и сонатою, которую эти клавиши вызываютъ. Разсказать этихъ сказокъ нельзя, хотя бы и передавая слова въ точности. Одна изъ замѣчательнѣйшихъ особенностей таланта Диккенса заключалась въ томъ, что онъ хранилъ впечатлѣнія дѣтства во всей цѣльности ихъ образовъ и колорита и умѣлъ воспроизводить эти образы не въ видѣ темныхъ силуэтовъ, какими они представляются взрослымъ, а со всею яркостью, тонкостью и свѣжестью ихъ первоначальныхъ красокъ.

Форстеру понятна эта особенность таланта его друга. Онъ говоритъ, между прочимъ, что «никто не дорожилъ болѣе, чѣмъ Диккенсъ, старыми дѣтскими сказками (nursery tales)», и что Диккенсъ «съ скрытымъ удовольствіемъ сознавалъ, что онъ только даетъ этимъ сказкамъ болѣе возвышенную форму». Форстеръ далѣе вѣрно оцѣниваетъ практическую пользу, принесенную сказками Диккенса обществу, и мы приведемъ этотъ отзывъ на своемъ мѣстѣ. Но Форстеру повидимому не пришла мысль, что самый фактъ обращенія Диккенса къ этой отрасли творчества былъ никакъ не случайный, но истекалъ изъ самой природы поэта; что сказка, во всемъ очарованіи и полнотѣ тѣхъ образовъ, которые она производитъ въ умѣ ребенка, была однимъ изъ главныхъ родниковъ всей поэтической силы Диккенса, была для него при изученіи человѣка отчасти тѣмъ, чѣмъ была средневѣковая легенда для Шекспира, Гёте и Шиллера въ изображеніи драмъ исторіи, то-есть жизни человѣчества.

Послушаемъ объясненія Форстера, *какъ* возникла первая сказка Диккенса. Осенью 1843 года, Диккенсъ отправился въ Мэнчестеръ на собраніе, происходившее по поводу открытія тамошняго «Атенея». Въ числѣ участвовавшихъ въ собраніи были Кобденъ и Дизраэли. Диккенсъ говорилъ тамъ «о предметѣ, который всегда былъ его сердцу ближе всѣхъ, именно объ образованіи для самыхъ бѣдныхъ дѣтей; онъ возставалъ въ своей рѣчи противъ мнѣнія, будто крохи образованія еще вреднѣе, чѣмъ полное невѣжество». Незадолго передъ тѣмъ онъ, съ поэтомъ Лонгфелло и

Форстеромъ, осматривалъ ночлежные пріюты въ бѣдныхъ кварталахъ Лондона, и впечатлѣніе, вынесенное имъ изъ этого осмотра, сказалось въ его мэнчестерской рѣчи. Онъ убѣждалъ собраніе, что вреднѣе всего не недостаточность образованія, а полная тьма, полное отсутствіе какой-либо умственной нити, держась за которую дитя, рожденное въ вертепѣ разврата и преступленія, могло бы выдти изъ этого лабиринта; вреднѣе всего то, что за полнымъ отсутствіемъ подобной нити, за совершеннымъ неимѣніемъ какой-либо нравственной поддержки, цѣлыя поколѣнія рѣшительно осуждены на развратъ и преступленіе. Въ то время только еще начиналось движеніе въ пользу такъ-называемыхъ Ragged Schools, которое впослѣдствіи приняло такое развитіе, что ихъ теперь считаютъ около 300 съ 30 тысячами учениковъ. Диккенсъ и въ этомъ дѣлѣ принималъ близкое участіе. Когда онъ былъ въ Мэнчестерѣ, ему, по словамъ Форстера, впервые пришла мысль о сказкѣ; чрезъ недѣлю по возвращеніи изъ Мэнчестера онъ приступилъ къ ней, «въ видѣ отдыха отъ труда». «Это было дѣло тѣхъ случайныхъ свободныхъ минутъ, которыя оказались въ его распоряженіи посреди исполненія двухъ главъ «Чёзльуита», говоритъ Форстеръ и прибавляетъ, что предпринята была эта лишняя работа «единственно съ цѣлью прибавить что-нибудь къ балансу доходовъ отъ «Чёзльуита». Но послушаемъ дальше: «Однако, онъ самъ разсказывалъ и я могу засвидѣтельствовать, съ какой странной силою это дѣло тотчасъ само овладѣло имъ, какъ онъ надъ нимъ плакалъ, и смѣялся, и опять плакалъ, возбужденный до необыкновенной степени. Какъ бродилъ по пятнадцати, по двадцати верстъ въ день, по темнымъ улицамъ Лондона, обдумывая этотъ разсказъ поздно ночью, въ такое время, когда трезвый человѣкъ давно спитъ». Но предметъ этотъ потому такъ и завладѣлъ всѣмъ вниманіемъ автора, потому такъ и охватилъ всѣ его силы, что былъ необыкновенно близокъ къ природѣ Диккенса. Обращеніе его къ сказкѣ, очевидно, не было дѣломъ случайности, и зависѣло не оттого, что онъ желалъ прибавить что-нибудь къ невполнѣ удовлетворительнымъ доходамъ отъ продажи «Чёзльуита»; тогда или въ иное время, но когда-нибудь Диккенсъ непремѣнно долженъ былъ внести свое творчество въ тотъ сказочный міръ, который былъ постоянно присущъ его духу, и котораго отблескомъ освѣщались даже такія «трезвыя» аналитическія его созданія, какъ, напр., Домби или Никльби, и нѣтъ сомнѣнія, что собственно поэтическій геній Диккенса нигдѣ не проявился съ такой силой, какъ въ его сказкахъ.

Первая изъ нихъ была именно та «коляда» или «пѣснь Рож-

деству» (Christmas Carol), которую онъ импровизировалъ, проводя цѣлыя ночи въ прогулкахъ по «темнымъ улицамъ» Лондона. «Пѣснь Рождеству» непремѣнно вышла бы прелестнымъ разсказомъ и тогда, еслибы Диккенсъ просто коснулся въ ней сверхъестественнаго міра, міра человѣческихъ грёзъ, суевѣрій и традицій. Но, замкнувшись въ одномъ сверхъестественномъ мірѣ, Диккенсъ не вышелъ бы изъ уровня народнаго сказочнаго эпоса или, еслибы создалъ свои собственные чисто-фантастическіе типы, то сталъ бы въ область и въ уровень Гоффмана. Великій писатель *общественный*, Диккенсъ сдѣлалъ нѣчто совсѣмъ иное. Міръ геніевъ, грёзъ, упованій, вѣры въ доброе, потребности въ идеалѣ онъ поставилъ лицомъ къ лицу съ типомъ жесточайшаго эгоизма, холоднаго разсчета, неумолимости ко всему слабому, полнаго отрицанія всякаго идеала и всякой нужды въ идеалѣ вообще. Мистеръ Скруджъ — герой «Пѣсни Рождеству». Мистеръ Скруджъ человѣкъ, не совершившій никакого преступленія; онъ человѣкъ дѣловой, человѣкъ съ сильнымъ характеромъ, хладнокровіемъ, прозорливостью, бережливостью, аккуратностью, короче: просто человѣкъ дѣловой въ высшей степени и вполнѣ исправный. «Онъ умѣлъ схватывать крѣпко и въ особенности умѣлъ крѣпко держать. Жесткій и острый какъ кремень, онъ не знавалъ такого огнива, которое могло бы извлечь изъ него хоть искру великодушія. Всюду, куда онъ являлся, онъ приносилъ съ собой свою температуру, всегда ниже нуля. Въ лѣтнюю жару, при немъ, въ конторѣ его стоялъ морозъ; и къ Рождеству, несмотря на великій праздникъ, Скруджъ не оттаявалъ ни на градусъ..! Его никто не останавливалъ на улицѣ веселымъ привѣтствіемъ: а, Скруджъ, здравствуйте, какъ ваше здоровье; заходите къ намъ! Нищему въ голову не приходило просить у него подачки, а дѣти не спрашивали у него, который часъ? Во всю его жизнь никто, ни мужчина, ни женщина, ни разу не рѣшился спросить у него дорогу. Даже собаки, водящія слѣпыхъ, и тѣ будто узнавали его, и тотчасъ уводили своихъ патроновъ подъ ворота».

«Но Скруджу ничего этого и не требовалось; напротивъ, онъ и желалъ, чтобы было именно такъ. Сознаніе, что по многолюдной улицѣ онъ одинъ идетъ въ настоящемъ уединеніи, что на лбу у него какъ-бы видна надпись, приглашающая прохожихъ проходить своею дорогой,—такое сознаніе, когда оно являлось уму Скруджа, было для него лучшимъ гостинцемъ».

Само собою разумѣется, что Скруджъ не только не соблюдалъ праздника Рождества, но особенно ненавидѣлъ его, за то, что тогда всѣ дураки ходятъ и поздравляютъ другъ друга; съ

чѣмъ? спрашивается. Не съ тѣмъ-ли, что къ Рождеству обыкновенно наступаютъ сроки для уплаты по всякимъ счетамъ и векселямъ. Въ сочельникъ, уходя изъ конторы, мистеръ Скруджъ спросилъ своего бухгалтера:—«Вы, конечно, разсчитываете завтра отдыхать весь день?»—«Если вы не имѣете ничего противъ этого»—былъ отвѣтъ.—«Имѣю очень много противъ; вѣроятно, и вы имѣли бы нѣчто противъ вычета у васъ за этотъ день $2^1/_2$ шиллинговъ, а хотите, чтобы я далъ ихъ вамъ даромъ?»—Бухгалтеръ возразилъ, что это бываетъ разъ въ годъ.—«Развѣ разъ въ годъ можно запускать руку въ чужой карманъ?» Такова была философія мистера Скруджа, которую мы позволяемъ себѣ напомнить читателямъ, потому что намъ нужно уяснить, съ кѣмъ именно боролся Диккенсъ, въ защиту слабыхъ и бѣдныхъ, на кого, въ ихъ пользу, онъ устремлялъ всю силу своего поэтическаго творчества, на кого напускалъ весь тотъ волшебный міръ, который жилъ въ немъ самомъ. Все это онъ дѣлалъ для борьбы съ тѣмъ обществомъ, которое выработано безусловною, неумолимою конкурренціею; съ холодною, правильною, почтенною буржуазной философіей, которая вся сводится на понятіе «о моемъ и твоемъ», на фарисейскую правильность, фарисейское самодовольство и фарисейскую же безпощадность къ самаритянамъ. Достопочтенный англійскій дѣловой, торговый человѣкъ платитъ все, что съ него слѣдуетъ по торговымъ счетамъ и по государственнымъ и городскимъ пошлинамъ, и затѣмъ вполнѣ доволенъ собою; тѣмъ хуже для тѣхъ, кто «не съумѣлъ» ничего пріобрѣсти, «не съумѣлъ» разсчитать составъ своего семейства сообразно съ балансомъ своего гроссбуха, «не съумѣлъ», наконецъ, быть здоровымъ. Тѣмъ хуже для нихъ. Онъ же исполнилъ всѣ свои обязанности и благодаритъ Бога, что не принадлежитъ къ числу такихъ людей. Рядомъ съ нимъ, мы совершенно удобно можемъ поставить и русскаго торговаго человѣка, такъ какъ у нашего Тита Титыча «широкая натура» сказывается только въ безобразіи, а въ отношеніи своемъ къ меньшей братіи, въ самодовольствѣ, въ презрѣніи ко всѣмъ, кто «не съумѣлъ» набить себѣ кошель, Титъ Титычъ нисколько не отстаетъ отъ мистера Домби, а въ безпощадности къ своимъ подчиненнымъ нисколько не уступаетъ мистеру Скруджу. Натура его такъ же узка и такъ же суха, и если онъ иногда «развертывается» то, повторяемъ, собственно только въ безобразіи, потому что Титъ Титычъ все-таки еще дикій человѣкъ, между тѣмъ, какъ англійскіе сверстники его—вполнѣ правильные джентльмены. Но возьмемъ другого нашего буржуа, болѣе образованнаго: возьмемъ солиднаго чиновника, который «съумѣлъ» пріобрѣсти домикъ, и

даже имѣньице, и въ то же время умѣлъ всегда быть на отличномъ счету у высшаго начальства, съумѣлъ не то что избрать въ жизни благую часть, но, такъ сказать—соединилъ въ свою пользу всѣ «благія части», какія только представлялись ему жизнью; человѣкъ съ состояніемъ, съ солиднымъ чиномъ и орденомъ, уважаемый въ обществѣ, даже либералъ, по благонамѣренности. Развѣ и онъ не уподобляется библейскому фарисею, который благодарилъ Бога за собственное свое совершенство, за отличіе свое отъ всѣхъ павшихъ подъ гнётомъ жизни, отъ всѣхъ «труждающихся и обремененныхъ?»

Выводя этотъ типъ, Диккенсъ прежде всего казнитъ холодную самоувѣренность мистера Скруджа, а потомъ разрушаетъ его самодовольство, доказывая ему, что онъ во многомъ обманываетъ самъ себя, что онъ добровольно отказывается отъ наслажденій истинныхъ, мѣняя ихъ на сущій вздоръ, что его эгоистическій разсчетъ въ жизни во многомъ невѣренъ, и что въ дѣйствительности иной бѣднякъ счастливѣе его. Міръ нравственный, котораго Скруджъ не хочетъ знать, прежде всего мститъ ему тѣмъ, что осаждаетъ его въ видѣ суевѣрія. Скруджъ приходитъ въ свою пустую контору и замѣчаетъ въ головѣ молотка, которымъ стучатъ въ дверь—несомнѣнное, хотя и удивительное сходство съ головою своею покойнаго компаньона. Отсюда начинается рядъ галлюцинацій, за которымъ слѣдуетъ рядъ картинъ изъ давно забытой, свѣжей, нѣжной поры жизни. Такъ какъ это сказка, то авторъ имѣлъ право допустить въ ней, что страшный, обхватывающій всѣ нравственныя силы человѣка, мысли и впечатлѣнія всей его жизни сонъ—исправляетъ Скруджа; Скруджъ по пробужденіи посылаетъ индѣйку въ подарокъ бѣдному семейству и удвоиваетъ жалованье своего бухгалтера.

Была ли въ сущности нова мысль сказокъ Диккенса? Нѣтъ; это было не что иное, какъ основная нравственная мысль христіанства, и Диккенсъ имѣлъ полное право посвящать свои сказки тому празднику, которому онъ посвящалъ ихъ. Защита бѣдныхъ и слабыхъ, слово любви человѣчности, снисхожденія, великодушія, осужденіе фарисейскаго самодовольства, отверженіе неумолимыхъ, хотя и правильныхъ судей — все это произнесено другомъ неимущихъ рыбаковъ, самаритянъ, прокаженныхъ. Но одно дѣло—божественная проповѣдь, другое—Established Church.

Здѣсь умѣстно будетъ показать, какъ относился Диккенсъ лично къ церкви. Та же «пѣснь Рождеству» даетъ намъ первое указаніе. Въ теченіи своего сна, мистеръ Скруджъ видитъ толпу бѣдняковъ, которые весело тащатъ свои праздничныя яства къ

булочнику, чтобы испечь ихъ на его кухнѣ. Но какъ же лавка булочника открыта въ праздникъ? Вѣдь это нарушеніе святости субботняго дня, крайне осуждаемое духовенствомъ. Скруджъ спрашиваетъ добраго генія, который его сопровождаетъ, для чего же онъ и ему подобные требуютъ, чтобы кухня булочника была закрыта въ праздникъ, когда бѣдные можетъ быть только по праздникамъ-то и обѣдаютъ? Но добрый геній съ негодованіемъ отвергаетъ свое участіе въ такомъ мнимо-религіозномъ педантизмѣ. «На землѣ есть дѣйствительно», говоритъ духъ, «люди, которые хвастаютъ близкимъ знакомствомъ съ нашимъ міромъ, но пользуются нашимъ именемъ собственно для того, чтобы удовлетворять свои собственныя дурныя страсти — гордость, злость, ненависть, зависть, ханжество и себялюбіе; но намъ люди эти совершенно чужды. Помни это, и не возлагай на насъ отвѣтственности за ихъ дѣйствія». Когда онъ занимался вопросомъ объ устройствѣ Ragged Schools и о преподаваніи въ нихъ, то сильно настаивалъ на томъ, чтобы нищихъ дѣтей, неучившихся еще ровно ничему, не обременять слишкомъ катихизисомъ, и вообще преподаваніемъ религіозныхъ формъ и отвлеченій. Онъ составилъ статью въ этомъ смыслѣ для Edinburgh Review, которая, разумѣется, отвергла столь безбожныя ученія и не приняла статьи Диккенса. Его возмущалъ духъ формализма и педантизма въ господствующей церкви, въ особенности именно въ ея отношеніяхъ къ бѣднымъ классамъ, возмущалъ до такой степени, что онъ одно время даже отдѣлился отъ англиканства и присталъ къ свободной унитаріанской конгрегаціи. Хотя впослѣдствіи Диккенсъ и сталъ снова посѣщать англиканскія церкви, но въ своемъ духовномъ завѣщаніи прописалъ между прочимъ: «убѣждаю дорогихъ дѣтей моихъ смиренно стараться поступать согласно ученію новаго завѣта, въ его широкомъ смыслѣ, не давая вѣры никакому человѣческому опредѣленію той или другой *буквы* писанія». Человѣка съ той громадной силой воображенія, какою обладалъ Диккенсъ, съ той неотступной мечтательностью, какая жила въ немъ, естественно могла увлекать поэтическая сторона католицизма. У Форстера мы находимъ, безъ всякихъ объясненій, описаніе одного сна, который самъ Диккенсъ имѣлъ однажды, когда жилъ въ Италіи. Въ письмѣ объ этомъ снѣ, Диккенсъ самъ, повидимому, не придавалъ ему особаго значенія, но настаивалъ на странной, необыкновенной реальности своего видѣнія. «Во время этого видѣнія,—писалъ онъ Форстеру,—я чувствовалъ себя столь же реальнымъ, столь же одушевленнымъ и исполненнымъ страсти, какъ Макрэди (актеръ) въ послѣдней сценѣ Макбета»... Мы приведемъ

только отрывокъ изъ разговора Диккенса съ духомъ, который явился ему въ видѣніи: «....отвѣть мнѣ еще на одинъ вопросъ, сказалъ я, и—Боже, въ какой агоніи страха я былъ, что видѣніе исчезнетъ прежде, чѣмъ я успѣю спросить — отвѣть мнѣ, какая вѣра истинная? Духъ молчалъ, и я въ страхѣ, что онъ не отвѣтитъ, прибавилъ: думаешь ли ты, подобно мнѣ, что форма вѣры значитъ не много, лишь бы дѣлать добро? Но видя, что духъ какъ-бы колеблется, я поспѣшно продолжалъ: или католическая религія лучшая; можетъ быть въ ней вѣра живѣе и прочнѣе? «Для тебя, — отвѣчалъ духъ, съ такой небесной нѣжностью ко мнѣ, что я чувствовалъ, какъ будто сердце мое надрывается,— для *тебя* она — лучшая». Тогда я проснулся, облитый слезами и сознавалъ себя совершенно такимъ же, какимъ былъ во снѣ. Едва свѣтало; я призвалъ Катю (жену) и повторилъ ей свой сонъ раза три или четыре, чтобы послѣ не преувеличивать и не уменьшать впечатлѣнія дѣйствительно бывшаго. Оно было именно таково, безъ всякаго замѣшательства и бреда». Онъ самъ затѣмъ указывалъ на обстоятельство, послужившее непосредственнымъ поводомъ къ такому удивительному сну: въ той комнатѣ, гдѣ спалъ Диккенсъ, прежде былъ алтарь; мѣсто его было видно, а также замѣтны и тѣ мѣста стѣнъ, гдѣ были картины святыхъ. Диккенсъ не преминулъ тотчасъ возстановить въ своемъ воображеніи, на яву, весь видъ часовни, даже лица святыхъ представились ему въ опредѣленныхъ образахъ. Диккенсъ всегда такъ думалъ, то-есть размышленіе его было образно, какъ сценическое дѣйствіе.

Форстеръ оставляетъ безъ всякаго объясненія приведенный католическо-тенденціозный сонъ Диккенса, который во всякомъ случаѣ примѣчателенъ для характеристики поэтической натуры его. Но Диккенсъ былъ не только поэтъ, а также — весьма серьёзный практическій дѣятель, и никакое видѣніе не могло обратить его въ «Лотэра». Онъ слишкомъ ясно сознавалъ огромныя соціальныя невыгоды католицизма. Чтобы показать это, приведемъ отрывокъ изъ письма его, писаннаго въ Швейцаріи, въ 1846 году: «здѣсь, въ Симплонской долинѣ, вы можете тросточкой начертить на дорожной пыли грань, гдѣ кончается область протестантскаго кантона и начинается область кантона католическаго; эта грань раздѣляетъ въ то же время два совершенно различныхъ быта человѣчества. На протестантской сторонѣ чистота, бодрость, дѣятельность, просвѣщеніе, по меньшей мѣрѣ — постоянное стремленіе къ улучшеніямъ. На католической сторонѣ — грязь, болѣзнь, невѣжество, печаль и нищета. Я такъ часто видѣлъ подобный контрастъ, съ тѣхъ поръ, какъ сталъ

путешествовать, что во мнѣ возникаетъ прискорбная мысль: не слѣдуетъ ли приписывать бѣдственное положеніе Ирландіи не только англійскому притѣсненію (misgovernment) и торійской подлости, но—въ равной степени—и самой религіи ирландцевъ»?

Мы нисколько не удалились отъ поэтическаго творчества Диккенса, и именно отъ его рождественскихъ разсказовъ, когда коснулись его религіозныхъ воззрѣній и вмѣстѣ духа протестантства. Напротивъ, этимъ отступленіемъ мы ближе подошли къ объясненію той сферы, въ которой держатся эти разсказы. Протестантство, вообще говоря, есть религія практическая, а не созерцательная. Протестантство ставитъ на первомъ планѣ добрыя дѣла, а не пламенность вѣры,—порядочную жизнь, а не мистическіе восторги. Оно отнимаетъ у грѣшника разрѣшеніе ему грѣховъ властью священства за одну искренность раскаянія. Оно оставляетъ человѣка наединѣ съ его совѣстью и съ его дѣлами: пусть судитъ самъ себя! Практическое направленіе протестантства поставило на первомъ планѣ проповѣдь, то-есть нравоученіе, а не молитву и не обрядъ. Вотъ почему протестантству не нужна помощь Рафаэля, Микель-Анджело, Палестрины, Гайдна, Бетховена, а вмѣсто искусствъ, очаровывающихъ всѣ чувства, нужна—грамотность, раскрывающая умъ. Изъ этого же слѣдуетъ, что у протестантства нѣтъ собственной поэзіи, но изъ этого не слѣдуетъ однако, что протестантство убиваетъ идеалъ. Вся разница въ томъ, что его идеалъ ближе къ жизни, чѣмъ мистическіе идеалы католицизма. Крайнія точки этихъ двухъ религіозныхъ направленій могутъ быть обозначены тамъ, гдѣ католическое вѣрованіе превращается въ изступленный фанатизмъ, то-есть не только въ восторги и видѣнія св. Терезы, но, пожалуй, и въ благословленіе кинжаловъ, и тамъ, гдѣ протестантское нравоученіе превращается въ полнѣйшую прозу: «уповай на Бога и храни сухимъ свой порохъ» (trust im God and keep your powder dry), какъ говаривалъ Кромвелль. Но, не доходя до крайности, въ предѣлахъ протестантства есть обильное поле для поэзіи, и притомъ поэзіи преимущественно человѣческаго характера. Католицизмъ только терпитъ семейство, протестантизмъ семейство поэтизируетъ, и дѣйствительно, въ протестанствѣ существуетъ какъ-бы особый культъ священныхъ отношеній, связей и воспоминаній семьи. Главная доля всей поэзіи, вмѣщаемой протестантизмомъ, какъ-бы кристаллизовалась вокругъ идеи семейства, этого перваго звена любви и солидарности человѣка со всею его расой. Религіозные корни лежатъ гораздо глубже и дѣйствуютъ гораздо могущественнѣе даже и въ современномъ обществѣ, чѣмъ думаютъ заурядные публицисты. Раз-

личіе догматовъ само по себѣ, конечно, нынѣ утратило непосредственное значеніе; но дѣло въ томъ, что различіе національныхъ характеровъ въ огромной степени обусловилось именно разностью религіозныхъ направленій. Вдаваться въ болѣе точное объясненіе этихъ различій здѣсь не мѣсто; но одинъ, характерный примѣръ намъ нуженъ, потому что онъ прямо идетъ къ нашему предмету. Величайшимъ праздникомъ въ году католицизмъ, то-есть католическіе народы признаютъ «свѣтлое воскресенье», и это естественно; въ священномъ преданіи, въ откровеніи, ихъ наиболѣе поражаетъ *чудесность*. Протестантство, то-есть всѣ народы протестантскіе величайшимъ праздникомъ въ году считаютъ «рождество», и это тоже вполнѣ естественно; имъ въ священномъ преданіи всего важнѣе — *реальный фактъ*. Пришествіе они празднуютъ болѣе, чѣмъ искупленіе. И замѣтьте, что это произошло не сознательно: ни католическіе отцы, ни протестантскіе учители не опредѣляли, какой праздникъ важнѣе: но все направленіе того и другого міросозерцанія логично сказалось въ этомъ именно предпочтеніи одного праздника другому.

Надо близко знать жизнь германскую или англійскую, чтобы понимать все значеніе Рождества въ протестантскихъ странахъ. Вся поэзія протестантизма, сосредоточиваясь, какъ мы уже сказали, преимущественно на идеѣ семьи, срослась съ Рождествомъ, праздникомъ дѣтей, въ воспоминаніе о виѳлеемскомъ Младенцѣ. Въ семьѣ протестантской, можно сказать, Рождество и есть единственный праздникъ, которому доселѣ посвящаются разные домашніе обряды и обычаи, разныя семейныя традиціи и воспоминанія. Прочіе праздники для протестантской семьи просто — рекреаціонные дни. Одно Рождество въ ней соблюдается свято и идеализируется до высшей степени, потому именно, что это — праздникъ самой семьи, праздникъ домашняго очага. Всей поэзіи, всего глубокаго значенія Рождества въ протестантскихъ земляхъ иноземцамъ нельзя понять [1]). Когда, зимою 1870 года, въ нѣмецкихъ газетахъ выражалось сожалѣніе о «воинахъ, стоящихъ далеко, во Франціи, лишенныхъ участія въ Christabend и Weinachtsbaum», то у насъ многіе смѣялись, не безъ оттѣнка негодованія, надъ такой нѣмецкой сентиментальностью: «полутора-милліонное населеніе Парижа терпитъ голодъ, а нѣмцы жалѣютъ своихъ братьевъ,

---

[1]) Это достаточно подтверждается полнымъ отсутствіемъ смысла рождественской „ёлки“ у насъ, несмотря на распространенность этого обычая въ среднемъ кругу. У насъ бываетъ ёлка, все равно, на Рождество или на Новый годъ, бываетъ ёлка *въ клубахъ*, бываетъ даже *холостая* ёлка (?!), какъ-бы въ отрицаніе самой идеи этого германскаго семейнаго обряда.

которые жгутъ Базейлль, но не получаютъ подарка подъ ёлкой». Вотъ какъ трудно понять чужой нравственный міръ. Дѣло въ томъ, что Christabend, Christmas соединяютъ всѣхъ членовъ семьи, которые иногда издалека съѣзжаются, чтобы освятить свою родственную связь, свою солидарность; нѣмцамъ было совершенно естественно жалѣть объ отсутствующихъ, лишенныхъ привѣта и ласкъ матерей, дѣтей, женъ, и нѣтъ сомнѣнія, что нѣмцы, стоявшіе во Франціи, глубоко чувствовали это лишеніе.

За всѣми предшествующими объясненіями намъ уже нѣтъ нужды повторять, почему Диккенсъ, избравшій цѣлью всей своей дѣятельности, всего своего творчества, защиту слабыхъ и бѣдныхъ, примѣняясь съ одной стороны къ особенностямъ своего таланта, а съ другой къ условіямъ той страны, въ которой онъ жилъ, непремѣнно долженъ былъ обратиться, между прочимъ и къ формѣ сказки и притомъ именно *рождественской* сказки, а также почему эта форма удалась ему въ такомъ совершенствѣ и имѣла громадный успѣхъ, неоцѣнимое, конечно, но несомнѣнное вліяніе на общество. За первымъ рождественскимъ разсказомъ — Christmas Carol, послѣдовалъ въ слѣдующіе годы рядъ такихъ разсказовъ: Chimes, Cricket, Battle of Life, Haunted man, Dr. Marigold's-Prescriptions, No thoroughfare. Съ перваго же разсказа, который мы взяли, въ примѣръ, и который вышелъ въ 1843 году, Диккенсъ и по собственному желанію, и вслѣдствіе цѣлой массы заявленій изъ общества, рѣшилъ на каждое Рождество давать такой разсказъ, что, разумѣется, исполнялось не буквально, то-есть не каждый годъ.

II.

Успѣхъ перваго разсказа и многихъ изъ послѣдующихъ въ отношеніи нравственномъ былъ громадный. «Благословеніе на васъ», писалъ Диккенсу извѣстный юристъ, лордъ Джеффри: «вы должны быть счастливы сами, такъ какъ можно сказать съ увѣренностью, что этимъ маленькимъ изданіемъ (Christmas Carol) вы сдѣлали болѣе добра, возбудили болѣе добрыхъ чувствъ и вызвали болѣе благодѣяній, чѣмъ ихъ произведено было всѣми амвонами и конфессіоналами христіанскаго міра съ самаго прошлогодняго Рождества и до сихъ поръ». Тэккерей отозвался о «Christmas Carol» такъ: «возможны ли какія-либо возраженія относительно такой книги? Я вижу въ ней благодѣяніе, оказанное цѣлой націи, и добрую услугу, оказанную авторомъ лично каждому читателю». Но этихъ отзывовъ мало: «на автора,—говоритъ Форстеръ,—по-

сыпались отовсюду ежедневно, во все продолженіе святокъ, письма отъ совершенно незнакомыхъ ему людей, которыя доставляли ему большое наслажденіе; письма совсѣмъ не литературнаго, но чисто домашняго, самаго наивнаго свойства; общее содержаніе ихъ сводилось къ тому, что сообщало ему разныя подробности о томъ, какъ книга его читалась вслухъ въ семействахъ корреспондентовъ, какое произвела дѣйствіе, какъ ее будутъ хранить на особой завѣтной полкѣ, и сколько ожидается отъ нея всевозможныхъ хорошихъ послѣдствій». Первое изданіе «Пѣсни Рождеству» было выпущено всего въ 6000 экземплярахъ и раскуплено въ первый же день; въ теченіи года этотъ разсказъ разошелся въ 15 тысячахъ экземпляровъ. Послѣдующіе же рождественскіе разсказы расходились въ этомъ числѣ въ первые же дни послѣ своего появленія. Отъ продажи Christmas Carol Диккенсъ выручилъ чистой прибыли всего 726 фунтовъ, что было, конечно, весьма недостаточно. Но на первомъ изданіи онъ получилъ прибыли всего 230 фунтовъ, между тѣмъ какъ его разсчетъ былъ сдѣланъ на сумму вдвое бо́льшую. Вдобавокъ къ неудачѣ «Чёзльуита», новая неудача поразила Диккенса. Такимъ образомъ, среди громаднаго литературнаго успѣха, Диккенсъ писалъ: «я думалъ, что не обойдусь безъ лихорадки... мои долги, сдѣланные за цѣлый годъ, остаются неуплаченными, а они таковы, что мнѣ надо будетъ собрать всю свою энергію и рѣшимость для того, чтобы развязать себѣ руки, прежде чѣмъ уѣду — а если буду живъ непремѣнно уѣду въ іюнѣ... Если не сокращу своихъ расходовъ, то разорюсь совершенно уже непоправимымъ образомъ».

Ошибка разсчета состояла въ томъ, что первыя сказки Диккенса не были разсчитаны на громадное число покупателей, а потому изданіе и обошлось дорого. Впослѣдствіи, онъ продавалъ рождественскіе разсказы по нѣскольку пенсовъ и печаталъ ихъ въ несравненно большемъ числѣ экземпляровъ. Такъ, разсказъ на рождество 1865 года разошелся въ первую недѣлю въ невѣроятномъ для насъ числѣ—250 тысячъ экземпляровъ! Матеріальныя неудачи при изданіи «Чёзльуита» и первой сказки побудили Диккенса ѣхать за-границу. Для разсчетливыхъ хозяевъ, которымъ чужды условія литературной работы, должна быть удивительна такая логика: испытавъ неудачу въ разсчетѣ, не получивъ отъ труда ожидаемыхъ результатовъ — оставлять работу, уѣзжать за-границу. Но логика тутъ была, потому именно, что условія литературнаго труда — и въ особенности въ области чистаго творчества — совершенно своеобразны и не похожи на условія иныхъ отраслей труда. Когда «Чёзльуитъ» былъ сперва принятъ хо-

лодно и только мало-по-малу, не вслѣдствіе импульса самого читающаго міра, а только подъ вліяніемъ компетентныхъ отзывовъ, сталъ привлекать къ себѣ покупателей и почитателей, Диккенсъ писалъ: «эта книга даетъ мнѣ предостереженіе, что если только мнѣ возможно на время сойти со сцены, то слѣдуетъ сдѣлать это теперь же. Кромѣ этого соображенія, я чувствую потребность отдохнуть. Вы говорите—можно отдохнуть два или три мѣсяца, но говорите такъ потому, что привыкли въ теченіи восьми лѣтъ видѣть меня вѣчно за работой. Такого отдыха мало, такъ нельзя продолжать, напрягая мозгъ такимъ образомъ постоянно. Самое увлеченіе, съ какимъ работаешь, прекращаясь съ работою, оставляетъ позади себя ужасное уныніе; такая смѣна, если она слишкомъ часто повторяется, непремѣнно должна быть вредна умственнымъ силамъ. Чего бы не далъ Скоттъ впослѣдствіи за своевременную добровольную рѣшимость отдохнуть въ путешествіи, если бы успѣлъ сдѣлать это въ молодые годы, вмѣсто того, чтобы тащиться за-границу тогда, когда уже онъ сталъ заговариваться, когда онъ уже былъ близокъ къ разрушенію!» Далѣе, упомянувъ о сдѣлкахъ съ издателями Брадбэри и Ивэнсъ, по поводу путешествія, Диккенсъ замѣчаетъ... «Если поставить вопросъ даже чисто-коммерческимъ образомъ, то и въ этомъ смыслѣ не лучше ли будетъ для меня удалиться на годъ, да вдобавокъ обогатиться массою новыхъ впечатлѣній?»

Диккенсъ хотѣлъ ѣхать на годъ въ Италію, Форстеръ отговаривалъ его. Но послѣдствія показали, что Диккенсъ былъ правъ. Да и кто, кромѣ самого поэта, артиста, писателя, можетъ быть судьею въ такомъ дѣлѣ; кто можетъ оцѣнить значеніе ихъ умственныхъ потребностей? Для этого надо непосредственно сознавать, въ какомъ состояніи находятся струны того невидимаго инструмента, котораго звуки всѣмъ доступны, но устройство остается тайной для всѣхъ. Примѣръ Вальтера Скотта, на который ссылался Диккенсъ, былъ приведенъ имъ кстати: знаменитый романистъ умеръ прямо оттого, что насилилъ и истощилъ свои умственныя силы чрезмѣрнымъ трудомъ, къ которому его принудило банкротство его издателей и громадный долгъ, который палъ на него за нихъ. Вальтеру Скотту было уже 60 лѣтъ, когда, въ 1831 году, онъ собрался за-границу, «потащился» въ Италію. Но было слишкомъ поздно; изъ Италіи онъ возвратился домой, чтобы умереть на родинѣ. Что касается обогащенія своего умственнаго запаса новыми впечатлѣніями, то и въ этомъ отношеніи Диккенсъ былъ правъ. Мы узнаемъ отъ Форстера, ближайшаго его друга, что какъ первое путешествіе въ Америку,

2*

такъ и второе въ Италію, много способствовали развитію Диккенса: ими онъ пополнилъ свое образованіе, которое было случайное и, по выраженію Форстера, путешествія сообщали ему болѣе широкій взглядъ на людей и на вещи.

Отправившись за границу въ іюлѣ 1844 года, Диккенсъ уже изъ Марсели писалъ: «Поставленный въ средѣ совершенно новыхъ для меня вещей и обстоятельствъ, я чувствую, какъ будто у меня на плечахъ выростаетъ другая голова, рядомъ со старою». Онъ поселился въ Генуѣ, и оттуда предпринималъ поѣздки по Италіи. Сардинскія власти оказали ему всякое вниманіе, такъ что онъ не подвергся разнымъ, существовавшимъ въ то время въ Сардиніи, таможеннымъ и полицейскимъ стѣсненіямъ. Однако, и въ Италіи онъ скоро принялся за работу. Онъ сталъ писать новую сказку на Рождество. Въ это время онъ жилъ въ Италіи, среди новой для него природы, заботливо изучалъ физіономіи и типы людей и городовъ, приходилъ въ неописанный восторгъ отъ Венеціи; жилъ въ Генуѣ въ великолѣпномъ домѣ—«палаццо Пескіере», платя за квартиру 500 франковъ въ мѣсяцъ, но въ глубинѣ его души оставалось все то же сознаніе, что онъ когда-то былъ бѣдный, заброшенный мальчикъ-чернорабочій, и все та же мысль, что достаточные классы въ Англіи въ дѣйствительности не знаютъ бѣдныхъ, хотя и много занимаются «облагодѣтельствованіемъ» и въ особенности «исправленіемъ» ихъ, «приведеніемъ ихъ къ вѣрѣ» и «искорененіемъ» въ нихъ безконечныхъ пороковъ и преступленій, спеціально приписываемыхъ бѣднымъ классамъ. Повѣсть, за которую онъ принялся въ палаццо Пескіере, получила названіе «Колокольный звонъ». Предварительный очеркъ ея, набросанный Диккенсомъ въ письмѣ, которое Форстеръ приводитъ, самъ по себѣ такъ же хорошъ, такъ же поэтиченъ и изященъ по формѣ, какъ сама повѣсть; размѣры его не позволяютъ намъ его привести, а сокращать его нельзя. Герои этого разсказа все тѣ же; со славою итальянскаго искусства, съ величіемъ воспоминаній Италіи и красотою ея природы, съ дожами и лимонными деревьями, они не имѣютъ ничего общаго. Это — бѣдный мальчикъ Тоби или Тротти, посыльный, который стоитъ у церкви, ожидая порученій и бьетъ себя по желудку, чтобы согрѣть его; другія лица принадлежатъ къ той же средѣ. Но есть и другая сторона — сэръ Джозефъ, богатый баронетъ, который спеціально занимается благодѣтельствомъ, и отлично зная неисправимую природу бѣдныхъ, не ждетъ отъ нихъ ничего, кромѣ черной неблагодарности; судья ольдерменъ Кютъ, который всѣ свои приговоры сводитъ къ цѣлямъ «искорененія» разныхъ пороковъ и преступ-

леній; онъ глубоко убѣжденъ въ необходимости «искоренить» бродяжничество, нищенство, самоубійство. Систематической строгостью приговоровъ онъ надѣется достигнуть того, что попытокъ къ самоубійству, напримѣръ, болѣе не будетъ. Есть еще мистеръ Фэйлеръ, купецъ, необыкновенно дѣловой и практическій человѣкъ, у котораго основной принципъ тотъ, что человѣкъ долженъ быть «въ разсчетѣ» самъ съ собой и съ другими; что къ новому году необходимо очистить всѣ счеты и заключить книги, такъ чтобы начать новыя книги и вести ихъ и дѣла съ прежней аккуратностью: съ точностью требуя уплаты себѣ и уплачивая съ точностью ближнимъ. Значеніе Рождества и Новаго года для него въ томъ и заключается, что это время спеціально напоминаетъ о такихъ обязанностяхъ человѣчества; и человѣчество должно ихъ исполнять, а тотъ, кто исполнять ихъ не можетъ, кто не можетъ очистить счеты и начать, за разсчетомъ, новыя книги, тотъ не имѣетъ никакого участія въ этой торжественной порѣ года, и собственно говоря, едвали имѣетъ право принадлежать и къ человѣчеству. Посыльному мальчику Тоби приходится видѣть этихъ людей и слышать ихъ разговоры. Прозябшій на вѣтрѣ, истомленный, идетъ онъ домой, погруженный въ уныніе, несмотря на звонъ колоколовъ, возвѣщающихъ праздникъ. Дѣло въ томъ, что никакого особеннаго праздника и не предстоитъ маленькому пролетарію. И вотъ, подъ вліяніемъ слышанныхъ рѣчей, мальчикъ Тоби приходитъ и самъ къ мысли, что подобнымъ ему нѣтъ мѣста въ жизни, что, не имѣя возможности «быть въ разсчетѣ», они не исполняютъ никакого назначенія, а составляютъ бремя и больше ничего; хотя ребенокъ, онъ уже достаточно видѣлъ тѣхъ пороковъ, которыми корятъ бѣдныхъ, и легко убѣждается, что бѣдные люди вообще дурные люди, что погибаютъ они по своей винѣ и что эти люди напрасно родились и хорошо сдѣлаютъ, если умрутъ. Вотъ постановка дѣла въ этомъ разсказѣ, и мы напоминаемъ о ней, потому что въ ней выражается не только общественное значеніе всей дѣятельности Диккенса, какъ писателя, но и самая глубокая, самая задушевная мысль его, какъ человѣка, — мысль, никогда его непокидавшая.

Онъ хотѣлъ уменьшить этотъ контрастъ, этотъ бѣдственный разладъ, и высшей цѣлью его честолюбія было убѣдить достаточные, самодовольные классы, что они ошибаются, что они не знаютъ бѣдныхъ, преувеличиваютъ природную ихъ испорченность, преувеличиваютъ вмѣняемость пороковъ въ той средѣ, которая лишена и средствъ къ жизни, и всякой нравственной поддержки, и что презрѣніе, жесткость, съ какими относятся къ этому бѣд-

ному народу сами его благотворители, съ каждой коркой хлѣба отпускають порцію еще бо́льшаго униженія и нравственнаго паденія. Такова была главная цѣль Диккенса во всѣхъ важнѣйшихъ его произведеніяхъ. Но рождественскія сказки его имѣли еще и другую сторону: такъ какъ, по дешевизнѣ своей, онѣ должны были проникать и въ слои, граничащіе съ бѣдностью, то въ нихъ Диккенсъ, вмѣстѣ со словомъ увѣщанія богатымъ, говорилъ слово ободренія «лишеннымъ наслѣдства». Такъ, все развитіе повѣсти «Колокольный звонъ» посвящено тому, чтобы утѣшить бѣднаго Тоби, доказать ему, что сэръ Джозефъ и ольдерменъ Кютъ вовсе не такъ правы, даже не такъ точны въ исполненіи собственныхъ своихъ обязанностей, какъ показываетъ видъ ихъ самодовольства, и что онъ, Тоби, вовсе не такъ виноватъ, родившись на свѣтъ и оставаясь въ немъ; что онъ также имѣетъ право на жизнь, на мѣсто въ обществѣ, имѣетъ права и обязанности, имѣетъ и право на участіе въ праздникѣ, и даже большее право, чѣмъ многіе изъ «лучшихъ», чѣмъ онъ, по положенію, людей.

Задушевная мысль человѣка высказывается иногда случайнымъ замѣчаніемъ, случайной оговоркою въ бесѣдѣ съ близкимъ, по предмету совсѣмъ постороннему лучше, чѣмъ всякими предисловіями и введеніями. Основная мысль Диккенса никогда и не высказывалась въ предисловіяхъ и введеніяхъ, которыхъ у него вообще нѣтъ. Но она проглядываетъ во всемъ, что̀ онъ писалъ, а иногда съ рельефностью высказывается имъ самимъ неожиданно въ томъ или другомъ изъ его частныхъ писемъ, или въ интимномъ разговорѣ, посвященныхъ совершенно иному предмету. Такъ, выше уже сказано, что, путешествуя по Италіи для отдыха, Диккенсъ пришелъ въ необыкновенный восторгъ отъ Венеціи: «Когда, въ концѣ года, мы увидѣлись съ нимъ—говоритъ Форстеръ—онъ только что посѣтилъ Венецію и отзывался о ней, какъ о чудѣ; но я хорошо помню, какъ надъ всѣмъ у него возвышалась та надежда, та преобладающая страсть (master-passion), которая наполняла его душу. «Ахъ—сказалъ онъ мнѣ,—когда я видѣлъ эти мѣста, какъ мнѣ думалось, что если бы удалось наложить руку на время, прочно наложить свою руку на время, намѣтивъ на немъ хоть одну, но неизгладимую черту сочувствія къ массѣ рабочаго народа, то это значило бы стать выше праха всѣхъ дожей въ ихъ гробницахъ, стать на такую «лѣстницу гигантовъ», которой никакой Сампсонъ не могъ бы разрушить!» «Такова была честолюбивая мысль всей его жизни», прибавляетъ біографъ.

Но слово утѣшенія и ободренія, съ какимъ Диккенсъ обращался къ бѣднымъ, никогда не переходило въ приторную сен-

тиментальность, благодаря живости и энергіи ума поэта. Въ нѣжности штриховъ, въ дѣтской нѣжности звуковъ, онъ могъ заходить далѣе, чѣмъ какой-либо иной поэтъ, благодаря именно инымъ свойствамъ своего генія, благодаря разнообразію и богатству своихъ средствъ: юмору, въ которомъ свѣтилось иногда прелестное добродушіе, иногда проглядывала самая ѣдкая иронія, и силѣ открытаго негодованія, съ какою онъ, порою, внезапно обрушался на святошество, жестокосердіе и самодовольство, отбросивъ уже всякіе намеки. У него нѣтъ фальшивыхъ интонацій, и нѣжность у него всегда спасена отъ приторности достаточнымъ присутствіемъ горькаго элемента. Иначе Диккенсъ не могъ бы производить того громаднаго впечатлѣнія, какое онъ производилъ, ни на англичанъ, ни на насъ, такъ какъ и русскому нёбу горькій вкусъ рѣшительно пріятнѣе сладкаго, что доказывается всею нашею литературой. Припомнимъ, напримѣръ, тѣ аккорды, которыми онъ прелюдируетъ къ разсказу о бѣдномъ мальчикѣ Тоби. «Едвали много найдется людей—начинаетъ онъ,—которые охотно вызвались бы спать въ церкви; не говорю во время проповѣди, и когда тепло; нѣтъ, спать въ церкви ночью, совсѣмъ одному... потому что ночью вѣтеръ имѣетъ обыкновеніе блуждать вокругъ этихъ старыхъ зданій и съ тоскливымъ постояннымъ воемъ ходить пошатывая то дверь, то окно, отыскивая скважину, чтобы ворваться внутрь. А когда ворвется, то начинаетъ чего-то искать, роется, шаритъ, не находитъ и опять запросится вонъ, опять завоетъ и забьется, чтобъ выдти... Порывами бросается онъ подъ своды, будто хочетъ снять крышу, потомъ вдругъ въ отчаяніи спадаетъ на полъ и начинаетъ прошептываться внизъ, подъ камень, въ склепы. Ползетъ вдоль стѣнъ и останавливается, точно читаетъ надгробныя надписи, то будто плачетъ, то вдругъ взвизгнетъ, словно прочелъ что-то необыкновенно смѣшное. Остановится подъ сводомъ алтаря и начинаетъ дикимъ голосомъ отпѣвать какой-то псаломъ, точно могильную жалобу на всякаго рода преступленія, святотатства, идолопоклонства, презрѣніе къ скрижалямъ завѣта, которыя такъ прекрасны и гладки на первый взглядъ, но такъ часто надламываются и разбиваются ихъ толковниками»...

Работа увлекла его по обыкновенію и напрягла всѣ его силы. «Книжка эта,—писалъ онъ Форстеру,—опять повліяла на мой цвѣтъ лица. Щеки мои, начавшія округляться, опять впали, глаза опять стали огромны, волосы сдѣлались сухіе, а голова подъ волосами горяча и слегка кружится. Прочтите заключительную сцену третьей части. Я не взялся бы написать ее во второй разъ... При началѣ второй части я созналъ, что должно

случиться въ третьей части, и съ тѣхъ поръ я перечувствовалъ много горя и волненія, какъ будто это правда; иногда ночью просыпался подъ этимъ вліяніемъ. Вчера, когда кончилъ, то долженъ былъ скрываться въ своей комнатѣ, потому что лицо у меня распухло, возрасло вдвое, такъ что я представлялъ крайне смѣшной видъ... Иду гулять, чтобы освѣжить голову. Чувствую, что эта работа произвела во мнѣ нѣкоторое сотрясеніе, и бросаю перо на этотъ день». «Чернильное пятно» иллюстрировало это дѣйствіе, прибавляетъ Форстеръ, «а остальное—какъ говоритъ Гамлетъ—было покрыто молчаніемъ».

Диккенсъ нарочно пріѣхалъ въ Лондонъ въ ноябрѣ 1844 г., чтобы просмотрѣть послѣднюю корректуру этой повѣсти и попробовать посредствомъ чтенія въ тѣсномъ кружкѣ, какъ она будетъ принята публикою. Въ началѣ декабря, въ квартирѣ Форстера, состоялось это первое публичное чтеніе Диккенса. Оно было непохоже на позднѣйшія его публичныя чтенія въ Англіи и Америкѣ, такъ какъ аудиторія состояла не изъ тысячъ, а всего изъ девяти человѣкъ. Присутствовавшіе были писатели и артисты, въ числѣ ихъ Карлейль. Одинъ изъ нихъ, Маклейзъ, тутъ же набросалъ карандашемъ эскизъ этого засѣданія, и эскизъ этотъ отпечатанъ въ книгѣ Форстера. Изъ присутствовавшихъ въ собраніи теперь остались въ живыхъ только Карлейль и Форстеръ. Но хотя чтеніе передъ такой избранной аудиторіей и не могло быть названо, въ строгомъ смыслѣ, публичнымъ, тѣмъ не менѣе оно послужило, вѣроятно, какъ-бы зародышемъ для тѣхъ позднѣйшихъ чтеній, потому что, увидавъ, какъ сильно было впечатлѣніе, произведенное на этотъ тѣсный кружокъ, въ которомъ двое даже просто плакали, Диккенсъ не могъ не приписать части заслуги своему искусству читать.

Послѣ этого перваго чтенія Диккенсъ отправился въ Геную, и возвратился въ Англію, чрезъ Швейцарію, только полгода спустя, то-есть въ половинѣ 1845 года. Къ декабрю этого же года онъ написалъ новую сказку: «Сверчокъ» (The Cricket on the Hearth). Въ ней онъ не коснулся прямо общественныхъ отношеній, и соціальное значеніе этого разсказа состоитъ развѣ въ томъ, что въ немъ показывается, какая глубина и деликатность чувства возможна въ самой отдаленной отъ всякаго изящества средѣ, къ какой мягкости въ семейныхъ отношеніяхъ способна даже простая натура чернорабочаго. Нѣжность и преданность тяжеловатаго, простоватаго извощика къ молодой женѣ, въ которой онъ видитъ украшеніе и поэзію всего своего существованія, въ этомъ разсказѣ представлены мастерски и являются тѣмъ болѣе убѣдительными, что изображены въ формѣ, соотвѣтственной степени

развитія этого человѣка, такъ что онъ ни на минуту не противорѣчитъ своей формѣ, а между тѣмъ, въ немъ обнаруживается много сокровеннаго, духовнаго богатства, и отсюда самъ собою вытекаетъ выводъ, что даже само умственное развитіе въ сущности не обусловливаетъ такого неравенства между людьми, какъ то обыкновенно думаютъ. Такъ какъ этотъ разсказъ относится единственно къ области семейныхъ отношеній, то здѣсь представился просторъ для изображенія той чарующей силы, какая связана для сѣверныхъ расъ съ понятіемъ о своемъ *очагѣ*, *жилищѣ* (hearth, home). Совершенно естественно, что понятіе это пріобрѣло на сѣверѣ совсѣмъ иное значеніе, чѣмъ на югѣ. Южнаго жителя все манитъ изъ дому на улицу, на площадь; ему на открытомъ воздухѣ тепло и привольнѣе, чѣмъ взаперти. Природа физическая отражается на природѣ нравственной. Умственные интересы южнаго жители не сосредоточены дома; напротивъ, жилище для него скорѣе мѣсто, гдѣ онъ ѣстъ и спитъ и проводитъ время развѣ въ ненастье. Улица, площадь, овладѣли еще тысячелѣтіе тому назадъ его предками; онъ сжился съ улицами, онъ на нихъ живетъ, сидитъ, лежитъ, умственные интересы влекутъ его на улицу и на площадь. Сѣверному home соотвѣтствуетъ южное forum. Если онъ ощущаетъ религіозное настроеніе, онъ не садится дома за отцовскую библію, но входитъ въ великолѣпный храмъ во всякое время дня и удовлетворяетъ своему чувству на глазахъ народа, стало быть не столько углубляется въ созерцаніе, сколько совершаетъ обрядные акты молитвы. На улицахъ вѣчно толпа, не та громадная, вѣчно смѣняющаяся толпа, которая бѣжитъ по Cheapside'у или Strand'у, боясь опоздать на поѣздъ, нѣтъ—толпа гуляющихъ, состоящая все изъ тѣхъ же людей, толпа, которая никуда не спѣшитъ, но жадно передаетъ въ своей средѣ слухи, анекдоты, мнѣнія. На улицахъ сѣвера и сидѣть негдѣ, никто и не сидитъ, даже не отдыхаетъ. Улица на югѣ, это вѣчно полный клубъ. Немудрено, что и характеръ общественной дѣятельности здѣсь иной, чѣмъ на сѣверѣ. Вмѣсто того, чтобы изучать взаперти книги и записки объ общественныхъ дѣлахъ, и составлять себѣ о нихъ самостоятельное личное фактическое мнѣніе, южный житель судитъ о нихъ въ толпѣ, со всѣмъ легкомысліемъ и всею страстностью толпы. Толпу легко обмануть, легко овладѣть ея собирательнымъ умомъ; увлечь ее несравненно легче, чѣмъ убѣдить, покорить себѣ разсудительныхъ политическихъ домосѣдовъ сѣвера. Но за то, эта толпа несравненно легче переходитъ отъ словъ къ дѣлу; на той же самой улицѣ, служащей ей клубомъ, она вмигъ поставитъ

баррикады, прежде чѣмъ сѣверяне соберутся изъ жилищъ подписывать бумагу съ протестомъ. И сломить оппозицію на югѣ легче—стоить только «очистить» улицы и площади картечью. Самыя партіи на югѣ запечатлѣны характеромъ форума: человѣкъ принадлежитъ къ извѣстной партіи болѣе потому, что слѣдуетъ наслѣдственному знамени: сынъ помнитъ, гдѣ стоялъ отецъ, когда была свалка на улицѣ, и станетъ на той же сторонѣ; братъ мститъ «чернымъ», потому что они убили его брата, и «бѣлое» знамя, подъ которымъ его братъ палъ, для него—священное знамя. Вся исторія Рима и итальянскихъ республикъ, испанскихъ и южно-французскихъ муниципій, задумывалась и совершалась, однимъ словомъ, происходила на улицѣ, проявлялась обрядами и демонстраціями. Удивительно ли, что политика на югѣ заключается и до сихъ поръ преимущественно въ вопросѣ о политическихъ формахъ, гораздо болѣе, чѣмъ о дѣйствительномъ, практичномъ содержаніи и смыслѣ законовъ, опредѣляющихъ частную жизнь? Южный житель даже если захочетъ помечтать, уединиться, то выйдетъ изъ дому на набережную, подъ свѣтъ мѣсяца, или уйдетъ въ садъ, въ рощу, послушать соловьевъ. Отсюда и поэзія его, южная поэзія совсѣмъ иная, чѣмъ поэзія сѣвера. Южная поэзія есть поклоненіе реальной красотѣ—культъ природы, пѣснь о славныхъ дѣлахъ.

Совсѣмъ иной характеръ имѣетъ поэзія сѣвера, однимъ изъ блестящихъ представителей которой является Диккенсъ въ своихъ рождественскихъ сказкахъ. Вообще, родина сказки на сѣверѣ, какъ родина былины на югѣ. Улица, площадь, общественная жизнь, однимъ словомъ, для сѣверянъ это—трудъ, тяжкій трудъ надъ неблагодарною землею, подъ ненастнымъ небомъ, на холодномъ морѣ. Отдыхать отъ труда и «отъ всякой борьбы жизни» онъ идетъ домой; онъ отдыхаетъ тамъ, гдѣ грѣется, у очага. Лѣто на сѣверѣ наименѣе поэтическое время года, потому что это пора наибольшаго труда; il maggio, la fenaison, les vendanges—на югѣ это праздники, пора безумнаго веселья. У насъ, на сѣверѣ, эта пора называется «страдною», а праздники—посидѣлки, коляды, святки. Величайшій праздникъ протестантизма Christmas, Weihnachten, праздникъ семьи, семейнаго начала, непремѣнно долженъ былъ установиться зимой, въ самомъ сердцѣ зимы, потому что протестантизмъ—религія сѣвера, а сѣверъ, если когда отдыхаетъ, то именно въ глухую зиму. Естественно, что сказка, поэзія сѣвера, должна была избрать себѣ зимнюю декорацію: на дворѣ и кругомъ сугробы снѣга, темнота и вой вѣтра; въ избѣ, въ домѣ, у очага тепло и свѣтло. Здѣсь снята тяжелая одежда,

человѣкъ какъ-бы оттаялъ, раскрылся, и раскрылся именно для впечатлѣній семейныхъ. Не шумитъ ни Арно, ни «Гвадалквиръ»; но шумитъ, отрадно шумитъ самоваръ на столѣ; о соловьѣ нѣтъ и помину, но за очагомъ весело чикаетъ сверчокъ—the cricket on the hearth. «...Началъ музыку самоваръ, сверчокъ присоединился къ нему только впослѣдствіи; миссизъ Пирибингль, сидя въ раздумьѣ у очага, отлично понимала, что самоваръ пѣлъ о комъ-то, кого тутъ не было, но кто въ то время спѣшилъ сюда. Для нея было вполнѣ ясно, что журчанье самовара обращалось не къ тому, что было въ комнатѣ, а къ кому-то, кто долженъ былъ скоро прибыть. Ей была совершенно понятна пѣсня самовара, что кругомъ потёмки и туманъ, грязь, гололедица, что даже путевого столба не видно, такъ какъ онъ обмерзъ, что вода хотя и не замерзла еще, но уже подернулась; что все утратило свою естественную форму, а онъ идетъ, идетъ... Вотъ въ этомъ мѣстѣ, въ пѣсню вступился и сверчокъ, и такъ удивительно-громко, совсѣмъ несоотвѣтственно своему росту (какой ростъ у сверчка, вѣдь его и не видно), что еслибы онъ лопнулъ отъ напряженья и разсыпался бы на множество невидимыхъ кусочковъ, то это было бы не что иное, какъ естественный результатъ чрезмѣрной силы его голоса... Они продолжали пѣть дуэтъ и пѣли будто въ перегонку; вотъ сверчокъ опередилъ, а самоваръ пыхтя догоняетъ его, старается, усиленно ворчитъ, какъ большой волчокъ; вотъ сверчокъ какъ будто свернулъ за уголъ, и гонитъ, гонитъ; эй, самоваръ, не поддавайся... Боже, Джонъ! на что ты похожъ, въ эту погоду! сказала миссизъ Пирибингль, встрѣчая своего мужа. На бровяхъ его повисъ туманъ въ видѣ замерзшихъ капель, а подъ дѣйствіемъ огня и вмѣстѣ сырости, являлась какая-то радуга, проникавшая даже ему въ бакенбарды.—Да, душка, медленно проговорилъ Джонъ, разматывая шарфъ, которымъ былъ повязанъ, и грѣя руки—дѣло не лѣтнее; поэтому неудивительно».

Поэзія сѣвера—поэзія созерцанія, углубленія въ себя; въ этой сказкѣ, которую мы привели, являются феи, призраки; реальны въ этой поэзіи только личныя чувства; природа отсутствуетъ или только давитъ, пугаетъ. А потому счастливымъ должно признать тотъ сѣверъ, которому протестантизмъ далъ грамоту, книгу, просвѣтилъ созерцаніе и сдѣлалъ доступною иную, тоже реальную поэзію, именно поэзію очага, то-есть святость семейныхъ отношеній.

Въ произведеніяхъ Диккенса легко найти сцены болѣе драматичныя, мысли болѣе цѣнныя для успѣховъ человѣчества вообще, чѣмъ въ этомъ маленькомъ разсказѣ; но въ нихъ нѣтъ ничего

болѣе прелестнаго и вмѣстѣ простого и глубоко-патетическаго, чѣмъ эта сказка «Сверчокъ за очагомъ».

Въ то самое время, когда Диккенсъ писалъ The Cricket, онъ предпринялъ-было трудъ совсѣмъ иного рода, именно редакцію новой большой ежедневной газеты. Форстеръ сильно отговаривалъ его отъ этого предпріятія между прочимъ и потому, что усиленный трудъ слишкомъ вредно отзывался на здоровьѣ Диккенса. «Правда, только впослѣдствіи открылось,—говоритъ біографъ, —какъ дорого обходилась Диккенсу въ отношеніи не только умственномъ, но и физическомъ, жизнь его воображенія; но я уже и въ то время (1845) имѣлъ понятіе о томъ достаточное, чтобы сомнѣваться въ благоразуміи такого новаго предпріятія. Во всякой умственной работѣ, его воля, устремясь къ какой-либо данной цѣли, такъ сильно господствовала надъ всѣмъ прочимъ, что онъ никогда достаточно не берегъ своихъ силъ, не измѣрялъ во что ему обойдется это напряженіе и безсознательно расходовалъ многое, въ чемъ и безъ того нуждался. Публикѣ, которая наслаждалась его трудомъ, самое производство этого труда могло казаться столь же легкимъ, какъ наслажденіе имъ; но въ дѣйствительности едва ли кому такъ дорого обходилось всякое напряженіе ума. Привычки его, образъ жизни, обнаруживали бодрость; но здоровье его не было крѣпко; эта тайна разоблачилась передо мной еще прежде его путешествія въ Америку; но самъ онъ, до конца, упорно отрицалъ тотъ фактъ, что успѣхи, торжество его, были куплены имъ огромной цѣною». Приведемъ нѣсколько строкъ самого Диккенса, написанныхъ въ то время, когда онъ работалъ надъ Cricket: «...мнѣ было такъ нехорошо сегодня поутру, отъ головокруженія и головной боли, и всякихъ непріятностей, что я всталъ не ранѣе полудня... Это вѣроятно оттого, что я пересталъ гулять, голова кружится, какъ будто я пьянъ, и глаза нехороши, я худо вижу». Диккенсъ настоялъ на своемъ, и газета «Daily News» была основана по его программѣ, и съ его именемъ, которое и было первоначальной рекомендаціею для журнала; написалъ Диккенсъ для «Daily News» не много, но весь первоначальный колоритъ этой газеты сообщенъ былъ ей Диккенсомъ. Первый нумеръ «Daily News» вышелъ въ памятную эпоху, именно во время внесенія Пилемъ закона объ отмѣнѣ пошлинъ съ привознаго хлѣба. Впрочемъ, разныя условія, поставленныя издателями, лишили дѣло редактированія газеты всякой привлекательности для Диккенса, а потому редакторство его и было очень кратковременно. Послѣ него, и тоже весьма короткое время, редакторомъ «Daily News» былъ Форстеръ. Стóитъ привести двѣ,

сохраненныя Форстеромъ записки, изъ которыхъ одна обозначаетъ начало редакторства Диккенса (выпускъ перваго нумера), а другая—конецъ этого редакторства: «21-го января 1846 г., 6 часовъ утра; передъ уходомъ домой; мы печатали три четверти часа и вышли раньше, чѣмъ «Times». Вторая записка гласитъ: «9-го февраля; усталъ до смерти и совершенно истощенъ; я только-что отказался отъ редакторства». Въ первыхъ нумерахъ «Daily News» были помѣщены путевыя замѣтки Диккенса объ Италіи (Pictures from Italy); начавъ печатаніе ихъ въ газетѣ, онъ не могъ совсѣмъ оставить ея, а потому согласился до окончанія публикаціи этихъ очерковъ давать и другія статьи, соціальнаго характера. Статьи эти относились между прочимъ къ «школамъ оборвышей (Ragged schools) и къ всенародной казни». По отзыву біографа, всѣ эти статьи были написаны съ замѣчательнымъ искусствомъ. Послѣ этой неудачи съ газетою, Диккенсъ уѣхалъ съ семействомъ въ Швейцарію и поселился въ Лозаннѣ, на берегу озера, въ домѣ съ балкономъ, откуда видѣнъ былъ зáмокъ Шильонъ. Здѣсь онъ началъ «Домби» и новую сказку на Рождество «Борьба жизни» (Battle of life). Обѣ эти вещи онъ задумалъ въ одно время, но отложилъ сперва сказку до тѣхъ поръ, когда большая работа, т.-е. «Домби» будетъ «поставлена на ноги»; къ концу лѣта два мѣсячныхъ выпуска «Домби» были готовы, и тогда онъ принялся за сказку.

III.

Эта усвоенная Диккенсомъ манера вести одновременно двѣ работы, писать большой романъ съ широко-задуманнымъ планомъ и сложнымъ механизмомъ, котораго отдѣльныя части, впрочемъ, измѣнялись на самомъ ходу работы,—и «отдыхать» отъ этого серьёзнаго труда въ легкихъ сказочныхъ эскизахъ, имѣла немаловажныя достоинства, которыхъ, повидимому, не сознаетъ Форстеръ, обращающій главное вниманіе на то, что Диккенсу не слѣдовало чрезмѣрно напрягать своихъ силъ и изнурять себя работою.

Дѣло въ томъ, что талантъ Диккенса былъ слишкомъ богатъ или, если угодно — поэтическая вена въ немъ била слишкомъ сильно для правильной выработки большихъ романовъ. Это можетъ показаться парадоксомъ, но вовсе не есть парадоксъ. Въ романѣ, какъ и въ драматическомъ творчествѣ, недостаточно имѣть опредѣленную идею и необходимую силу творчества. Это, такъ

сказать, только мелодіи для той партитуры, которую требуется скомпонировать. Условія живости, движенія, новости положеній въ драмѣ, а въ романѣ цѣльности и разнообразія хода дѣйствія, пропорціональности частей и т. п. — имѣютъ въ значительной степени механическій характеръ и правильное, по возможности совершенное соблюденіе такихъ условій требуетъ болѣе организаціоннаго таланта, хладнокровнаго разсчета, чѣмъ силы творчества и поэтическаго жара. Мы знаемъ, что Диккенсъ, когда писалъ отдѣльныя сцены, увлекался ими до такой степени, что руки у него тряслись и онъ плакалъ, впадая въ нервное состояніе, просто дѣлался нездоровъ. Мы знаемъ, что съ своими типами онъ сживался совершенно, сживался до такой степени, что ему невыразимо грустно было оканчивать каждое изъ большихъ своихъ произведеній. Сверхъ всего этого, мы знаемъ, что у Диккенса было много чисто-лирическаго настроенія, особая наклонность къ неопредѣленности, къ полумраку, полусвѣту, полуобразамъ, къ полусознаннымъ душею представленіямъ. Какъ могъ писатель съ такими свойствами создать такія правильныя и сложныя картины, какъ, напр., «Домби», съ полнымъ соблюденіемъ правды не только жизненной, но и литературной, то-есть правды въ развитіи хода дѣйствія; какъ могъ онъ соблюсти хладнокровный разсчетъ, никогда не пожертвовать правдою своему пристрастію къ какому-либо любимому типу, избѣгнуть лирическихъ отступленій, наконецъ, придать своимъ главнымъ типамъ ту неизмѣнную рельефность, а иногда рѣзкость, которую они имѣютъ и которую они всегда сохраняютъ до самаго конца? Провѣряя книгу Форстера, которая повѣствуетъ какъ Диккенсъ писалъ—самыми произведеніями этого писателя, мы убѣждаемся, что «Чёзльуитъ» могъ быть Чёзльуитомъ, а «Домби» вышелъ Домби потому именно, что когда Диккенсъ писалъ ихъ, онъ писалъ въ то же время «Пѣснь о Рождествѣ» и «Борьбу жизни», то-есть сказки. Сюда долженъ былъ выливаться весь излишекъ его поэтической силы, его страсти къ полусознаннымъ образамъ, его аккорды изъ тѣхъ же полу-сверхъестественныхъ сочетаній и оборотовъ, которые такъ поражаютъ у Бетховена. Этимъ онъ какъ-бы отрезвлялся для той большой работы, которая требовала отъ него умственной дисциплины въ творчествѣ, требовала самоограниченія, такта никакъ не менѣе, чѣмъ воображенія, и предъявляла большой запросъ не на поэтическія, а на сатирическія его силы. Вотъ почему мы думаемъ, что Диккенсъ не могъ поступать иначе, чѣмъ поступалъ онъ, соединяя обработку большого романа съ импровизаціею фантастическихъ разсказовъ.

Это распредѣленіе его умственныхъ силъ на двѣ различныя работы не трудно доказать сличеніемъ каждой сказки съ каждымъ романомъ. При такомъ сличеніи окажется, что чѣмъ болѣе простора онъ давалъ своей фантазіи и своему поэтическому жару въ сказкѣ, тѣмъ въ романѣ, писавшемся одновременно, свободнѣе, сильнѣе, чище выступали другія свойства: обдуманность, правильность отношенія эпизодовъ ко всему дѣйствію, и сатирическая ѣдкость. Тотъ романъ, который наиболѣе отличается всѣми этими послѣдними условіями, въ которомъ наиболѣе соблюдена правильность, и наименѣе лиризма и особенно ѣдка сатира въ личныхъ типахъ, это—«Чёзльуитъ», который самимъ Диккенсомъ, а также Форстеромъ признавался за самое совершенное въ литературномъ отношеніи изъ всѣхъ его произведеній. Этотъ романъ писался въ одно время, съ «пѣснью Рождеству», сказкою, въ которой Диккенсъ далъ въ первый разъ полную волю игрѣ своей фантазіи и въ которой онъ проявилъ несравненный лирическій жаръ. Романъ «Домби и Сынъ», по широкому развитію страсти, превосходитъ всѣ романы Диккенса; но компоновка его далеко не такъ правильна, какъ въ «Чёзльуитѣ»; развитіе его въ весьма важныхъ моментахъ произвольно, и какъ мы видимъ изъ самой исторіи сочиненія этого романа, шло случайно. Такъ та чудная, чисто сказочная, по своему лирическому богатству, поэма о маленькомъ Полѣ, сынѣ богача Домби, представляетъ совершенство сама по себѣ, но занимаетъ такое мѣсто въ цѣломъ, которое несоотвѣтственно эпизоду и по тону своему совершенно не подходитъ къ рѣзкой инструментовкѣ остального. Еслибы Диккенсъ съ самаго начала достовѣрно зналъ, что Поль умретъ, то онъ не придалъ бы этой части такихъ громадныхъ размѣровъ; у Форстера мы узнаемъ, что когда онъ уже рѣшилъ въ своемъ умѣ, что Поль долженъ умереть, то все еще на нѣсколько выпусковъ, то-есть, мѣсяцевъ работы, откладывалъ его смерть. Явно, что уму его слишкомъ привольно было въ этой, родной области дѣтскихъ полусознательныхъ образовъ и думъ и что именно поэтическая сила держала его здѣсь въ неволѣ. Такъ и другой, важнѣйшій эпизодъ въ «Домби», бѣгство второй жены его съ ненавистнымъ Каркеромъ, обладателемъ такихъ красивыхъ и необыкновенно-выразительныхъ зубовъ—этотъ важнѣйшій эпизодъ, обозначающій собою поворотъ въ жизни Домби, получилъ ту, а не другую развязку случайно. Извѣстный въ юридическомъ и литературномъ мірѣ Англіи лордъ Джеффри, котораго Диккенсъ очень уважалъ, и который признавался присяжнымъ критикомъ Диккенса (его critic laureate, какъ называлъ себя самъ Джеффри), написалъ

Диккенсу, что «не можетъ быть, чтобы Эдиѳь сдѣлалась любовницей Каркера»... «Сегодня письмо отъ Джеффри», пишетъ Диккенсъ Форстеру, «который не хочетъ вѣрить (положительно отказывается повѣрить), чтобы Эдиѳь была любовницей Каркера. Какъ вы думаете, не сдѣлать ли такой оборотъ, что она въ страшной сценѣ съ нимъ вдругъ открываетъ ему, что онъ ошибся, что *этого* она вовсе не имѣла въ намѣреніи?» «Такъ и было сдѣлано», говоритъ Форстеръ. Эта переписка происходила тогда, когда четырнадцатый выпускъ, въ которомъ состоялось бѣгство Эдиѳи съ Каркеромъ, уже вышелъ въ свѣтъ и писался пятнадцатый выпускъ. Стало быть самъ Диккенсъ сперва предполагалъ, что Эдиѳь, хотя и ненавидитъ Каркера, но рѣшившись бѣжать съ довѣреннымъ человѣкомъ своего мужа, съ человѣкомъ, который былъ въ рукахъ мужа бичемъ для ея гордости, для того, чтобы вдвойнѣ уязвить мужа, — въ дѣйствительности сдѣлается «любовницей» Каркера.

Этотъ недостатокъ пропорціональности и обдуманности въ «Домби», съ избыткомъ лирическаго элемента въ первой его части — фактически объясняются ходомъ другой, одновременной работы Диккенса, именно рождественской повѣсти «Борьба жизни». Работа эта, что называется, «не клеилась»; Диккенсъ не далъ въ ней полнаго простора своей фантазіи, а напротивъ, стѣснилъ себя произвольно предвзятыми условіями. Сперва, неизвѣстно для чего, и когда онъ еще рѣшительно не зналъ, что̀ будетъ въ этой повѣсти, онъ выдумалъ себѣ, что «хорошо бы еслибы она имѣла какую-нибудь связь съ полемъ, на которомъ нѣкогда происходило сраженіе». Это былъ, очевидно, чистый капризъ. Но Диккенсъ упорно держался его, какъ это иногда случается съ писателями, совершенно безотчетно; и вотъ, въ самомъ дѣлѣ, онъ связалъ начало разсказа съ забытымъ полемъ битвы, то-есть съ тѣмъ мотивомъ, который является въ извѣстномъ монологѣ пушкинскаго Руслана. И сдѣлалъ онъ это совершенно напрасно, такъ какъ повѣсть совсѣмъ никакого отношенія къ битвѣ не имѣетъ. А между тѣмъ, самое названіе, заранѣе придуманное ей, вслѣдствіе такого каприза — the Battle of Life, непремѣнно должно было крайне стѣснять Диккенса при работѣ. «Борьба жизни» — тэма очевидно относившаяся къ совсѣмъ иной категоріи мыслей, тогда какъ у Диккенса подъ этимъ заглавіемъ вышла просто исторія самопожертвованія двухъ сестеръ, которыя обѣ любятъ одного человѣка, и каждая хочетъ пожертвовать своимъ счастьемъ для сестры. Вышло это такъ независимо отъ воли автора, который затѣмъ и былъ вынужденъ къ заглавію «Борьба жизни» прибавить другое, пояс-

нительное заглавіе «Любовная повѣсть», потому что иначе читатель ожидалъ бы отъ этого разсказа чего-либо совершенно иного, какъ ожидалъ сперва и самъ авторъ. Повѣсть эта граціозна, но вышла самой слабой изъ всѣхъ сказокъ Диккенса и даже вовсе не похожа по тону на остальныя его сказки, потому, конечно, что она «дѣлалась», а не вылилась непосредственно изъ избытка фантазіи, потому что она—продуктъ разсчета, а не избытка вдохновенія. Любопытно для всякаго, кто интересуется процессомъ и условіями литературнаго творчества, любопытно видѣть, какъ поэтическая фантазія отмстила Диккенсу за такое насиліе надъ собою: онъ не далъ ей исхода въ сказкѣ, за то она могучими своими волнами затопила всю первую часть романа; разсчетъ, обдуманность были напрасно примѣнены къ сказкѣ, которая вслѣдствіе того вышла правильнымъ, но слабымъ романчикомъ; очевидно, самое названіе «Борьба жизни» требовало для себя именно большого, соціальнаго романа, а не любовной исторіи. Но за то воображеніе автора, богатство его души въ тонахъ сверхъестественно-освѣщенныхъ, въ дѣтскихъ полу-сознательныхъ мечтахъ, наконецъ, въ лирическомъ жарѣ, однимъ словомъ, во всемъ, что составляетъ прелесть сказокъ Диккенса, изгнали въ значительной мѣрѣ разсчетъ и обдуманность изъ романа «Домби» и выразились въ эпизодѣ маленькаго Поля съ такимъ просторомъ, съ такой полнотою, что составили изъ первой части «Домби» отдѣльную поэму, чудную, едва ли не самую прелестную изъ всѣхъ сказокъ Диккенса. Мы, поэтому, имѣемъ полное право исторію Поля въ романѣ «Домби и Сынъ» отнести къ категоріи сказокъ Диккенса, признать въ ней его рождественскую сказку 1846 года, а «Борьбу жизни» причислить, въ качествѣ романчика, къ другой категоріи произведеній Диккенса.

Неестественности взаимнаго отношенія, въ какое стали съ самаго начала эти двѣ одновременныя работы, Диккенсъ не могъ сознавать, но ея не сознаетъ и Форстеръ. Между тѣмъ, зная эту причину, вполнѣ яснымъ становится та умственная пытка, чрезъ которую прошелъ Диккенсъ въ то время, когда, живя въ Лозаннѣ, онъ писалъ «Домби» и усиливался создать свою «Борьбу жизни», но не могъ уяснить самъ себѣ своей задачи, и даже приходилъ въ отчаяніе и хотѣлъ-было совсѣмъ бросить сказку. Обдуманность этой сказки и вмѣстѣ стѣсненіе, слабость творчества удостовѣряются письмами Диккенса: «....сообщу вамъ удивительное извѣстіе;—боюсь, что сказки къ этому рождеству *вовсе не будетъ*... я уже написалъ треть ея, и она обѣщаетъ выйти хорошенькою; но вести ее безъ введенія сверхъестественнаго элемента—

который теперь уже не можетъ идти къ ней—и въ данныхъ размѣрахъ, крайне трудно; это такъ озабочиваетъ меня, что, имѣя въ то же время на рукахъ «Домби», я боюсь совсѣмъ истощиться, и затѣмъ быть не въ состояніи вернуться къ этой второй работѣ съ необходимой свѣжестью и силою. Еслибы у меня была только книга къ рождеству, я бы ее *сдѣлалъ*, но меня ужасно пугаетъ, что я не буду потомъ способенъ приняться за романъ. Я уже написалъ первую часть сказки; знаю заключеніе второй части и знаю всю третью (три только и будутъ). Знаю смыслъ каждаго характера и ту мысль, которую каждый изъ нихъ долженъ выражать. Но у меня не хватаетъ духа начать вторую часть. Не знаю отчего это такъ. Можетъ быть мнѣ, при постоянной работѣ въ этой тиши, недостаетъ именно того шума и стука, который служитъ развлеченіемъ. Обстоятельство, что обѣ книги я началъ вдругъ, безъ сомнѣнія, само создало затрудненіе; я убѣжденъ теперь, что не могъ бы сочинить Carol при самомъ началѣ «Чёзльуита», и приступить послѣ Chimes прямо къ другой книгѣ. Но совсѣмъ вѣрно то, что я чувствую себя нехорошо, чувствую и головокруженіе, и капризное уныніе. Сплю худо, вѣчно безпокоюсь и не могу отдѣлаться отъ мысли, что истощаю мозгъ романа и что мнѣ слѣдовало бы теперь просто отдыхать».

Итакъ, самъ Диккенсъ пришелъ къ убѣжденію, что писать разомъ двѣ вещи въ одномъ родѣ, различныя только по размѣрамъ, было неудобно; но это было потому именно, что обѣ эти вещи *были* въ дѣйствительности въ одномъ родѣ. Christmas Carol не помѣшалъ роману, съ которымъ писался одновременно: факты убѣждаютъ насъ въ томъ, независимо отъ такой или иной позднѣйшей догадки самого автора. И теперь, то-есть въ примѣненіи къ Dombey и Battle of Life, факты убѣждаютъ насъ, что не сказка мѣшала роману, какъ предполагалъ Диккенсъ, а наоборотъ, романъ убилъ сказку: стѣснивъ эту сказку произвольными рамками, изгнавъ изъ нея сверхъестественный элементъ, Диккенсъ лишилъ себя того спасительнаго «отвода», какой она должна была представить непреодолимой силѣ его воображенія, вслѣдствіе чего эта сила, сбросивъ всякую дисциплину, открыла себѣ исходъ въ первой части «Домби»; а затѣмъ сказки уже не для чего было писать—она уже была написана въ жизни и впечатлѣніяхъ маленькаго Поля. И въ самомъ дѣлѣ, повѣсть Battle of Life вышла слабою, въ сравненіи съ другими сказками, и мѣстами въ ней явны даже нѣкоторыя потуги, то-есть стремленіе прежними пріемами, оборотами замѣнить прежнюю силу творчества.

Между тѣмъ романъ, т.-е. «Домби», шелъ впередъ безъ вся-

каго затрудненія. Здѣсь, согрѣтый душевной теплотою и поэтическимъ просторомъ первой части, Диккенсъ шелъ далѣе съ увлеченіемъ. Всѣ главныя дѣйствующія лица были выведены имъ въ первой половинѣ романа, можно даже сказать въ первыхъ двухъ частяхъ, если поэму о маленькомъ Полѣ считать вступленіемъ. Мистеръ Домби, Флоренсія, Вальтеръ, Каркеръ, Эдиѳь — лица потрясающей драмы, и второстепенныя лица, актеры той остроумной, трогательной и типической комедіи, которая сопровождаетъ эту драму: приживалка миссъ Токсъ, глупый и добрый юноша Тутсъ, Соломонъ Гилльсъ—мастеръ математическихъ инструментовъ, другъ его, юмористическій добрый геній капитанъ Котль, преслѣдующая его хозяйка миссизъ Максъ-Стингеръ, Каркеръ старшій, извѣстный подъ названіемъ младшаго, багровый майоръ Багстокъ, отцвѣтшая красавица мать Эдиѳи, бойкая дѣвушка, нянька Сюзанъ Ниппёръ, семейство Тудлей—какая богатая галлерея мастерски очерченныхъ, вѣчно живущихъ типовъ, представляется здѣсь вслѣдъ за вступленіемъ, которое само уже знакомитъ съ многими изъ нихъ и сверхъ того украшено такими чудесными фигурами, какъ Поль, семейство Блимберовъ и миссизъ Пипчинъ. Въ этомъ романѣ, который по широтѣ драматическаго дѣйствія и богатству типовъ не имѣетъ себѣ равнаго, Диккенсъ въ два пріема развернулъ цѣлую армію рельефныхъ, энергически-задуманныхъ характеровъ въ боевую линію, которая, такъ сказать, уже при самомъ началѣ беретъ штурмомъ все вниманіе читателя и затѣмъ уже держитъ его въ плѣну до конца. Типы этого романа такъ рельефны и естественны, что публика не могла не дѣлать догадокъ насчетъ оригиналовъ ихъ. Но вотъ что говоритъ объ этомъ Форстеръ, который былъ свидѣтелемъ, какъ создавался самый романъ, очевидцемъ его развитія: «могу сказать съ достаточной увѣренностью, что хотя отдѣльныя черты быть можетъ и были прямо сняты съ живыхъ людей, знакомыхъ Диккенсу (какъ то дѣлаютъ всѣ писатели,—а онъ дѣлалъ болѣе, чѣмъ кто-либо), но только двое изъ лицъ романа имѣли дѣйствительно живыхъ оригиналовъ, именно миссизъ Пипчинъ, которую зналъ Диккенсъ, и миссъ Блимберъ, которую знавалъ и я. Деревянный мичманъ въ самомъ дѣлѣ стоялъ (а можетъ быть и доселѣ стоитъ) на своемъ наблюдательномъ посту въ Лиденголль-стритѣ. Имена нѣкоторыхъ живыхъ лицъ напрасно были связаны съ фигурами Гилльса, Пёрча и капитана Котля. Что касается любезнаго и почтеннаго негоціанта въ Сити, чье имя было усвоено мистеру Домби, то онъ имѣлъ также мало сходства съ этимъ лицомъ, какъ съ Коріоланомъ или Тимономъ аѳин-

скимъ». Однако изъ одного письма самого Диккенса мы узнаемъ, что мистера Домби если онъ и не писалъ съ натуры, то все-таки воображалъ себѣ самъ похожимъ на одного богатаго негоціанта въ лондонскомъ Сити. Когда Диккенсъ хлопоталъ объ иллюстраціяхъ для первыхъ выпусковъ романа, то его болѣе всего занимало, конечно, какая физіономія будетъ дана художникомъ самому мистеру Домби. И вотъ, однажды онъ пишетъ: «человѣкъ подходящій для Домби (the man for Dombey), если бы только Броуну (рисовальщику) удалось взглянуть на него, настоящій представитель этого класса, есть сэръ А.—Э.—». Въ книгѣ Форстера помѣщена любопытная коллекція рисунковъ, предложенныхъ художникомъ для изображенія Домби; можно сказать, что это — довольно полная коллекція англійскихъ коммерческихъ типовъ вообще.

Начавъ «Домби» въ Швейцаріи, Диккенсъ продолжалъ его въ Лондонѣ и Парижѣ. Впослѣдствіи, онъ нерѣдко пріѣзжалъ въ Парижъ на короткое время, и по обычаю англичанъ, не считалъ такую поѣздку «заграничнымъ путешествіемъ». Англичане часто провожають своихъ друзей «за-границу», то-есть въ далекое путешествіе—до Парижа, Брюсселя или Остенде. Парижская жизнь Диккенсу нравилась, но его непріятно поражало въ этомъ городѣ инстинктивно сознаваемое имъ чувство какого-то пресыщенія, то-есть въ парижскомъ обществѣ онъ сознавалъ ту черту, что здѣсь какъ будто чаша наслажденій испита до дна, и естественный вкусъ притупился. Въ письмахъ его не разъ проглядываетъ это мнѣніе, а однажды онъ прямо высказываетъ его по поводу необыкновеннаго интереса, возбужденнаго смертью извѣстной Маріи Дюплесси и воспоминаніями о ней.

По-французски Диккенсъ зналъ достаточно для разговора, но въ французскихъ запискахъ его, приводимыхъ Форстеромъ, встрѣчается, сверхъ неизбѣжныхъ англицизмовъ, много грамматическихъ ошибокъ, доказывающихъ, что онъ теоретически не изучалъ французской рѣчи. Въ книгѣ помѣщено шутливое французское письмо Диккенса къ Форстеру, дающее ему подробное наставленіе, какъ высадиться въ Булони, какъ попасть въ назначенный отель, взять билетъ на дальнѣйшій путь и проч. Оно подписано: «Charles Dickens Français naturalisé et citoyen de Paris». Здѣсь англійское слово guidance (руководство) принято за слово французское, оказывается смѣшеніе между de и des и встрѣчаются выраженія въ родѣ d'y l'accompagner. Форстеръ самъ приводитъ это письмо въ доказательство своего отзыва, что хотя Диккенсъ худо произносилъ французскія слова, но писалъ по-французски «замѣчательно сво-

бодно и гладко». По этому письму Форстеръ пріѣхалъ въ Парижъ, и провелъ тамъ двѣ недѣли съ Диккенсомъ. Это было въ 1847 году; въ то время Диккенсъ писалъ «Домби». Диккенсъ не *жилъ* въ парижскомъ литературномъ мірѣ, но бывалъ въ немъ и представилъ своего друга литературнымъ знаменитостямъ. Они ужинали съ Дюма́ и Сю́, видѣлись съ Т. Готьѐ, А. Карромъ и Ламартиномъ, нѣсколько разъ бесѣдовали со Скрибомъ, посѣтили больного Шатобріана и скульптора Давида, и провели вечеръ у Гюго́, «который оказывалъ Диккенсу самый любезный пріемъ, и съумѣлъ тонко выразить ему самую лестную похвалу; мой другъ,—прибавляетъ Форстеръ,—долго вспоминалъ объ удовольствіи, какое ему доставилъ этотъ вечеръ». Диккенсъ въ этомъ послѣднемъ году царствованія Лудовика-Филиппа не разъ высказывалъ опасеніе по поводу замѣченной имъ силы наполеоновскаго культа въ то время во Франціи. «Молчаливаго» принца Лудовика-Наполеона Диккенсъ и Форстеръ встрѣтили однажды въ Лондонѣ, у извѣстнаго представителя англо-французской high life—остроумнаго графа д'Орсэ. Упомянемъ объ одной запискѣ д'Орсэ къ Диккенсу, который рекомендовалъ ему своего «курьера», то-есть провожатаго въ поѣздкахъ заграницей, Роша... «Ваша рекомендація даетъ ему право на безсмертіе; репутація его обезпечена и затрудненіе будетъ только въ томъ, чтобы найти ему такого господина, который былъ бы его достоинъ. Надо бы посовѣтовать королевѣ взять его съ собой на поѣздку въ Саксенъ-Готу, такъ какъ при своей расторопности, онъ навѣрное будетъ въ состояніи открыть это королевство.» Здѣсь же кстати будетъ упомянуть, что Диккенсъ перечиталъ романы Поль-де-Кока и любилъ этого автора, вѣроятно потому именно, что всегдашняя простота, а иногда и ловко схваченная и высказанная житейская правда, выдѣляли Кока въ средѣ той французской беллетристики, которая господствовала при имперіи. Но вообще надо замѣтить, что Диккенсъ любилъ или перечитывать нѣсколько разъ особенно привлекшія его серьёзныя книги, какъ, напримѣръ, «Исторію французской революціи» Карлейля, или же читать самыя простѣйшія вещи, какъ-то путешествія и приключенія въ дикихъ странахъ, занимавшія его какъ ребенка, или хоть того же добродушнаго и веселаго Поля Кока.

Въ то время, какъ Диккенсъ писалъ «Домби», онъ получалъ отъ издателей Брадбэри и Ивенса по 100 фунтовъ въ мѣсяцъ, въ счетъ будущей продажи. Успѣхъ же ея былъ таковъ, что за первые шесть мѣсячныхъ выпусковъ Диккенсъ не только вернулъ эти уже полученные имъ 600 фунтовъ, но получилъ изъ про-

даже еще на свою часть 2,220 фунтовъ, то-есть всего около $18^1/_2$ тысячъ рублей.

«Домби» былъ оконченъ въ началѣ 1848 года. Онъ имѣлъ громадный успѣхъ не въ одной Англіи, но между прочимъ и у насъ. «Домби» и доселѣ остается наиболѣе извѣстнымъ, наиболѣе памятнымъ русской публикѣ изъ всѣхъ произведеній Диккенса. Въ свое время этотъ романъ не мало способствовалъ тому, что англійская литература и жизнь привлекли къ себѣ особенное вниманіе и сочувствіе русскаго общества. Иниціатива такого умственнаго направленія въ русскомъ обществѣ, которое хотя само по себѣ и представляетъ только одну черту нашего умственнаго движенія съ сороковыхъ годовъ, тѣмъ не менѣе имѣло свою важность и заслуживало бы отдѣльной оцѣнки, безспорно принадлежала Бѣлинскому. Однимъ изъ дѣлъ Бѣлинскаго была реакція противъ преобладанія въ нашемъ умственномъ мірѣ элемента французскаго. Но какъ-бы пріискивая намъ новыхъ гувернеровъ, Бѣлинскій не остановилъ своего выбора на нѣмцахъ, на что имѣлъ достаточныя причины, такъ какъ цѣлью его было никакъ не порабощеніе, а наоборотъ, эмансипація русской мысли къ самостоятельности. Для достиженія ея онъ указывалъ намъ на Англію, которой сочувствовалъ прежде всего какъ странѣ свободныхъ учрежденій. Нѣкоторая англоманія Карамзина не оставила слѣдовъ; она отражала въ себѣ только частное, аристократическое явленіе, представителемъ котораго въ жизни былъ графъ М. С. Воронцовъ. Но англоманія, вызванная Бѣлинскимъ и отразившаяся потомъ не только въ англизированной походкѣ «Русскаго Вѣстника», но и въ ознакомленіи русскаго общества съ капитальнѣйшими произведеніями современныхъ англійскихъ публицистовъ и ученыхъ, имѣла характеръ по-преимуществу демократическій. Странно сказать — замѣтимъ мимоходомъ — что при всемъ этомъ масса русской публики осталась мало знакомой съ дѣйствительною физіономіей англійскаго общества. Но это не относится къ нашему предмету. Мы хотѣли только сказать, что романъ «Домби» по-преимуществу, а также и другія произведенія Диккенса, являясь въ нашихъ журналахъ въ такое время, когда русская жизнь была, можно сказать, скрыта льдомъ, когда, употребляя аллегорію Виктора Гюго, еще не «пошелъ ледъ на Невѣ», произвели особенно сильное впечатлѣніе и немало содѣйствовали осуществленію указанной мысли Бѣлинскаго, произведя у насъ реакцію отъ французскаго къ англійскому. Крымская война если и прервала это направленіе, то не надолго, какъ то доказывается уже самой физіономіею «Русскаго Вѣстника» первыхъ годовъ.

Диккенсъ о большомъ успѣхѣ своихъ произведеній, и въ особенности «Домби», въ Россіи, получилъ извѣстіе изъ самаго компетентнаго источника. При запискѣ, посланной имъ Форстеру въ 1849-мъ году, и въ которой говорится объ успѣхѣ продажи «Давида Копперфильда», онъ переслалъ своему другу для прочтенія письмо изъ за-границы: «прочтите приложеніе». Цитируемъ Форстера.

«Это было письмо изъ Петербурга отъ русскаго литератора, подписанное «Тринархъ Ивансвичъ Вреденскій [1]) (Trinarch Ivansvitch Wredenskii)»; при письмѣ онъ прислалъ Диккенсу русскій переводъ «Домби» и увѣдомлялъ Диккенса, что сочиненія его, прежде переведенныя въ журналахъ съ пропусками, теперь переведены въ полномъ видѣ авторомъ письма, хотя впрочемъ и онъ призналъ необходимымъ пропускъ въ переводѣ «Пиквика». Авторъ письма любезно относился къ нашему языку, не забывая впрочемъ предъявить и права своего языка, говоря, что трудность перевода (при передачѣ «кокнеизмовъ» и въ другихъ случаяхъ) зависѣла отъ невозможности вѣрно воспроизвести на русскомъ языкѣ красоты подлинника, такъ какъ хотя русскій языкъ по выразительности богаче всѣхъ европейскихъ, но еще далеко не такъ выработанъ, какъ другіе, болѣе образованные языки. Однако, объяснялъ далѣе переводчикъ, онъ постоянно старался сжиться съ мыслями Диккенса и высокое свое уваженіе къ нему сопровождалъ сожалѣніемъ, что такой писатель не родился подъ русскимъ небомъ. Впрочемъ, судьба Диккенса въ Россіи все-таки была завидная. «Въ теченіи послѣднихъ одиннадцати лѣтъ, писалъ авторъ перевода,—ваше имя пользуется громкою славой въ Россіи и васъ читаютъ съ жадностью отъ береговъ Невы до отдаленнѣйшихъ мѣстъ Сибири. Вашъ «Домби» продолжаетъ приводить въ восторгъ всю литературную Россію».—«Добрый Вреденскій доставилъ намъ большое удовольствіе и долгое время, когда что-нибудь шло неладно въ общественныхъ дѣлахъ или семейномъ быту Диккенса, онъ говаривалъ мнѣ, что приказалъ укладывать свои вещи въ чемоданъ и собирается въ болѣе сочувствующія ему и лучше оцѣнивающія его отдаленнѣйшія мѣста́ Сибири».

Послѣ поѣздокъ, о которыхъ упомянуто выше, въ Италію, Швейцарію, Францію, Диккенсъ въ эти годы своей жизни, какъ и въ позднѣйшіе, часто оставлялъ Лондонъ, уѣзжая то на «берегъ», то-есть на дачу гдѣ-нибудь на прибрежьи, по обычаю достаточныхъ англичанъ, то въ другіе большіе города Англіи, особенно въ Мэнчестеръ и Ливерпуль, для участія въ общественныхъ сходкахъ

---

[1]) Иринархъ Иван. Введенскій.

и банкетахъ. Дома, въ семействѣ, онъ отличался той же дѣятельностью и живостью, какъ и въ общественной сферѣ. На обѣдахъ у него бывали Тэккерей, Карлейль, миссисъ Гаскелль, Вилькн Коллинсъ и т. д. Но кромѣ обѣдовъ, у него бывали и чисто-семейные музыкальные и танцовальные вечера, по мѣрѣ того, какъ дѣти его подростали и могли принимать въ нихъ участіе. И самъ Диккенсъ не отставалъ отъ нихъ. «Не забудьте этого въ моей біографіи»,—сказалъ онъ разъ Форстеру, объяснивъ, какъ дѣти учили его танцовать польку. Двѣ маленькія дочери Диккенса обучали его этому танцу ко дню рожденія своего брата; и отецъ сдѣлалъ достаточные успѣхи. Но наканунѣ этого домашняго праздника, ночью, на Диккенса вдругъ напалъ страхъ, что онъ не будетъ въ состояніи выдѣлывать па этого танца; онъ соскочилъ съ постели, и ночью, въ темнотѣ, сдѣлалъ себѣ репетицію польки. «Характеристичнѣе этого,—говоритъ Форстеръ,—я не могу ничего разсказать и мнѣ остается только прибавить, что дѣйствительно онъ отплясывалъ на другой день польку съ такой живостью и неутомимостью, что превзошелъ юнѣйшихъ». Въ этомъ отношеніи, то-есть въ отношеніи нравственной близости къ дѣтямъ, съ Диккенсомъ не могъ сравняться никто, по замѣчанію его біографа, за исключеніемъ извѣстнаго романиста капитана Мэрріета, который былъ однимъ изъ ближайшихъ пріятелей Диккенса. Мэрріетъ вообще любилъ танцовать, но съ дѣтьми плясалъ до изступленія.

Нынѣшняя книга Форстера, какъ уже сказано, останавливается на окончаніи Диккенсомъ романа «Копперфильдъ», въ который, какъ мы уже говорили въ статьѣ «Дѣтство Диккенса», вошла значительнѣйшая часть воспоминаній его дѣтства. Мы надѣемся имѣть еще случай возвратиться къ этому роману, такъ какъ Форстеръ обѣщаетъ подробно говорить объ исторіи его сочиненія впослѣдствіи. Изъ другихъ его работъ за это время, то-есть до конца 1851 года, мы собственно только для поддержанія біографической связи въ нашихъ очеркахъ, посвященныхъ Диккенсу, упомянемъ въ нѣсколькихъ словахъ періодическій сборникъ его «Household words», предпринятый съ 1849 на 1850 годъ, и превратившійся впослѣдствіи съ 1859 года въ «All the Year round». Первый нумеръ Household words вышелъ въ мартѣ 1850 г. Затѣмъ, мы должны еще упомянуть о рождественской сказкѣ 1848 года «Одержимый духомъ» (the Haunted man). Мысль о ней пришла Диккенсу въ 1846 году, но онъ написалъ ее въ 1848 году, по окончаніи «Домби». Она построена на весьма простой мысли, что воспоминаніе о прожитомъ, память о прошлыхъ радостяхъ и печаляхъ составляютъ весьма важную часть нашего нравственнаго

бытія, и что еслибы воспоминанія эти исчезли, то весь міръ, все окружающее человѣка, всѣ нынѣшнія привязанности его и лучшія стороны его стремленій лишились бы существенной доли своего смысла, что, однимъ словомъ, утративъ воспоминанія, человѣкъ лишился бы весьма важной части своей нравственной силы и сталъ бы матеріалистомъ въ томъ смыслѣ, какой дается этому слову въ просторѣчіи. Мысль простая, но имѣющая психологическій, философскій характеръ, и сказка на ней построенная получила такой характеръ, что она даже въ нѣкоторыхъ пріемахъ напоминаетъ Гоффмана. Но теплота, какою она одушевлена, необыкновенное мастерство въ рисовкѣ семейныхъ, дѣтскихъ сценъ, и присутствіе элемента общественнаго—соціальнаго урока все въ пользу тѣхъ же «страждущихъ и темныхъ» людей—всецѣло принадлежатъ Диккенсу и даютъ этой сказкѣ право считаться въ числѣ лучшихъ изъ его рождественскихъ разсказовъ.

Диккенсъ показываетъ намъ человѣка, который въ молодости потерпѣлъ большое горе, большую несправедливость. Добрый, всегда готовый къ самопожертвованію, профессоръ химіи одержимъ духомъ такого воспоминанія, вѣчно съ нимъ бесѣдуетъ, постоянно его созерцаетъ, а потому является мрачною фигурой среди людей любящихъ и уважающихъ его за его дѣла. Этихъ людей—швейцара коллегіи, его престарѣлаго отца, и безконечно-доброе существо—жену этого швейцара, а также многочисленное семейство бѣднаго продавца газетъ—Диккенсъ соединяетъ въ картинѣ, исполненной свѣта, теплоты и юмора, рельефно выдающей идею, и наполненной множествомъ мельчайшихъ, но характеристическихъ подробностей,—словомъ, въ одной изъ тѣхъ картинъ, какія умѣлъ писать только Диккенсъ. Несчастный профессоръ испыталъ великое зло, но воспоминаніе объ этомъ горѣ хотя и гложетъ его постоянно, однако не мѣшаетъ ему самому быть добрымъ и сострадательнымъ. Всѣ тѣ бѣдные люди, которые окружаютъ эту главную фигуру, сами по себѣ имѣли бы всевозможныя причины быть недовольны своимъ положеніемъ и другъ другомъ, потому именно, что жизнь имъ неудалась, доля ихъ тяжелая. Между тѣмъ, они не отчаяваются, даже не видятъ въ совершенной наготѣ непривлекательности своей доли: жена бѣдняка не думаетъ о томъ, что напрасно вышла за него замужъ, мужъ ея, отецъ многочисленныхъ маленькихъ бѣднякôвъ, не проклинаетъ дня, когда ему пришла мысль жениться,—потому что всѣ эти люди судятъ о настоящемъ и прошломъ не на основаніи одного голаго разсчета своего личнаго удобства въ данную минуту, но видятъ настоящее въ томъ свѣтѣ, какой ему сообщается прошлымъ, видятъ настоя-

щее, такъ сказать, въ связи съ его исторіею. Вотъ почему они придаютъ цѣну и такимъ отношеніямъ и условіямъ своей жизни, которыя, еслибы подвергнуть ихъ безпристрастной оцѣнкѣ чрезъ присяжныхъ цѣновщиковъ, оказались бы неимѣющими никакой цѣны,—напротивъ.

Показавъ намъ эту картину и заставивъ насъ полюбить всѣхъ этихъ людей, Диккенсъ вдругъ вставляетъ въ свой волшебный фонарь иное стекло. Профессоръ, одержимый и удручаемый духомъ мрачнаго воспоминанія, наконецъ, проклинаетъ и отгоняетъ его отъ себя, чтобы вырваться изъ неволи. Тогда духъ уноситъ съ собой всю его память о пережитыхъ чувствованіяхъ, и мало того — сообщаетъ ему такое свойство, что при появленіи его и у другихъ людей такая память исчезаетъ. Затѣмъ передъ нами наглядно и самымъ болѣзненнымъ для насъ образомъ происходитъ разрушеніе той симпатичной картины, какую мы видѣли въ началѣ. Утративъ связь съ прошлымъ, люди оцѣняютъ другъ друга и свою обстановку, если можно такъ выразиться, по продажной, рыночной цѣнѣ. Они отталкиваютъ и оскорбляютъ другъ друга наносятъ удары всѣмъ своимъ привязанностямъ, проклинаютъ свою долю и не хотятъ знать никого, кромѣ самихъ себя, потому что не помнятъ ни чужихъ услугъ, ни чужой любви, ни чужихъ благодѣяній. Въ концѣ, разумѣется, the Haunted man вновь призываетъ своего духа, молитъ призракъ воспоминаній спасти его изъ той пустыни, которая окружила его, и повѣсть получаетъ обычный праздничный, счастливый конецъ. Но замѣчательно, что въ то время, когда несчастный химикъ носилъ въ себѣ даръ убивать воспоминанія, то-есть важную часть души, во всѣхъ кому являлся, было одно существо, въ которомъ это роковое вліяніе его не произвело ровно никакой перемѣны: это былъ недавно призрѣнный мальчикъ-бродяга, нищій большого города. Устраненіе воспоминаній у всѣхъ разрушило нравственный міръ, произвело во всѣхъ страшную перемѣну; но въ этомъ мальчикѣ никакой перемѣны оно не произвело, потому что, безродный и бѣглый, онъ никакихъ воспоминаній, кромѣ чисто-животныхъ, не имѣлъ, не имѣлъ и нравственнаго міра. «Сердце этого заброшеннаго существа,—говоритъ призракъ,—такая же безплодная пустыня, какъ сердце человѣка, который, какъ ты теперь, лишился воспоминаній, отброшенныхъ тобою... Горе такому существу!.. Горе, тысячу разъ горе тому народу, который создалъ въ своей средѣ множество уродовъ подобныхъ тому, котораго ты видишь у моихъ ногъ!»

Л. Полонскій.

НОВѢЙШАЯ ПОЛЕМИКА РАСКОЛА

Прошлое десятилѣтіе, памятное по своимъ преобразованіямъ, долго не забудется и расколомъ. И въ его жизни за это время не мало произошло событій, которыя, съ одной стороны,—показали ему шаткое его положеніе, а съ другой,—дали и даютъ еще новыя силы къ продолженію и развитію его существованія на совершенно новыхъ началахъ, мало обратившихъ на себя вниманіе нашей литературы. Въ это десятилѣтіе, болѣе чѣмъ когда-либо, австрійское священство показало расколу всю свою внутреннюю несостоятельность. Постоянныя ссоры между его іерархами, алчность, безпечность ихъ о пасомыхъ заставили нѣкоторыхъ старообрядцевъ обратиться къ точному изслѣдованію основаній этого пресловутаго священства. Это изслѣдованіе навело ихъ на сомнѣніе въ его законности, поколебало вѣру въ него, а появившееся извѣстное «Окружное Посланіе» окончательно измѣнило ихъ убѣжденія. Многіе изъ нихъ за это время, какъ извѣстно, присоединились къ единовѣрію. Но это же самое «Посланіе» послужило и началомъ извѣстнаго оживленія въ средѣ раскола. Оно, повидимому, имѣло одну только цѣль:—воспрепятствовать, насколько возможно, распространенію между старообрядцами-поповцами антихристіанскихъ безпоповщинскихъ идей. На самомъ же дѣлѣ, кромѣ этой цѣли, оно имѣло и другую: — выяснить старообрядцамъ взглядъ на русскую церковь.

Большинство раскола возстало на это «Посланіе». Кромѣ анаѳемъ и опроверженій, въ старообрядческой литературѣ стали еще появляться цѣлыя сочиненія, поставившія себѣ задачею — показать

и доказать превосходство старообрядства предъ новообрядствомъ. Въ этихъ сочиненіяхъ высказывается совершенно новый взглядъ на церковь, ставятся новыя возраженія противъ нея. Въ нихъ расколъ признаетъ православность и даже историческую древность нашихъ обрядовъ, и отличаетъ ихъ отъ своихъ—старообрядческихъ — только тѣмъ, что послѣдніе составляютъ, по ихъ мнѣнію, продуктъ собственно русскаго народнаго благочестія. Расколъ утверждаетъ, что его обряды выработаны вѣковою практикою русской церкви, утверждены ея авторитетомъ и отличаются особеннымъ смысломъ. Изъ этихъ-то сочиненій [1]) расколъ теперь, повидимому, и почерпаетъ новыя силы для своей пошатнувшейся жизни, — и въ нихъ находитъ уважительныя причины для своего самостоятельнаго существованія. Но, чтобы вполнѣ уяснить новыя основы и новые полемическіе пріемы раскола, намъ необходимо вкратцѣ напомнить содержаніе его прежней полемики.

«Никонъ и ученицы его,—писали нѣкогда иноки Соловецкаго монастыря царю Алексѣю Михайловичу,—всю православную христіанскую вѣру въ русстѣй земли, преданіе апостольское и св. отецъ нарушили и книги всѣ печатныя, по которымъ святые отцы угодили Богу, похулили и чинъ превратили, еже есть истинный трисоставный крестъ Господень, и сложеніе перстовъ крестнаго воображенія, и святое имя Господа нашего Ісуса Христа, и молитву Ісусову, исповѣданіе православныя вѣры, и ангельскую трисвятую пѣснь, и начальный стихъ Царю Небесный, и крещеніе человѣкомъ, и величаніе, и маслосвященіе, и погребеніе иноческое и мірское, и церковное пѣніе заутреню и полунощницу, часы, молебенъ и вечерню, и павечерню и евфимонъ, и весь чинъ и уставъ, и каженіе и звонъ церковный перемѣнили же. Того ради новыя вѣры и новаго ученія не пріемлемъ», — такъ говорила сказка Соловецкаго монастыря: «Чесо ради не пріемлютъ новоизложенныя вѣры», помѣщенная въ рукописномъ сборникѣ при Казанск. Дух. Академіи подъ № 95, л. 63 — 64.

Это объясненіе соловецкихъ иноковъ, — почему они не хотѣли принять исправленныя церковію богослужебныя книги и обряды, заключаетъ въ себѣ болѣе или менѣе точный и вѣрный перечень тѣхъ возраженій, какія расколъ на первыхъ порахъ своей жизни выставлялъ противъ православія. Однимъ словомъ,

---

[1]) Такихъ рукописныхъ сочиненій, при составленіи настоящей статьи, у насъ подъ руками имѣлось четыре: 1) „Новѣйшая раскольническая челобитня"; 2) „Письма къ старообрядцу Г. Ѳ."; 3) „Расколъ не есть ересь и раскольники не еретики" (брошюра); и 4) „Объясненіе И. В.".

расколъ, возставъ противъ всей тогдашней церковной реформы, видѣлъ въ измѣненіи каждой даже буквы, каждаго слова ересь и измѣну православію и отеческому преданію. «Зри Государь,— писалъ Савватій царю, — Сына Божія съ Отцомъ по Савеліеву совокупу смазывають во-едино лицо, во многихъ мѣстѣхъ печатають безъ союзнаго слова и безъ запятыя слитно». Выпущеніе въ Символѣ Вѣры буквы *а* между словами: *рожденна, несотворенна*—заставляетъ раскольниковъ подозрѣвать въ этомъ ересь Арія [1]). Въ измѣненіи имени *Ісусъ* въ *Іисусъ* они видятъ опять ересь; потому что «еже рещи Іисусъ, то стало два состава и два сына, четыре лица въ Тройцѣ, а не три». Въ замѣнѣ слова *нѣсть* конца, въ Символѣ Вѣры, словомъ *не будетъ*, они видятъ подражаніе жидамъ, ждущимъ антихриста;—слова *истинный*, въ молитвѣ Царю Небесный, словомъ *истины* подозрѣваютъ церковь въ непризнаніи Духа Святого за лицо равночестное первымъ двумъ лицамъ Св. Троицы, и такъ далѣе все въ томъ же родѣ.

Впрочемъ, всѣ подобныя «новшества» нашей церкви не могли поднять и не поднимали всей желчи раскола. Совсѣмъ другое мы встрѣчаемъ, когда расколъ возсталъ противъ измѣненія старыхъ обычаевъ, обрядовъ и введенія новыхъ. Это «новшество» показалось ему оскорбленіемъ отеческой старины, оскорбленіемъ отеческихъ и соборныхъ постановленій, искаженіемъ православія. Ненависть его въ этомъ случаѣ къ церкви безгранична. Онъ не знаетъ, чему уподобить, съ чѣмъ — съ какою ересью — сравнить новые обычаи и обряды. Всякая почти ересь видна, по его мнѣнію, въ нихъ. «Велѣно намъ креститься щепотью—треми персты, а не тако, яко же мы изначала пріяхомъ, по апостольскому и святыхъ отецъ преданію, и по свидѣтельству преподобнаго Петра Дамаскина, и св. Θеодорита, и блаженнаго Максима Грека, и по соборному уложенію Макарія митрополита московскаго и всего освященнаго собора». Въ четвероконечномъ крестѣ раскольники видѣли ненавистное имъ латинство, въ троеніи аллилуіи — язычество. Утверждая, что «первое аллилуіа глаголется во славу Бога Отца, а второе — во славу Сына Божія, третіе слава Тебѣ Боже — во славу Духа Святаго», они заключали: «а идѣже убо троится аллилуіа, ту есть прилагаемый чуждій Богъ языческій;

[1]) „Въ Символѣ вѣры, Государь, — писалъ Авраамій, — букву *азъ* выняли помогаючи Арію еретику и глаголютъ: рожденна, несотворенна, а подобаетъ глаголати: рожденна, *а* несотворенна... И симъ отъятіемъ ископа ровъ прелести“ (Челобит. Авраама, рук. Солов. библ. при Каз. Дух. Акад. № 30).

понеже мнози суть бози еллинстіи». Въ зміѣ, которымъ патріархъ Никонъ въ первый разъ украсилъ архіерейскій посохъ, они видѣли жидовство и самый вѣрный признакъ паденія на Руси православія. «Тѣмъ онъ (Никонъ) знаменіе показуетъ, яко потребитель православныя вѣры христіанскія: а сій змій погубилъ прадѣда нашего Адама и весь міръ. Его же Господь Богъ проклялъ; а нынѣ ту проклятую змію освящаютъ и почитаютъ, вносятъ во святилище Божіе, аки нѣкое освященіе... А идѣже змій, тамо есть и діаволъ и бѣсомъ жилище, а идѣже бѣсъ живетъ, трудно тамъ въ познаніи пріити. И аще кто вѣруетъ въ него, нѣсть христіанинъ» [1]).

Всѣ эти возраженія достаточно говорятъ, что расколъ на первыхъ порахъ своей жизни не имѣлъ еще опредѣленной системы своего ученія, и только возставалъ противъ всего новаго, введеннаго нашею церковію, видѣлъ во всемъ ересь и неправославіе. Да ему, впрочемъ, и не нужна была система. Онъ не думалъ, что церковныя дѣла останутся въ такомъ порядкѣ; онъ надѣялся на возвратъ къ старинѣ. Поэтому-то, руководясь въ своихъ возраженіяхъ противъ «новшествъ» болѣе чувствомъ, безотчетною привязанностію къ буквѣ и старинѣ, чѣмъ разсудкомъ, знаніемъ,— онъ твердилъ только, что теперь «въ Россіи новая латино-римская вѣра, по своей воли, а не по Божіи сотворенная, — вѣра злая, Никонская прелесть». А почему все это такъ, почему въ православіи «застарѣла ересь и злоба велика возрасте» [2]), на это онъ мало обращалъ вниманія. Какая придетъ древняя ересь на память, въ той и обличается «новшество». Кто же иначе его обличитъ въ этомъ?.. Пастыри церкви?.. Но имъ вѣры нѣтъ; они—Никоніане. А между тѣмъ голосъ, можетъ быть, и будетъ услышанъ, вопли— и отзовутся въ сердцѣ царя-батюшки. Думая, что царь обманутъ, расколъ надѣялся, что стóитъ только поболѣе наговорить ему страховъ, — и онъ непремѣнно воротитъ всё на прежній ладъ [3]), или, если этого не будетъ, то, по крайней мѣрѣ, онъ остановитъ дальнѣйшее введеніе въ употребленіе новыхъ книгъ и обрядовъ. «Молимъ тебя со слезами, Государь,—говорятъ въ заключеніе своей челобитной соловецкіе старцы,—не вели у насъ новымъ учителямъ истинную нашу христіанскую вѣру, самимъ

---

[1]) Челобит. Авраамія.—См. также объ этомъ въ „Сказкѣ Соловецкаго монастыря", рук. Соловец. библ. при Каз. Дух. Акад. (подъ № 95, л. 70).

[2]) „Истор. о вѣрѣ и челобитня о стрѣльцахъ". См. зап. Алекс. Б. ч. I, стр. 62 и друг.

[3]) Всѣ челобитныя и всѣ почти письма расколоучителей проникнуты этимъ духомъ.

Господомъ Іисусомъ Христомъ и святыми его апостолы преданную и седмію вселенскими соборы утвержденную, измѣнити». Но царь былъ глухъ къ мольбамъ раскола. Ссылками и казнями отвѣчало правительство на его недовольство «новшествами». И раскольническое возстаніе 1682 года было послѣднимъ явнымъ протестомъ противъ «новой вѣры». Испытавши эту неудачу и отказавшись навсегда сдѣлать свою старую вѣру господствующею, или, по крайней мѣрѣ, терпимою, расколъ послѣ этого замкнулся самъ въ себя, сталъ тайно работать надъ своею внутреннею жизнію. Понятно, въ какія отношенія къ православной церкви онъ теперь долженъ стать по своему ученію. Убѣдившись съ своей точки зрѣнія въ еретичествѣ церкви, онъ сталъ ученія своихъ предшественниковъ формулировать въ систему, сталъ его дополнять, развивать. Поэтому, въ дальнѣйшихъ возраженіяхъ раскола противъ православія чего-нибудь особенно новаго, чего бы не говорили, или, по крайней мѣрѣ, на что бы не намекали первые расколоучители, мы не встрѣтимъ. Встрѣчаемъ только то особенное, что расколъ, раздѣлившись, вслѣдствіе внутреннихъ обстоятельствъ своей жизни, на двѣ половины, далеко одна на другую непохожія, сталъ и въ возраженіяхъ своихъ противъ православія двоиться, сталъ представлять возраженія противъ последняго нерѣдко взаимно одно другое уничтожающія. Тогда какъ безпоповщина,—образовавшаяся логическимъ путемъ изъ примѣра и ученія первыхъ расколоучителей [1]), выходя изъ идеи царствованія на землѣ антихриста, переданной отъ послѣднихъ, стала возставать положительно противъ всего, видѣть во всемъ несвоемъ ересь и рѣшительное оскудѣніе православія, дошла въ своихъ возраженіяхъ противъ церкви до nec plus ultra, — поповщина, наоборотъ, не считая нашу церковь вполнѣ еретическою, неправославною, боясь совсѣмъ отъ нея удалиться, остановилась на полдорогѣ, и, страшась безпоповщинскихъ выводовъ, не пошла далеко въ развитіи раскольническихъ началъ.

Правда, и безпоповцы на первыхъ порахъ своей дѣятельности (въ началѣ XVIII вѣка) въ своихъ возраженіяхъ противъ православной церкви были сдержанны, не обличали, какъ будто, ее въ неправославіи. Убѣжденные въ еретичествѣ ея, въ погибели православія, они въ своихъ сочиненіяхъ не говорили этого прямо, а старались свое понятіе о церкви высказывать какъ можно темнѣе, двусмысленнѣе. Укоряя нашу церковь за новые обряды, они не

---

[1]) См., напр., посланіе Аввакума подъ названіемъ: „Книга всѣмъ нашимъ горемыкамъ миленькимъ“. Зап. Алекс. Б., ч. II, стр. 18 — 19.

осмѣливались прямо заявить о ея неправославіи; «дѣло это-де выше нашего разума». На вопросъ: «ересь ли наше триперстное сложеніе въ крестномъ знаменіи»? безпоповцы отвѣчаютъ: «облагати судомъ сіе ваше триперстное сложеніе не дерзаемъ. А понеже триперстное сложеніе древлецерковнымъ обычаемъ не содержася, древлецерковными св. книгами не показуется, св. древлеписанными книгами не объявляется, того ради сіе намъ не преданное пріяти не можемъ: не прилагай бо (рече Божіе слово) предѣлъ вѣчныхъ, яже положиша отци твои» [1]). Но подобная маска была довольно прозрачна, чтобы не видѣть настоящаго взгляда начальныхъ безпоповцевъ на церковь. Поставляя причиною своего отдѣленія отъ церкви ея «новшества» и гоненія ея на нихъ, на которыя еще сѣтовали «святіи отци пресловутыя соловецкія обители», безпоповцы проговариваются. Описавши яркими красками тѣ невзгоды, которымъ они уже подвергались и какимъ еще, быть можетъ, подвергнутся, безпоповцы восклицаютъ: «Посмотри же отъ начала евангельскія проповѣди и до нынѣ въ противныя православнѣй церкви соборы, како они яростію гоненія христово стадо оскорбляху... Аріане велико гоненіе правовѣрнымъ творяху; македоніане гоненіемъ дыщаху, евтихіане таками же злояростными нравы ученіе свое защищаху», и такъ далѣе—до уніи. Приводя множество доказательствъ относительно древности своихъ обрядовъ, они говорятъ, что «мы того ради древлеправославныя церкве уставы соблюдаемъ, да вѣчное спасеніе душамъ своимъ получимъ, — того ради въ святоотеческихъ преданіяхъ утверждаемся, да вѣчнаго участія ихъ не отпадемъ, — того ради древлецерковныхъ уставовъ нарушити не можемъ, да древлецерковная запрещенія не подпадемъ» и проч. [2]). Выводъ изъ всего этого ясенъ.

Но если безпоповцы начала XVIII вѣка, вынужденные обстоятельствами [3]), протестуя противъ церковныхъ «новшествъ», говорили такъ темно и сокровенно о еретичествѣ и паденіи пра-

---

[1]) Поморск. отвѣты, вопр. и отв. 6, рукоп. Соловец. библ. при Каз. Дух. Акад. № 54.

[2]) Предисловіе къ Поморскимъ отвѣтамъ, рук. при Каз. Дух. Акад. № 54, л. 3.

[3]) Поморянамъ иначе, пожалуй, и нельзя было говорить. Они хорошо знали, каково было современное имъ правительство. Пользуясь снисхожденіемъ къ себѣ Петра Великаго, они боялись возстановить его противъ себя. Заикнись они только въ своихъ „отвѣтахъ“ о царствованіи на землѣ антихриста, заговори прямо о неправославіи церкви, къ которой самъ царь принадлежалъ, — чего добраго, они подверглись бы за это тому же, отъ чего въ свое время не убѣжали Аввакумъ, Лазарь и другіе.

вославія въ церкви, — за то преемники ихъ, уже не стѣсняясь, говорили обо всёмъ этомъ во всеуслышаніе, и говорили какъ нельзя яснѣе. «Плакаше древле св. пр. Іеремія, — взываютъ они,—надъ запустѣніемъ Іерусалима: како, рече, потемнѣ злато и измѣнися сребро доброе?.. Но кто и нынѣ не восплачетъ, кто не возрыдаетъ, кто ли не изліетъ слезъ надъ россійскими мнящимися быти пастыри, видя ихъ всякаго плача достойную въ вѣрѣ православнѣй измѣну? како потемнѣша мракомъ ересей!.. како измѣниша паче солнцесіятельнаго злата блещащаяся православіемъ древлецерковныя догматы!» [1]).

Какія же это «ереси», какъ и въ чемъ измѣнены «древлецерковные догматы»? Ереси эти большею частію «луторскія, кальвиновы, латинскія, татарскія, арменскія, жидовскія и манихейскія». Благословеніе пятью перстами есть ересь; такъ благословляютъ только латины. Этого мало. Благословляя по новому, не слагая въ этомъ случаѣ «перваго пальца съ двумя послѣдними», церковь «тѣмъ самымъ не признаетъ трехъ божественныхъ vпостасей, а не слагая указательнаго съ великосреднимъ, не признаетъ двухъ естествъ въ Іисусѣ Христѣ». Печатаніе просфоръ двучастнымъ крестомъ есть та же ересь,—«ибо безъ сего трисоставнаго креста Господня не можетъ на проскомидіи предлагаемый хлѣбъ пресуществитися въ плоть Христову». Помазываніе мvромъ ногъ у крещающагося, благовѣстъ во время пѣнія «Достойно» и снималіе монахами клобуковъ во время чтенія евангелія, суть тоже ереси латинскія, папежскія и уніатскія. Брадобритіе, бракъ, «съ латины, люторы и кальвины» и даже раздѣленіе пищи съ послѣдними тоже ереси. Ношеніе нѣкоторыми мужчинами длинныхъ волосъ и париковъ, а женщинами короткихъ—есть ересь «евтиховъ, люторъ и кальвиновъ». Астрономическія занятія и календари тоже ересь проклятая: «проклинаю прелесть ихъ, иже зрятъ въ бѣгъ небесный!» Нареченіе именъ при крещеніи: Юрія, Богдана, есть латинская ересь. Перечисливши болѣе сотни ересей въ нашей церкви, они и сами сознаются, что «аще бы кто и многочтительнѣ на изъявленіе ихъ потщался, обаче за множество подробну всѣхъ исчислити не возможетъ, а точію съ пророкомъ вовопіетъ: отъ главы и до ногу бысть яко едина язва и яко единъ струпъ, и нѣсть кому приложити пластыря, ниже врачеванія, и съ тайновидцемъ речетъ: Вавилонъ великій, мати любодѣйцамъ и мерзостямъ земскимъ и душевному блуду учительница, съ нею же

[1]) Предисл. къ „Мечу Духовному“, рукоп. Соловец. библ. при Каз. Дух. Акад. № 47.

любодѣяша царіе земстіи и купцы отъ силы ея разбогатѣша» [1]).

Между тѣмъ, какъ безпоповцы, убѣдившись такимъ образомъ, въ «погибели» православія, принимаютъ вслѣдствіе этого всѣхъ переходящихъ въ ихъ секту чрезъ одно только перекрещиваніе,—поповцы, какъ мы выше замѣтили, проводятъ болѣе легкій взглядъ на церковь. Принимая бѣглыхъ поповъ отъ церкви и тѣмъ измѣнивъ началамъ раскола, они, по необходимости, должны были вслѣдствіе этого и менѣе чѣмъ безпоповцы видѣть недостатковъ въ православной церкви. Они не считаютъ нашу церковь вполнѣ неправославною. Правда, они находятъ въ ней ереси и возражаютъ противъ нихъ, но только эти ереси уже не перваго чина.

Одни изъ нихъ (вѣтковцы, напр.) считаютъ церковь зараженною ересями второго чина, и потому переходящихъ къ нимъ принимаютъ вторымъ чиномъ. «Мы не дерзаемъ,—говорятъ они,—называти ихъ (православныхъ) еретиками, или инако како, но токмо они намъ сумнительны». «Россійская церковь, по ихъ мнѣнію, безъ всякой нужды за равно пріемлетъ какъ трепогружательное крещеніе, такъ и обливательное», и чрезъ это соединяется «римлянамъ и латинамъ, понеже у нихъ всякое крещеніе принимали»; а также «не второкрещаетъ она проклятыхъ люторъ и кальвинъ и протчихъ нѣмцевъ католицкаго исповѣданія»; порицаетъ стоглавый соборъ и двуперстіе неприличными именами и печатаетъ книги «новы съ убавленіемъ и приложеніемъ» (т.-е. Розыскъ, Пращицу и друг.) какъ единовольники, «понеже они девять главизнъ нѣкакихъ противныхъ у себя имѣли» [2]).

Другіе поповцы (діаконовцы) находятъ въ церкви ереси только третьяго чина, и вслѣдствіе этого принимаютъ переходящихъ къ нимъ единственно посредствомъ проклятія ихъ. Сначала и они «недоумѣвали, како отдати слово» о православной церкви, что̀ сказать о греческихъ архіереяхъ — «вси ли они отъ тогда (т.-е. со времени поѣздки на Востокъ Ар. Суханова) и до нынѣ въ противствѣ древнему православію обрѣтаются, или не вси; сего намъ, за толикимъ дальнеразстояніемъ и варварскимъ ими обладаніемъ... извѣстно, вѣдѣти и извѣстити невозможно» [3]). И

---

[1]) Сборникъ Кельсіева, см. „Обвинит. статьи противъ правосл.", стр. 198.

[2]) Рукоп. Соловецк. библ. при Каз. Дух. Акад. подъ заглав. „Утвержденіе Церкви", № 43, л. 112 и слѣд.

[3]) Діаконовы отвѣты. Отв. 1, ст. 1—3; Записк. Алекс. Б., часть II, стр. 200—203 и отвѣтъ 117, стр. 286—291.

они возражали противъ того, что въ «Жезлѣ» напечатано: «Яко Пресвятая Дѣва, Мати Божія, словомъ архангела Гавріила, въ 15-е лѣто по рождествѣ ея, въ самый день благовѣщенія очистися; зане скверна прародительна быша въ ней»; потому что «согласовати, яко Мати Божія имѣ въ себѣ скверну прародительнаго грѣха, есть непослѣдовати православно-каѳолическому исповѣданію, а послѣдовати западному учителю Іоанну Гибнеру» и проч. [1]). Но, потомъ, когда голосъ ихъ былъ услышанъ [2]), когда они, оказываясь безсильными передъ безпоповцами въ защитѣ своихъ бѣглыхъ поповъ, все болѣе и болѣе неудовлетворялись своею бѣгствующею церковью; то стали все менѣе и менѣе находить въ православной церкви ересей, и, приближаясь къ ней, стали возражать только почти противъ однихъ ея новыхъ обычаевъ, порицаній старыхъ и клятвъ на нихъ. «Мы оставили,— писали уже они,—и оставляемъ не существо церковное... понеже о Бозѣ и свойствахъ Божественныхъ погрѣшенія (въ православной церкви) не обрѣтается» [3]), «но—погрѣшности и новоизмышленныя новости и соблазны хоша и некасающіяся до поврежденія существа членовъ вѣры о Бозѣ, но паче новости и соблазны, да и внесенныя въ церковь чрезъ церковное преданіе и ученіе, кромѣ всякія потребы. Притомъ же не ученіемъ и проповѣдію, но силою и притѣсненіемъ съ кровію властительски, ими же древнее и святое и достовѣрное преданіе иное отвержено, а иное весьма поругано и обложено клятвами, и по нынѣ обрѣтаются претыканіемъ и соблазномъ» [4]).

Проклятія, противъ которыхъ старообрядцы здѣсь возражаютъ, бывшія преслѣдованія раскольниковъ, касаются уже не коренныхъ началъ раскола. И если они дѣйствительно считаютъ нашу цер-

---

[1]) „Никодим. Отвѣты“, рукоп. Соловец. библ. при Каз. Д. Акад., № 118, л. 339—341.

[2]) „Даруй,—писалъ Никодимъ въ заключеніе своихъ отвѣтовъ высокопреосвященному,—утомленнымъ христіаномъ прохладу, *разжени облака темныхъ сумнительствъ*“ (л. 364—365). И всю дѣятельность одного митр. Платона относительно раскола можно назвать отвѣтомъ на этотъ вопросъ.

[3]) „Смотри Сѵмволъ вѣры,—говоритъ въ доказательство этого поповецъ безпоповцу,—содержимый велико-россійскою церковью, Никейскаго Собора изложенія и Константинопольскаго такожде, и Аѳанасія Великаго, и Анастасія Антіохійскаго, и Кирилла Александрійскаго, Максима Исповѣдника, при семъ и катехизисы великороссійскія церкве сочиненія, краткій и пространный, и богословію Макаріеву и Платонову“. („Пѣшех. Отвѣты“, рукоп. Солов. библ. при Каз. Дух. Акад., № 113, отвѣтъ 15, л. 19 на оборот. и отв. 16. л. 28).

[4]) Тамъ же.

ковь соборною [1]) другимъ словомъ, вселенскою, то имъ ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ только присоединиться къ ней. Но какъ, повидимому, они ни близко подошли къ церкви [2]), все же большинство изъ нихъ послѣдняго не сдѣлало: вѣковыя предубѣжденія противъ нея, мысль объ отысканіи собственнаго архіерея останавливала ихъ на этой дорогѣ. А между тѣмъ, внутреннее распаденіе поповщины, происходившее отъ безжизненности ея началъ, годъ отъ году, все болѣе и болѣе усиливалось. Многіе поповцы сами видѣли это, сознавали и горько жаловались. «Увы, брате,—писалъ въ 1799 году поповецъ на Рогожское кладбище къ пріятелю,—увы, да не оскорбимъ васъ словомъ, уже бо кончина приближается наша, видно по всему писанію, что основаніе нашей вѣры на песцѣ, а не на твердомъ камени. Не имѣемъ мы ни епископа, ни священника, благословеннаго отъ власти церковной, но ожидаемъ, по мнѣнію нашему, особеннаго епископа. Сохрани насъ Боже, чтобъ и мы не также ожидали себѣ епископа, какъ жиды ожидаютъ пришествія Мессіи» [3]). А затѣмъ вскорѣ наступили и тридцатые года, когда правительство строго запрещало раскольникамъ держать бѣглыхъ поповъ, энергично преслѣдовало ихъ. И поповщина обѣднѣла попами. Что тутъ было дѣлать?.. Поповцамъ оставалось одно изъ двухъ: или переходить въ единовѣріе, или—въ безпоповщину. Но, къ удовольствію ихъ, вскорѣ нашелся давно ожидаемый ими «особенный епископъ», появилось австрійское священство. Поповцы

---

[1]) Тамъ же, отв. 14-й.

[2]) О триперстномъ сложеніи для крестнаго знаменія и литерословномъ—для благословенія, о значеніи того и другого въ Церкви, объ имени Іисусъ, о четвероконечномъ крестѣ и прочихъ новыхъ обрядахъ—этомъ камнѣ преткновенія для поповцевъ, они и то разсуждали весьма здраво и основательно. (См. „Пѣшех. Отв.“, предисловіе, л. 9-й отв. 61, л. 78 на оборот.; отв. 62—63, л. 84; отв. 66, л. 85 и 86 и отв. 61, л. 83 на оборот.).

[3]) „Русск. Вѣстн.“ 1864 г., май, стр. 11. „О новый Израилю,—писалъ въ томъ же родѣ, въ 1820 г., неизвѣстный по имени иргизскій инокъ,—утолстѣ, уширѣ и забылъ еси Бога, создавшаго тя! Уширѣ фабриками и мірскими почестями, утолстѣ въ пространномъ житіи сластолюбіемъ, чревоугодіемъ, объяденіемъ же и піянствомъ. Забылъ еси Бога и послужилъ проклятой мамонѣ, и златому тельцу прилѣпился всею душею твоею и всѣмъ помышленіемъ твоимъ. Окрадая смущенную Никоніанскую церковь, тщетно хвалишися, о новый Израилю, якобы священства чинъ въ тебѣ неизсякаетъ! Всуе хвалишися! Гдѣ той неизсякаемый источникъ, гдѣ пріемственныя отъ рукъ апостольскихъ хиротонія? Имѣеши ли священное руковозложеніе, мѵросовершеніе, антиминсовъ освященіе, епископское благословеніе и разрѣшеніе, равно и судъ церковный? Кто можетъ къ тебѣ пресвитеровъ и діаконовъ поставляти, мѵро совершати, дѣвъ освящати и всѣ дѣла съ разсужденіемъ творити по 9 пр. св. ант. соб. и по 6 кароагенскаго?“ („Правосл. Обозр.,“ 1868 г., май стр. 45).

обрадовались этому, успокоились, но не всѣ и ненадолго. Нѣкоторые изъ нихъ даже совсѣмъ не приняли его. Да и безпоповцы, съ своей стороны, тоже не оставляли ихъ въ покоѣ. Выходя изъ идеи царствованія на землѣ антихриста и повсемѣстной погибели православія, они доказывали имъ, что теперь священства никакого нѣтъ и не можетъ быть. И подобная безпоповщинская пропаганда между поповцами, замѣтно, не проходила безслѣдно. Въ противодѣйствіе ей, московскій раскольническій духовный совѣтъ нашелъ нужнымъ издать извѣстное «Окружное посланіе возлюбленнымъ чадомъ единыя, святыя соборныя апостольскія, древне-православно-каѳолическія церкве, всѣмъ и всюду пребывающимъ». Опровергая въ немъ «безмѣстная, нелѣпая безпоповщинскія мудрованія» [1]), московскій духовный совѣтъ для большей убѣдительности поповцевъ, что теперь нѣтъ еще антихриста, заговорилъ въ «Посланіи», въ довольно миролюбивомъ направленіи, объ особенностяхъ нашей церкви, которыя главнымъ образомъ и были основаніемъ для безпоповцевъ видѣть въ церкви антихриста и которыя для поповцевъ, какъ мы видѣли, казались все еще признаками ея неправославія. Сказавши, что «господствующая нынѣ въ Россіи церковь, а равно и греческая, вѣруетъ не во инаго Бога, но во единаго съ нами, Творца небу и земли, видимымъ же всѣмъ и невидимымъ» и проч., «Посланіе» продолжаетъ далѣе: «хотя имя Христа Спасителя мы пишемъ и произносимъ *Исусъ*... обаче и пишемое и произносимое нынѣшними греками и россіянами тако: *Іисусъ*, хулити не дерзаемъ и не нарицаемъ его именемъ инаго Іисуса и именемъ противника Христова, якоже нѣцыи безпоповцы зломудрствуютъ. Ибо нынѣ въ Россіи господствующая церковь, вкупѣ же и греческая, подъ симъ именемъ исповѣдуетъ того же Христа Спасителя, по плоти родословныя сына Давидова, сына Авраамля, родившагося отъ колѣна Іудова, отъ Пречистыя Дѣвы Маріи, безъ сѣмени, наитіемъ Св. Духа,.. распята, погребенна и воскресшаго въ третій день, и въ четыредесятый вознесшася на небеса и паки пріити имущаго со славою судити живымъ и мертвымъ... Сего ради видится и въ нѣкіихъ древнихъ книгахъ имя Спасителя написаннымъ Іисусъ, якоже въ концѣ библіи, Острожской печати,.. въ маломъ катехизисѣ, изданномъ Петромъ Могилою,.. въ бесѣдахъ, изданныхъ въ Кіевѣ въ 7131-е лѣто Захаріемъ Копыстенскимъ». Все это знали патріархи московскіе, которые хотя «и не пріяша того въ церковное употребленіе, обаче и суда

[1]) Чтен. Имп. Общ. Истор. и Древност., 1865 г. кн. III, стр. 247—252.

хульна, еже бы нарещи Іисуса инымъ Богомъ не точію не изнесоша, но даже о семъ и не глаголаша»... «Подобнѣ и четвероконечный крестъ... не есть образъ противника антихриста,.. но образъ есть креста Христова, отъ дній Апостольскихъ и до нынѣ пріемлемый православно-каѳолическою церковію и видотворимый сѣнію и начертаніемъ. Сѣнію убо: егда осѣненіемъ руки, свѣщами, дуновеніемъ и огражденіемъ себе рукою крестное знаменіе воображаемъ...» Поэтому «мы не безчестимъ и не хулимъ сего креста и всяко крестохуленіе и кресторугательство отрѣваемъ, отметаемъ и уничтожаемъ» [1]).

Таковъ взглядъ позднѣйшихъ поповцевъ на православную церковь. И изъ какого побужденія ни высказали бы они его,—изъ одного ли только желанія воспрепятствовать этимъ распространенію въ своемъ согласіи безпоповщинской пропагандѣ, или же вмѣстѣ съ тѣмъ и изъ желанія показать церкви, что они не питаютъ къ ней старинной ненависти [2]),—для насъ въ этомъ случаѣ важно то, что поповцы печатно, наконецъ, публично заявили, что новообрядства греко-россійской церкви не заключаютъ въ себѣ никакой ереси, что они достойны уваженія и уважаются ими [3]).

Если это такъ, то что же имъ теперь мѣшаетъ присоединиться къ уважаемой ими православной греко-россійской церкви? «Вины же нашего непослѣдованія пастырямъ тоя церкви,—отвѣчаютъ они намъ на это,—суть важныя и благословныя, понеже, попущеніемъ Божіимъ, чрезъ Никона, бывшаго патріарха, древлецерковныя преданія измѣнишася, и впослѣдствіи соборомъ

---

1) Тамъ же, стр. 258—260.

2) На эту мысль наводятъ насъ нѣкоторыя мѣста самого „Окружнаго Посланія“, и въ особенности слѣдующее: „Молимъ живущаго въ вышнихъ Единаго, Безначальнаго Царя Славы, да послужитъ сіе (т.-е. кроткое обращеніе съ старообрядцами) образцемъ ученымъ пастыремъ господствующей нынѣ въ Россіи Церкве, яко да и тіи обратятъ должное вниманіе о жестокословныхъ порицаніяхъ, отъ предмѣстниковъ ихъ сочиненныхъ и въ свѣтъ изданныхъ“. (Тамъ же, стр. 225). Если бы они не хотѣли этимъ „Посланіемъ“ обратить на себя вниманіе Церкви, то зачѣмъ бы это имъ говорить?

3) Правда, объ этомъ почти въ такомъ же духѣ говорилось и прежде—въ „Пѣшехоновыхъ Отвѣтахъ“. Но различіе между послѣдними и „Посланіемъ“ то, что „Пѣшехоновы Отвѣты“ писаны были частнымъ лицомъ и по частному вопросу, а „Посланіе“ издано было отъ лица цѣлаго московскаго духовного совѣта и публично, издано было отчасти, какъ мы выше тоже замѣтили, и для вразумленія русскихъ пастырей. Первому сочиненію, какъ неоффиціальному и исключительно направленному для своего одного „согласія“, менѣе нужно давать въ этомъ случаѣ вѣры, чѣмъ послѣднему. Вотъ почему мы выше и не останавливались почти на отзывѣ „Пѣшехоновыхъ отвѣтовъ“ относительно греко-россійскаго новообрядства.

1667 года ужаснѣйшая клятва и анаѳема на содержащихъ древняя свято-церковная преданія произнесеся, и строгое гоненіе и преслѣдованіе воздвижеся съ мученіемъ. И по сихъ отъ пастырей, побороающихъ по новоизложеннымъ преданіямъ, бранныя книги издашася, въ нихъ же святѣйшее и поклоняемое имя Христа, Спасителя нашего, *Іс*, злохульно поречено, аки бы не знаменуетъ Спасителя и Исцѣлителя душъ нашихъ, но нѣкоего инаго Ісуса. Къ сему же (оле дерзосте!) именоваша чудовищнымъ и ничего незначущимъ. Двуперстное сложеніе на изображеніе крестнаго знаменія такожде поречено: аріанствомъ, македоніанствомъ, несторіанствомъ, злобожнымъ раздѣленіемъ, арменствомъ, арменскою ересью, кукишемъ, Аріевой пропастью, адовыми вратами, волшебнымъ знаменіемъ, демоносидѣніемъ, чертовымъ преданіемъ... Сихъ ради совѣсть наша не допущаетъ насъ быти въ подчиненіи пастыремъ тоя церкве» [1]).

Но эти «вины» отступленія поповцевъ отъ церкви далеко не «важны и неблагословны»; они не первоначальны. Московскія клятвы 1667 года были уже слѣдствіемъ противленія старообрядцевъ церкви. А порицанія на раскольническіе обряды были вызываемы, какъ извѣстно и самому расколу, раскольническою же бранью на поправленные обряды, и не принадлежатъ церкви, хотя и высказываемы были нѣкоторыми ея пастырями. Церковь давно уже ихъ забыла. Впрочемъ, и сами поповцы сознаютъ это, сознаютъ, что «вины» эти не «важны и не благословны». Многіе изъ нихъ съ перваго разу поняли, куда ихъ должно привести «окружное посланіе»; поняли, что признавая церковь греко-россійскую православною въ догматахъ, признавая ея, поправленные Никономъ, обряды нисколько почти не богопротивными, они тѣмъ самымъ наносятъ ударъ себѣ, послѣ котораго уже ничѣмъ нельзя основательно защитить свое «согласіе», и послѣ котораго, въ силу одной послѣдовательности, они должны присоединиться къ ней—къ самой церкви. Они поняли, что признаніе того и другого вполнѣ справедливымъ наноситъ и нанесло уже ударъ всей предшествовавшей раскольнической полемикѣ противъ православія; поняли, что «Окружное Посланіе» невозвратно уничтожило собою всѣ тѣ возраженія противъ греко-россійской церкви, какія расколъ въ продолженіе почти 200 лѣтъ выставлялъ противъ нея.

Если, въ самомъ дѣлѣ, старообрядцы признали, наконецъ, что церковь наша въ догматахъ и таинствахъ православна; то что

---

[1]) Чтен. Импер. Общ. Истор. и Древн., 1865 г., кн. III, стр. 254—255.

же значать послѣ этого всѣ прежнія обличенія ихъ нашей церкви въ различныхъ ересяхъ, обличенія, которыхъ, какъ мы выше видѣли, держались и поповцы? Если новоисправленныя книги и обряды не заключають въ себѣ ничего еретическаго; то изъ-за чего же они негодовали на церковь въ продолженіе почти двухсоть лѣтъ? Правда, они говорять въ «Посланіи» все-таки, что ихъ обряды стариннѣе, древнѣе [1]). Но кто же ихъ и заставляетъ измѣнять имъ. На это у насъ и существуетъ единовѣріе. Воть почему на первыхъ же порахъ появленія въ свѣтъ «Окружнаго Посланія» оно встрѣтило во многихъ же поповцахъ сопротивленіе себѣ и произвело между ними раздоръ. Вотъ почему они взывали къ духовному своему совѣту еще въ 1863 году: «молимъ, умирите церковь Христову и успокоите умы христіанъ православныхъ, уничтожите новосоставленное вами Окружное Посланіе». Но какъ «умирить церковь Христову»? Посредствомъ одного уничтоженія «окружнаго посланія»?.. Оно и было уничтожено въ томъ же году. Но это ни къ чему мирному не привело: раздоръ въ поповщинѣ изъ-за «Посланія» не ослабѣвалъ. Безсильнымъ въ этомъ случаѣ оказалось и «Соборное опредѣленіе» на окружное посланіе, въ которомъ московскій освященный соборъ, указавши причину, по которой послѣднее (т.-е. Окружное Посланіе) было издано, и научивши поповцевъ, какъ его нужно понимать, наконецъ, для бо́льшаго умиротворенія ихъ, говоритъ: «но, видя, что многіе христіане, не понявшіе сущность дѣла, пришли въ сомнѣніе, а потому освященный соборъ, опровергая всякое сомнѣніе, подтверждаетъ, что согласно ученію древле-истинной христіанской церкви сице учитъ и проповѣдуетъ: аще кто не крестится двѣма персты, якоже и Христосъ, да будетъ проклятъ; такожде и о имени Іисусъ Христосъ проповѣдуетъ, яко же пишетъ въ книгѣ дѣяній апостольскихъ: нѣтъ бо иного имене подъ небесами, даннаго въ человѣцехъ, о немъ же подобаетъ спастися намъ; подобно и всѣ прочія догматы церковныя и ученія, въ древле-печатныхъ книгахъ изложенныя, пріемлемъ за свято, и вводящихъ измѣненія и новизны проклинаемъ» [2]). Пошатнувъ своими руками такъ сильно воззрѣнія поповщины на нашу церковь и тѣмъ подорвавъ къ себѣ довѣріе у многихъ изъ ея членовъ, московскій духовный совѣтъ не могъ проклятіями на источникъ всего этого (т.-е. Окружное Посланіе) и уклончивыми толкованіями возвратить довѣріе къ себѣ у поповцевъ, возстано-

---

[1]) Тамъ же, стр. 254.

[2]) „Русск. Вѣстн.“, 1863 г., іюль, стр. 429.

вить нарушенный имъ церковный миръ въ «согласіи». Вѣковыя религіозныя воззрѣнія требуютъ бо́льшей мзды за свое оскорбленіе. Для умиротворенія «церкви христіанской» вождямъ раскола нужно было сказать что-либо поосновательнѣе, поновѣе вышепредставленнаго объясненія. Для защиты особнаго существованія поповщины, которое было расшатано «Окружнымъ Посланіемъ» необходимо было выдумать что-либо пообаятельнѣе, что́, поражая старообрядцевъ своею новизною и бо́льшею основательностію, успокоило бы ихъ, дало бы имъ новыя силы къ особному существованію, дало бы имъ новое оружіе противъ православія.

Спустя два года послѣ изданія «Окружнаго Посланія», въ средѣ старообрядства стали дѣйствительно появляться одно за другимъ новыя сочиненія, выше нами поименованныя, которыя и представляютъ именно такое значеніе для раскола. Въ нихъ выставляются новыя возраженія противъ православной церкви. Новѣйшій расколъ уже не старается оправдать взглядъ «Окружнаго Посланія» на наше обрядство. Нѣтъ, — онъ даже далѣе развиваетъ его. Онъ не только допускаетъ ту мысль, что наше обрядство не заключаетъ въ себѣ никакой ереси, но даже болѣе того—соглашается, что оно древнѣе раскольническаго обрядства. Не находя въ православной церкви, какъ и «Окружное Посланіе», ничего еретическаго, новѣйшій расколъ для защиты законности особнаго существованія старообрядства возстаетъ на церковныя осужденія послѣдняго, но не потому, что обряды, содержимые раскольниками, древнѣе Никоновскихъ, происходятъ отъ самыхъ первыхъ временъ христіанства, какъ то утверждалось прежде раскольниками, а потому, что эти обряды суть чисто русскаго, національнаго происхожденія, потому что они выработаны вѣковымъ русскимъ благочестіемъ, которымъ, вслѣдствіе этого, должны подчиняться всѣ — отъ мірянина до епископа. Совѣтуя православнымъ архіереямъ, какъ и «Окружное Посланіе», миролюбиво обращаться съ старообрядцами, и имѣя своеобразный взглядъ на значеніе обряда въ дѣлѣ вѣры, — онъ возстаетъ на церковь за то только, что она въ лицѣ, будто бы, одного своего архипастырства несправедливо осудила обряды, содержимые раскольниками, — обряды сами по себѣ невинные. Вращаясь вслѣдствіе этого главнымъ образомъ на соборѣ 1667 г., вся новѣйшая раскольническая противо-православная полемика силится доказать, что старообрядство осуждёно имъ неправильно.

Соборъ этотъ, — говоритъ она, — *не имѣлъ права* осуждать «старые», до-Никоновскіе обряды; потому что онъ «самъ по себѣ не можетъ считаться представителемъ Церкви»: на немъ не

было самого тѣла церкви—мірянъ, а епископы сами по себѣ не имѣютъ права измѣнять церковные обряды. «Старые обряды,—говоритъ она далѣе,—*несправедливо* прокляты церковію; потому что они, будучи сами по себѣ полны глубокаго смысла и значенія — «смысленны», являются произведеніемъ національнаго, русскаго благочестиваго чувства, произведеніемъ вѣковымъ, историческимъ, которому, вслѣдствіе этого, должны подчиняться всѣ—отъ мірянина до епископа, и потому, наконецъ, что они—«старые обряды», не заключаютъ въ себѣ никакой ереси.

Вотъ тѣ главныя положенія, которыя новѣйшій расколъ выставляетъ противъ православной церкви во всѣхъ вышепоименованныхъ нами его сочиненіяхъ, написанныхъ съ замѣчательнымъ діалектическимъ искусствомъ, вообще отличающимъ новѣйшую раскольническую полемику.

I.

Мы замѣтили, что новѣйшій расколъ во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, имѣвшихся у насъ подъ руками, поставляетъ своею задачею показать превосходство старообрядства предъ поправленнообрядствомъ,—«произнести *слово* въ защиту и оправданіе старообрядства». Останавливаясь вслѣдствіе этого главнымъ образомъ на московскомъ соборѣ 1667 года, онъ такъ начинаетъ разсуждать относительно его клятвъ «на священные обычаи и обряды древней Россійской церкви»: «Ежели народъ,—разсуждаетъ онъ,—безъ епископа не составляетъ церкви, то и епископъ—безъ народа тоже. Государи, по духу и ученію апостольской церкви, суть прирожденные представители народа въ дѣлахъ церкви, а слѣдовательно и посредники между нимъ и архипастырствомъ, блюстители неприкосновенности чиновъ и уставовъ, обычаевъ и обрядовъ противу склонности архипастырства къ обрядоулучшеніямъ и самовластительству. Государи суть естественнѣйшіе органы, чрезъ кои народъ выражаетъ свое участіе въ самомъ установленіи сихъ обрядовъ и обычаевъ. Этимъ-то представительствомъ за свой народъ государи и оправдываютъ, канонизуютъ свое право на вмѣшательство въ дѣла церкви и на первосѣдательство на соборахъ. Но наше архипастырство лишило народъ права на голосъ въ дѣлахъ церкви и себѣ одному присвоило значеніе церкви и даже церкви апостольской. Лишивъ его и духовенство этого права,—права на свободу въ дѣлѣ обряда и на смысленность въ дѣлѣ вѣры, и себѣ одному присвоивъ значеніе церкви съ ея непогрѣшимостію, оно само—наше архипастырство—во всѣхъ

этихъ дѣйствіяхъ уклонилось отъ духа и преданій святой апостольской церкви, впало въ латинство; рѣшенія по вопросамъ вѣры безспорно принадлежать архипастырству, но и то не безъ контроля пасомыхъ, что въ древности и выражалось присутствіемъ на соборахъ народа, а нынѣ государей и синклита, какъ представителей народа въ дѣлахъ церкви, а у насъ въ Святѣйшемъ Синодѣ первосѣдательствомъ Государя Императора. Но чисто въ обрядовыхъ вопросахъ рѣшенія законны и дѣйствительны только при взаимномъ соглашеніи архипастырства и пасомыхъ. Такъ и было въ древней россійской церкви. Въ 1478—1482 гг. всероссійскій митрополитъ Геронтій отвѣчаетъ предъ народомъ за совершенное имъ кругохожденіе не по обычаю. Но послѣ у насъ стало не совсѣмъ такъ. Епископы наши, какъ епископство свое получаютъ отъ самовластительства, такъ самовластительски поступать и съ церквію они почитаютъ себя уполномоченными. Слѣдовательно,—заключаетъ авторъ,—и осужденіе на наше отечественное обрядство произнесено однимъ архипастырствомъ россійской церкви вопреки ея самой, т.-е. народу, который есть самое тѣло церкви. А какъ одно архипастырство не составляетъ собою церкви въ собственномъ ея смыслѣ, то и осужденіе это оказывается произнесеннымъ не только не апостольскою церковію, но даже и не россійскою» [1]).

Взглядъ этотъ на соборъ 1667 года совершенно новъ въ расколѣ; подобнаго ему въ прежней раскольничьей литературѣ не бывало. Выходя изъ понятій о церкви «въ собственномъ ея смыслѣ» и изъ своеобразнаго взгляда на участіе мірянъ въ дѣлахъ церкви, новѣйшій расколъ утверждаетъ, что такъ какъ «епископъ безъ народа не составляетъ церкви», и такъ какъ «наше архипастырство лишило народъ права на голосъ въ дѣлахъ церкви, себѣ одному присвоило значеніе церкви, и самовластительски поступать съ церквію почитаетъ себя уполномоченнымъ», то «слѣдовательно и осужденіе на наше отечественное обрядство произнесено однимъ только архипастырствомъ, но отнюдь не церковью».

Для подтвержденія этой своей теоріи расколъ ссылается на древнія времена, приводитъ даже одинъ фактъ изъ исторіи отечественной церкви, но не обращаетъ вниманія на то, что участіе мірянъ на соборахъ не всегда было одинаково; въ одно время оно было сильнѣе, въ другое—слабѣе. Въ этомъ отношеніи особенно рѣзко отличаются первые вѣка христіанства

---

[1]) „Новѣйшая раскольнич. челобитна“, рук. Каз. Дух. Акад. № 1; и въ „объясненіи И. В.“, рук. тамъ же.

отъ послѣдующихъ. Въ первые вѣка христіанства голосъ паствы на соборахъ, на первый взглядъ, мало чѣмъ отличался отъ голоса пастырей. Послѣдніе ничего почти не дѣлали безъ совѣта паствы [1]). Отличіе становится яснымъ уже по внимательномъ разсмотрѣніи соборныхъ разсужденій и постановленій. И это понятно почему. Въ ту пору—во времена страшныхъ гоненій—простые вѣрующіе въ ревности своей по вѣрѣ не уступали пастырямъ церкви. И чѣмъ полнѣе тогдашній христіанинъ отдавался своей вѣрѣ, чѣмъ рѣшительнѣе жертвовалъ для нея выгодами своей жизни и даже самою своею жизнію,—тѣмъ глубже, естественно, онъ входилъ и въ интересы своей религіи, тѣмъ живѣе принималъ участіе въ дѣлахъ своей церкви.

Соборы начались, какъ извѣстно, съ самыхъ первыхъ временъ христіанства; ихъ было нѣсколько при самихъ апостолахъ. Остановимся на одномъ изъ нихъ, который послужилъ образцомъ уже для всѣхъ послѣдующихъ соборовъ.

Когда въ Антіохіи стали проповѣдывать обязательность обрѣзанія для всѣхъ христіанъ, антіохійская церковь «отправила по сему дѣлу Павла и Варнаву въ Іерусалимъ къ *апостоламъ* и пресвитерамъ». Въ Іерусалимѣ «апостолы и пресвитеры собрались для разсмотрѣнія сего дѣла», и, по общему совѣту братіи, постановили—не возлагать излишняго бремени обрядового іудейскаго закона на христіанъ: «тогда апостолы и пресвитеры со всею церковью разсудили, избравъ изъ среды себя мужей, послать ихъ въ Антіохію... написавъ и вручивъ имъ слѣдующее: Апостолы и пресвитеры и братія находящимся въ Антіохіи, Сиріи и Киликіи братіямъ... поелику мы услышали, что нѣкоторые смутили васъ (своими) рѣчами и поколебали ваши души, говоря, что должно обрѣзываться..., то мы, собравшись, единодушно разсудили, избравъ мужей, послать ихъ къ вамъ» и т. д. [2]).

Изъ описанія этого собора видно, что на немъ вмѣстѣ съ апостолами и пресвитерами присутствовали и міряне, — видно также, что и опредѣленіе его, посланное къ другимъ церквамъ, написано было отъ имени апостоловъ, пресвитеровъ и братіи. Здѣсь еще, стало быть, не видно строгаго указанія на распредѣленіе границъ того участія, какое принимали тогда вѣрующіе въ дѣлахъ церкви. Тѣмъ не менѣе, всматриваясь въ самыя соборныя разсужденія, мы замѣчаемъ, что главное дѣло на соборѣ

---

1) Св. Кипріанъ „полагалъ, напр., себѣ за правило ничего не дѣлать безъ совѣта съ своимъ клиромъ и безъ согласія народа". См. письмо къ пресв. и діакон., соч. Кипр., т. I, стр. 105.

2) Дѣян., гл. 15.

принадлежало все-таки апостоламъ. Къ нимъ только однимъ съ пресвитерами антіохійская церковь обратилась за разрѣшеніемъ своего недоумѣнія, а не ко всей іерусалимской церкви. Они главнымъ образомъ и разсуждали на соборѣ (Петръ и Іаковъ). Дѣеписатель говоритъ: когда «*Апостолы* и пресвитеры собрались для разсмотрѣнія сего дѣла и когда, по долгомъ разсужденіи, Петръ, вставъ, сказалъ...; тогда *умолкло* всё собраніе». Слѣдовательно, они одни дѣлаютъ окончательное опредѣленіе, между тѣмъ всѣ прочіе вѣрующіе хранятъ молчаніе. Ихъ опредѣленіе это принимается всею церковію. Слѣдовательно, согласуясь съ нимъ, тогдашніе вѣрующіе придали голосу апостольскому значеніе чисто законодательное.

Такое же второстепенное значеніе участію міряиъ на соборахъ церковь придавала и въ послѣдующее время. Говоря о соборѣ, бывшемъ въ Азіи по случаю Монтановой ереси, Евсевій, церковный историкъ, хотя и приводитъ слова одного писателя—тѣ именно, что: «вѣрующіе начали часто и во многихъ мѣстахъ Азіи собираться, и, изслѣдовавъ новое ученіе, объявили его еретическимъ и отвергли его какъ нечестивое» [1]), однако въ актахъ соборовъ, бывшихъ въ Азіи по случаю этой ереси, не упоминается о міряиахъ. Въ соборномъ свиткѣ (libellus synodicus) упоминается только о епископахъ, какъ объ единственныхъ лицахъ, составлявшихъ соборы по случаю появленія монтанизма [2]). Вопросъ о праздновапіи Пасхи волновалъ всѣхъ вѣрующихъ, а между тѣмъ извѣстно, что постановленія соборовъ, бывшихъ по этому дѣлу, приписываются однимъ только епископамъ. «По случаю разногласія о праздновапіи Пасхи,—говоритъ Евсевій,—происходили соборы епископовъ, которые всѣ единодушно, посредствомъ своихъ посланій, положили» и проч. [3]). То же самое видно и въ актахъ соборовъ африканскихъ, бывшихъ въ III-мъ вѣкѣ изъ-за дѣла о крещеніи еретиковъ. «Мы, епископы,—говорится, напр., тамъ,—собравшись въ числѣ 71-го, утвердили это (недѣйствительность еретическаго крещенія) своимъ мнѣніемъ, постановивъ, что въ каѳолической церкви» и проч. На соборѣ африканскомъ (при св. Кипріанѣ), на которомъ присутствовали и міряне, мы постоянно встрѣчаемъ выраженія: «всѣ епископы сказали: угодно», или: «угодно всѣмъ епископамъ, собравшимся на

---

[1]) Церк. истор., Евсевій, кн. 5, гл. 16.

[2]) Христ. Чт., 1861 г., Декабрь.

[3]) Церк. истор., 5, 23. О соборѣ противъ Новата онъ то же самое говоритъ (тамъ же, 6, 43).

соборъ» [1]). Вслѣдствіе этого и соборныя опредѣленія подписывались только одними епископами или ихъ уполномоченными. «Кто поступитъ противъ своей подписи, тотъ самъ себя отлучитъ отъ сего собранія. Геннадій епископъ сказалъ: что изречено всѣми, мы должны утвердить своею подписью. Всѣ епископы сказали: да будетъ,—и подписались». «Всѣ епископы сказали: всѣмъ это угодно, и подтверждаемъ это нашею подписью и подписались всѣ епископы» [2]). Вотъ общая форма соборовъ, установленная въ VII-мъ вѣкѣ согласно древнему обычаю: «сперва войдутъ епископы и займутъ мѣста по порядку своего постановленія. Послѣ епископовъ призовутся пресвитеры, которые по какой-либо причинѣ обязаны будутъ быть на соборѣ, потомъ діаконы съ такимъ же ограниченіемъ. Епископы сядутъ вокругъ, пресвитеры займутъ мѣста позади ихъ, а діаконы должны стоять предъ епископами. *Затѣмъ пусть войдутъ и міряне, признанные достойными присутствовать на соборѣ*, пусть призовутся также нотаріи для того, чтобы они читали и записывали всё, что будетъ необходимо» [3]).

Съ четвертаго вѣка личное участіе мірянъ на соборахъ слабѣетъ, а наконецъ и совсѣмъ замѣняется представительствомъ императоровъ, или ихъ уполномоченныхъ. Съ этого времени церковь входитъ въ союзъ съ государствомъ. И государство, вполнѣ сознавая все вліяніе ея на гражданъ, стало съ своей стороны входить въ ея интересы. Гражданская власть теперь уже сама принимаетъ на себя заботу созывать епископовъ на соборы, доставлять имъ средства къ путешествію и содержанію и охранять ихъ дѣйствія отъ какихъ бы то ни было насилій. Теперь открывается рядъ вселенскихъ соборовъ, на которыхъ она, въ лицѣ государей или ихъ уполномоченныхъ, замѣняетъ голосъ народа. Но это, впрочемъ, нисколько не измѣняетъ сущности дѣла. Государи, являясь на соборахъ представителями народа, не пользовались на нихъ какими-либо особенными правами, отличными отъ прежнихъ правъ народа. По обстоятельствамъ времени, измѣнилась одна только форма участія мірянъ на соборахъ.

Неизвѣстно, были ли въ нашей русской церкви соборы при св. Владимірѣ. Но извѣстно, что самъ св. Владиміръ, «снимаяся (сходясь) съ епископы, часто совѣщавашеся, како во человѣцѣхъ сихъ, новопознавшихъ Господа, законъ уставити» [4]), и — что

---

[1]) Хр. чт., 1861 г., Дек.

[2]) Тамъ же.

[3]) Годичный актъ при Казанск. Универс. за 1866 годъ, брошюра, стат. „объ участіи мірянъ въ дѣлахъ церк.", стр. 37. См. также Хр. чт. за 1861 годъ., декабрь.

[4]) Похв. слово Владим. мит. Иларіона.

слѣдствіемъ этихъ совѣщаній былъ уставъ, впослѣдствіи подтвержденный и дополненный другими нашими князьями. Въ уставахъ этихъ прямо сказано: «въ дѣлѣ церковныхъ людей не вступаются ни князи, ни княжи волостели, а вѣдаютъ ихъ епископы по правиламъ св. отецъ». Въ новгородскихъ грамотахъ епископамъ усвояется полная власть въ этихъ дѣлахъ каждый разъ, какъ только возникаетъ судъ, относящійся до вѣры и церковнаго благоустройства. На этихъ судахъ все дѣло обсуждается одними епископами, князья же и народъ присутствуютъ на нихъ только какъ свидѣтели, и принимаютъ на себя одну только власть исполнительную. При Глѣбѣ, напр., въ Новгородѣ являются волхвы. Глѣбъ преслѣдуетъ ихъ, но только тогда уже, когда они были осуждены епископомъ предъ всѣмъ народомъ [1]). На кіевскомъ соборѣ, состоявшемся въ 1168 году для рѣшенія извѣстнаго вопроса о постѣ, кромѣ епископовъ и прочихъ духовныхъ лицъ, было не мало и мірянъ. Но все дѣло соборныхъ разсужденій вели одни духовныя лица [2]). Владимірскій соборъ 1274 года, разсуждавшій о мѣрахъ къ искорененію современныхъ ему безпорядковъ въ практикѣ русской церковной жизни, состоялъ изъ однихъ только епископовъ. Сказанія объ этомъ соборѣ не говорятъ по крайней мѣрѣ о присутствіи на немъ мірянъ, и все дѣло веденія соборныхъ разсужденій приписываютъ однимъ епископамъ. Въ предисловіи къ изложенію правилъ этого собора читаемъ: «я, Кириллъ, смиренный митрополитъ всей Руси (сильно скорбѣлъ), видя и слыша нестроенія въ церквахъ; посему я разсудилъ нынѣ со святымъ соборомъ и преподобными епископами произвесть нѣкоторое изслѣдованіе о церковныхъ дѣлахъ». Въ самомъ изложеніи правилъ говорится: «не взимать отъ нихъ (т.-е. отъ поставленныхъ во священныя степени) ничего, кромѣ того, что я [3]) установилъ взимать въ митрополіи; пусть будетъ такъ во всѣхъ епископіяхъ [4])». На Переяславскомъ соборѣ 1310 года, который составленъ былъ для осужденія Андрея, епископа тверского, за взводимыя имъ клеветы на первосвятителя церкви Петра, присутствовали вмѣстѣ съ епископами, другими духовными лицами,

---

1) Полн. собр. рус. лѣтоп. 1, 63—64.

2) Христ. Чт., 1852 г., ч. I, стр. 308—309.

3) Это приписываніе митрополитомъ Кирилломъ какъ будто одному себѣ соборныхъ постановленій не отнимаетъ значенія у самаго собора. По окончаніи собора, всѣ его опредѣленія изложены были митрополитомъ въ видѣ особой рѣчи, предложены имъ на соборѣ отъ собственнаго лица, вѣроятно, предъ закрытіемъ собора и въ такомъ видѣ, по одобреніи отъ послѣдняго, разосланы по всѣмъ епархіямъ для руководства.

4) Русск. Достоп. 1, 106—112.

и князья. Все собраніе выразило сильное неудовольствіе на Андрея. Однакожъ окончательный судъ надъ нимъ произнесенъ былъ все-таки епископами; святитель Петръ простилъ Андрея [1]). На соборѣ тверскомъ 1390-го года, созванномъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ для суда надъ тамошнимъ епископомъ Евѳиміемъ, за самовольное оставленіе имъ каѳедры, присутствовали кромѣ митрополитовъ, епископовъ, духовенства, и князья съ боярами. Но разсужденія его велись одними епископами: «митрополиты же,—говоритъ объ этомъ современная запись,—суди его по правиламъ св. отецъ». Епископы лишили Евѳимія каѳедры [2]). Іоаннъ, архіепископъ новгородскій, за недостатокъ покорности и смиренія осужденъ былъ московскимъ соборомъ 1401-го года, состоявшимъ изъ митрополита Кипріяна и девяти только епископовъ [3]). Извѣстный нашъ митрополитъ Исидоръ за свое единеніе съ Западомъ осужденъ былъ также московскимъ соборомъ 1441-го года. Правда, великій князь еще прежде собора заключилъ его въ монастырь. Но окончательное сужденіе объ его поступкѣ все-таки рѣшено было соборомъ пастырей. Соборъ увѣщевалъ Исидора раскаяться, но напрасно, и Исидоръ былъ имъ осужденъ. «И явися, — сказано въ грамотѣ великаго князя, по этому случаю составленной, — и явися всѣмъ нашимъ боголюбивымъ епископамъ русскимъ, яко чуждо есть и страшно отъ божественныхъ и священныхъ правилъ Исидорово все дѣло [4])». Соборъ, созванный митрополитомъ Іоною въ 1459 году, для изысканія мѣръ къ противодѣйствію уніи, которая стала распространяться на юго-западѣ, состоялъ изъ однихъ только великороссійскихъ епископовъ. Въ письменномъ обязательствѣ, которое здѣсь дали епископы относительно своей вѣрности московской митрополіи и въ воззваніи, посланномъ отъ собора литовскимъ епископамъ и всему тамошнему духовенству, не встрѣчаются по крайней мѣрѣ подписи свѣтскихъ лицъ [5]). На московскомъ соборѣ 1503-го года, созванномъ для изысканія мѣръ къ устраненію современныхъ церковныхъ безпорядковъ, присутствовалъ самъ великій князь Иванъ Васильевичъ съ своимъ сыномъ. Но предсѣдательствовалъ на немъ митрополитъ Симонъ, вели разсужденія и постановили опредѣленія одни только епископы. Великій же князь, соглашаясь съ рѣ-

---

1) Христ. Чт., 1852 г., ч. I. 354—355.
2) Тамъ же, 356—357.
3) Тамъ же, 359.
4) Тамъ же, 364—365.
5) Тамъ же, 367.

шеніями собора, утвердилъ только ихъ неприкосновенность [1]). На самомъ, наконецъ, Стоглавомъ соборѣ царь имѣлъ только совѣщательный голосъ. Въ своей рѣчи и вопросахъ собору онъ только указалъ ему предметы для разсужденія. Самое же разсужденіе и опредѣленіе постановлено было епископами подъ предсѣдательствомъ митрополита Макарія. Согласившись съ опредѣленіями собора, царь своими грамотами содѣйствовалъ впослѣдствіи только къ проведенію ихъ въ народную жизнь [2]).

Вотъ историческая практика нашей древней отечественной церкви. Собственно, и у насъ, какъ въ древней греческой церкви, мірской элементъ на соборахъ всегда былъ второстепеннымъ,— что право мірянъ на голосъ въ дѣлахъ церковныхъ, какъ право чисто только человѣческое, всегда находилось въ подчиненіи іерархіи, ссылающейся въ этомъ случаѣ на право божественное. Очевидно, что князья наши и цари — представители народа въ дѣлахъ церковныхъ, — созывая, по нуждамъ церкви, соборы, присутствуя на нихъ и утверждая опредѣленія ихъ, дѣйствовали во всѣхъ этихъ случаяхъ только какъ сила второстепенная — охранительная. Слѣдовательно, съ исторической стороны новѣйшій расколъ не правъ, утверждая, что у насъ въ древности—до патріарха Никона, голосъ народа въ дѣлахъ церкви и обряда былъ равносиленъ голосу епископовъ. Это — во-первыхъ.

Во-вторыхъ, обращаясь теперь къ самому собору 1666—67-го гг., мы видимъ, что мірской элементъ занималъ на немъ соотвѣтственное своимъ правамъ положеніе. Состоявши изъ іерарховъ, имѣвшихъ право и обязанность присутствовать на соборахъ и представлять собою божественную (jus divinum) и рѣшительную (jus decisivum) власть церкви, онъ созванъ былъ, по нуждамъ своего времени, самимъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, который, «подобно пророку Иліи ревностію возревновавъ, подобно Константину — повелѣ собору быти». На второмъ соборномъ засѣданіи, положившемъ основаніе для дальнѣйшихъ соборныхъ разсужденій, присутствовалъ «естественный, прирожденный представитель народа въ дѣлахъ церкви» — царь. Слѣдовательно, соборъ этотъ по составу своему, вопреки мнѣнію новѣйшаго раскола, по всей справедливости, можетъ считаться представителемъ всей россійской церкви. Голосъ и желаніе царя принимались на этомъ соборѣ и уважались какъ голосъ и желаніе всего народа. Царь жаловался епископамъ собора на волненія, про-

---

[1]) Правосл. собесѣдн., 1863 г., ч. II, стр. 349—363.

[2]) Дополн. къ изд. Стоглава, стр. 2 и др.

исходившія въ тогдашней нашей церковной жизни отъ возникающаго раскола, и просилъ ихъ позаботиться о прекращеніи ихъ. Епископы, и сами вполнѣ сознавая это, приняли надлежащія мѣры къ прекращенію ихъ и постановили извѣстныя соборныя опредѣленія, которыя царь и утвердилъ. И такой образъ дѣйствій большого московскаго собора вполнѣ согласенъ, какъ это видно изъ всего сказаннаго нами выше, съ практикою древней восточной и нашей отечественной церкви. Если такъ, — то гдѣ же тутъ латинство, въ которомъ такъ рѣшительно укоряетъ новѣйшій расколъ нашихъ пастырей церкви? Въ чемъ онъ видитъ, что наши пастыри «не признаютъ представительства за свой народъ даже и за самими государями»?

Другое усиліе новѣйшаго раскола состоитъ въ томъ, чтобы доказать некомпетентность епископовъ въ дѣлѣ исправленія ими церковнаго обряда. Онъ прямо и рѣшительно утверждаетъ, что одни епископы не имѣли и не имѣютъ права измѣнять обычаи и обряды, что они сами должны подчиняться обряду своей церкви, и что подчиненіе голосу епископовъ необязательно въ этомъ случаѣ для пасомыхъ. Сказавши, что «чисто въ обрядовыхъ вопросахъ рѣшенія законны и дѣйствительны только при взаимномъ соглашеніи архипастырства и пасомыхъ», онъ вслѣдъ за этимъ говоритъ: «Епископы не только не имѣютъ права касаться обрядовъ и обычаевъ своими измѣненіями, но и сами обязаны подчиняться обряду и обычаю своей церкви. Это послушаніе обрядамъ и обычаямъ отечественной церкви особенно обязательно для нашего архипастырства. У насъ въ Россіи епископы — монахи, а отличительный, существенный знакъ монашества есть послушаніе. Нѣтъ, у насъ не совсѣмъ такъ. Епископы наши, какъ епископство свое получаютъ отъ самовластительства, такъ самовластительски поступать и съ церковію они почитаютъ себя уполномоченными. Говорятъ, міряне и пасомые не должны имѣть голоса въ дѣлахъ вѣры и обряда, пасомые будто бы обязаны архипастырству безусловнымъ, безразсуднымъ повиновеніемъ. Это голосъ папизма и іезуитизма, а не православія. А между тѣмъ нѣкоторые пастыри сами иногда противъ своей воли и сознанія, какъ Валаамова ослица, проговариваются и говорятъ истину. Необязательность для пасомыхъ слушаться архіереевъ въ дѣлѣ обряда, особенно рельефно изобразилъ покойный преосвященный митрополитъ с.-петербургскій Григорій. Въ книжицѣ своей: «Отвѣтъ единовѣрца старообрядцу», онъ говоритъ: «*Братіе, поминайте наставники ваша, иже глаголаша вамъ слово Божіе. Повинуйтеся имъ и покоряйтеся.* Это завѣщаніе Апостола весьма

важно и непремѣнно должно быть исполняемо; потому что Господь ясно сказалъ своимъ ученикамъ: *слушаяй васъ, мене слушаетъ, и отметаяйся васъ, мене отметается.* Но сказанное завѣщаніе Апостола о повиновеніи наставникамъ должно быть исполняемо по яснымъ его словамъ только тогда, когда они глаголютъ намъ слово Божіе. О перстахъ же, которые должно слагать для крестнаго знаменія, Слово Божіе нигдѣ не говоритъ ничего. Слѣдовательно, св. Апостолъ, дѣлая намъ означенное завѣщаніе, не имѣлъ въ виду обязать насъ повиновеніемъ имъ въ отношеніи къ перстосложенію для крестнаго знаменія, тѣмъ болѣе (не тѣмъ болѣе, — поправляетъ въ этомъ случаѣ новѣйшій расколъ митрополита Григорія,—а именно потому), что употребленіе перстовъ для крестнаго знаменія не составляетъ вѣры». Чтó здѣсь сказано о перстосложеніи,—заключаетъ новѣйшій расколъ, — то, конечно, должно разумѣть и о каждомъ обычаѣ и обрядѣ» (тамъ же, стр. 67, 68, 69, 71 и 72).

Такое убѣжденіе новѣйшаго раскола относительно безправности епископовъ въ дѣлѣ измѣненія ими церковнообрядства выходитъ у него главнымъ образомъ изъ своеобразнаго его взгляда на значеніе обряда въ дѣлѣ вѣры и отчасти — изъ теоріи его относительно образованія нашего отечественнаго старообрядства. Относительно значенія обряда въ дѣлѣ вѣры новѣйшій расколъ разсуждаетъ такъ: «Обрядъ,—говоритъ онъ,—есть видимый знакъ и видимое дѣйствіе, чрезъ кои сообщается благодать, освящающая и совершающая. И потому обрядъ, какъ проводникъ благодати, необходимъ и обязателенъ для каждаго вѣрующаго. Но, признавая обязательность обряда, св. апостольская церковь никогда не придавала и не придаетъ ему догматической неизмѣняемости и вселенски обязательной единообразности, предоставляя каждой частной церкви, по мѣрѣ ея самостоятельности, благоустроять свои чины и уставы, обычаи и обряды сообразно времени, мѣсту и духу народа... Не лучше ли поэтому,—совѣтуетъ новѣйшій расколъ,—и не время ли россійскому архипастырству, оставивъ обрядовыя подробности свободѣ и совѣсти каждаго, приведеніе ихъ къ одному знаменателю предоставить времени» (тамъ же, л. 4—5 и 71).

Итакъ, обрядъ въ дѣлѣ вѣры не такъ важенъ, чтобы стоило обращать на него особенное вниманіе. Въ дѣлѣ обряда, по убѣжденію новѣйшаго раскола, должна быть допущена полная свобода «для совѣсти каждаго». А отсюда уже одинъ шагъ и до извѣстныхъ намъ положеній новѣйшаго раскола, въ силу которыхъ онъ отвергаетъ достоинство большого московскаго собора.

Если въ самомъ дѣлѣ обрядовая свобода должна быть предоставлена «совѣсти каждаго» вѣрующаго, то, понятно, что епископы послѣ этого не имѣютъ права и не должны измѣнять церковные обряды. Если — далѣе — епископы, незаконно присвоивъ себѣ власть, станутъ измѣнять послѣдніе и измѣнять ихъ, какъ это и было на соборѣ 1667-го года, и станутъ вводить ихъ измѣненные уже во всеобщее употребленіе; то вѣрующіе міряне, въ силу законнаго понятія объ обрядовой свободѣ для «совѣсти каждаго», имѣютъ право не подчиняться рѣшеніямъ ихъ и постановленіямъ.

Но, проповѣдуя обрядовую свободу, новѣйшій расколъ становится чрезъ это въ противорѣчіе съ самимъ собою. Если обрядовая свобода должна принадлежать «совѣсти *каждаго*», то, понятно, — ее, въ силу логической послѣдовательности, не должно отнимать и у епископовъ. А между тѣмъ епископамъ-то онъ въ ней и отказываетъ, когда утверждаетъ, что они должны подчиняться обряду и обычаю своей церкви. Въ другомъ мѣстѣ онъ еще рѣшительнѣе утверждаетъ, что «архипастырство обязано повиноваться въ дѣлѣ обряда и обычая своей отечественной церкви» (тамъ же, л. 34). Значитъ, тутъ что-то скрывается особенное. А что́ именно,—это сейчасъ увидимъ, когда узнаемъ, что́ разумѣетъ новѣйшій расколъ подъ тою церковію, обрядамъ и обычаямъ которой архипастырство, по его убѣжденію, должно повиноваться. Подъ этою церковію онъ разумѣетъ не что иное, какъ себя же самого — старообрядство. Вмѣнивши въ обязанность епископамъ повиноваться обрядамъ и обычаямъ своей церкви, онъ тотчасъ же и указываетъ послѣднюю намъ, когда вслѣдъ за этимъ восклицаетъ, что: «*сама россійская Церковь въ лицѣ старообрядства* вотъ уже 200 лѣтъ протестуетъ противъ ошибокъ архипастырства» (тамъ же, л. 35). Все это было бы страннымъ, если бы новѣйшій расколъ въ своемъ понятіи о церкви и іерархіи придерживался поповщинскаго взгляда, или безпоповщинскаго. Но онъ не сто́итъ ни за бѣглыхъ поповъ, ни за идею царствованія на землѣ антихриста. Онъ прямо говоритъ, что въ церкви непрерывно до скончанія вѣковъ должна пребыть священная іерархія съ ея тремя чинами, безъ которой никакое общество вѣрующихъ не можетъ притязать на именованіе св. церкви. Полагая далѣе, что «эти истины столь священны и столь ясны, что пояснять ихъ совершенно излишне» (Письм. старообр. къ Г. Ѳ., л. 2), и сознаваясь, что у старообрядцевъ нѣтъ іерархіи, онъ въ то же время утверждаетъ, что это однакоже нисколько не препятствуетъ имъ называться церковію. «Я не разъяснилъ,—говоритъ по этому поводу новѣйшій расколъ,—какимъ образомъ 200 лѣтъ пребывая

безъ іерархіи, старообрядцы могли пребывать неотступно и дѣйствительно пребываютъ неотступно въ союзѣ и повиновеніи св. апостольской церкви,—но я останавливаюсь это дѣлать» (тамъ же, л. 10 на оборот.). Почему?.. Нѣтъ отвѣта и, разумѣется, не можетъ быть. Но у новѣйшаго раскола, какъ увидимъ ниже, есть еще и не такія важныя противорѣчія самому себѣ, какъ, напр., вышеуказанное нами, изъ-за котораго мы уклонились даже отъ настоящаго дѣла.

Новѣйшій расколъ представляетъ еще одно возраженіе противъ каноническаго достоинства большого московскаго собора. На этомъ соборѣ, извѣстно, присутствовали два восточныхъ патріарха и другіе греческіе іерархи, которые всѣ, конечно, и подписали соборный актъ объ осужденіи старообрядцевъ. Вслѣдствіе этого наша церковь считаетъ, что съ осужденіемъ старообрядцевъ нашихъ согласна съ нею и восточная. Послѣднее ему кажется невѣроятнымъ, потому что «анаѳематствованія сего собора прямо противорѣчатъ соборной *инструкціи* константинопольскаго патріарха сему собору». Онъ даже утверждаетъ, что «бывшіе на этомъ соборѣ греки—представители восточной церкви—исполнили это свое представительство точно также, какъ такой же грекъ митрополитъ Исидоръ—за нашу церковь на Флорентійскомъ соборѣ».

Что же это за *инструкція?*

Инструкція эта есть извѣстное посланіе константинопольскаго патріарха Паисія къ патріарху Никону, присланное имъ еще въ 1655 году и заключающее въ себѣ дѣяніе константинопольскаго собора, и нѣсколько общихъ совѣтовъ Никону,—посланіе, въ которомъ даются отвѣты на тѣ 26 вопросовъ касательно чиновъ церковныхъ и погрѣшностей, вкравшихся въ наши тогдашнія церковно-богослужебныя книги, которые предложили константинопольскому патріарху царь и патр. Никонъ въ 1654 году. «А что Восточная Церковь, — разсуждаетъ по этому поводу новѣйшій расколъ,—на сторонѣ поправленнообрядства,—это болѣе, нежели сомнительно. Изъ собственнаго посланія константинопольскаго патріарха Паисія къ Никону мы слышимъ вразумленіе, что обрядовыя разности не разрушаютъ единства вѣры и не препятствуютъ общенію, и — предостереженіе патріарху Никону не касаться этихъ разностей своими поправленіями».

Но, константинопольскій патріархъ своимъ посланіемъ дѣлаетъ предостереженіе *одному* только патріарху Никону, а потому какъ же новѣйшій расколъ могъ сдѣлать изъ этого посланія «инструкцію» для большого московскаго собора? Время этого послѣдняго собора и время, когда писано было константинопольскимъ патріархомъ посланіе Никону—не похоже одно на другое.

Расколъ около 1655 года далеко, какъ извѣстно, былъ еще не то, чѣмъ онъ сталъ во время 1667 года. Въ эту пору онъ уже рѣшительно воспротивился Церкви. Слѣдовательно, уже по одному этому, посланіе патріарха Паисія, пригодное, быть можетъ, для положенія нашихъ церковныхъ дѣлъ въ 1655 году, не можетъ считаться инструкціею для собора 1667 года. Да и какъ, наконецъ, соборъ одной частной церкви можетъ предписывать «инструкціи» собору, на которомъ присутствовали два восточные патріарха, собору, стало быть, со вселенскимъ характеромъ?

Но допустимъ, что посланіе патріарха Паисія къ Никону можетъ считаться «инструкціею» для большого московскаго собора. Что же изъ этого, — въ чемъ и какъ этотъ соборъ погрѣшилъ противъ этой «инструкціи?» Новѣйшій расколъ это дѣло представляетъ такъ: сказавши, что патріархъ Паисій предостерегаетъ патр. Никона «касаться обрядовыхъ разностей своими поправленіями, такъ какъ онѣ нé разрушаютъ единства вѣры», онъ вслѣдъ затѣмъ съ удивленіемъ спрашиваетъ: «И что же?!.. Въ томъ же посланіи святѣйшій Паисій эти самыя разности называетъ смертною пажитію. Это видимое противорѣчіе въ устахъ константинопольскаго патріарха, очевидно, есть слѣдствіе извращенія патріархомъ Никономъ сущности дѣла. И дѣйствительно, святѣйшій Паисій пишетъ патріарху Никону: «о епископѣ коломенскомъ Павлѣ и о протопопѣ Іоаннѣ Нероновѣ вы пишете, что они не согласуютъ съ вами, содержатъ свои особыя книги, свою литургію, свое крестное знаменіе, что они даже порицаютъ наши патріаршія молитвы и литургію и стараются привести новшества свои и сокровенныя молитвы, какъ бы исправленіе. Отвѣщаемъ: сія вся суть знаменія ереси и раздора, и который сицевая вѣруетъ и глаголетъ, есть чуждъ православныя нашей вѣры. Итакъ, или да пріимутъ нелицемѣрно, елика содержитъ и догматствуетъ православная наша церковь, или по первомъ и второмъ наказаніи пребывше не исправлени, да отвержете ихъ и разлучите изверженіемъ отъ овецъ Христовыхъ, да не питаютъ я смертною пажитію». «Осужденіе справедливое, — поясняетъ новѣйшій расколъ. Чтó сказать о людяхъ, кои осмѣлились бы опорочить литургію великихъ отцовъ—Василія и Іоанна и всѣ богослужебныя книги назвать негодными, дерзнули бы сочинить и свою литургію и свои богослужебныя книги? Подлинно, не было ли бы это знаменіемъ ереси и раздора, хулою на преданія святыхъ отцовъ и на самую церковь? Но, полно, такъ ли это было и есть у старообрядцевъ? Въ первый и единственный разъ слышимъ изъ устъ патріарха Никона, будто бы у насъ свои богослужебныя

книги, свои молитвы, своя литургія, свое крестное знаменіе. Свое ли все это? Ей, не свое, а до подлинности, до буквы все то, что содержала древняя россійская церковь до Никона. Какимъ же образомъ въ донесеніи константинопольскому патріарху оказалось у Никона все старое, а у старообрядцевъ свои новины, т.-е. будто бы ими самими написанныя и книги, и молитвы, и литургія, и крестное знаменіе?.. Вотъ по истинѣ странное слышаніе! Мы, старообрядцы, стояли и стоимъ за все то, что выражено книгами, напечатанными при первыхъ пяти патріархахъ россійскихъ, а Никонъ увѣряетъ святѣйшаго константинопольскаго патріарха, будто у насъ и литургія, и книги, и обряды Нероновскія и Павло-Коломенскія. Если такимъ изложеніемъ дѣла успѣлъ патріархъ Никонъ похитить отъ константинопольскаго патріарха осужденіе старообрядства; то,—заключаетъ новѣйшій расколъ,—по истинѣ россійская церковь не имѣетъ основанія торжествовать побѣду надъ старообрядствомъ, себя успокоивать и утѣшать, а насъ обличать согласіемъ въ осужденіи насъ всею восточною Церковію» («Новѣйш. раскольн. челобитня», л. 75—80).

Это правда, скажемъ и мы. Но дѣло въ томъ, правильно ли толкуетъ это посланіе патріарха Паисія къ Никону новѣйшій расколъ? Кажущееся противорѣчіе этого посланія онъ объясняетъ тѣмъ, что, будто бы Никонъ въ своемъ донесеніи константинопольскому патріарху намѣренно исказилъ факты. Но ни того, ни другого не допускаетъ самое простое толкованіе этого посланія.

Въ этомъ посланіи патріархъ Паисій сначала занимается общими разсужденіями объ обрядовыхъ разностяхъ, добавляя все-таки, что «иное дѣло еретики, а иное дѣло раскольники, которые, хотя, повидимому, и соглашаются въ главныхъ догматахъ православія, имѣютъ однакожъ и свои ученія, чуждыя каѳолической церкви» [1]). Вникнувши же потомъ въ тѣ вопросы, которые ему предложены были патріархомъ Никономъ, онъ уже продолжаетъ: «Увѣщавай всѣхъ принять тотъ чинъ, который содержится во всей восточной церкви и дошелъ до насъ по преданію изъ начала безъ малѣйшей перемѣны. Если же ваши чины окажутся несогласными съ нашими: пишите къ намъ и разсудимъ объ нихъ соборнѣ». Стало быть, патріархъ Паисій уже не совѣтуетъ безразлично относиться къ тогдашнимъ нашимъ разностямъ въ чинахъ, которыя вообще были указаны нами въ обозрѣніи древней противуправославной раскольнической полемики. Когда онъ узналъ, что изъ-за нашихъ обрядовыхъ разностей произошло

---

[1]) Истор. русск. раск., Макар., стр. 148.

возмущеніе въ лицѣ Павла Коломенскаго и Іоанна Неронова противъ церковной власти, когда онъ узналъ, что нашлось не мало людей, которые нѣкоторыя обрядовыя особенности стали считать за догматъ и изъ-за этого — отдѣляться отъ церкви, тогда и онъ поспѣшилъ замѣтить: «сія вся суть знаменія ереси и раздора.» Новѣйшій расколъ толкуетъ: «Патріархъ предостерегаетъ Никона касаться несущественныхъ разностей (т.-е. о которыхъ говоритъ въ началѣ своего посланія) своими поправленіями. И что же? Въ томъ же посланіи эти же самыя разности называетъ смертною пажитію?!» Вовсе не эти самыя разности, о которыхъ патріархъ Паисій вообще разсуждалъ въ началѣ своего посланія къ Никону, называетъ онъ смертною пажитію, а разности *наши, тогдашнія*, грозившія разрушить миръ церковный. «Это видимое противорѣчіе въ устахъ константинопольскаго патріарха, очевидно, есть слѣдствіе извращенія патріархомъ Никономъ сущности дѣла.» И этого сказать нельзя; это было не слѣдствіемъ извращенія патріахомъ Никономъ сущности дѣла, а слѣдствіемъ разъясненія его. Когда Никонъ писалъ патріарху Паисію, что Павелъ Коломенскій и Іоаннъ Нероновъ содержатъ свои книги и проч.; то онъ разумѣлъ тутъ только то, что они не хотятъ разстаться съ своими книгами, напечатанными до него, съ книгами, въ которыхъ много ошибокъ, погрѣшностей, имъ нравящихся, что они держатся ихъ съ явнымъ противленіемъ церковной власти.

Никонъ въ своемъ посланіи къ Паисію не только не извратилъ сущности дѣла, но еще умолчалъ и умолчалъ о самомъ важномъ. «Я слышалъ, — пишетъ патріахъ Паисій Никону въ письмѣ, присланномъ первымъ вмѣстѣ съ дѣяніемъ константинопольскаго собора, которое новѣйшій расколъ называетъ «инструкціею»,—я слышалъ, что въ вашихъ церковныхъ чинахъ есть и еще нѣкоторыя вещи, несогласныя съ чиномъ великой церкви, и удивляюсь, какъ ты не спрашиваешь объ нихъ. И прежде всего у васъ будто бы въ самомъ символѣ вѣры сдѣлано прибавленіе, котораго у насъ нѣтъ. Отъ всего сердца желаемъ, чтобы это исправилось» [1]).

Новѣйшій расколъ не обратилъ вниманія на это замѣчаніе патріарха Паисія. И понятно почему. Оно идетъ въ разрѣзъ съ его намѣреніемъ, подрываетъ его положеніе. Ему выгодно было воспользоваться обмолвкою патріарха Никона, которая собственно состояла только въ томъ, что онъ въ посланіи своемъ къ Паисію выразился несовсѣмъ точно о тогдашнихъ нашихъ церковныхъ разностяхъ. На дѣлѣ оказывается, что и патріархъ Ни-

[1]) Тамъ же, стр. 151.

конъ въ своемъ донесеніи константинопольскому патріарху Паисію не исказилъ «сущности дѣла», и въ такъ-называемой «инструкціи» послѣдняго патріарха собору 1667 года, нѣтъ ничего противорѣчащаго тогдашнимъ (1654—1655 гг.) нашимъ церковнымъ дѣламъ. Если же такъ, то, стало быть, нѣтъ основанія новѣйшему расколу заподозрѣвать восточную церковь въ несогласіи съ нашею относительно осужденія старообрядцевъ.

Этому послѣднему нашему выводу противорѣчитъ, какъ будто, недавно заявленный нашими газетами взглядъ александрійскаго патріарха Никанора на нашъ большой московскій соборъ,—тотъ именно, что, будто бы, упомянутый патріархъ сказалъ нашему русскому иноку Варнавѣ, что ему даже и неизвѣстно то, о чемъ было говорено на соборѣ 1667 года. Но прежде всего и болѣе всего этотъ фактъ—подозрителенъ. Его передаетъ раскольникъ—инокъ Варнава, и передаетъ, какъ сейчасъ увидимъ, въ духѣ благопріятномъ новѣйшему расколу. Современные намъ старообрядцы, какъ извѣстно, хлопочутъ о снятіи клятвъ этого собора съ обрядовъ своихъ, на которые онѣ, будто бы, были положены, считая это главною причиною раскола и—вопіющею несправедливостію, такъ какъ обряды вообще—не догматы. Очень естественно, что инокъ Варнава, въ бесѣдѣ своей съ патріархомъ, въ подобномъ видѣ, если только еще не въ худшемъ, и объяснилъ ему клятвы собора и причину происхожденія нашего раскола. Послѣ этого патріарху Никанору, дѣйствительно, не оставалось ничего болѣе говорить, какъ «точію, — по словамъ Варнавы,—удивляться, что изъ-за ничтожныхъ обрядовыхъ предметовъ дѣлается такая бѣда—расколъ церковный, ибо всѣ эти предметы отнюдь не касаются догматовъ вѣры, но точію суть обряды.» Если подобною передачею дѣла Варнава успѣлъ достичь того, что патріархъ произнесъ сужденіе о клятвахъ собора, вполнѣ благопріятное новѣйшимъ раскольникамъ, то можно полагать, что и самый фактъ заявленія патріархомъ относительно незнанія имъ соборныхъ (1667 г.) изложеній подложенъ. Наконецъ, если александрійскій патріархъ Никаноръ и дѣйствительно, по словамъ Варнавы, не знаетъ, о чемъ разсуждалось на нашемъ большомъ московскомъ соборѣ, то и въ этомъ нѣтъ ничего особенно страннаго: не всѣ знаютъ нашу церковную исторію.

Вотъ тѣ совершенно новые пріемы, къ которымъ прибѣгаетъ новѣйшая раскольническая полемика, доказывая некомпетентность московскаго собора. Но она оспариваетъ сверхъ того и справедливость произнесеннаго имъ осужденія расколу.

Д. Троицкій.

„ULTIMO"

ПОВѢСТЬ

VIII *).

Гольдгеймеръ усѣлся за письменный столъ и какъ будто углубился въ занятія; когда слуга ввелъ нотаріуса Вейкерта, онъ все же не выпускалъ бумаги изъ своихъ рукъ. Вейкерту хорошо была знакома эта уловка. Онъ могъ съ точностью опредѣлить, черезъ сколько именно секундъ маленькій, черномазенькій господинъ сниметъ золотое пенсъ-нэ съ своего носа и, обратясь къ нему, укажетъ на придвинутый заранѣе стулъ.

— До сихъ поръ я не имѣлъ чести... началъ банкиръ.

— Мнѣ случалось бывать въ вашей конторѣ по дѣламъ, прервалъ нотаріусъ.

Оба господина быстро взглянули другъ на друга и затѣмъ оба отвернулись. Каждый высмотрѣлъ то, что ему надобно, и нашелъ какъ разъ то самое, чего ожидалъ.

— Ну, а то частное дѣло, которое доставляетъ мнѣ сегодня честь... началъ снова банкиръ.

— Касается вотъ этихъ векселей,—докончилъ нотаріусъ, вынимая нужныя ему бумаги изъ портфеля, — на сумму всего девять тысячъ пятьсотъ талеровъ, выданныхъ въ различное время, и срокъ которымъ истекаетъ сегодня. Эти векселя за подписью доктора Вильда, и я полагаю, что домъ Гольдгеймеръ-Сынъ не откажется ихъ дисконтировать.

---

*) См. выше: апрѣль, 629 стр.

— На чемъ же основывается ваше предположеніе? спросилъ Гольдгеймеръ.

Онъ небрежно игралъ своей цѣпочкой; но пальцы его дрожали, и густыя брови нервно подергивались. Вейкертъ билъ навѣрняка.

— Я заключаю изъ вашего вопроса, а главное, по тону, которымъ онъ сдѣланъ, что я ошибся, вымолвилъ онъ вставая, — а потому прошу извинить за безпокойство.

— Садитесь, пожалуйста садитесь! вскричалъ банкиръ; вы меня не поняли, совсѣмъ не поняли!

— Если такъ, то, во избѣжаніе дальнѣйшихъ недоразумѣній, осмѣлюсь попросить позволенія вести нашу бесѣду съ полнѣйшей откровенностью.

— Сдѣлайте одолженіе, я вѣдь только объ этомъ и прошу, убѣдительнѣйше прошу! Будьте такъ добры, позвольте...

Банкиръ пробѣжалъ векселя, которые подалъ ему нотаріусъ, и улыбка скользнула по его узкому лицу. На нихъ стояли роковыя, частію предосудительныя имена, которыя сплетались съ именемъ Вильда, какъ галки пристають къ раненому соколу... имена, которыя совсѣмъ не упоминаются въ практикѣ приличныхъ фирмъ, но которыя, однако, всѣ были извѣстны Гвидо Гольдгеймеру—всѣ безъ исключенія. Знакомство съ ними относилось къ темнымъ днямъ, прожитымъ въ темномъ переулкѣ, гдѣ онъ провелъ свою темную молодость. И темную, весьма темную исторію читалъ онъ между строками, краткими, но многознаменательными, которыми была испещрена оборотная сторона векселей... исторію человѣка, ведущаго такую игру, которой не долженъ проиграть, потому что суммы, красующіяся на этихъ бумажныхъ клочкахъ являются лишь матеріальной ставкой... настоящая же ставка — это его честь, быть можетъ самая жизнь! Да! его жизнь, его честь! Онъ, Гвидо Гольдгеймеръ, держитъ ее теперь въ своихъ рукахъ, если только правильно сыграетъ свою партію! А вѣдь это не трудно! Зачѣмъ скупилъ всѣ эти векселя старикъ Кемпе, имя котораго красовалось на всѣхъ нихъ, какъ не затѣмъ, чтобы пріобрѣсти рѣшительное вліяніе на Вильда и предписать ему свои условія? Зачѣмъ перепродавалъ онъ векселя, скупленные, разумѣется, не безъ труда? Пуще же всего, зачѣмъ онъ еще сегодня взялъ съ него этотъ вексель «по востребованію?» Ужъ, разумѣется, потому, что попытка не удалась, потому что Вильдъ — это было такъ на него похоже! — гордо отвергъ руку, которую старикъ протягивалъ ему отчасти съ угрозой, отчасти въ видахъ примиренія, въ гордой увѣренности, что онъ сегодня до-

бьется отъ Mélanie согласія, а отъ ея родителей—благословенія. Онъ разсчитывалъ, что жареныя куропатки сами повалятся ему въ ротъ!

Мрачныя тѣни пробѣгали по смуглому лицу Гольдгеймера, въ то время, какъ онъ перелистывалъ зловѣщія бумаги, соображая, разсчитывая, обдумывая свою месть. Одно только было опасно... И Гольдгеймеръ, который-было повернулся къ нотаріусу, снова принялся разглядывать подписи. Это были, очевидно, тѣ самыя бревна, которыя старикъ положилъ ему на пути и которыя «благородное созданіе» торопилось расчистить. Съ этой цѣлью она вытребовала даже свой капиталъ—даже суммы почти сходились — а господинъ докторъ, разумѣется, съ радостью ухватится за спасеніе, предлагаемое ему «ангеломъ», когда надежды его на помощь Гольдгеймера не осуществятся! Но пусть они всѣ дѣлаютъ, какъ знаютъ, а ему слѣдуетъ воспользоваться настоящей минутой и доказать Mélanie, что человѣкъ, который явится черезъ часъ просить ея руки, — плутъ, авантюристъ, отъ котораго отказался даже его крестный отецъ, его благодѣтель... а тамъ пусть себѣ его дочь, о присутствіи и «благородныхъ» планахъ которой, очевидно, ни отецъ, ни нотаріусъ не подозрѣвали, разъигрываетъ всласть трогательно-слезливую роль ангела-избавителя. И если даже она тѣмъ временемъ дѣйствительно спасетъ его, то тѣмъ лучше. Такимъ образомъ, вернется затраченный капиталъ. Но это было въ настоящую минуту, да и вообще, неважно. Чтобы достичь того, чтó уже не было простымъ желаніемъ, но оказывалось возможнымъ шансомъ, не жаль было никакихъ суммъ!

Гольдгеймеръ сложилъ бумаги, которыя, повидимому, такъ старательно изслѣдовалъ.

— Я согласенъ дисконтировать эти векселя, сказалъ онъ;— но само собою разумѣется...

— Мы купили ихъ очень дорого, перебилъ его нотаріусъ; векселя этого господина стóяли очень низко, всего какихъ-нибудь полгода тому назадъ; но въ послѣднее время стояли почти *pari*. На нихъ просто спекулировали.

— И не даромъ, отвѣчалъ банкиръ; я приму ихъ *pari*. Г. Самуэли, пожалуйте сюда!

Управляющій вошелъ и поклонился своему принципалу, между тѣмъ, какъ Вейкертъ принялся внимательно разглядывáть часы, во вкусѣ рококо, красовавшіяся на каминѣ. Банкиръ отдавалъ вполголоса свои приказанія Самуэли; послѣдній спросилъ у него на ухо:—Хорошо ли вы разсмотрѣли векселя?

Банкиръ кивнулъ головой.

— Этотъ нотаріусъ настоящій плутъ; еще недавно я вынужденъ былъ пригрозить ему, что велю служителямъ выгнать его изъ конторы.

Банкиръ снова кивнулъ головой и затѣмъ промолвилъ громко:
— Будьте такъ добры, г. Самуэли, распорядитесь!

Самуэли распорядился; нотаріусъ застегнулъ сюртукъ, предварительно засунувъ въ его боковой карманъ довольно толстую пачку и взялся за шляпу.

Гольдгеймеръ проводилъ его до дверей.

— А я хотѣлъ васъ просить, господинъ нотаріусъ, если только вы не найдете это для себя неудобнымъ, то... но въ такомъ случаѣ не мѣшкайте ни минуты и пришлите ко мнѣ старика Кемпе, который, конечно, дожидается васъ гдѣ-нибудь по близости?

— Я, право, не знаю...

— О! вы, конечно, найдете его, если захотите, любезный господинъ нотаріусъ... я былъ бы очень вамъ обязанъ... очень признателенъ. Вы оставили, конечно, свой адресъ? Я охотно имѣю дѣло съ умными людьми, про которыхъ знаешь навѣрное, что они понимаютъ все на полу-словѣ. И въ виду того интереса, который мнѣ внушаетъ докторъ Вильдъ и все, что до него касается, а главное тѣ лица, которыя играли такую важную роль въ его прежней жизни, какъ, напримѣръ, достойнѣйшій Томасъ Кемпе... который, вдобавокъ, еще одинъ изъ нашихъ старѣйшихъ кліентовъ... въ виду этого интереса...

— Понимаю, отвѣчалъ нотаріусъ, съ особенной усмѣшкой; но я боюсь, какъ бы не пострадала та *entente cordiale*, которую я предполагалъ и, какъ вижу, не безъ основанія, между вами и докторомъ отъ сообщеній, которыя могутъ сдѣлать лица, знакомыя съ прежней жизнью господина доктора...

— Понимаю, возразилъ банкиръ, тоже съ особенной усмѣшкой; но что могутъ они сказать новаго счастливому владѣльцу вотъ этихъ бумагъ!

И онъ указалъ на векселя, лежавшіе подъ золотымъ прессъ-папье.

— Какъ знать, замѣтилъ Вейкертъ, пожимая плечами.

— Скажите лучше, нельзя знать! Такъ, напримѣръ, я желалъ бы спросить... не принадлежите ли и вы, господинъ нотаріусъ, къ числу тѣхъ лицъ, которыя знавали доктора Вильда раньше, чѣмъ...

— Чѣмъ онъ подписалъ векселя?

— Вы хотѣли употребить другое слово. Не стѣсняйтесь, по-

жалуйста: между свѣтскими людьми, какъ мы, подобное стѣсненіе вовсе не у мѣста, совсѣмъ излишне. Итакъ, если вы имѣете еще что-нибудь противъ доктора, дѣлами котораго вы, повидимому, особенно интересовались въ послѣднее время... напримѣръ, если вамъ извѣстно нѣчто въ родѣ *liaison dangereuse* съ какой-нибудь дамой изъ общества... вѣдь молодой, неженатый врачъ съ большой практикой не можетъ иногда этого избѣжать? А векселя весьма—между нами будь сказано — подозрительны, весьма и весьма подозрительны! но только съ коммерческой точки зрѣнія... быть можетъ, у васъ есть еще и другіе, въ которыхъ найдется маленькая неточность, остроумная игривость, геніальное *qui pro quo*, знаете... ну, ну, любезный господинъ нотаріусъ, быть можетъ, вы еще припомните кое-что! а пока пришлите ко мнѣ старика и будьте дома сегодня послѣ полудня, или лучше: навѣдайтесь ко мнѣ около пяти часовъ и прямо велите доложить о себѣ; около этого времени мнѣ, по всей вѣроятности, понадобятся ваши безцѣнныя услуги.

Дверь безъ шума затворилась за нотаріусомъ. Гвидо Гольдгеймеръ съ удовольствіемъ потиралъ свои руки.—Всѣ-то они дураки! и даже умнѣйшіе изъ нихъ! Какую дурацкую рожу корчилъ этотъ молодецъ! Онъ воображалъ, что проведетъ меня, а я самъ такъ провелъ его, что онъ теперь не знаетъ, какой рукой ему креститься. Тѣмъ лучше; тѣмъ вѣрнѣе я могу разсчитывать, что онъ сдѣлаетъ то, что я хочу. Жаль, очень жаль, что онъ больше ничего не зналъ! Посмотримъ, что можно изъ этого сдѣлать, посмотримъ.

Банкиръ снова заходилъ по комнатѣ, но уже не прежними глухими, неслышными шагами хищнаго звѣря. Лаковые сапоги ступали теперь такъ твердо, что производили нѣкоторый шумъ даже на толстомъ турецкомъ коврѣ, между тѣмъ какъ смуглое лицо, отражавшееся въ зеркалѣ, казалось, помолодѣло и просіяло. Но оно снова какъ будто состарѣлось и омрачилось, когда повернулось къ циферблату часовъ, во вкусѣ рококо, стоявшихъ на каминѣ.

— Половина двѣнадцатаго! Побѣда была теперь почти обезпечена, однако, все же нельзя было совсѣмъ положиться на это. И какъ быстро пролетѣлъ цѣлый часъ! хотя съ другой стороны можно считать счастіемъ, что для какихъ-нибудь случайностей, могущихъ спутать всю игру, не остается собственно времени. Чистѣйшая игра въ жмурки! Тамъ благородная дочь, которая, за спиной у своего родителя, жертвуетъ 10,000 талеровъ, чтобы добыть ловкому женишку другую жену; здѣсь честный родитель,

безъ вѣдома дочери, рискуетъ почти такой же суммой, чтобы выкупить добраго зятюшка, но настолько хитеръ, однако, чтобы подумать и о томъ, какъ-бы выручить свои денежки въ тотъ моментъ, какъ сдѣлка оказалась сомнительною. Какъ блистательно отдѣлала бы Mélanie стараго осла...

— Любезнѣйшій, почтеннѣйшій, злополучный другъ!

Гвидо Гольдгеймеръ пошелъ съ распростертыми объятіями на встрѣчу отцу Христіаны, котораго Жанъ ввелъ въ кабинетъ. Онъ усадилъ его въ кресло рядомъ съ собою и, не выпуская изъ своихъ рукъ холодныхъ, дрожащихъ рукъ старика, продолжалъ взывать:

— Мой добрѣйшій, несчастный другъ! не могу высказать вамъ, какъ горестно мнѣ, что мы, послѣ долгой трехъ-лѣтней разлуки должны свидѣться при такихъ... печальныхъ обстоятельствахъ! И все-таки я радъ, что васъ вижу! радъ, что вы, наконецъ, пришли ко мнѣ! и что я могу излить свое переполненное сердце передъ вами! вѣдь вы выстрадали то же самое, что и я, и даже въ настоящую минуту страдаете, мучитесь, какъ страдаю и мучусь я самъ!

Гольдгеймеръ выпустилъ холодныя, дрожащія руки, чтобы дать имъ возможность ухватиться за бумажный носовой платокъ и отереть мигающіе глазки. Приличія требовали, чтобы онъ самъ провелъ бѣлымъ батистовымъ платкомъ по лицу.

— Благодарю васъ, мой добрѣйшій, рыдалъ маленькій человѣчекъ, прикрывая лицо бумажнымъ носовымъ платкомъ; я въ ужасномъ положеніи, и просто не знаю, что мнѣ дѣлать! Какъ я покажусь на глаза моей бѣдной Христіанѣ, отъ которой я все это скрылъ и увѣрилъ ее, что ѣду сюда, чтобы столковаться на счетъ изюма съ фирмой Ликъ-и-Сыновья. Видите-ли, добрѣйшій, у меня просто темнѣетъ въ глазахъ, какъ я только объ этомъ подумаю, и съ вашей стороны прекрасно и гуманно, что вы принимаете все это такъ близко къ сердцу. Но почему вы страдаете и мучитесь столько же, сколько и мы, отъ того, что онъ станетъ теперь вашимъ зятемъ, а не нашимъ... то бишь моимъ... хотя изъ моего кармана уплыла тысяча талеровъ, да и Христіана моя жертвовала всѣми процентами съ 10,000, которые оставила ей тетушка Мартина, и которые хранятся у васъ, пока, наконецъ, три года тому назадъ, онъ вдругъ не захотѣлъ ничего отъ нея брать... и я тогда же сказалъ ей: Христіана, сказалъ я, попомни мое слово, что теперь, когда онъ ничего отъ тебя не беретъ, онъ и тебя самое не возьметъ... Но почему вы такъ же страшно несчастливы, какъ и мы... видите-ли, этого я никакъ въ толкъ не возьму.

Банкиръ, который все еще продолжалъ тереть свое смуглое лицо носовымъ платкомъ, взглянулъ съ такимъ изумленіемъ и даже испугомъ, что Томасъ Кемпе пересталъ тереть свой носикъ и, съ своей стороны, испуганно поглядѣлъ на банкира.

— Вы этого не понимаете? спросилъ банкиръ укоризненнымъ голосомъ,—значить, вы полагаете, что у моей дочери нѣтъ сердца, и что ей все равно, что человѣкъ, котораго она... но неужели же вы въ самомъ дѣлѣ считаете насъ способными воспользоваться несчастіемъ такого славнаго семейства, какъ ваше? неужели...

Банкиръ, казалось, не находилъ словъ; маленькій человѣчекъ началъ смутно сознавать, что онъ должно быть очень обидѣлъ Гольдгеймера.

— Господинъ Вейкертъ... пролепеталъ онъ...

— Неужели я долженъ былъ открыть свое сердце постороннему человѣку, вскричалъ банкиръ, указывая патетическимъ жестомъ на свою грудь, на которой сверкали бриллiантовыя запонки, но даже и онъ понялъ бы меня, если только у него есть сердце; но чтобы вы... вы...

— Но зачѣмъ же вы дисконтировали мой вексель? вскричалъ Кемпе въ великомъ смущеніи.

Грудь банкира заволновалась такъ сильно, что бриллiантовыя запонки запрыгали на груди.

— Фирма Гольдгеймеръ-Сынъ никогда не обманываетъ довѣрія, которое ей оказываютъ. Я уплатилъ бы долги этого господина, еслибы вмѣсто десяти тысячъ...

— Пять тысячъ, поправилъ Кемпе.

— Съ вашимъ сегодняшнимъ векселемъ «по востребованію»...

Маленькій человѣкъ вскочилъ съ своего стула.

— Только не этотъ! только не этотъ! вскричалъ онъ внѣ себя.—Создатель! какъ онъ попалъ къ вамъ въ руки! Создатель, я долженъ получить его обратно! Моя Христіана ни въ жизнь мнѣ не проститъ, если я выпущу его изъ рукъ! Она о немъ и не подозрѣваетъ, я все это, такъ сказать, принялъ на свою голову; да и въ сущности хотѣлъ только попугать, хотѣлъ употребить послѣднее средство смягчить это каменное сердце. Но когда онъ принялъ меня... видите ли, я вовсе не дурной человѣкъ, многоуважаемый господинъ Гольдгеймеръ, я никого не въ силахъ обидѣть, и если мнѣ случится выдрать за уши своего ученика, то значитъ, онъ уже очень дурно себя велъ; тѣмъ менѣе могу я огорчить Конрада, которымъ всегда такъ гордился, хотя и не давалъ ему этого замѣтить... и если бы онъ только захотѣлъ, то я отдалъ бы ему послѣдній грошъ... но вѣдь, говорятъ же, что

и у курицы есть сердце... и когда я очутился на улицѣ... ужъ и самъ теперь не помню, какъ я сошелъ съ лѣстницы... а тутъ еще Вейкертъ сталъ меня убѣждать, что мнѣ не слѣдуетъ бросать денегъ за окошко и что вы навѣрное заплатите за своего будущаго зятя... сознаюсь вамъ: я не совсѣмъ-то вѣрилъ тому, что Вейкертъ давно уже напѣвалъ мнѣ въ уши. Онъ, собственно говоря, всегда былъ дряннымъ человѣкомъ, а съ Конрадомъ поступилъ, по словамъ моей Христіаны, какъ негодяй, и если уже говорить всю правду, то я былъ собственно очень радъ, когда она прописала ему отставку, недѣлю тому назадъ, когда онъ снова заѣхалъ въ нашу сторону. И если Конрадъ забылъ Господа Бога и готовъ... Эхъ! многоуважаемый господинъ Гольдгеймеръ, противъ судьбы ничего не подѣлаешь, и тѣ пять или шесть человѣкъ вашихъ единовѣрцевъ, которые живутъ въ нашемъ городкѣ... ну, да вѣдь въ сущности всѣ мы вѣримъ въ единаго Господа Бога, и здѣсь въ Лейпцигѣ, въ вашемъ прекрасномъ домѣ... ну, да что говорить, здѣсь все это смотритъ совсѣмъ иначе... да и вы сами, многоуважаемый господинъ Гольдгеймеръ, доказываете, что у васъ истинно христіанскія чувства, да и супруга ваша также, а дочка ваша... ей семнадцать лѣтъ, говорилъ Вейкертъ... Боже милостивый! и она любитъ его, и сердце ея быть можетъ разбилось бы, если бы ей пришлось отъ него отказаться, потому что... нужно говорить правду... другого такого человѣка, какъ Конрадъ, не сыщешь... и еслибы моя Христіана все это знала и была бы здѣсь, то, видите ли... я все это время и еще вчера вечеромъ, когда уѣзжалъ, былъ на нее страшно золъ; но было бы лучше, еслибы я ее послушался, а не Вейкерта, который началъ съ того, что затащилъ меня вмѣсто «Зеленой Березы» къ «Дикарю», гдѣ еще сквернѣе, и гдѣ я не могъ глазъ сомкнуть, но все думалъ о Христіанѣ... и видите ли, я въ этомъ убѣжденъ, что если бы она была здѣсь, то бросилась бы на шею вашей дочкѣ и сказала бы: возьми его себѣ и Богъ да благослови вашъ союзъ. Аминь!

Добрый старикъ вынужденъ былъ снова прибѣгнуть къ носовому платку. На этотъ разъ банкиръ не нашелъ нужнымъ послѣдовать его примѣру.

Черные глаза его сверкали презрѣніемъ, гнѣвомъ и яростью; безбородое лицо снова омрачилось и приняло такое выраженіе, какъ еслибы господинъ Гольдгеймеръ-Сынъ желалъ вмѣсто шерстяного стараго шарфа накинуть на шею Томаса Кемпе новую и крѣпкую веревку.

Ужъ эти бараны безъ мозга и безъ желчи! эти непроходи-

мые кретины! Вотъ онъ призвалъ человѣка затѣмъ, чтобы вполнѣ освоить его съ ролью несчастнаго отца и затѣмъ провести его въ будуаръ къ Mélanie... съ его покраснѣвшимъ отъ слёзъ носикомъ, съ его пестрымъ бумажнымъ носовымъ платкомъ, который онъ мялъ въ рукахъ, на которыхъ не было перчатокъ, съ его толстымъ шарфомъ, изъ-за котораго выглядывалъ воротникъ рубашки допотопнаго фасона: взгляни-молъ на этого старца, Mélanie, убитаго горемъ отца несчастной дочери!.. а теперь... теперь ему придется радоваться, если онъ съумѣетъ выпроводить стараго болвана изъ дому, прежде чѣмъ его вздорныя рѣчи дойдутъ до ушей Mélanie.

— Гвидо, Гвидо!—послышался глухой и какъ-бы замогильный голосъ.

Томасъ Кемпе испуганно оглядѣлся и широко раскрылъ моргающіе глазки, когда банкиръ, вскочивъ съ своего мѣста, подбѣжалъ къ стѣнѣ и приложилъ свое ухо къ мѣдной раковинѣ, или чему-то въ этомъ родѣ, выглядывавшему изъ-за обой.

— Наша Mélanie въ обморокѣ; умоляю тебя, иди скорѣй.

Банкиръ приложился къ тому мѣсту, гдѣ только-что красовалось его ухо и вслѣдъ затѣмъ раздались какіе-то звуки, такъ страшно, что старикъ вскочилъ съ мѣста, схватилъ свою фуражку и черезъ минуту уже стоялъ на улицѣ, самъ не понимая, какъ онъ туда попалъ.

А Гвидо Гольдгеймеръ бросился вверхъ по узенькой лѣстницѣ, которая вела прямо изъ его кабинета въ будуаръ жены, объявивъ предварительно въ конторѣ, что его нѣтъ дома ни для кого.

IX.

Раньше вышеописанной сцены, Гольдгеймеръ, истощивъ попусту все свое краснорѣчіе, пришелъ въ совершеннѣйшее отчаяніе, и наговоривъ немало рѣзкостей, исчезъ наконецъ въ контору черезъ узкую дверь, скрытую въ обояхъ, изъ краснаго салона. Жена же его, отнявъ отъ заплаканнаго лица носовой платокъ, обшитый кружевами, облегчила свое удрученное сердце восклицаніемъ: — Ахъ! слава тебѣ Господи!

— Слава тебѣ Господи, повторила она еще разъ; эти мужчины такіе деспоты, такіе грубые! воображаю, какъ ты истрадалась, бѣдное, дорогое, любимое мое дитя!

Она встала и усѣлась рядомъ съ Mélanie на маленькой, полукруглой софѣ, напротивъ камина, и захвативъ въ свои руки

ея руки, принялась ихъ сжимать и гладить, и отведя отъ лба темные волосы стала цѣловать прекрасные глазки. Mélanie принимала нѣжность матери съ спокойствіемъ, которое граничило почти съ холодностью, и наконецъ съ нетерпѣливымъ жестомъ высвободилась изъ ея объятій.

— Все это прекрасно, мамá, но дѣла наши нисколько не подвигаются впередъ. А между тѣмъ черезъ какой-нибудь часъ Конрадъ будетъ здѣсь.

— Ты вѣдь слышала, что папá не велѣлъ его принимать ни подъ какимъ видомъ.

— Такъ онъ и дастъ отказать себѣ!

Г-жа Гольдгеймеръ съ испугомъ поглядѣла на свою дочь; прекрасные глаза у Mélanie были опущены внизъ, а лицо выражало сосредоточенное раздумье.

— Какое же твое настоящее мнѣніе? спросила она тихо.

— Мое настоящее мнѣніе? возразила г-жа Гольдгеймеръ съ удивленіемъ;—но, милое дитя, развѣ оно не вполнѣ для тебя ясно?

— Совсѣмъ неясно. Ты сначала держала сторону папá, а затѣмъ начала вступаться за меня и говорила, что Евгенія никакъ нельзя сравнивать съ Конрадомъ; папá совсѣмъ вышелъ изъ себя при этомъ...

— Я очень дурно сдѣлала, возразила г-жа Гольдгеймеръ съ жаромъ; мнѣ не слѣдовало говорить этого въ присутствіи твоего папá. Онъ понялъ это навѣрное не такъ, какъ я желала...

— Ну? спросила Mélanie, когда мать внезапно умолкла.

Г-жа Гольдгеймеръ прижала кружевной платокъ къ глазамъ.

— Это старая исторія, отвѣчала она; прежде чѣмъ ты... прежде чѣмъ я... охъ! дорогое дитя, мы, женщины, никогда не можемъ поступать такъ, какъ намъ хотѣлось бы. Мы всегда бываемъ вынуждены подчиниться обстоятельствамъ. Въ особенности же мы, еврейки! у христіанъ—нѣсколько иначе, но я право не знаю, лучше ли имъ отъ того. Напротивъ! любовь скоро проходитъ, а затѣмъ остается нищета, да заботы, да стѣсненія... чищенныя перчатки и платья, которыя приходится надѣвать по три вечера сряду... вспомни только, какъ была наряжена вчера г-жа фонъ-Вильбергъ... на ней была старая розовая наколка, на этотъ разъ отдѣланная кружевами... разумѣется, поддѣльными... а вѣдь мужъ у ней полковникъ! Если мы нашихъ мужей не любимъ и никогда не любили, за то они могутъ съ легкостью бросать тысячи тамъ, гдѣ бѣдному человѣку одного талера жаль. И повѣрь мнѣ, милое дитя: въ сущности въ этомъ вся сила, въ особен-

ности когда кто привыкъ въ роскоши съ дѣтства, какъ ты, напримѣръ.

— Но вѣдь я полагаю, возразила Mélanie все съ тѣмъ же раздумчивымъ, неподвижнымъ взглядомъ, я полагаю, что папа́ богатъ; а то, что онъ разсказывалъ тутъ о своихъ денежныхъ затрудненіяхъ... такъ вѣдь это онъ говорилъ только для того, чтобы запугать меня и...

— Ради самого Бога, не думай этого, дитя! вскричала г-жа Гольдгеймеръ, хватая Mélanie за руку; онъ божился мнѣ сегодня ночью, и хотя онъ не постоитъ за этимъ, когда захочетъ поставить на своемъ... однако Зильберманъ дѣлалъ вчера за ужиномъ намеки; такіе намеки, что я чуть въ обморокъ не упала. У меня просто въ глазахъ потемнѣло.

— Ну, тогда все же остается твое состояніе, мама́; да кромѣ того, весьма возможно, что папа́ находится въ затруднительномъ положеніи въ настоящую минуту, но, чтобы онъ не выпутался изъ него... нѣтъ, мама́, я этому не вѣрю. Дѣла Зильбермановъ были совсѣмъ плохи шесть лѣтъ тому назадъ... я, конечно, этого не помню, но вы часто говорили объ этомъ при мнѣ... и если Зильберманъ съумѣлъ выпутаться, то и папа́ съумѣетъ. И, наконецъ, у Вильда есть практика...

Г-жа Гольдгеймеръ широко раскрыла глаза:

— Неужели ты говоришь это серьёзно, дитя! Какихъ-нибудь жалкихъ двѣ тысячи талеровъ! Великій Боже! да ихъ не хватитъ тебѣ на туалетъ!

— Боже мой, мама́! все это я хорошо знаю, возразила Mélanie нетерпѣливо, но если вы ничего лучше не съумѣете сказать Вильду какъ то, что папа́ разоренъ, то онъ вправѣ будетъ возразить вамъ: значитъ, я богаче васъ. Нѣтъ, мама́, этимъ путемъ вамъ отъ Вильда не отдѣлаться.

Она встала съ софы съ опущенными глазами и принялась расхаживать взадъ и впередъ по комнатѣ. Взоры матери съ нѣжнымъ безпокойствомъ слѣдили за прелестной, двигающейся фигурой.

— Знаешь ли, Mélanie, проговорила она, когда я гляжу на тебя, то думаю, что никакой принцъ не достоинъ тебя; ты съ самаго рожденія всегда дѣлала то, что хотѣла, и у меня просто разрывается сердце, когда я подумаю, что какое-нибудь твое желаніе останется невыполненнымъ. Да и ты права: дѣла у папа́ вовсе уже не такъ худы... Да и будь я на твоемъ мѣстѣ, то тоже охотнѣе согласилась бы жить съ Вильдомъ въ четвертомъ этажѣ — хотя мнѣ ужасно объ этомъ подумать — чѣмъ съ

Евгеніемъ въ ихъ великолѣпномъ бель-этажѣ... потому что вѣдь старики хотѣли перебраться, какъ мнѣ говорилъ вчера Зильберманъ, внизъ, чтобы быть поближе къ садовой террасѣ... вѣдь старухѣ Зильберманъ лѣтомъ надо быть какъ можно больше на воздухѣ, пока она не уѣдетъ въ Ишль... охъ! и мы всѣ хотѣли тамъ съѣхаться! и каково это думать, что все это была одна мечта!

Г-жа Гольдгеймеръ снова должна была прибѣгнуть къ носовому платку, но не успѣла она найти сухой уголокъ и поднести его къ глазамъ, какъ услышала шелестъ утренняго капота дочери, и поднявъ глаза увидѣла ее уже въ дверяхъ.

— Куда ты?

— Одѣваться, отвѣчала Mélanie; да и тебѣ совѣтую одѣться. Уже одиннадцать часовъ.

Она проговорила это черезъ плечо и такъ спокойно, какъ еслибы сегодня утромъ ничего не случилось особеннаго, и ея судьба не должна была рѣшиться черезъ часъ!

— Странный ребенокъ! прошептала мать; еслибы я только знала, чего она собственно хочетъ; она навѣрное это знаетъ, она всегда знаетъ, чего хочетъ, и всегда бываетъ права... Что-то она сегодня надѣнетъ? не хочу ей мѣшать, а любопытно было бы поглядѣть...

— Подай свѣтло-сѣрое шелковое платье съ четырех-угольнымъ вырѣзомъ; волосы на лбу завей, но чуть-чуть, а сзади заплети въ длинныя косы; чтобы все было легко, свободно и... красиво.

Mélanie желала проговорить все это съ ребяческой игривостью, но ей это не удалось. На прекрасномъ личикѣ ея, которое она разглядывала въ зеркало, пока горничная причесывала ея чудные волосы, замѣчалось совсѣмъ не дѣтское выраженіе... Никакой принцъ меня недостоинъ... да! хорошо еслибы какой-нибудь принцъ... а то жить въ четвертомъ этажѣ въ наемной квартирѣ...

Она невольно плотнѣе закуталась въ легкій пеньюаръ, и молодое личико ея приняло такое мрачное выраженіе, что лицо прекрасной сказочной королевы не могло быть мрачнѣе, когда зеркальцо повѣдало ей роковую вѣсть о томъ, что за горами, за долами, за широкими морями живетъ королевна у семи братьевъ-богатырей, и эта королевна еще краше ея.

— Какъ ты сегодня неловка, Элиза!

Бѣдная дѣвушка съ величайшимъ стараніемъ приступила къ своему дѣлу; но распущенные волосы госпожи выскользнули у

нея изъ рукъ и разсыпались широкой, блестящей волной по спинѣ стула и до самого ковра; она не могла съ ними справиться.

— Мнѣ придется прогнать тебя, вскричала Mélanie, топнувъ маленькой ножкой.—Рикхенъ, освободите меня, пожалуйста, отъ этой безтолковой дѣвчонки!

Блѣдное лицо Рикхенъ какъ разъ въ эту самую минуту просунулось въ дверь уборной; она быстро шмыгнула въ нее.

— Ступайте въ прачешную и помогайте Аугустѣ гладить; я буду прислуживать барышнѣ.

Горничная ушла со слезами на глазахъ. Рикхенъ заперла за ней дверь на ключъ и вернулась къ Mélanie, высоко поднимая свои худыя руки.

— Ахъ! милая барышня, вы такая умница и вѣрно сейчасъ же догадались, что я пришла сюда не спроста! Представьте себѣ... впрочемъ, могу я пока завивать васъ, какъ недавно, вечеромъ, *à la* Грётхенъ? хорошо, хорошо!.. представьте себѣ, милая барышня... этотъ Жанъ... онъ такой вѣтрогонъ, за которымъ нуженъ глазъ, да глазъ... да и подслушивать у дверей—просто отвратительно... но прислугу отъ этого никакъ не отучишь, а Жанъ по крайней мѣрѣ искренно расположенъ къ господамъ, за что я и спускаю ему многое; ну, вотъ приходитъ онъ сейчасъ весь блѣдный и разсказываетъ, что получилъ отъ одного господина пять талеровъ за то, чтобы доложить о немъ барину, и такъ какъ ему это показалось подозрительнымъ, то онъ и подслушалъ все до единаго слова. А господинъ-то этотъ былъ какой-то нотаріусъ, и все время рѣчь шла о докторѣ и о какомъ-то векселѣ, который онъ подписалъ, а уплатить-то и не можетъ, и Жанъ говоритъ: насколько онъ понялъ, доктору не сдобровать, и онъ можетъ сказать спасибо, если не проведетъ сегодняшнюю ночь въ долговомъ отдѣленіи. Ахъ! милая, дорогая барышня, я просто внѣ себя, когда подумаю, что у человѣка, который выступаетъ такимъ гоголемъ, какъ будто вся вселенная принадлежитъ ему, нѣтъ гроша за душой; вѣдь представьте только себѣ, милая барышня, когда онъ уходилъ вчера вечеромъ и Жанъ помогалъ ему надѣть пальто, изъ кармана у него что-то выпало, да и закатилось куда-то такъ, что они долго не могли найти, вотъ докторъ-то и сказалъ: оставьте, это вѣрно не мое... а это было его... сегодня утромъ Жанъ нашелъ... и представьте что это такое было: прелестный и новехонькій портмоне... но совсѣмъ пустой: то-есть ни единаго талера, ни единаго гроша, ни единаго пфеннига, только двѣ визитныхъ карточки! Ну, конечно, не удивительно, замѣтилъ при

этомъ Жанъ, что отъ него иной разъ получишь золотой, а тамъ, гляди, цѣлыхъ четыре недѣли не дождешься ни копѣйки, не то, что молодой баринъ Зильберманъ...

— Сколько онъ заплатилъ вамъ за то, чтобы вы разсказали мнѣ всѣ эти прекрасныя исторіи?

Mélanie встала; Рикхенъ трепещущими руками сложила пеньюаръ и тонкій голосокъ ея задрожалъ, когда она, укладывая въ ящикъ туалета гребни и щетки, возразила:

— Я не заслуживала отъ васъ, барышня, чтобы вы ставили меня на одну доску со всѣми прочими. И когда вотъ услышишь такое, то рада въ другой разъ лучше языкъ откусить, чтобы только не опростоволоситься, рада уши зажать, чтобы не слыхать людскихъ рѣчей, потому что... моя хата съ краю, ничего не знаю... такъ-то выгоднѣе... да и какое мнѣ дѣло собственно до того, что у доктора уже есть невѣста, и сосваталъ онъ ее не со вчерашняго дня, а ужъ цѣлыхъ девять или десять лѣтъ, и ужъ конечно, значитъ, она не можетъ быть такъ молода, какъ другія дамы, а хороша-то она и никогда не была; а кое-какія деньжонки, которыя водились у ней, онъ ужъ давно растранжирилъ; ну, вотъ оно и неудивительно, что господинъ докторъ теперь повернулъ въ другую сторону, какъ говорила мнѣ молодая модистка, которая приходила поправить мою наколку... она вѣдь тоже изъ Ѳурцена и знаетъ всю исторію.

— Она еще здѣсь? вскричала Mélanie и внезапно повернулась къ Рикхенъ, которая чуть-было не выронила со страху гребни изъ рукъ: такъ блѣдна была ея барышня и такъ сверкали ея глаза.

— Я полагала, что все равно, если я сама...

— Сію минуту пришлите ее ко мнѣ сюда, сію минуту! — закричала Mélanie, топнувъ маленькой ножкой.

— Ради Бога, барышня, успокойтесь, пролепетала Рикхенъ; —она показалась мнѣ довольно вѣтряной дѣвушкой и быть можетъ все это налгала...

По лицу Mélanie пробѣжала мрачная улыбка; но она ничего не возражала, а только сдвинувъ брови указала на дверь, которую Рикхенъ тотчасъ отперла. Элиза, уже два раза тщетно стучавшаяся въ дверь, заглянула въ комнату.

— Въ прихожей дожидается дама, которая убѣдительнѣйше проситъ позволенія увидѣть барышню. Дѣло очень важное, говоритъ; она думаетъ, что барышня не откажется ее принять, если я скажу ея имя: Христіана Кемпе...

Рикхенъ всплеснула своими исхудавшими руками, быстро по-

вернулась къ своей молодой барышнѣ и поднявъ глаза къ потолку, какъ будто благодарила небо за то, что оно выручило ее изъ бѣды. Молодая барышня ея, должно быть, поняла ея жесть и взглядъ, потому что поблѣднѣла еще сильнѣе, если можно, и затѣмъ сказала спокойно.

— Я могу, пожалуй, принять эту даму здѣсь, не правда ли, Рикхенъ? Пожалуйста, Рикхенъ, проведите ее сюда!

Она остановилась передъ зеркаломъ. Вотъ гдѣ спасеніе; все остальное онъ опрокинулъ бы какъ карточный домикъ; да и какъ рѣшилась бы я сказать ему! Но это! это разумѣется разобьетъ мнѣ сердце... Вотъ она! довольно некрасива, какъ кажется, но имѣетъ видъ приличной дамы!

X.

Mélanie медленно повернулась и стала лицомъ къ лицу съ особой, которую она передъ тѣмъ разсматривала въ зеркалѣ. Она не была, конечно, красивой, но не могла также назваться и дурной; въ особенности большіе, голубые глаза отличались какою-то оригинальной прелестью, хотя въ настоящую минуту были подернуты какъ-бы дымкой. Но еще нѣсколько секундъ... и дымка разсѣялась, большіе голубые глаза уже глядѣли такъ тепло и такъ кротко, и при этомъ такъ свѣтло и проницательно, что Mélanie опустила длинныя, шелковыя рѣсницы и указавъ на кушетку, стоявшую по близости, тихимъ голосомъ попросила гостью сѣсть.

— Прошу извинить, что я принимаю васъ здѣсь, продолжала она, пододвигая себѣ табуретъ, моя няня виновата въ этомъ, она...

Христіана, какъ вошла въ комнату, такъ и не оглядѣлась кругомъ. Она все время не сводила глазъ съ прелестной фигуры, которая усѣлась теперь передъ ней, легко и беззаботно, какъ птичка, складывающая свои крылышки. Глаза Христіаны готовы были омрачиться, но вѣдь она всегда представляла себѣ ту, которую онъ теперь любилъ, прекрасной и привлекательной! И развѣ ей не было бы больно, еслибы она нашла ее иною!

— Я желала васъ видѣть, чтобы переговорить съ вами, сказала она. Мое имя... мое имя вамъ неизвѣстно.

— Я не могу припомнить... отвѣчала Mélanie.

— Значитъ, я пришла во время. Потому что я была увѣрена, что вы услышите обо мнѣ... въ самомъ непродолжительномъ вре-

мени, какъ только убѣдилась, что мой отецъ вчера вечеромъ... но для васъ это непонятно.

— Я дѣйствительно не понимаю васъ, замѣтила Mélanie, но прошу говорить со мной совсѣмъ откровенно, совсѣмъ свободно... какъ съ сестрой.

Она встала и усѣлась рядомъ съ Христіаной на кушеткѣ, и при послѣднихъ словахъ схватила ея руки въ порывѣ чувства, которое необыкновенно какъ скрасило ея прелестное личико.

— Какъ съ сестрой! повторила она.

Христіана крѣпко сжала нѣжныя ручки. Грудь ея вздымалась, глаза глядѣли неподвижно, ротъ судорожно подергивался. Вдругъ она обняла Mélanie и съ страстной нѣжностью принялась цѣловать ея лобъ и глаза.

— Какъ съ сестрой! рыдала она, — моей сестрой! Я буду вамъ вѣчно благодарна за это слово, которое снимаетъ печать съ моего языка! Да, теперь я могу говорить; теперь я могу высказать все, все, потому что вы меня поймете и быть можетъ уже догадываетесь... навѣрное догадываетесь о томъ, что я хочу сказать! Но я все же должна высказаться, ради него, ради того, чтобы вы могли защищать, отстаивать его, подобно тому, какъ и я зачастую защищала его противъ нападокъ, казавшихся на видъ справедливыми... Ахъ! кто понимаетъ его, кто можетъ его понимать, кромѣ тѣхъ, кто его любитъ!

Она отерла слезы и снова взяла Mélanie за руку, которую нѣжно сжала, между тѣмъ какъ грустная улыбка блуждала на ея губахъ.

— Я полюбила его... могу сказать почти съ перваго момента, какъ онъ... этому уже прошло десять лѣтъ и я была тогда такъ же молода, какъ теперь вы... когда онъ переступилъ нашъ порогъ. Его отецъ и моя мать были двоюродные братъ и сестра, и поэтому онъ приходилъ иногда къ намъ въ гости, но довольно рѣдко, потому что онъ росъ въ отцовской деревенькѣ, въ горахъ, въ большомъ уединеніи и бѣдности... Это самое и сдѣлало его такимъ застѣнчивымъ и гордымъ; а затѣмъ, и позднѣе въ семинаріи, онъ чувствовалъ себя такимъ одинокимъ, среди ханжей и изувѣровъ... какъ онъ говорилъ мнѣ объ этомъ впослѣдствіи... когда получилъ ко мнѣ довѣріе и... полюбилъ меня.

Яркій румянецъ залилъ лицо Христіаны и затѣмъ исчезъ, точно вечерняя заря въ лѣтнихъ дождевыхъ облакахъ.

— Я могу сказать это теперь, когда онъ меня разлюбилъ. Теперь, когда для него открытъ весь міръ, весь прекрасный Божій міръ, что можетъ значить моя любовь! Тогда... да, тогда я

была для него частицею голубого неба, которое дружески киваетъ узнику, сквозь желѣзную рѣшетку его темницы... птичкой, несложная пѣсенка которой нарушаетъ могильную тишину... И когда страданія дѣлались нестерпимы, то я была человѣческой душой, которая не оставалась вполнѣ глуха, но могла понимать и откликаться на его жалобы... жалобы страстнаго сердца, которое вынуждено биться въ тактъ съ будничной, пошлой жизнью! Жалобы огненнаго духа, который рвется въ небеса, между тѣмъ, какъ ничтожные людишки стремятся наложить на него оковы... Но вы не смѣетесь, слушая меня? вы не говорите: бѣдная, она такъ много задумывалась надъ всѣмъ этимъ, такъ старалась разъяснять себѣ все съ разныхъ сторонъ, и вотъ, пока она все это жевала, да пережевывала, въ ея воображеніи тѣснились всякаго рода картины и сравненія, изъ которыхъ не было ни одного вполнѣ реальнаго! Но я знаю, я вижу по вашему внимательному лицу, по вашимъ прекраснымъ умнымъ глазамъ, что вы меня понимаете; понимаете, чѣмъ я была въ то время для него, пока не наступилъ день, о которомъ онъ такъ долго мечталъ, пока не возсталъ народъ, чтобы съ оружіемъ въ рукахъ потребовать себѣ свободы! Могъ ли онъ сидѣть спокойно дома! Онъ, у котораго земля давно горѣла подъ ногами! и развѣ онъ могъ не принести себя въ жертву! онъ, мужество котораго не страшилось никакихъ опасностей. Они схватили его съ оружіемъ въ рукахъ; они бросили его въ темницу; онъ разломалъ желѣзныя рѣшетки, благодаря своей исполинской силѣ, и сквозь тысячи опасностей пробрался въ свободную Швейцарію. Но... вы, конечно, слышали все это изъ его собственныхъ устъ,—я же знаю объ этомъ только изъ его писемъ... вѣдь съ того самаго весенняго дня, когда онъ съ ружьемъ за плечами перепрыгнулъ черезъ нашъ садовый заборъ, чтобы стать во главѣ отряда волонтеровъ... съ того самаго дня я видѣла его только одинъ разъ, здѣсь въ Лейпцигѣ... то было мимолетное и печальное свиданіе, о которомъ я до сихъ поръ не могу вспомнить безъ ужаса.

Она провела рукой по лбу и по глазамъ.

— Но я пришла сюда не затѣмъ, чтобы нагонять на васъ тоску! Я пришла вдохнуть въ васъ мужество отстаивать его противъ всего, чѣмъ они вздумаютъ смущать вашу любовь, потому что съ его характеромъ—а развѣ тотъ, кто его любитъ, можетъ желать, чтобы онъ перемѣнился!—онъ долженъ былъ поступать такъ, какъ онъ поступалъ.

Онъ пріѣхалъ тогда изъ Парижа — великаго Парижа! въ этотъ маленькій городокъ! и съ какою цѣлью? чтобы свидѣться

съ дѣвушкою, которой онъ предлагалъ сдѣлаться спутницей его жизни, — сложившейся теперь такимъ блестящимъ образомъ, и только потому, что эта дѣвушка шесть лѣтъ тому назадъ повстрѣчалась ему на пути, прошла съ нимъ шага два впередъ, и быть можетъ дружеской, хотя и неопытной рукой нѣсколько облегчила ему его бремя! Ахъ! моя милая, добрая, прелестная, я не могу все разъяснить вамъ до мельчайшихъ подробностей, но вѣдь это не нужно. Нужно только, чтобы вы твердо знали одно: единственное лицо, которое быть можетъ имѣло бы нѣкоторое право негодовать на него—не испытываетъ этого чувства; единственное лицо, которое пострадало во всемъ этомъ, говоритъ: такъ должно было быть! и иначе не могло и быть! онъ мнѣ ничего не долженъ! ровно ничего!

Пурпуровая краска снова залила ея лицо, и она опустила длинныя рѣсницы на разгорѣвшіяся щеки, когда продолжала:

— Слѣдуетъ сообщить вамъ еще одно, хотя это можетъ показаться вамъ,—выросшей въ богатствѣ, подобно птичкѣ въ теплomъ, мягкомъ какъ шелкъ, гнѣздышкѣ,—непонятной, безобразной сказкой; но все-таки выслушайте меня... ради его... вѣдь ему нельзя поставить въ вину, такъ же, какъ и никому другому, если въ то время, какъ онъ переходилъ черезъ улицу, къ его сапогамъ пристало нѣсколько пыли... а между тѣмъ они хотятъ превратить эти нѣсколько пылинокъ въ грязное пятно, и запятнать имъ его честь, которая была, есть и будетъ такъ же чиста, какъ вотъ это ваше зеркало.

У Конрада была богатая тетка... богатая по нашимъ мѣщанскимъ понятіямъ. Она была бездѣтна; онъ былъ ея ближайшій родственникъ и всѣми давно было признано, что онъ будетъ ея наслѣдникомъ, хотя она и жила не въ ладахъ съ его отцомъ, а Конрадъ всегда стоялъ за отца горой и говорилъ, что будь у него десять тетокъ, которыя бы всѣ захотѣли сдѣлать его своимъ наслѣдникомъ, то это не помѣшало бы ему отстаивать свое мнѣніе. Это обстоятельство тоже поселило нѣкоторое неудовольствіе между нимъ и старухой, которая въ сущности его очень любила... Но когда онъ принялъ участіе въ революціи и она увидѣла изъ оконъ своего дома, какъ онъ стоялъ на баррикадѣ... Они говорятъ, что это убило ее... Ну, это конечно преувеличено, но какъ бы то ни было, а она дѣйствительно умерла черезъ нѣсколько дней послѣ того и отказала свое имущество мнѣ и еще нѣсколькимъ другимъ родственникамъ, которые были седьмой водой на киселѣ. Имя Конрада не было упомянуто въ завѣщаніи; онъ былъ лишенъ наслѣдства.

Я предложила ему мою часть, которая была помѣщена въ банкѣ вашего отца до моего совершеннолѣтія... Я предложила ему мою часть; онъ отказался и, наконецъ... такъ какъ я не переставала приставать къ нему и печально спрашивала: неужели между нимъ и мной могутъ быть какіе-нибудь счеты... онъ согласился принять отъ меня... нѣтъ! нѣтъ! взять изъ нашей общей доли,—которая гораздо болѣе принадлежала ему,—столько, сколько было необходимо, чтобы не умереть съ голоду, чтобы имѣть возможность продолжать начатыя занятія... въ Цюрихѣ, въ Парижѣ! Но съ тѣхъ поръ, какъ онъ вернулся сюда изъ Парижа... три года тому назадъ... съ тѣхъ поръ кредитивъ моего отца лежитъ нетронутымъ у вашего батюшки...

Вы такъ пристально смотрите на меня; конечно, вы думаете: и ты не вернула ему его свободы! Простите меня и попросите его простить меня за то, что я такъ омрачила его жизнь! Но наше женское сердце, такое капризное и такое упрямое... да и старикъ Крепельманнъ, близкій другъ моего семейства, который крестилъ и меня и Конрада и любитъ его пуще всего на свѣтѣ... Ну вотъ, дядя Крепельманнъ все писалъ мнѣ: — ты не должна предъявлять такихъ претензій! Такому человѣку, какъ Конрадъ, некогда писать письма, да еще любовныя; ему даже некогда бывать у меня, хотя онъ и привыкъ говорить мнѣ обо всемъ и у него нѣтъ отъ меня секретовъ! Ахъ! Конрадъ хранилъ тайну отъ старика, которая однако не могла долго оставаться тайной; и послѣ долгого молчанія дядя Крепельманнъ написалъ мнѣ... Этому будетъ недѣль восемь... И вотъ тутъ я впервые услышала ваше имя... и я все думала о васъ... но, нѣтъ, я не думала, что вы такъ прекрасны!

Ну вотъ, я хотѣла написать Конраду и... не могу описать вамъ этого, да оно и не нужно... Мы, дѣвушки, такія странныя созданія, а въ особенности, когда доживемъ, какъ я, напримѣръ, до двадцати-шестилѣтняго возраста... мы бываемъ преисполнены гордости и ложнаго стыда... и, и... дни проходили за днями, пока, наконецъ, вчера, мой добрый старикъ отецъ, который никакъ не можетъ понять Конрада, внезапно не отправился сюда и... подстрекаемый, конечно, однимъ дряннымъ человѣкомъ, который въ ту пору въ Дрезденѣ предалъ Конрада самымъ позорнымъ образомъ, и съ того времени всегда былъ его злѣйшимъ врагомъ... какъ я узнала объ этомъ—неважно... Но отецъ пріѣхалъ сюда въ отчаяніи, и находится въ настоящую минуту здѣсь съ цѣлью поставить Конрада въ самое затруднительное положеніе... Вы едва ли поняли бы въ чемъ дѣло, еслибы я постаралась

вамъ его объяснить... при чемъ тотъ негодяй, о которомъ я вамъ говорила, разсчитываетъ безъ сомнѣнія, что вашъ батюшка узнаетъ объ этомъ, а можетъ быть и вы сами... что до васъ дойдутъ слухи обо мнѣ и о томъ, что я вамъ сейчасъ разсказала, но въ такомъ свѣтѣ, въ какомъ заблагоразсудится врагамъ Конрада представить вамъ съ цѣлью оторвать ваше юное, любящее сердце отъ его сердца.

Я все это увидѣла, все это сообразила по первому взгляду. Я выѣхала вслѣдъ за моимъ отцомъ и испугала сегодня ночью добраго дядю Крепельманна своимъ неожиданнымъ появленіемъ... мнѣ нужны были его совѣтъ, его помощь. Но злая неудача преслѣдуетъ меня все утро. Отца я не нашла въ той гостинницѣ, гдѣ онъ обыкновенно останавливается и напрасно объѣздила полгорода, розыскивая его; затѣмъ я была два раза у Конрада, чтобы предупредить его, высказать ему... Я бы, конечно, съумѣла это сдѣлать... но не была принята... что мнѣ было дѣлать? А теперь его дѣйствительно нѣтъ дома. Тогда у меня мелькнула мысль: отправлюсь къ ней! переговорю съ ней! скажу ей все! если она такое благородное существо, какимъ она должна быть, такъ какъ любитъ его и любима имъ, то она выслушаетъ меня, пойметъ и разрушитъ коварные замыслы, которые составлены противъ него, подобно тому, какъ солнце разгоняетъ туманъ, подымающійся съ болота.

Добрый геній внушилъ мнѣ эту мысль. Онъ привелъ меня къ ангелу, чистому и непорочному, который все очиститъ, до чего ни прикоснутся его нѣжныя руки. И батюшка вашъ разсмѣется, когда услышитъ, что подняли такой шумъ изъ-за пустяковъ, а Конрадъ... нѣтъ! Конрадъ не разсмѣется. Онъ приметъ это серьёзно, потому что онъ очень серьёзный человѣкъ съ дѣтски-нѣжнымъ сердцемъ, хотя порою можно подумать противное. Ему станетъ больно, какъ бываетъ больно, когда онъ вынужденъ причинить боль паціенту; но вы скажете ему... и онъ вамъ повѣритъ... что я не больна, что у меня весело на душѣ, хотя слезы и навертываются на глазахъ. А теперь, будь счастлива, прелестное созданіе! моя милая, юная сестра! будь счастлива, потому что ты его любишь! будьте счастливы оба, такъ какъ вы любите другъ друга!..

Mélanie осталась одна. Она сидѣла на кушеткѣ и механически отирала слезы съ своихъ щекъ. Но то были чужія слезы.

За то улыбка, съ какой она принялась разсматривать себя въ зеркалѣ, принадлежала ей... и то была злая улыбка, странно обезобразившая ея прелестный ротикъ. Зеркальце-то вѣдь не со-

лгало: королевна оказалась въ сто разъ прекраснѣе, чѣмъ она. Она не облекла этого впечатлѣнія въ такую поэтическую форму; она не вспомнила про сказку о злой королевѣ; но что она была недостойна той, которая только-что ушла отъ нея, слезы которой она только-что стерла съ своихъ щекъ, поцѣлуи которой все еще чувствовала на своемъ лбу... что она была недостойна развязать ремень отъ ея сапога... это она живо ощутила.

Но только на одну минуту.

Затѣмъ она наклонилась и поправила складки кружевной манишки на груди, которая слегка смялась.

— Я вовсе не такое благородное созданіе, проговорила она; и именно потому, что я не такое благородное созданіе, а онъ такой благородный человѣкъ, мы и не подходимъ одинъ къ другому; я вѣдь не могу быть не тѣмъ, что я есть... Но сцена предстоитъ ужасающая.

Она вышла изъ уборной и пошла къ матери, которая вѣроятно теперь уже была одѣта и ждала ее. Но, когда она проходила по комнатѣ, обычная воздушная походка, повидимому, измѣнила ей, и ея шаги казались медленными и неувѣренными. И едва лишь она добралась до краснаго салона, какъ упала на софу въ такомъ изнеможеніи, которое граничило съ обморокомъ, и это-то заставило встревоженную мамашу немедленно подать сигналъ черезъ слуховую трубу въ кабинетъ Гольдгеймера.

XI.

— Ради самаго неба! что здѣсь у васъ такое? вскричалъ Гольдгеймеръ, врываясь безъ памяти черезъ дверь, скрытую въ обояхъ. Кажется, вы рѣшились сегодня свести меня съума! Mélanie, опомнись! развѣ время теперь падать въ обморокъ! развѣ пристало теперь разыгрывать комедіи! Лучія, съума ты сходишь? зачѣмъ тебѣ понадобились еще свидѣтели? Великій Боже! этого только не доставало!

Гольдгеймеръ слишкомъ поздно выпустилъ изъ рукъ прекрасную руку Mélanie, которую потрясалъ безъ всякаго толка, и бросился къ своей женѣ, чтобы отвести ея руки отъ позолоченной пуговки электрическаго звонка. Но послѣдній уже сдѣлалъ свое дѣло, и въ то время, какъ Mélanie, желавшая съ своей стороны положить конецъ всей этой сценѣ, встала и объявила, что дурнота ея прошла,—со всѣхъ сторонъ сбѣжались Рикхенъ, Элиза, горничная, Жанъ и Францъ, и наконецъ всѣ другіе слуги жен-

скаго и мужского пола. Имъ всѣмъ объявили, что барышнѣ сдѣлалось-было дурно, но теперь она снова поправилась и они могутъ удалиться.

Слуги удалились, но на взглядъ Гольдгеймера недостаточно быстро, потому что онъ почти вытолкалъ послѣдняго за дверь. Но вѣдь каждая минута была дорога! вѣдь теперь или никогда слѣдовало ему привести въ исполненіе все то, что онъ такъ старательно обдумалъ и подготовилъ внизу, въ кабинетѣ, съ цѣлью вырвать съ корнемъ проклятую любовь дочери къ Вильду! Теперь, или никогда! а ему остается такъ мало времени! И вотъ съ искусствомъ, которое сдѣлало бы честь любому адвокату, принялся онъ группировать и сопоставлять все, что онъ слышалъ о Вильдѣ отъ старика Крепельманна, отъ нотаріуса, отъ отца Христіаны. Онъ выставилъ доктора человѣкомъ, для котораго честь, вѣрность и добросовѣстность одинъ пустой звукъ! мѣднымъ лбомъ, отрицающимъ благодарность, которую долженъ былъ бы испытывать; мало того, онъ проявляетъ чудовищную неблагодарность! Этотъ человѣкъ, презрѣвъ и растоптавъ все, что свято и дорого для другихъ людей, съ безпримѣрнымъ нахальствомъ протягиваетъ руки къ первому призу, къ высшей преміи, къ главному выигрышу, къ фрейленъ Гольдгеймеръ, моей Mélanie, моему единственному дѣтищу, для котораго я трудился, боролся и спекулировалъ? На что мнѣ деньги? Я былъ бѣднымъ мальчикомъ, который запивалъ водою сухую корку хлѣба и училъ свои уроки при свѣтѣ сальной свѣчи, которая должна была свѣтить еще и моей старой бабушкѣ, и родителямъ, и моимъ тремъ братьямъ, которые всѣ умерли, потому что не отличались моей выносливостью; да вѣдь и теперь я остался тѣмъ же простымъ человѣкомъ; вѣдь я не курю и не пью вина и... ради кого игралъ я на биржѣ, разсчитывая на громадные барыши, еслибы только вѣнскія акціи въ послѣднюю минуту... и вдругъ теперь ты бросаешь меня на произволъ судьбы, когда тебѣ стóитъ сказать одно только слово, чтобы вывести меня изъ затрудненія! А твоя бѣдная мать! развѣ она не заслуживаетъ, чтобы ты позаботилась объ ея счастіи! Наконецъ, дѣло идетъ о всей твоей будущности, которая можетъ быть такой, что всякая дѣвушка ей позавидуетъ: истинно княжеская будущность...

— Ахъ, Mélanie! мое милое, дорогое дитя! ты не погубишь своего отца! ты не погубишь меня! вскричала г-жа Гольдгеймеръ, направляясь съ распростертыми объятіями къ своей дочери и держа въ рукахъ смятый кружевной носовой платокъ, точно флагъ, взывающій о помощи.

Mélanie сидѣла на маленькомъ креслѣ у камина... на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ она вчера вечеромъ слушала импровизацію Вильда... и во все время рѣчи своего отца ни разу не подняла длинныхъ рѣсницъ и... къ великому изумленію Гольдгеймера... у ней не вырвалось ни единаго жеста изумленія, испуга, сомнѣнія или отчаянія, которыхъ онъ ожидалъ. Только блѣдность щекъ, подергиваніе мускуловъ рта, да колебаніе нѣжной груди доказывали, что она слышитъ то, что онъ говоритъ, что она слѣдитъ за его рѣчью.

И Mélanie дѣйствительно слѣдила за его рѣчью, слышала каждое слово; но каждое слово только сильнѣе убѣждало ее въ той мысли, которая запала въ нее съ самаго начала, а именно: что центръ тяжести, что рѣшеніе всего вопроса лежитъ совсѣмъ не тамъ, совсѣмъ не тамъ! но гдѣ же?

И та же картина пронеслась передъ ея полу-закрытыми глазами, которая мелькала въ ея воображеніи вчера вечеромъ, когда онъ читалъ стихи, въ которыхъ фигурировала юная новобрачная чета на палубѣ рейнскаго парохода... та самая картина съ отчетливостью и ясностью солнечнаго утра и солнечныхъ лучей, которые отражались и переливали нѣжными красками въ складкахъ ея шелковаго, сѣраго дорожнаго платья, и на золотой оправѣ *pince-nez* Евгенія Зильбермана...

Отъ нея одной зависѣло рѣшеніе! отъ нея одной и ни отъ кого больше! Отъ нея зависѣло, будетъ ли черезъ какіе-нибудь часъ или два ея отецъ, голосъ котораго дрожалъ отъ глубокаго нервнаго возбужденія, командовать на биржѣ и играть курсами; или же прокрадется туда, какъ человѣкъ, который проигралъ свою игру и долженъ начинать сызнова; будетъ ли мать ея продолжать *dolçe far niente*, къ которому привыкла и чѣмъ была счастлива, или нѣтъ; будетъ ли Евгеній Зильберманъ обнимать ея колѣни, лепеча слова благодарности; упадетъ ли къ ея ногамъ, уничтоженный, тотъ сильный человѣкъ, сердце котораго билось вчера вечеромъ у ея груди такъ сильно, какъ будто хотѣло выпрыгнуть.

И странное ощущеніе, такое, какого она еще никогда не испытывала, волновало ее и пробѣгало по ней волной: желаніе смѣяться, смѣшанное съ чувствомъ отвращенія; но смѣхъ пересиливалъ отвращеніе, и г-жа Гольдгеймеръ, направлявшаяся къ дочери съ распростертыми объятіями, съ ужасомъ замѣтила, что глаза дочери закрыты, а ротъ судорожно подергивается, и готова была уже бѣжать опять къ электрическому звонку. Но тутъ Mélanie встала съ мѣста и, спокойно стоя, оглядѣла родителей съ

улыбкой, которая повидимому шла совсѣмъ въ разрѣзъ съ ея настоящимъ положеніемъ.

— Я уже раньше говорила мамà, что вы слишкомъ низкаго мнѣнія о Вильдѣ, если полагаете, что можете перехитрить его. Ты убѣдишься въ этомъ, папà, какъ только Вильдъ покажется въ дверяхъ; ты не осмѣлишься высказать ему и сотой доли того, что говорилъ сейчасъ. Что касается дѣвушки, на которой Вильдъ былъ помолвленъ и изъ-за которой, ты полагаешь, что я откажусь отъ Вильда, и про которую будто бы ея отецъ сказалъ тебѣ, что она намѣрена настаивать на своихъ правахъ во что бы ни стало... мнѣ очень жаль, папà, но я и тутъ должна тебя опровергнуть. M-lle Кемпе только-что была у меня... я принимала ее въ своей уборной; мы долго и откровенно бесѣдовали съ ней; она возвращаетъ Вильду полную свободу и не только не предъявляетъ какихъ-либо на него правъ, но, напротивъ того, желаетъ, сколько я поняла, уплатить долги Вильда, о которыхъ ты такъ много шумишь, папà. Во всякомъ случаѣ она впередъ дала мнѣ свое благословеніе и хотя ей никакъ не удавалось увидѣться съ Вильдомъ сегодня утромъ, такъ что онъ совсѣмъ не знаетъ о настроеніи этой дѣвицы... однако, совѣтую тебѣ, папà, совсѣмъ не упоминать Вильду про эти отношенія, потому что я отнюдь не могла бы подтвердить твоихъ словъ. А теперь, мамà, я бы желала немного отдохнуть въ библіотекѣ, потому что чувствую себя нѣсколько взволнованной; и если Вильдъ придетъ и спроситъ обо мнѣ, и если папà и ты найдешь пригоднымъ или желательнымъ, чтобы я съ нимъ переговорила, то можете прислать его ко мнѣ.

Mélanie поцѣловала мать въ лобъ, еще разъ улыбнулась отцу и удалилась...—Точно герцогиня,—замѣтилъ Гольдгеймеръ женѣ, неподвижно устремивъ ей вслѣдъ свои черные глаза.

— Что же это все значитъ? что долженъ я ему сказать? Хочетъ она выдти за него, или не хочетъ? Услышитъ отъ нея Евгеній: да или нѣтъ? Я вовсе не желаю, чтобы эта дѣвчонка водила меня за носъ!

Онъ хотѣлъ выдти ей вслѣдъ, но жена, съ совсѣмъ несвойственной ей живостью, перегородила ему дорогу.

— Ради самого неба, Гвидо, оставь мое несчастное дитя въ покоѣ! Она сегодня достаточно настрадалась! И я сама больше не могу этого выносить... Мы обѣ не можемъ больше этого выносить.

— Я полагаю, что вы обѣ съума спятили! заскрежеталъ

банкиръ, запуская обѣ руки въ густые, изсиня черные волосы съ легкой сѣдиной,—обѣ съума спятили! и меня хотите съума свести! Не можете болѣе выносить?! Да вѣдь ничто еще не рѣшено, ничто не обдумано! Напротивъ того, то, что я состроилъ съ такой заботливостью, разрушено, какъ карточный домикъ! А вы не можете долѣе выносить! превосходно!

Банкиръ разразился рѣзкимъ, злымъ смѣхомъ, но не посмѣлъ однако оттолкнуть свою Лучію и бѣжать за Mélanie въ библіотеку. Вмѣсто того онъ принялся бѣгать по маленькому салону... какъ дикій звѣрь... произнося угрозы, проклятія и внезапно остановясь передъ часами, стоявшими на каминѣ, завопилъ:

— Двѣнадцать часовъ! А въ двѣнадцать онъ хотѣлъ придти!

— Я полагаю, что его не слѣдуетъ принимать, проговорила г-жа Гольдгеймеръ... Боже милостивый!..

И она указала дрожащею рукой на дверь, которая вела въ «желтую» залу, потому что какъ разъ въ эту минуту изъ залы донесся стукъ шаговъ, которые были ей хорошо знакомы, которые она въ теченіи почти цѣлаго года привыкла встрѣчать веселой усмѣшкой и словами: его шаги!

Гольдгеймеръ также узналъ эти шаги. Съ быстротой молніи ринулся онъ въ дверь и поспѣшно притворилъ ее за собой. Послѣднее, что мелькнуло ему въ щелку—это то, какъ его Лучія опустилась въ кресло близъ камина. Обернувшись, онъ увидѣлъ передъ собой стройную фигуру Конрада Вильда.

— M-lle Mélanie больна? она въ салонѣ? въ салонѣ? Mélanie?, Слуги, между которыми замѣтно какое-то смущеніе, такъ мнѣ сказали. Вы, кажется, не велѣли никого принимать, кромѣ вашего домашняго врача, какъ я осмѣлился замѣтить Жану. Что такое съ m-lle Mélanie?

— Ничего, рѣшительно ничего, любезный докторъ; то-есть у нея нѣсколько разстроились нервы... Боже мой! вѣдь съ дамами это часто бываетъ!.. но теперь она чувствуетъ себя хорошо, совсѣмъ хорошо; моя жена... и моя дочь... онѣ собирались куда-то выѣхать... поэтому, если вы спѣшите, любезный другъ, то не стѣсняйтесь изъ-за моихъ дамъ... вѣдь вы можете увидѣть ихъ во всякое другое время...

— А вы сами?

— Я! Боже мой, мнѣ некогда о себѣ думать; у меня сегодня голова идетъ кругомъ! я такъ...

— Взволнованъ, подсказалъ Вильдъ.

Онъ схватилъ руку банкира и принялся щупать его пульсъ, глядя на часы, которые вынулъ изъ кармана: двадцать-четыре, двадцать-

пять... сто и даже сто-два въ минуту; это слишкомъ много, любезный господинъ Гольдгеймеръ, даже для такого человѣка, у котораго обыкновенный пульсъ восемьдесятъ въ минуту. Вы должны беречься, а не то у васъ можетъ повториться воспаленіе сердца, которымъ вы страдали прошлою осенью, но уже въ сильнѣйшей степени.

Онъ, съ мягкой настойчивостью и не выпуская руки банкира, усадилъ послѣдняго на стулъ и самъ усѣлся возлѣ него. Оба молча просидѣли нѣсколько секундъ другъ противъ друга, банкиръ наклонясь впередъ, опустивъ глаза и играя кистями кресла, Вильдъ—откинувшись на спинку кресла, скрестивъ руки на груди и устремивъ большіе, строгіе, сверкающіе глаза на противника, словно измѣривая его и отдавая себѣ отчетъ въ его силѣ, прежде чѣмъ начать борьбу. Слабый отблескъ улыбки появился на его серьёзномъ лицѣ, когда онъ заговорилъ:

— Какъ врачъ, я привыкъ не мѣшкать на терапевтическомъ пути, какъ скоро діагноза болѣзни вполнѣ удалась, но прямо избирать кратчайшій путь, не упуская изъ виду своей цѣли. Дозвольте мнѣ поступать такимъ же точно образомъ и въ нашей бесѣдѣ, тѣмъ болѣе, что обстоятельства дѣлаютъ обязательными величайшую честность и откровенность съ обѣихъ сторонъ, и всякая уловка, всякая дипломатическая попытка повредятъ прежде всего намъ самимъ. Быть можетъ намъ раньше слѣдовало избрать этотъ путь; но теперь не время ломать голову надъ тѣмъ, что прошло и чего не воротишь. Къ тому же, что касается меня, то я только со вчерашняго вечера узналъ навѣрное о такомъ обстоятельствѣ, убѣдиться въ которомъ въ моемъ положеніи было крайне необходимо, а именно: что Mélanie, которую я давно уже люблю, любитъ меня.

По блѣдному лицу банкира пробѣжала судорога и черные глаза метнули быстрый какъ молнія и злобный взоръ, но немедленно опустились, встрѣтивъ свѣтлый, пристальный взглядъ противника.

— Въ моемъ положеніи, повторилъ онъ, я не могъ дѣйствовать на-авось, но долженъ былъ ощущать подъ ногами твердую, совсѣмъ твердую почву, для того, чтобы явиться къ отцу любимой дѣвушки и за-одно попросить согласія на бракъ съ его дочерью и немедленной уплаты моихъ долговъ. Относительно многихъ другихъ людей такое совпаденіе обстоятельствъ заставило бы меня призадуматься. Но вы свѣтскій человѣкъ и къ тому же одинъ изъ дѣятелей биржи, и вы хорошо знаете, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ приходится нѣсколько риско-

вать, а всякій честный коммерсантъ можетъ рисковать, если разсчитываетъ уплатить разность.

По смуглому лицу банкира снова пробѣжала судорога, но черные глаза его оставались опущенными, и Вильдъ продолжалъ, послѣ минутнаго молчанія, между тѣмъ какъ взоръ его упорно покоился на смугломъ лицѣ, а улыбка рѣзче выступила на губахъ и не сходила съ нихъ:

— Говорятъ, что и вамъ также приходится сегодня уплатить значительную разность, весьма значительную разность, рядомъ съ которой мои десять тысячъ талеровъ долгу могутъ показаться совсѣмъ... совсѣмъ бездѣлицей; да по правдѣ сказать долги — моя послѣдняя забота. Когда человѣкъ живетъ въ долгу около десяти лѣтъ слишкомъ, какъ я напримѣръ, то до нѣкоторой степени освоивается съ этимъ положеніемъ. Въ послѣдніе три года катастрофа неоднократно грозила разразиться надъ моей головой, но я всегда умѣлъ предотвратить ее; и хотя на этотъ разъ, благодаря стараніямъ нѣкоего Вейкерта — человѣкъ этотъ былъ у васъ? предлагалъ вамъ, конечно, мой вексель, который вы отвергли? — я такъ и думалъ! онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ негодяевъ, которые не любятъ дѣлать дѣла вполовину, — говорю, что хотя на этотъ разъ мое положеніе гораздо опаснѣе, но я еще не истощилъ терпѣнія моихъ богатыхъ друзей, потому что всегда старательно избѣгалъ безпокоить ихъ своими маленькими финансовыми операціями. Да и сегодня, если бы вы отказали мнѣ въ вашей помощи, господинъ Гольдгеймеръ, я съумѣлъ бы устроиться съ моими заимодавцами... Но разность... свою разность я не уплачу этимъ...

Въ первый разъ взоръ его скользнулъ въ сторону, а ясный, твердый голосъ задрожалъ:

— Свою разность я уплачу высшими благами, которыя только могутъ быть у человѣка, находящагося въ моемъ положеніи: вѣрой въ самого себя, которую я на вѣки утрачу, если потерплю здѣсь неудачу; уплачу ее сомнѣніемъ, мало того, разочарованіемъ во всѣхъ свѣтлыхъ идеалахъ, которые отнынѣ превратятся для меня въ ненавистныя каррикатуры, если все то, что я сдѣлалъ, выстрадалъ, принесъ въ жертву, окажется... если Гекуба... но я забываю, что бесѣдую съ такъ-называемымъ *matter-of-fact-man,* которому непонятны подобныя соображенія, въ особенности, когда у него голова идетъ кругомъ отъ собственныхъ дѣлъ. Я позволяю себѣ заключить, что ваше молчаніе, въ силу извѣстной поговорки, есть знакъ согласія, а заручившись имъ я

могу позволить себѣ, въ качествѣ друга, перейти... къ вашей собственной разности.

Его большіе, великолѣпные глаза снова устремились на маленькую, чернявую фитурку Гольдгеймера, который при послѣднихъ словахъ вздрогнулъ, точно хотѣлъ вскочить со стула, но затѣмъ снова опустился, словно его придавила невидимая рука, съ которой ему не-подъ-силу было бороться.

— Васъ, любезный господинъ Гольдгеймеръ, соблазнила мысль, заплатить свою разность счастіемъ вашей единственной дочери... я хочу сказать счастіемъ Mélanie, которое будетъ не только подорвано, если она выйдетъ за-мужъ за это чучело... нѣтъ, мало того: безусловно, окончательно погублено. Окончательно... это говорю я, ея другъ... ея врачъ! Нельзя безнаказанно вести жизнь нашей *jeunesse dorée,* она никому не проходитъ даромъ; но она дѣлаетъ нравственными и физическими банкротами такихъ людей, какъ... Евгеній Зильберманъ. Я радъ, что мнѣ приходится заявить объ этомъ теперь, когда мои слова уже больше не служатъ предостереженіемъ, а выражаютъ просто радость, что опасность миновала.

Перейдемъ теперь къ другой опасности, — той опасности, которую вамъ еще предстоитъ преодолѣть и въ виду которой я пришелъ предложить вамъ свою помощь. Да, я! это смѣшно, не правда-ли? однако тѣмъ не менѣе это такъ! Я пріѣхалъ къ вамъ прямо отъ Макса Ломбарда, который собирался ѣхать на биржу, куда и вы, замѣчу мимоходомъ, должны явиться черезъ четверть часа. Поэтому мнѣ вдвойнѣ необходимо быть краткимъ и сжатымъ... и такъ... коротко и ясно: Максъ Ломбардъ принимаетъ во мнѣ участіе не только потому, что я далъ ему вчера вечеромъ богатую тэму для его застольнаго спича, но и потому, что онъ благодаренъ мнѣ... и не со вчерашняго дня... за небольшія услуги, которыя я оказывалъ ему и его юному семейству. Къ этому присоединяется еще и то обстоятельство, что онъ смутно чувствуетъ себя дилеттантомъ не только въ изящныхъ искусствахъ, но и въ финансовомъ дѣлѣ, гдѣ оно нѣсколько рискованнѣе, такъ какъ касается его милліоновъ. Онъ страстно желаетъ найти себѣ ментора и, — если смѣю такъ выразиться, — убѣжденъ, что вы можете сдѣлаться этимъ менторомъ, если захотите, а онъ льститъ себя надеждой, что вы этого захотите, если онъ предоставитъ вамъ постановить условія для *entente cordiale,* которая, само собой разумѣется, должна начаться съ сегодняшняго дня. Онъ ожидаетъ васъ на подъѣздѣ биржи и надѣется прочитать на вашемъ лицѣ, что благословенный союзъ между домами Ломбардъ

и Гольдгеймеръ-Сынъ заключенъ въ памятное *Ultimo* текущаго марта мѣсяца на вѣки вѣчные, и будетъ переходить изъ поколѣнія въ поколѣніе, опираясь на непоколебимыхъ основахъ взаимнаго уваженія, любви... и такъ далѣе... и такъ далѣе... не хочу предвосхищать у этого добраго малаго его будущаго спича! А теперь, любезный господинъ Гольдгеймеръ, я васъ долѣе не задерживаю. Поспѣшайте на биржу, гдѣ васъ встрѣтятъ съ раскрытыми объятіями; я же отправлюсь въ красный салонъ, гдѣ меня, смѣю думать, дожидаются.

Вильдъ всталъ, но, отодвигая стулъ, все же не спускалъ глазъ съ смуглаго лица банкира, точно этотъ послѣдній былъ пантерой или другимъ какимъ-нибудь дикимъ звѣремъ, и этотъ дикій звѣрь долженъ былъ броситься на него въ тотъ моментъ, какъ онъ отведетъ отъ него глаза. Въ теченіи всей этой бесѣды Гольдгеймеръ тщетно пытался выдержать сверкающій взглядъ голубыхъ глазъ; но въ настоящую минуту терпѣніе его истощилось. Онъ не могъ долѣе выносить неслыханной дерзости этого нищаго авантюриста, его крайняго пренебреженія къ богатымъ евреямъ, которое сквозило въ каждомъ словѣ и даже въ самомъ его дружелюбіи, его покровительственную мину, которую онъ осмѣливался принимать, говоря съ нимъ... съ нимъ, Гвидо Гольдгеймеромъ! И если бы даже выгоды союза съ молодымъ Максомъ Ломбардомъ были въ десять разъ значительнѣе... то ему ихъ не надо... онъ не хочетъ быть ими обязаннымъ этому человѣку, котораго онъ ненавидѣлъ, котораго онъ боялся, противъ котораго все въ немъ возмущалось, который сталъ ему поперегъ дороги, котораго онъ съ наслажденіемъ растопталъ бы ногами и который стоялъ теперь, — когда онъ съ невѣроятнымъ усиліемъ поднялъ на него свои глаза, передъ нимъ, точно каменная стѣна, въ которую маленькій мальчишка швыряетъ горохомъ. Однако, посмотримъ!

— Вы очень добры, чрезвычайно какъ добры, любезный докторъ, но только немного торопливы, немного... какъ бы сказать... немного самонадѣянны. Вы черезчуръ свысока смотрите на насъ, мелкихъ людишекъ, которые однако тоже можемъ имѣть свои взгляды, свои желанія, свою волю. А если я не желаю, чтобы Mélanie вышла замужъ за христіанина?

— Въ такомъ случаѣ она съ спокойной совѣстью можетъ сдѣлаться моей женой, потому что я давно уже отказался отъ всякой положительной религіи.

— Но она должна выдти замужъ за еврея!

— За Евгенія Зильбермана?

— Это уже мое дѣло.

— А также отчасти и вашей дочери, полагаю. Но я уже имѣлъ честь докладывать вамъ, что со вчерашняго вечера я увѣренъ въ любви Mélanie.

— Господинъ докторъ! вы осмѣливаетесь утверждать, что моя дочь...

— Любитъ меня, ничего болѣе. Вы не станете утверждать, что я желаю этимъ сказать что-нибудь худое про вашу дочь.

— Худое или нѣтъ, но... но моя Mélanie никогда не будетъ женою человѣка, который...

— Ну-съ, господинъ Гольдгеймеръ, который?...

— Можетъ такъ же *cavalièrement* поступить съ сердцемъ и счастіемъ моей дочери, какъ онъ поступилъ съ сердцемъ и счастіемъ другой дамы, равно какъ и съ ея деньгами...

— Вамъ извѣстно и это?

— Изъ устъ самой дамы... m-elle Христіаны Кемпе... сегодня только... только часъ тому назадъ...

— Изъ ея устъ? въ самомъ дѣлѣ? изъ ея устъ! Ну что-жъ, прекрасно!

Онъ вздрогнулъ, когда Гольдгеймеръ произнесъ имя Христіаны, и мрачное облако сгустилось надъ его бровями въ то время, какъ онъ, скрестивъ руки на груди, тихимъ голосомъ, но отчеканивая каждое слово, каждую букву, произнесъ:

— Въ моихъ глазахъ гораздо лучше, и во всякомъ случаѣ честнѣе, когда подобныя отношенія, родительницею которыхъ бываетъ глупость, а родителемъ неразуміе, разрываются прежде, чѣмъ будутъ закрѣплены на всю жизнь. Это лучше, честнѣе и менѣе жестоко, чѣмъ то, когда они продолжаются подъ покровомъ тайны и подъ маской вѣрнаго мужа... не такъ ли, господинъ Гольдгеймеръ?

Банкира покинула угрожающая мина. Онъ поблѣднѣлъ, какъ полотно.

— Вы знаете, пролепеталъ онъ...

— Уже съ декабря мѣсяца, когда моя профессія—я находился по сосѣдству, а въ крайнихъ случаяхъ ближайшій врачъ всегда кажется самымъ лучшимъ для встревоженнаго материнскаго сердца — привела меня въ одинъ небольшой домикъ... Вамъ знакомъ этотъ маленькій домикъ, господинъ Гольдгеймеръ, который вы нѣсколько лѣтъ тому назадъ отдѣлали съ нѣкоторой роскошью, теперь уже нѣсколько поблекшею, какъ вы можете убѣдиться въ этомъ сами, если переступите за порогъ этого домика, въ особенности днемъ. Вы не были тамъ уже нѣсколько лѣтъ...

ну, это ваше дѣло... Но, господинъ Гольдгеймеръ, г-жа Ребекка, какъ она себя называетъ, и ея трое дѣтей принадлежатъ къ числу моихъ бѣдныхъ паціентовъ, и... я не имѣлъ намѣренія говорить объ этихъ вещахъ, пока не получу на то права. Вы навязали мнѣ роль, которая, чувствую, совсѣмъ мнѣ не пристала и теперь... не противьтесь долѣе признать мое право. Мнѣ теперь необходимо переговорить съ вашей супругой... между Mélanie и мной всякія дальнѣйшія объясненія будутъ почти лишними.

Они дошли до дверей красной гостиной. На стукъ Вильда послѣдовало тихое: войдите! Онъ повернулся къ банкиру:

— Въ настоящую минуту вы еще не въ состояніи примириться съ тѣмъ, что вамъ кажется, хотя весьма неосновательно, крупной непріятностью. Я вернусь къ вамъ черезъ пять минутъ; послѣ этого вы завезете меня, если хотите, въ университетъ... Ахъ боже! академическіе четверть часа уже прошли... и затѣмъ отправитесь на биржу устанавливать, вмѣстѣ съ Максомъ Ломбардомъ, биржевые курсы.

Онъ, улыбаясь, махнулъ рукой и Гольдгеймеръ тоже улыбнулся въ отвѣтъ. Но едва только мощная фигура ненавистнаго человѣка скрылась у него изъ глазъ, а властительные взоры перестали метать на него молніи — лицо его исказилось; черные глаза засверкали, зубы заскрежетали, кулаки сжались.

— Будь ты проклятъ, проскрежеталъ онъ, будь ты проклятъ!

Рука его ухватилась-было за хрустальную ручку двери, но снова опустилась. Все тщетно! если онъ не могъ остановить этого ненавистнаго, этого страшнаго человѣка... то что же могли сдѣлать женщины. Его жена очарована имъ! Mélanie его любитъ! — Будь онъ проклятъ, будь онъ проклятъ! охъ, я простофиля, трусъ, болванъ!

И Гольдгеймеръ упалъ въ совершеннѣйшемъ изнеможеніи на ближайшій стулъ, устремивъ стеклянный, пристальный взглядъ на дверь: она могла каждую минуту отвориться и пропустить ненавистнаго человѣка, который явится рука объ руку съ Mélanie просить родительскаго благословенія!

— Ваше согласіе дано мнѣ, говорилъ Вильдъ г-жѣ Гольдгеймеръ въ красномъ салонѣ, — и не со вчерашняго дня. Если какая-нибудь мать знаетъ, что ея дочь любима и любима безгранично, то это вы! вѣдь на вашихъ кроткихъ, дружескихъ глазахъ разцвѣла и развилась наша любовь, хорошо и ясно, какъ цвѣтокъ, согрѣтый солнечными лучами. Я отблагодарю васъ... словами въ настоящую минуту и крѣпкой любовью вѣрнаго сына во всю мою остальную жизнь.

Онъ прижалъ къ губамъ руки г-жи Гольдгеймеръ, по лицу которой катились горячія слезы.

— Богъ васъ благослови, милый Конрадъ; я не могу выразить вамъ, какъ я счастлива. Я никогда ничего не имѣла противъ этого брака, и если Гольдгеймеръ скажетъ *да* и устроится съ Максомъ Ломбардомъ... конечно свадьба уже не будетъ такая блестящая и Mélanie придется отказаться отъ сервиза фабрики Мейснера, котораго король не хотѣлъ купить, потому что нашелъ его слишкомъ дорогимъ, да и до Египта врядъ ли придется вамъ доѣхать съ ней, во время свадебной поѣздки, какъ она этого желала! Вѣдь вы говорите, что не можете оставлять своихъ паціентовъ на такой долгій срокъ, да и вообще мнѣ трудно представить себѣ мою Mélanie докторшей... нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ любезный Вильдъ, хоть вы и смѣетесь... а, право, я никакъ этого не могу себѣ представить: пріемная биткомъ набитая народомъ, на дворѣ вывѣска, звонки по ночамъ!.. но, какъ бы то ни было, по мнѣ все хорошо, если только Гольдгеймеръ и Mélanie согласны. Она въ библіотекѣ. Господи! какое это будетъ счастіе! а повѣрите ли, любезный Вильдъ, всего какихъ-нибудь десять минутъ тому назадъ, когда она вышла вотъ въ эту дверь, я полагала, что все кончено и не подозрѣвала, что вы еще вчера вечеромъ обручились! Зачѣмъ же она этого не сказала? она спасла бы насъ отъ предыдущей сцены... такая ужасная эта была сцена, любезный Вильдъ! я просто не могу о ней вспомнить!

— И не нужно, сказалъ Вильдъ, вставая; эта сцена и многое другое осталось позади насъ, а впереди насъ ожидаетъ будущность, изъ которой мнѣ ясно представляется только маленькій, обворожительный обѣдъ, которымъ вы насъ сегодня угостите... совсѣмъ *entre nous*, смѣю просить... и какой вы одна только умѣете заказать, а теперь васъ въ самомъ дѣлѣ слѣдуетъ оставить въ покоѣ на нѣсколько минутъ, чтобы вы могли обдумать на свободѣ *menu*.

Онъ улыбался, говоря это, и снова поцѣловалъ пухленькія, маленькія ручки г-жи Гольдгеймеръ. Онъ улыбался и въ то время, какъ стоялъ у дверей и въ послѣдній разъ привѣтствовалъ ея взглядомъ и жестомъ.

Но, въ то время, какъ онъ проходилъ по комнатѣ, которая отдѣляла библіотеку отъ краснаго салона, съ лица его исчезли всякіе слѣды веселой улыбки. Судорожно схватился онъ за сердце, потомъ за лобъ... и затѣмъ опять за сердце, которое сначала билось такъ сильно, точно хотѣло выскочить, а теперь замерло; затѣмъ опять схватился за лобъ, который только-что горѣлъ, какъ

въ огнѣ, а теперь покрылся холоднымъ потомъ. Въ глазахъ у него потемнѣло; онъ механически хватался за пустое пространство, наконецъ, овладѣлъ собой, благодаря невѣроятному усилію, и на его блѣдныхъ губахъ снова показалась улыбка... гордая, властительная улыбка.

— Я такъ хочу, если бы даже и не заплатилъ такой дорогой цѣной! если бы даже она не стоила такой борьбы... я такъ хочу!

— Mélanie!

Она сидѣла у камина—совершенно въ той позѣ, какъ недавно, когда изображала въ живыхъ картинахъ Гретхенъ передъ образомъ *Mater dolorosa*—наклонясь впередъ, закрывъ лицо руками. Длинныя темныя косы, изъ которыхъ одна распустилась, падали на ея плечи, и касались ковра... Она, повидимому, не слыхала его шаговъ, не слыхала легкаго шуршанья гобеленеваго ковра, и когда онъ нѣжно и тихо назвалъ ее по имени, она бросилась къ нему на шею съ крикомъ изумленія и ея губы затрепетали на его губахъ.

— Послѣдній, прошептала она, послѣдній!

Она высвободилась изъ его рукъ и остановилась, въ полоборота къ нему, приложивъ одну руку ко лбу, другою же давая ему знакъ, чтобы онъ оставилъ ее.

Вильдъ быстро схватилъ ее за руку и несмотря на сопротивленіе привлекъ къ себѣ:

— Какъ, что̀ это значитъ? Ты моя! моя Mélanie! моя милая, прелестная невѣста!

Она лежала съ закрытыми глазами, точно въ обморокѣ, въ его объятіяхъ.

— Я не могу, пролепетала она, не могу покинуть въ бѣдѣ своего добраго отца; не могу ввергнуть въ нищету любимую мать.

— Бѣда? нищета? ты грезишь, Mélanie! все это пустые страхи, которыми хотятъ напугать тебя и ничего болѣе!

— Они никогда не дадутъ своего согласія!

— Они его дали; я уже переговорилъ съ твоими родителями. Все, что лежало преградой между тобой и мной, все сметено съ дороги, все!

— И даже воспоминаніе о твоей первой любви?

— *Она* была у тебя?

— Да.

— Если такъ, то она сказала, она должна была сказать тебѣ, что она возвращаетъ мнѣ мою свободу; я это знаю такъ

же хорошо, какъ если бы самъ присутствовалъ при вашемъ свиданіи. А если я ошибаюсь... если она дѣйствительно намѣрена преслѣдовать меня своею любовью, на которую я не могу отвѣчать... ну, тогда значитъ она была недостойна и той любви, которую я нѣкогда къ ней питалъ. Повторяю, Mélanie: прочь всѣ эти злыя грёзы! прочь пустые страхи! Погляди мнѣ въ глаза! Mélanie, моя Mélanie! ты будешь моей, ты можешь быть моей, ты уже моя, если только захочешь!

Онъ выпустилъ-было ее изъ своихъ объятій, и теперь снова подошелъ къ ней.

— Вы ошибаетесь, я этого не хочу.

Она не отступала назадъ, не шевелилась; на прекрасномъ, блѣдномъ лицѣ не видать было ни признáка страсти, ни малѣйшаго колебанія не слыхать было въ мягкомъ, звучномъ голосѣ.

Онъ остановился, какъ вкопанный; руки его медленно опустились; въ его глазахъ вспыхнулъ недобрый огонёкъ. На высокомъ бѣломъ лбу выступила внезапно грозная, синяя жила. Но длинныя рѣсницы ея не опустились; они простояли съ минуту глядя пристально другъ другу въ глаза.

— Итакъ, все это была одна только комедія?

— Если вамъ угодно такъ называть!

— А какъ же долженъ я назвать? и какъ долженъ я назвать тебя? тебя?

Этого она не ожидала; передъ его гнѣвомъ она склонилась, какъ былинка, колеблемая вихремъ.

— Ради Бога, не убивайте меня!

Онъ съ силой поднялъ съ полу Mélanie, которая упала передъ нимъ на колѣни, протянувъ къ нему руки, и оттолкнулъ ее прочь отъ себя:

— Какъ всякое ничтожество дорожитъ всегда своей жизнью! вѣдь чего-добраго, она объявитъ мнѣ теперь, что ничто не мѣшаетъ намъ оставаться друзьями, что между нами произошло пустое недоразумѣніе, что она чувствуетъ ко мнѣ самое нѣжное участіе. Ну, а что касается просьбы держать языкъ за зубами, то она сама собой разумѣется!

Онъ остановился передъ бюстомъ Минервы.

— Ты предупреждала меня вчера вечеромъ, но я не обратилъ вниманія на твое предостереженіе. О, боги! кого вы захотите покарать, у того отнимете разумъ.

Онъ медленно пошелъ къ двери и тамъ снова остановился:

— Скажи своему отцу, чтобы онъ убралъ прочь свою Минерву и поставилъ на ея мѣсто Венеру *vulgivaga*...

Онъ не далъ себѣ труда обернуться и поглядѣть въ какомъ положеніи оставляетъ Mélanie. Она лежала недвижимо въ креслахъ, когда онъ вышелъ изъ комнаты.

Большая дверь библіотеки выходила на площадку, съ которой широкая покрытая дорогимъ ковромъ, мраморная лѣстница вела внизъ. Медленно сошелъ онъ съ лѣстницы. Жанъ хвастался Францу, что онъ возвратитъ доктору, которому надо думать теперь укажутъ дверь, его пустое портмоне, когда докторъ сойдетъ внизъ и при этомъ выразитъ ему все свое презрѣніе. Но такъ или иначе, а должно быть случай оказался вовсе не такимъ удобнымъ, какъ полагалъ Жанъ. По крайней мѣрѣ онъ оставилъ свое презрѣніе при себѣ, а портмоне въ карманѣ: вѣжливо помогъ доктору надѣть пальто и подобострастно растворилъ передъ нимъ дверь въ швейцарскую, гдѣ швейцаръ, весь въ золотыхъ галунахъ, не менѣе подобострастно отворилъ выходную дверь, которую оставилъ открытою, потому что въ этотъ самый моментъ къ подъѣзду подъѣхалъ кабріолетъ, въ которомъ сидѣло двое господъ.

Когда Вильдъ проходилъ мимо, лакей откинулъ подножку, но младшій изъ двухъ господъ, который уже выставилъ-было лакированный сапогъ изъ экипажа, поспѣшно принялъ его обратно, при чемъ золотое *pince-nez* свалилось у него съ носа; старшій же свирѣпо поглядѣлъ на Вильда черезъ плечо своими черными глазами.

Вильдъ, съ своей стороны, повидимому, и не замѣтилъ обоихъ господъ, подобно тому, какъ человѣкъ, собирающійся оставить циркъ, гдѣ его утомило скучное представленіе, не обращаетъ никакого вниманія на двухъ паяцовъ, которые выходятъ на сцену въ ту минуту, какъ онъ поднимается съ своего мѣста, чтобы уйти и больше не возвращаться.

XII.

— Послушай-ка! а вѣдь похоже на то, какъ будто онъ не намѣренъ продолжать своихъ лекцій? говорилъ одинъ студентъ другому, по окончаніи лекціи доктора Вильда о гигіенѣ.

— Это почему? возразилъ другой. Онъ этого ни за что не сдѣлаетъ; я его знаю еще съ прошлаго семестра. Онъ читаетъ обыкновенно до самаго конца семетра и никогда не прерываетъ на половинѣ,—это всякому извѣстно. А случалось тебѣ когда-нибудь быть очевидцемъ настоящаго отравленія угольной кислотой?

Присутствія въ атмосферѣ тридцати процентовъ совершенно достаточно для этого; здѣсь, я думаю, скоро будетъ столько.

— Возмутительный воздухъ; можетъ, потому онъ и былъ такимъ вялымъ и блѣднымъ; его голосъ, подъ конецъ, даже замѣтно дрожалъ.

— Не знаю, чего ты такъ объ немъ заботишься, онъ просто проголодался. Я страшно голоденъ, пойдемъ.

Вильдъ не былъ голоденъ, но наблюденіе маленькаго, бѣлокураго студента было вѣрно: онъ былъ очень блѣденъ, и напослѣдокъ его голосъ казался нѣсколько глухимъ и какъ будто надорваннымъ, когда онъ сообщалъ, о чемъ будетъ говорить на слѣдующей лекціи, послѣ-завтра, а именно: объ отравленіи растительными веществами. Студенты уже сложили свои тетради, а онъ все еще стоялъ на каѳедрѣ, устремивъ оцѣпенѣлый взоръ впередъ и не замѣчая того, что̀ вокругъ него происходило; по крайней мѣрѣ онъ не отвѣчалъ на поклоны своихъ слушателей, когда медленными шагами выходилъ изъ большой, набитой биткомъ, аудиторіи.

Въ корридорѣ попался ему на встрѣчу его молодой товарищъ.

— Очень радъ, что васъ встрѣтилъ; я собирался къ вамъ съ просьбой принять на себя на нѣсколько дней мою практику.

— Вы уѣзжаете?

— Нѣтъ, но мнѣ нездоровится. Заработался, пересиливалъ себя — все послѣднее время только и поддерживалъ себя хининомъ.

— У васъ нехорошій видъ; поберегите себя, нѣсколько дней меня не стѣснятъ. Паціенты объ этомъ увѣдомлены?

— Имъ сказано разъ навсегда, что они должны обращаться къ вамъ, если мнѣ почему-нибудь нельзя заниматься ими. Нѣкоторыхъ впрочемъ я спеціально предупрежу на этотъ разъ.

— Хорошо. Ступайте поскорѣй домой и не утомляйте себя! Сегодня вечеромъ я васъ навѣщу.

— Вы застанете меня дома.

Товарищъ засмѣялся; они пожали другъ другу руки, молодой докторъ отправился въ свою аудиторію. Вильдъ нашелъ передъ университетомъ наемный экипажъ, въ которомъ обыкновенно объѣзжалъ свою практику и который отпускалъ около двухъ часовъ у гостинницы, гдѣ обѣдалъ.

— Я васъ продержу сегодня дольше обыкновеннаго, можетъ быть до четырехъ часовъ.

— Ничего, господинъ докторъ, куда прикажете ѣхать?

Вильдъ далъ адрессъ первѣйшаго въ городѣ часовыхъ дѣлъ мастера, къ немалому удивленію кучера, для котораго было новостью, что господинъ Шадефонъ поступилъ въ число «нашихъ паціентовъ».

Но еще болѣе удивился господинъ Шадефонъ, когда докторъ Вильдъ, котораго онъ хорошо зналъ, предложилъ ему купить его хронометръ вмѣстѣ съ цѣпочкой.

— Это англійская работа превосходнаго качества, сказалъ часовыхъ дѣлъ мастеръ, разсматривая механизмъ въ лупу, работа перваго сорта; конечно, подарокъ?

— Надѣюсь, что это не помѣшаетъ вамъ купить ихъ.

— Не въ томъ дѣло, господинъ докторъ, но не помѣшаетъ-ли это вамъ продать ихъ. Такіе дорогіе часы весьма трудно сбыть здѣсь и, чего добраго, совсѣмъ не удастся. Мнѣ придется отправить ихъ въ Лондонъ или Парижъ. Другими словами, мнѣ придется предложить вамъ за нихъ цѣну, далеко неподходящую. Простите нескромный вопросъ, господинъ докторъ: зачѣмъ вы желаете продать часы?

— По весьма простой причинѣ: мнѣ нужны деньги для одной, весьма дорогой для меня личности; мнѣ нужны деньги тотчасъ—а въ настоящую минуту ихъ у меня нѣтъ.

— Сколько вамъ нужно?

— Пятьсотъ талеровъ.

— Вотъ вамъ деньги, господинъ докторъ, а вотъ и ваши часы: я сочту себѣ за честь оказать маленькую любезность человѣку, о которомъ слышалъ такъ много хорошаго.

— Я вамъ очень благодаренъ, но мнѣ невозможно воспользоваться вашей любезностью.

— Ну, въ такомъ случаѣ, оставьте мнѣ ваши часы, но подъ однимъ условіемъ, чтобы вы могли во всякое время купить у меня ихъ обратно за ту же цѣну. Согласны?

— Если эти часы стоятъ этихъ денегъ—чему я не совсѣмъ вѣрю.

— Объ этомъ не безпокойтесь.—Вы мнѣ сдѣлали честь и удовольствіе, говорилъ часовщикъ Шадефонъ, провожая Вильда до дверей.

Поѣздка Вильда по городу продолжалась нѣсколько часовъ, но онъ всего разъ или два, да и то на самое короткое время, останавливалъ экипажъ передъ красивыми и изящными домами, которые обыкновенно усердно посѣщалъ. Большую часть времени онъ провелъ сегодня въ улицахъ предмѣстья, гдѣ живутъ почти исключительно мелкіе ремесленники, работники, а частію и со-

вершенные пролетаріи; эти улицы онъ обыкновенно посѣщалъ въ послѣ-обѣденные часы пѣшкомъ. Его весьма скромный экипажъ, безъ сомнѣнія, привлекалъ на себя вниманіе жильцовъ этихъ темныхъ квартиръ. Кучеръ же разсудилъ, что сегодня вѣроятно происходитъ нѣчто совсѣмъ особенное, потому что хотя ему и случалось бывать въ этихъ мѣстахъ съ другими докторами, да и съ самимъ докторомъ Вильдомъ, но онъ никогда не замѣчалъ, чтобы люди, какъ сегодня, выходили изъ своихъ маленькихъ домовъ провожать господина доктора до экипажа. Одна блѣдная женщина, съ блѣднымъ ребенкомъ на рукахъ, плакала при этомъ и даже хотѣла поцѣловать руку у господина доктора, и когда онъ ее не допустилъ до этого, то поцѣловала полу его сюртука. Въ другомъ мѣстѣ слѣпой старикъ съ сѣдыми какъ лунь волосами показался въ дверяхъ, изъ которыхъ вышелъ Вильдъ, и когда экипажъ двинулся съ мѣста и кучеръ посмотрѣлъ назадъ, то увидѣлъ, что слѣпой все еще стоитъ у дверей, скрестивъ руки на груди и устремивъ къ небу свои мутные глаза. Въ третьемъ мѣстѣ кучеръ, обернувшись, увидѣлъ, что какой-то мужчина и его жена смѣются, кивая съ гримасами на отъѣзжающій экипажъ и показываютъ сбѣжавшимся оборваннымъ сосѣдямъ деньги, вѣроятно только-что ими полученные.—Этимъ не давайте въ другой разъ, господинъ докторъ, рѣшился замѣтить кучеръ; и Вильдъ отвѣчалъ съ грустной улыбкой: это въ послѣдній разъ!

Уже вечерѣло, когда экипажъ покатился по красивымъ бульварамъ и площадямъ въ средней части города и остановился у одной аптеки.

— Въ какомъ положеніи моя касса для бѣдныхъ? спросилъ Вильдъ.

— Послѣднее время приходилось довольно крутенько, господинъ докторъ, вслѣдствіе частыхъ и упорныхъ случаевъ перемежающейся лихорадки; но все-таки у насъ осталось еще нѣсколько талеровъ.

— Вотъ вамъ еще сто.

— Но зачѣмъ же такъ много, господинъ докторъ? я вамъ напомню, когда выйдутъ всѣ деньги.

— Берите. И, что бишь я хотѣлъ еще сказать? дайте мнѣ немного *acidum hydrocyanicum*; правда, мнѣ это понадобится только послѣ-завтра для моей лекціи, да боюсь, какъ-бы мнѣ не позабыть.

— Прикажете отпустить также соотвѣтственную дозу *liquor ammonii*?

— Благодарю; я не намѣренъ шутить со смертью и потому не нуждаюсь въ противоядіи.

Въ тотъ самый моментъ, какъ Вильдъ спряталъ въ карманъ баночку съ синильной кислотой и протянулъ руку за шляпой, которая стояла на прилавкѣ, — онъ пошатнулся и упалъ бы на полъ, еслибы его не поддержалъ подбѣжавшій аптекарь, съ помощью подоспѣвшаго провизора, и не посадилъ въ кресло, предназначенное для приходящихъ за лекарствами.

— Господи помилуй, господинъ докторъ, что съ вами?

— Ничего, возразилъ Вильдъ, съ улыбкой на блѣдныхъ губахъ; принималъ у себя съ утра, съ девяти часовъ кажется, и затѣмъ до настоящей минуты былъ все въ разъѣздахъ. Природа взяла свое. Дайте мнѣ, пожалуйста, стаканъ краснаго вина и кусочекъ бѣлаго хлѣба.

И то и другое появилось немедленно.

— Чудесно! сказалъ онъ, медленно отхлебывая вино и закусывая хлѣбомъ.

Онъ допилъ послѣднія капли изъ стакана и подобралъ тщательно всѣ крошки съ тарелки. Затѣмъ протянулъ руку аптекарю и провизору и сказалъ: благодарю васъ, благодарю васъ отъ души!

Они переглянулись, когда Вильдъ вышелъ, удивленные тономъ, съ которымъ Вильдъ выразилъ свою благодарность, и въ которомъ звучала теплота, несоотвѣтствующая ничтожной услугѣ, оказанной ему.

— Благодарю васъ отъ души, сказалъ Вильдъ кучеру, отпуская его, нѣсколько минутъ спустя, у своего дома.

— Что же это значитъ? сказалъ кучеръ, посматривая то на золотую монету въ своихъ рукахъ, то на дверь, въ которую вошелъ Вильдъ. И онъ мнѣ не сказалъ, въ которомъ часу пріѣзжать завтра!

Іоганнъ съ нетерпѣніемъ поджидалъ своего господина.

— Сюда уже два раза приходилъ какой-то молодой человѣкъ, сказалъ Іоганнъ, очень дерзкій и картавый молодой человѣкъ, съ черными какъ смоль курчавыми волосами и вообще непохожій на честнаго христіанина. Во второй разъ онъ нагло кричалъ, что вы должны быть дома, что въ третій разъ онъ другого пришлетъ и вообще велъ какія-то странныя рѣчи, не снимая при этомъ шапки съ своей курчавой головы, хотя я и говорилъ ему, что въ пріемной господина доктора никто не смѣетъ оставаться въ шляпѣ, кромѣ развѣ самого господина доктора; и наконецъ, просто сбилъ у него шапку съ головы...

— Приходилъ кто-нибудь отъ... онъ одинъ приходилъ?

— И одного такого довольно, господинъ докторъ.

— Странно, бормоталъ Вильдъ; а еще кто-нибудь былъ?

— Одна дама.

— Какая дама?

— Она была уже два раза сегодня поутру: та самая, знаете, господинъ докторъ, которая приходила не за медицинскимъ совѣтомъ.

— Какая она на видъ?

— Очень приличная, настоящая дама, господинъ докторъ, хотя и не расфуфыренная, какъ польская графиня, что была сегодня поутру. Но на лицѣ у нея было что-то жалостное, страдальческое, а такія мнѣ немало досадили въ послѣдній мѣсяцъ, господинъ докторъ, я ей это и сказалъ; но она отвѣтила: мнѣ ничего не нужно отъ господина доктора; я хочу только передать кое-что господину доктору, и непремѣнно лично передать. Ну, да вѣдь насъ не проведешь...

— Довольно, сказалъ Вильдъ.

Онъ сѣлъ за письменный столъ и сталъ просматривать счеты, которые поручилъ Іоганну вытребовать въ теченіе дня; счеты отъ мелкихъ ремесленниковъ, прачки — ничтожныя суммы, которымъ Вильдъ подвелъ итогъ и далъ Іоганну крупную ассигнацію, чтобы онъ шелъ и немедленно заплатилъ все.

— Да вѣдь это гораздо больше, чѣмъ нужно, господинъ докторъ!

— Твое жалованье въ томъ же числѣ.

— И все-таки, господинъ докторъ; вѣдь я получаю всего...

— Такъ, вѣрно, уходи! а если я обчелся, то излишекъ будетъ твой; ну, и уходи поскорѣй!

Іоганнъ не возражалъ. Было ясно, что докторъ обчелся; но онъ былъ такъ страненъ; навѣрно съ нимъ случилось что-нибудь недоброе: умеръ паціентъ, котораго онъ надѣялся поставить на ноги — какъ намедни, когда онъ нѣсколько дней ходилъ повѣсивъ носъ — или что-нибудь въ этомъ родѣ. Теперь все равно съ нимъ не столкуешься, думалъ Іоганнъ; теперь надо оставить его въ покоѣ; когда буду мести, вывѣдаю все. — Кто тамъ снова звонитъ? Дома вы, господинъ докторъ?

— Для той дамы нѣтъ, вскричалъ Вильдъ; ни подъ какимъ видомъ!

Онъ рѣзкимъ движеніемъ отодвинулъ кресло, на которомъ сидѣлъ, и сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, прислушиваясь къ тому, что происходитъ въ передней, откуда послышался

скоро голосъ Іоганна, обмѣнивающійся весьма рѣзкими словами съ другимъ голосомъ — мужскимъ! — Слава Богу! пойду къ нему на помощь; надо покончить комедію. Іоганнъ, впусти его!

— Онъ ведетъ себя еще грубѣе прежняго, закричалъ Іоганнъ, продолжая держать субъекта за шиворотъ и встряхивая его.

— Онъ ужъ таковъ отъ природы, сказалъ Вильдъ; еще разъ говорю тебѣ: впусти его! Войдите! Ты можешь идти, Іоганнъ.

Вейкертъ подобралъ съ полу свою шляпу и послѣдовалъ за Вильдомъ въ комнату.

— Хороша у васъ прислуга, нечего сказать, господинъ докторъ! Этотъ человѣкъ...

— Питаетъ весьма естественное въ честномъ человѣкѣ отвращеніе къ подлецу. Чему я обязанъ, что вижу васъ у себя?

Широкое лицо Іоганна, показавшееся-было въ дверяхъ, выражало пламенное желаніе задать пришлецу трёпку, но Вильдъ кивнулъ ему головой и дверь затворилась, къ великой досадѣ Іоганна. Послѣ этого Вильдъ снова обратился къ нотаріусу, который, съ блѣднымъ какъ полотно лицомъ отъ страха и ярости, вытаскивалъ бумаги изъ портфеля:

— Имѣю честь предъявить вамъ, господинъ докторъ, по порученію господина банкира Гольдгеймеръ-Сынъ...

Скверные глазки Вейкерта, боязливо поглядывавшіе до сихъ поръ по сторонамъ или устремленные въ полъ, злорадно блеснули, но сейчасъ же опустились внизъ, встрѣтивъ спокойный и гордый взглядъ Вильда.

— Гольдгеймеръ-Сынъ, повторилъ онъ, перелистывая бумаги и стараясь придать дѣловой тонъ своему голосу, — векселя на 5.320 талеровъ, срокъ которымъ истекаетъ сегодня. Разсыльный изъ кассы упомянутой фирмы былъ сегодня уже два раза здѣсь, но васъ не было дома и никакихъ распоряженій для уплаты съ вашей стороны сдѣлано не было. А потому мнѣ поручено предъявить вамъ векселя для уплаты; со мной и довѣренность...

— Избавьте меня отъ дальнѣйшихъ рацей!

— Понимаю. Итакъ, объявляю вамъ отъ имени фирмы Гольдгеймеръ-Сынъ, по поводу векселя — вы отказываетесь отъ дальнѣйшихъ подробностей? — протестъ.

— И затѣмъ...

— Затѣмъ, сказалъ Вейкертъ, я имѣю предъявить вамъ еще одинъ вексель отъ той же фирмы, смѣю сказать: новѣйшій — безсрочный, «по предъявленію», господинъ докторъ...

Нотаріусъ снова поднялъ глаза, но снова обманулся въ своемъ ожиданіи: гордое спокойствіе на лицѣ человѣка, стоявшаго не-

редъ нимъ, не помрачилось ни малѣйшею тѣнью смущенія, горя, гнѣва, или вообще какой бы то ни было страсти. Вейкерту пришлось удовлетвориться вторичнымъ произнесеніемъ установленныхъ закономъ фразъ, онъ даже началъ желать подъконецъ, чтобы Вильдъ опять его прервалъ. Но Вильдъ этого не сдѣлалъ; онъ стоялъ, сложивъ на широкой груди руки, не двигаясь, не шевелясь, даже не моргнувъ глазомъ, какъ показалось Вейкерту. Въ такомъ положеніи оставилъ его послѣдній, нѣсколько минутъ спустя, когда онъ откланялся Вильду съ вѣжливостью, по всей вѣроятности нелишенною ироніи, и поспѣшно удалился.

Ни криковъ отчаянія, ни стоновъ не услышалъ Вейкертъ, поправляя въ передней передъ зеркаломъ свой туалетъ, приведенный въ безпорядокъ. Ничего не услышалъ онъ, когда, желая подслушать что будетъ, отворилъ дверь въ залу и хлопнулъ ею, оставаясь въ залѣ: ничего, рѣшительно ничего! Была роковая тишина, и Вейкерту пришлось весьма осторожно отворить вторично дверь, чтобы не нашумѣть, и—на зло грубому лакею, котораго нигдѣ не было видно — онъ, уходя, оставилъ ее открытой настежь.

XIII.

Конрадъ Вильдъ остался какъ вкопанный на томъ же мѣстѣ. —Какъ быть?

Дорóгой онъ думалъ, нельзя ли устроить такъ, чтобы его смерть имѣла видъ естественной смерти: отъ нервнаго удара или паралича сердца, положившаго разомъ конецъ его жизни, въ то время, какъ онъ, послѣ дневныхъ трудовъ, сидѣлъ въ углу дивана и спокойно курилъ сигару, или у окна, перелистывая книгу или просматривая газету, при послѣднихъ лучахъ заходящаго солнца; въ этомъ положеніи его, конечно, не разъ видѣли дамы, обитательницы бель-этажа противоположнаго дома.

Но долго-ли можетъ продлиться такое заблужденіе? Нѣсколько часовъ, самое большее нѣсколько дней.

Затѣмъ мигомъ разнесется по городу молва: докторъ Вильдъ отравился синильной кислотой, потому что, при послѣднемъ *ultimo*, не могъ уплатить по предъявленному ему векселю десять тысячъ талеровъ.

Изъ-за несчастныхъ-то десяти тысячъ талеровъ!

Нѣтъ! не изъ-за нихъ! Черезъ четверть часа они могли бы лежать на его письменномъ столѣ, еслибы онъ только пожелалъ. Когда сегодня утромъ онъ сказалъ богатому графу Гальдеру, что

опасность миновала, что мать и ребенокъ будутъ живы, молодой богачъ бросился въ слезахъ къ нему на шею и вскричалъ: вы спасли и мою жизнь; чѣмъ я могу васъ за это отблагодарить! А Максъ Ломбардъ! Добрый малый! Онъ счелъ бы за счастіе—спасти меня.

Спасти? Отъ чего?

Отъ смерти.

Кто можетъ быть отъ нея спасенъ! и что за прокъ въ нѣсколькихъ лишнихъ годахъ; развѣ эти годы принадлежатъ намъ, а не презрѣнному случаю, играющему съ нами, какъ вихрь съ былинкой. Да, я хочу спастись! отъ владычества случая, отъ тиранніи жизни—я ею пресыщенъ.

Да, съ меня довольно! Я истомленъ — истомленъ до смерти! Онъ опустился въ кресло передъ письменнымъ столомъ. Здѣсь— въ тѣ дни, когда каждый часъ былъ дорогъ!—онъ сидѣлъ и работалъ и напрягалъ свой умъ, стремясь открыть тайну жизни и доставить торжество человѣческому генію и искусству надъ смертью. Не насмѣшка ли это, что здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ, истомленный работою мозгъ долженъ найти покой; что именно здѣсь, гдѣ онъ долженъ былъ найти ключъ къ разгадкѣ жизни, онъ находитъ — смерть: смерть *sans phrase* — честную смерть, которая добросовѣстно тушитъ огни и терпѣливо ожидаетъ, покуда погаснутъ послѣднія искры.

Онъ всталъ, совершенно машинально, и сѣлъ за рояль. Какъ часто ему случалось, среди ночной тиши, умѣрять удары своего пульса нѣсколькими тактами изъ ораторій Генделя или сонаты Шуберта; часто достаточно было немногихъ звуковъ той безъискусственной, но обворожительной музыки, которую онъ носилъ въ самомъ себѣ—дикихъ, но нелишенныхъ ритма мелодій, аріи Аріеля для ликующихъ духовъ жизни—и все приходило въ порядокъ!

Сегодня глубокомысленный Гендель оказывался безсильнымъ, мелодичный Шубертъ ничего не говорилъ, арфа же Аріеля издала нѣсколько рѣзкихъ, дисгармоничныхъ тоновъ, звучавшихъ какъ насмѣшка и поруганіе надъ безмятежной душой.

Онъ медленно всталъ и закрылъ, не торопясь, инструментъ. Что могли сказать ему теперь эти звуки, исходившіе изъ дерева и струнъ? Что могли повѣдать голоса духовъ!

Человѣческій голосъ—мягкій, ясный человѣческій голосъ говорилъ ему: есть одна душа, которая тебя понимаетъ, которая знаетъ, что ты не бѣжишь отъ жизни, какъ трусъ съ поля битвы, или какъ воръ изъ дому, оглядывающійся на сторожей, или какъ

франтъ изъ салона, желающій, чтобы говорили объ его внезапномъ исчезновеніи—душа, которая знаетъ, что ты уходишь, потому что оставаться долѣе нельзя и незачѣмъ, потому что, по твоему искреннему убѣжденію, оставаться не стóитъ.

Этотъ голосъ! этотъ мягкій, ясный человѣческій голосъ! Онъ опустилъ голову и закрылъ лицо руками.

И еще разъ прозвучалъ тотъ же голосъ: мягкій и ясный, такой нѣжный и кроткій! Всего лучше въ ней было этотъ кроткій голосъ и глаза, большіе, голубые глаза!

Но увы! кроткій голосъ былъ ни больше, ни меньше, какъ эхо, долетѣвшее неизвѣстно откуда! Увы! глаза казались голубыми только оттого, что въ нихъ отражалось голубое небо, и стоило только набѣжать облаку, чтобы омрачить ихъ и заставить проливать сентиментальныя слезы — какъ при свиданіи въ послѣдній разъ.

— Какія неотлагательныя дѣла могли заставить ее три раза сегодня приходить ко мнѣ? Не желаетъ ли она возвратить мнѣ мои письма? Можетъ, сжечь ихъ! Получить свои обратно? Впрочемъ, правда, во всемъ долженъ быть порядокъ: книги должны быть заключены, дебетъ и кредитъ должны сходиться! утромъ размѣняла вексель, затѣмъ пришла ко мнѣ за квитанціей, разсчитывая на мою добросовѣстность, которая заставитъ меня засвидѣтельствовать, что при существующихъ обстоятельствахъ она, какъ хорошая хозяйка, никакъ не могла иначе поступить. Ну, еще бы! она не понапрасну была здѣсь; ей нужна квитанція.

Онъ отперъ ящикъ, въ который положилъ полисъ общества страхованія жизни и остатокъ денегъ:—ихъ было какъ разъ достаточно на приличныя похороны. Онъ порылся въ бумагахъ и наконецъ... нашелъ ея письма.

Ихъ было не очень много, принимая во вниманіе время, въ теченіи котораго велась переписка; нѣкоторыя могли затеряться въ путешествіи или во время его оригинальныхъ житейскихъ похожденій; бóльшую же часть однако онъ берёгъ, въ теченіи первыхъ лѣтъ — какъ дорогое воспоминаніе, затѣмъ... онъ самъ не зналъ: по привычкѣ, по слабости, или такъ изъ упрямства, наперекоръ совѣсти, которая твердила ему: каждый изъ этихъ тонкихъ листочковъ служитъ тяжелымъ обвиненіемъ противъ меня! Онъ ихъ сложилъ по порядку: послѣднія пролежали кажется непрочитанными.

Да ей ли принадлежатъ эти послѣднія письма? Почеркъ совсѣмъ другой—твердый, оригинальный; ничего общаго съ каллиграфической отчетливостью буквъ или дѣтскимъ царапаніемъ

прежнихъ писемъ. Но, увы! содержаніе было тоже самое: тѣ же обыденныя мысли, тѣ же скудныя впечатлѣнія мелкой души, невыходящей изъ узкихъ рамокъ домашняго обихода.

— Это свело меня съума! говоритъ бѣдный Гамлетъ; у него тоже должно быть хранилась въ карманѣ пачка писемъ отъ такой же интересной Офеліи! Она тоже навѣрное не захотѣла бы оставить стараго Полонія, чтобы ѣхать въ Парижъ, еслибы Гамлетъ предложилъ ей подобное испытаніе. У этихъ Офелій всегда найдутся причины не ѣхать въ Парижъ; за то онѣ такъ охотно прыгаютъ въ воду.

Да! такъ было въ романтическія времена; теперь женщины стали практичнѣе; теперь онѣ подсылаютъ отца Полонія вытребовать вексель съ Гамлета, и затѣмъ размѣниваютъ его у какого-нибудь банкира, черезъ посредство Полонія, а не то и сами лично. Вѣдь онѣ теперь очень опытны въ этихъ дѣлахъ!

Онъ машинально сталъ читать листокъ, который лежалъ наверху:

«Ты вознесся такъ высоко, я такъ счастлива и горжусь этимъ, но иногда страхъ охватываетъ мое сердце—гдѣ я? что со мною будетъ? затѣмъ я снова припоминаю то, что ты мнѣ писалъ о своихъ странствованіяхъ по Альпамъ. Мнѣ припоминается твое восхожденіе на Пилатъ: подъ твоими ногами, на глубинѣ нѣсколькихъ тысячъ футъ лежало озеро, а по-ту сторону его возвышались безмолвные колоссы въ ледяныхъ коронахъ и снѣжныхъ мантіяхъ—я хочу представить себѣ картину, громадную и широкую, и думается мнѣ: вѣдь я стою на вершинѣ одной изъ нашихъ маленькихъ горъ, въ нашей собственной Швейцаріи, а не въ той другой, большой Швейцаріи. Слезы навертываются у меня на глазахъ, и я принуждена наконецъ сказать себѣ: а тамъ меня не было. Еслибы я была тамъ, то никакая гора не показалась бы мнѣ слишкомъ высока и слишкомъ крута и я также стояла бы наверху и сознавала бы, какъ великъ и прекрасенъ Божій міръ».

Листокъ выпалъ у него изъ рукъ.

— Жаль ее, очень жаль ее! бормоталъ онъ; она была всегда честна, и безъ всякаго жеманства; честна и правдива. Этого недостаточно—въ наукѣ, искусствѣ и жизни; но это дорого, очень дорого и очень... рѣдко. И можетъ быть, еслибы я съ самаго начала...

Горькая улыбка мелькнула на его блѣдномъ лицѣ.

— Какъ разъ кстати, думать о началѣ, когда дѣло близится къ концу! къ концу... Онъ наступитъ вмѣстѣ съ ночнымъ мра-

комъ. Въ домѣ тишина, на улицѣ тоже... самое удобное время, самое подходящее время.

Онъ завернулъ письма и надписалъ адрессъ; въ глубинѣ комнаты, гдѣ стоялъ столъ, еще было достаточно свѣту. Онъ отодвинулъ лѣвой рукой пачку съ письмами, а правой взялъ баночку съ нажатой пробкой.

Тихо повсюду, на улицѣ и въ домѣ—необычайно тихо, такъ тихо, что ему слышится глухое біеніе его сердца. Оно бьется не отъ страха — о! нѣтъ; тѣмъ не менѣе онъ чувствуетъ такое стѣсненіе въ груди, что готовъ плакать. Замри бѣдное сердце, пора тебѣ на покой! Замри!

Но то были не удары сердца: сквозь безмолвную тишину донесся слабый, весьма слабый стукъ въ дверь.

Его сердце замерло. Что это? Въ квартирѣ не было никого, кромѣ него, и Вейкертъ, уходя, захлопнулъ дверь въ заду.

Стукъ послышался снова; волосы стали у него дыбомъ и замиравшее-было сердце забилось съ большею силою отъ наплыва жизни, нахлынувшей какъ волна изъ таинственнаго родника. Если это духъ, то духъ добрый...—Христіана!

Она вошла въ комнату; Вильдъ бросился къ ней навстрѣчу: они очутились лицомъ къ лицу.

— Христіана! снова вскрикнулъ онъ.

— Конрадъ!

Послѣдній лучъ потухавшей зари упалъ на ея лицо. Да! то были ея глаза, тѣ большіе, голубые глаза, которые передъ тѣмъ мерещились ему въ воображеніи! то былъ ея голосъ, тотъ милый, кроткій голосъ, который передъ тѣмъ слышался ему сквозь могильную тишину, охватившую его усталую душу.

— Милая, любимая... бѣдная Христіана!

Онъ лежалъ у ея ногъ и прижималъ заплаканное лицо къ ея колѣнямъ; она также плакала, положивъ боязливо свои руки на его голову, на густые, мягкіе, курчавые волосы, которыхъ она касалась въ первый разъ въ жизни. Она увлекла его за собой на диванъ, говоря:

— Я не бѣдна, если ты меня любишь... я богата, безконечно богата и счастлива! Не смѣй плакать, Конрадъ; я не знаю, что говорю, что дѣлаю, можетъ быть совсѣмъ не то, что желаю. Бѣдный, бѣдный Конрадъ! она была такъ мила, такъ прекрасна— и могла такъ поступить съ тобой! Я знаю все, Конрадъ, отъ добраго дядюшки Крепельманна! и то, какъ господинъ Гольдгеймеръ воспользовался посцѣшностью отца; дядюшка Крепельманнъ, какъ только узналъ объ этомъ—написалъ ему тотчасъ же,

что отказывается отъ своего мѣста, положилъ письмо на конторку и ушелъ съ тѣмъ, чтобы болѣе не возвращаться; отецъ въ совершеннѣйшемъ отчаяніи, и ты простишь старику, онъ не хотѣлъ тебѣ зла, и когда я ему сказала, что съ самаго утра ношусь съ этими несчастными деньгами и не могу ихъ сбыть съ рукъ, потому что ты не хотѣлъ меня принять или можетъ быть въ самомъ дѣлѣ не былъ дома—онъ бросился ко мнѣ на шею... и стоитъ теперь на улицѣ, вмѣстѣ съ добрымъ дядюшкой Крепельманномъ; я нашла твои двери настежь открытыми и вотъ... вотъ тебѣ: отряхни отъ себя этихъ гадкихъ людей, какъ пыль—жалкую пыль, попавшую на твою одежду... и затѣмъ прощай, Конрадъ, тысячу разъ прости!

Она вынула пакетъ съ деньгами изъ сафьянной сумочки, положила возлѣ себя на диванѣ и хотѣла встать; Конрадъ ее удержалъ.

— Христіана, знаешь ли, что если ты отъ меня уйдешь съ тѣмъ, чтобы не возвращаться... нѣтъ! это было бы подло съ моей стороны! Я не хочу принуждать тебя, не хочу стѣснять тебя... но, Христіана, я могу сказать одно: я вижу теперь ясно, какъ я виноватъ передъ тобой, и если ты дѣйствительно тотъ добрый ангелъ, какимъ ты мнѣ представлялась, то не дай мнѣ изныть и изнемочь въ безплодномъ отчаяніи. Не отнимай у меня руки, которую ты мнѣ только-что протянула.

Онъ снова приклонилъ свою голову къ ея колѣнямъ; она также боязливо пыталась поднять его:

— Конрадъ! ты не долженъ стоять передо мной на колѣняхъ; я не могу тебя видѣть на колѣняхъ... не могу. Ты долженъ оставаться моей путеводной звѣздой, или для меня наступитъ ночь. Ты готовъ былъ забыть о своемъ небесномъ происхожденіи оттого, что облака на минуту сгустились надъ тобой? Еслибы ты поступилъ такимъ образомъ, Конрадъ, то, знаешь ли, и я могла бы разсердиться на тебя и счесть тебя измѣнникомъ. Я могу быть для тебя тѣмъ же, чѣмъ и другіе и даже больше; я знаю это теперь, хотя прежде едва осмѣливалась мечтать объ этомъ. Но ты, Конрадъ, ты самъ не долженъ никому принадлежать... ни ей, ни мнѣ... никому! ты долженъ принадлежать самому себѣ, своему генію, своей любви къ человѣчеству... своей великой, всесильной любви къ человѣчеству... я знаю отъ дядюшки Крепельманна, который зачастую слѣдилъ за тобой, когда ты объ этомъ и не подозрѣвалъ и думалъ, что ты одинъ... и что твоя лѣвая не вѣдаетъ о томъ, что творитъ твоя правая... я знаю, я знаю какъ глубоко, какъ сильно любишь ты людей бѣдныхъ,

страждущихъ... а потому мой милый, мой герой, мое все, оставайся вѣренъ самому себѣ и ты будешь великъ и славенъ!

Она прижала губы къ его лбу и затѣмъ встала. Онъ ее не удерживалъ болѣе. Онъ стоялъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дивана, опустивъ голову и слѣдилъ за ней глазами. Она подошла къ двери, и обернулась... но она была уже въ его рукахъ, въ его мощныхъ рукахъ, которыя приподняли ее съ земли, какъ перышко. Затѣмъ онъ поставилъ ее на полъ, и охвативъ руками прошепталъ:—Не только съ тобой, съ тобой!

И вотъ, они стоятъ у окна, озаренные самыми послѣдними лучами потухавшей зари, которые пробились сквозь облака, омрачавшіе небо, и привѣтливо киваютъ двумъ старикамъ, которые минутъ десять уже какъ расхаживаютъ по тротуару, обмѣниваясь порой тревожными словами. Старики дружески отвѣчаютъ на поклонъ, затѣмъ тоже бросаются на шею другъ другу къ великому изумленію прохожихъ.

— Теперь все обстоитъ благополучно, кумъ, рыдалъ Томасъ Кемпе.

— Какъ разъ въ самую пору, кумъ, какъ разъ въ самую пору, пробормоталъ Крепельманнъ, отирая съ улыбкой слезы. — Вѣдь сегодня у насъ *Ultimo!*

Фр. Шпильгагенъ.

Конецъ.

НОВѢЙШАЯ ИСТОРІЯ
АВСТРІИ

Кто прочелъ книгу профессора Антона Шпрингера [1]), по которой сдѣланъ былъ въ «Вѣстникѣ Европы» [2]) очеркъ австрійской революціи 1848-го года, тотъ остановился на закрытіи учредительнаго сейма въ Кромѣрижѣ, или по-нѣмецки Кремзирѣ, и на пожалованіи конституціи 4-го марта 1849-го года,—той конституціи, которую и обнародовали только для вида, чтобы потомъ отъ нея какъ можно скорѣе отдѣлаться. Книга Шпрингера даетъ понятіе о томъ, что революція 1848-го г. произошла въ Австріи, такъ сказать, сюрпризомъ, что произвелъ ее такъ-называемый духъ вѣка, то-есть иными словами, всѣ по-немногу и никто въ особенности; внезапно провалилась система слѣпой рутины и затхлаго застоя, повѣяло свѣжимъ воздухомъ, власть бралъ въ руки кто хотѣлъ. Тогда-то разыгрались на просторѣ незрѣлыя и неясныя стремленія къ гражданской свободѣ, которыя сейчасъ же скрестились и перепутались съ національными эгоистическими разсчетами и взаимными ненавистями племенъ, входящихъ въ составъ многоязычной монархіи. Въ нѣсколько мѣсяцевъ движеніе успѣло опостылѣть и опротивѣть большинству своими излишествами; главный результатъ, достигнутый имъ, былъ готовъ: освобожденіе крестьянъ, — результатъ не столько политическій, сколько соціальный. Съ того момента все столь же быстро

---

[1]) Anton Springer, Geschichte Oesterreichs seit dem Weiner Frieden, 1809. 2 Bde. Leipzig. 1863—65.

[2]) „Новѣйшая исторія Австріи", въ трехъ статьяхъ, В. Д. (Вѣстн. Евр. 1866, т. I, стр. 393—468; т. II, стр. 237—324: т. IV, стр. 325—390).

повернулось къ старому: опять отыскивается и обозначается въ организмѣ центръ, который нѣкоторое время какъ будто бы пропалъ, опять стягиваются члены къ этому центру лучами реакціи. Реакція торжествуетъ и выметаетъ тщательно всѣ безъ исключенія пріобрѣтенія революціи—всѣ, кромѣ отмѣны крѣпостного права. У Шпрингера изображена самымъ рельефнымъ образомъ парламентская сторона революціи, онъ могъ ее изобразить пользуясь бумагами и указаніями близкаго родственника своего *Пинкаса*, игравшаго весьма видную роль въ имперскомъ сеймѣ;—но онъ не зналъ и судилъ по догадкамъ о сторонѣ дѣла закулисной, о причинахъ реакціи, о замыслахъ людей, воплощавшихъ въ себѣ или думавшихъ, что они воплощаютъ государственную идею Австріи, о томъ, какъ они сошлись, спѣлись и дружными усиліями достигли умиротворенія страны. Этотъ пробѣлъ книги Шпрингера пополнило недавно многотомное, весьма богатое матеріаломъ сочиненіе: *Geschiche Oesterreichs vom Ausgange des Wiener October-Aufstandes* 1848. Prag. I B.—1869; II B. — 1870; III B. — 1872. Авторъ этого обширнаго труда — баронъ *Гельфертъ*, богемскій нѣмецъ, человѣкъ по преимуществу правительственный, притомъ реакціонеръ; онъ въ душѣ обожаетъ Виндишгреца, ненавидитъ либеральныя идеи и парламентаризмъ, и оплакиваетъ какъ величайшее несчастіе для Австріи раннюю потерю Шварценберга и Стадіона. «Если бы Австрія подольше сохранила, говоритъ онъ, блестящую чету этихъ государственныхъ Діоскуровъ, то она можетъ быть пріобрѣла бы новыя области, но не потеряла бы навѣрное ни одного изъ своихъ прежнихъ владѣній» (III, 44). Мелкій чиновникъ министерства юстиціи въ Прагѣ и Вѣнѣ, потомъ адъюнктъ-профессоръ въ Краковѣ, Гельфертъ попалъ въ учредительный сеймъ, занималъ мѣсто въ центрѣ, вертѣлся вокругъ Стадіона, убрался изъ Вѣны въ Прагу послѣ октябрьской катастрофы и зазванъ былъ изъ Праги въ Ольмюцъ, гдѣ, по его словамъ, ему предлагали министерство юстиціи, а потомъ министерство народнаго просвѣщенія (III, 68), но онъ не рѣшился принять ни одно, ни другое, и кончилъ тѣмъ, что состоялъ по министерству просвѣщенія сначала подъ руководствомъ Стадіона, потомъ при Львѣ Тунѣ, въ званіи помощника статсъ-секретаря. Гельфертъ присутствовалъ при самомъ зачатіи Шварценбергъ-Баховскаго министерства, онъ пользовался по смерти Виндишгреца и Шварценберга бумагами ихъ, удѣленными ему родными умершихъ. Сочиненіе Гельферта изображаетъ, подъ какими вліяніями и какимъ образомъ сложилось новое правленіе, съ новымъ императоромъ, поставившее себѣ задачу создать но-

вую Австрію, вмѣсто Меттерниховской. Оно не доходитъ до изложенія того, какъ дѣйствовали эти государственные люди, которые, бывъ облечены неограниченною властью и располагая страною безъ малѣйшаго активнаго откуда бы то ни было сопротивленія, довели Австрію послѣ десяти лѣтъ господства до Виллафранкскаго мира. Этому періоду, заключенному между двумя весьма грустными и унизительными для Австріи воспоминаніями: Вилагошъ и Сольферино, посвященъ первый томъ книги *Вальтера Рогге*: Oesterreich von Vilagos bis zur Gegenwart. Leipzig und Wien. 1872. Рогге — радикалъ, нѣмецкій патріотъ и централистъ. Свой трудъ онъ доводитъ потомъ до Гогенвартовскаго эпизода, предшествовавшаго образованію нынѣ дѣйствующей комбинаціи, т.-е. министерству *Ауэршперга-Андраши*. Нельзя полагаться безусловно на сужденія ни Гельферта, ни Рогге, но собранные ими факты драгоцѣнны. На основаніи этихъ фактовъ постараемся изобразить послѣднія судьбы Австріи до вступленія ея окончательно на путь конституціонный послѣ Сольферинскаго разгрома.

I.

Десять лѣтъ реакціи. — Министерство Шварценбергъ-Баховское.

1848 — 1859.

I.

Главныя дѣйствующія лица реакціи.—Министерство 21 ноября 1848-го года.

Едва ли былъ въ Австріи человѣкъ менѣе способный не только заботиться объ имперіи, но даже радѣть о собственной своей персонѣ, какъ императоръ Фердинандъ. За нимъ надобно было присматривать какъ за ребенкомъ и наблюдать, чтобы онъ не подписалъ какой-нибудь бумаги, противной интересамъ царствующаго дома и монархіи. Одной минутѣ недосмотра приписываетъ Гельфертъ (III В. 325 Anmerkung) манифестъ, подписанный 10-го іюня въ Иннспрукѣ, отставившій Іеллачича отъ банства и отъ военныхъ должностей: венгерскіе министры Л. Батіани и Эстергази воспользовались тѣмъ, что императрица Марія-Анна, урожденная принцесса Сардинская, неотступавшая отъ су-

пруга при всѣхъ дѣловыхъ свиданіяхъ, вышла изъ комнаты, и дали подписать императору не читая бумагу, которая оказалась потомъ манифестомъ 10-го іюня и съ которою стремглавъ потомъ поспѣшилъ Батіани въ Пештъ предать ее печати. (Это обстоятельство не осталось безъ вліянія впослѣдствіи и на трагическую кончину Батіани). На имперскихъ министровъ въ Вѣнѣ столь же мало можно было полагаться царствующему дому, сколько и на венгерскихъ: они узаконивали революцію, служили громоотводами, были постоянно между молотомъ и наковальнею, и постоянно мѣнялись при напорѣ волнъ народнаго движенія. На слѣдующій день послѣ паденія Меттерниха, 14-го марта, потрясенный необычайными событіями императоръ заявилъ супругѣ своей желаніе отречься отъ престола. Это желаніе, повторявшееся потомъ при каждой изъ быстро слѣдующихъ одна за другою катастрофъ, хранимо было въ величайшей тайнѣ. Въ эту тайну сверхъ немногихъ членовъ дома посвящено было въ началѣ только одно лицо, на которое весь императорскій домъ и вся среда, обзываемая во время революціи таинственнымъ, почти миѳическимъ прозвищемъ *камарильи*, состоящая изъ слугъ престола, старыхъ генераловъ, высшихъ придворныхъ чиновъ, лицъ, интересы коихъ были непосредственно задѣты революціею и кои толпились вокругъ престола, взирали какъ на главную опору и спасителя государства.

Такимъ лицомъ, сдѣлавшимся сразу главою и средоточіемъ реакціи отъ начала до конца революціи былъ князь Альфредъ *Виндишгрецъ*. Въ этотъ періодъ сила князя Виндишгреца была такова, что невольно при мысли о немъ вспоминался великій его предшественникъ, мрачный герой тридцатилѣтней войны. При ближайшемъ изученіи обоихъ, оказывается, что Виндишгрецъ не былъ ни въ малѣйшей степени похожъ на Вальдштейна, ни по способностямъ, ни по честолюбію. Его самоувѣренная военная бездарность проявилась въ полномъ блескѣ во время венгерской кампаніи начала 1849-го г.; онъ былъ только парадный генералъ, чопорный, нерѣшительный, медлительный, еле-еле и то съ трудомъ умѣющій справляться съ національною гвардіею да съ баррикадною сволочью. По политическому уму, онъ стоялъ несравненно ниже бана Іеллачича. Ультра-консерваторъ, неимѣющій ни малѣйшей гибкости ни въ умѣ, ни въ характерѣ и окаменѣвшій въ разъ навсегда опредѣлившихся убѣжденіяхъ, Виндишгрецъ выдвинулся только тѣмъ, что очутился случайно въ центрѣ и государства и революціоннаго движенія, въ самый моментъ революціи, а такъ какъ въ надежныхъ, неподатливыхъ людяхъ тогда особенно нуждались, а онъ былъ человѣкъ въ этомъ отношеніи на-

дежный, то на него и оперлись. Для всякой реакціи клерикальной, феодальной, военной онъ оказывался вполнѣ подходящимъ лицомъ. Его ультра-католическое благочестіе характеризуется всего лучше тѣмъ, что передъ смертью, получивъ по телеграфу папское благословеніе, онъ велѣлъ его читать торжественно при яркомъ освѣщеніи и при открытыхъ дверяхъ своей опочивальни, при чемъ, самъ нарядившись въ фельдмаршальскій мундиръ и регаліи, стоялъ на колѣняхъ. Въ Виндишгрецѣ скрещивались двѣ особенности, порою противоположныя: генеральство и барство. Вышколенный съ молодыхъ лѣтъ въ военной службѣ, онъ на всякое управленіе смотрѣлъ съ точки зрѣнія чиноначалія, безусловной централизаціи и слѣпой дисциплины. Вмѣстѣ съ тѣмъ и по рожденію и по душѣ аристократъ, одинъ изъ первыхъ магнатовъ Богеміи, онъ былъ расположенъ отстаивать неуклонно даже въ пику правительству неприкосновенность своихъ какъ личныхъ, такъ и сословныхъ правъ и преимуществъ. Въ ландтагѣ богемскомъ Виндишгрецъ считался въ числѣ несговорчивыхъ. Онъ возмущался и протестовалъ, когда Богемію называли «областью», а его самого нѣмцемъ, а не богемцемъ. Извѣстенъ его отвѣтъ въ 1814 г., когда онъ былъ только полковникомъ австрійскихъ константиновскихъ кирасиръ, шефу этого полка цесаревичу Константину Павловичу (Il me semble que vous jouez le grand seigneur?—Mon prince, il ne me faut pas le jouer, parce que je le suis). Обѣ черты: генеральство и барство уживались въ князѣ весьма естественно; онъ былъ прежде всего вельможа, grand seigneur, но притомъ вельможа того времени, когда феодальное дворянство, потерявъ всякій политическій вѣсъ и значеніе, превратилось въ привилегированный разсадникъ кандидатовъ, предназначаемыхъ на высшія въ государствѣ должности, въ плотину, ограждающую династическій принципъ отъ волнъ революціи, и уединяющую вмѣстѣ съ тѣмъ престолъ отъ движеній, происходящихъ въ нѣдрахъ общества. Въ сущности твердость, съ которою князь отстаивалъ ревниво свои привилегіи входить безъ доклада къ государю, квартировать въ Гофбургѣ, имѣть на дворѣ императорскаго замка свой столикъ для вербовки солдатъ въ свой полкъ, совершенно соотвѣтствовала твердости, съ которою считались мѣстами московскіе бояре, навлекая на себя гнѣвъ царскій и опалу, или непоколебимости испанскаго гранда, отстаивающаго свое право стоять передъ королемъ съ непокрытою головою. Въ сущности этотъ аристократъ и генералъ былъ все-таки человѣкъ придворный, сіяющій не собственнымъ, но заимствованнымъ свѣтомъ. Такъ какъ онъ родился въ 1787 году, то въ эпоху революціи ему было 61 годъ отъ роду и 44

года военной службы (съ 1804). Съ 1844 г. онъ командовалъ австрійскою арміею, расположенною въ Богеміи. Подобно большинству чешскихъ магнатовъ, Виндишгрецъ склонялся сердцемъ къ Россіи; онъ пользовался милостью русскаго императора, особенно послѣ того, какъ въ 1833 г. онъ сподобился быть свидѣтелемъ въ лагерѣ при Мюнхенгрецѣ обѣщанія, даннаго нашимъ государемъ, въ порывѣ рыцарскаго великодушія, престарѣлому императору Францу быть по его смерти добрымъ другомъ и помощникомъ хилому наслѣднику австрійскаго престола Фердинанду. Въ мартѣ 1848 г., Виндишгрецъ, находясь въ Вѣнѣ, былъ удержанъ отъ возвращенія въ Прагу Меттернихомъ, а послѣ паденія Меттерниха, облеченъ по просьбѣ всего императорскаго дома диктаторскою властью, причемъ предполагалось объявить Вѣну въ осадномъ положеніи. Взять на себя эту роль не хватило у него духу: онъ отказался, заготовленныя объявленія о его назначеніи были сняты и уничтожены; онъ предпочелъ давать изъ-за кулисъ совѣты и командовать негласно всѣми властями военными и гражданскими, которыя оставались еще въ послушаніи особѣ императора. Самъ дворъ былъ ему подчиненъ, и ни одна депутація не могла быть допущена безъ его разрѣшенія къ императору. Онъ удержалъ императора отъ намѣренія немедленно отречься отъ престола и произвелъ молодого полковника Іеллачича въ фельдмаршалъ-лейтенанты, тайные совѣтники и баны, по ходатайству хорватской депутаціи. Въ этомъ положеніи Виндишгрецу никакъ нельзя было долго держаться; хотя онъ дѣйствовалъ негласно, но былъ на виду и мозолилъ глаза революціонерамъ; самому двору было неловко имѣть его руководителемъ. Въ началѣ апрѣля, Виндишгрецъ получилъ рескриптъ весьма лестный, самымъ сердечнымъ образомъ благодарящій его за прошлыя услуги и освобождающій его отъ дальнѣйшихъ. Въ министерскихъ кружкахъ толкуемо было, что увольненіе послѣдовало въ видѣ уступки «общественному мнѣнію, которое необходимо щадить». Недовольный, сердитый князь уѣхалъ даже не въ Прагу, къ своей командѣ, а въ свое имѣніе въ Венгрію, Леско, близъ Тирново, грозясь, что онъ еще поведетъ войска на Вѣну возстановлять престолъ. Изъ этого уединенія, которому въ сущности весьма рады были министры и въ числѣ ихъ Латуръ, вызвали Виндишгреца вѣнскія событія 15 мая, повлекшія за собою бѣгство императора въ Инспрукъ. Когда онъ пріѣхалъ въ Прагу спасать «монарха, династію и всѣхъ честныхъ людей», то между нимъ, дворомъ въ Инспрукѣ и Латуромъ спутались отношенія самымъ страннымъ образомъ. Въ Прагѣ, въ которой назрѣвала видимо революція и близился взрывъ,

Виндишгрецъ мечтаетъ только о томъ, чтобы идти съ войсками на Вѣну, но требуетъ, чтобы ему дано было получать приказанія прямо изъ Иннспрука, а не отъ Латура. Это требованіе только потому не удовлетворено, что Латуръ пригрозилъ выходомъ въ отставку. Между тѣмъ въ Прагѣ, вслѣдъ за славянскимъ конгрессомъ, вспыхнуло уличное движеніе, и Виндишгрецъ столь мало былъ увѣренъ въ своей силѣ, что серьёзно помышлялъ о томъ, чтобы оставить Богемію на произволъ судьбы въ рукахъ революціи и отправиться съ арміею въ Тироль. Однако пришлось бомбардировать городъ и вслѣдствіе этой бомбардировки одержана легкая, нежданная и полная побѣда (іюньскіе дни), которая доставила Виндишгрецу необычайную славу и утвердила его въ замыслахъ подавить въ Вѣнѣ мятежъ вооруженною рукою.

Тотчасъ послѣ іюньскихъ дней за спиною у Латура и въ тайнѣ отъ него установилось соглашеніе между дворомъ и Виндишгрецомъ при посредствѣ императрицы Маріи-Анны. Виндишгрецъ снабженъ былъ рескриптомъ, предоставляющимъ ему неограниченную власть надъ всѣми войсками монархіи, кромѣ итальянской арміи. На основаніи этого рескрипта онъ списывался, точно также въ тайнѣ отъ Латура, съ генералами, командующими въ Галиціи, Моравіи, и съ Радецкимъ въ Италіи о походѣ на Вѣну. Старый Радецкій, стяжавшій настоящіе боевые лавры подъ Кустоццею и отвоевавшій Миланъ у итальянцевъ, чувствовалъ себя столь сильнымъ, что обѣщалъ дать Виндишгрецу 20,000 солдатъ. Положеніе бѣднаго Латура становилось поистинѣ незавиднымъ. Надъ Вѣною висѣлъ издали Виндишгрецъ въ видѣ громовой тучи; публика вѣнская, не понимая раздвоенія власти, подозрѣвала конституціонныхъ министровъ въ шашняхъ и стачкѣ съ реакціею; чехи-депутаты сеймовые правой стороны напирали на снятіе осаднаго положенія съ умиротворенной Праги; общественное мнѣніе требовало удаленія Виндишгреца; въ Богеміи стояли праздно войска, между тѣмъ какъ Вѣна ничѣмъ не защищалась отъ уличнаго движенія, и послѣдніе баталіоны высылались военнымъ министромъ то въ Италію, то потомъ на венгерскую границу. Между тѣмъ на всѣ требованія Латура Виндишгрецъ отвѣчалъ самыми рѣшительными отказами, основанными на томъ, что его «избрало Провидѣніе подавить революцію» и т. п. «Со временъ тридцати-лѣтней войны, писалъ Латуръ Виндишгрецу, не бывало еще примѣра въ цесарской арміи подобнаго явнаго неповиновенія со стороны главнокомандующаго». Когда, 12 августа, дворъ возвратился изъ Иннспрука въ Вѣну, та же игра продолжалась; Виндишгрецъ зналъ все, что дѣлается въ военномъ министерствѣ, чрезъ

посредство генерала Мертенса, дѣлалъ подъ рукою распоряженія о размѣщеніи и образѣ дѣйствій войскъ въ случаѣ выжидаемой издавна катастрофы, переписывался ежеминутно съ дворомъ чрезъ адъютанта своего Лангенау. Важный вопросъ, возбужденный уже въ мартѣ, стоялъ на очереди: о перемѣнѣ царствующаго лица. 6 сентября Виндишгрецъ по просьбѣ императрицы прислалъ проекты двухъ манифестовъ, одного объ отреченіи, другого о вступленіи на престолъ при письмѣ, въ которомъ взвѣшивались грозившія государю опасности, во избѣжаніе которыхъ предвидѣлась возможность вторичнаго поспѣшнаго отъѣзда изъ Шенбрунна: «если бы сеймъ попытался отнять у императора veto, заставилъ его уменьшить личный составъ войска, ограничилъ власть его надъ войскомъ, обусловилъ сношенія и соглашенія съ иностранными державами соизволеніемъ на нихъ своимъ». Отреченіе, по убѣжденіямъ Виндишгреца, являлось средствомъ разсчета съ революціею, предшествующимъ ея окончательному укрощенію, такъ какъ новый государь долженъ быть свободенъ по совѣсти отъ какихъ бы то ни было словъ и обязательствъ своего предшественника. Лично Виндишгреца всего болѣе привлекала идея возврата къ совершенно старому до-мартовскому устройству и порядку. Уступками съ его стороны духу времени являлись, въ его проектѣ манифеста о вступленіи на престолъ, обѣщаніе конституціи на подобіе англійской, усиленіе областной автономіи расширеніемъ круга вѣдомства ландштендовъ, наконецъ, неприкосновенность крестьянской реформы подъ условіемъ выкупа. Но Виндишгрецъ настаивалъ особенно, и такъ сказать подчеркивалъ въ манифестѣ, что конституція должна быть жалованною свыше, а не составленною по соглашенію съ сеймомъ, и что, давъ ее, будущій императоръ долженъ поставить себѣ закономъ не дѣлать никакихъ дальнѣйшихъ уступокъ [1]).

---

[1]) Sans être lié en aucune sorte par ma parole Impériale, j'ai cependant formé la résolution de conserver les formes constitutionelles... Je suis décidé à accorder une constitution à l'instar de celle d'Angleterre, enviée depuis des siècles par toutes les nations de l'Europe... Je chargerai les conseillers de Ma couronne de me soumettre le projet de la constitution... J'accorde aux diètes provinciales réunies dans une représentation plus étendue de l'état des bourgeois et des paysans la liberté de délibérer sur toutes celles des leurs affaires intérieures qui ne sont point en rapport avec les intérêts généraux de la Monarchie entière et de soumettre à Mon consentement les modifications désirées par elles et fondées sur leur rapport local et national.—Je déclare en outre de maintenir dans toute leur étendue les libertés acquises par l'état des paysans au prix d'une indémnité équitable de même que j'ai formé la résolution inébranlable de ne plus faire des concessions ultérieures (Helfert: II. B. Приложеніе 5).

На счетъ Вѣны и катастрофы Виндишгрецъ оказался ясновидящимъ и пророкомъ. Все случилось точь-въ-точь, какъ онъ предсказывалъ: произошла вспышка въ октябрѣ, Латуръ былъ растерзанъ и повѣшенъ, изъ Шенбрунна дворъ подъ военнымъ прикрытіемъ направился поспѣшно въ Ольмюцъ; изъ Вѣны бѣжали многіе сеймовые депутаты и большинство министровъ, остался только на своемъ посту Филиппъ Краузъ, соединившій въ своихъ рукахъ почти всѣ портфели, съ тѣмъ, чтобы защищать банкъ, казенную собственность и интересы короны, подписываясь въ то же время хладнокровно и добродушно подъ всякими распоряженіями революціонныхъ властей и раздавая для задобренія черни сотни тысячъ скверныхъ сигаръ, чѣмъ спасались милліоны, хранящіеся въ государственныхъ казначействахъ. Бахъ проѣздилъ весь день 6 октября, укрываясь отъ черни въ наемной каретѣ, и удралъ на слѣдующій день въ Зальцбургъ. Доббльгофъ и Горнбостль подали въ отставку. Министръ императорскаго двора престарѣлый 75-лѣтній Вессенбергъ раньше другихъ ускакалъ въ Прагу и оттуда въ Ольмюцъ, гдѣ очутился 12 октября, ранѣе двора, прибывшаго въ эту крѣпость 14 октября. Въ теченіи нѣсколькихъ дней въ Австріи только и были два конституціонные министра, изъ которыхъ одинъ Краузъ, «министръ мятежа», подписывалъ постановленія революціи, а другой «крѣпостной (ольмюцкій) министръ» Вессенбергъ готовъ былъ точно также подписывать всѣ постановленія реакціи. Виндишгрецъ попалъ теперь въ свой элементъ и могъ въ свое удовольствіе расправиться съ революціею, что онъ и сдѣлалъ медленно, хладнокровно, систематически. 8 октября онъ принималъ въ Градчинѣ Пражскомъ, не безъ приличнаго съ своей стороны нравоученія, бѣжавшихъ изъ Вѣны Ригера и Гавличка, которые еще недавно подписались на адресѣ сейма, требующемъ отозванія Виндишгреца, а теперь докладывали ему о случившемся въ Вѣнѣ. Между тѣмъ, какъ войска изъ Богеміи двигались на Вѣну по-издавна готовымъ росписаніямъ, Виндишгрецъ очутился 15 октября въ Ольмюцѣ, гдѣ наконецъ и взялъ въ руки то, что ему было предлагаемо въ мартѣ, но отъ чего онъ отказался—военную диктатуру. 16 октября онъ былъ возведенъ въ фельдмаршалы, ему дана была уже не тайкомъ, а гласно, полная власть надъ всѣми военными силами имперіи (кромѣ войскъ въ Италіи), для возстановленія законнаго порядка; ему обѣщано негласно, что новое имѣющее составиться министерство не сдѣлаетъ ни шагу и не составитъ никакого органическаго законоположенія безъ его о томъ вѣдома и согласія. На пути въ Вѣну онъ заявилъ коммиссарамъ франкфуртскаго парламента, Велькеру и Мосле,

коротко и ясно: «въ Вѣнѣ не можетъ ничего сдѣлать даже самъ императоръ, таковы полномочія, которыя онъ мнѣ далъ». Сеймъ онъ во всеуслышаніе обзывалъ шайкою негодяевъ, арестовалъ парламентеровъ, отказывался вступать въ переговоры съ мятежниками, а между тѣмъ, тянулъ, мѣшкалъ и далъ полную возможность доведенной до отчаянія столицѣ вооружиться на неровный бой. Всего характеристичнѣе было свиданіе Виндишгреца съ министромъ Краузомъ въ лагерѣ 25 октября: «а знаете ли, сказалъ князь, что я бы долженъ объявить васъ военноплѣннымъ и не пустить въ городъ назадъ».—«Сдѣлайте одолженіе, задержите меня, отвѣчалъ Краузъ; бо́льшаго удовольствія вы не могли бы мнѣ лично и доставить. Или вашему сіятельству думается, что я сижу въ Вѣнѣ для собственнаго моего удовольствія».

Оставимъ теперь Виндишгреца разыгрывать на просторѣ роль лѣшаго или бабы-яги реакціи: весь интересъ момента былъ конечно не въ Вѣнѣ, а въ Ольмюцѣ, куда стекались медленно тузы контрреволюціи, разметанные бурею въ разныя стороны и гдѣ совершался съ трудомъ и съ натугами подборъ министерства 21 ноября и выработка будущей программы управленія. Виндишгрецъ слишкомъ мало смыслилъ въ техникѣ государственнаго механизма, чтобы непосредственно вліять на эту часть работы, онъ ограничился только тѣмъ, что рекомендовалъ двору Шварценберга, одобрилъ выборъ Стадіона и давалъ формальное свое согласіе на то, что новые правители государства замышляли и предпринимали для пересозданія государства. Постараемся представить характеристику людей, которые вступили теперь въ Ольмюцъ на политическую арену съ девизомъ: viribus unitis!

Человѣкъ, получившій отъ Виндишгреца такъ сказать рукоположеніе на министра-президента, главу кабинета, былъ, какъ и Виндишгрецъ, князь, родомъ изъ Богеміи, притомъ ближайшій его свойственникъ, а именно младшій братъ жены его Элеоноры, убитой шальною, неизвѣстно кѣмъ пущенною пулею въ Прагѣ, во время іюньскихъ дней. Молодой князь Феликсъ Шварценбергъ, родившійся въ 1800 г., началъ свою карьеру по окончаніи наполеоновскихъ войнъ, вступивъ кадетомъ въ тотъ полкъ константиновскихъ кирасиръ, котораго начальникомъ былъ его шуринъ. Вскорѣ потомъ, въ 1824 году, не покидая военнаго мундира, онъ промѣнялъ скучную въ мирное время строевую службу на болѣе пріятныя занятія, и сдѣлавшись дипломатомъ, цѣлыхъ 18 лѣтъ провелъ при разныхъ австрійскихъ посольствахъ въ Петербургѣ, Лиссабонѣ, Лондонѣ, Парижѣ, Берлинѣ. Въ великосвѣтскихъ кругахъ европейскихъ столицъ онъ пріобрѣлъ

громкую извѣстность своими кутежами и скандалами своихъ нескончаемыхъ любовныхъ похожденій. Живой, бойкій, до безумія храбрый и хладнокровно рѣшительный, Шварценбергъ блисталъ остроуміемъ холоднымъ, язвительнымъ, всегда готовымъ дать колкій отвѣтъ. Такъ какъ умъ у него былъ далеко недюжинный, то иногда скучая отъ великосвѣтскаго бездѣлія и пустоты, онъ съ тою же жадностью, съ какою искалъ удовольствій, волочась за женщинами или играя въ азартныя игры, углублялся въ чтеніе, бралъ уроки и изучалъ всевозможныя науки, начиная съ древнихъ классиковъ и археологіи до богословія и анатоміи; но и эти набѣги на науку проистекали изъ того же утонченнаго сибаритизма, который составлялъ самое существо натуры князя Шварценберга и который дѣлалъ его способнымъ соединять излишества съ лишеніями и нѣгу лѣни съ напряженнымъ трудомъ, ради одного только разнообразія. Шварценбергъ любилъ разъ только въ жизни, но этотъ романъ съ лэди Элленборо кончился процессомъ о прелюбодѣяніи, начатымъ со стороны оскорбленнаго мужа, приговоромъ палаты лордовъ и поспѣшнымъ отъѣздомъ Шварценберга на материкъ. Изжившійся физически, истощенный и пресыщенный Шварценбергъ только въ 1842 году добился того, что ему дали первую самостоятельную должность—посланника при туринскомъ дворѣ. Понадобилось много черствости и безсердечія, чтобы занимать съ успѣхомъ этотъ постъ. Австрія гранитною горою лежала на Италіи, мѣшая объединенію, насилуя національное чувство и полицейски наблюдая за всѣми итальянскими правительствами въ интересахъ неподвижности и застоя. Король Карлъ-Альбертъ, который все царствованіе провелъ окруженный австрійскими шпіонами и одинаково боялся и кинжала карбонаровъ и шоколада іезуитовъ, не могъ равнодушно выносить Шварценберга; его бросало въ дрожь отъ безжизненнаго взгляда и вѣчной сардонической улыбки этого высокаго, сухощаваго господина, надменно вѣжливаго, имѣющаго военный мундиръ и осанку и легкую, тихую поступь придворнаго человѣка. Но Шварценбергу эта роль приходилась по-нутру и нравилась; ему, человѣку изжившемуся, съ притупившимися отъ излишествъ нервами, служили теперь развлеченіемъ интрига и власть, онъ наслаждался ими какъ интересною игрою, въ которой интересовалъ его болѣе самъ процессъ игры, нежели ея результаты. Изъ этой игры онъ могъ вынести конечно только полнѣйшее презрѣніе къ людямъ и цинизмъ, бывающіе обыкновенно удѣломъ того, кто изучитъ наглядно самую грязную сторону природы человѣческой. Счастливѣйшими годами своей дипломатической карьеры Швар-

ценбергъ считалъ періодъ 1844—1848, когда онъ состоялъ посланникомъ въ Неаполѣ при королѣ Фердинандѣ. Здѣсь, зимою 1845 года, онъ представлялся русскому императору, который перемѣнилъ о немъ свое неблагопріятное для Шварценберга мнѣніе, возникшее вслѣдствіе личнаго знакомства Шварценберга съ декабристомъ княземъ Сергѣемъ Трубецкимъ, чтó и было причиною отозванія въ 1826 году Шварценберга изъ Петербурга. Шварценбергъ столь горячо вступался за короля неаполитанскаго въ смутное время 1848 года, что народъ въ Неаполѣ сорвалъ и разбилъ на домѣ посольства австрійскаго орла. Оставивъ Неаполь, когда тамъ разыгралось народное движеніе, Шварценбергъ отправился къ Радецкому, участвовалъ въ сраженіяхъ, велъ бригаду на штурмъ подъ градомъ пуль подъ Куртатоне, былъ начальникомъ дипломатической канцеляріи Радецкаго, потомъ губернаторомъ Милана и, какъ «полевой дипломатъ», ѣздилъ въ Иннспрукъ и въ Вѣну разстраивать бывшіе въ ходу замыслы и планы о предполагаемой уступкѣ Австріею Ломбардіи. (Проектъ Гуммельъауэра, который сберегъ бы много крови и денегъ Австріи, если бы тогда же осуществился). Въ концѣ сентября, во время одной изъ такихъ поѣздокъ въ Вѣну, адъютантъ Виндишгреца Лангенау предложилъ Шварценбергу отъ Виндишгреца, не согласится ли онъ взять портфель. По первому извѣстію объ отъѣздѣ двора въ октябрѣ въ Ольмюцъ, еще до свиданія съ императоромъ, Виндишгрецъ писалъ императрицѣ изъ Праги: «не входите въ переговоры съ сеймомъ, вызовите изъ Вѣны князя Феликса Шварценберга и положитесь вполнѣ на его совѣты». Шварценбергъ пріѣхалъ въ Ольмюцъ 14 октября, въ тотъ самый день, когда прибылъ туда и дворъ, и наканунѣ пріѣзда Виндишгреца. Ему и поручено составить сплошной, единодушный, рѣшительно-реакціонный кабинетъ, подъ верховнымъ руководствомъ Виндишгреца. На свой новый постъ онъ приносилъ свою врожденную бойкость и быстроту соображенія, но безъ всякаго положительнаго знанія австрійскихъ обстоятельствъ, безъ плана, системы, безъ всякихъ государственныхъ идей. Вопросы дня изучалъ онъ по мѣрѣ того, какъ они являлись, и то по верхамъ, не сходя съ вершинъ высшей политики; правда, что работалъ онъ скоро, причемъ ему помогали крутой его нравъ и умѣнье безпощадно эксплуатировать своихъ содержимыхъ въ черномъ тѣлѣ подчиненныхъ. Высшимъ чиновникамъ ему случалось зачастую говорить: «Unsinn», или «die Dumheit die er da gemacht». Министру Рехбергу онъ подалъ разъ черезъ плечо, въ присутствіи постороннихъ, бумагу, со словами: «депеша вамъ не удалась, не угодно

ли ее передѣлать». Въ противоположность съ Виндишгрецомъ, который былъ прежде всего феодалъ и консерваторъ, Шварценберга можно назвать чистѣйшимъ абсолютистомъ, но и этотъ, почти византійскій, безпредѣльный абсолютизмъ, не мѣшавшій ему впослѣдствіи согласиться на основы конкордата, который поставилъ Австрію почти по-испански на колѣни передъ Римомъ, являлся въ Шварценбергѣ дѣломъ личнаго темперамента и вкуса, а не обдуманныхъ убѣжденій. Такъ какъ абсолютизмъ Шварценберга, основанный на воображеніи и прихоти, не былъ поддерживаемъ никакимъ планомъ, никакимъ знаніемъ условій, при которыхъ возможно его осуществить, то въ этомъ отношеніи Шварценбергъ являлся совершеннымъ утопистомъ и брался не колеблясь за такія задачи, которыя бы заставили отступиться человѣка болѣе положительнаго. Для него, напримѣръ, вопросъ венгерскій былъ сразу и напередъ рѣшенный: подавить силою и вытравить опасный сепаратизмъ, потомъ подвести Венгрію подъ одинъ со всѣми другими областями знаменатель, то-есть подъ византійскій произволъ съ полнѣйшимъ уничтоженіемъ всякаго историческаго права и всякихъ областныхъ и національныхъ особенностей. 6 ноября писалъ онъ къ Виндишгрецу, около котораго вертѣлись нѣкоторые венгерскіе магнаты изъ крѣпостниковъ и обскурантовъ: «не вѣрьте имъ, у нихъ у всѣхъ сидитъ въ головахъ мадьяризмъ; теперь или никогда пересоздать намъ Венгрію и устроить ее такъ, чтобы ею можно было управлять».

То, чего недоставало Шварценбергу: положительное знаніе, послѣдовательность и навыкъ, обрѣталось съ избыткомъ въ другомъ Діоскурѣ министерства 21 ноября, въ *Францѣ Серафимѣ* графѣ *Стадіонѣ*. Политика-фантаста и эмпирика дополнялъ политикъ-доктринеръ и теоретикъ, истощеннаго удовольствіями сластолюбца—истощенный умственною работою аскетъ. Стадіонъ былъ едва ли не самый эксцентричнѣйшій чудакъ во всей имперіи: онъ бѣгалъ отъ женщинъ, считалъ преступленіемъ противъ государственной службы, когда его подчиненные чиновники женились, не допускалъ никакой прелести въ стихахъ, искусство называлъ тунеядствомъ и предпочиталъ господамъ Шиллеру и Гёте двухъ факиновъ, которые таскаютъ тюки съ корабля на пристань. Себя онъ отдалъ всецѣло государству, а жить ему пришлось въ такой именно періодъ, когда въ государствѣ царили китайщина, рутина и застой. Онъ полюбилъ званіе чиновника даже при такихъ условіяхъ, ради того добра, которое можно дѣлать, ради живыхъ силъ, которыя можно пробуждать и направлять, была бы въ рукахъ только власть, а въ самомъ себѣ знаніе дѣлъ и воля. Сообразно

времени, въ которомъ выработался Стадіонъ, руководящимъ его идеаломъ сдѣлался абсолютизмъ, не тупоумный, во что бы то ни стало консервативный, а просвѣщенный и безконечно прогрессивный, котораго образчикъ имѣла уже Австрія въ лицѣ Іосифа II. Нельзя сказать однако, чтобы Стадіонъ былъ чистый іозефинецъ; онъ сочувствовалъ конечно іозефинскимъ идеямъ, но не іозефинскимъ пріемамъ, то-есть реформаторству не сверху внизъ, посредствомъ указовъ да канцелярской переписки. Стадіонъ терпѣть не могъ бумажнаго бездѣлія, канцелярской переписки, вицмундира, церемоніала, онъ скорѣе походилъ на Гарунъ-аль-Рашида и выше всего ставилъ живое дѣло, личное неусыпное наблюденіе и вліяніе пекущагося о матеріальномъ и нравственномъ благосостояніи жителей правителя, поддерживаемаго одушевленными тѣми же намѣреніями и тѣмъ же духомъ подчиненными. Кромѣ того, онъ еще и потому шелъ несравненно дальше іозефинизма, что не считалъ просвѣщенной бюрократіи альфою и омегою государственнаго развитія. Въ неизмѣримой дали за многими столѣтіями ему виднѣлась болѣе свободная форма государственнаго устройства, но очевидно онъ не могъ и помышлять о конституціи при естественномъ ходѣ вещей въ порядкѣ органическаго развитія, единственнаго, какое допускалъ Стадіонъ, безъ всякаго фундамента, безъ подготовительныхъ подстроекъ. Великую заслугу Стадіона составляетъ то, что онъ все-таки мечталъ о закладкѣ фундамента, его конькомъ было общинное устройство. Правильное общинное самоуправленіе, хорошія народныя школы и просвѣщенный бюрократическій персоналъ, развивающій силы всякой области порознь и всего государства,—вотъ и все, что Стадіонъ считалъ возможнымъ въ данное время въ Австріи. Въ его заботахъ объ общинѣ и о народной школѣ сквозила демократическая черта, поражающая въ человѣкѣ—самомъ породистомъ, въ аристократѣ самой «голубой» крови. Правительственный человѣкъ до мозга костей, Стадіонъ не взиралъ на происхожденіе при выборѣ агентовъ и готовъ былъ, когда того требовали государственные интересы, подрѣзать дерево дворянскихъ привилегій; никто радикальнѣе его не постигалъ необходимости крестьянской реформы и тѣхъ выгодъ, какія можно изъ отмѣны крѣпостного права извлечь для государства. Будучи австрійцемъ черножелтаго цвѣта, онъ безразлично относился къ національностямъ; самъ нѣмецъ—составлялъ и распространялъ въ Истріи учебники на итальянскомъ языкѣ, запрегши въ эту работу горячаго итальянскаго патріота Донъ Онгаро; въ Галиціи поддерживалъ русиновъ, сходился съ чехами, только съ мадьярами и поляками не

могло быть у него ничего общаго. Добавимъ, что Стадіонъ, самъ по себѣ небогатый, не зналъ цѣны деньгамъ и всегда жилъ на широкую ногу, что онъ имѣлъ не очень обѣщающую наружность: высокій, тощій, съ длинными руками и ногами, лицо его было узкое, расширяющееся ко лбу, плѣшивому и высокому, глаза у него были водянисто-голубые. Природа не надѣлила его ораторскими способностями, мысли свои выражалъ онъ съ трудомъ и запинаясь, но голова его вѣчно работала. Если о нѣкоторыхъ людяхъ говорятъ, что у нихъ недостаетъ одного колеса въ головѣ, то о немъ можно сказать, что у него было одно колесо лишнее. Не зная усталости, онъ рано привыкъ, работая, возбуждать свои нервы искусственными способами: самыми сильными сигарами, неумѣреннымъ употребленіемъ крѣпчайшаго кофе. Таковъ былъ самый дѣльный и талантливый человѣкъ, котораго произвела меттерниховская Австрія. Много нужно было счастія этому бюрократическому титану, чтобы развернуть свои крылья въ средѣ, заѣдающей обыкновенно всякое дарованіе и всякую самостоятельность. Выдти въ знатные люди помогли ему, конечно, аристократическое происхожденіе и семейныя связи. Отецъ его былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ въ Австріи до 1809 года, то-есть до Меттерниха. Родившись въ 1806 году, онъ съ 1828 года долго тянулъ лямку какъ сверхштатный и безплатный чиновникъ по разнымъ областямъ и канцеляріямъ. Въ 1830 году, будучи крейсъ-коммиссаромъ въ Ржешовѣ, въ Галиціи, во время холеры, когда испуганный народъ отказывался хоронить умершихъ, онъ для дачи примѣра взялъ одного изъ умершихъ отъ холеры своими нѣжными руками, взвалилъ его на свои плечи и понесъ на кладбище. Въ Иннспрукѣ 1832 года его аттестовало начальство неспособнымъ къ повышенію. Несмотря на то, въ 1834 году при своихъ связяхъ онъ получилъ мѣсто въ одномъ изъ министерствъ, а въ 1841 году назначенъ губернаторомъ австрійскаго поморья: Тріеста, Истріи, Горицы и Градиски. Здѣсь въ весьма скорое время стяжалъ онъ славу администратора-чудотворца, по мановенію коего цвѣтутъ города и льются рѣкою довольство и богатство. Тріестское портофранко при немъ было точно внѣ Австріи, здѣсь читались свободно всѣ книги и газеты; собственною властью губернатора введено общинное самоуправленіе безъ разрѣшенія свыше, посредствомъ однихъ инструкцій губернаторскихъ, правда «временно» и въ «видѣ опыта». Здѣсь вывелъ онъ въ люди и отличилъ Брука и даровитаго публициста Варренса. Тріестъ весь плакалъ, когда Стадіона перемѣстили въ страну, болѣе обширную, но окровавленную и терзаемую всѣми ужасами обществен-

ной междоусобной борьбы, а именно въ Галицію. Стадіонъ назначенъ правителемъ Галиціи въ апрѣлѣ 1847 г., значитъ, послѣ рѣзни 1846 года и послѣ подавленія польскаго движенія правительствомъ при помощи вооруженныхъ имъ крестьянъ. Раны были свѣжи, глубоки и огоньки показывались изъ-подъ пепла, а послѣ мартовской революціи въ Вѣнѣ огоньки эти вспыхнули опять яснымъ пламенемъ; поляки, составляющіе здѣсь высшій и средній классы, болѣе образованное общество, приняли участіе въ общеавстрійскомъ движеніи, среди котораго у галиційскаго намѣстника опускались руки. Онъ ихъ не сложилъ однако и совершилъ двѣ вещи, за которыя поплатился совершенною утратою на время всякой популярности: отмѣнилъ барщину (Robot) и, какъ выражалась польская пресса, «изобрѣлъ русиновъ». Гораздо ранѣе нежели крестьянскій вопросъ поднятъ былъ на сеймѣ, въ самомъ началѣ революціи, Стадіонъ съ помощникомъ своимъ, а потомъ министромъ барономъ Филиппомъ Краузомъ, выработали проектъ, который утвержденъ и опубликованъ какъ законъ 7 апрѣля 1848 г. о совершенной отмѣнѣ барщины и всѣхъ крестьянскихъ повинностей, а равно патримоніальныхъ помѣщичьихъ судовъ, подъ условіемъ имѣющаго въ будущемъ послѣдовать выкупа. Что касается до «изобрѣтенія русиновъ», то выраженіе это безсмыслица, но дѣло въ томъ, что Стадіонъ далъ русинамъ возможность сойтись, устроиться политически и помогъ ихъ движенію. которое направлено было противъ поляковъ. Послѣ этихъ двухъ дѣлъ, обильныхъ послѣдствіями, въ маѣ 1848 г. окольными путями Стадіонъ получилъ собственноручную записку отъ императора, зовущую его въ Инспрукъ и поручающую ему образовать новое министерство. Тайкомъ онъ уѣхалъ изъ Львова, сдавъ дѣла графу Агенору Голуховскому, и чрезъ Краковъ и Вѣну поспѣшилъ въ Инспрукъ. Министерства онъ не принялъ, во-первыхъ, потому, что при дворѣ нашелъ недоброжелателей, во-вторыхъ потому, что въ данныхъ обстоятельствахъ единственный возможный кабинетъ былъ существующій, готовый на всѣ уступки кабинетъ Пиллерсдорфа. Стадіонъ хранилъ себя на будущія времена, между тѣмъ галиційскіе крестьяне въ округѣ Равскомъ провели его на выборахъ въ депутаты на учредительный сеймъ имперскій.

На сеймѣ въ манежѣ Стадіонъ имѣлъ видъ зачумленнаго, отъ котораго всѣ бѣгутъ и сторонятся. Депутаты-поляки изъ Галиціи были на него озлоблены смертельно не за отмѣну барщины (барщина и крѣпостное право были въ принципѣ давно у нихъ вопросами рѣшенными), но за то, что облагодѣтельство-

вавъ крестьянъ на счетъ помѣщиковъ отъ имени правительства, Стадіонъ усилилъ абсолютизмъ и лишилъ польское движеніе возможности подарить землю и свободу крестьянамъ и привлечь ихъ такимъ образомъ на сторону польскаго движенія. За польскими депутатами тоже самое повторяли нѣмецкіе либералы и революціонеры, инстинктивно чувствовавшіе, что Стадіонъ человѣкъ правительственный, сильной руки и крѣпкаго закала. «Второй Меттернихъ, Тартюфъ, Макіавель», какъ его тогда звали, человѣкъ отпѣтый и поконченный, сѣлъ одиноко на одной изъ верхнихъ скамей центра и взялъ подъ свое начало галицiйскихъ крестьянъ, которые безусловно его слушали и голосовали за нимъ точно по командѣ. Мало-по-малу отношенія его къ сейму измѣнились, и если бы сеймъ продлился, то онъ бы сдѣлался главою и вожатымъ консервативной партіи. Въ іюлѣ Виндишгрецъ, вербовавшій людей на всякій случай, зазывалъ къ себѣ Стадіона въ Прагу, но Стадіонъ отвѣтилъ довольно рѣзко, «что онъ считаетъ реакцію дѣломъ несправедливымъ, нечестнымъ и никогда не согласится сдѣлать что-нибудь, въ чемъ бы заключалось стремленіе къ какой-либо реакціи» (Helfert III. B. 3 приложеніе). Въ томъ же письмѣ сказано: «то, что государь пожаловалъ народамъ, свято, какъ всякая другая собственность». Эти слова доказываютъ, что Стадіонъ въ іюлѣ вошелъ въ парламентскую колею. Насколько искренно?—это другой вопросъ. Въ конституціонный порядокъ онъ не вѣрилъ, но въ данныхъ обстоятельствахъ онъ могъ полагать, что конституціоннымъ порядкомъ можно что-нибудь сдѣлать и потому не хотѣлъ еще связываться съ явнымъ коноводомъ реакціи. 19 сентября онъ былъ въ числѣ главныхъ агитаторовъ, недопустившихъ венгерскихъ делегатовъ въ сеймъ имперскій и зажегшихъ такимъ образомъ австро-венгерскую междоусобную войну. Когда произошла октябрьская катастрофа, Стадіонъ явился 7 октября на свой сеймовый постъ въ манежѣ, но тѣ самые злѣйшіе враги его изъ галицiйскихъ депутатовъ, которые дѣлали когда-то предложенія о преданіи его суду, предостерегали его теперь о необходимости исчезнуть, во избѣжаніе участи Латура. Онъ и бѣжалъ ночью въ Моравію къ роднымъ, гдѣ его съ трудомъ отыскали лица высоко-поставленныя при дворѣ (Кламъ-Мартиницъ, графъ Грюнне, генералъ-адъютантъ князь Лобковицъ). Они звали его ко двору; онъ отправился сначала въ Прагу для переговоровъ съ чехами, затѣмъ прибылъ въ Ольмюцъ, гдѣ вокругъ него тотчасъ сгруппировались сеймовые депутаты, бѣжавшіе изъ Вѣны вслѣдъ за дворомъ. Стадіонъ былъ посредникомъ между ними и Шварценбергомъ, давалъ послѣднему совѣты, но относительно

своего вступленія въ кабинетъ отзывался очень уклончиво: «мое время еще не пришло». Дѣло въ томъ, что, совѣщаясь съ Стадіономъ и подчиняясь его авторитету, Шварценбергъ видимо предпочиталъ болѣе податливаго Баха и только тогда, когда Бахъ, котораго долгое время напрасно искали, прибывъ въ Ольмюцъ, отказался взять министерство внутреннихъ дѣлъ и Виндишгрецъ высказался съ своей стороны въ пользу Стадіона, предпочтительно предъ выскочкою и ловкимъ, но ненадежнымъ человѣкомъ Бахомъ, рѣшено 7 ноября, что Стадіонъ будетъ министромъ внутреннихъ дѣлъ. Затѣмъ послѣдовало распредѣленіе остальныхъ портфелей. Баху досталось министерство юстиціи, финансы оставлены за оказавшимъ громадныя услуги во время октябрьскаго безначалія Краузомъ, военное дѣло сдано бывшему вѣнскому коменданту Кордону; по рекомендаціи Стадіона изъ Тріеста вызванъ на постъ министра торговли Брукъ, народнымъ просвѣщеніемъ завѣдывалъ временно подъ руководствомъ Стадіона Гельфертъ, а министромъ земледѣлія назначенъ штирійскій горнозаводчикъ Тиннфельдъ. Предсѣдательство въ кабинетѣ и иностранныя дѣла предоставилъ себѣ Шварценбергъ. Процессъ рожденія новаго министерства, которое было, по его же словамъ, министерствомъ *единства* въ дѣйствіи, *силы* и *почина*, былъ необыкновенно тяжелъ и продолжителенъ. Цѣлый мѣсяцъ, съ конца октября до второй половины ноября дѣйствовали уже новые правители и разъѣзжали во всѣ концы изъ Ольмюца въ Шенбруннъ къ Виндишгрецу, въ Прагу и обратно, но оффиціально они ничѣмъ еще незначились и всѣ распоряженія и мѣропріятія скрѣплялъ отпрашивавшійся убѣдительно на покой старикъ Вессенбергъ. Только 21 ноября вышли одновременно приказы объ увольненіи Вессенберга и о назначеніи новыхъ министровъ. Важнѣйшій политическій вопросъ переходнаго состоянія отъ прибытія двора въ Ольмюцъ до сформированія кабинета состоялъ въ опредѣленіи отношеній его къ сейму и конституціонному порядку. Значительная партія при дворѣ, главой которой былъ до-мартовскій министръ финансовъ баронъ Кюбекъ, предлагала планъ величавый по своей простотѣ: объявить осадное положеніе на всю Австрію, взять назадъ всѣ уступки, ударить сеймъ по шапкѣ и предоставить военному диктатору по подавленіи мятежа принять тѣ мѣры къ возрожденію Австріи, которыя онѣ заблагоразсудитъ. Этотъ проектъ, который въ главныхъ чертахъ и осуществленъ былъ три года спустя, оказался несвоевременнымъ даже по понятіямъ Шварценберга. Монархическая власть висѣла на волоскѣ, Венгрія могла считаться отложившеюся, Вѣна еще держалась; вездѣ на пути въ Ольмюцъ въ городахъ насе-

леніе встрѣчало дворъ холодно и даже враждебно, одни только крестьяне сопровождали поѣздъ императорскій съ восторгомъ и ликованіями, но и ихъ депутаціи упрашивали о томъ, чтобы Цесарь далъ имъ подтвержденіе ихъ воли на гербовой бумагѣ (nastemplu). Огромное большинство образованныхъ людей, гнушаясь вѣнскими уличными событіями, еще стояли крѣпко за конституцію и либеральныя реформы, поддержка чеховъ обусловливалась удержаніемъ впредь учредительнаго сейма, и продолженіемъ начатаго имъ дѣла. При такихъ условіяхъ правительство обѣими руками ухватилось за чешскія предложенія, изъять сеймъ изъ-подъ вліянія вѣнской революціи и предоставить ему необходимую свободу дѣйствій. Самый выборъ мѣста для сейма въ моравскомъ Кромѣрижѣ или Кремзирѣ сдѣланъ былъ по указанію Палацкаго. Засѣданія сейма открылись 22 ноября, на слѣдующій день послѣ опубликованія приказовъ о назначеніи новаго министерства, а 27 новый министръ-президентъ явился въ первый разъ на сеймовой трибунѣ и прочелъ среди глубокаго молчанія рѣчь, составленную Гюбнеромъ, не безъ сильнаго въ ней участія Стадіона и его идей. Бумага дрожала въ рукахъ дипломата, которому впервые приходилось говорить въ столь многочисленномъ собраніи, но голосъ его становился самоувѣреннѣе и тверже по мѣрѣ того, какъ усиливались со стороны слушателей знаки сочувствія, перешедшіе потомъ въ громъ рукоплесканій. Крайне заманчивы были золотыя обѣщанія, которыя расточались въ этой программѣ будущаго: «безъ правды нѣтъ довѣрія, безъ довѣрія нѣтъ содѣйствія правительства и народнаго представительства. Намъ предстоитъ великое дѣло сплоченія въ одно политическое тѣло всѣхъ земель и народовъ монархіи. Министерство не отстанетъ отъ стремленія къ либеральнымъ учрежденіямъ. Оно станетъ во главѣ движенія. Мы преданы конституціонной монархіи искренно и безъ заднихъ мыслей. Мы далеки отъ всякихъ антиконституціонныхъ затѣй и будемъ радѣть о неприкосновенномъ сохраненіи народами Австріи предоставленной имъ свободы». Шварценбергъ сулилъ сейму равенство всѣхъ гражданъ передъ закономъ, равноправность національностей, отдѣленіе суда отъ администраціи, общинное самоуправленіе. Впечатлѣніе было неожиданное и пріятное; министерство дѣлалось вдругъ популярнымъ. Между тѣмъ сейму готовился уже другой гораздо болѣе неожиданный сюрпризъ, исполненный быстро, таинственно, но далеко не такъ, какъ это дѣлается въ конституціонныхъ государствахъ: 2 декабря народы Австріи получили новаго монарха.

Когда императоръ Фердинандъ рѣшился отказаться отъ пре-

стола, то при совѣщаніи императрицы Маріи-Анны съ Виндишгрецомъ высказалась необходимость устроить это отреченіе такимъ образомъ, чтобы на престолъ вступилъ не ближайшій наслѣдникъ, братъ императора эрцгерцогъ Францъ-Карлъ, слабый тѣломъ и малоспособный, но молодой и свѣжій человѣкъ, сынъ его Францъ. Императрица нашла полное одобреніе проекту и совершенную готовность въ матери молодого «Франци» эрцгерцогини Софіи, урожденной принцессѣ баварской. Молодой принцъ еще не кончилъ воспитанія, занимался весьма обстоятельно и долго военными науками, зналъ языки всѣхъ почти народовъ австрійской имперіи (въ томъ числѣ мадьярскій, польскій), потомъ слушалъ лекціи естественныхъ и юридическихъ наукъ и философіи, которую ему преподавалъ теперешній кардиналъ Раушеръ, былъ не по возрасту серьёзенъ, прилеженъ, но въ то же время крайне застѣнчивъ. Онъ обнаруживалъ мало самостоятельности и крѣпко привязывался къ лицамъ, бывшимъ его руководителями. 18 августа 1848 года ему должно было исполниться 18 лѣтъ. Обѣимъ женщинамъ, заботившимся о его высокомъ назначеніи, казалось почему-то, что по законамъ царствующаго дома ему надо дождаться 18 августа, чтобы считаться совершеннолѣтнимъ. Въ апрѣлѣ, во время революціи былъ проектъ назначить его намѣстникомъ въ Прагу, приставивъ къ нему графа Льва Туна вице-президентомъ, но это предположеніе не осуществилось, его отправили въ концѣ апрѣля къ старику Радецкому, отвѣдать боевой жизни. Побывавъ въ сраженіи при Санта-Лучіа, принцъ вызванъ былъ ко двору, пріютившемуся въ то время въ Инспрукѣ, гдѣ его разлучили съ бывшимъ воспитателемъ его графомъ Бомбелль, особенно ненавистнымъ радикальной партіи, и поручили полковнику графу Грюнне, въ званіи оберъ-каммергера. Во все время пребыванія въ Инспрукѣ не было и рѣчи объ отреченіи императора, но съ возвращеніемъ двора въ августѣ въ Вѣну, эта, по словамъ Виндишгреца «печальная необходимость» (cette triste nécessité) сдѣлалась главнымъ предметомъ переписки между Прагою и Вѣною и поѣздокъ Лангенау. Въ Ольмюцѣ вопросъ рѣшенъ былъ окончательно во время бытности тамъ Виндишгреца, на пути его изъ Праги въ Вѣну. Виндишгрецъ, мечтавшій о томъ какъ бы, взявъ Вѣну, завоевать и Офенъ, склоненъ былъ отложить до этого момента отреченіе, чтобы избавить будущаго государя отъ войны съ своимъ народомъ, но Шварценбергъ рѣшительно поставилъ условіемъ своего вступленія въ кабинетъ, чтобы престолъ былъ занятъ императоромъ въ полномъ цвѣтѣ способностей и лѣтъ. Государственная тайна сообщена была тогда же Вес-

сенбергу, Стадіону и совѣтнику посольства Гюбнеру, правой рукѣ Шварценберга въ его дѣловой перепискѣ; остальные министры узнали о ней только въ половинѣ ноября. Когда пришлось изготовлять акты и манифесты, возникъ вопросъ о значеніи лѣтъ принца. Оказалось по справкамъ, что восемнадцатилѣтній возрастъ вовсе неваженъ, потому что срокъ совершеннолѣтія государя считается ему какъ королю Богеміи въ 14, а какъ эрцгерцогу Австріи въ 16 лѣтъ, только по венгерскимъ законамъ лѣтъ нехватало принцу, потому что совершеннолѣтіе монарховъ Венгріи совпадало съ общимъ гражданскимъ. Рѣшено, чтобы новый императоръ носилъ имя не Франца II, какъ первоначально предполагалось, но Франца-Іосифа I, имя, напоминающее его великаго и популярнаго предшественника, реформатора Іосифа II. Приготовленія были кончены, но приключились неожиданныя затяжки: то императору Фердинанду приходила вдругъ охота «остаться», то императрица посылала вдругъ 24 ноября записку къ Виндишгрецу въ Шенбруннъ за окончательнымъ его словомъ по вопросу: «car c'est en vous, mon prince, que je mets toute ma confiance». Съ двадцатыхъ чиселъ ноября принцъ былъ посвященъ въ готовящееся для него назначеніе, но онъ продолжалъ брать уроки и только младшій братъ его догадывался, что «должно быть Франци назначаютъ куда-нибудь опять намѣстникомъ».—Когда отвѣтъ пришелъ отъ Виндишгреца, Шварценбергъ заботился объ обстановкѣ событія торжественной, почти театральной. 2 декабря въ субботу, въ 8 часовъ утра, собраны во дворецъ, безъ предупрежденія о причинѣ созванія, члены императорскаго семейства, придворные, министры, мѣстныя власти и вызванные изъ Вѣны Виндишгрецъ и Іеллачичъ. Только сеймъ блисталъ совершеннымъ отсутствіемъ; Шварценбергъ не хотѣлъ пригласить предсѣдателя его Смольку, который считался слишкомъ краснымъ человѣкомъ. Весьма немногіе изъ прибывшихъ во дворецъ допущены были въ запертую тронную залу, а именно сверхъ членовъ дома только министры, оба полководца, Грюнпе и Гюбнеръ, сей послѣдній съ перомъ въ рукахъ въ должности протоколиста. Не всѣ члены дома знали о предстоящемъ. Ровно въ 8 часовъ открылъ дверь изъ внутреннихъ покоевъ генералъ-адъютантъ князь Лобковицъ, вошла августѣйшая чета, за нею эрцгерцогъ Францъ-Карлъ, эрцгерцогиня Софія и Францъ-Іосифъ. Императоръ Фердинандъ прочелъ съ бумажки нѣсколько словъ, заранѣе приготовленныхъ, Шварценбергъ прочелъ манифесты отреченія какъ императора, такъ и его брата Франца-Карла, Францъ-Іосифъ получилъ на колѣняхъ благословеніе какъ отъ августѣйшей четы, такъ и отъ родителей, Гюбнеръ списалъ про-

толкъ о происходившемъ; затѣмъ, послѣ оставленія тронной залы членами дома и двора, открыты настежь двери ея и началось представленіе собравшихся новому государю, который, обнявъ при всѣхъ Виндишгреца, сказалъ ему: «Вамъ обязаны мы всѣмъ, что есть и существуетъ». — Того же числа пополудни экстренный поѣздъ отвезъ министровъ въ Кремзиръ, гдѣ съ трибуны сейма Шварценбергъ оповѣстилъ совершившійся актъ, «имѣющій всемірно-историческое значеніе». — Манифестъ о вступленіи на престолъ, тутъ же прочитанный, повторялъ почти пунктъ за пунктомъ всю программу министерства изложенную въ рѣчи 27 ноября, обѣщалъ свободныя, соотвѣтствующія духу времени учрежденія, и гласилъ почти также, какъ программа, вѣчную память венгерской конституціи въ словахъ: «мы надѣемся, съ Божіей помощію и по соглашенію съ моими народами, соединить всѣ области и племена монархіи въ одно великое политическое тѣло». Собраніе по предложенію Смольки провозгласило трижды громогласно: «да здравствуетъ нашъ *конституціонный* императоръ и король Францъ-Іосифъ!» — Энтузіазмъ былъ большой, надежды велики на будущее, на новое, на неизвѣстное. Нельзя сказать, чтобы при этомъ энтузіазмѣ обошлось безъ сомнѣній, столкновеній и неудовольствій. На небо набѣгали сѣренькія тучи; новое министерство не церемонилось съ сеймомъ, не стѣснялось оказывать ему неуваженіе. Всѣ усилія употреблены были на то, чтобы отклонить отъ поѣздки въ Ольмюцъ съ сеймовою депутаціею Смольку, какъ человѣка непріятнаго правительству, даже подосланы были убѣждать его въ томъ Палацкій и Ригеръ, но безуспѣшно; такъ какъ Смолька всетаки поѣхалъ. Въ отвѣтѣ на адрессъ сейма 3 декабря, вечеромъ новый государь, въ рѣчи, которая сказана была нѣсколько запинаясь, но внушена министрами, предрѣшилъ окончательно самый спорный вопросъ объ учредительной власти сейма и отношеніи его къ прерогативамъ короны, словами: «поставьте меня въ скоромъ времени въ возможность повѣрить ожидаемый моими народами проектъ конституціи и удѣлить ему мою императорскую санкцію». — Въ этихъ словахъ высказывалось ясно, что императоръ можетъ и не утвердить, при повѣркѣ, проекта конституціи, но можно было вывести по крайней мѣрѣ то безспорное заключеніе, что сейму дано будетъ по крайней мѣрѣ докончить свои работы по составленію проекта конституціи. Слѣдующая глава покажетъ, насколько эта увѣренность оказалась невѣрною и обманчивою.

II.

Преждевременно кончившійся сеймъ и мертворожденная конституція (2-го декабря 1848 г., 6 марта 1849 года).

Осадному положенію подчинены были Вѣна, Галиція и Истрія, въ маѣ 1849 года дождалась его Прага и всѣ богемскіе укрѣпленные города; правительство неуорганизированное, безъ денегъ; старые законы негодные, а новые еще неготовые; съ венгерцами открытая война, въ которой все разбитое, приниженное и подавленное реакціею стояло на сторонѣ венгерцевъ и ожидало отъ нихъ, несмотря ни на что, спасенія вплоть до самой вилагошской капитуляціи. — Бѣдной, многогрѣшной столицѣ пришлось испить до дна горькую чашу. Филистеръ вѣнскій снималъ почтительно шапку передъ каждымъ киверомъ и султаномъ, можно было попасть въ отвѣтственность за шляпу калабрёзъ, за цвѣтъ галстуха, или прическу. Весь конецъ 1848 г. шли экзекуціи, вѣшаніе и разстрѣливаніе. Къ такому времени относится памятная формула: помилованъ свинцомъ и порохомъ (zu Pulver und Blei begnadigt); къ веснѣ экзекуціи прекратились и мѣсто ихъ заняли казематы въ дальнихъ крѣпостяхъ или отдача въ солдаты; наушничество было въ полномъ ходу, надобно было остерегаться во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ переодѣтыхъ такъ-называемыхъ шпицелей, въ домахъ—дворниковъ и лакеевъ. Въ штатѣ розыскной полиціи служило особенно много чеховъ. Въ это время родилась глубокая ненависть коренного обывателя Вѣны къ этому племени и особенно презрительно значеніе слова: Böhmake, которое равносильно ругательству. Высшее общество имѣло также своихъ великосвѣтскихъ агентовъ. — Грубость полиціи далеко превзошла все прежнее и заставила пожалѣть о Седльницкомъ. Новый директоръ полиціи Вейсъ фонъ-Штаркенфельсъ щеголялъ цинизмомъ и пренебреженіемъ всякой вѣжливости и всякаго приличія, и держался на этомъ посту до февраля 1853 года: онъ слетѣлъ за свою непредусмотрительность, обнаруженную по поводу посягательства Либени на жизнь императора. Штаркенфельсъ особенно потѣшался надъ писателями. «Что вы за наставникъ и указчикъ правительству, говорилъ онъ одному журналисту; и безъ васъ улица будетъ вымощена». — «Вы были бы полезны обществу, если бы вы были сапожникъ, но какъ писателю, вамъ нечего искать въ Вѣнѣ», говорилъ онъ другому, котораго высылалъ изъ столицы административнымъ порядкомъ.—Онъ предлагалъ серьёзно

министрамъ слѣдующее средство справиться съ общественнымъ мнѣніемъ: «я прикажу арестовать сегодня ночью двѣнадцать газетчиковъ, да и повѣшу ихъ завтра на дворѣ полицейскаго дома у св. Петра, а послѣзавтра опубликую о томъ въ вѣдомостяхъ; тогда всему этому лаю будетъ конецъ».—Судьба жителей зависѣла отъ центральной слѣдственной коммиссіи въ Вѣнѣ, которая опубликовала 2 января, подъ предлогомъ очищенія столицы отъ иностранныхъ эмиссаровъ, распоряженіе, «чтобы всѣ иностранцы и австрійцы родомъ не изъ Вѣны оставили столицу, если они не могутъ доказать какъ того, что они ни въ чемъ не замѣшаны въ общественномъ и политическомъ отношеніяхъ, такъ и необходимости своего пребыванія въ столицѣ».

Провинціи менѣе страдали отъ военнаго гнета, нежели столица; но онѣ сочувствовали столицѣ и венгерцамъ, даже въ Прагѣ замѣченъ былъ этотъ поворотъ и имя Кошута начинало дѣлаться популярнымъ. Недовольство Стадіономъ и вообще министерствомъ росло, общество «Славянской Липы» вело дѣятельную пропаганду въ этомъ направленіи. Никто не вѣрилъ въ возможность конституціоннаго порядка, главное вниманіе обращено было на военныя дѣйствія, никто не возлагалъ особенныхъ надеждъ на господъ болтающихъ въ Кремзирѣ. Ходъ государственной машины при новомъ министерствѣ способенъ былъ только поддерживать этотъ политическій пессимизмъ.—Сейму давали сочинять конституцію, но не допускали его участвовать въ законодательныхъ работахъ, и только одинъ министръ финансовъ Краузъ утруждалъ его своими предложеніями о вотированіи новыхъ и новыхъ кредитовъ для пополненія бумажками совершенно пустой казны. Важнѣйшія правительственныя распоряженія совершались безъ вѣдома сейма; такъ, напримѣръ, 6 декабря Стадіонъ предписалъ закрытіе всѣхъ демократическихъ и рабочихъ клубовъ, «этихъ собраній одинаково противорѣчащихъ и началамъ правильно устроеннаго государства и законамъ разума.» 7 декабря, тотъ же министръ запретилъ циркулярно всѣмъ служащимъ всякое неодобреніе или противодѣйствіе мѣрамъ правительства, причемъ предварилъ каждаго изъ служащихъ, что ему слѣдуетъ либо оставить службу, либо такъ говорить и дѣйствовать, какъ на службѣ такъ и внѣ службы, чтобы его преданность правительству не могла быть заподозрѣна. Отвѣчая на запросы членовъ сейма, Стадіонъ бралъ съ трибуны сейма на себя и товарищей отвѣтственность за хозяйничавшихъ въ Вѣнѣ, отрицалъ существованіе диктатуры и утверждалъ, что военные суды перестали судить скорорѣшительнымъ судомъ за три дня передъ тѣмъ какъ (9 декабря) Вин-

дишгрецу угодно было объявить примѣненіе этой формы расправы ко всѣмъ, которые будутъ произносить на улицѣ возмутительныя рѣчи.

Въ это смутное время настоящею Аркадіею являлся маленькій городъ моравской Ганнакіи, гдѣ изготовлялась конституція. Какъ ни круто обходились съ сеймомъ in corpore министры, здѣсь были клубы, здѣсь толковали о политикѣ и чувствовали себя свободными до поры до времени люди, компрометтированные въ глазахъ правительства, каковы Гольдмаркъ, Фишгофъ, Фюстеръ, Віоландъ и другіе. Здѣсь обсуждались основныя права гражданъ монархіи (Grundrechte), въ пику Виндишгрецу огромнымъ большинствомъ голосовъ вотирована отмѣна смертной казни (30 января) и съ невозмутимою ничѣмъ наивностью принято (17 янв.) предложеніе объ отмѣнѣ различія состояній съ тѣмъ, чтобы государство никому не жаловало и ни за кѣмъ не признавало дворянства и титуловъ. Дни сейма были заранѣе сочтены, не только Шварценбергъ, но и самъ Стадіонъ хитрили только съ нимъ и лицемѣрили. Еще въ ноябрѣ, тотчасъ послѣ возобновленія засѣданій въ Кремзирѣ Стадіонъ сообщалъ по секрету лучшему изъ своихъ дѣльцовъ, совѣтнику министерскому Эттелю (Oettel): «до тѣхъ поръ, пока во Франціи республика, надо и намъ свистѣть конституціонно; надо дать господамъ депутатамъ поболтать въ Кремзирѣ, причемъ они себя сами сильно скомпрометтируютъ; потомъ надо будетъ предварительно октроировать, остальное сдѣлается, когда во всей Европѣ будетъ положенъ конецъ революціи.» Такъ думалъ лучшій все-таки изъ министровъ, человѣкъ живой и реформаторъ; онъ никогда не вѣрилъ въ конституціонный порядокъ, мирился съ нимъ до октября, а послѣ октября, признавъ его несвоевременнымъ, сѣлъ опять на свой конёкъ: свободную общину, которую онъ надѣялся создать въ несвободномъ государствѣ посредствомъ бюрократической централизаціи, путемъ просвѣщеннаго деспотизма, подобнаго іосифовскому. Это было съ его стороны чистѣйшее заблужденіе и утопія; вскормленный бюрократизмомъ и въ этомъ отношеніи ограниченный умъ Стадіона никакъ не понималъ, что безъ конституціонныхъ гарантій и поддержки сейма государственная колесница при тѣхъ кондукторахъ, которые ею заправляли, не пойдетъ по колеѣ іозефинизма, а направится назадъ, въ средніе вѣка, и заѣдетъ прямехонько до самой «Каноссы», до знаменитаго конкордата. — Стадіонъ предполагалъ ждать, пока въ Парижѣ республика, оказалось, что можно достигнуть цѣли несравненно скорѣе. Опасенія насчетъ венгерской силы разсѣялись; сила эта исчезла, провалилась сквозь землю, ушла

куда-то въ пустыни за Тейсъ. 5 января австрійцы заняли Пештъ-Офенъ, 15 Виндишгрецъ учредилъ въ Пештѣ особую слѣдственную коммиссію, а 22 января послѣ сраженія подъ Копольною оффиціальная «Вѣнская Газета» возвѣстила конецъ венгерской кампаніи, и заставляла ожидать сдачи войскъ мятежника Гергея, которыя въ своемъ бѣгствѣ жгутъ города и села. Такой неожиданно счастливый ходъ событій заставлялъ поспѣшить распущеніемъ сейма, во избѣжаніе того, чтобы сеймъ не одобрилъ гуртомъ и не представилъ проекта конституціи, который уже былъ выработанъ сеймовою коммиссіею 2 марта. Закрытіе сейма послѣдовало 6 марта. Не будемъ излагать хода и содержанія его работъ, оказавшихся безполезными, но прежде, чѣмъ опишемъ внезапный его конецъ и ближайшія послѣдствія этого конца, намъ предстоитъ по необходимости разрѣшить слѣдующій вопросъ, самый существенный и коренной для характеристики десятилѣтняго періода реакціи. Еслибы во главѣ правленія въ Австріи стояли люди менѣе властолюбивые, менѣе крутые, черствые и близорукіе; еслибы они предвидѣли или хотя бы въ малѣйшей степени предчувствовали то, что нынѣ оказалось очевидною истиною, а именно, что для Австріи, при настоящемъ ея положеніи и степени развитія составляющихъ ее народностей, нѣтъ никакого другого выхода и спасенія кромѣ парламентскаго правленія; еслибы они сразу пошли на этотъ путь и не тратили силъ и времени попустому вмѣсто того, чтобы возрождать и обновлять, только на то, чтобы пеленать, то могли ли бы они создать изъ элементовъ, бывшихъ у нихъ подъ рукою, такой конституціонный порядокъ вещей, который былъ бы прочнѣе и жизнеспособнѣе теперешняго, который бы и правамъ короны давалъ болѣе мѣста, и для народовъ былъ надежнѣе, наконецъ, который бы Австрію спаивалъ, между тѣмъ какъ нынѣ она имѣетъ видъ кучи разнородныхъ частей, не могущихъ между собою ужиться и распадающихся по отсутствію всякаго цемента? — Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть только приблизительный, гадательный, но онъ дастъ возможность постигнуть, насколько люди 21 ноября исправили или попортили дѣло, бывшее у нихъ въ рукахъ, и, слѣдовательно, насколько они заслуживаютъ или нѣтъ названія настоящихъ государственныхъ людей.

По содержанію своему проектъ конституціи, изготовляемый сеймомъ, немногимъ разнился отъ октроированной конституціи 4 марта 1849 г., внѣшняя форма пожалованія, а не соглашенія между короною и народнымъ представительствомъ, не имѣла никогда особенно важнаго значенія и вліянія на прочность и устой-

чивость созидаемаго порядка. Главный и существенный вопросъ бываетъ конечно не въ формѣ, а въ томъ, съ которой стороны обрѣтается въ данный моментъ настоящая политическая сила, способная устроить русло, которымъ потечетъ общественная жизнь. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что сила эта вполнѣ и всецѣло была въ 1849 году на сторонѣ правительства, что оно диктовало условія, что оно могло провести и осуществить всякія поправки въ изготовляемомъ проектѣ конституціи; что сеймъ проникнутъ былъ сознаніемъ необходимости спасти государство, охранить его цѣлость, что при этомъ сознаніи и власть исполнительная была бы надѣлена возможно бо́льшими прерогативами, и требованія отдѣльныхъ частей и областей государства о сохраненіи своихъ преимуществъ, своихъ историческихъ особенностей сведены были бы до minimum,—наконецъ, и самыя національныя страсти были бы по возможности обузданы, доведены до minimum. Нельзя сказать, чтобы въ кремзирскомъ сеймѣ племена помирились между собою, но, въ виду общихъ интересовъ и общихъ враговъ и противниковъ, національныя страсти стушевывались, уходили на второй планъ, заклятые враги перетасовывались и вмѣсто національныхъ стали слагаться настоящія политическія партіи. Ригеръ стоялъ по многимъ вопросамъ за-одно съ нѣмцемъ Пинкасомъ, съ Лёнеромъ, Фишгофомъ и Шузелькою. Много-много бы дали теперешніе министры, еслибы имъ представилась нынѣ возможность согласить нѣмцевъ и чеховъ настолько, чтобы заставить ихъ засѣдать вмѣстѣ въ одномъ и томъ же парламентѣ. Конституціонная жизнь предупредила бы и тотъ союзъ, который образовался потомъ между чешскимъ національнымъ движеніемъ и богемскими феодалами, да клерикалами, вслѣдствіе котораго всякая теперешняя комбинація федеративная, съ чехами во главѣ движенія, просто пугаетъ участіемъ въ немъ различныхъ темныхъ силъ, съ которыми нельзя ужиться современному человѣку. Въ то время вожатые чеховъ весьма свободно высказывались въ смыслѣ самаго рѣшительнаго религіознаго свободомыслія, гусситскія воспоминанія оживали, Гавличекъ задѣвалъ католицизмъ въ печати, директоръ пражской семинаріи Нагловскій проповѣдывалъ начала весьма сходныя съ тѣми, которыя проводятся нынѣшними старокатоликами въ Германіи. На послѣднихъ порахъ сеймъ кремзирскій высказался (6 марта, по предложенію Вихера) за самую полную свободу вѣроисповѣданій, съ подчиненіемъ, притомъ всѣхъ церквей общимъ законамъ государства. Отстаивая права государства въ отношеніи къ церквамъ, сеймъ хотѣлъ школу освободить отъ всякихъ церковныхъ вліяній. Даже страшнѣйшій

камень преткновенія, заключающійся въ отношеніяхъ центральной власти къ автономіи областей, былъ счастливо обойденъ. Редакціонная коммиссія сейма путемъ благоразумныхъ компромиссовъ пришла къ начертанію такого «централистически-федеративнаго» устройства; сохранены ландтаги, имъ предоставлена выработка областныхъ конституцій, но утвержденіе сихъ послѣднихъ, контроль за дѣятельностью областныхъ ландтаговъ предоставлены имперскому сейму, которому и предоставлено вѣдать все то, что не отнесено опредѣлительно и спеціально къ вѣдомству ландтаговъ. Нынѣ отношеніе ландтаговъ къ рейсхрату совершенно обратное, рейхсратъ вѣдаетъ только немногія спеціально ему присвоенныя дѣла, остальное входитъ въ область автономіи провинцій, да и тѣмъ недовольны чехи и не хотятъ ни за что подчиняться. О дуализмѣ въ сеймѣ никто не заикался. Хотя не упоминалось о Венгріи, но конституція составлялась настолько широкая, чтобы въ ней могла современемъ умѣститься и Венгрія со всѣми своими областями. Надежда эта можетъ быть была и несбыточная, но кто знаетъ, какъ велики были бы требованія венгерцевъ, если бы въ остальныхъ частяхъ имперіи введено было конституціонное правленіе. Во всякомъ случаѣ требованія эти едва ли бы простирались до того, чтó венгерцами получено въ 1867 г., какъ плодъ ихъ выдержки и терпѣнія, послѣ 18-ти лѣтъ безплодной и ни къ чему не ведущей со стороны правительства политики.

Манифестъ о распущеніи сейма подписанъ былъ 4-го марта; обѣ причины этого распоряженія были фиктивныя, вымышленныя. Сеймъ не потому былъ распущенъ, что мѣшкалъ съ изготовленіемъ конституціи; конституція вчернѣ была готова, и при переговорахъ сейма съ Стадіономъ въ Кремзирѣ 6-го марта предлагаемо было со стороны сейма представить готовый проектъ къ 13-му марта. Сеймъ не потому былъ также распущенъ, что въ немъ не было представителей всѣхъ земель единой и нераздѣльной имперіи, то-есть Венгріи, и что сеймъ, составивъ конституцію для цѣлой имперіи, вышелъ за предѣлы своего призванія. Въ сущности правительство не признавало никакого призванія за учредительнымъ собраніемъ и намѣрено было дать временно конституцію всей имперіи безъ участія народныхъ представителей, съ тѣмъ, чтобы никогда не приводить ее въ исполненіе. Мысль о распущеніи сейма существовала съ самаго начала образованія министерства, но ближайшимъ поводомъ къ тому, чтобы покончить съ сеймомъ, послужили какъ побѣды въ Венгріи, такъ и появленіе на политическомъ поприщѣ новой силы, которая прежде того, во все время революціи, была въ состояніи скрытномъ, а

теперь стала обнаруживать явно свое вліяніе; эта дѣйствующая теперь сила заключалась въ высшемъ римско-католическомъ духовенствѣ, какъ представителѣ религіозной нетерпимости и средневѣковаго подведенія подъ религіозное начало, какъ свѣтскаго закона, такъ и свѣтской политики. Римскій католицизмъ имѣетъ въ Австріи неизмѣримо глубокіе корни, въ прошедшемъ главною его задачею считалось подавленіе реформаціи, обузданіе человѣческаго ума, полнѣйшая солидарность авторитета церкви съ государствомъ. Эта солидарность произвела ту косность, тотъ вѣковой застой, который столь невыгодно отразился на умственной жизни австрійскихъ народовъ. Церковный римско-католическій авторитетъ и современная культура давно сдѣлались въ Австріи столь же непримиримыми противниками, какъ огонь и вода; во время разгара революціи всякое противодѣйствіе ей, открытое, было немыслимо, но теперь, когда движущая ея сила ослабѣла и волны ея улегались, притязанія церковной іерархіи заявлялись рѣзко, настойчиво, съ приписываніемъ всѣхъ неурядицъ и безчинствъ послабленіямъ со стороны власти, малому ея радѣнію о пользахъ церкви. Дворъ, министерство и сеймъ были забросаны прошеніями и адрессами епископовъ, составленными по митрополіямъ и областямъ. Всѣ эти адресы были другъ на друга похожи и мотивировались тѣмъ, что церковь не имѣетъ на сеймѣ настоящихъ представителей; всѣ они протестовали противъ уравненія римско-католической церкви съ другими еретическими вѣроисповѣданіями, потому что конституція будетъ пустымъ словомъ, если церкви не будутъ предоставлены тѣ права и преимущества, которыя ей принадлежатъ по каноническому праву. Не можетъ считаться свободною страна, въ которой несвободна церковь. Подъ свободою церкви разумѣлось безусловное подчиненіе епископамъ низшаго духовенства, десятины въ пользу церкви отъ прихожанъ, свободное распоряженіе церковными капиталами и имуществами. Епископы ходатайствовали о дозволеніи имъ безпрепятственно и безконтрольно сноситься съ папою, съѣзжаться на областные синоды по правиламъ тріентскаго собора, просили о преобразованіи гражданскихъ законовъ о бракѣ въ духѣ каноническаго права, о подчиненіи народнаго образованія духовенству, съ предоставленіемъ приходскимъ священникамъ надзора за учителями, о введеніи въ законы о печати такой наказуемости за нападенія на церковныя установленія, какъ за нападенія на конституцію. Въ довершеніе всего епископы просили о заключеніи съ папою конкордата, дабы положить конецъ одностороннему нормированію свѣтскою властью дѣлъ и отношеній церковныхъ. Впослѣдствіи эта программа вы-

полнена была іота въ іоту. На сеймъ эти адрессы, конечно, не дѣйствовали, но въ высшихъ сферахъ, ищущихъ среди революціонной сумятицы твердой точки опоры, составители адрессовъ представляли работу сейма торжествомъ безвѣрія, подкапывающимъ основанія религіи; они были внимательно выслушиваемы. Они окончательно рѣшили судьбу какъ сейма, такъ и конституціи. Закрытіе сейма имѣло видъ внезапнаго и насильственнаго разогнанія его; по внѣшней формѣ оно походило на coup d'état. 6-го марта, позднимъ вечеромъ, Стадіонъ, пріѣхавъ въ Кремзиръ, пригласилъ къ себѣ человѣкъ 15 депутатовъ изъ предводителей правой стороны и центра, сообщилъ содержаніе какъ императорскаго манифеста, такъ и новой конституціи и, удивившись, что мѣры правительства не встрѣчаютъ одобренія ни въ комъ изъ приглашенныхъ, кромѣ Гельферта, уѣхалъ въ Ольмюцъ, обѣщавъ приложить свои старанія къ тому, чтобы сейма не распускать и съ манифестомъ пріостановиться. Но въ ту же ночь солдаты заняли зáмокъ и расположились такъ, чтобы никто не былъ допущенъ въ залу засѣданій. Въ ту же ночь тѣ изъ депутатовъ, у которыхъ были какіе-нибудь давнишніе разсчеты съ правительствомъ, бѣжали тайкомъ и переодѣтые за предѣлы Австріи. Предосторожность эта не была нисколько лишняя, чтó испыталъ нехотѣвшій послѣдовать примѣру товарищей Фишгофъ, который поплатился многолѣтнимъ подслѣдственнымъ арестомъ и освобожденъ отъ суда по недостаточности доказательствъ по обвиненію въ государственномъ преступленіи, съ ограниченіемъ правъ политическихъ; права эти были ему возвращены только при министерствѣ Белькреди. Даже Смолька попалъ подъ надзоръ полиціи, который продолжался затѣмъ до 1861 года. Бѣжавшіе депутаты судимы были заочно. Нѣкоторые изъ нихъ могли бы, если бы попались, заплатить жизнью за свою прежнюю политическую дѣятельность, чему убѣдительнымъ примѣромъ служитъ процессъ Гольдмарка. Этотъ процессъ такъ живо рисуетъ тогдашніе политическіе нравы, что я считаю нелишнимъ извлечь изъ него нѣсколько характеристическихъ подробностей.

Докторъ медицины Іосифъ Гольдмаркъ, венгерскій еврей, былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ лѣвой стороны сейма. О всѣхъ коноводахъ движенія собирались, въ концѣ 1848 года, свѣдѣнія объ образѣ ихъ дѣйствія въ клубахъ, на сеймѣ, о сношеніяхъ ихъ съ венгерцами, съ рабочими. По разнесшемуся слуху, что Гольдмаркъ былъ однимъ изъ дѣятелей въ событіяхъ 6-го октября, а слѣдовательно и въ безпорядкахъ, жертвою коихъ сдѣлался Латуръ, Гольдмаркъ былъ допрошенъ въ одной изъ

вѣнскихъ казармъ 14-го ноября 1848 года и показалъ, что онъ отряженъ былъ сеймомъ вмѣстѣ съ Смолькою и Боррошемъ спасать военнаго министра изъ рукъ разъяренной черни, причемъ и онъ, и товарищи его, а также пытавшіеся вступаться за Латура депутаты Фишгофъ и Сѣраковскій, были побиты и помяты толпою. Вмѣсто того, чтобы обратиться съ разспросами къ бывшимъ министрамъ и депутатамъ сейма, чтобы принять въ соображеніе стенографическіе отчеты о засѣданіи сейма или даже показанія подсудимыхъ по дѣлу о Латурѣ, военно-судныя власти пріискали и допросили въ Ольмюцѣ подъ присягою двухъ свидѣтелей, изъ которыхъ одинъ — смотритель дома въ военномъ министерствѣ Паули, показалъ, что онъ видѣлъ человѣка въ штатскомъ платьѣ, 40 лѣтъ, довольно плотнаго, порядочно одѣтаго, который возбуждалъ народъ искать Латура въ зданіи министерства словами: не вѣрьте тѣмъ, которые говорятъ, что его здѣсь нѣтъ. Паули привели, по распоряженію Шварценберга, въ залу сейма, посадили въ министерской ложѣ во время засѣданія; тамъ онъ дѣйствительно указалъ на Гольдмарка, хотя Гольдмаркъ не походилъ на описаннаго въ первоначальномъ показаніи Паули господина, потому что былъ худой и малый ростомъ и имѣлъ всего 29 лѣтъ. Другой свидѣтель Гёхсманъ, министерскій курьеръ, употребляемый военными властями для особыхъ порученій, то-есть, иными словами, сыщикъ, допрошенный по распоряженію Шварценберга, показалъ, что когда, послѣ убіенія Латура, чернь принесла его убійцъ на рукахъ въ аулу, то тутъ были и многіе депутаты, въ томъ числѣ Гольдмаркъ, которые поздравляли и себя, и венгерцевъ съ успѣхомъ и говорили, что смерть Латура для нихъ дороже милліона. Заручившись этими данными еще въ декабрѣ 1848 года, министерство ждало конца сейма, не обращаясь къ нему съ требованіемъ о разрѣшеніи предать Гольдмарка суду. По разогнаніи сейма, Гольдмаркъ бѣжалъ въ Америку и поселился въ Нью-Іоркѣ. Его предали суду заочно вмѣстѣ съ Фюстеромъ и Віоландомъ, и вѣнскій ландгерихтъ призналъ его въ 1856 году не только виновнымъ въ посягательствѣ на верховную власть и государственной измѣнѣ (Hochverrath), но и соучастникомъ въ убіеніи Латура, на основаніи только двухъ показаній Паули и Гёхсмана и того обстоятельства, что Гольдмаркъ присутствовалъ при убіеніи Латура,—обстоятельство, неотрицаемое Гольдмаркомъ, которое превратилось въ рѣшеніи суда въ сильную улику, на основаніи слѣдующихъ соображеній: «отзывъ Гольдмарка о намѣреніи его защищать министра есть возмутительная неправда, такъ какъ умерщвленіе Латура исходило отъ демократической

партіи и было въ интересѣ какъ ея, такъ и венгерскихъ демократовъ, къ числу коихъ принадлежитъ Гольдмаркъ по народности и связямъ». Судъ присудилъ всѣхъ трехъ подсудимыхъ къ смертной казни. Когда, 20-го іюня 1867 года, послѣдовала амнистія для чисто-политическихъ преступленій, въ томъ числѣ и для государственной измѣны, Гольдмаркъ пріѣхалъ въ Европу, чтобы очистить себя отъ обвиненія въ убійствѣ Латура, и былъ тѣмъ же вѣнскимъ ландгерихтомъ оправданъ 12-го октября 1868 года. Результаты преслѣдованія его дѣла были замѣчательные. При новомъ допросѣ Паули измѣнилъ признанное имъ тождество на простое сходство Гольдмарка съ штатскимъ, порядочно одѣтымъ, который совѣтовалъ искать Латура въ зданіи министерства. Многочисленными показаніями другихъ свидѣтелей удостовѣрено, что Гольдмаркъ былъ весь этотъ день въ мундирѣ національнаго гвардейца и что когда сеймъ отрядилъ его и товарищей спасать Латура, то они всѣ опоясались наскоро бѣлыми шарфами изъ разорванной занавѣси одного изъ окошекъ залы засѣданій. Въ такомъ видѣ и съ такимъ знакомъ, который нельзя было не запомнить, но котораго не помнилъ Паули, Гольдмаркъ, за четверть часа до смерти Латура, распоряжался на площади призваніемъ отряда конной національной гвардіи для спасенія Латура, а потомъ, по свидѣтельству Смольки и Фишгофа, съ рискомъ для себя онъ защищалъ Латура, отталкивая чернь и уговаривая ее. Значитъ, со стороны Паули было смѣшеніе лицъ; что же касается до Гёхсмана, то съ его стороны было очевидное лжесвидѣтельство. Латуръ былъ убитъ ровно въ три четверти пятаго; по словамъ Смольки, прямо съ мѣста убійства оба они съ Гольдмаркомъ направились въ залу засѣданій, гдѣ ровно въ 5 часовъ началось, по стенографическому отчету, засѣданіе подъ предсѣдательствомъ Смольки, заступившаго мѣсто бѣжавшаго Штробаха, и началось оно предложеніемъ Лёнера предать суду Штробаха, которое Гольдмаркъ оспаривалъ самымъ энергическимъ образомъ, значитъ Гольдмаркъ не могъ являться въ аулѣ послѣ убійства Латура. Ночью съ 6-го на 7-е онъ помогъ министру Лобблъгофу бѣжать изъ Вѣны. Другой министръ Брестль удостовѣрилъ, что крайняя демократическая партія, въ октябрѣ 1848 года, считала Гольдмарка реакціонеромъ. Во все время процесса Гёхсманъ скрывался и не заявлялъ о себѣ, но когда истекъ срокъ давности двадцатилѣтней, полагаемый закономъ по дѣламъ о лжесвидѣтельствѣ, тогда онъ счелъ, съ своей стороны, долгомъ принести преналвно защитнику Гольдмарка свое курьёзнѣйшее оправданіе. «Уже не то время, писалъ этотъ бывшій сыщикъ, а въ концѣ

концовъ отставной канцлистъ съ пенсіономъ въ 1500 гульденовъ за свои заслуги, чтобы отвѣтствовать за подобныя политическія дѣла; тогда весь свѣтъ былъ точно домъ умалишенныхъ, каждый доносилъ другъ на друга, гдѣ только могъ,—смѣшно и поминать объ этомъ». Безстыжій доносчикъ жаловался потомъ въ письмѣ, что его топчутъ въ грязь за «его патріотизмъ», скорбѣлъ о томъ, «что ему на старости лѣтъ приходится жить скудно при маленькомъ содержаніи». Наконецъ, «желая отъ всей души г. Гольдмарку всякаго благополучія, и надѣясь, что 1869 годъ вознаградитъ ему все, что онъ претерпѣлъ, Гёхсманъ просилъ его не гнѣваться и его, Гёхсмана, простить». Такихъ людей, какъ Гёхсманъ, были многія сотни, они были въ то время въ полномъ ходу и процвѣтали.

Конституція, пожалованная 4 марта, была по содержанію своему не лучше и не хуже другихъ, появившихся въ томъ же періодѣ. Главный ея недостатокъ заключался въ томъ, что она не могла жить; она была написана для *цѣлой* Австріи, подчинить ей Венгрію нельзя было безъ употребленія меча, а послѣ повсемѣстнаго водворенія господства меча можно было предвидѣть, что не окажется надобности ни въ какой конституціи. Конституція венгерская была похѣрена вся цѣликомъ не прямо и не побуквальному смыслу, но по духу новаго закона. Въ § 71 было сказано: Конституція королевства венгерскаго сохраняется, но вслѣдъ затѣмъ прибавлено: насколько она непротивна конституціи имперіи; а такъ какъ она была противна пожалованной 4 марта и такъ какъ въ сей послѣдней приступлено было прямо къ разчлененію по кускамъ короны св. Стефана, Кроація и Славонія со включеніемъ Фіуме объявлены самостоятельными, отдѣлена Трансильванія и въ ней гарантирована самостоятельность землѣ саксовъ, Военная Граница подчинена непосредственно имперской исполнительной власти, какъ составная часть военныхъ силъ, наконецъ, сербской воеводинѣ обѣщаны учрежденія, клонящіяся къ охраненію ея церкви и національности (Карловицкій патріархатъ и особый воевода); то ясно было, что въ сущности не останется ровно ничего ни изъ конституціи венгерской старинной, начинающейся съ золотой буллы короля Андрея, 1222 г., ни изъ новой, созданной сеймовыми законами 1848 года. Если дипломатъ Шварценбергъ и централистъ Стадіонъ льстили себя смѣлою, дерзновенною надеждою уломать Венгрію и кроша ее, подвести подъ одинъ знаменатель съ областями нѣмецкими и славянскими, то этой надежды недоставало даже и у нихъ относительно итальянскихъ владѣній Австріи. § 76 гласилъ, что будетъ изданъ особый статутъ,

содержащій конституцію ломбардо-венеціанскаго королевства, но всѣ были убѣждены, что эта прекрасная область такъ и останется на будущія времена военною префектурою, второю военною границею, состоящею нескончаемо на осадномъ положеніи, чѣмъ-то въ родѣ пушечнаго ядра, которое прикрѣпляютъ посредствомъ цѣпи къ ногамъ каторжника. Какъ всѣ конституціи, такъ и пожалованная 4 марта вмѣщала въ себѣ и *основныя* права (патентъ 4 марта), впрочемъ, значительно обрѣзанныя въ сравненіи съ сеймовымъ проектомъ. Допущена свобода вѣроисповѣданія вообще, но съ правомъ только богослуженія на дому. Большія преимущества предоставлены закономъ признаннымъ церквамъ: публичное богослуженіе, самоуправленіе, завѣдываніе принадлежащими имъ учрежденіями, имуществомъ и фондами. Цензура отмѣнялась, и признаны свобода изслѣдованія, собраній, свобода личная, неприкосновенность жилища и корреспонденціи. Суду присяжныхъ должны были подлежать тягчайшія общія преступленія и нарушенія законовъ о печати. Обѣщано въ § 83, что всѣ земскіе статуты будутъ изготовлены въ теченіи 1849 года, все, что въ этихъ статутахъ не предоставлено спеціально ландтагамъ, подлежитъ вѣдѣнію центральной имперской власти. Въ законодательствѣ имперскомъ должны были участвовать двѣ палаты. Нижняя палата пополнялась прямыми выборами, причемъ 1 депутатъ полагался на 100,000 жителей. Имущественный цензъ для избирателей долженъ былъ равняться 6 гульденамъ прямыхъ податей въ уѣздахъ и 20 въ городахъ. Палата областей или верхняя предполагалась вдвое меньше по личному составу, и должна была образоваться изъ депутатовъ отъ отдѣльныхъ сеймовъ. Предполагался въ будущемъ законъ объ отвѣтственности министровъ, равно какъ и особая совѣщательная по законодательнымъ вопросамъ коллегія—государственный совѣтъ изъ лицъ по назначенію императора. Приложенный къ конституціи особый патентъ отъ 4 марта содержалъ весьма льготное для крестьянъ и весьма обстоятельное положеніе о выкупѣ въ коронныхъ земляхъ (не-венгерскихъ). Барщина оцѣнивалась на деньги, причемъ цѣна барщиннаго дня опредѣлялась въ одну треть цѣны вольнонаемнаго труда. Изъ вычисленнаго такимъ образомъ годового оброка одна треть слагалась со счетовъ, какъ эквивалентъ за подати, отъ платежа которыхъ за крестьянъ помѣщикъ теперь освобождался, одна треть платилась крестьянами, а одна областью изъ ея средствъ и при пособіи, въ случаѣ недостаточности этихъ средствъ, отъ государственной казны. Всѣ разсчеты по оброку совершались при посредствѣ казначействъ. По желанію крестьянъ имъ разрѣшено

выкупаться, внося 20-тикратную стоимость годового оброка (капитализація изъ 5%). Въ концѣ марта опубликованъ цѣлый рядъ органическихъ законовъ, дополняющихъ конституцію, за скрѣпою Стадіона, безцвѣтное положеніе о печати, довольно стѣснительное о сходбищахъ и обществахъ. Важнѣе всѣхъ другихъ былъ патентъ 17 марта объ общинахъ, важнѣйшая послѣ положенія о выкупѣ изъ Стадіоновскихъ работъ,—составленная съ полнымъ знаніемъ дѣла и единственная, которая привилась, принесла плоды и дѣйствуетъ донынѣ, свидѣтельствуя о томъ, что Стадіонъ стоялъ безконечно выше своихъ товарищей, что онъ былъ настоящій организаторъ. Населеніе каждой общины подраздѣлено на коренныхъ обывателей (Bürger), на лицъ, пріобщившихся (Angehörige) бракомъ, рожденіемъ, записвою въ обыватели или постояннымъ пребываніемъ въ общинѣ въ теченіи 4 лѣтъ, и на чужихъ. Обыватели коренные и пріобщившіеся дѣлятся на три класса по цензу и выбираютъ мѣстную общинную управу, которая въ свою очередь избираетъ бургомистра. Въ члены управы могутъ попасть всѣ коренные обыватели, а изъ пріобщившихся священники, чиновники, офицеры, учителя и лица, имѣющія университетскіе дипломы. Изъ выборныхъ отъ общинныхъ управъ образуется представительница единицъ высшаго порядка земскаго участка, бецирка—участковая управа (12—30 чел.), избирающая себѣ изъ среды своей старшину (Obman); наконецъ, изъ участковъ слагается округъ (Kreis), завѣдываемый окружною управою изъ выборныхъ отъ участковыхъ управъ тоже съ выборнымъ старшиною. Всѣ должности въ управахъ должны быть почетныя, безвозмездныя.

Законъ объ общинахъ былъ послѣднимъ государственнымъ дѣломъ Стадіона. Истощенный организмъ не вынесъ усиленной умственной работы, возбуждающія дѣятельность нервовъ средства перестали дѣйствовать, въ половинѣ апрѣля 1849 г. Стадіонъ сталъ забывать слова, заикаться, заговариваться. Леченье не помогло, сознаніе погасло, и этотъ могучій умомъ человѣкъ превратился въ идіота, котораго водили подъ руку по улицамъ, который глядѣлъ на проходящихъ неподвижными глазами съ безсмысленною улыбкою, и не узнавалъ даже ближайшихъ знакомыхъ. Такъ влачилъ онъ еще четыре года свое печальное существованіе. Смерть его послѣдовала 8 іюня 1853 года, и прошла почти незамѣченною. Онъ сошелъ съ политическаго поприща во-время, онъ не дожилъ до призванія Австріею противу венгерцевъ помощи сосѣдей—и до конкордата. Во всякомъ случаѣ роль его

въ кабинетѣ была бы незавидная, еслибы онъ тамъ остался; единственный представитель іозефинизма, единственный реформаторъ и организаторъ среди людей, занятыхъ только тупоумнѣйшею реакціею, онъ долженъ былъ бы или подписывать противное убѣжденіямъ, проводимымъ имъ настойчиво и съ успѣхомъ въ лучшіе годы своей жизни, или быть вытѣсненнымъ изъ кабинета, въ образованіи котораго онъ принималъ такое сильное участіе. Онъ кончилъ тѣмъ же несочувствующимъ парламентаризму и противнымъ ему бюрократомъ, какимъ онъ былъ всю жизнь, даже и на сеймѣ вѣнскомъ, но въ немъ потеряло министерство единственнаго въ средѣ своей человѣка, постигающаго чутьемъ потребности массъ, нужды народа и могущаго до извѣстной степени сдерживать въ извѣстныхъ предѣлахъ реакцію, которая, клубясь и волнуясь, выступала теперь изъ береговъ.

В. Спасовичъ.

СЛѢПОЙ

1.

Князь выѣхалъ рано средь гридней своихъ
Въ сыръ-боръ полеванья извѣдать;
Гонялъ онъ и вепрей и туровъ гнѣдыхъ,
Но время доспѣло, звонъ рога утихъ,
Пора отдыхать и обѣдать.

2.

Въ логу они свѣжемъ, подъ дубомъ, сидятъ
И брашна примаются рушать;
И князь говоритъ: «Мнѣ отрадно звучать
Ковши и братины, но пѣсню-бы радъ
Я въ зелени этой послушать!»

3.

И отрокъ озвался: «За рѣчкою тамъ
Убогій мнѣ пѣсенникъ вѣдомъ;
Онъ слѣпъ, но гораздъ ударять по струнамъ»;
И князь говоритъ:—«Отыщи его намъ,
Пусть тѣшитъ онъ насъ за обѣдомъ!»

4.

Ловцы отдохнули, братины допивъ,
Сидѣть имъ безъ дѣла не любо,
Поѣхали далѣ, про пѣсню забывъ —
Гусляръ между тѣмъ на княжой на призывъ
Бредетъ ко знакомому дубу.

5.

Онъ щупаетъ посохомъ корни деревъ,
Плетется одинъ чрезъ дубраву,
Но въ сердцѣ звучитъ вдохновенный напѣвъ,
И думъ благодатныхъ ужъ зрѣетъ посѣвъ,
Слагается пѣсня на славу.

6.

Пришелъ онъ на мѣсто: лишь дятелъ стучитъ,
Лишь въ листьяхъ стрекочетъ сорока —
Но въ сторону ту, гдѣ, не видя, онъ мнитъ,
Что съ гридями князь въ ожиданьи сидитъ,
Старикъ поклонился глубоко:

7.

— Хвала тебѣ, княже, за ласку твою,
Бояре и гридни, хвала вамъ!
Начать пѣснопѣнье готовъ я стою —
О чемъ-же я, старый и бѣдный, спою
Предъ сонмищемъ симъ величавымъ?

8.

Чтó въ вѣщемъ сказалося сердцѣ моемъ,
То выразить рѣчью возьмусь-ли? —
Пождалъ—и не слыша ни слова кругомъ,
Садится на кочку, обросшую мхомъ,
Персты возлагаетъ на гусли.

9.

И струнъ переливы въ лѣсу потекли,
И пѣсня его зазвучала....
Всѣ міра явленья вблизи и вдали:
И синее небо, и роскошь земли,
И цвѣтныхъ каменій начала,

10.

Чтò въ нѣдрахъ подземія блескъ свой таятъ,
И чудища въ морѣ глубокомъ,
И въ темномъ бору заколдованный кладъ,
И витязей бой, и сверканіе латъ,
Все видитъ духовнымъ онъ окомъ.

11.

И подвиги славитъ минувшихъ онъ дней,
И все, чтó достойно вѣнчаетъ:
И доблесть народовъ, и правду князей —
И милость могучихъ онъ въ пѣснѣ своей
На малыхъ людей призываетъ.

12.

Привѣтъ полоненному шлетъ онъ рабу,
Укоръ градоимцамъ суровымъ,
Насилье-жъ надъ слабымъ, съ гордыней на лбу,
Къ позорному онъ пригвождаетъ столбу
Грозящимъ пророческимъ словомъ.

13.

Обильно ростетъ его мысли зерно,
Какъ въ полѣ ячмень золотистый;
Проснулось чтó въ сердцѣ дремало давно —
Чтó было отъ лѣтъ и отъ скорбей темно,
Воскресло прекрасно и чисто.

14.

И ликъ озарёнъ его тѣмъ-же огнёмъ,
Какъ въ годы борьбы и надежды,
Явилася власть на челѣ поднятомъ,
И кажутся царской хламидой на немъ
Лохмотья раздранной одежды.

15.

Не пѣлось ему еще такъ никогда,
Въ такомъ разцвѣтаньи богатомъ
Еще не сплеталася думъ череда —
Но вотъ ужъ вечерняя въ небѣ звѣзда
Зажглася надъ алымъ закатомъ.

16.

Къ исходу торжественный клонится ладъ,
И къ небу незрящіе взоры
Возвелъ онъ, и духомъ могучимъ объятъ,
Онъ пѣснь завершилъ — подъ перстами звучатъ
Послѣдніе струнъ переборы.

17.

Но мертвою онъ тишиной окружёнъ,
Безмолвье пустыннаго лога
Порой прерываетъ лишь горлицы стонъ,
Да слышны сквозь гуслей смолкающій звонъ
Призывы далекого рога.

18.

На диво ему, что собранье молчитъ,
Поникъ головою онъ думной —
И вотъ закачалися вѣтви ракитъ,
И тихо дубрава ему говоритъ:
— Ты гой-еси, дѣдъ неразумный!

19.

Сидишь одинокъ ты, обманутый дѣдъ,
На мѣстѣ ты пѣлъ опустѣломъ!
Допиты братины, оконченъ обѣдъ,
Подъ дубомъ души человѣческой нѣтъ,
Разъѣхались гости за дѣломъ!

20.

Они средь моей, средь зеленой красы
Порскають, свой ловъ продолжая;
Ты слышишь какъ, въ слѣдъ утыкая носы,
По звѣрю вдали заливаются псы,
Какъ трубить охота княжая!

21.

Ко сбору ты, старый, придти опоздалъ,
Ждать некогда было боярамъ,
Ты пѣсней награды себѣ не стяжалъ,
Ничьихъ за нее не услышишь похвалъ,
Трудился, убогій, ты даромъ!

22.

— Ты гой-еси, гой-ты, дубравушка-мать!
Сдается, ты правду сказала!
Я пѣлъ одинокъ, но тужить и роптать
Мнѣ, старому, было-бъ грѣшно и не стать —
Наградъ мое сердце не ждало!

23.

Воистину, еслибъ очей моихъ ночь
Безлюдья отъ нихъ и не скрыла,
Я пѣсни-бъ не могъ и тогда перемочь,
Не могъ отъ себя отогнать-бы я прочь
Что̀ душу мою охватило!

24.

Пусть по́-слѣду псы, заливаясь, бѣгуть,
Пусть ловлею князь удоволенъ!
Убогому пѣть не тяжелый былъ трудъ,
А пѣсня ему не въ хвалу и не въ судъ,
Зане онъ надъ нею не воленъ!

25.

Она какъ рѣка въ половодье сильна,
Какъ ро́сная ночь благотворна,
Тепла какъ душистая въ маѣ весна,
Какъ солнце привѣтна, какъ буря грозна,
Какъ лютая смерть необорна!

26.

Охваченный ею не можетъ молчать,
Онъ рабъ ему чуждаго духа,
Вожглась ему въ грудь откровенья печать,
Неволей, иль волей, онъ долженъ вѣщать
Что́ слышитъ подвластное ухо!

27.

Не вѣдаетъ горный источникъ, когда
Потокомъ онъ въ степи стремится,
И бьетъ и кипитъ его, пѣнясь, вода,
Придутъ-ли къ нему пастухи иль стада
Струями его освѣжиться!

28.

Я мнилъ: эти гусли для князя звучать,
Но пѣсня, по мѣрѣ какъ пѣлась,
Невидимо свой расширяла охвать,
И вольный лился безъ различія ладъ
Для всѣхъ, кому слушать хотѣлось!

29.

И кто меня слушалъ, привѣтъ мой тому!
Землѣ-государынѣ слава!
Ручью, что ко слову журчалъ моему!
Вамъ, звѣзды, мерцавшимъ сквозь синюю тьму!
Тебѣ, мать-сырая дубрава!

30.

И тѣмъ, кто не слушалъ, мой также привѣтъ!
Дай Богъ полевать имъ не даромъ!
Дай князю безъ горя прожить много лѣтъ,
Простому народу безъ нужды и бѣдъ,
Безъ тучи великимъ боярамъ!

Гр. А. К. Толстой.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФІЯ XIX-го ВѢКА

Les discours de M. le Prince de Bismarck. Berl. 1872.

VII *).

Познакомившись съ главными чертами общей фигуры князя Бисмарка и съ воззрѣніями его на вопросы внутренней политики, мы можемъ перейти теперь къ тому отдѣлу, который раскрываетъ передъ нами личность энергическаго послѣдователя Фридриха II во всемъ ея значенія, во всей ея силѣ. Отдѣлъ этотъ—внѣшняя политика.

Мы видѣли, что міросозерцаніе князя Бисмарка во всемъ, что касается внутренней жизни государства не отличается ни особенною глубиною, ни особенною твердостью какихъ-нибудь принциповъ. Устроитель «единой» Германіи не бросилъ на бѣдную политическую почву нѣмецкаго государства сѣмена тѣхъ широкихъ идей, тѣхъ благодатныхъ началъ, которыя, проникнувъ во внутреннюю жизнь народа, пускаютъ изъ себя крѣпкіе и несокрушимые корни, служащіе какъ-бы порукой мощнаго политическаго и нравственнаго развитія общества. Ему чужды подобныя идеи, въ немъ не находятъ себѣ сочувствія тѣ начала государственной жизни, которыя провозглашены избранными умами европейской цивилизаціи.

¹) См. выше: янв. 195, фев. 257 стр.

Какъ несправедливы были бы обвиненія князя Бисмарка въ томъ, что его идеалъ внутренняго государственнаго организма есть идеалъ ретроградный, реакціонный, идеалъ à la Меттернихъ, точно также невѣрно было бы утверждать, что его идеалъ есть идеалъ либеральный, отвѣчающій потребностямъ и требованіямъ вѣка, получившаго въ наслѣдство гуманныя и справедливыя идеи, завѣщанныя концомъ XVIII-го столѣтія.

Бисмаркъ, являющійся воплощеніемъ практическаго государственнаго человѣка, не знаетъ никакого идеала. Его воззрѣнія, его отношенія къ тому или другому вопросу внутренней жизни, обусловливаются данной минутой, такъ или иначе сложившимися обстоятельствами. Бисмаркъ не чувствуетъ себя скованнымъ неразрывною цѣпью опредѣленныхъ идей и принциповъ, которые должны быть послѣдовательно проводимы въ жизнь; онъ вырываетъ изъ этой цѣпи, смотря по надобности, то или другое звено и прицѣпляетъ его къ совершенно иному звену, совершенно иной цѣпи идей и принциповъ. Вотъ отчего, какъ читатель могъ уже убѣдиться, одна государственная мѣра, одно воззрѣніе нѣмецкаго канцлера не обусловливаютъ собою другой мѣры, другого воззрѣнія, вотъ почему начала искренно реакціонныя какъ-то оригинально сочетаются у него и мирятся съ началами чуть не революціонными.

Всякая попытка подвести его политику подъ то или другое опредѣленіе была бы напрасна, она не уживается ни съ какою кличкою, потому что политика его есть личная, непризнающая для себя обязательнымъ иного закона, кромѣ закона своей личной воли. Подчиненіе этой волѣ — вотъ одно, что съ величайшею послѣдовательностью проводитъ князь Бисмаркъ въ своей политикѣ. Но достаточно ли этого одного, чтобы прицѣпить къ имени нѣмецкаго канцлера некрасивый ярлыкъ—деспотъ, и затѣмъ считать, что вся его характеристика исчерпана, что направленіе его политики опредѣлено однимъ этимъ словомъ? Мы думаемъ, что нѣтъ. Деспотъ деспоту рознь. И Петръ Великій, и Фридрихъ II, и Кромвель, и Робеспьеръ съ Сенъ-Жюстомъ могутъ быть названы деспотами, но между ихъ деспотизмомъ и деспотизмомъ какого-нибудь Іоанна Грознаго, Альбы, Ричарда III, Наполеона I лежитъ цѣлая бездна. Исторія оправдываетъ и часто ставитъ на безконечную высоту однихъ, признавая, что они осуществляли свою личную волю, съ непреклонною рѣшимостью, но осуществляли ее съ убѣжденіемъ, что они служатъ дѣлу государства, народа, человѣчества. Та же исторія казнитъ на своемъ судѣ другихъ, потому что эти другіе, осуществляя свою волю, были поглощены только личными,

мелкими интересами и оставались чужды стремленію содѣйствовать счастію народа или народовъ. Мы хотимъ этимъ сказать, что имѣя дѣло съ натурою деспотическою, каковою безспорно обладаетъ князь Бисмаркъ, нужно прежде всего узнать, какіе стимулы заставляютъ дѣйствовать человѣка прежде, чѣмъ безусловно осудить его деспотизмъ, его желаніе согнуть все, что только противится его волѣ. Цѣль, конечно, не оправдываетъ средствъ, но она заставляетъ относиться къ нимъ болѣе снисходительно. Опредѣлить степень хорошаго или дурного намѣренія, степень злой или доброй воли, вотъ чего не слѣдуетъ упускать изъ виду при оцѣнкѣ дѣятельности и роли государственнаго человѣка, независимо отъ успѣха или неудачи его политики.

Князь Бисмаркъ свою волю сдѣлалъ закономъ, на всѣхъ его дѣйствіяхъ лежитъ печать деспотической натуры; но дѣйствуя деспотически онъ всегда имѣлъ передъ глазами, и въ этомъ его значительное оправданіе, государственные интересы. Эти интересы могли быть имъ дурно поняты, эти интересы могутъ быть въ дѣйствительности противоположными истиннымъ интересамъ народа, но въ этомъ вопросѣ лучшій судья, конечно, самъ народъ, среди котораго живетъ и дѣйствуетъ человѣкъ. Мы уже сказали, какими государственными интересами оправдывалъ свою внутреннюю политику князь Бисмаркъ. Интересы эти, или, употребляя еще разъ его выраженіе, «великіе вопросы», которые онъ имѣлъ передъ своими глазами, заключались въ созданіи сильнаго, могущественнаго государства.

Намъ нужно было напомнить характеръ внутренней политики князя Бисмарка, такъ какъ тѣмъ же характеромъ отличается и вся его внѣшняя политика. Разумѣется, то, что онъ самъ выставлялъ въ оправданіе первой, то считалъ онъ, и уже съ бо́льшимъ правомъ, оправданіемъ и второй. Нѣмецкій народъ принялъ это оправданіе и не только простилъ «желѣзному» князю его надменное съ нимъ обращеніе, но отвелъ ему первое мѣсто на Олимпѣ нѣмецкихъ боговъ. Причина понятна. Развѣ Бисмаркъ не осуществилъ завѣтную мечту нѣмецкаго народа, развѣ своею смѣлою до дерзости политикою онъ не создалъ единства Германіи? Систематическіе противники князя Бисмарка возражаютъ на это: да, быть можетъ, онъ и создалъ пресловутое нѣмецкое единство, но развѣ онъ хотѣлъ создать его, развѣ вся его политика не направлена была къ одной только цѣли—усилить Пруссію, округлить ее, сдѣлать ее сильнымъ, могущественнымъ государствомъ, потопить въ ней Германію, и развѣ это рѣшенный вопросъ,

что та страшная государственная масса, которая занимаетъ такое внушительное положеніе въ центрѣ Европы, должна быть названа единою Германіею, а не распухнувшею Пруссіею? Это вопросъ, который вполнѣ заслуживаетъ того, чтобы на немъ остановиться, и слѣдя шагъ за шагомъ за рѣчами князя Бисмарка, постараться рѣшить, правы ли эти противники, или правы, напротивъ, горячіе сторонники и панегиристы нѣмецкаго канцлера, которые восклицаютъ: князь Бисмаркъ — это великій, небывалый умъ, онъ все предвидѣлъ, все предугадалъ, и въ то время, когда всѣ считали его узкимъ феодаломъ, защитникомъ исключительно прусскихъ интерессовъ, въ тайнѣ души своей онъ уже рѣшилъ осуществить мечту нѣмецкаго народа и вызвать къ жизни, какъ тѣнь блуждавшее по нѣмецкой землѣ, единство Германіи! Итакъ, думалъ ли князь Бисмаркъ объ этомъ единствѣ, входило ли оно въ предначертанный имъ планъ, или мысль его была поуже и побѣднѣе и ограничивалась созданіемъ сильной, грозной Пруссіи? Вопросъ этотъ долженъ быть рѣшенъ прежде, чѣмъ идти далѣе, онъ стоитъ, такъ сказать, у преддверія внѣшней политики, составляетъ какъ-бы предисловіе къ изложенію воззрѣній князя Бисмарка, относящихся къ двумъ отдѣламъ: какъ слѣдуетъ обращаться съ побѣжденными, и какъ слѣдуетъ вести себя съ иностранными государствами?

Мы полагаемъ, что какъ неправы систематическіе его противники, утверждающіе, что отъ начала и до конца у него не было въ головѣ ничего иного, какъ Пруссіи, такъ неправы и тѣ, которые, на основаніи совершившихся событій, рѣшаютъ, что единство Германіи было постоянною цѣлію князя Бисмарка, съ той самой минуты, когда онъ вступилъ въ управленіе прусскою политикою. Правда, на помощь послѣднимъ является самъ князь Бисмаркъ, когда въ одной изъ своихъ уже позднѣйшихъ рѣчей, произнесенной послѣ французской войны, и присоединеніи Эльзаса и Лотарингіи, онъ между прочимъ говоритъ: «Когда задача, которою я задался, принимая на себя управленіе иностранною политикою Пруссіи, или вѣрнѣе, которую я постоянно имѣлъ передъ глазами, т.-е., возстановленіе въ какой бы то ни было формѣ нѣмецкаго государства—была выполнена...» Далѣе нечего приводить его слова. Такимъ образомъ, Бисмаркъ прямо утверждаетъ, что цѣль всей его политики заключалась въ достиженіи нѣмецкаго единства. Мы могли бы привести, да и приведемъ еще не одно мѣсто, въ которомъ Бисмаркъ проводитъ ту же мысль и увѣряетъ, что это единство было его постояннымъ стремленіемъ. Нисколько не заподозривая искренность и чистосердечіе нѣмец-

каго канцлера, тѣмъ не менѣе можно смѣло сказать, что на самомъ дѣлѣ это единство далеко не всегда было передъ глазами, и что въ первый періодъ своей дѣятельности онъ весьма мало думалъ о немъ, а если и думалъ, то думалъ со страхомъ, съ какою-то непріязнію. Утверждая же противное, князь Бисмаркъ впадаетъ въ ошибку, изъ которой его могли бы вывести его прежнія рѣчи. Можно, конечно, сказать, что его прежнія рѣчи имѣли только одну цѣль—это отводить глаза отъ истинныхъ его плановъ, но едва ли это было бы справедливо. Прежнія рѣчи дышатъ не меньшею искренностію, какъ и позднѣйшія. Какой же отвѣтъ долженъ быть данъ на поставленный вопросъ и какъ слѣдуетъ объяснить противорѣчивыя «показанія» самого князя Бисмарка?

Если въ настоящее время князь Бисмаркъ прежде всего нѣмецъ, а потомъ уже пруссакъ, то того же нельзя сказать про то время, когда только открывалась его политическая дѣятельность. Въ то время, напротивъ, онъ былъ прежде всего пруссакъ, а потомъ уже, и то въ самой незначительной степени, нѣмецъ. Нѣмецкое единство представлялось ему какою-то теоріею, слишкомъ любезною всему либеральному, радикальному и революціонному, что было только въ Германіи, чтобы теорія эта могла быть близка его сердцу. Онъ, который не любитъ вообще никакихъ теорій, относился къ теоріи нѣмецкаго единства съ крайне враждебнымъ чувствомъ. Онъ видитъ смыслъ только въ томъ, чтó носитъ на себѣ практическій характеръ, чтò можетъ быть практически осуществлено, про все остальное онъ охотно бы сказалъ: все это для меня «трынъ-трава, братцы». Въ то время, въ то мечтательное время нѣмецкой жизни, единство Германіи представлялось тѣсно связаннымъ съ свободою, съ либеральными учрежденіями, чуть не съ разрушеніемъ монархическаго начала. Могло ли такое единство привязать къ себѣ князя Бисмарка, въ тотъ періодъ до мозга костей пропитаннаго еще феодальными принципами? Конечно, нѣтъ! Вотъ почему, когда ему случалось говорить еще до датской войны про идею нѣмецкаго единства, то рѣчь его была полна сарказма и какого-то презрительнаго тона. «Должна быть какая-то особенная прелесть, язвительно отвѣчалъ онъ своимъ противникамъ въ прусской палатѣ, въ этомъ словѣ: «нѣмецкій», каждый старается присвоить это слово себѣ; каждый называетъ «нѣмецкимъ» то, что для него полезно, что выгодно для интересовъ его партіи, и смотря по надобности, мѣняетъ значеніе слова. Отсюда проистекаетъ то, что въ извѣстныя эпохи называютъ «нѣмецкимъ» дѣломъ оппозицію сейма (въ это время существо-

валъ еще франкфуртскій сеймъ); въ другія времена держать сторону сейма, превратившагося въ прогрессивный, считают тоже дѣломъ «нѣмецкимъ». Такимъ образомъ легко можетъ случиться, что насъ потому только обвинятъ въ нежеланіи имѣть что-либо общее съ Германіей, что мы соблюдаемъ наши собственные интересы. Я могу обратиться къ вамъ, говоритъ Бисмаркъ, съ такимъ же упрекомъ. Вы не хотите имѣть ничего общаго съ Пруссіей, потому что съ точки зрѣнія вашей партіи и въ интересѣ вашей партіи вамъ не угодно, чтобы существовала Пруссія, и потому что вамъ желательно, чтобы Пруссія или вовсе не существовала или чтобы она была ничѣмъ инымъ, какъ только частію Nationalverein'а».

Въ одной изъ послѣдующихъ рѣчей, относящихся къ тому же періоду, т.-е. къ концу 1863-го и началу 1864-го гг., Бисмаркъ по поводу Шлезвигъ-Голштинскаго вопроса еще рѣшительнѣе выражаетъ, какъ непріятно ему, что въ палатѣ такъ много говорятъ и такъ много хлопочатъ объ интересахъ Германіи, въ то время, когда интересы Пруссіи умышленно забываются и какъ-бы совѣстятся говорить о нихъ. «Вы требуете, говоритъ онъ, чтобы правительство дѣйствовало въ интересѣ *хорошо понятомъ* Пруссіи, Германіи и герцогствъ — въ скобкахъ я вставлю одно замѣчаніе: мы дошли до того, что никто не смѣетъ честнымъ образомъ сказать, что онъ дѣйствуетъ въ интересахъ Пруссіи, что онъ дѣйствуетъ какъ пруссакъ; на этой сторонѣ (лѣвой) почти не имѣютъ смѣлости произнести слово «прусскій» безъ того, чтобы тотчасъ не прибавить объясненія, — «само собою разумѣется въ смыслѣ нѣмецкихъ интересовъ, правъ Германіи, правъ герцогствъ». Къ этимъ правамъ всегда взываютъ; что же касается публичнаго признанія прусскихъ интересовъ, прусской національности, обращается онъ съ пренебреженіемъ къ лѣвой сторонѣ, то намъ нечего ждать отъ васъ этого». Въ эту эпоху, къ которой относятся сдѣланныя нами выписки изъ рѣчей нѣмецкаго канцлера, мы почти съ увѣренностью можемъ сказать, что князь Бисмаркъ думалъ только объ одномъ—это объ усиленіи и увеличеніи Пруссіи, въ это время онъ желалъ только поставить ее во главѣ Германіи, спихнуть съ ея мѣста Австрію, и предоставить его Пруссіи. Дѣло, по крайней мѣрѣ для Бисмарка, шло только о преобладаніи, о гегемоніи, о первенствѣ между Австріею и Пруссіею, но вовсе не объ единствѣ Германіи.

Мы охотно допускаемъ, что если бы въ настоящую минуту былъ предложенъ Бисмарку категорическій вопросъ: Германія ли должна поглотить Пруссію или Пруссія Германію, то онъ смѣло

отвѣтить: Германія Пруссію! Но еслибы тотъ же вопросъ былъ ему предложенъ восемь-девять лѣтъ назадъ, то онъ точно также не задумавшись отвѣтилъ бы: Пруссія Германію! И это не одна простая догадка. Вовсе нѣтъ. Въ одной изъ своихъ рѣчей онъ прямо ставитъ вопросъ, кто должень исчезнуть другъ въ другѣ: Пруссія ли или Германія? и если на этотъ вопросъ онъ не рѣшился отвѣтить прямо безъ обиняковъ, то тѣмъ не менѣе смыслъ его словъ былъ совершенно прозраченъ. «Нужно съ ясностью прежде всего установить, гдѣ эта «Германія», кто это такая «Германія», что разумѣютъ подъ «нѣмецкими интересами». Бисмаркъ въ то время былъ весьма далекъ отъ той претензіи, которая съ такою откровенностью каждый день и на всѣ лады высказывается теперь упоенными побѣдами и съ ногъ до головы облитыми «славою» нѣмцами, претензія, которая не можетъ не рѣзать весьма непріятно наше ухо, что Германія—это все то пространство, гдѣ раздается нѣмецкій языкъ, и все то, гдѣ когда бы то ни было господствовали нѣмцы. Въ то время Бисмаркъ, не безъ ироніи припоминая пѣсню Морица Арндта:

Was ist des Deutschen Vaterland?
So weit die deutsche Zunge klingt...

говорилъ, что вопросъ, что́ такое и кто такое «Германія», такой же сложный въ политическомъ, какъ и въ географическомъ отношеніи. Но времена перемѣнились, и если бы теперь князю Бисмарку понадобилось цитировать «національную» пѣсню Арндта, то весьма много шансовъ за то, что онъ цитировалъ бы ее какъ аргументъ въ пользу «новаго округленія» Германіи. Уже послѣ французской войны, послѣ завоеванія Эльзаса, нѣкоторыя изъ его рѣчей, какъ мы увидимъ далѣе, были ничѣмъ инымъ, какъ варіаціею на пѣсню Арндта.

Едва ли можно сомнѣваться, что если бы въ то время князь Бисмаркъ думалъ, что единая Германія можетъ быть создана по прусскому образцу, если бы онъ думалъ, что единая Германія получитъ такой военный и воинственный характеръ, какой она получила, на горе сосѣдей, въ дѣйствительности, то онъ тогда же бы объявилъ себя сторонникомъ этого единства. Но о такомъ единствѣ, о такой «единой Германіи» никто не думалъ, это понятіе сливалось съ какимъ-то идиллическимъ представленіемъ, съ какою-то «утопіею» мирнаго, тихаго, скромнаго, свободнаго государства, и такъ какъ князь Бисмаркъ рѣшительный врагъ всякихъ аркадій, всякихъ идиллій, то онъ былъ и врагомъ «того» нѣмецкаго единства, которое выработало формулу: единство чрезъ свободу!

Но когда же произошла въ князѣ Бисмаркѣ перемѣна, когда онъ самъ заговорилъ о нѣмецкомъ единствѣ и уже не съ тономъ ироніи, а весьма серьёзно, какъ-бы дѣлая это единство знаменемъ всей своей политики? Указать на годъ, мѣсяцъ и день этой перемѣны, конечно, мудрено. Перемѣна произошла въ немъ не вдругъ и мы можемъ только по рѣчамъ его видѣть какъ слово: «Пруссія» мало-по-малу стиралось на второй планъ и на первый выступало другое слово: «Германія». И это весьма понятно. Будучи по преимуществу практическимъ государственнымъ человѣкомъ, онъ выступилъ на политическое поприще съ одною задачею, задачею ближайшею: создать сильное государство, не задаваясь при этомъ и не думая ни о какихъ отдаленныхъ цѣляхъ. Первый приступъ былъ труденъ, онъ встрѣтилъ сопротивленіе, и сопротивленіе это въ значительной степени заключалось въ томъ «мечтательномъ» единствѣ—въ словѣ, которое такъ часто попадалось въ рѣчахъ его противниковъ. Къ этому слову онъ почувствовалъ на первыхъ порахъ почти-что ненависть, и отсюда его колкости, его остроты по поводу единства. Но затѣмъ, когда онъ увидѣлъ, послѣ первыхъ военныхъ успѣховъ, что защитники «единства» путемъ свободы вовсе не такіе ожесточенные враги «единства» путемъ войны и завоеваній, Бисмаркъ тотчасъ понялъ, какую выгоду можно извлечь изъ этого слова,- изъ этой идеи.

У Бисмарка не было своихъ идей, своихъ принциповъ, кромѣ одного принципа выгоды, пользы, которые могли бы идти въ разрѣзъ съ мечтою нѣмецкаго народа. Онъ никогда не зналъ, что значитъ принципъ, да притомъ и признавалъ глупостью стѣснять себя какими бы то ни было отвлеченностями. Принципъ національности, легшій въ основу нѣмецкаго единства, понимался Бисмаркомъ весьма широко, весьма своеобразно, и притомъ совершенно согласно съ правилами государственной практической философіи нашихъ дней. Приходится этотъ принципъ съ руки, можетъ онъ оказать поддержку—прекрасно; не съ руки, не можетъ—еще лучше. Много разъ въ своихъ рѣчахъ, уже въ тѣхъ, которыя относятся къ эпохѣ сближенія Бисмарка съ идеей единства, у него вырываются весьма характерныя признанія. Такъ, послѣ датской войны, когда на Бисмарка нападали, что онъ не блюдетъ «нѣмецкіе» интересы и желаетъ возвратить Даніи городъ Фленсбургъ, онъ съ негодованіемъ отвѣчаетъ: «это чистая ложь, чтобы я когда-нибудь говорилъ, что Фленсбургъ датскій городъ. Я считаю его городомъ нѣмецкимъ, да притомъ, если бы онъ и былъ даже датскимъ, то я все-таки не отдалъ бы его». Такихъ откровенныхъ признаній весьма много у нѣмецкаго канцлера. Основывая на

принципѣ національности притязаніе на ту или другую область, Бисмаркъ вмѣстѣ съ тѣмъ говорилъ, что принципъ этотъ, когда дѣло идетъ о пользѣ государства, нисколько не долженъ стѣснять. «Я допускаю, говорилъ онъ, что господство нѣмцевъ надъ народами, которые сопротивляются, не хотятъ этого господства—я хочу сказать, поправляется Бисмаркъ, не господство, но политическое сожительство нѣмцевъ съ такими народами, которые стремятся разрушить связь,—можетъ быть невыгодно, но часто оно бываетъ необходимо». Его прежніе противники, партизаны нѣмецкаго единства «путемъ свободы» не только не возставали противъ такихъ словъ, но относились къ нимъ съ горячимъ сочувствіемъ. Въ это время онъ пересталъ только фрондировать «единство»; но Пруссія, ея могущество все еще оставалось для него предметомъ всѣхъ его помысловъ, всѣхъ его заботъ.

Для исторіи образованія нѣмецкаго единства и воззрѣній на него князя Бисмарка, весьма интересно то мѣсто одной изъ его рѣчей, уже послѣ датской войны, гдѣ онъ говоритъ, что мелкіе нѣмецкія государства добровольно никогда не подчинятся Пруссіи. Отвѣчая на упрекъ одного депутата, что Пруссія упустила случай въ вопросѣ о герцогствахъ стать во главѣ среднихъ и маленькихъ нѣмецкихъ государствъ, онъ говорилъ: «Если бы г. докладчикъ былъ подобно мнѣ въ продолженіи восьми лѣтъ полномочнымъ министромъ во Франкфуртѣ при германскомъ сеймѣ, то онъ не считалъ бы этого столь легко осуществимымъ дѣломъ. Онъ убѣдился бы, какъ и я, что большинство второстепенныхъ и третьестепенныхъ государствъ не подчинилось бы добровольно управленію Пруссіи»... «Большая часть этихъ государствъ не оказалась бы послушною Пруссіи, слѣдовательно...» въ 1865 году нѣмецкія второстепенныя государства могли уже предвидѣть, чтó ихъ ожидаетъ въ будущемъ во имя «единства» Германіи.

Если въ первое время «единство» Германіи было все-таки еще средствомъ для Бисмарка, то несправедливо было бы утверждать, что оно оставалось такимъ средствомъ и до конца. Бисмаркъ, лишенный твердо опредѣленныхъ идей, строгихъ принциповъ, быть можетъ даже въ силу этого, былъ болѣе чутокъ къ общественному давленію, и, къ чести его должно быть сказано, онъ не былъ настолько упоренъ, чтобы не поддаваться натиску событій. Подъ давленіемъ этихъ событій, подъ впечатлѣніемъ того взрыва чувства нѣмецкаго единства, которое съ такою силою сказалось послѣ австрійской войны 1866 года, Бисмаркъ расширилъ свой первоначальный планъ. Изъ-за сильной и могущественной Пруссіи передъ нимъ стала выростать теперь «единая Германія»,

правда, весьма мало походившая на ту, которая снилась нѣмецкимъ патріотамъ эпохи войны за освобожденіе и нѣмецкимъ радикаламъ эпохи революціи 1848 года. Читатель помнитъ, что князь Бисмаркъ не разъ высказывалъ, что его старыя воззрѣнія, прежнія убѣжденія ничуть не стѣсняютъ, и что горизонтъ идей долженъ расширяться съ расширеніемъ границъ. По мѣрѣ того, какъ росли событія, выросталъ и князь Бисмаркъ, бросая позади себя привѣшенныя къ нему феодальныя путы. Такимъ образомъ, самое отсутствіе принциповъ, непрочно сложившихся идей, служило къ выгодѣ князя Бисмарка и позволило ему разстаться съ своими прежними друзьями, товарищами молодыхъ лѣтъ, изъ которыхъ каждый, цѣпляясь за отжившія феодальныя начала, не хотѣлъ дѣлать никакой уступки ходу совершающихся и совершившихся событій. Каждый изъ нихъ стоялъ на своемъ мѣстѣ и считалъ величайшимъ мужествомъ упорно твердить: Hier steh' ich, ich kann nicht anders... Бисмарку были незнакомы подобныя слова, да онъ и не видѣлъ въ нихъ никакого смысла. Онъ стоялъ тамъ, гдѣ ему было выгодно стоять, и не онъ, конечно, замедлилъ бы перемѣнить положеніе, какъ только бы увидѣлъ, что изъ другого положенія можно извлечь бóльшую пользу. Первоначально онъ заботился только о возвеличеніи Пруссіи, но когда онъ убѣдился, что можетъ быть сдѣлано больше, что онъ можетъ эксплуатировать въ свою пользу полувѣковое стремленіе къ единству, онъ охотно пошелъ къ нему на встрѣчу и охотно измѣнилъ свой первоначальный планъ.

Можно ли изъ той легкости, съ которою Бисмаркъ оставляетъ одни воззрѣнія и переходитъ къ другимъ, можно ли дѣлать упрекъ, обращать ее въ обвиненіе? Упреки, обвиненія,—все это весьма относительно. Безъ сомнѣнія, феодальная партія должна считать Бисмарка измѣнникомъ, ренегатомъ, чуть не краснымъ. Партія же либеральная—впрочемъ, «либеральная» не есть настоящее слово, скажемъ лучше: партія нѣмецкаго единства, которая охватываетъ огромное большинство цѣлаго народа,—должна была, напротивъ, рукоплескать Бисмарку. Она и рукоплескала, и отпустила ему всѣ его старыя прегрѣшенія. Князь Бисмаркъ дѣлался «нѣмцемъ» мало-по-малу, событія увлекали его независимо отъ его воли, и когда значительное разстояніе было уже пройдено, онъ увидѣлъ, что исключительно прусскій мундиръ сталъ тѣсенъ и требуется новый, общегерманскій.

Пруссія—это старый, сердитый, ворчливый дядька-педантъ, которому на руки сданъ ребенокъ. Ребенокъ слушается дядьки и долго еще будетъ его слушаться; но когда онъ выростетъ, окрѣп-

нетъ, когда почувствуетъ силу, онъ не захочетъ больше выносить ворчанія стараго дядьки и скажетъ ему въ одинъ прекрасный день: пошелъ вонъ! Дядька съ ужасомъ подниметъ глаза, но увидитъ въ своемъ питомцѣ такую рѣшимость, что поневолѣ отступитъ. Ребенокъ превратился въ мужа. Видитъ ли Бисмаркъ этотъ день, предчувствуетъ ли онъ ту минуту, когда будетъ произнесено слово: пошелъ вонъ!—это другой вопросъ, но вѣрно только то, что Бисмаркъ изъ Пруссіи хотѣлъ сдѣлать честнаго дядьку, который не рѣшился бы погубить своего питомца, чтобы ограбить его и присвоить себѣ все его достояніе. Самое правдоподобное—это то, что Бисмаркъ не останавливается, какъ и подобаетъ практическому государственному человѣку, на мысли, что̀ будетъ впослѣдствіи, когда Пруссія должна будетъ утратить свое первенствующее положеніе, или вѣрнѣе, перестать быть Пруссіею, чтобы сдѣлаться Германіею; но если бы этотъ вопросъ представился, если бы необходимо было ему выбирать между Пруссіею и Германіею, то быть можетъ и съ болью въ груди, но онъ все-таки произнесъ бы: Германія!—не желая своими же руками разрушать дѣло, на которое потрачено имъ столько силъ. Польза, выгода, однимъ словомъ, единственный принципъ, которому Бисмаркъ всегда оставался и остается вѣренъ какъ во внутренней, такъ и во внѣшней политикѣ, служитъ достаточнымъ аргументомъ противъ всѣхъ тѣхъ, которые обвиняютъ Бисмарка, что въ дѣлѣ Германіи онъ былъ и остается только пруссакомъ. Аргументъ этотъ настолько силенъ, что мы считаемъ излишнимъ приводить другіе въ пользу того, что Бисмаркъ если и не пересталъ быть пруссакомъ, то сдѣлался вмѣстѣ съ тѣмъ «нѣмцемъ».

Обвиненія Бисмарка въ исключительно прусскихъ стремленіяхъ раздавались и послѣ 1866 года и основывались на томъ, что онъ самъ какъ-бы задерживалъ быстрое развитіе нѣмецкаго единства и умышленно не пользовался всѣми выгодами, которыя можно было извлечь изъ громкихъ побѣдъ, одержанныхъ прусскимъ оружіемъ. Бисмаркъ медлитъ довершить ударъ, Бисмаркъ не пользуется всѣми выгодами своего положенія! Если когда-нибудь могъ быть сдѣланъ явно несправедливый упрекъ, то конечно этотъ долженъ быть названъ такимъ. Скорѣй солнце станетъ вертѣться вокругъ земли, нежели Бисмаркъ не извлечетъ изъ побѣды, изъ извѣстнаго успѣха, всего, что̀ можно только извлечь. Онъ выжметъ весь сокъ и выброситъ только корку. Когда нужно выжимать сокъ, Бисмаркъ не остановится ни передъ чѣмъ; насиліе, жестокость, попраніе самыхъ законныхъ, священныхъ правъ, онъ на все пойдетъ; справедливость, гуманность, уваженіе

народной воли, всѣ эти громкія «слова» XIX-го вѣка, Бисмаркъ знаетъ имъ цѣну лучше, чѣмъ кто-либо,—на языкѣ практической философіи все это зовется глупостью и сентиментальничаньемъ.

Если Бисмаркъ, повидимому, не извлекаетъ изъ побѣды, изъ торжества всей выгоды, всей пользы, то будьте увѣрены, что это не даромъ, не спроста, не изъ чувства великодушія, а по глубоко-обдуманному разсчету, какъ все, что ни дѣлаетъ этотъ замѣчательный, крайне своеобразный государственный человѣкъ. Ничто такъ не назидательно, какъ тѣ упреки въ неумѣренности, которые дѣлаетъ онъ, князь Бисмаркъ, обращаясь къ народнымъ представителямъ. «Не будьте такъ жадны, такъ алчны!»—вотъ смыслъ весьма многихъ рѣчей князя Бисмарка, касающихся вопроса единства Германіи. Бисмаркъ не разъ долженъ былъ справедливо возмущаться, видя передъ собою людей, которые кидали въ него каменьями, когда онъ приступалъ къ «войнѣ», какъ средству осуществленія своего плана, которые носились со свободой и равенствомъ и потомъ набрасывались съ алчностью на добычу и рукоплескали всевозможнымъ насиліямъ надъ своими «братьями», къ которымъ «вынужденъ» былъ прибѣгать «желѣзный» князь.

Между тѣмъ то, въ чемъ такъ усердно обвиняли князя Бисмарка, именно и доказывало ясно, что это человѣкъ, который нѣсколькими головами возвышается надъ всѣми современными государственными людьми, что Германія встрѣтила въ немъ не дюжиннаго, но рѣдкаго и въ высшей степени замѣчательнаго дипломата. Онъ не задавался далекими цѣлями, идеи, планы его не поражаютъ глубиною, но они поражаютъ обдуманностью, мѣткостью каждаго шага и необыкновенною увѣренностью. Если про кого-нибудь можно сказать, что онъ никогда не ошибается въ своей политикѣ, то это про Бисмарка. Нѣтъ ни одного неудачнаго хода, нѣтъ ни одного невѣрнаго шага; когда онъ бьетъ, то онъ бьетъ съ увѣренностью, что не промахнется. Самое легкое конечно сказать: экое счастье этому человѣку! но вѣдь это пустая фраза! Сегодня счастье, завтра счастье, наконецъ, когда-нибудь нужно и искусство и мудрость. Бисмаркъ все предвидитъ, всѣмъ пользуется, онъ не упуститъ ни одного обстоятельства, которое можетъ быть обращено къ выгодѣ его стремленій, мало того, онъ создастъ обстоятельства, когда они не представляются, или заставитъ ихъ, если они сложились невыгодно, обратиться въ его пользу. Вотъ отчего Бисмаркъ такъ и опасенъ, вотъ отчего всѣ государства, не исключая, конечно, и Россіи, должны смотрѣть въ оба за каждымъ шагомъ Бисмарка, должны во всѣ сто-

роны повернуть каждое слово, каждую рѣчь, которую онъ произноситъ.

Эта обдуманность, эта мѣткость руководила Бисмаркомъ и въ вопросѣ нѣмецкаго единства. Когда онъ дѣлалъ шагъ впередъ, то ему уже нечего было опасаться: а что́, какъ придется сдѣлать два назадъ! «Г. депутатъ, говорилъ онъ въ одной изъ своихъ рѣчей, нападаетъ на то, что мы достигли слишкомъ малаго и къ слишкомъ малому стремимся. Да, господа, эта почва во всѣ времена была самая удобная для оппозиціи, чтобы нападать на правительство: всегда представляютъ какъ крайнюю необходимость то, что не можетъ быть достигнуто въ данную минуту, и всегда правительство дѣлаютъ отвѣтственнымъ за то, чего нельзя было достигнуть; никогда положеніе: «лучшее есть врагъ хорошаго», не было примѣняемо оппозиціей по отношенію къ правительству.» Отмѣтимъ на пути эту черту, которая выражена у него въ положеніи «лучшее есть врагъ хорошаго», и замѣтимъ, что Бисмаркъ съ необыкновенною рѣшительностью и смѣлостью соединяетъ въ себѣ большую осторожность. Онъ обладаетъ замѣчательною способностью: выждать минуту для своихъ плановъ, но когда эта минута наступитъ, то уже онъ ее не упуститъ. Все, что можно извлечь, онъ извлечетъ, но ни на волосъ больше. Единственное исключеніе, и то исключеніе по нашему только мнѣнію, онъ допустилъ во французской войнѣ, когда ему мало показалось выжать весь сокъ изъ страны, но когда ему потребовалось вырвать еще кусокъ мяса, клокъ тѣла. Но и тутъ мы не можемъ судить еще въ настоящее время, насколько вина падаетъ на князя Бисмарка и насколько на другихъ. Впрочемъ, не станемъ забѣгать впередъ.

«Римъ не былъ построенъ въ одинъ день», выражался Бисмаркъ по поводу нѣмецкаго единства; имѣйте же терпѣніе и умѣйте жертвовать личными взглядами и убѣжденіями. «Въ нашемъ національномъ характерѣ, говорилъ нѣмецкій канцлеръ въ 1867 году, есть нѣчто, что служитъ препятствіемъ къ единству Германіи. Иначе мы бы не потеряли его или съумѣли бы снова быстро его пріобрѣсти. Перенесемся мысленно ко времени нѣмецкаго величія, къ эпохѣ первыхъ императоровъ. Мы найдемъ, что никакая другая страна въ Европѣ, казалось, не соединяла въ себѣ столько шансовъ, какъ Германія, для достиженія могущественнаго національнаго единства. Обратите ваши взоры къ среднимъ вѣкамъ, отъ московитской имперіи Рюриковъ къ владѣніямъ го́товъ на западѣ и арабовъ въ Испаніи; Германія представится вамъ страною, которая изъ всѣхъ европейскихъ странъ,

казалось, предназначена остаться сплоченнымъ государствомъ. Какъ потеряли мы единство, спрашиваетъ Бисмаркъ? Какимъ образомъ до сихъ поръ мы не могли его снова завоевать? Чтобы высказать это однимъ словомъ, я скажу, что причина, по моему мнѣнію, лежитъ въ томъ, что въ Германіи существуетъ чувство излишней мужественной независимости, которая заставляетъ отдѣльнагѳ человѣка, общину и всю расу полагать свое довѣріе гораздо больше въ собственныя силы, нежели въ силы цѣлаго. Намъ недоставало той гибкости, той уступчивости индивидуума и расы въ пользу цѣлой націи, гибкости, которая позволила другимъ народамъ, нашимъ сосѣдямъ, обезпечить за собою прежде насъ то благо, къ которому мы стремимся.»

Конечно, трудно было бы подыскать болѣе гордаго объясненія причины, по которой Германія столь долгое время не была едина, но вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе остроумнаго, чтобы пригласить всю палату, весь рейхстагъ, народъ, слѣпо слѣдовать и повиноваться волѣ того, который принялъ въ свои руки дѣло нѣмецкаго единства. Бисмаркъ не подшучиваетъ болѣе надъ этимъ единствомъ, онъ не спрашиваетъ болѣе иронически, что̀ такое Германія, онъ знаетъ теперь это слишкомъ хорошо, и взывая къ общему согласію восклицаетъ: «Покажемъ въ нашу очередь, господа, что исторія шести вѣковъ страданій не была безплодна для Германіи; покажемъ, что мы близко приняли къ сердцу урокъ, который слѣдовало извлечь изъ неудавшихся попытокъ Франкфурта и Эрфурта, попытки, которыя мы всѣ видѣли нашими глазами, какъ онѣ провалились.»

Единство Германіи, которое не входило въ его первоначальный планъ сильнаго и могущественнаго прусскаго государства, и надъ которымъ поэтому онъ трунилъ съ такою ироніею, сдѣлалось теперь необходимою приправою всѣхъ его рѣчей, къ какому бы вопросу онѣ ни относились. Шло ли дѣло о чисто внутреннихъ дѣлахъ, Бисмаркъ,—когда онъ не опирался на категорическое: такъ нужно! и когда онъ желалъ одержать верхъ чувствомъ,—призывалъ тотчасъ на помощь единство и говорилъ: вы вздыхали по немъ, а теперь вы сами вашими распрями разрушаете его! «Думаете ли, въ самомъ дѣлѣ, спрашивалъ онъ послѣ австрійской войны, что это величественное движеніе, которое, въ прошломъ году, двинуло цѣлые народы, отъ Бельта до морей Сициліи, отъ Рейна до Прута и Днѣстра, къ этой фатальной игрѣ въ кости, которая своею ставкою имѣла королевскія и императорскія короны; что милліонъ нѣмецкихъ солдатъ, которые сражались другъ противъ друга и обагрили своею кровью поля битвъ

отъ Рейна до Карпатъ, что тысячи людей, которыхъ подкосили желѣзо или болѣзнь и которые своею смертью запечатлѣли дѣло нашего національнаго возрожденія, неужели думаете вы...», съ большею силою говорилъ онъ, что все это можетъ быть уничтожено капризомъ какой-нибудь палаты.» Шло ли дѣло о жалобахъ присоединенныхъ и завоеванныхъ областей, Бисмаркъ опять выдвигалъ впередъ единство и говорилъ:—Да, вы можетъ быть и правы, можетъ быть ваше положеніе въ самомъ дѣлѣ тяжело, но что же дѣлать, это жертва, которой требуетъ нѣмецкое единство! Шло ли дѣло о какой-нибудь войнѣ, которая давно была рѣшена имъ, обдумана, взвѣшены всѣ шансы за и противъ, у него всегда былъ отличный предлогъ выставить Германію, какъ несчастную жертву и сказать: смотрите, враги наши покушаются на нѣмецкое единство! мы только защищаемъ его!

Всю пользу, которую можно было только извлечь изъ идеи нѣмецкаго единства, Бисмаркъ извлекъ для осуществленія своего плана, и онъ съ гордостью могъ уже отвѣчать въ 1867-мъ году на всѣ жалобы нѣкоторыхъ изъ объединенныхъ: «Что значатъ всѣ тягости, когда, благодаря имъ, въ нашемъ союзѣ заискиваютъ и мы въ состояніи оберегать, нашими собственными силами, нашу свободу, нашу честь, безъ того, чтобы заискивать благоволенія другихъ государствъ?» Что значатъ всѣ жертвы, онѣ должны быть легки для васъ потому что этими жертвами создалось великое дѣло. «Развѣ это ничто для васъ, спрашивалъ Бисмаркъ, когда ваши соотечественники, изъ самыхъ отдаленныхъ странъ, обращаютъ съ гордостью свои взоры къ родинѣ и говорятъ себѣ съ чувствомъ собственнаго достоинства: «мы — нѣмцы», между тѣмъ какъ въ былое время они опускали глаза съ чувствомъ какого-то стыда.» Единство требовало жертвъ, большихъ жертвъ, но Бисмаркъ не стѣсняясь могъ требовать ихъ; онъ могъ бы сказать, обращаясь къ своимъ соотечественникамъ, словами русскаго поэта:

Даромъ ничто не дается
Судьба жертвъ искупительныхъ проситъ...

Важно только то, чтобы жертвы были пропорціональны дѣлу. Пропорціональны были жертвы, принесенныя нѣмцами, съ достигнутыми результатами, или нѣтъ, это рѣшитъ только будущее, когда единая Германія выйдетъ изъ того переходнаго времени, въ которомъ она живетъ по настоящую минуту.

Такимъ образомъ, вотъ, въ немногихъ словахъ, ходъ идей Бисмарка по отношенію къ главному вопросу, волновавшему нѣмецкій народъ, вопросу объ единствѣ Германіи. Первоначально,

при вступленіи Бисмарка въ министерство онъ относится къ единству не только скептически, но крайне враждебно. Единство въ эту эпоху тѣсно соединяется въ его головѣ съ революціонными силами, или, выражаясь съ бо́льшей гармоніею съ его мыслями, революціоннымъ безсиліемъ, съ громкими, но безплодными фразами о свободѣ. Всѣ его заботы исключительно направлены на возвеличеніе Пруссіи, и интересы Германіи интересуютъ его ровно настолько, насколько нужно, чтобы во главѣ ея поставить Пруссію, чтобы сковать ее по рукамъ и ногамъ тяжелою цѣпью зависимости отъ монархіи Фридриха II. На слѣдующей ступени, Бисмаркъ, убѣдившись конечно съ одной стороны въ безсиліи оппозиціи, съ другой въ собственной своей силѣ, дѣлаетъ изъ «единства» одно изъ своихъ орудій, одно изъ средствъ своей политики. Онъ понялъ, что этимъ словомъ во внутреннихъ дѣлахъ онъ можетъ обуздывать своихъ противниковъ, во внѣшнихъ онъ узаконялъ имъ свои замыслы — возвеличить Пруссію. Единство было ширмами, прикрывавшими его первоначальную цѣль. Затѣмъ, на дальнѣйшей уже ступени, послѣ австрійской войны, горизонтъ Бисмарка расширяется, его планы видоизмѣняются, онъ думаетъ теперь о сильномъ и могущественномъ государствѣ, но такимъ государствомъ для него уже становится не Пруссія, а Германія, хотя и подчиненная прусскимъ порядкамъ. Бисмаркъ въ эту эпоху невольно испытываетъ на себѣ силу общественнаго увлеченія.

Если нѣмецкая нація, относившаяся къ нему вначалѣ такъ враждебно, теперь преклонилась передъ нимъ и круто повернула въ сторону отъ начала единства путемъ свободы,—то и Бисмаркъ въ свою очередь сдѣлалъ не одинъ шагъ на встрѣчу общества, сознавая, какъ весьма умный человѣкъ, что безнаказанно нельзя перечить общественному мнѣнію, и что чрезвычайно выгодно дѣлать видъ, что уступаешь и дѣйствительно уступать, особенно когда эти уступки могутъ принести только пользу собственнымъ планамъ. Идея нѣмецкаго единства, туманная и отвлеченная, слилась теперь съ идеей сильнаго и могущественнаго государства, идеей весьма реальной и ясной, и обѣ эти идеи повліяли другъ на друга. Ширина первой, какъ она понималась въ доброе старое время, съузилась подъ вліяніемъ второй; узкость этой второй, какъ она понималась первоначально Бисмаркомъ, т.-е. сильной, воинственной Пруссіи, олицетворяемой исключительно крупповскою пушкою и игольчатымъ ружьемъ, расширилась подъ вліяніемъ первой. Военное могущество, конечно, въ мнѣніи Бисмарка оставалось самымъ существеннымъ дѣломъ, но и другіе интересы,

въ дѣйствительности болѣе важные, заняли извѣстное мѣсто въ общемъ планѣ, осуществленію котораго посвятилъ себя нѣмецкій канцлеръ. Когда передъ сильнымъ человѣкомъ становятся двѣ идеи, два плана, изъ которыхъ одинъ болѣе грандіозный, другой болѣе мелкій, и когда, оставаясь на практической почвѣ, онъ сознаетъ, что тотъ и другой осуществимы, и первый только требуетъ большей силы воли, большей энергіи, большей рѣшимости, то нѣтъ сомнѣнія, что сильный человѣкъ не станетъ колебаться и предпочтетъ болѣе грандіозный болѣе мелкому плану. Такъ было и съ Бисмаркомъ. Пока идея нѣмецкаго единства казалась ему фантастическою, лишенною реальной почвы, до тѣхъ поръ онъ относится къ ней враждебно, съ ироніей; но съ той минуты, когда онъ увидѣлъ возможность осуществить ее въ дѣйствительности, хотя и въ иной формѣ, чѣмъ мечтали о томъ нѣмецкіе радикалы, онъ съ энергіей и мужествомъ принялся за дѣло. Онъ проникся теперь этою идеею и не клалъ оружія, пока не достигъ осуществленія завѣтной мечты нѣмецкаго народа. Онъ достигъ ее такимъ образомъ, что и волки оказались сыты и овцы цѣлы. Подъ овцами мы разумѣемъ нѣмецкихъ радикаловъ и весь нѣмецкій людъ, такъ много шумѣвшій о свободѣ народовъ, пока Германія была слабою державою, и такъ мало заботящійся теперь, когда Германія превратилась въ могущественное государство, чтобы эта прославленная свобода не была оскорбляема среди побѣжденныхъ племенъ.

Да, какъ ни разсуждать, Бисмаркъ все-таки окажется неизмѣримо выше своихъ современниковъ всевозможныхъ лагерей; Бисмаркъ зналъ къ чему онъ стремится, и по крайней мѣрѣ искренно относится съ откровеннымъ презрѣніемъ къ тѣмъ идеямъ, которыя въ нашъ вѣкъ болѣе эксплуатируются какъ громкія фразы, нежели дѣйствительно и серьёзно уважаются. Въ отношеніи единства Германіи, Бисмаркъ оставался вѣренъ себѣ. Онъ не угождалъ ему, когда считалъ химерой, но когда онъ увидѣлъ, что можетъ осуществить по «своему», то онъ смѣло пошелъ впередъ и осуществилъ по «своему» то, что вѣроятно долго бы еще оставалось заоблачной мечтой народа. Выиграла ли или потеряла отъ этого Германія съ точки зрѣнія исторіи, будущаго, мы не станемъ гадать. Никто не можетъ сказать съ увѣренностью, что созданное Бисмаркомъ зданіе нѣмецкаго единства окрѣпнетъ и выдержитъ тяжелый напоръ времени, точно также какъ никто не можетъ утверждать, что зданіе его походитъ на картонную постройку, которая повалится отъ перваго вѣтра, сгніетъ отъ первой сырой погоды. Прошедшее позволяетъ сказать одно: внѣш-

няя сила государства, внѣшнее его значеніе прочно только подъ однимъ условіемъ, это — внутренняго развитія внутренней силы народа. Остановите искусственными заборами это развитіе, придавите внутреннюю силу, и тогда незыблемое съ виду зданіе падаетъ съ страшнымъ грохотомъ. Вотъ одно, что можно сказать, созерцая необыкновенно-быстрое и поистинѣ изумляющее возвеличеніе нѣмецкой имперіи. До сихъ поръ князь Бисмаркъ не относился къ внутреннимъ вопросамъ такъ, какъ долженъ относиться къ нимъ глубокій умъ, всегда отличающій настоящаго общественнаго реформатора. Но въ этомъ человѣкѣ прошедшее не связано тѣсно съ будущимъ. Бисмаркъ не останавливается въ своемъ развитіи, онъ охотно идетъ впередъ, когда убѣждается, что идти впередъ выгодно: это подтверждается и его отношеніемъ къ вопросу нѣмецкаго единства. Можетъ быть онъ, покончивши съ своею такъ сказать внѣшнею задачею, и убѣдится, что польза на сторонѣ возможно болѣе полнаго и свободнаго внутренняго развитія народа, и тогда дѣло политической и нравственной свободы нѣмецкой націи было бы выиграно, а вмѣстѣ съ тѣмъ было бы закрѣплено и дѣло единства Германіи.

VIII.

Когда задаешься задачею опредѣлить характеръ и образъ дѣйствій какого-нибудь замѣчательнаго человѣка, оказывающаго рѣшительное вліяніе на ходъ европейскихъ событій, то неумѣстно прибѣгать въ такомъ случаѣ къ догадкамъ. Только поэтому мы и не поставимъ здѣсь вопроса: окончилъ ли князь Бисмаркъ дѣло единства, выполнилъ ли онъ свой планъ и не потребуется ли для «безопасности» Германіи, для того, чтобы она «мирно» могла существовать, не потребуется ли еще округлить границу съ какой нибудь другой стороны и во имя все того же злополучно «великаго» принципа національности и всегда услужливой исторіи, принять въ лоно Германіи блудныхъ сыновъ какого нибудь другого края?

Was ist des Deutschen Vaterland?
So weit die deutsche Zunge klingt...

вотъ тотъ кличъ, который такъ пріятно ласкаетъ слухъ нѣмцевъ, вотъ тотъ звонъ, который такъ усердно, точно бьетъ въ набатъ, продолжаетъ гудѣть и заставляетъ поневолѣ спрашивать: чего еще недостаетъ единой Германіи, въ какую сторону обращаетъ она теперь свои побѣдоносные и вмѣстѣ грозные взоры?

Отвѣчать на такой вопросъ догадками совершенно безполезно. Важно только одно—чтобы, сообразуясь съ политикой того человѣка, который въ настоящее время даетъ тонъ цѣлой Европѣ, быть постоянно на-сторожѣ, не засыпать подъ увѣреніями дружбы, которая, съ точки зрѣнія практической философіи Бисмарка, представляется глупою, но полезною иногда игрушкою, чтобы отводить на время глаза неразумному, хотя подчасъ и взрослому ребенку; дѣло въ томъ, чтобы энергически приготовляться къ отраженію возможныхъ надменныхъ поползновеній и готовиться не такъ, какъ готовилась Франція. Франція тоже на нашихъ еще глазахъ только и говорила про войну, она тоже готовилась къ ней, переливала свои пушки, изобрѣтала митральезы, усовершенствовала оружіе, дѣлавшее, по безсмертному выраженію, «чудеса» въ сраженіи съ старымъ героемъ, но какой былъ результатъ всѣхъ этихъ приготовленій, всѣхъ этихъ усовершенствованій? Результатъ, отъ котораго упаси Богъ не только нашихъ друзей, но даже нашихъ враговъ. И отчего? Да оттого, что приготовленіе къ войнѣ было понято не такъ какъ слѣдуетъ, было понято глупо, рутинно; оттого, что приготовленіе заключается не только въ преобразованіи арміи, не только въ усовершенствованіи орудій и какой-нибудь новой системы ружей, но главнымъ образомъ въ усовершенствованіи духа народнаго, въ возвышеніи его нравственнаго уровня; а онъ не возвышается, когда вмѣсто того, чтобы предоставить обществу больше внутренней ширины, больше возвышающей духъ свободы, на это общество со всѣхъ сторонъ начинаютъ нажимать, урѣзывать, что можно и что нельзя, когда является цѣлая усовершенствованная «система подавленія» всякаго свободнаго проявленія этого общества. Вотъ чего не поняла Франція, вотъ за что она и была наказана. Она не усвоила себѣ достаточно, что истинная сила націи въ духѣ націи, и что сколько бы ни передѣлывала она свои арміи, сколько бы ни усовершенствовала свое оружіе, всѣ ея усилія будутъ безплодны, если въ груди ея не будетъ трепетать живая сила, если внутренняя система управленія деморализовала общество и развратила его, прививъ къ нему рабскія чувства. Въ исторіи, конечно, не разъ бывали примѣры, что торжествовала одна только грубая, дикая сила, что безчисленныя фаланги рабовъ одерживали побѣды надъ народомъ, въ которомъ билось истинно человѣческое сердце; но торжество это никогда не было прочно, оно рушилось съ грохотомъ, и неприступный, грозный, полный жизни, казалось, колоссъ, покрытый желѣзною бронею, падалъ какъ падаетъ мертвое тѣло.

Бисмаркъ своимъ недалекимъ, но за то вѣрнымъ и безоши-

бочнымъ взглядомъ увидѣлъ, что наступило время для нѣмецкаго народа гордо возвыситься надъ всѣми остальными. Не потому конечно, чтобы Германія и въ особенности Пруссія могла похвастаться передъ Австріей, Франціей и другими западными государствами, большею внутреннею свободою, нѣтъ, но у нѣмецкаго народа въ груди колыхалась идея, которой не было у другихъ народовъ. И въ этомъ заключалось огромное его преимущество. Австріецъ шелъ на войну, не сознавая ясно зачѣмъ, и еслибы его спросить: изъ-за чего ты хочешь проливать свою кровь? онъ отвѣтилъ бы вѣроятно: такъ приказано! На тотъ же вопросъ одинъ французъ далъ бы подобный же отвѣтъ, другой съ какою-то восторженностью отвѣчалъ бы: изъ-за славы! Но слава—звукъ пустой, дымъ, который улетучивается съ первымъ проиграннымъ сраженіемъ, и тогда ничто уже не замѣняетъ ее кромѣ словъ: нужно драться, потому что приказано драться! Тогда, когда во Франціи стали догадываться, что борьба уже идетъ не изъ-за славы, не потому, чтобы было такъ приказано, а изъ спасенія цѣльности родины, ея освобожденія отъ чужеземнаго ига, тогда было уже поздно, соки были въ значительной степени выжаты, силы были подорваны. Но и тогда даже, еслибы духъ націи не упалъ такъ низко, еслибы усовершенствованная система подавленія не деморализовала такъ французскаго общества, сознаніе опасности явилось бы гораздо прежде, точно огнемъ охватило бы всю націю, и въ борьбѣ за свое освобожденіе, за цѣльность своей родины она съумѣла бы показать больше энергіи, больше достойнаго мужества.

Духъ націи—вотъ что особенно важно, но къ несчастію объ этомъ догадываются только тогда, когда уже слишкомъ поздно, когда принесены огромныя и не возвратныя жертвы, объ этомъ догадываются послѣ того, что борьба окончена и подписанъ дорого стоющій для страны миръ! Тогда-то начинается забота, хватаются за одно, за другое, все хотятъ исправить, все передѣлать, начинаются преобразованія, заботы о возвышеніи духа націи, составляющаго ея главную силу и мощь. Такъ было съ Германіей послѣ Іены, такъ было съ Австріей послѣ Садовой, такъ, наконецъ, случилось и съ Франціей послѣ Іены, Садовой въ квадратѣ и въ кубѣ, т.-е. послѣ Седана, Меца, Парижа. Какъ не сказать въ самомъ дѣлѣ, что люди заднимъ умомъ крѣпки! Да часто и то не помогаетъ. Часто послѣ нѣсколькихъ лѣтъ работы все опять приходитъ въ упадокъ, урокъ забывается, старая система выходитъ опять наружу, подкрашенная и подрумяненная, но по-прежнему гнилая, по-прежнему безмозглая. Старая система приготовляетъ

новыя Іены, новыя Садовыя и Седаны, и духъ націи, поднятый на время, снова опускается и покрывается плѣсенью, какъ болото. И снова на вопросъ: изъ-за чего ты идешь проливать свою кровь? солдатъ не имѣетъ другого отвѣта какъ: такъ приказано! Давно уже Европа не выходитъ изъ этого проклятаго бѣличьяго колеса.

Сила нынѣшней Германіи въ эти послѣднія, баснословныя войны, въ эти послѣднія кровавыя десять лѣтъ заключалась именно въ томъ, что любой нѣмецкій солдатъ, любой нѣмецкій воинъ на вопросъ: изъ-за чего ты дерешься? отвѣчалъ, гордо и съ увѣренностью: я дерусь изъ-за единства моей родины! И эта идея давала ему энергію и рѣшимость въ борьбѣ. Арміи другихъ націй не имѣли идеи, которую они могли бы противопоставить идеѣ нѣмецкаго полчища, и потому при равной степени развитія, при равной степени цивилизаціи, при равной дозѣ внутренней свободы, нѣмецкая нація должна была оказаться сильнѣе другихъ, сильнѣе тою идеею, которая возвышала и воспламеняла народный духъ. Само собою разумѣется, что въ борьбѣ съ націею слабѣйшею по развитію, по цивилизаціи, еще болѣе бѣдною въ отношеніи внутренней свободы, обладающей только казенными идеями, далеко не возвышающими народнаго духа, Германія, повидимому, можетъ оказаться еще болѣе сильною, еще болѣе грозною.

Что князь Бисмаркъ понималъ силу идеи и превосходство націи, обладающей ею, передъ другими, у которыхъ нѣтъ ничего кромѣ «такъ приказано», это видно изъ весьма многихъ рѣчей, произнесенныхъ имъ въ различныхъ случаяхъ, когда на горизонтѣ виднѣлась война. Бисмаркъ тотчасъ высоко вздергивалъ знамя единства Германіи, говоря: если война станетъ неизбѣжна, мы не попятимся назадъ! намъ есть изъ-за чего драться! если мы прольемъ нашу кровь, то мы прольемъ ее за нашу независимость, за наше право распоряжаться своею судьбою, за то единство Германіи, которое должно сдѣлать насъ сильными и могущественными и обезпечить отъ вмѣшательства чужеземцевъ въ наши собственныя дѣла. И слова эти тотчасъ подхватывались и повторялись каждымъ нѣмцемъ: да, мы пойдемъ драться за нашу независимость, за дорогое для насъ единство Германіи! Сознавая это, Бисмаркъ смѣло двигалъ впередъ нѣмецкія полчища и безбоязненно бросалъ войну, «огонь и желѣзо», «кровь» и «штыкъ» въ основаніе всей своей политики, въ основаніе своего плана первоначально сильной Пруссіи, потомъ могущественной объединенной Германіи. Война съ тѣми, которые противились составить

одно цѣлое, воспользоваться благами «единой» Германіи, война съ тѣми, которые не хотѣли допустить образованія по сосѣдству могущественнаго воинственнаго государства, и думали положить преграду желѣзной волѣ нѣмецкаго канцлера! Война и только война, какъ средство для достиженія цѣли, все остальное—химера, химера и еще разъ химера!

Война занимаетъ такую выдающуюся роль въ политикѣ князя Бисмарка, въ его кодексѣ практической мудрости, что нельзя не поставить вопроса, какъ же смотритъ онъ на войну, какой теоріи держится онъ относительно этой опасной матеріи? Князь Бисмаркъ высказываетъ убѣжденіе, что при настоящемъ положеніи Европы, при данномъ состояніи цивилизаціи, немыслимы болѣе войны изъ-за какихъ-нибудь мелкихъ интересовъ, изъ-за интересовъ династическихъ, раздраженнаго самолюбія, мнимаго оскорбленія чувства достоинства того или другого лица, и что отнынѣ не можетъ быть иной войны, какъ война изъ-за крупныхъ вопросовъ, изъ-за интересовъ національныхъ. «Теперь, говоритъ онъ, войну можно начинать не иначе, какъ вслѣдствіе національныхъ мотивовъ, — мотивовъ, которые достаточно очевидно носили бы этотъ характеръ, чтобы огромное большинство населенія само признавало насколько мотивы эти важны; таково по крайней мѣрѣ мое личное убѣжденіе». Устами бы князя Бисмарка да медъ пить! Онъ высказываетъ, безъ сомнѣнія, безусловную истину; такъ должно было бы быть, но говорить о томъ, что должно было бы быть, это по его же собственной теоріи совершенно пустое и ни къ чему не ведущее занятіе. Этимъ либеральнымъ взглядомъ не ограничивается князь Бисмаркъ, онъ идетъ далѣе, и въ одной изъ своихъ рѣчей, болѣе чѣмъ два года спустя, онъ признаетъ, что война, помимо того, что она не должна быть допускаема иначе, какъ изъ-за крупныхъ національныхъ интересовъ, только тогда законна, когда она является войною оборонительною. Бóльшаго, кажется, нельзя и желать; требовать отъ него бóльшаго было бы и несправедливо и неразумно. Война національная и притомъ исключительно оборонительная! на этомъ не помирятся развѣ, при современномъ положеніи Европы, только рѣшительные утописты, витающіе гдѣ-то далеко за тридевять земель и до такой степени погруженные въ теорію, что неспособны даже отличить, что въ данное время при данныхъ обстоятельствахъ практически возможно, и что практически невозможно.

Нужно ли говорить, что если Бисмаркъ утверждаетъ, что законна и справедлива только одна оборонительная война, то этому слову «оборонительная» онъ даетъ вовсе не то значеніе, которое

ему обыкновенно приписывается. Въ своихъ воззрѣніяхъ на войну, на право войны, на ея условія и законность князь Бисмаркъ является самимъ строгимъ послѣдователемъ и ученикомъ своего великаго предтечи Фридриха II. Какъ же смотрѣлъ на войну этотъ послѣдній.

Разсужденія Фридриха объ этомъ предметѣ такъ любопытны, что ихъ нельзя не привести, тѣмъ болѣе, что воззрѣнія Фридриха вполнѣ раздѣляетъ князь Бисмаркъ, который и ссылается въ своей рѣчи на авторитетъ «великаго короля». Недаромъ онъ учился у него политической мудрости.

«Свѣтъ былъ бы очень счастливъ, такъ разсуждаетъ Фридрихъ въ своей извѣстной критикѣ на Маккіавеля, — если бы не существовало другого средства, какъ переговоры для поддержанія справедливости и возстановленія мира и добраго согласія между націями. Убѣжденіе употреблялось бы въ дѣло вмѣсто оружія и вмѣсто того, чтобы рѣзаться между собою, ограничивались бы только споромъ между собою. Печальная необходимость заставляетъ правителей прибѣгать къ средствамъ несравненно болѣе жестокимъ. Есть случаи, когда нужно съ оружіемъ въ рукахъ, проповѣдуетъ либеральный Фридрихъ II, защищать свободу народовъ, которую хотятъ угнетать несправедливостью, когда нужно насиліемъ достичь того, въ чемъ низость отказываетъ мягкости, когда монархи должны довѣрить дѣло ихъ націи судьбѣ оружія. Вотъ въ одномъ-то изъ подобныхъ случаевъ становится справедливъ тотъ парадоксъ, что хорошая война родитъ и утверждаетъ добрый миръ». Такимъ образомъ, высказавъ, что война необходима только тогда, когда угнетается свобода народа, когда надъ нимъ совершаются вопіющія несправедливости, Фридрихъ переходитъ къ опредѣленію, какія войны справедливы, и это опредѣленіе вполнѣ заимствовалъ у него Бисмаркъ. «Войны, разсуждаетъ Фридрихъ, могутъ быть оборонительныя, и эти войны, безспорно, самыя справедливыя. Бываютъ войны, которыя монархи обязаны предпринять, чтобы поддержать права, которыя у нихъ оспариваютъ; они защищаютъ ихъ съ оружіемъ въ рукахъ, и битвы рѣшаютъ вопросъ о силѣ ихъ доводовъ. Бываютъ войны изъ предосторожности, которыя правители мудро предпринимаютъ. Въ сущности это войны наступательныя, но онѣ тѣмъ не менѣе справедливы. Когда чрезмѣрное величіе державы, точно съ провидѣніемъ будущаго, говорилъ Фридрихъ, готово, повидимому, выдти изъ береговъ и угрожаетъ поглотить вселенную, тогда благоразуміе заставляетъ противопоставить плотины и остановить бурное теченіе потока тогда, когда еще можно справиться съ нимъ».

Словомъ, всѣ войны, какія бы онѣ ни были и изъ-за чего бы ни были начаты могутъ подойти подъ ту или другую категорію, и всѣ онѣ, строго говоря, могутъ быть названы войнами оборонительными. Такъ ихъ и называетъ Бисмаркъ, который повторяетъ слова Фридриха, что «гораздо лучше предупредить другихъ, нежели самому быть предупрежденнымъ: великіе люди никогда не имѣли случая сожалѣть, употребляя въ дѣло свои силы прежде, нежели ихъ враги успѣли принять мѣры, способныя связать имъ руки и разрушить ихъ могущество».

Съ словами Фридриха, только-что приведенными, интересно сравнить слова Бисмарка, произнесенныя имъ послѣ цѣлаго ряда войнъ въ одной изъ рѣчей, относящихся къ 1871 году. Бисмаркъ выражается почти языкомъ своего предшественника: «Г. депутатъ, говоритъ нѣмецкій государственный человѣкъ, подвергаетъ сомнѣнію теорію наступательной войны, предпринятой съ цѣлію обороны. Я тѣмъ не менѣе думаю, что подобная оборона при посредствѣ наступательныхъ дѣйствій весьма обыкновенна и представляется самою дѣйствительною въ большинствѣ случаевъ, и что для страны, находящейся въ такомъ центральномъ положеніи Европы, что у нея есть три и даже четыре границы, на которыхъ она постоянно можетъ подвергнуться нападенію, чрезвычайно полезно слѣдовать примѣру, поданному Фридрихомъ Великимъ передъ семилѣтнею войною, когда вмѣсто того, чтобы ожидать, пока сѣть, въ которую онъ долженъ былъ попасть, распространится до его головы, онъ разорвалъ ее, быстро нанося самъ первый ударъ. По моему убѣжденію,—продолжаетъ Бисмаркъ и слова его имѣютъ весьма внушительный смыслъ,—тѣ основываютъ свои разсчеты на весьма неразумной политикѣ и влекущей за собою тяжкую отвѣтственность, которые допускаютъ, что нѣмецкая имперія, при извѣстныхъ обстоятельствахъ и въ виду нападенія, приготовляемаго противъ нея, быть можетъ коалиціей съ высшими силами, быть можетъ отдѣльно извѣстной державой, могла бы спокойно выжидать, пока ея противнику покажется, что самая лучшая и удобная минута наступила. Въ такомъ случаѣ, это обязанность правительства, и народъ имѣетъ право отъ него требовать—чтобы, если война дѣйствительно стала неизбѣжна, оно само выбрало для ея начала ту минуту, когда для страны и для націи она можетъ быть ведена съ меньшими жертвами и съ меньшею опасностью. Я могъ бы, продолжаетъ князь Бисмаркъ, привести, какъ примѣры, другіе случаи, когда было сочтено невыгоднымъ для прусскаго государства выжидать въ положеніи чисто-оборонительномъ полнаго вооруженія своихъ враговъ, полнаго

осуществленія ихъ плановъ, но когда быстрое нападеніе избавило страну отъ огромныхъ жертвъ, быть можетъ отъ пораженія».

Слова князя Бисмарка и по времени, когда онѣ были произнесены, и по смыслу, вполнѣ достойны вниманія. По времени, потому что слова эти были сказаны послѣ французской войны, послѣ того, слѣдовательно, что Германія положила къ своимъ ногамъ двухъ своихъ могущественныхъ сосѣдей, Австрію и Францію, когда двѣ границы ея находились такимъ образомъ внѣ опасности нападенія на весьма продолжительное время, и когда князю Бисмарку, казалось, нечего было болѣе вызывать грозный призракъ нападенія на нѣмецкую имперію.

Князь Бисмаркъ, какъ умный политикъ и преслѣдующій строго опредѣленную цѣль, знаетъ, что дружбою во взаимныхъ отношеніяхъ двухъ государствъ можно пользоваться, можно ее эксплуатировать, какъ эксплуатировалъ Фридрихъ II дружбу Петра III, но самому по отношенію къ дружественному государству слѣдуетъ дѣйствовать такъ, какъ будто бы не существовало и тѣни нѣжной и трогательной дружбы. Вотъ отчего въ своихъ политическихъ разсужденіяхъ князь Бисмаркъ не забываетъ и русской границы и охотно дѣлаетъ предположеніе, что съ этой стороны, съ этой «границы» можетъ быть произведено нападеніе на цѣлость нѣмецкой имперіи.

Мы сказали, что вышеприведенныя слова князя Бисмарка важны не только по времени, когда они были сказаны, но и по смыслу. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи они любопытны, такъ какъ объясняютъ какъ слѣдуетъ понимать оборонительную войну съ точки зрѣнія нѣмецкаго канцлера. Въ его устахъ это слово «оборонительная война» получаетъ крайне растяжимый смыслъ, и нѣтъ такой войны, которую онъ не могъ бы подвести подъ понятіе «обороны». Безопасность государства и оборонительная война,—это любимые термины князя Бисмарка.

Всякій захватъ, всякое нападеніе, лишь бы оно было сдѣлано подъ условіемъ пользы государства, его выгоды, находятъ себѣ не только оправданіе въ практической философіи современнаго государственнаго человѣка типа князя Бисмарка, но какъ бы предписываются ею. Допустимъ существованіе маленькаго, безобиднаго государства, которое никому неспособно причинить вреда, но которое въ свою очередь можетъ быть легко проглочено или по крайней мѣрѣ отъ него отнята часть. Теорія оборонительной войны приложима и тутъ. Маленькое государство, всевозможными интригами и происками могло образовать коализацію изъ сильныхъ государствъ, и это одно слово «могло» достаточно, чтобы

предпринять «оборонительную войну», мало того, это маленькое государство современемъ могло выгости и сдѣлаться серьёзною опасностью! слѣдовательно, эту опасность нужно предупредить. Когда же вопросъ идетъ о дѣйствительно великой державѣ, тогда о приложеніи теоріи «оборонительной войны» нечего и говорить. Въ тишинѣ кабинета обдумать политическій планъ, исподволь подготовить средства къ его осуществленію, какою-нибудь ловко придуманною комбинаціею вызвать разрывъ сношеній, постараться если возможно разставить сѣти такъ, чтобы самъ противникъ запутался въ нихъ и первый объявилъ войну, затѣмъ быстро нанести заранѣе подготовленный ударъ—вотъ система, вотъ правило политической мудрости, которое во всей его цѣльности заимствовалъ князь Бисмаркъ у Фридриха II.

Эта система рисуется нѣсколькими словами, въ которыхъ Фридрихъ разсказываетъ о началѣ силезской войны. Фридрихъ лежалъ больнымъ лихорадкой въ Рейнсбергѣ, когда къ нему пришло извѣстіе о смерти Карла VI, отца Маріи-Терезіи, случившейся 26 октября 1740 г. «Доктора, разсказываетъ Фридрихъ, пропитанные насквозь старыми предразсудками, не хотѣли дать ему хинины; онъ принялъ ея несмотря на нихъ, такъ какъ, прибавляетъ онъ съ гордостью, онъ задумалъ вещи болѣе серьёзныя, чѣмъ лечить свою лихорадку. Онъ рѣшился тотчасъ же потребовать себѣ княжества Силезскія, на которыя его домъ имѣлъ неоспоримыя права, и въ то же время онъ сталъ приготовляться поддержать свои притязанія, еслибы потребовалось, силою оружія. Этотъ проектъ наполнялъ всѣ его политическіе виды; это было средство пріобрѣсти себѣ славу, увеличить могущество государства и покончить вопросъ объ этомъ тяжебномъ наслѣдствѣ герцогства Берга...» Этотъ простой, наивный разсказъ весьма характеристиченъ, если всмотрѣться въ него попристальнѣе. Тутъ основаніе практической государственной философіи и его, современнаго намъ, послѣдователя. Слова о «неоспоримомъ правѣ» прибавлены больше для красы, вопросъ бы мало измѣнился, если бы не было и признака какого-нибудь права. Достаточно было, что представится случай «округлить» свои владѣнія, случай удобный, представлявшій 90 на 100 шансовъ успѣха, въ виду затрудненія, въ которомъ находилась Марія-Терезія при своемъ спорномъ вступленіи на тронъ. Правитель Пруссіи увидѣлъ возможность «пріобрѣсти славу и увеличить могущество государства»—этого было слишкомъ довольно, чтобы начать войну. Какой же бы иначе это былъ правитель Пруссіи, тѣмъ болѣе какой-бы это былъ Фридрихъ II! Вотъ этимъ-то началомъ безусловно проникся князь

Бисмаркъ, и потому только онъ и могъ создать свою теорію «оборонительной» войны.

Если въ существѣ воззрѣній на войну нѣтъ никакого различія между представителемъ практической государственной философіи XVIII-го столѣтія и представителемъ той же философіи XIX-го вѣка, то изъ этого не слѣдуетъ все-таки выводить, чтобы не было различія и во внѣшнемъ выраженіи, формѣ той и другой. Та основная черта, на которую мы имѣли случай указать—лицемѣріе, и здѣсь точно также сохраняетъ свою силу. Бисмаркъ, доказывая необходимость своихъ «оборонительныхъ» войнъ, не считаетъ нужнымъ вдаваться въ сентиментально-іезуитскія разсужденія объ ужасахъ и бѣдствіяхъ войны. Война такъ война, и дѣло съ концомъ! Само собою разумѣется, что война, влечетъ за собою бѣдствія! что цвѣтъ молодежи подкашивается, что тысячи, десятки тысячъ людей остаются на всю жизнь хромыми, кривыми, калѣками, что матери, жены, сестры оплакиваютъ своихъ сыновей, братьевъ, мужей, что труды многихъ лѣтъ, что крохи, собранныя въ потѣ лица, что все это гибнетъ, летитъ въ ту бездонную пропасть, которая съ неистовствомъ все пожираетъ! Все это понятно, все это въ порядкѣ вещей, о чемъ же тутъ толковать! И князь Бисмаркъ не разсуждаетъ объ этомъ, онъ знаетъ, что когда онъ сказалъ: война! то онъ сказалъ уже все и всякія прибавленія будутъ только пустою тратою словъ.

Вовсе не такъ смотрѣлъ на это Фридрихъ Великій. Не даромъ же онъ былъ такимъ нѣжнымъ другомъ и почитателемъ Вольтера, не даромъ онъ опровергалъ «возмутительное» произведеніе Маккіавеля. Почитая войну хорошимъ средствомъ для установленія своей «репутаціи», онъ вмѣстѣ съ тѣмъ также убивался и скорбѣлъ о ея бѣдствіяхъ, какъ позволительно только самымъ горячимъ сторонникамъ лиги мира. «Я убѣждаюсь, говорилъ онъ, что если бы монархи видѣли вѣрную и истинную картину бѣдствій, навлекаемыхъ народу однимъ объявленіемъ войны, они не остались бы безчувственны. Ихъ воображеніе не достаточно живо, чтобы представить себѣ въ настоящемъ свѣтѣ всѣ страданія, которыхъ они никогда не знали и отъ которыхъ они защищены благодаря ихъ положенію: какъ могутъ они почувствовать тяжесть налоговъ, которые давятъ народъ? исчезновеніе въ странѣ молодежи, идущей въ рекруты? заразительныя болѣзни, опустошающія арміи? ужасъ сраженій и еще болѣе смертоносныя осады? отчаяніе раненыхъ, лишившихся благодаря непріятельскому оружію какихъ-либо членовъ своего тѣла, единственныхъ орудій ихъ труда и ихъ существованія? горе сиротъ, у которыхъ смерть отняла ихъ

отца, единственную поддержку ихъ слабыхъ силъ? потерю столькихъ людей, полезныхъ государству, которыхъ смерть скосила прежде времени? Монархи, которые только для того бы и должны были существовать на свѣтѣ, чтобы стараться дѣлать людей болѣе счастливыми, должны были бы хорошенько подумать прежде, чѣмъ подвергать ихъ изъ-за вздорныхъ и тщеславныхъ причинъ всему тому, чего человѣчество должно по преимуществу страшиться. Монархи, которые смотрятъ на своихъ подданныхъ какъ на своихъ рабовъ, немилосердно рискуютъ ими и безъ сожалѣнія смотрятъ, какъ они погибаютъ; но монархи, которые видятъ въ людяхъ равныхъ себѣ, и которые смотрятъ на народъ какъ на тѣло, душу котораго они видятъ въ себѣ, скупы на кровь своихъ подданныхъ».

Вотъ элементъ той притворной и приторной гуманности, которая вносилась въ практическую философію XVIII-го столѣтія и отъ котораго, къ счастію, избавлена теорія политической мудрости нашего времени. Въ этомъ отношеніи, какъ XIX-й вѣкъ опередилъ XVIII-й, такъ точно Бисмаркъ опередилъ Фридриха. Дѣлая войну единственнымъ средствомъ для осуществленія своихъ политическихъ плановъ, довольно понятно, что князь Бисмаркъ не долженъ былъ уже стѣсняться, не долженъ былъ чувствовать себя связаннымъ заключенными трактатами, принятыми на себя обязательствами. Война господствовала надъ всѣми соображеніями. Польза, выгода государства обусловливаетъ начало войны; польза, выгоды обусловливаютъ ея конецъ. Сознавая необходимость заключить миръ, Бисмаркъ подписывалъ трактатъ, но нужно быть младенцомъ, чтобы думать, что какой-нибудь трактатъ когдалибо могъ связать дѣйствія нѣмецкаго канцлера. Что такое трактатъ? Листъ бумаги, слова, а развѣ слова имѣютъ какое-нибудь значеніе въ практической философіи XIX-го вѣка. Важны только факты, дѣйствія, все остальное игрушки, годныя для дѣтей, но не болѣе. Но тутъ «приличія» дипломатіи не позволяютъ князю Бисмарку сохранить его обычное качество—откровенность, и онъ волей-неволей подчиняется правилу: съ волками жить, по волчьи выть. Вотъ чѣмъ только и объясняются увѣренія князя Бисмарка, что Германія «имѣетъ обыкновеніе уважать трактаты». Менѣе чѣмъ кто-нибудь онъ самъ могъ относиться серьёзно къ своимъ словамъ. Данія и Австрія знаютъ кое-что про «обыкновеніе» Германіи уважать свои трактаты. Впрочемъ, читатель не долженъ заключать изъ нашихъ словъ, что мы это неуваженіе къ трактатамъ ставимъ въ укоръ князю Бисмарку. Мы весьма далеки отъ этого. Уваженіе къ трактатамъ было бы какимъ-то диссонан-

сомъ въ цѣльной фигурѣ князя Бисмарка, въ цѣльности его политическихъ воззрѣній и его образа дѣйствія, и, наконецъ, подобное обвиненіе могло бы только развѣ обличить въ полномъ незнакомствѣ съ исторіею. Когда же, спрашивается, и уважались трактаты? Нѣтъ, мы упомянули о нарушеніи трактатовъ только для того, чтобы сказать, что въ вопросахъ внѣшней политики у самого Бисмарка не хватало подчасъ мужества открыто сказать то, что онъ говорилъ такъ часто: я уважаю силу и презираю слова!

Бисмаркъ уважалъ силу, потому что онъ видѣлъ, что только ею можно достигнуть того, чего не въ состояніи были достигнуть идеи, вздохи, платоническіе возгласы, и нравственное томленіе нѣмцевъ. То, чего не создали идеи, то создано было штыкомъ, войною. Война была какъ-бы источникомъ единства Германіи, война довершила его, если только считать его довершеннымъ. Нѣмцы не думаютъ такъ, они не забываютъ пѣсни Морица Арндта.

Единство Германіи—какъ цѣль, война—какъ средство, слились въ понятіи Бисмарка, и только тогда, когда мы ни на минуту не упустимъ изъ виду этой цѣли и этого средства, передъ нами со всею ясностью раскроются воззрѣнія нѣмецкаго канцлера какъ на систему обращенія съ побѣжденными народами, такъ и на отношенія Германіи къ иностраннымъ государствамъ и по преимуществу къ ея ближайшимъ сосѣдямъ: Австріи, Франціи и Россіи. Къ опредѣленію этихъ-то именно воззрѣній мы и должны теперь перейти.

IX.

Воззрѣнія князя Бисмарка на внѣшнюю политику, на отношенія сначала Пруссіи, потомъ Германіи, какъ къ иностраннымъ государствамъ, такъ и къ присоединеннымъ и завоеваннымъ областямъ, находятся въ самой тѣсной, неразрывной связи съ исторіею Германіи за послѣднія десять лѣтъ. Если бы мы задались задачею прослѣдить систему и образъ дѣйствій Бисмарка во всемъ ея объемѣ, во всѣхъ подробностяхъ, то задача эта равнялась бы задачѣ написать исторію Германіи съ 1862 по 1872 г. Написать же исторію Германіи за эту обильную событіями эпоху, значило бы написать не только исторію Германіи, но исторію Европы, такъ какъ страна Бисмарка, благодаря его энергичной и мощной политикѣ, сдѣлалась центромъ, вокругъ котораго, точно вокругъ солнца, вращались всѣ остальныя европейскія государства. Само собою разумѣется, что мы весьма далеки отъ такой

задачи. Мы ограничимся только самыми крупными, выдающимися событіями, и этихъ событій будетъ слишкомъ достаточно, чтобы познакомиться по нимъ съ системой внѣшней политики князя Бисмарка и съ немногими основными положеніями его практической мудрости. Бисмаркъ сыгралъ до сихъ поръ три замѣчательныя шахматныя партіи, замѣчательныя по необыкновенно искусному сочетанію ходовъ, по той сметливости и сообразительности, съ которой онъ предвидѣлъ ходы своихъ противниковъ, и по той необыкновенной ловкости, съ которою онъ извлекалъ выгоду для своего положенія изъ каждаго передвиженія самой ничтожной пѣшки своихъ партнеровъ. Эти три партіи были: датская, австрійская и французская войны. Завязка, развитіе и развязка или прологъ, дѣйствія и эпилогъ этихъ событій слишкомъ извѣстны нашимъ читателямъ, такъ что мы смѣло можемъ опустить всю фактическую ихъ сторону и пользоваться ими лишь настолько, насколько понадобится для уразумѣнія началъ той практической философіи, которая нашла себѣ въ князѣ Бисмаркѣ такого типическаго представителя.

Цѣль Бисмарка была собрать всѣ нѣмецкія земли въ одно почтенное цѣлое, но цѣль эта встрѣчала себѣ препятствія съ двухъ сторонъ. Съ одной стороны, препятствіе это заключалось въ нежеланіи самихъ нѣмецкихъ государствъ утратить дѣйствительную независимость и самостоятельность и сохранить только одну фиктивную, съ другой—онъ встрѣчалъ преграду для осуществленія своего плана въ другихъ европейскихъ государствахъ, границы которыхъ были смежны съ границей Германіи. Эти государства находили стѣснительнымъ и не совсѣмъ безопаснымъ образованіе рядомъ съ собою могущественной военной державы. Австрія, какъ извѣстно, сама желала играть роль Германіи и злобно ворчала, когда князь Бисмаркъ предлагалъ ей обратить свои взоры болѣе на востокъ и предоставить одной Пруссіи заботу о судьбѣ Германіи. Прежняя носительница императорской короны, очевидно, не могла на это согласиться добровольно.

Для Франціи, этого другого сосѣда Германіи, привыкшей не только къ нравственному, или, если можно такъ выразиться, идейному, но и къ политическому первенству въ Европѣ, возникновеніе единой Германіи, и притомъ не такой, какую пророчествовали Лессинги, Фихте и Берне, и не такой, которую почти за сорокъ лѣтъ предсказывали передовые французскіе писатели, приготовляя къ этому событію свою родину, но Германіи, до мозга костей пропитанной выправкою Фридриха II, и обладающей сильною военною организаціею, сильною потому, что она

находится въ связи съ системою нѣмецкаго образованія,—возникновеніе такого государства для Франціи было тяжелымъ кошмаромъ, который она съ трудомъ могла переносить. Создайся та идеальная единая Германія, о которой мечтали люди непрактическіе, фантазеры, будь французское общество на болѣе высокомъ нравственномъ уровнѣ, не поддайся оно деморализаціи, внесенной имперіей, тогда, безъ сомнѣнія, возникновеніе Германіи не было бы кошмаромъ для Франціи. Но исторія не обращаетъ никакого вниманія на всѣ эти условныя «создайся» «будь», и судьба, точно злая мачиха, вовсе не безпокоится о мирномъ и радостномъ устройствѣ судьбы человѣчества и, какъ на зло людямъ, самыя свѣтлыя улыбки расточаетъ не мечтателямъ и идеалистамъ, а такимъ суровымъ реалистамъ и практическимъ людямъ, какъ князь Бисмаркъ.

Вотъ, сопротивленіе этихъ-то сосѣдей, для которыхъ единая Германія являлась точно бѣльмо на глазу, и сопротивленіе нѣмецкихъ государствъ, которыя упорно отказывались понять до послѣдней минуты, въ чемъ заключается для нихъ благо утратить свою самостоятельность, долженъ былъ сломить Бисмаркъ. Задача, благодаря общему опустившемуся уровню Европы, оказалась какъ разъ по его силамъ. Каждая страна думала только о себѣ, и нисколько объ общемъ положеніи Европы, каждое государство видѣло только данную минуту и было, повидимому, слѣпо настолько, что вовсе теряло способность смотрѣть въ даль и разглядѣть не то, что случится черезъ болѣе или менѣе крупный періодъ времени, а то, что должно быть завтра. Поразительное отсутствіе проницательности, какая-то куриная слѣпота—вотъ характеристическая черта, отличавшая государства Европы за весь періодъ политической дѣятельности Бисмарка. Онъ одинъ умѣлъ соображать, онъ одинъ понималъ истинную связь и сцѣпленіе событій. Что же касается до того, чтобы воспользоваться своею проницательностію и чужою, точно повальною слѣпотою, то этою способностью его одарила природа, какъ никого.

Кромѣ Австріи и Франціи у Германіи оставался еще только одинъ могущественный сосѣдъ, но этотъ сосѣдъ добровольно отстранился отъ игры, и Бисмарку не только нечего было безпокоиться о немъ, но онъ извлекъ изъ него всю выгоду, какую только было возможно, и ему ничего не стоило воспользоваться имъ такъ, какъ будто бы интересы Германіи и этого третьяго сосѣда были вполнѣ солидарны. Этотъ сосѣдъ не кто иной какъ Россія. Разумѣется, только одно будущее можетъ показать, такъ ли солидарны интересы Россіи и Германіи, какъ то, повидимому,

думали, и въ интересахъ ли Россіи было допускать непомѣрное усиленіе Германіи.

Ошибочно было бы выводить изъ нашихъ словъ, будто мы думаемъ, что какая-нибудь страна на свѣтѣ можетъ и имѣетъ нравственное право остановить естественное развитіе, естественный ростъ другой страны. Германія, безъ всякаго сомнѣнія, имѣла право на свое единство, какъ и всякая другая страна, и никакая сила неспособна была бы задавить этого стремленія и не допустить до единства, лишь только нѣмецкій народъ возъимѣлъ твердое намѣреніе слиться въ одно цѣлое. Но еще большая разница между тѣмъ, чтобы быть равнодушнымъ и даже симпатичнымъ зрителемъ образованія единой Германіи, и дѣятельнымъ бездѣйствіемъ къ возвышенію сосѣдней страны на счетъ другихъ государствъ. Большая разница между естественными народными стремленіями и стремленіями чисто завоевательнаго свойства. Настолько же, насколько одни законны, настолько же беззаконны другіе.

Въ послѣдніе годы, по поводу быстраго возвышенія нѣмецкой имперіи, во всевозможныхъ политическихъ разсужденіяхъ было наговорено столько дикаго, внесено было столько путаницы въ вопросъ о выгодѣ и невыгодѣ возвеличенія того или другого государства, опасности или, напротивъ, пользы сосѣдства сильнаго народа, что и тутъ необходимо оговориться, чтобы не быть отнесеннымъ къ числу людей, которые на всѣ политическіе вопросы смотрятъ съ какой-то узкой, уличной точки зрѣнія. Толки объ опасности для одного народа сосѣдства другого могущественнаго народа принадлежатъ къ самымъ нелѣпымъ толкамъ. Слабость, политическая ничтожность сосѣдняго народа можетъ казаться выгодною только самымъ недальнозоркимъ политикамъ. Весь существующій политическій строй не стоилъ бы мѣднаго гроша, если бы для благосостоянія, процвѣтанія и спокойнаго существованія одного государства необходимо было бы, чтобы другіе окружающіе или сосѣдніе народы были лишены всякой политической силы. Вопросъ не въ большемъ или меньшемъ могуществѣ сосѣдняго народа, а въ тѣхъ началахъ, которыя составляютъ его мощь, его силу. Пусть будутъ Сѣверо-американскіе штаты двадцать разъ могущественнѣе всей Европы, взятой вмѣстѣ, они все-таки не опасны и не могутъ быть опасны, хотя бы они находились не за океаномъ, а тутъ же, рядомъ, подъ бокомъ. Не опасно было бы ихъ сосѣдство, потому что среди началъ, составляющихъ ихъ могущество, лежитъ столько же ревнивое охраненіе ихъ независимости и свободы, сколько строгое уваженіе къ свободѣ и

независимости другихъ народовъ. Съ этимъ уваженіемъ къ свободѣ другихъ народовъ несовмѣстима, разумѣется, завоевательная политика. Мы предпочли бы взять для примѣра какой-нибудь европейскій народъ, но это уже не наша вина, если за отсутствіемъ такого въ Европѣ, мы вынуждены указывать для поясненія нашей мысли на другую страну свѣта. Мы весьма далеки отъ мысли, чтобы, говоря вообще, сосѣдство могущественной Германіи было для насъ опасно.

Мы полагаемъ, напротивъ, что сосѣдство Германіи, какъ бы сильна она ни была, благодаря своему высшему развитію, благодаря высшей цивилизаціи, будетъ какъ нельзя болѣе выгодно для Россіи, но только тогда, когда Германія отрѣшится отъ началъ практической философіи, какъ выражаются они въ князѣ Бисмаркѣ, и смѣло пойдетъ на встрѣчу тѣмъ идеямъ и тѣмъ началамъ жизни, которыя составляютъ пока удѣлъ такихъ странъ, какъ Англія. Во всякомъ случаѣ Германія гораздо прежде Россіи усвоитъ себѣ эти начала государственной жизни, такъ какъ и теперь уже нѣмцы гораздо къ нимъ ближе, чѣмъ мы, и тогда сосѣдство ея будетъ для насъ столь же благодатно, какъ было для Германіи дорого и важно сосѣдство либеральной и богатой политическими и соціальными идеями Франціи. Что сосѣдство Франціи имѣло самое благодѣтельное вліяніе на политическое развитіе Германіи, это могутъ отрицать развѣ только нѣмцы, незнакомые съ исторіей, а если и знакомые, то опьяненные до безпамятства событіями послѣднихъ десяти лѣтъ. Пусть эти нѣмцы спросятъ мнѣнія своихъ самыхъ замѣчательныхъ по развитію и уму людей, пусть заглянутъ они въ Шлоссера, Гервинуса и Штрауса, хотя и нѣсколько зачумленнаго уже военною славою, и они увидятъ, кàкъ говорятъ эти люди о благотворномъ вліяніи Франціи. Такое же значеніе, есть много основаній предполагать, будетъ имѣть для Россіи Германія, ея ближайшій сосѣдъ. Когда Германія твердо установится на разумныхъ началахъ и, понявъ всю важность свободы и независимости для себя, не станетъ находить ихъ излишними и для другихъ, тогда пускай она будетъ еще сильнѣе, чѣмъ теперь, намъ нечего будетъ ея опасаться.

До тѣхъ же поръ вопросъ стоитъ нѣсколько иначе. Германія можетъ быть опасна, и весьма серьёзно опасна для Россіи, если только она усвоитъ себѣ завоевательную политику, начало которой, безспорно, положено завоеваніемъ Эльзаса и Лотарингіи. Труденъ только первый шагъ, говорятъ французы, а если онъ сдѣланъ, то нѣтъ причины останавливаться, когда сознаешь себя

сильнѣе другихъ. Едва ли кто можетъ поручиться, что Германія не пойдетъ далѣе на этомъ пути, и какъ «округлила» свои западныя границы, такъ точно пожелаетъ «округлить» и восточныя. Предсказывать будущее самое неблагодарное дѣло, и не мы, конечно, рискнемъ занимать читателя нашими пророчествами; но высказать желаніе, чтобы тѣмъ европейскимъ державамъ, которыя своими дѣйствіями или, что одно и тоже, своимъ дѣятельнымъ бездѣйствіемъ помогли усиленію Германіи на счетъ одного изъ своихъ сосѣдей, не пришлось горько раскаяваться за свою политику,—это позволительно каждому смертному.

Европейскія державы имѣли полное основаніе, когда увидѣли, что Германія князя Бисмарка вступаетъ на опасный для ихъ спокойствія путь завоевательной политики, напомнить ей приведенныя уже нами слова Фридриха II: «когда чрезмѣрное величіе державы готово, повидимому, выдти изъ береговъ и угрожаетъ поглотить вселенную, тогда благоразуміе заставляетъ противопоставить ей плотину и остановить бурное теченіе потока». Европейскія державы не только не старались остановить этого потока, но, напротивъ, постарались расчистить ему русло для болѣе безпрепятственнаго теченія, и если бы кто-нибудь могъ проникнуть въ сокровенныя мысли князя Бисмарка, быть можетъ онъ поймалъ бы нѣмецкаго канцлера на думѣ: а славно я провелъ моихъ добрыхъ сосѣдей! Но, не будучи въ состояніи проникнуть въ тайныя думы человѣка, стоящаго во главѣ политической Европы, постараемся по крайней мѣрѣ не ошибаться и постигнуть истинный смыслъ его словъ и рѣчей, касающихся внѣшней политики, направленной къ созданію не только единой, но и могущественно-грозной Германіи.

Фигура Бисмарка во всемъ, что касается внѣшней политики, является несравненно болѣе замѣчательною и выдающеюся, нежели въ вопросахъ внутренней политики. Его отличительными чертами въ послѣдней служатъ, какъ видѣлъ уже читатель, большая энергія, настойчивость, сила недюжинной деспотической натуры. Но рядомъ съ этими чертами нельзя было не отмѣтить въ немъ отсутствіе всякой послѣдовательности, проистекающей отъ недостатка общаго политическаго міросозерцанія на внутреннюю жизнь народа, бѣдности идей, и отсюда непониманіе связи между однимъ и другимъ началомъ политической жизни націи. Совсѣмъ другое во внѣшней политикѣ. Тутъ онъ знаетъ, чего хочетъ, тутъ у него есть строго обдуманный планъ, какъ относительно цѣли, такъ и относительно средствъ, и потому въ каждомъ его дѣйствіи, въ каждомъ шагѣ видна строгая послѣдовательность.

То, что онъ дѣлаетъ, онъ дѣлаетъ не случайно, онъ не бросается то въ одну, то въ другую сторону, тутъ все у него вяжется, одно событіе примыкаетъ къ другому и образуется цѣлая крѣпкая непрерывная цѣпь, которою онъ окручиваетъ всѣ государства, интересы которыхъ соприкасаются съ интересами Германіи. Энергія и сила, отличающія внутреннюю политику, отличаютъ и внѣшнюю, но тутъ рядомъ съ ними является большое искусство, умѣнье во-время приложить эту энергію и эту силу и во-время сдержать «бурный потокъ». Только тогда, когда Бисмаркъ высказывается въ вопросахъ внѣшней политики, видишь, что человѣкъ этотъ въ своей сферѣ, что онъ говоритъ и дѣйствуетъ не для того только, чтобы подчинить своей волѣ, но чтобы дать возможность осуществиться извѣстному плану. Нужно быть пристрастнымъ до несправедливости, чтобы не видѣть, что нѣмецкій канцлеръ во внѣшней политикѣ дорожитъ своими идеями не столько потому, что это его идеи, сколько потому, что онъ думаетъ, что эти идеи доставятъ торжество Германіи. Если бы интересы его родины заставили его отказаться отъ этихъ идей, онъ съ удовольствіемъ бы покинулъ ихъ и подчинилъ благу государства. Мы хотимъ этимъ сказать, что князь Бисмаркъ во внѣшней политикѣ далеко не принадлежитъ къ тѣмъ узкимъ, самолюбивымъ политикамъ, которые скорѣе готовы пожертвовать счастьемъ своей страны, нежели отказаться отъ извѣстныхъ, давно усвоенныхъ идей. Сильный и энергичный, онъ чуждается мелкаго самолюбія мелкихъ государственныхъ людей. Это такое достоинство, которое въ современномъ политическомъ мірѣ встрѣчается вовсе не такъ часто, чтобы не поставить его въ заслугу всегда гордому и непреклонному нѣмецкому министру.

Внѣшняя политика—его сила, на внѣшнюю политику были направлены, главнымъ образомъ, всѣ его помыслы, всѣ его заботы; вопросы внутренней жизни стояли всегда у него на заднемъ планѣ. Бисмаркъ былъ вполнѣ откровененъ въ ту минуту, когда, возражая на упрекъ, что онъ изъ внѣшней политики дѣлаетъ только орудіе внутренней политики, орудіе въ борьбѣ правительства съ парламентскими притязаніями, отвѣчалъ: «Я отвергаю этотъ упрекъ, какъ совершенно незаслуженный и ничѣмъ неоправдываемый. Для меня внѣшнія дѣла сами по себѣ составляютъ цѣль и я ставлю ихъ выше всѣхъ другихъ. И вы, господа, говорилъ Бисмаркъ, вы должны были бы думать точно также, какъ и я, такъ какъ то, что вы могли потерять во внутренней жизни, вы получите возможность, безъ сомнѣнія, быстро наверстать при какомъ-нибудь либеральномъ министерствѣ, кото-

рое, быть можетъ, не долго заставитъ себя ждать. Это вовсе не вѣчная потеря. Но во внѣшней политикѣ есть минуты, которыя никогда болѣе не возвращаются». Такою минутою онъ считалъ истекшій десяти-лѣтній періодъ, и онъ ковалъ желѣзо, пока оно было горячо.

Бисмаркъ былъ бы уже слишкомъ скроменъ, еслибы онъ весь успѣхъ своей политики приписывалъ исключительно благопріятнымъ для Германіи условіямъ, въ которыхъ находилась Европа. Если справедливо, что никто не умѣетъ въ такой степени пользоваться выгодными обстоятельствами, какъ нѣмецкій канцлеръ, то также справедливо будетъ сказать, что вмѣстѣ съ умѣньемъ извлекать всю возможную пользу изъ сложившихся помимо его воли обстоятельствъ, Бисмаркъ обладаетъ другимъ, болѣе драгоцѣннымъ искусствомъ — создавать обстоятельства. Онъ умѣетъ давать событіямъ такое направленіе, какое необходимо для его плановъ, для достиженія цѣли, и тѣ, которые становятся жертвами его дипломатическаго искусства, уже слишкомъ поздно замѣчаютъ, что событія, которымъ они содѣйствовали всѣми своими силами, должны были неминуемо вести къ ихъ ущербу, къ ихъ гибели. Когда они одумаются и захотятъ поправить то, чему виною была непроницательность, то они убѣждаются, что тутъ-то именно и ожидалъ ихъ «устроитель» Германіи. Смѣлымъ ходомъ Бисмаркъ предупреждаетъ отпоръ, направленный противъ его политики, и пользуется самымъ сопротивленіемъ, которое, наконецъ, онъ встрѣчаетъ въ томъ или другомъ государствѣ, чтобы еще болѣе смять своего противника. Но не слѣдуетъ думать, что смѣлость, доходящая до дерзости, нѣмецкаго канцлера, исключаетъ у него всякую осторожность. Вовсе нѣтъ. Осторожность онъ искусно соединяетъ съ какой-то бравурой, и какъ онъ самъ выражается: смѣлость въ политикѣ никогда не должна превращаться въ лёгкомысленный рискъ.

Бисмаркъ во внѣшней политикѣ естественно не можетъ быть настолько же откровененъ, насколько онъ является во внутреннихъ дѣлахъ; современная дипломатія требуетъ скрытности, и нѣмецкій канцлеръ старается не уклоняться отъ этого требованія. Но и тутъ, если бы сосѣди Германіи внимательно слѣдили за всѣмъ тѣмъ, чтó высказывалъ въ палатѣ князь Бисмаркъ, то, благодаря его природной склонности къ откровенности, которая то тутъ, то тамъ, да прорвется, они бы могли убѣдиться, что миролюбивыя увѣренія нѣмецкаго министра такъ и дышатъ воинственными помыслами. Бисмаркъ таилъ ихъ въ себѣ до поры до времени; онъ лучше, чѣмъ кто-нибудь знаетъ, что умѣть выждать

минуты — это большое достоинство, и онъ выжидалъ. Придавая силѣ, факту, первенствующее значеніе, онъ не упускаетъ изъ виду и того нравственнаго впечатлѣнія, которое должна произвести его политика. Вотъ отчего онъ взялъ себѣ за правило во внѣшней политикѣ, когда онъ рѣшался сломить силу того или другого сосѣда, такъ подстроить обстоятельства, установить для глазъ постороннихъ зрителей такую декорацію, чтобы всегда имѣть возможность сказать: Европа можетъ быть свидѣтельницею, что не Германія первая обнажила свое оружіе, не она вызывала на бой, напротивъ, Германія самая мирная изъ всѣхъ державъ, и если она рѣшилась на пролитіе крови, то только потому, что врагъ угрожалъ ея «безопасности», что нужно было заботиться о спасеніи ея «независимости». Наивные люди принимали на вѣру, что независимости Германіи дѣйствительно угрожала опасность; мастерски написанная декорація обманывала глазъ и скрывала истинные смѣлые замыслы нѣмецкаго канцлера.

Другое правило внѣшней политики Бисмарка, не менѣе поучительное, можетъ быть выражено такъ: никогда не слѣдуетъ срывать недозрѣвшаго плода! Правда, онъ весьма часто пособляетъ ему созрѣть скорѣе, сосредоточивая на немъ съ большимъ искусствомъ лучи политическаго солнца, но пока плодъ не созрѣлъ, пока онъ не можетъ быть снятъ съ увѣренностью, что будетъ съ аппетитомъ проглоченъ и безъ опасности засорить желудокъ, онъ оставляетъ его на деревѣ. Онъ съ удовольствіемъ однимъ зарядомъ убьетъ при случаѣ двухъ зайцевъ, но стрѣлять на рискъ, на удачу, никогда! Когда Бисмаркъ увѣренъ, что нѣсколько раньше или нѣсколько позже онъ достигнетъ того, что желаетъ, то онъ не торопится, не горитъ нетерпѣніемъ поскорѣе схватить кладъ въ свои руки. Для того, чтобы получить большее, но не совсѣмъ вѣрное, онъ никогда не станетъ рисковать вѣрнымъ, тѣмъ меньшимъ, которое онъ уже держитъ въ рукахъ. Много разъ онъ обращался къ палатѣ со словами: терпѣніе, господа, терпѣніе, не все вдругъ, умѣйте довольствоваться тѣмъ, что имѣете, все придетъ въ свое время!

Въ систему внѣшней политики князя Бисмарка входитъ еще одно положеніе, заимствованное имъ прямо, какъ и многое другое изъ кодекса практической мудрости Фридриха. Положеніе это—подписывать трактаты съ прямымъ намѣреніемъ не стѣснять себя соблюденіемъ ихъ. Мы имѣли случай уже привести тѣ слова нѣмецкаго канцлера, въ которыхъ онъ такъ торжественно заявляетъ, что Германія имѣетъ обыкновеніе свято хранить трактаты. Но нужно думать, что слова были ничѣмъ инымъ, какъ так-

называемымъ ораторскимъ движеніемъ. Истинное же правило Бисмарка заключается въ соблюденіи только того, что выгодно и въ забвеніи того, что связываетъ руки. Бисмарку случалось даже быть настолько откровеннымъ, чтобы публично заявлять, что если въ трактатъ занесена та или другая невыгодная статья, то это нисколько не должно смущать общественнаго мнѣнія, такъ какъ статья трактата можетъ быть толкуема и такъ, и иначе. Такъ разсуждалъ Бисмаркъ въ палатѣ немедленно послѣ заключенія пражскаго мира по поводу статьи трактата о возвращеніи Даніи сѣвернаго Шлезвига. И это правило практической философіи нашего времени высказывалось совершенно свободно, какъ самая обыкновенная вещь. Если бы Бисмарку кто-нибудь замѣтилъ, что вѣдь въ сущности это доказываетъ только отсутствіе политической честности, что въ переводѣ на обыкновенный языкъ это называется вѣроломствомъ, онъ, весьма вѣроятно, только усмѣхнулся и сказалъ бы: полноте, пожалуйста, оставьте эти разсужденія фантазерамъ и идеалистамъ! Правила обыденной честности, будничное пониманіе долга вовсе непримѣнимы къ такому государственному человѣку, да непримѣнимы вообще къ современной политикѣ. Бисмарку вовсе нѣтъ дѣла до условной политической честности; для него она заключается въ служеніи интересамъ государства, въ извлеченіи пользы для имперіи, и если бы, дѣйствуя «честно», съ точки зрѣнія различныхъ идеалистовъ, онъ упустилъ бы интересы, выгоду государства — вотъ когда бы онъ сказалъ, что онъ не исполнилъ своего долга. Когда девизомъ человѣка служитъ: salus imperii suprema lex esto! тогда обыденнымъ аршиномъ нельзя болѣе мѣрить человѣка.

Этотъ salus imperii служитъ основаніемъ воззрѣній Бисмарка и на отношенія его къ присоединеннымъ и завоеваннымъ областямъ и провинціямъ. Воля населенія не имѣетъ для него ровно никакого значенія. Народъ не желаетъ, всячески протестуетъ противъ присоединенія къ Германіи; Бисмарку весьма жаль, но дѣлать нечего, онъ, тѣмъ не менѣе, долженъ быть присоединенъ, такъ какъ иначе «независимость» и «безопасность» Германіи лишаются необходимыхъ гарантій; какъ только выгода его страны требуетъ чего-нибудь, тогда всякія другія разсужденія уходятъ на самый отдаленный планъ, и они никогда даже не долетятъ до слуха князя Бисмарка. Не долетятъ потому, что онъ не захочетъ ихъ услышать. Малѣйшее сопротивленіе должно быть энергически подавлено; князь Бисмаркъ обойдется жестоко, онъ будетъ неумолимъ, но вовсе не потому, чтобы онъ былъ жестокъ, напротивъ, онъ будетъ радъ, если большая мягкость, обходитель-

ность, уступчивость въ вопросахъ второстепенныхъ въ состояніи будутъ замѣнить жестокость и безсердечіе. Если же нѣтъ, дѣлать нечего, того требуетъ тогда salus imperii. Безцѣльно жестокъ Бисмаркъ никогда не будетъ. И не потому, чтобы природныя его свойства играли тутъ какую-нибудь роль; мы даже не знаемъ, жестокимъ или мягкимъ сердцемъ обладаетъ князь Бисмаркъ, и вопросъ этотъ, какъ неидущій къ дѣлу, предоставляемъ рѣшать его многочисленнымъ біографамъ. Нѣтъ, какъ человѣкъ, одаренный глубокимъ политическимъ смысломъ, воспитанный, какъ бы то ни было, на европейской, цивилизованной почвѣ, онъ просто понимаетъ, что притѣсненія, месть никогда не въ силахъ установить прочнаго порядка, онъ понимаетъ выгоду быть мягкимъ и уступчивымъ. Еслибы онъ былъ убѣжденъ въ противномъ, его обычною системою была бы жесткость, а мягкость являлась бы какъ исключеніе.

Таковы общія воззрѣнія и правила Бисмарка, относящіяся во внѣшней политикѣ. Посмотримъ теперь, какъ онъ примѣняетъ ихъ къ дѣлу, и начнемъ съ его системы обращенія съ побѣжденными, или, чтобы употребить болѣе современный и дипломатическій терминъ,—съ присоединенными областями.

Пробнымъ камнемъ для Бисмарка въ его завоевательной политикѣ послужилъ тотъ несчастный Шлезвигъ-Гольштейнъ, который въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ успѣлъ до такой степени набить оскомину обществу, интересующемуся вопросами внѣшней политики, что въ настоящее время нужно имѣть извѣстную храбрость, чтобы написать эти два слова: Шлезвигъ-Гольштейнъ! Не имѣя вовсе надобности касаться фактической стороны этого вопроса, мы должны все-таки посмотрѣть на образъ дѣйствій князя Бисмарка въ то отдаленное по событіямъ время, когда онъ смѣло приступалъ къ закладкѣ своего зданія. На первыхъ же порахъ система его обрисовалась вполнѣ; при видѣ, съ какою ловкостью онъ воспользовался такъ кстати подвернувшимся случаемъ, чтобы начать дѣло «округленія» Пруссіи, нельзя было не признать въ немъ весьма искуснаго, изъ ряда вонъ выходящаго дипломата. Кому неизвѣстно, какая басня была сочинена относительно нарушенія Даніею лондонскаго трактата 1852 года, обезпечивавшаго за герцогствами Шлезвигъ-Гольштейнъ ихъ провинціальную автономію. Данія не исполнила обязательствъ, Данію слѣдовало заставить смириться, «нѣмецкіе» интересы были нарушены. Дѣло могло кончиться, это само собою разумѣется, весьма мирно, Данія охотно уважила бы справедливыя представленія державъ, подписавшихъ лондонскій трактатъ, но это вовсе не

входило въ разсчеты князя Бисмарка, и первое, съ чего онъ начинаетъ,—это съ громкихъ возгласовъ о «датскомъ угнетеніи» герцогствъ. Бисмарку нужно было увѣрить, что «угнетеніе» это весьма серьёзно, и онъ продолжалъ толковать о немъ даже тогда, когда населеніе герцогствъ всяческими протестами стало заявлять, что оно вовсе не нуждается въ покровительствѣ нѣмецкихъ государствъ и проситъ лишь о томъ, чтобы его оставили въ покоѣ.

Изъ многочисленныхъ рѣчей князя Бисмарка, посвященныхъ Шлезвигъ-Гольштейнскому вопросу, ясно видно, насколько война съ Даніею была орудіемъ въ его рукахъ. «Намъ стóитъ только натянуть струну—говоритъ онъ,—и необходимость войны представится сама собою». Бисмаркъ «натянулъ струну»—и война началась. Пруссія вышла изъ періода «сосредоточенія», и послѣ пятидесятилѣтняго мира она обнажила свой мечъ на защиту чисто платоническихъ интересовъ. Пруссія не могла оставаться равнодушною свидѣтельницею «угнетенія» нѣмецкаго населенія и обрушилась на Данію безъ всякихъ корыстныхъ цѣлей. Вотъ что говорилось въ то время.

До окончанія войны Бисмаркъ тщательно скрывалъ свои намѣренія, но за то, какъ только миръ былъ подписанъ, какъ только Шлезвигъ-Гольштейнъ былъ уступленъ Даніею Пруссіи и Австріи, такъ тотчасъ Бисмаркъ раскрылъ свои планы. «Я полагаю,—говорилъ онъ,—что для герцогствъ будетъ гораздо выгоднѣе сдѣлаться членами большой прусской общины, нежели образовать отдѣльное маленькое государство, обремененное тяжестями, превышающими его силы». Это «я полагаю» на языкѣ Бисмарка означало—«я рѣшилъ», и затѣмъ никакія силы неспособны уже были заставить его измѣнить это рѣшеніе.

Не входя въ обсужденіе, какимъ образомъ совершилось присоединеніе Шлезвигъ-Гольштейна къ Пруссіи, мы должны спросить только, какими правилами, какими началами руководствовался Бисмаркъ, «присоединяя» къ Пруссіи оторванное отъ Даніи населеніе? Играетъ ли тутъ какую-нибудь роль принципъ національностей? Никакой, и Бисмаркъ съ большою откровенностью высказываетъ это въ своихъ рѣчахъ. Притомъ же принципъ національности мудрено было въ этомъ случаѣ проводить нѣмецкому министру въ виду рѣшительно заявленнаго населеніемъ желанія остаться въ неразрывной связи съ Даніей. Какой же другой принципъ можно было выставить для оправданія насильственнаго присоединенія? Одинъ только, и именно тотъ, который съ такимъ прямодушіемъ выставилъ Бисмаркъ,—это прин-

ципъ всякой завоевательной политики, принципъ не новый, но только усовершенствованный, принципъ государственной пользы.

Въ доброе старое время, да пожалуй и до настоящаго времени, многіе государственные люди, или, по крайней мѣрѣ, которые считаютъ себя таковыми, полагали и полагаютъ, что расположеніе, хорошее или дурное, присоединеннаго населенія не имѣетъ ровно никакого значенія, что для государства вполнѣ безразлично, особенно когда есть значительныя «усмиряющія» или, чтобы выразится приличнѣе, «умиротворяющія» силы, какъ настроено это населеніе, какія чувства питаетъ оно къ государству-присоединителю. Бисмаркъ вовсе не держится подобнаго отсталаго взгляда. «Мое мнѣніе,—говоритъ онъ,—всегда было таково, что населеніе, которое заявляетъ свое твердое и дѣйствительно неоспоримое желаніе не быть прусскимъ или нѣмецкимъ, которое заявляетъ неоспоримую волю присоединиться къ сосѣднему государству, къ которому оно непосредственно примыкаетъ и которое принадлежитъ къ той же самой національности, не прибавляетъ никакой силы тому государству, съ которымъ оно не хочетъ жить вмѣстѣ». Лучше, кажется, нельзя. Истинно либеральный государственный человѣкъ могъ смѣло бы подписаться подъ этими словами. Но княземъ Бисмаркомъ руководитъ въ этомъ случаѣ вовсе не либерализмъ. Слова его только доказываютъ, что иногда его принципъ государственной выгоды можетъ встрѣтиться съ принципомъ выгоды государства, выгоды, понимаемой нѣсколько иначе, нѣсколько шире, нежели понимаетъ его князь Бисмаркъ.

Для нѣмецкаго канцлера нежеланіе населенія само по себѣ не имѣетъ значенія, оно важно для него настолько, насколько вліяетъ на ту степень увеличенія силы, которую находитъ государство въ присоединеніи къ себѣ того или другого населенія. Вотъ почему, какъ скоро для государства оказывается выгодно присоединить къ себѣ извѣстную провинцію, то нежеланіе ея теряетъ уже всякое значеніе, и она присоединяется несмотря на то, что не можетъ придать силы присоединяющему государству. Бисмаркъ прекрасно это объясняетъ. «Можно имѣть однако такія важныя причины, которыя не позволяютъ уступать желаніямъ населенія; могутъ существовать преграды географическаго свойства. которыя дѣлаютъ невозможнымъ выполненіе этихъ желаній. Нужно только опредѣлить, въ какой степени примѣняется это къ настоящему случаю. Вопросъ открытъ; во всякомъ случаѣ, обсуждая его, мы высказали съ твердостью, что мы никогда не можемъ пойти на то, чтобы посредствомъ какого бы

то ни было соглашенія, наша военная оборонительная линія была ослаблена...» Такимъ образомъ, если бы военная оборонительная линія, какъ называетъ Бисмаркъ границы государства, потребовала присоединенія совершенно чуждой Германіи области, и если бы притомъ была возможность завоевать ее, то, по воззрѣнію князя Бисмарка, никакія постороннія соображенія не могутъ быть приняты во вниманіе. А кому не извѣстно, что «военная оборонительная линія» быстро подвигается впередъ и впередъ по мѣрѣ возрастанія могущества государства. Въ 1864 г. эта оборонительная линія потребовала, чтобы на сѣверѣ Германіи была отторгнута цѣлая область отъ Даніи, въ 1871 году она же потребовала для своего самосохраненія Эльзаса и Лотарингіи на западѣ; кто знаетъ, не потребуетъ ли она присоединенія кое-чего и на восточной границѣ въ какомъ-нибудь 187? году.

Однимъ словомъ, по поводу Шлезвигъ-Гольштейнскихъ герцогствъ совершенно ясно обнаружилась уже завоевательная политика Бисмарка. Едва ли въ XIX в. кто-нибудь, кромѣ Бисмарка, такъ смѣло бросалъ вызовъ тѣмъ понятіямъ, которыя вызваны были къ жизни французскою революціею прошлаго столѣтія. Право народа свободно располагать своею судьбою, уваженіе къ его независимости, признаніе святости его воли—все это, какъ ненужный баластъ, было выброшено за бортъ политической жизни, и вмѣсто теоретическаго принципа «правъ народа», былъ поставленъ принципъ практическій: «право сильнаго». Когда Наполеонъ I завоевалъ себѣ народы и цѣлыя царства раздавалъ какъ вотчины своимъ приближеннымъ, трусость передъ принципами, несмотря на все презрѣніе къ людямъ, которыхъ онъ повально считалъ глупцами, заставляла его прикрывать свою завоевательную политику громкими фразами о свободѣ народовъ и объ освобожденіи ихъ отъ угнетенія ихъ деспотическихъ правительствъ; когда Наполеону III понадобилось болѣе для удовлетворенія чувства славы, нежели изъ серьёзныхъ политическихъ видовъ, присоединить къ Франціи Савойю и Ниццу, онъ точно также, наружно склоняясь передъ принципомъ воли народа, устроилъ по всѣмъ правиламъ искусства комедію народнаго голосованія. Даже Пьемонтъ, принимая въ свои объятія бросившуюся къ нему съ радостію Италію, считалъ все-таки необходимымъ выполнить внѣшнюю форму, посредствомъ которой заявляется воля цѣлой націи. У Бисмарка же не было никакой трусости передъ какими-то принципами, ему не нужно было даже разыгрывать комедію, разыграть которую онъ съумѣлъ бы, быть можетъ, не хуже дру-

гого, потому что никакіе принципы, за исключеніемъ силы и выгоды, для него не имѣютъ значенія. Нужно имѣть запасъ большого мужества и прямоты, чтобы въ вѣкъ политическаго лицемѣрія, по преимуществу, сказать открыто и во всеуслышаніе: я не признаю никакихъ общепринятыхъ либеральныхъ воззрѣній, я буду держаться въ политикѣ моихъ понятій, моихъ правилъ, какъ бы они ни были непріятны тѣмъ истуканамъ-идеямъ, которымъ вы лицемѣрно поклоняетесь!

Въ рѣчахъ Бисмарка, посвященныхъ герцогствамъ, есть такія рельефныя черты, на которыя нельзя не обратить вниманія. Онѣ обрисовываютъ правила, которыхъ онъ держится во внѣшней политикѣ. Бисмарка, послѣ войны 1866-го года, обвиняли за тотъ пятый параграфъ Пражскаго мира, въ силу котораго Пруссія обязалась возвратить Даніи часть Шлезвига, какъ явно датскій округъ. Бисмаркъ, защищаясь, и не подумалъ вовсе привести какъ аргументъ, что удерживать силою датское населеніе было бы несправедливо. Подобные аргументы онъ предоставляетъ политикамъ-фантазерамъ, онъ же самъ говоритъ: «если бы на свѣтѣ существовали только герцогства да Данія, то этого параграфа, конечно, не существовало бы». Но онъ спѣшитъ успокоить палату, такъ недавно еще отказавшуюся вотировать необходимый для войны заемъ, и которая теперь не могла насытиться завоеваніями, знаменательными словами: «туманная редакція, въ которой выраженъ этотъ параграфъ, предоставляетъ намъ извѣстную ширину въ его исполненіи». Къ этой «ширинѣ въ исполненіи» нѣмецкій канцлеръ возвращался до тѣхъ поръ, пока нарушеніе Пражскаго мира не было, наконецъ, освящено давностью. Сначала нѣмецкій канцлеръ утверждалъ, что только австрійскій императоръ имѣетъ право требовать выполненія 5-го параграфа Пражскаго мира, но и это право онъ понималъ весьма условно. «...Его Величество императоръ австрійскій одинъ имѣетъ право требовать отъ насъ выполненія Пражскаго мира. Но въ какой мѣрѣ? Это вопросъ, который самый трактатъ оставляетъ неопредѣленнымъ, давая такимъ образомъ прусскому правительству просторъ дѣйствовать такъ, какъ само оно признаетъ болѣе справедливымъ и болѣе отвѣчающимъ выгодамъ государства». Австрійское правительство могло сколько угодно удивляться и даже возмущаться такимъ толкованіемъ трактата, но Бисмаркъ чувствовалъ себя правымъ, потому что онъ основывалъ свое толкованіе на единственно признаваемомъ имъ правѣ — правѣ сильнаго. Впрочемъ, кромѣ этого могущественнаго аргумента, у него былъ другой: среди датскаго населенія живутъ также и нѣмцы! Вотъ, слѣ-

довательно, и принципъ національности, который могъ быть выставленъ Бисмаркомъ для противозаконнаго удержанія герцогствъ.

Утверждая, что Бисмаркъ относился съ презрѣніемъ къ принципу національности, слѣдуетъ оговориться. Онъ относился къ нему съ презрѣніемъ, когда другіе народы основывали свои притязанія къ Германіи на этомъ принципѣ, но когда Германія могла выставить его въ свою пользу, Бисмаркъ не гнушался пользоваться и имъ. «Трудность,—говорилъ онъ,—заключается не въ томъ, чтобы мы не желали уступить Даніи датчанъ, которые желаютъ быть датчанами; она не проистекаетъ изъ того, чтобы мы отказывались уступить Даніи то, что принадлежитъ ей; но то, что составляетъ для насъ трудность—это смѣшеніе населенія въ этомъ краѣ, и невозможность возвратить датчанъ Даніи, безъ того, чтобы не уступить вмѣстѣ съ ними и нѣмцевъ... Если бы всѣ датчане, продолжаетъ нѣмецкій канцлеръ, жили всѣ вмѣстѣ въ одной части края, смежной съ датскою границею, и если бы всѣ нѣмцы занимали другую часть провинціи, я считалъ бы тогда совершенно ложною политикою не покончить этого дѣла однимъ почеркомъ пера и колебаться возвратить Даніи исключительно датскій округъ. Эта уступка естественно была бы потребована, съ моей точки зрѣнія, тою національною политикою, которой мы слѣдуемъ въ Германіи, но которую по отношенію къ Польшѣ мы не имѣемъ возможности соблюдать, въ силу историческаго развитія прусскаго государства, которое мы не можемъ измѣнять по прошествіи цѣлаго вѣка. Мы должны принять и поддерживать всѣ его послѣдствія.» Такимъ образомъ, въ силу національной политики слѣдовало бы Даніи возвратить все датское, и въ силу той же политики Бисмаркъ удерживалъ подлежавшую уступкѣ часть Шлезвига, такъ какъ тутъ попадались нѣмцы, которыми нельзя было жертвовать.

Бисмаркъ жалуется на стремленія къ партикуляризму населенія, на ненависть къ Пруссіи, на отсутствіе симпатіи въ населеніи къ нѣмецкимъ интересамъ, но его жалобы нисколько не парализуютъ его рѣшимости сдѣлать ручными жителей присоединенной области. Онъ желаетъ съ ними обходиться мягко, готовъ даровать различныя льготы, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ рѣшительно предупреждаетъ, что не потерпитъ никакихъ уклоненій отъ законныхъ требованій, въ особенности уклоненій отъ воинской повинности, и что каждое уклоненіе повлечетъ за собою, «хотя и съ сожалѣніемъ», наказаніе безъ всякаго снисхожденія. «По международному праву,—говорилъ онъ,—въ настоящее время герцогство Шлезвигъ, во всемъ его объемѣ, въ границахъ, указанныхъ вѣнскимъ

трактатомъ (1864), составляетъ безспорно нераздѣльную часть прусской монархіи; отсюда слѣдуетъ, что всѣ жители края должны подчиняться существующимъ въ Пруссіи законамъ. Сколько изъ этихъ жителей и которые изъ нихъ перестанутъ считаться, быть можетъ, въ будущемъ, согласно условіямъ Пражскаго трактата, прусскими подданными, это еще вопросъ, который предстоитъ разрѣшить; но до тѣхъ поръ, что они пруссаки, и до послѣдней минуты, они должны подчиняться прусскимъ законамъ и властямъ, или испытать послѣдствія, связанныя съ отказомъ повиноваться». Если такъ смотрѣлъ Бисмаркъ на край, который по трактату долженъ былъ отойти къ сосѣднему государству, то какъ же, можно спросить, смотрѣлъ онъ на такія области, которыя были завоеваны безъ всякихъ условій? Обращеніе Бисмарка съ провинціями присоединенными послѣ войны 1866-го года и съ завоеванными Эльзасомъ и Лотарингіей отвѣчаетъ на этотъ вопросъ, и съ успѣхомъ можетъ служить для полнаго уясненія себѣ правилъ практической философіи нашего времени, примѣняемыхъ къ побѣжденнымъ государствамъ. Ганноверъ и Эльзасъ дали Бисмарку возможность упрочить тѣ понятія и положенія, которыя онъ набросалъ по поводу завоеваній, бывшихъ результатомъ датской войны.

Читая рѣчи князя Бисмарка, въ которыхъ раскрывается его система обращенія съ присоединенными провинціями, невольно останавливаешься на мысли — какими странными путями совершилось единство Германіи! Пути эти совершенно опровергаютъ, повидимому, установившееся понятіе, что образованіе и развитіе новаго, современнаго государства не должно, не можетъ проходить тѣ же фазисы, черезъ которые проходило средневѣковое государство. Теорія учитъ, что цементомъ современнаго государства, его силою, его могуществомъ представляется свободная воля всѣхъ членовъ государства, желаніе, потребность жить одною общею жизнію, между тѣмъ практика на дѣлѣ показываетъ, что согласіе, добрая воля, разумное пониманіе необходимости тѣснаго союза, все это не что иное какъ выдумка, вздоръ, бредъ какихъ-то мечтателей. На нашихъ глазахъ выростаетъ сильное государство, оно возвышается мечемъ, путемъ завоеванія, какъ одноплеменныхъ, такъ чужеплеменныхъ народовъ, и что при этомъ удивительно, это не то, что мечъ сѣчетъ по старому, что сила побѣждаетъ безсиліе, все это совершенно въ порядкѣ вещей, но удивительно то, что по всеобщему признанію мечъ въ итогѣ сдѣлалъ то же дѣло, которое сдѣлало бы всеобщее согласіе и добрая воля.

На нашихъ глазахъ образовалась единая Италія и вслѣдъ за нею, почти въ одно время, единая Германія. Первая въ основѣ своей имѣла страстное желаніе всѣхъ частей, слившихся въ одно цѣлое, вторая, напротивъ, въ основаніе свое положила право силы, завоеванія, одна часть такъ ненавидѣла другую, что только оружіе могло заставить ихъ слиться вмѣстѣ. И несмотря на это коренное различіе, какъ та, такъ и другая страна, повидимому, прочно установила свое единство; наконецъ, что еще болѣе удивительно, это то, что страна менѣе цивилизованная, низшей культуры, достигла единства путемъ мира и любви, между тѣмъ, какъ страна, которая гордится своимъ высшимъ развитіемъ, которая ставитъ себя во главѣ цивилизованныхъ народовъ достигла его путемъ меча и завоеванія. По теоріи, между тѣмъ, должно было бы быть совершенно наоборотъ. Еслибы Германія обнажила свой мечъ противъ иностранныхъ государствъ, которыя, въ видахъ дурно понятыхъ собственныхъ интересовъ, захотѣли помѣшать единству нѣмецкаго народа, это было бы совершенно естественно и не поставило бы въ слишкомъ враждебное отношеніе теорію и практику; но когда нужно завоевывать нѣмецкій Голштейнъ, нѣмецкій Ганноверъ, нѣмецкій Франкфуртъ и заставить ихъ силою сдѣлаться членами единой нѣмецкой семьи, тогда вопросъ становится гораздо сложнѣе и труднѣе для разрѣшенія.

Есть, конечно, много политиковъ, для которыхъ не существуетъ никакихъ трудныхъ вопросовъ, которые чувствуютъ себя способными разрѣшать всякій вопросъ однимъ взмахомъ пера, и такіе политики, безъ сомнѣнія, повторятъ стереотипную фразу: нѣмецкое единство въ продолженіи пятидесяти лѣтъ уже таилось въ груди Германіи! и сочтутъ вопросъ весьма удовлетворительно разрѣшеннымъ. А между тѣмъ, эта фраза ничего не объясняетъ, и попрежнему загадка остается неразгаданною: отчего то, что таилось въ продолженіи пятидесяти лѣтъ въ груди Германіи, нужно было создавать завоеваніемъ нѣмцами нѣмцевъ? Если современные, самые замѣчательные историки и публицисты Германіи, если всѣ Зибели, Момзены, Трейчке и Штраусы громко превозносятъ способъ образованія единой Германіи, и видятъ въ немъ доказательство высшаго развитія, высшей культуры, первенствующей надъ всѣми остальными, то это довольно естественно объясняется чувствомъ необыкновенной опьяняющей радости при видѣ ихъ осуществившейся мечты. Въ виду этого едва ли слѣдуетъ относиться слишкомъ строго къ ихъ хвастливому патріотическому фразёрству. Будущіе же историки, свободные отъ опьяненія, едва ли съ тяжкимъ чувствомъ, съ ѣдкою болью не остановятся предъ рѣчами князя

Бисмарка, этимъ историческимъ памятникомъ Германіи, и не погрузятся въ самую горькую думу, слѣдя по этимъ рѣчамъ за дѣломъ сплоченія нѣмецкаго народа. Рѣчи, посвященныя присоединенному Ганноверу, особенно должны будуть обратить на себя вниманіе нѣмецкихъ историковъ.

Ганноверъ, какъ хорошо извѣстно, былъ присоединенъ къ Пруссіи послѣ войны 1866 года, сопротивленіе населенія было самое рѣшительное, отвращеніе къ Пруссіи безграничное. «Мы не станемъ терпѣть сопротивленія,—говорилъ Бисмаркъ,—мы сломаемъ его». Въ энергическихъ мѣрахъ не было недостатка, но для насъ не столько важны самыя мѣры, сколько взглядъ нѣмецкаго канцлера на ихъ необходимость. Бисмаркъ не дѣлаетъ никакого различія между страною чисто нѣмецкою и иностраннымъ государствомъ. Для него все равно, между кѣмъ происходила война; права войны онъ понимаетъ одинаково, какъ по отношенію къ нѣмцамъ, такъ и по отношенію ко всякому другому врагу. Еслибы Ганноверъ не принялъ участія въ войнѣ противъ Пруссіи, права Ганноверскаго королевства были бы уважены, никогда бы Пруссіи не пришло въ голову коснуться до правъ и независимости Ганновера, но такъ какъ онъ былъ въ числѣ враговъ Пруссіи, то право завоеванія примѣняется къ нему вполнѣ и безусловно. Мы васъ предупреждали,—таковъ смыслъ рѣчи нѣмецкаго канцлера,—не идти противъ насъ; вы не послушались насъ, вы довѣряли 800-тысячному австрійскому войску, вы ошиблись, слѣдовательно, вамъ нечего жаловаться, пеняйте на себя. Нужны были суровыя мѣры, чтобы притянуть Ганноверъ къ нѣмецкому единству. «Никто не сожалѣетъ о нихъ болѣе меня», говорилъ князь Бисмаркъ, но дѣлать нечего, нужно обезпечить побѣду. «Не была понята, говорилъ онъ, важность событій. Было ли это фатальное ослѣпленіе, которымъ Богъ часто наказываетъ монарховъ? Было ли это невѣдѣніе дѣйствительности жизни, порокъ общій многимъ дипломатамъ и министрамъ? Я предоставляю это изслѣдовать другимъ. Войны желали, ее желали съ открытыми глазами. Существовала рѣшимость въ случаѣ побѣды захватить прусскія провинціи. Послѣ этого никто не имѣетъ права удивляться, что война имѣла серьёзныя послѣдствія, ни выставлять противъ насъ какихъ-то обвиненій съ тономъ жалобы. Господа, продолжалъ онъ, когда Пруссія рисковала своею кровію и своею свободою, когда все королевство и его славная корона составляли ставку, когда кроаты угрожали намъ грабежомъ и насъ хотѣли подчинить иностранному владычеству, когда выбрали минуту опасности, чтобы вонзить оружіе намъ въ бокъ, тогда не время затро-

гивать струну чувства и жаловаться на недостатокъ вниманія»...

Мы приводимъ эти слова вовсе не для того, чтобы показать безсердечіе, безчувственность князя Бисмарка, подобные упреки ниже его и слишкомъ мелки для такого государственнаго человѣка, какъ нѣмецкій канцлеръ; слова эти любопытны, потому что показываютъ, что князь Бисмаркъ не дѣлалъ никакого различія между завоеванною нѣмецкою страною и завоеванною же, но не-нѣмецкою. Дальнѣйшее развитіе его мысли еще болѣе наглядно подтверждаетъ наши слова. Какъ онъ отвѣчаетъ на жалобы, на произвольные аресты, на безпричинныя заточенія въ тюрьмы и крѣпости? Очень жаль, но что же дѣлать, мы управляемъ краемъ на правѣ войны, на правѣ побѣды, завоеванія. «Побѣдитель желаетъ быть вашимъ другомъ, вашимъ соотечественникомъ, онъ и ведетъ себя такъ, но въ концѣ концовъ онъ все-таки побѣдитель. Тотъ, кто жалуется, что въ такой странѣ и въ такую минуту человѣка, нарушающаго спокойствіе, подвергаютъ заключенію и лишаютъ возможности вредить, тотъ доказываетъ, что у него нѣтъ яснаго представленія о различіи, существующемъ между абсолютнымъ порядкомъ и порядкомъ конституціоннымъ, который обезпечиваетъ гражданъ противъ злоупотребленія силою. Считаете ли вы насиліемъ надъ закономъ и правомъ, спрашиваетъ Бисмаркъ, когда въ Россіи человѣка безъ суда сажаютъ въ тюрьму въ настоящую эпоху?» Нѣтъ, отвѣчаетъ онъ, слѣдовательно, нечего также называть насиліемъ, если въ Ганноверѣ, управляемомъ на правѣ войны, арестуютъ человѣка.

Хотя Бисмаркъ и смотритъ на присоединенныя провинціи съ точки зрѣнія завоевателя, побѣдителя, но это все-таки не мѣшаетъ ему желать, чтобы такой безправный порядокъ прекратился какъ можно скорѣе, и чтобы въ завоеванныхъ областяхъ была введена общая конституція. Бисмарку слѣдуетъ отдать справедливость, что нарушеніе права, военное положеніе онъ никогда не возводитъ въ систему. Онъ слишкомъ хорошо понимаетъ для этого ея невыгоды. Напротивъ, онъ старается пріобрѣсти симпатію населенія, что̀ онъ прямо выражаетъ въ одной изъ своихъ рѣчей, говоря о тѣхъ милліонахъ, которые предоставлены были Пруссіею въ распоряженіе ганноверскаго короля за его отреченіе отъ престола. Бисмаркъ не довольствовался тѣмъ, что завоевалъ Ганноверъ, ему нуженъ былъ актъ «добровольнаго» отреченія короля Георга Ганноверскаго. Бисмаркъ не хочетъ пользоваться правомъ завоеванія шире, чѣмъ это требуется необходимостью и «безопасностью» государства. Вотъ что онъ говорилъ въ одномъ изъ своихъ циркуляровъ: «Наша обязанность была извлечь возможную

пользу изъ выигранныхъ сраженій и изъ тѣхъ жертвъ, цѣною которыхъ онѣ были куплены, чтобы доставить странѣ положеніе, необходимое для ея безопасности и для достиженія предначертанной судьбы. Въ этой обязанности правительство черпало силу, чтобы широко воспользоваться правомъ войны относительно династіи, верховная власть которой подвергала постоянной опасности, какъ можно было видѣть, миръ территоріи, заселенной народомъ одной и той же расы, но правительство нисколько не помышляло расширять право побѣды или увеличивать свои выгоды болѣе, чѣмъ необходимо было для достиженія опредѣленнаго результата».

Бисмаркъ, если и не своимъ личнымъ опытомъ, то опытомъ другихъ убѣдился, что только хорошее обращеніе примиряетъ населеніе и вполнѣ пріобщаетъ его къ общему отечеству. Онъ припоминаетъ при-рейнскія провинціи, которыя, какъ утверждаетъ Бисмаркъ, еще въ 1830 году, были расположены къ Пруссіи не болѣе ганноверскихъ партикуляристовъ, и которые вслѣдствіе упорно хорошаго обращенія сдѣлались въ концѣ концовъ такими же хорошими пруссаками, какъ и жители старыхъ провинцій, Силезіи и Помераніи. «Мы желаемъ, говоритъ онъ, настолько содѣйствовать успѣшному развитію Ганновера, чтобы каждый житель этого края, пусть будетъ это самый неразвитый и самый неспособный, могъ бы сказать себѣ, что дѣла идутъ не хуже прежняго, что съ нимъ обращаются также справедливо и также милостиво, какъ и въ прошедшемъ, и что не послѣдовало никакой остановки въ осуществленіи проектированныхъ улучшеній». Недовольство, выражаемое только въ словахъ, не вліяетъ на способъ дѣйствій Бисмарка и онъ самъ говоритъ не безъ остроумія, что если бы всѣ ганноверскіе депутаты вотировали какъ одинъ человѣкъ, какъ будто бы всѣ они были посланы въ рейхстагъ столицею Пруссіи, то и тогда онъ не отступитъ отъ миролюбивой политики. Для читателя понятна острота Бисмарка; извѣстно, что до послѣдняго времени Берлинъ поставлялъ всегда самыхъ оппозиціонныхъ представителей.

Но лишь только сопротивленіе выходитъ изъ области слова и переходитъ въ область подобія дѣла, тогда князь Бисмаркъ не остановится ни передъ чѣмъ, чтобы подавить этотъ призракъ сопротивленія, тогда онъ тотчасъ призоветъ на помощь право завоевателя, право войны и на всякій упрекъ спокойно отвѣтитъ: да, это можетъ быть и непріятно, но вы напрасно жалуетесь, такъ какъ побѣда предоставила мнѣ право дѣйствовать по моему усмотрѣнію. Когда дѣло идетъ о поддержаніи порядка въ при-

соединенныхъ провинціяхъ, когда тутъ или тамъ проявляется извѣстное сопротивленіе, но сопротивленіе, повторяемъ, фактическое, выражающееся не на бумагѣ, но въ какихъ-нибудь событіяхъ, тогда судъ, законное слѣдствіе, по мнѣнію Бисмарка, никуда не годятся. «Этотъ родъ защиты, говоритъ онъ, такъ медленъ, что я могу быть убитъ, прежде нежели въ состояніи буду защищаться. Мы не можемъ на политической почвѣ, гдѣ мы должны зорко наблюдать не только за нашимъ собственнымъ существованіемъ, но за спасеніемъ цѣлой націи, мы не можемъ доводить до того, чтобы мы прибѣгали къ необходимой оборонѣ только тогда, когда уже ничего нельзя сдѣлать. По моему мнѣнію, законная самозащита не ограничивается только однимъ случаемъ, когда намъ нужно отвратить нападеніе, угрожающее нашей жизни. Она заключается также въ поддержаніи довѣрія къ миру, въ которомъ мы нуждаемся для нашего процвѣтанія». Какъ читатель видитъ, Бисмаркъ весьма широко понимаетъ такъ-называемую самозащиту и оставляетъ за собою право во всякую минуту сказать побѣжденному: я нахожу необходимымъ дѣйствовать какъ побѣдитель! Бисмаркъ не разбиралъ противъ кого онъ долженъ былъ выставлять свое широкое право, онъ не дѣлалъ различія въ обхожденіи, демократъ и аристократъ, либералъ и консерваторъ одинаково получали отъ него суровые удары. Онъ не щадилъ и коронованныя головы; вѣнчаніе, помазаніе, право божественнаго происхожденія не имѣли для него никакого значенія, когда нужно было водворить «миръ» въ побѣжденной области. «Мы должны охранить, говорилъ Бисмаркъ, безопасность Германіи, мы должны покончить съ этими преступными подводами, при помощи которыхъ играютъ спокойствіемъ великой націи и миромъ Европы, съ этими заговорщиками, которые считаютъ дозволеннымъ, ради какихъ-то презрѣнныхъ династическихъ интересовъ, компрометтировать, при помощи стачекъ съ за-границей, миръ, величіе и честь собственнаго отечества». «Расширенныя границы», выражаясь языкомъ нѣмецкаго канцлера, видимо расширили и его политическія воззрѣнія.

Но какъ бы то ни было и противъ кого ни былъ бы направленъ гнѣвъ князя Бисмарка, нельзя не сказать, что Ганноверъ лучше всякой другой присоединенной области можетъ служить для оцѣнки тѣхъ странныхъ путей, которыми совершилось нѣмецкое единство. Ганноверъ чисто нѣмецкая провинція, и однако, несмотря ни на что, остается Ганноверомъ и никакъ не хочетъ промѣнять свое имя на общее имя нѣмецкой родины—Германія. Дѣйствуетъ ли Бисмаркъ суровостью, дѣйствуетъ ли Бисмаркъ мягкостью, Ганно-

веръ остается враждебенъ Германіи и не далеко еще то время, когда Бисмаркъ не безъ оттѣнка грусти говорилъ: «Да, къ нашему несчастію, врагъ нашъ имѣетъ право сказать, что его нашествіе, если бы при началѣ оно было счастливо, не вездѣ встрѣтило бы у насъ то сопротивленіе, которое ему противопоставила бы всякая другая единая нація Европы. Коріоланы не рѣдкость въ Германіи; до сихъ поръ только недоставало Велесковъ, иначе трагедія скоро бы началась»... Слова эти были сказаны не далѣе какъ въ 1869 году, т.-е. за годъ до французской войны. Но и съ войною 1870 года не оканчиваются жалобы на стремленіе къ партикуляризму, и послѣ поразительныхъ успѣховъ нѣмецкаго оружія, сплотившихъ окончательно Германію, Бисмаркъ съ горечью говоритъ, что «нѣмецкія» присоединенныя провинціи поставляютъ контингентъ той партіи, которая не перестаетъ мечтать о разрушеніи того зданія, постройка котораго стоила столько жертвъ, столько крови. Чего добраго, найдутся пессимистическіе умы, которые, задумавшись надъ этимъ явленіемъ, скажутъ: положимъ, основное правило практической философіи, выраженное въ краткой, но сильной формѣ: огонь и желѣзо, хотя и мудрое правило, но и оно не безъ изъяна; положимъ, то, что создается путемъ этого огня и этого желѣза создается и быстро, но врядъ ли оно также прочно какъ то, что создается путемъ свободы и гуманности, т.-е. при посредствѣ правила общественной жизни, выработаннаго лучшими теоретическими умами, которыхъ князь Бисмаркъ называетъ идеалистами и фантазерами! Правъ ли окажется современный представитель практической философіи, правы ли окажутся теоретики-идеалисты, это рѣшитъ только будущее, но нельзя не сказать при этомъ, что въ настоящее время акціи «огня и желѣза» стоятъ куда выше акцій свободы и гуманности. Послѣднія стоятъ даже далеко ниже пàри.

Мы уже сказали, что князь Бисмаркъ не разбираетъ между своими и чужими, и потому ту же самую систему, которую онъ примѣнялъ къ присоединеннымъ нѣмецкимъ провинціямъ, ту же систему приложилъ онъ и къ завоеваннымъ французскимъ областямъ. Въ свое время, говоря объ отношеніи Германіи къ Франціи, и о тѣхъ гарантіяхъ «безопасности» и «независимости», къ которымъ «вынуждена» была прибѣгнуть первая, мы скажемъ о тѣхъ соображеніяхъ, которыя руководили княземъ Бисмаркомъ, когда онъ присоединялъ къ Германіи Эльзасъ и Лотарингію; теперь же мы ограничимся только его воззрѣніями на то, какъ слѣдуетъ управлять оторваннымъ отъ Франціи съ мясомъ и кровью населеніемъ, чтобы воспламенить его горячею любовію къ за-

завоевателями. Бисмаркъ прежде всего, съ свойственнымъ ему прямодушіемъ, устанавливаетъ тотъ фактъ, что жители отвоеванныхъ областей нетолько не желали быть отдѣленными отъ Франціи, но были крайне опечалены и огорчены такимъ насильственнымъ разлученіемъ. «Я вовсе не хочу розыскивать причинъ, говоритъ между прочимъ князь Бисмаркъ, которыя сдѣлали возможнымъ, чтобы населеніе нѣмецкаго происхожденія до такой степени привязалось къ странѣ, чуждой ему по языку и притомъ правительство которой не всегда относилось къ нему съ полною благосклонностью и вниманіемъ. Быть можетъ причину этого нужно видѣть въ томъ фактѣ, что всѣ тѣ качества, которыя отличаютъ нѣмцевъ отъ французовъ, находятся въ высшей степени у эльзасцевъ, такъ что населеніе Эльзаса, въ отношеніи способности и любви къ порядку, составляло я могу сказать это безъ преувеличенія, родъ аристократіи во Франціи; это населеніе доставляло самыхъ способныхъ дѣловыхъ людей, самыхъ вѣрныхъ служителей, подставныхъ охотниковъ, жандармовъ, чиновниковъ; число эльзасцевъ и лотарингцевъ, находившихся въ услуженіи государства, значительно превышало пропорціональную цифру населенія; такимъ образомъ было полтора милліона нѣмцевъ, которые были въ состояніи извлекать выгоду, и весьма положительно, изъ всѣхъ отличительныхъ качествъ нѣмца, среди народа, обладающаго другими качествами (слава Богу! скажемъ мы въ скобкахъ), но не этими именно—и привилегированное положеніе, которое они получали благодаря этимъ особеннымъ качествамъ, заставляло ихъ незабывать многія несправедливости закона». Если это разсужденіе не чисто нѣмецкое, если это разсужденіе читатель не назоветъ разсужденіемъ человѣка, ставящаго выше всего на свѣтѣ принципъ выгоды и относящагося ко всему тому, что должно быть названо любовію къ отечеству, привязанностью къ идеямъ, нравамъ, чувствамъ, заставляющимъ дорожить своею родиною помимо всѣхъ матеріальныхъ разсчетовъ, какъ къ пустымъ мечтаніямъ, то читатель прямо можетъ быть обвиненъ въ несправедливости къ князю Бисмарку. Только въ умѣ типическаго представителя практической философіи могло сложиться подобное объясненіе привязанности населенія къ его отечеству.

Установивъ, такимъ образомъ, нежеланіе Эльзаса и Лотарингіи быть отдѣленными отъ Франціи, и объяснивъ весьма оригинально причину такого нежеланія, Бисмаркъ спрашиваетъ, какими же средствами можно побѣдить отвращеніе населенія завоеванныхъ областей къ присоединенію его къ Германіи? «Мы, говоритъ съ обычною скромностью князь Бисмаркъ, вообще имѣемъ

привычку, мы, нѣмцы, управлять болѣе мягко, хотя иногда и нѣсколько неуклюже—но въ итогѣ счетъ оказывается вѣренъ—болѣе мягко, говорю я, и болѣе человѣчно, нежели способны на то французскіе государственные люди; это выгода нѣмецкой натуры, которая скоро сдѣлается чувствительна и получитъ цѣну для нѣмецкаго сердца эльзасцевъ. Сверхъ того, мы имѣемъ возможность предоставить жителямъ Эльзаса и Лотарингіи несравненно бо́льшую долю общинной и личной свободы, нежели допускали то французскія учрежденія». Бисмаркъ, разсуждая о примиреніи Эльзаса съ Германіей, нѣсколько разъ возвращается къ тому, что мы-де, нѣмцы, народъ добродушный, мы управляемъ милостиво, намъ чужда суровость и т. п. Еслибы мы не знали природной откровенности Бисмарка, то мы могли бы предположить, что подобныя вещи говорятся съ прямымъ разсчетомъ на глупость народа, съ твердою увѣренностью, что если народу что-нибудь начать долбить и долбить въ голову, то онъ кончитъ тѣмъ, что повѣритъ и наконецъ скажетъ: да, нѣмцы имѣютъ привычку управлять несравненно болѣе мягко и человѣчно, чѣмъ французы! Зная же откровенность нѣмецкаго канцлера, мы можемъ сказать только то, что все у него своеобразно и оригинально, и даже взглядъ на мягкое управленіе и человѣчность.

Не останавливаясь вовсе на томъ, справедливы ли слова князя Бисмарка или нѣтъ, соглашаясь даже съ нимъ, что нѣмцы управляютъ болѣе человѣколюбиво, нежели французы (потому-то вѣроятно Франція съумѣла такъ привязать къ себѣ Эльзасъ, а Германія такъ оттолкнуть отъ себя Познань), посмотримъ, что́ предлагаетъ князь Бисмаркъ, чтобы побѣдить отвращеніе къ нѣмцамъ «нѣмцевъ» Эльзаса и Лотарингіи?

Нужно было бы не имѣть чувства справедливости, чтобы не признать, что планъ, система князя Бисмарка—система настоящаго государственнаго человѣка. Оставляя въ сторонѣ принципъ завоеванія, насилія надъ волею народа и исходя уже изъ совершившагося факта, нельзя не сказать, что система князя Бисмарка—разумная система. Онъ не заботится прежде всего о томъ, чтобы наводнить страну нѣмецкими чиновниками, чтобы стѣснить внутреннюю свободу завоеванныхъ областей и немедленно перенести на новое населеніе всѣ чуждые имъ порядки, нѣтъ, онъ выходитъ изъ другого начала. Онъ спрашиваетъ прежде всего, чего недоставало главнымъ образомъ французскому управленію? и отвѣчаетъ на поставленный вопросъ: недоставало прежде всего общинной свободы, недоставало самоуправленія; централизація вытягивала все подъ одну ниточку и равняла всѣ части

имперіи, подстригала всѣ департаменты такъ точно, какъ подстрижены кусты и деревья въ Версальскомъ паркѣ. Вотъ отчего Бисмаркъ полагалъ прежде всего необходимымъ надѣлить Эльзасъ и Лотарингію общинною свободою, самоуправленіемъ. «Я убѣжденъ, говорилъ онъ, что мы можемъ, безъ вреда для имперіи въ ея цѣломъ, предоставить населенію Эльзаса, въ дѣлѣ самоуправленія, несравненно большій просторъ уже и въ настоящее время, и онъ будетъ все расширяться, пока не достигнетъ того идеала, къ которому стремятся, т.-е., чтобы каждый индивидуумъ, каждая маленькая сфера, даже самая узкая, обладала тою мѣрою свободы, которая совмѣстна съ порядкомъ цѣлаго государства. Достигнуть этой цѣли, подойти къ ней по возможности ближе, я считаю, что такова должна быть задача всякой разумной политики, а эту задачу гораздо легче выполнить съ нѣмецкими учрежденіями, лежащими въ основѣ нашего управленія, нежели выполнить ее во Франціи съ французскимъ характеромъ и съ однообразными учрежденіями этой страны. Я надѣюсь поэтому, что съ помощью нѣмецкаго терпѣнія и нѣмецкаго добродушія, продолжаетъ настаивать на немъ Бисмаркъ, мы достигнемъ дружбы нашаго новаго соотечественника — быть можетъ скорѣе даже, нежели мы надѣемся на то въ настоящее время. «Бисмаркъ не обманываетъ себя, онъ знаетъ, что розы не безъ шиповъ, и что Эльзасъ и Лотарингія представятъ много затрудненій, много безпокойства. «Всегда останутся, говоритъ онъ, извѣстные элементы (въ Эльзасѣ и Лотарингіи), которыхъ личное прошлое пустило глубокіе корни во Франціи, которые слишкомъ стары, чтобы оторваться оттуда, или слишкомъ тѣсно связаны съ Франціею своими матеріальными интересами, и которые за разрывъ свой съ французскими интересами не въ состояніи найти у насъ вознагражденія, а если и найдутъ, то только позже. Мы не должны поэтому обольщать себя надеждою, что въ Эльзасѣ быстро настанетъ такое же положеніе въ отношеніи нѣмецкихъ чувствъ, какъ въ Тюрингіи; но тѣмъ не менѣе мы можемъ не отчаяваться достигнуть еще сами той цѣли, къ которой стремимся, если съумѣемъ только хорошо воспользоваться тѣмъ временемъ, которое, среднимъ счетомъ, дано человѣку».

Продолжая обсуждать тѣ мѣры, которыя должны быть приняты во вновь завоеванныхъ провинціяхъ, для пріобрѣтенія ихъ расположенія, Бисмаркъ энергически высказывается противъ наводненія страны нѣмецкими чиновниками. Всѣ должности въ общинѣ должны быть занимаемы по выбору. «Конечно, высказываетъ нѣмецкій канцлеръ, я отлично понимаю тѣ опасности, ко-

торыя могутъ отсюда возникнуть; но я гораздо болѣе страшусь опасности, которая могла бы родиться, если бы число чиновниковъ, отправляемыхъ нами въ этотъ край, увеличилось сверхъ строго необходимаго». Благо у насъ вошло въ моду во всемъ стараться подражать Германіи, правда, только во всемъ, что похуже, благо мы силимся смотрѣть на все нѣмецкими глазами, я позволю себѣ рекомендовать нашимъ обрусителямъ намотать себѣ на усъ вышеприведенныя слова князя Бисмарка. Право, они стóятъ вниманія! Князь Бисмаркъ, съ истиннымъ государственнымъ смысломъ разсуждая о вредѣ цѣлой ватаги чиновниковъ, которые часто какъ голодные коршуны налетаютъ на «присоединенный» край, между прочимъ говоритъ: «Невозможно избѣжать, чтобы чиновникъ, являющійся въ чуждую ему страну, и обладая даже всѣмъ требуемымъ его обязанностями развитіемъ, но не обладая тѣмъ общимъ, болѣе широкимъ чутьемъ, котораго требуетъ его новая миссія въ новомъ краѣ, не породилъ вражду, несогласіе различными промахами, вовсе не отвѣчающими намѣреніямъ правительства, которыя онъ долженъ выполнять. Ошибется онъ разъ, онъ будетъ имѣть еще слабость, слишкомъ свойственную человѣческой натурѣ, не сознать своей ошибки, и онъ захочетъ свалить эту ошибку на жителей, вмѣсто того, чтобы обвинить самого себя...» Благодаря такому положенію, съ одной стороны возникаютъ доносы и подозрѣнія чиновниковъ, съ другой—жалобы населенія.

Бисмаркъ не скрываетъ отъ себя, что вслѣдствіе нерасположенія въ краѣ общественнаго мнѣнія къ Германіи, избранные общинами на различныя должности могутъ быть до извѣстной степени опасны, но «я менѣе опасаюсь, прибавляетъ онъ, этого риска, нежели опасаюсь нашего собственнаго безсилія въ доставленіи странѣ способныхъ чиновниковъ». Высказывая это либеральное воззрѣніе на управленіе присоединенною областью, Бисмаркъ, конечно, менѣе всего заботится о либерализмѣ. Воззрѣніе это нисколько не противорѣчитъ его общимъ воззрѣніямъ, оно не звучитъ диссонансомъ въ его кодексѣ практической мудрости, оно вполнѣ обусловливается началомъ пользы, выгоды, а потому-то тѣмъ болѣе достойно вниманія.

Бисмаркъ своимъ яснымъ умомъ отлично понимаетъ то, чтó другимъ никакъ не дается, что преимущество сильнаго правительства въ томъ и заключается, что ему нечего изъ-за каждаго пустяка бить тревогу и ополчать цѣлую рать противъ какихъ-то призраковъ; что правительство должно настолько уважать себя, чтобы не пугаться каждой вспышки, каждаго смѣлаго слова и

не воображать себя живущимъ на вулканѣ, въ то время, когда оно опирается на неподвижную, гранитную массу. Сознавая съ одной стороны свою силу и съ другой выгоду предоставленія завоеваннымъ провинціямъ возможно большей внутренней свободы, Бисмаркъ и настаивалъ въ рейхстагѣ, чтобы Эльзасъ и Лотарингія не были стѣснены въ ней какимъ-нибудь обуздывающимъ закономъ... «Преимущество, которымъ обладаетъ энергическое и рѣшительное правительство, въ томъ и заключается, что ему нечего бояться тѣхъ маленькихъ пожаровъ, которые вспыхиваютъ то тутъ, то тамъ. До какой степени, впрочемъ, можетъ быть доведено самоуправленіе въ этомъ краѣ, я не хочу еще произносить рѣшительнаго сужденія; во всякомъ случаѣ я думаю, что было бы разумно, какъ въ этомъ случаѣ, такъ и во всѣхъ остальныхъ, идти такъ далеко, какъ только дозволяетъ это общее спокойствіе имперіи и новаго края». Не опасаясь «маленькихъ пожаровъ», Бисмаркъ рѣшился предоставить вновь присоединеннымъ провинціямъ возможно бо́льшую независимость, онъ заботился, чтобы поскорѣе передать всѣ дѣла по управленію въ руки чиновниковъ туземцевъ, наконецъ, онъ объявляетъ, что его самое искреннее желаніе — видѣть какъ можно скорѣе представителей Эльзаса и Лотарингіи въ нѣмецкомъ рейхстагѣ, чтобы они приняли участіе въ управленіи общими дѣлами имперіи: «мы безусловно нуждаемся въ нихъ, говорилъ онъ, если мы серьёзно, съ необходимою глубиною, хотимъ заняться эльзасскими дѣлами».

Когда вопросъ касается внутренняго управленія французскими областями, Бисмаркъ выказываетъ необыкновенную мягкость, и кто бы могъ подумать, Бисмаркъ громко заявляетъ, что въ этомъ дѣлѣ онъ считаетъ себя либеральнѣе рейхстага, болѣе заботливымъ, болѣе внимательнымъ къ нуждамъ новаго края, чѣмъ представители Германіи, и въ силу этой большей мягкости онъ требуетъ, чтобы до извѣстнаго времени ему была предоставлена диктатура въ этой странѣ, чтобы Германія положилась на его умѣнье, на его искусство управлять. «Боязнь помѣшать, если я могу только такъ выразиться, едва начавшейся кристаллизаціи нѣмецкихъ симпатій въ Эльзасѣ, вотъ причина, говоритъ нѣмецкій канцлеръ, которая заставляетъ меня удерживать въ своихъ рукахъ, сколь возможно долго, эльзасскія дѣла». Что князь Бисмаркъ заблуждается относительно «начавшейся кристаллизаціи нѣмецкихъ симпатій», это едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, но вѣрно то, что Бисмаркъ дѣлалъ много, чтобы помочь образованію такой кристаллизаціи. Онъ не жалѣлъ заботъ и внимательности, чтобы примирить съ Германіею

этого, какъ онъ нѣжно выражается, «младшаго ребенка нѣмецкой семьи» и сильный своею практическою мудростью, онъ съ презрѣніемъ относился къ теоретическому положенію, что ложное въ началѣ останется ложнымъ и до конца. Вотъ почему онъ не обращаетъ никакого вниманія на тѣхъ, которые говорятъ: Эльзасъ и Лотарингія, оторванныя отъ Франціи вопреки волѣ народа, присоединенныя къ Германіи силою оружія, во имя принципа завоеванія, никогда не сдѣлаются по чувству нѣмецкими областями и навсегда останутся для Германіи путами, которыя будутъ только мѣшать прогрессивному развитію нѣмецкаго народа. Кто поручится, что князь Бисмаркъ окажется не правъ и что правила современной практической философіи еще разъ не побѣдятъ положеній теоретической мудрости. Сторонники послѣдней могутъ, впрочемъ, себя утѣшать надеждой, что настанетъ время, когда и на ихъ улицѣ будетъ праздникъ. Придется можетъ быть подождать, но что̀ значатъ вѣка въ жизни народовъ!

Такова система обращенія князя Бисмарка съ побѣжденными народами. Если бы возможно было помириться съ самымъ принципомъ завоеванія, если бы на насиліе надъ волею и желаніемъ населенія возможно было смотрѣть какъ на нѣчто нормальное, если бы, однимъ словомъ, въ самомъ основаніи своемъ практическая философія, воплощенная въ князѣ Бисмаркѣ, не представляла съ «фантастической» точки зрѣнія чего-то уродливаго по своему существу,—тогда нельзя было бы не признать, что система князя Бисмарка можетъ служить образцомъ для всякаго государства, которому досталось держать подъ своимъ господствомъ чуждую ему національность. По крайней мѣрѣ эта система исключаетъ безцѣльную жестокость, безцѣльныя преслѣдованія и на мѣсто ихъ ставитъ политику, которая скорѣе всякой другой способна примирить побѣдителя съ побѣжденнымъ, если только вообще такое примиреніе возможно, внѣ добровольнаго союза народовъ, смѣняющаго ихъ насильственный, или, какъ выражаются иногда, ихъ «неровный бракъ».

Евг. Утинъ.

ХАРАКТЕРИСТИКИ
ЛИТЕРАТУРНЫХЪ МНѢНІЙ

ОТЪ ДВАДЦАТЫХЪ ДО ПЯТИДЕСЯТЫХЪ ГОДОВЪ.

Историческіе очерки.

VIII *).

Бѣлинскій.

Съ тридцатыхъ годовъ начинаетъ развиваться направленіе, достигшее своей зрѣлости въ сороковыхъ годахъ и всего чаще соединяемое съ именемъ Бѣлинскаго. Славянофилы въ свое время называли его «западнымъ»; теперь начинаютъ его называть направленіемъ «сороковыхъ годовъ». Имя Бѣлинскаго можетъ справедливо оставаться за этимъ направленіемъ, не потому, чтобы онъ былъ руководящимъ его представителемъ (въ этомъ же направленіи дѣйствовали и другіе писатели, достаточно отъ него независимые и, можетъ быть, больше его талантливые), — но Бѣлинскій былъ одинъ изъ самыхъ пламенныхъ приверженцевъ новыхъ идей, и безъ сомнѣнія самый дѣятельный распространитель и защитникъ ихъ въ литературѣ. Онъ очень рѣдко, только въ немногихъ исключительныхъ случаяхъ ставилъ свое имя подъ своими статьями, — но это имя было извѣстно всѣмъ, и послѣ-

---

*) См. выше: 1871, май, 233; сент. 301; дек. 455; 1872, май, 145; нояб. 47; 1873, апр. 471 стр.

дователямъ, и врагамъ его: на немъ въ особенности сосредоточивались горячее сочувствіе новыхъ поколѣній, самая ожесточенная ненависть старыхъ литературныхъ партій и вражда новой школы, враждебной «западному» взгляду.

Направленіе Бѣлинскаго, или точнѣе, той цѣлой литературной школы, которой онъ принадлежалъ, какъ мы уже замѣчали прежде, составляетъ главное русло нашего литературнаго и общественнаго развитія въ сороковыхъ годахъ. Въ этомъ направленіи главнымъ образомъ собрались результаты предыдущаго развитія, и изъ него вышла затѣмъ слѣдующая ступень нашей общественности. По направленію Бѣлинскаго и другихъ писателей той школы можно всего лучше судить о характерѣ и объемѣ тогдашней русской образованности; это было ея лучшее выраженіе и лучшая ея сила. Историческая жизненность этого направленія опредѣляется тѣмъ, что оно было ближайшимъ антецедентомъ прогрессивныхъ стремленій нашего времени. И это было очень естественно: со времени дѣятельности Бѣлинскаго, существенно измѣнилось отношеніе литературы къ обществу; литература перестала быть какой-то случайной принадлежностью, внѣшнимъ украшеніемъ общественной жизни,—напротивъ, она тѣсно примкнула къ ней; различныя школы, расходясь въ самыхъ коренныхъ своихъ мнѣніяхъ, не спорятъ о томъ, что дѣйствительность, жизнь, общество должны быть единственнымъ содержаніемъ литературы, и объясненіе ихъ—существенной ея задачей; литературныя партіи съ тѣхъ поръ стали уже партіями общественнаго характера... Это явленіе, отличающее новѣйшую литературу, приведено было многими различными обстоятельствами, — но дѣятельность Бѣлинскаго въ особенности содѣйствовала тому, что литература усвоила этотъ реальный общественный характеръ, который конечно и останется за ней.

Не предпринимая здѣсь полной оцѣнки дѣятельности Бѣлинскаго, и цѣлаго его направленія, мы постараемся указать общія черты положенія этого направленія въ тогдашней литературѣ, и разъяснить главныя условія, при которыхъ только можетъ быть достигнута справедливая оцѣнка литературныхъ и общественныхъ мнѣній и стремленій Бѣлинскаго.

Общія свѣдѣнія о началѣ и развитіи этого прогрессивнаго направленія и о личномъ развитіи Бѣлинскаго болѣе или менѣе извѣстны. Бѣлинскій еще ждетъ своей біографіи, но любопытный читатель и теперь можетъ найти значительное количество свѣ-

дѣній о литературной исторіи того времени и о личности Бѣлинскаго, и въ разсказахъ его друзей и современниковъ, и въ историческихъ изслѣдованіяхъ о тогдашней литературѣ [1]).

Въ новѣйшее время Бѣлинскій и его направленіе вызывали самыя разнообразныя сужденія. Въ первое время послѣ его смерти, имя его долго не произносилось въ литературѣ; смерть его совпала съ началомъ усиленно строгаго надзора за литературой, надзора, который вѣроятно прекратилъ бы дѣятельность Бѣлинскаго, еслибъ она не была прекращена смертью; теперь имя его стало опальнымъ, и на нѣсколько лѣтъ оно не было вспоминаемо ни друзьями, ни врагами. Впервые, послѣ того, оно было названо въ 1856 году, и когда люди новаго поколѣнія, наслѣдо-

---

[1]) Свѣдѣнія о біографіи и личномъ характерѣ Бѣлинскаго читатель найдетъ, между прочимъ, въ слѣдующихъ статьяхъ:

— Замѣтки для біографіи Б., Лажечникова. Моск. Вѣстникъ, 1859, № 17, 32.

— Бѣлинскій и Моск. университетъ въ его время. П. Прозорова. Библ. для Чтенія, 1859, № 12, стр. 1—14.

— Воспоминаніе о Бѣлинскомъ, И. Панаева, Современникъ, 1866, № 1, стр. 335—376, и въ его же „Литер. Воспоминаніяхъ“.

— Былое и Думы; du Développement, и проч.

— Н. В. Станкевичъ, П. Анненкова. М. 1858.

— Т. Н. Грановскій, А. Станкевича. М. 1870.

— Воспоминанія студентства, 1832—35, К. Аксакова (Моск. университетъ времени Бѣлинскаго). День, 1862, № 39—40.

— Университетскія воспоминанія, Г. Г. День, 1863, № 42.

— Воспоминанія Д. Свербеева, Р. Архивъ, 1868 и 1870 (для характеристики литерат. партій).

— Воспоминанія о Бѣлинскомъ, И. Тургенева. В. Европы, 1869, апр.

Изъ многочисленныхъ статей, заключающихъ оцѣнку литературныхъ мнѣній Бѣлинскаго въ новѣйшее время, укажемъ, напр., слѣдующія:

— Очерки Гоголевскаго періода русской литературы, въ Современникѣ 1855, № 12; 1856, № 1, 2, 4, 7, 9—12.

— О значеніи худож. произведеній для общества, П. Анненкова. Р. Вѣстникъ, 1856, № 4.

— Критика Гогол. періода и наши къ ней отношенія, А. Дружинина. Библ. для Чтен. 1856, № 11, 12.

— Бѣлинскій и его мнимые послѣдователи, Я. Грота. Спб. Вѣдом. 1861, № 109.

— Бѣлинскій и его лжеученики, г. Лонгинова. Р. Вѣстн., 1861, № 6, и его же ст. въ Соврем. Лѣтописи 1865, № 32: „Что значитъ договориться“? по поводу слѣдующей статьи Писарева:

— Пушкинъ и Бѣлинскій,—въ Соч. Писарева, томъ 3.

— Бѣлинскій и отрицательный взглядъ въ литературѣ, А. Григорьева. Время, 1861, № 4, стр. 182—218; его же: Западничество, и проч. Время, 1861, № 3.

— Статьи г. Скабичевскаго, въ Отеч. Запискахъ, 1871—1872.

— Статьи гг. Достоевскаго и Погодина, въ „Гражданинѣ“, 1873.

Другія указанія въ каталогѣ Межова.

вавшаго стремленія Бѣлинскаго, и его друзья съ глубокимъ сочувствіемъ собирали воспоминанія объ энергическомъ дѣятелѣ, въ другихъ литературныхъ лагеряхъ заговорила и старая вражда. Какъ критикъ, онъ слишкомъ высоко цѣнилъ достоинство литературы, и безпощадно преслѣдовалъ въ ней всякіе застарѣлые предразсудки, мѣшавшіе ея развитію, всякую фальшивую тенденцію и притязательную бездарность, и потому враговъ у него было очень много. Такъ, противъ него были крайне ожесточены всѣ люди, остававшіеся отъ старыхъ литературныхъ школъ, начиная съ шишковской и карамзинской, бывшіе романтики, писатели, принадлежавшіе нѣкогда къ пушкинскому кругу и, къ удивленію, въ особенности ненавидѣвшіе Бѣлинскаго, несмотря на все его поклоненіе Пушкину; наконецъ, писатели «Маяка» и тѣ литературные подонки, которые нѣкогда имѣли своего рода силу въ лицѣ Греча и Булгарина. Также были ожесточены противъ Бѣлинскаго писатели стараго «Москвитянина», тенденція котораго, представляемая г. Погодинымъ и Шевыревымъ, въ свое время не мало потерпѣла отъ Бѣлинскаго. Наконецъ, особый лагерь, враждебный Бѣлинскому, представляли славянофилы — враги, которыхъ впрочемъ самъ Бѣлинскій выдѣлялъ изъ ряда другихъ своихъ противниковъ, какъ людей крѣпкаго и опредѣленнаго убѣжденія.

Бѣлинскій умеръ рано; его противники продолжали дѣйствовать въ литературѣ и сохранили все озлобленіе, которое нѣкогда питали противъ него. Первая категорія, представители которой есть до сихъ поръ, конечно потеряла значеніе, но когда случалось, говорила о Бѣлинскомъ съ прежнимъ раздраженіемъ. Славянофилы, въ послѣднее время, почти не удостоивали его упоминанія и опроверженій, направивъ полемику на новыхъ противниковъ; только изрѣдка имя его называлось или подразумѣвалось въ числѣ «отступниковъ» [1]. Г. Погодинъ еще недавно корилъ Бѣлинскаго легкомысліемъ, «атеизмомъ», «соціализмомъ» (въ которомъ Бѣлинскій вовсе не былъ, кажется, виноватъ), и другими предосудительными мнѣніями. Понятно, что старыя школы, давно потерявшія всякую нравственную связь съ новымъ движеніемъ, не могли и послѣ увидѣть историческаго значенія Бѣлинскаго, и въ ихъ сужденіяхъ еще видны старыя досады на него. Но вражда переходитъ и къ новымъ школамъ, напр. къ той школѣ, выродившейся изъ славянофильства, выраженіемъ которой служили и служатъ журналы «Время», «Эпоха», «Заря», «Гражданинъ».

[1]) „День“.

Еще недавно были здѣсь высказаны обличенія «атеизма» и другихъ неблаговидныхъ свойствъ направленія Бѣлинскаго.

Съ другой стороны, произошла извѣстная метаморфоза съ нѣкоторыми изъ людей, принадлежавшихъ по своему развитію прогрессивной школѣ сороковыхъ годовъ, и даже тѣсно связанныхъ нѣкогда съ кругомъ Бѣлинскаго. Отложивши въ сторону свое прошедшее и обратившись въ самыхъ ревностныхъ консерваторовъ, они естественно спутали свои отношенія къ прежней литературѣ, и когда новое движеніе заявляло свое тѣсное историческое единство съ Бѣлинскимъ и съ Гоголевскимъ періодомъ, они утверждали, что этого единства нѣтъ, что Бѣлинскій не думалъ и не призналъ бы того, чтó видятъ въ немъ или выводятъ изъ него теперь; или же, указывали въ самой дѣятельности Бѣлинскаго заблужденія, происходившія отъ его крайнихъ увлеченій, и слѣдовательно вредъ; или, просто избѣгали опредѣлять ближе свое отношеніе къ Бѣлинскому, опасаясь непріятныхъ для себя сближеній.

Дѣятельность этихъ и подобныхъ людей, нѣкогда близкихъ Бѣлинскому и обратившихся къ нашему времени въ «постепеновцевъ», умѣренныхъ и неумѣренныхъ консерваторовъ и въ явныхъ обскурантовъ, наводила многихъ на мысль, что эти люди и должны въ самомъ дѣлѣ представлять собой тенденціи «сороковыхъ годовъ», ихъ настоящій объемъ и характеръ; являлись невыгодныя заключенія о цѣломъ литературномъ періодѣ, въ которомъ начинали видѣть своего рода романтизмъ, исполненный превратными идеальными мечтами, но не выдерживавшій перваго прикосновенія къ настоящей жизни. Нынѣшніе, обратившіеся въ консерватизмъ, писатели «сороковыхъ годовъ» иногда высказывали какъ будто свою солидарность съ Бѣлинскимъ, и потому упомянутое мнѣніе о «сороковыхъ годахъ» отражалось и на сужденіяхъ о Бѣлинскомъ: писатели новыхъ литературныхъ поколѣній въ самомъ Бѣлинскомъ начинали открывать вещи, ихъ неудовлетворявшія, въ другихъ писателяхъ того времени — еще больше, и историческій выводъ становился довольно неблагопріятнымъ.

Къ сожалѣнію, до сихъ поръ нѣтъ біографіи Бѣлинскаго, личной и литературной, которая разъяснила бы документально его дѣятельность и условія времени, и которая могла и должна была бы устранить всякія недоразумѣнія въ его исторической оцѣнкѣ. Относительно упомянутыхъ сейчасъ мнѣній очевидно, что значенія Бѣлинскаго и теперь, какъ прежде, не могутъ признать литературныя партіи, въ самомъ основаніи враждебныя его воззрѣніямъ, не могутъ признать безъ ущерба собственному суще-

ствованію; но время уже дѣлаетъ свое, и уже теперь безпристрастный наблюдатель не можетъ не видѣть въ литературѣ слѣдовъ глубокаго вліянія, оказаннаго Бѣлинскимъ и его друзьями: отъ нихъ по преимуществу идетъ начало того критическаго направленія, которое составляетъ лучшую сторону современной литературы. Внимательное изученіе той эпохи показало бы также, что если старыя литературныя партіи теперь окончательно потеряли кредитъ, если стало невозможно чистое славянофильство сороковыхъ годовъ, если литература находитъ свою главную силу въ изученіи и неподкрашенномъ изображеніи дѣйствительности; то въ этомъ всего сильнѣе дѣйствовали стремленія Бѣлинскаго и его круга. Изученіе фактовъ устранило бы и тѣ недоразумѣнія, какія есть еще относительно характера и дѣятельности самого Бѣлинскаго: оно показало бы, каковъ былъ собственно этотъ характеръ, что̀ въ его дѣятельности было только слѣдствіемъ условій времени и обстоятельствъ, что̀ нужно было ему преодолѣвать, съ какими понятіями общественными онъ имѣлъ дѣло; показало бы также, могъ ли онъ быть солидаренъ съ людьми, которые нѣкогда принадлежали одному дѣлу съ нимъ, а потомъ, ставши защитниками обскурантизма, позволяли себѣ злоупотреблять его именемъ. Таковы были бы задачи литературной исторіи Бѣлинскаго, которая теперь была бы особенно полезна.

Въ перечисленныхъ выше сочиненіяхъ собрано довольно много подробностей о возникновеніи того направленія, которому принадлежалъ Бѣлинскій. Исторія молодого кружка̀, въ которомъ развивался Бѣлинскій и много другихъ товарищей его дѣятельности, чрезвычайно любопытна, какъ нѣчто единственное и небывалое въ исторіи нашей образованности. Этотъ кружокъ,—составившійся, впрочемъ, не вдругъ и имѣвшій различныя комбинаціи,—вообще состоялъ изъ молодыхъ людей, большей частью очень даровитыхъ; съ первыхъ шаговъ своихъ въ литературѣ, онъ обнаружилъ оригинальную и горячую дѣятельность и уже вскорѣ пріобрѣлъ господствующее положеніе. Въ средѣ кружка̀ совершался цѣлый актъ литературнаго развитія, чрезвычайно любопытный по обстоятельствамъ времени и внутреннему смыслу. Обстоятельства были очень неблагопріятныя, но пробудившаяся потребность общественной мысли вызывала работу умственныхъ силъ, которая совершалась несмотря на всѣ трудныя условія и приходила къ своей цѣли,—къ сознанію общественнаго положенія и къ освободительнымъ идеямъ. Это соединеніе цѣлаго ряда

замѣчательныхъ дарованій, — раздѣлившихся потомъ на школы «западную» и славянофильскую, — какъ будто вознаграждало потерю силъ, понесенную обществомъ въ двадцатыхъ годахъ, и процессъ развитія, тогда прерванный, возобновился съ новой энергіей. Дѣятельность новаго поколѣнія почти не имѣла никакой прямой связи съ этимъ прежнимъ движеніемъ, руководилась другими побужденіями, въ первое время была поглощена чисто отвлеченными предметами, была совершенно чужда всякихъ политическихъ интересовъ, но въ концѣ приходила къ тому же общественному вопросу, который, съ другой точки зрѣнія и подъ другими побужденіями, поставленъ былъ движеніемъ двадцатыхъ годовъ. Сороковые года, когда новыя направленія опредѣлились, отличаются, и въ «западной» и въ славянофильской школѣ, стремленіемъ къ критическому изученію русской жизни и заявленіемъ новыхъ умственныхъ и общественныхъ потребностей—хотя и понятыхъ обѣими сторонами весьма различно.

Исторія кружка́, къ которому принадлежалъ Бѣлинскій и къ которому примкнуло всего больше тогдашнихъ молодыхъ силъ, какъ будто представляетъ въ сокращеніи цѣлый фазисъ развитія, пройденный новымъ поколѣніемъ, и высшій пунктъ, достигнутый тогда русской образованностью. Это направленіе въ большинствѣ своихъ дѣятелей на́чало съ самаго спокойнаго консерватизма, съ полнаго признанія существовавшихъ формъ жизни, но затѣмъ быстро проходило различныя ступени критической мысли, и окончило отрицаніемъ этихъ формъ, иногда весьма рѣшительнымъ, и стремленіемъ къ иному идеалу общественности. Взгляды этого круга представляли наиболѣе серьёзное критическое содержаніе, какого только достигала наша литература. Что здѣсь выражалась исторически созрѣвшая мысль и дѣйствительная потребность развитія, это доказывалось тѣмъ, что въ тоже время и въ другихъ областяхъ литературы, вполнѣ независимо отъ вліянія идей, развившихся въ кругѣ Бѣлинскаго и его друзей, совершались явленія, которыя содѣйствовали его стремленіямъ и въ томъ же смыслѣ вліяли на общество. Такова была дѣятельность Гоголя, Лермонтова, Кольцова. Это были явленія совсѣмъ иной области, но явленія совершенно параллельныя направленію Бѣлинскаго и его друзей; критика Бѣлинскаго разъяснила ихъ и съ своей стороны усилила ихъ литературное значеніе...

Кружокъ составился первоначально изъ молодежи московскаго университета, въ началѣ тридцатыхъ годовъ; это была пора особеннаго оживленія, какія возвращаются отъ времени до времени въ нашихъ университетахъ. Блестящій періодъ московскаго уни-

верситета былъ еще впереди, но и тогда преподаваніе двухъ-трехъ профессоровъ, въ особенности М. Г. Павлова и Надеждина, открыло для ихъ слушателей новый міръ, полный интереса. Это была нѣмецкая философія, школы Шеллинга и Окена. Это было первое умственное возбужденіе, и оно нашло самую благопріятную почву. Молодой кружокъ представлялъ рѣдкое и счастливое соединеніе ума и дарованій и уже вскорѣ связанъ былъ одними идеальными стремленіями: это была любовь къ наукѣ, увлеченіе поэзіей, потребность нравственно-идеальнаго совершенствованія, желаніе служить нѣкогда въ рядахъ общества дѣлу истины и нравственнаго достоинства. Въ первомъ броженіи трудно было бы отличить тѣ направленія, которыя потомъ должны были раздѣлить кружокъ на два различные, и наконецъ рѣзко враждебные лагеря. Дѣйствительно, первоначально здѣсь мы находили рядомъ и Бѣлинскаго и К. Аксакова: оба были восторженные романтическіе идеалисты, не подозрѣвавшіе тогда, какъ далеко разойдутся они впослѣдствіи. Различіе мнѣній выростало изъ однихъ первоначальныхъ основаній, подъ различными вліяніями дальнѣйшихъ размышленій, характеровъ и впечатлѣній жизни. Бѣлинскій одно время стоялъ почти на настоящей славянофильской точкѣ зрѣнія...

Понятія кружка, изъ которыхъ выросли потомъ воззрѣнія Бѣлинскаго, имѣли свое послѣдовательное и логически законное развитіе. Это должно замѣтить въ виду того мнѣнія, которое хочетъ представить взгляды Бѣлинскаго какъ случайное заимствованіе, какъ личный произволъ или какъ теорію, не имѣвшую никакой связи съ жизнью. Кружокъ тридцатыхъ годовъ дѣйствительно началъ съ чистой теоріи, не имѣвшей связи съ нашей жизнью и заимствованной изъ чужого источника. Но, во-первыхъ, научная, и въ особенности чисто отвлеченная теорія есть всегда общее достояніе, которымъ можетъ пользоваться всякая образованность; во-вторыхъ, тамъ, гдѣ начиналось ея вліяніе на понятія о дѣйствительной жизни, гдѣ оказывалось ея прикладное значеніе, эта чужая теорія была понята у насъ и переработана совершенно независимо. Первоначальное заимствованіе ея изъ чужого источника не нравилось доморощеннымъ мыслителямъ, но оно было однимъ изъ тѣхъ безчисленныхъ и неизбѣжныхъ заимствованій, на которыя вѣроятно еще довольно долго будетъ обречена наша запоздалая и отстающая образованность. Наша домашняя наука не представляла тогда и тѣни чего-либо подобнаго заимствованной теоріи, какъ и до сихъ поръ не представляетъ ничего равнаго научному развитію какой-нибудь изъ главныхъ европейскихъ націй;

напротивъ, домашняя, т.-е. нѣсколько у насъ освоившаяся наука состояла большей частью изъ старыхъ клочковъ той же западной науки, приглаженныхъ еще къ требованіямъ нашей патріархальности. Защитники «самобытнаго» русскаго мышленія, попрекавшіе Бѣлинскаго и его друзей ихъ «западными» теоріями, забывали историческія преданія нашей образованности. Заимствованіе «западной» науки было освящено самимъ авторитетомъ, стоявшимъ во главѣ народа, и когда разъ была заявлена необходимость «западной» науки и она была допущена, когда мы постоянно пользовались ея практическими, внѣшними примѣненіями, — то поздно и нелѣпо было спрашивать у нея отчета въ тѣхъ теоретическихъ понятіяхъ, какія она создавала и вводила въ обращеніе: кто былъ недоволенъ результатами ея вліянія, тотъ долженъ былъ бы опровергать ихъ на той же почвѣ, выставлять доказательства противъ доказательствъ. Если научно-теоретическіе результаты не подходили подъ требованія традиціонной системы, это еще не могло говорить противъ ихъ разумности; впослѣдствіи традиціонная система даже внѣшнимъ образомъ начала подавлять эти результаты, но для людей, сколько-нибудь размышляющихъ, было ясно, что этотъ способъ дѣйствій мало убѣдителенъ...

Но, главное было въ томъ, что заимствованная теорія не осталась у нашихъ прозелитовъ неизмѣнной и неподвижной. Совершенно напротивъ, они усвоили ее какъ живое, сознаваемое убѣжденіе, провѣряли ее собственной мыслью, приложеніями къ жизни, отбрасывали выводы, которые казались имъ невѣрными, и извлекали новые, — теорія была ими самостоятельно переработана и послѣднія воззрѣнія ихъ далеко не были похожи на начало. Понятно, что при этомъ должны были оказаться и болѣе или менѣе значительныя отличія въ мнѣніяхъ разныхъ лицъ; и дѣйствительно, при сходствѣ общихъ понятій, у различныхъ членовъ круга составились разнообразные оттѣнки мнѣній, въ которыхъ отражалось различіе характеровъ, склада ума и жизненнаго опыта. Однимъ словомъ, занятая теорія нисколько не сдѣлалась какой-нибудь узкой и условной доктриной, а напротивъ вошла какъ чисто отвлеченное основаніе, какъ методъ, приложеніе и развитіе котораго были уже дѣломъ самостоятельнаго труда. Окончательные результаты представляли уже «самобытное» русское мышленіе...

Теорія, послужившая исходнымъ пунктомъ въ образованіи мнѣній у людей «сороковыхъ годовъ», была, какъ извѣстно, Гегелевская философія. Университетъ, гдѣ представителями философіи были Павловъ и Надеждинъ, сообщилъ своимъ питомцамъ вкусъ къ этимъ изученіямъ и предварительную школу. Ученики

Павлова и Надеждина съумѣли воспользоваться школой и покинувъ Шеллинга и Окена, которымъ слѣдовали и дальше которыхъ не шли ихъ руководители, самостоятельно взялись за изученіе Гегеля. Это была новѣйшая, послѣдняя ступень нѣмецкаго мышленія, и знакомство съ ней произвело въ нашихъ адептахъ философскаго изученія тоже сильное, увлекающее впечатлѣніе, какое эта философія оказывала тогда на своей родинѣ. Мы приводимъ, въ примѣчаніи, разсказъ Гервинуса о томъ всеобъемлющемъ господствѣ, какимъ пользовалась Гегелева философія въ Германіи двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ: изъ этого разсказа понятно будетъ и ея дѣйствіе у насъ [1]).

---

[1]) Упомянувъ о томъ, какъ нѣмецкая философія возстала противъ богословскихъ теорій Шлейермахера, Гервинусъ продолжаетъ:

„Это возстаніе противъ Шлейермахера было совершенно понятно... Философія должна была отомстить теологіи за 2000-лѣтнее угнетеніе; она чувствовала теперь свою силу, и въ этомъ сознаніи ей хотѣлось подчинить своему свѣтскому законодательству религію и ея науку; относительно этой науки, философія думала, что владѣетъ всѣмъ ея содержаніемъ, но хотѣла возвысить его изъ низшихъ формъ чувства и представленія (на которыхъ утверждалъ теологію Шлейермахеръ) къ высшей формѣ яснаго понятія. Со времени реформаторской дѣятельности Канта, философія утвердила свое главное пребываніе въ Германіи, и съ того времени здѣсь прежде всего поступали въ горнило всѣ великія задачи науки, и, обработанныя здѣсь, отправлялись отсюда на философскіе рынки всей Европы. Со времени диктатуры Гегеля, которая была теперь (около 1830-го года) во всей силѣ, это господство нѣмецкой философіи въ особенности казалось неодолимымъ, прочно утвержденнымъ первенствомъ. Въ 1818, Гегель былъ приглашенъ въ Берлинъ, въ это средоточіе научной жизни, гдѣ теологія и философія, правовѣдѣніе и языкознаніе соперничали въ неистощимыхъ усиліяхъ труда. Строгая серьезность этого человѣка, исполненнаго вѣры въ самого себя, преданнаго своей задачѣ какъ священному дѣлу, и неприступная послѣдовательность и правильность его ученія собрали здѣсь вокругъ него всю ревностную молодежь, которой въ безурядицѣ романтическихъ увлеченій требовалась цѣлительная дисциплина ума, или требовалось философское освященіе ея спеціальной науки, или спасительное убѣжище изъ безотрадной общественной жизни. Защита и благоволеніе властей къ учителю и ученикамъ еще больше увеличили вліяніе ученія: оно сдѣлалось модой для дилеттантовъ, обязанностью для вступавшихъ на службу, необходимостью для искавшаго занятій. Около того времени, когда возникли Berliner Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik (1827), передовая школа, подъ начальствомъ нѣсколькихъ старшихъ подмастерьевъ, расположилась около предводителя какъ завоевательное войско, и, часто не ушедши дальше формулъ тарабарскаго техническаго языка, проповѣдовала міру, что эта философія можетъ дать все, искусство и науку, истинную церковь и истинное государство. Въ чрезвычайно обширномъ кругу любознательныхъ ученыхъ, серьезныхъ чиновниковъ, даже образованныхъ дѣловыхъ бюргеровъ въ Германіи, эта школа распространила чувство обязанности, необходимости поладить съ этой новой вѣрой; школа старалась разъяснить смыслъ ученія даже нѣкоторымъ французамъ, которые увидѣли въ Гегелѣ — Спинозу, помноженнаго на Аристотеля, и видѣли его на вершинѣ пирамиды, которую складывала вся наука въ послѣднія три столѣтія. За учителемъ была признана слава, что онъ въ своей системѣ какъ-бы сплелъ въ искус-

Довольно вспомнить это безусловное господство Гегелевой философіи въ Германіи, гдѣ былъ тогда главный источникъ нашихъ научныхъ заимствованій, чтобы видѣть, какъ естественно было увлеченіе нѣмецкой философіей въ молодомъ поколѣніи тридцатыхъ годовъ. Это было безъ сомнѣнія высшее умственное явленіе, какое только могла представить тогдашняя Европа; никакая иная система, никакое иное ученіе стараго и новаго времени не могли

ную ткань всѣ нити современнаго образованія, что онъ украсилъ ее всѣми драгоцѣнностями и достоинствами науки того поколѣнія, что онъ подчинилъ своей системѣ умственную работу классическаго періода нѣмецкой литературы, что онъ собралъ въ ней просвѣтленное чувство, живое наблюденіе, смѣлое мышленіе, просвѣщеніе и всемірную образованность, всѣ плоды этого богатаго времени, что онъ, казалось, далъ нѣмецкой умственной жизни мѣсто отдыха, откуда она увидѣла твердую цѣль, а по мнѣнію самой школы—прочное завершеніе дѣла. Потому что это ученіе имѣло, кажется, притязаніе—положить все будущее въ оковы своей системы; оно говорило, что міровой духъ достигъ своей цѣли; оно утверждало, что оно завершило борьбу конечнаго сознанія съ абсолютнымъ, борьбу, наполняющую всю исторію философіи,—что оно соединило въ себѣ результаты всѣхъ прежнихъ системъ, которыя были простыми ступенями единой истины,—что оно примирило всѣ мнѣнія, принципы и противорѣчія,—что послѣ столькихъ испробованныхъ формъ нашло послѣднюю, абсолютную форму, въ которой (послѣ того какъ Шеллингъ указалъ абсолютное содержаніе философіи) метода становится тождественна съ содержаніемъ, любовь къ знанію становится дѣйствительнымъ знаніемъ, любовь къ мудрости дѣлается мудростью. Въ то время не стали бы слушать человѣка, который бы сталъ напоминать школѣ собственныя слова учителя, который самъ признавался, что какая бы то ни было философія никогда не можетъ выдти изъ своего настоящаго міра. Тогда не стали бы слушать человѣка, который бы предостерегалъ отъ исключительнаго признанія какой-нибудь одной системы, съ той точки зрѣнія, что разнообразіе формъ и смѣна представленій въ этомъ мірѣ есть условіе его существованія, и что притязаніе найти средину этихъ противоположностей, спокойствіе этихъ колебаній, чтобы дать одному опредѣленному представленію абсолютное, а не относительное достоинство, есть заблужденіе, исполненіе котораго означало бы ступень къ смерти въ вещахъ и пораженіе всѣхъ духовныхъ силъ. Тогда не стали бы слушать человѣка, который выразилъ бы сомнѣніе въ томъ, удобно ли предпринять такое всеобъемлющее метафизическое зданіе именно въ то время, когда при совершенно новомъ раздѣленіи труда и болѣе глубокомъ вниманіи во всѣхъ отрасляхъ умственной дѣятельности совершался всеобщій переворотъ, который не благопріятствовалъ какому-нибудь завершенію знанія, потому что онъ скорѣе былъ началомъ совершенно новаго рода научнаго изслѣдованія. Этого нимба непогрѣшимости не могло разсѣять то обстоятельство, что это, забывшее о времени, философское рыцарство, во многихъ изъ своихъ смѣлыхъ предположеній, — какъ, напр., въ догадкахъ Гегеля о разстояніи планетъ, или въ его доказательствѣ старости міра,—потерпѣло донъ-кихотовскія пораженія, или что спеціалисты находили въ частныхъ развитіяхъ системы источники и результаты поставленными навыворотъ... Тогда стали бы смѣяться надъ человѣкомъ, который усумнился бы, не раздѣлитъ ли и эта философія недолговѣчную судьбу всѣхъ явившихся въ послѣднее время системъ; и это умственное господство, установленное въ пору удаленія отъ безотрадной современной исторіи, не распадется ли въ ту минуту, когда болѣе знаменательный часъ ударитъ на великихъ часахъ времени?“ Gervinus, Gesch. des neunz. Jahrh. 8, стр. 24—27.

идти въ сравненіе съ этой универсальной философіей, которую, казалось, нужно было только понять и изучить, чтобы достигнуть вершины человѣческаго мышленія... Конечно, въ тогдашнихъ мнѣніяхъ учениковъ Гегеля объ его системѣ было большое заблужденіе, но тѣмъ не менѣе система имѣла законныя права на свою славу и въ своемъ смыслѣ была дѣйствительно завершающимъ явленіемъ въ тогдашней наукѣ...

Введеніе Гегелевой философіи было дѣломъ Станкевича, извѣстнаго даровитаго юноши, которому вообще принадлежало большое умственное и нравственное вліяніе въ молодомъ кружкѣ. Его имя въ особенности связано съ развитіемъ Бѣлинскаго и потомъ Грановскаго. Гегелева философія стала всепоглощающимъ интересомъ. Друзья Станкевича, посвященные имъ въ философію Гегеля, увлеклись ею какъ откровеніемъ науки. Она была постояннымъ предметомъ ихъ бесѣдъ и горячихъ споровъ. По разсказамъ современника, — «нѣтъ параграфа во всѣхъ трехъ частяхъ логики, въ двухъ эстетики, энциклопедіи и пр., который бы не былъ взятъ отчаянными спорами нѣсколькихъ ночей. Люди, любившіе другъ друга, расходились на цѣлыя недѣли, не согласившись въ опредѣленіи «перехватывающаго духа», принимали за обиды мнѣнія объ «абсолютной личности» и о ея *по-себѣ бытіи*. Всѣ ничтожнѣйшія брошюры, выходившія въ Берлинѣ и другихъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ нѣмецкой философіи, гдѣ только упоминалось о Гегелѣ, выписывались, зачитывались до дыръ, до пятенъ, до паденія листовъ въ нѣсколько дней»... Русскіе гегеліанцы устроили себѣ особенный языкъ: «они не переводили на русское, а перекладывали цѣликомъ, да еще для большей легкости оставляя всѣ латинскія слова in crudo, давая имъ православныя окончанія и семь русскихъ падежей»... Понятно, что на первыхъ же порахъ стали сказываться и невыгодныя стороны ухищренной философской отвлеченности. «Рядомъ съ испорченнымъ языкомъ шла другая ошибка болѣе глубокая. Молодые философы наши испортили себѣ не однѣ фразы, но и пониманье; отношеніе къ жизни, къ дѣйствительности сдѣлалось школьное, книжное; это было то ученое пониманье простыхъ вещей, надъ которымъ такъ геніально смѣялся Гёте въ своемъ разговорѣ Мефистофеля съ студентомъ. Все *въ самомъ дѣлѣ* непосредственное, всякое простое чувство было возводимо въ отвлеченныя категоріи, и возвращалось оттуда безъ капли живой крови, блѣдной, алгебраической тѣнью. Во всемъ этомъ была своего рода наивность, потому, что все это было совершенно искренно. Человѣкъ, который шелъ гулять въ Сокольники, шелъ для того, чтобы

отдаваться пантеистическому чувству своего единства съ космосомъ, и если ему попадался по дорогѣ какой-нибудь солдатъ подъ хмѣлькомъ или баба, вступавшая въ разговоръ, философъ не просто говорилъ съ ними, но опредѣлялъ субстанцію народную въ ея непосредственномъ и случайномъ явленіи. Самая слеза, навертывавшаяся на вѣкахъ, была строго отнесена къ своему порядку, къ «гемюту» или къ «трагическому въ сердцѣ»... То же въ искусствѣ. Знаніе Гёте, особенно второй части Фауста (оттого ли, что она хуже первой, или оттого, что труднѣе ея) было столько же обязательно, какъ имѣть платье. Философія музыки была на первомъ планѣ. Разумѣется, объ Россини и не говорили, къ Моцарту были снисходительны, хотя и находили его дѣтскимъ и бѣднымъ, за то производили философскія слѣдствія надъ каждымъ аккордомъ Бетховена... Наравнѣ съ итальянской музыкой дѣлила опалу французская литература и вообще все французское, а по дорогѣ и все политическое».

Это крайнее идеалистическое настроеніе не могло удержаться надолго въ людяхъ съ такимъ живымъ талантомъ и дѣятельной мыслью, какъ были люди этого кружка, и въ особенности Бѣлинскій. Впослѣдствіи, они освободились отъ этого настроенія. Но и на этой степени, идеализмъ молодыхъ гегеліанцевъ, въ его болѣе серьёзныхъ примѣненіяхъ, былъ новостью и успѣхомъ въ литературныхъ понятіяхъ. Новыя философскія изученія устраняли съ перваго раза ту произвольную неопредѣленность, почти безсодержательность романтическихъ теорій, которая господствовала въ поэзіи и критикѣ нашихъ романтиковъ, и въ первый разъ дали возможность опредѣленной и раціональной критики. Подъ внушеніемъ идей этого перваго періода Бѣлинскій написалъ свои «Литературныя мечтанія» (1834), въ которыхъ, съ этой новой точки зрѣнія, онъ отрицалъ у насъ существованіе настоящей литературы и опредѣлилъ, чѣмъ должна быть литература, заслуживающая этого имени. Эта обширная статья, написанная съ большимъ одушевленіемъ, была достойнымъ началомъ его критическаго поприща [1]).

---

[1]) „*У насъ нѣтъ литературы*, — говоритъ онъ въ концѣ статьи, — *я повторяю это съ восторгомъ, съ наслажденіемъ*, ибо въ сей истинѣ вижу залогъ нашихъ будущихъ успѣховъ“. Въ этихъ словахъ сказана основная мысль статьи, и Бѣлинскій былъ конечно правъ, видя въ ясномъ сознаніи бѣдности литературы залогъ ея будущаго успѣха. „Присмотритесь хорошенько къ ходу нашего общества, продолжаетъ онъ,—и вы согласитесь, что я правъ. Посмотрите, какъ новое поколѣніе, разочаровавшись въ геніальности и безсмертіи нашихъ литературныхъ произведеній, вмѣсто того, чтобы выдавать въ свѣтъ недозрѣлыя творенія, съ жадностью предается изуче-

Не будемъ пересказывать подробностей того, какъ постепенно развивались мнѣнія Бѣлинскаго. Существенное изъ этого было довольно обстоятельно разсказано другими, — напр., нѣкоторыми изъ его современниковъ и авторомъ статей о Гоголевскомъ періодѣ. Необходимо однако, когда идетъ рѣчь о Бѣлинскомъ, имѣть въ виду путь его развитія, на которомъ онъ проходилъ нѣсколько различныхъ ступеней. Дѣло въ томъ, что его противники, и въ сороковыхъ годахъ, и въ семидесятыхъ, много разъ принимались обвинять Бѣлинскаго въ отсутствіи прочныхъ убѣжденій, въ легкомысленной и быстрой перемѣнѣ взглядовъ: говорили, будто бы онъ «внезапно» измѣнялъ свои мнѣнія о «самыхъ высокихъ предметахъ человѣческаго вѣдѣнія», изъ одной крайности впадалъ въ другую, дѣлаясь, напримѣръ, изъ «пламеннаго христіанина — отчаяннымъ (?) безбожникомъ и пропагандистомъ» [1]). Въ разныхъ видахъ, эта тема много разъ повторялась въ литературѣ, и враги Бѣлинскаго, какъ видимъ, до сихъ поръ съ любовью возвращаются къ ней. Но насколько правды въ этихъ обвиненіяхъ? Бѣлинскій, дѣйствительно, въ разное время имѣлъ весьма несходныя мнѣнія о «самыхъ важныхъ» предметахъ человѣческаго вѣдѣнія (о «неважныхъ» смѣшно было бы говорить); иногда могло казаться, что перемѣна мнѣній совершалась довольно скоро (увидимъ дальше почему это могло казаться),—но только по неразумѣнію, по пристрастію, или злому намѣренію можно говорить о «неосновательной» измѣнчивости его мнѣній. Самъ Бѣлинскій совершенно вѣрно указалъ причину измѣнчивости своихъ мнѣній, когда на подобныя обвиненія славянофильскаго писателя (М... З... К...) отвѣчалъ, что вопросъ о томъ, сообразна ли съ способностью страстнаго, глубокаго убѣжденія способность измѣнять его, «давно рѣшенъ для всѣхъ тѣхъ, кто любитъ истину больше себя и всегда готовъ пожертвовать ей своимъ самолюбіемъ»... Бѣлинскому дѣйствительно приходилось жертвовать и

нію наукъ и черпаетъ живую воду просвѣщенія въ самомъ источникѣ. Вѣкъ *ребячества* проходитъ видимо. И дай Богъ, чтобы онъ прошелъ скорѣе. Но еще болѣе, дай Богъ, чтобы поскорѣе всѣ разувѣрились въ нашемъ литературномъ богатствѣ! Благородная нищета лучше мечтательнаго богатства! Придетъ время — просвѣщеніе разольется въ Россіи широкимъ потокомъ, умственная физіономія народа выяснится, и тогда наши художники и писатели будутъ на всѣ свои произведенія налагать печать русскаго духа. Но теперь намъ нужно ученье! ученье! ученье!"... Сочин. Бѣлинскаго, т. I, стр. 130—131.

[1]) Такія слова находятся въ новѣйшихъ обвиненіяхъ г. Погодина, который, по собственнымъ словамъ его, „заднимъ числомъ" принялся обличать Бѣлинскаго: это очень удобно,—въ прежнее время можно было рисковать очень суровымъ отпоромъ со стороны обличаемаго.

самолюбіемъ, и тяжело выносить воспоминаніе о прежнемъ заблужденіи. Такъ было, напримѣръ, съ извѣстной статьей о «Бородинской годовщинѣ» [1]). Когда говорятъ теперь объ измѣнчивости мнѣній Бѣлинскаго, то берутъ обыкновенно его мнѣнія тридцатыхъ годовъ и ставятъ рядомъ мнѣнія конца сороковыхъ годовъ,—но въ томъ и дѣло, что между этими крайними пунктами прошелъ цѣлый періодъ развитія, смѣна нѣсколькихъ послѣдовательныхъ ступеней, которыя совершенно объясняютъ окончательный результатъ. Сколько-нибудь внимательное наблюденіе этого періода могло бы показать, что эта смѣна совершалась нисколько не произвольно, и напротивъ очень естественно и съ такой постепенностью, что читая статьи одну за другой, въ хронологическомъ порядкѣ, дѣйствительно невозможно замѣтить никакого рѣзкаго перерыва,—какъ это было уже давно указано однимъ изъ критиковъ Бѣлинскаго. Самый замѣтный перерывъ въ понятіяхъ Бѣлинскаго произошелъ, вѣроятно, послѣ упомянутой статьи о «Бородинской годовщинѣ»,—но и это объясняется обстоятельствами дѣла. Бѣлинскій былъ не измѣнчивъ, а напротивъ крайне упоренъ въ тѣхъ мнѣніяхъ, которыя казались ему правильными; но, съ другой стороны, если ему доказывали или онъ самъ убѣждался, что его взглядъ былъ ошибоченъ, онъ не лицемѣрилъ, не прибѣгалъ къ столь обыкновеннымъ уловкамъ сохранить хоть наружную правоту, но открыто сознавался въ заблужденіи. Статья о «Бородинской годовщинѣ», какъ разсказываютъ современники, была написана именно въ пору крайняго увлеченія, когда онъ, раздраженный рѣзкимъ противорѣчіемъ другихъ, еще сильнѣе, въ послѣднее опроверженіе противниковъ и въ досадѣ на нихъ, высказалъ свои понятія: но противорѣчія, имъ слышанныя, запали въ его мысль, онъ обдумалъ ихъ, и мнѣнія противника, которыя были дѣйствительно вѣрнѣе, наконецъ, побѣдили упорство Бѣлинскаго. Потомъ онъ самъ же искалъ случая, чтобы сознаться въ этомъ передъ самимъ противникомъ. Примѣръ такой честности мнѣній встрѣчается не часто...

Бѣлинскій былъ журналистъ; по природѣ, это былъ человѣкъ, глубоко дорожившій правдой, и потому стремившійся высказываться, убѣждать, дѣйствовать на другихъ: въ теченіе своего поприща онъ высказывался постоянно, такъ что въ его сочиненіяхъ естественно отразился и сохранился весь процессъ его внутренняго развитія, и всѣ послѣдовательныя его ступени, — отдѣльно каждый конечно не похожіе одинъ на другой. Но только люди,

---

[1]) 1839 годъ.

не испытавшіе на самихъ себѣ этого процесса, не имѣющіе понятія о мучительной борьбѣ съ сомнѣніемъ, могутъ видѣть въ этомъ только отсутствіе серьёзности. Подобныя обвиненія особенно безсмысленны и отвратительны со стороны людей, для которыхъ убѣжденіе не существуетъ или бываетъ дѣломъ практическаго разсчета. «Средній человѣкъ», который сегодня — благонамѣреннѣйшій консерваторъ, завтра — застольный либералъ, послѣзавтра—обскурантъ, не можетъ вообще понять, какъ можетъ другой человѣкъ измѣнять свои мнѣнія не по тонкимъ соображеніямъ обстоятельствъ, а только по внушенію собственной мысли и нравственнаго чувства, какъ для него бываетъ дѣломъ *совѣсти* — отказаться отъ прежняго мнѣнія, когда ошибочность его будетъ доказана. Для людей, не безпокоющихъ себя особыми заботами объ истинѣ, непонятно, что сомнѣніе можетъ простираться на самые важные предметы человѣческаго вѣдѣнія; имъ неизвѣстно, что только путемъ сомнѣнія и критики можетъ быть достигнуто разумное пониманіе этихъ важныхъ предметовъ, и благочестиво осуждая сомнѣвающихся, они забываютъ, что сомнѣніе — вовсе не выгодное занятіе, потому что слишкомъ легко можетъ навлечь большія практическія неудобства... Исторія мнѣній Бѣлинскаго именно любопытна и характеристична какъ исторія развитія понятій, въ тогдашнихъ условіяхъ нашей образованности, у человѣка даровитаго, проникнутаго горячимъ желаніемъ истины и общественнаго блага, и который, начавши признаніемъ statusquo, мало-по-малу, путемъ размышленія и жизненнаго опыта, приходилъ къ отрицанію этого statusquo и стремился къ инымъ идеаламъ. Чего стоило Бѣлинскому это развитіе, объ этомъ онъ намекаетъ самъ, отвѣчая славянофильскому критику М... З... К... на обвиненія въ легкой перемѣнчивости его мнѣній. Мы указывали сейчасъ эти слова; прибавимъ теперь заключеніе: «Что касается до вопроса, сообразна ли съ способностью страстнаго, глубокаго убѣжденія способность измѣнять его, онъ давно рѣшенъ для всѣхъ тѣхъ, кто любитъ истину больше себя и всегда готовъ пожертвовать ей своимъ самолюбіемъ, откровенно признаваясь, что онъ, какъ и другіе, можетъ ошибаться и заблуждаться. Для того же, чтобъ вѣрно судить, легко ли отдѣлывался такой человѣкъ отъ убѣжденій, которыя уже не удовлетворяли его, и переходилъ къ новымъ, или это *всегда* бывало для него *болѣзненнымъ процессомъ,* стоило ему *горькихъ разочарованій, тяжелыхъ сомнѣній, мучительной тоски*, для того, чтобы судить объ этомъ, прежде всего надо быть увѣреннымъ въ своемъ безпри-

страстіи и добросовѣстности...» [1]). О послѣднемъ надо напомнить и новѣйшимъ его обвинителямъ.

Должно замѣтить, что это постепенное видоизмѣненіе и окончательное образованіе взглядовъ Бѣлинскаго не было только его личной исключительной исторіей, но принадлежало, въ большей или меньшей степени, всему кругу, съ которымъ онъ дѣлилъ свое развитіе. Всѣ люди этого круга (за исключеніемъ двухъ-трехъ, имѣвшихъ свой особый путь развитія) начинали отвлеченной философіей, полнымъ консерватизмомъ или даже безучастіемъ въ общественныхъ вопросахъ, и всѣ пришли потомъ къ тому же отрицательному или критическому пониманію тогдашней общественности. Бѣлинскаго отличала только энергія, которую онъ вносилъ въ дѣло своихъ убѣжденій, страстное увлеченіе тѣмъ, чтó казалось ему истиной, неспособность останавливаться на полдорогѣ между двумя разными точками зрѣнія,—какъ это бываетъ у большинства. Наконецъ, у Бѣлинскаго вся эта исторія была на виду, по самому характеру его дѣятельности она высказалась съ первой исходной точки до послѣдняго результата, — когда у другихъ она проходила незамѣтно.

Путь развитія былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и очень естественный. Бѣлинскій и его друзья не могли остановиться на ихъ первой философско-идеалистической точкѣ зрѣнія. «Исключительно умозрительное направленіе,—справедливо замѣчаетъ свидѣтель той эпохи,— совершенно противоположно русскому характеру:... *русскій духъ* переработалъ Гегелево ученіе, и наша живая натура, несмотря на всѣ постриженія въ философскіе монахи, беретъ свое». Различныя обстоятельства содѣйствовали тому, что отвлеченная мысль стала сближаться съ дѣйствительностью и принимать иное направленіе.

Изъ своей философской школы Бѣлинскій вынесъ хорошую логическую дисциплину, опредѣленныя и широкія воззрѣнія на литературу; собственный критическій тактъ, замѣчательнымъ достоинствамъ котораго отдавали и теперь отдаютъ справедливость сами его противники, уже рано доставлялъ ему вѣрную точку зрѣнія на произведенія литературы. По этимъ теоретическимъ пріемамъ, онъ стоялъ уже гораздо выше старыхъ романтиковъ; но его понятія общественныя оставались еще строго консервативными, въ силу извѣстныхъ толкованій Гегелевой философіи, изъ которыхъ выводилось оправданіе существующаго. Съ этими взглядами Бѣлинскій явился даже и въ первыхъ статьяхъ «Оте-

[1]) Сочиненія, XI, стр. 257—258.

чественныхъ Записокъ», гдѣ эта точка зрѣнія была доведена до послѣдняго предѣла, за которымъ послѣдовалъ упомянутый выше поворотъ.

Но Бѣлинскій не могъ долго оставаться при этихъ мнѣніяхъ. Прежде всего, собственная работа мысли не дала Бѣлинскому остановиться на «примиреніи», которому онъ могъ еще предаваться въ пору юношескаго оптимизма и подъ вліяніемъ мягкой, любящей, идеалистической по преимуществу природы Станкевича. Та «дѣйствительность», которую теперь они толковали теоретически, должна была выясняться при каждой встрѣчѣ съ практической жизнью, и Бѣлинскому должны были бросаться въ глаза неодолимыя препятствія къ примиренію этой дѣйствительности съ разумностью. Бѣлинскій, усвоивши себѣ положенія Гегелевой философіи (хотя, не зная по-нѣмецки, онъ узнавалъ её изъ вторыхъ рукъ), былъ въ особенности чутокъ къ слабымъ сторонамъ этой философіи. Современникъ разсказываетъ такой примѣръ. «Однажды, проспоривши цѣлые часы противъ боязливаго пантеизма берлинцевъ, Бѣлинскій всталъ и сказалъ своимъ дрожащимъ и прерывающимся голосомъ: «Вы хотите увѣрить меня, что цѣль человѣка — привести абсолютный духъ къ сознанію самого себя, и вы довольствуетесь этой ролью; что касается до меня, я не такъ глупъ, чтобы служить покорнымъ орудіемъ кому то бы то ни было. Если я думаю, страдаю, я думаю и страдаю для себя. Вашъ абсолютный духъ, если онъ существуетъ, мнѣ чуждъ. Мнѣ нѣтъ до него дѣла, потому что у меня нѣтъ съ нимъ ничего общаго»... Съ тѣхъ поръ,—прибавляетъ тотъ же современникъ,— какъ начали проповѣдовать нелѣпость дуализма, первый даровитый человѣкъ, занявшійся у насъ нѣмецкой философіей, замѣтилъ, что она — реалистическая только на словахъ, что въ сущности она оставалась... логическимъ монастыремъ, куда люди бѣжали отъ міра, чтобы погрузиться въ отвлеченности».

Жизненный опытъ рано сталъ указывать Бѣлинскому ту мрачную и тяжелую сторону дѣйствительности, которая не легко поддается теоретическимъ примиреніямъ. Еще мальчикомъ онъ узналъ на себѣ тягость семейнаго деспотизма, и въ провинціальномъ захолустьѣ видѣлъ немало темныхъ сторонъ русской жизни, видѣлъ ту настоящую дѣйствительность, правдивое изображеніе которой въ литературѣ онъ встрѣтилъ потомъ какъ первый залогъ зрѣлости литературы. Повидимому, онъ самъ пытался изображать эту жизнь, какъ онъ зналъ ее. По разсказамъ извѣстно, что еще будучи студентомъ онъ написалъ драму, въ которой выведены были сцены крѣпостного права и гдѣ между прочимъ

слуга убиваетъ своего господина: какъ говорятъ, эта драма, представленная Бѣлинскимъ въ университетскій совѣтъ, послужила настоящимъ поводомъ къ различнымъ притѣсненіямъ и наконецъ къ исключенію Бѣлинскаго изъ университета.

Съ переѣздомъ въ Петербургъ, мнѣнія Бѣлинскаго объ общественныхъ предметахъ стали въ особенности измѣняться въ томъ смыслѣ, какой онѣ окончательно приняли въ послѣдніе годы. Петербургъ имѣлъ на него отрезвляющее дѣйствіе отъ самообольщенія теоретическими построеніями: впечатлѣнія «дѣйствительности» были здѣсь особенно близки, и надо было быть особенно расположену обманывать себя, чтобы не принять этихъ впечатлѣній и остаться на прежней идеалистической точкѣ зрѣнія. Журнальная дѣятельность указала ему и оборотную сторону оффиціальнаго просвѣщенія, на которое онъ нѣкогда возлагалъ свои надежды...

Въ реалистическихъ взглядахъ утверждало его и наблюденіе литературы. Въ одной изъ самыхъ первыхъ своихъ статей (о русской повѣсти и повѣстяхъ Гоголя) Бѣлинскій высоко поставилъ Гоголя, какъ писателя, начинающаго новый періодъ литературы. Появленіе «Мертвыхъ Душъ» завершило кругъ произведеній Гоголя, съ которыми дѣйствительно вошелъ въ литературу новый элементъ: имъ безъ сомнѣнія принадлежало большое вліяніе и въ образованіи тѣхъ общественныхъ взглядовъ, которые въ послѣдніе годы одушевляли критику Бѣлинскаго. Замѣчено было, что параллельно съ тѣмъ, какъ развивалась дѣятельность Гоголя, происходило измѣненіе въ отзывахъ Бѣлинскаго о состояніи нашей литературы: онъ больше и больше покидаетъ отрицаніе нашей литературы, наслѣдованное отъ Надеждина, и переходитъ къ убѣжденію, что у насъ есть или начинается дѣйствительная литература, у которой есть свое развитіе и исторія; онъ находитъ въ литературѣ серьёзный общественный смыслъ, и рядомъ съ этимъ покидаетъ теорію чистаго искусства. Содержаніе сочиненій Гоголя было таково, что иллюзіи относительно «дѣйствительности» были невозможны, и Бѣлинскій въ своей критикѣ приходилъ къ такъ-называемому отрицательному общественному направленію совершенно параллельно съ тѣмъ, что дѣлалось тогда въ самóй поэтической литературѣ.

Но были и болѣе прямыя вліянія, дѣйствовавшія на образъ мыслей Бѣлинскаго: онѣ выходили изъ среды самого кружка, въ его послѣднемъ составѣ.

Въ то первое время, когда собирались вокругъ Станкевича молодые любители философіи, въ другомъ кружкѣ ихъ сверстни-

ковъ зарождалось другое направленіе, также теоретическое и идеальное, но съ перваго раза обратившееся къ вопросамъ иного характера. Это направленіе, представителями котораго были Герценъ и Огаревъ, и особенно первый, было, какъ и направленіе Станкевича, результатомъ и домашнихъ условій, и вліяній европейской литературы; и неясные въ началѣ, инстинктивно-понятые отголоски движенія двадцатыхъ годовъ, и поэзія Шиллера, и новѣйшая политическая и соціальная литература (но не германская философія) положили основаніе образу мыслей, несходному съ интересами кружка́ Станкевича и направленному всего болѣе на предметы политическіе. Но когда люди обоихъ этихъ направленій встрѣтились нѣсколько позднѣе, около 1840 года, и, начавши спорами, успѣли отчасти объяснить себя другъ другу, то оказалось, что въ ихъ стремленіяхъ было много родственнаго, что́ вскорѣ и сблизило ихъ до дружескихъ отношеній, и наконецъ до полнаго согласія общихъ взглядовъ. Одни поступились философскимъ идеализмомъ, другіе принялись съ своей стороны за Гегеля и научились философскому методу, и для обоихъ обозначилась одна общая цѣль—ввести въ литературу и въ умы общества тѣ принципы, къ которымъ они приходили изученіемъ европейской образованности.

Развитіе Герцена было самобытно и исключительно, какъ была самобытна его высоко-даровитая природа. Не повторяя извѣстныхъ фактовъ его біографіи и его собственныхъ разъясненій, довольно замѣтить, что сильный умъ, блестящій талантъ писателя и рѣдкое остроуміе соединялись въ немъ съ чрезвычайно обширнымъ образованіемъ,—качества, которыя потомъ нашли успѣхъ и признаніе въ европейской литературѣ [1]). Съ самаго начала его сознательной жизни, мысли его получили политическое направленіе, въ смыслѣ самаго рѣшительнаго либерализма: онъ изъ дома вынесъ вражду къ крѣпостному праву, а затѣмъ и отрицаніе цѣлой общественности того времени. Конечно, онъ могъ только отчасти высказывать въ литературѣ свой взглядъ на вещи, но въ его произведеніяхъ всегда слышалась свѣжая освободительная струя, возбужденіе къ критикѣ, вражда къ застою, обскурантизму и общественной несправедливости. Его остроумная, живописная, тонкая манера съ перваго раза дали большую популярность выбранному имъ псевдониму. Его энциклопедическая образованность дѣлала его сочиненія прекраснымъ воспитательнымъ средствомъ для умовъ, въ которыхъ была потребность живого знанія. На Бѣлинскаго

1) Ср. его біографію, написанную Альтгаузомъ, въ Unsere Zeit, 1872.

онъ имѣлъ несомнѣнное вліяніе, противодѣйствуя крайностямъ его идеализма: статья о «Бородинской годовщинѣ» поссорила ихъ, но вскорѣ, когда самъ Бѣлинскій увидѣлъ свою ошибку и свое странное положеніе, они тѣмъ больше сблизились. Ихъ соединялъ одинаковый энтузіазмъ; но Герценъ далеко превосходилъ его своимъ многостороннимъ образованіемъ, знакомствомъ съ новѣйшей исторіей и новѣйшей литературой, и въ этомъ отношеніи, кажется, немало помогалъ Бѣлинскому. Если не ошибаемся, онъ, между прочимъ, указалъ Бѣлинскому значеніе произведеній Жоржа-Занда, къ которымъ тотъ прежде относился съ большимъ предубѣжденіемъ и враждой. Во внутреннихъ вопросахъ, между ними, кажется, уже скоро не было никакихъ споровъ...

Къ концу тридцатыхъ годовъ, въ московскомъ университетѣ наступаетъ новая оживленная пора, вслѣдствіе пріѣзда молодыхъ профессоровъ, окончившихъ за-границей свои приготовленія къ каѳедрѣ: съ ними вошелъ въ нашу умственную жизнь новый запасъ европейскаго научнаго знанія и глубокаго интереса къ успѣхамъ русскаго просвѣщенія. Станкевичъ, проводившій послѣдніе годы жизни за границей, умеръ въ 1841 году. Въ Москвѣ образовался новый кружокъ, болѣе зрѣлаго характера, въ которомъ собрались также прежніе друзья Станкевича и которому предстояла не менѣе благотворная дѣятельность. Чтобы характеризовать его, довольно назвать имя Грановскаго, который тѣсно сдружился со Станкевичемъ за границей, и по собственнымъ словамъ, много занялъ отъ него въ своемъ развитіи и напоминалъ его своей мягкой, идеальной человѣчностью. «Въ числѣ друзей Грановскаго,—говоритъ его біографъ,—вскорѣ явился человѣкъ, сдѣлавшійся для него дорогимъ на всю его жизнь. Въ 1842 году переселился въ Москву изъ Новгорода А. И. Герценъ. Живой, умный, разнообразно образованный, полный интересовъ научныхъ и общественныхъ, даровитый и остроумный, онъ соединялъ въ себѣ все, что́ дѣлало его бесѣду и сообщество привлекательнымъ и живительнымъ для Грановскаго и друзей его. Тѣсный кружокъ друзей собирался часто вмѣстѣ. Каждый изъ нихъ много читалъ. Всякое значительное явленіе, къ какой бы области знанія, искусства, литературы ни принадлежало оно, было извѣстно одному изъ нихъ. Прочтенное и узнанное въ спорахъ и бесѣдахъ дѣлалось общимъ достояніемъ друзей. Рядомъ съ веселой бесѣдой, шутками и остротами, друзья обмѣнивались мнѣніями, мыслями, новостями. Въ частыхъ бесѣдахъ обобщались ихъ понятія и мнѣнія. Въ этомъ кружкѣ образованныхъ и одушевленныхъ живыми интересами людей нерѣдко появлялись замѣчательнѣйшіе и дарови-

тѣйшіе изъ нашихъ литераторовъ и артистовъ... Друзья не довольствовались наслажденіемъ мыслью и знаніемъ. Они были дѣятельны въ той мѣрѣ, въ какой современныя условія допускали научную и литературную дѣятельность. Иной изъ нихъ издавалъ газету, другой переводы, третій писалъ статьи для журнала»...

Грановскаго зналъ Бѣлинскій еще раньше, въ Москвѣ, до отъѣзда перваго за границу. Теперешній московскій кружокъ остался въ дружескихъ связяхъ съ Бѣлинскимъ и послѣ переѣзда его въ Петербургъ. Московскій кружокъ (Герценъ, Грановскій, Кудрявцевъ, писавшій подъ псевдонимомъ Нестроева, Боткинъ и др.) постоянно участвовали въ журналѣ, гдѣ работалъ Бѣлинскій, —сначала въ «Отечественныхъ Запискахъ», потомъ въ «Современникѣ». Эти силы дѣйствовали въ одномъ общемъ направленіи: всѣ, болѣе или менѣе воспитавшіеся въ идеальныхъ стремленіяхъ, проникнуты были желаніемъ работать для просвѣщенія и гуманности; всѣ одинаково понимали недостатки русскаго общества въ этомъ отношеніи, и находили единственное средство для лучшаго будущаго въ широкомъ распространеніи образованія, и, въ дальнѣйшей перспективѣ,—убѣждены были въ необходимости развить въ обществѣ понятіе о болѣе совершенныхъ формахъ общественнаго устройства и стремленіе къ нимъ. Бѣлинскій безъ сомнѣнія многое заимствовалъ отъ этихъ друзей московскаго круга, отъ умственной и нравственной солидарности съ ними. Такъ отъ вліянія Герцена, въ значительной степени, произошелъ его поворотъ съ консервативно-идеалистической точки зрѣнія, и болѣе строгій и внимательный взглядъ на свойства нашей общественности. Отсюда шелъ новый взглядъ его на французскую литературу, противъ которой онъ былъ предубѣжденъ въ прежнее время, по пристрастію къ мнѣніямъ нѣмецкой философіи; такъ, онъ сталъ восторженнымъ поклонникомъ художественнаго таланта и общественной тенденціи Ж. Занда. Интересъ къ современной исторіи, къ политическимъ и соціальнымъ движеніямъ европейскаго общества съ новой стороны дополнилъ и исправилъ прежнія мнѣнія Бѣлинскаго и окончательно утвердилъ его понятія о томъ, что́ нужно для успѣховъ русской общественной жизни и образованности... Недавно его назвали, съ цѣлью лишняго уязвленія, соціалистомъ. Собственно говоря, не было бы большой бѣды, если бы это обозначеніе было вѣрно,—потому что весь тогдашній «соціализмъ», какой и былъ, конечно былъ не больше какъ однимъ изъ тѣхъ идеальныхъ увлеченій, которыя въ особенности развиваются въ извѣстные періоды, какъ необходимая потребность наполнить пустоту и бѣдность общественной жизни, и въ этомъ смыслѣ совершенно

законны; что нашъ такъ-называемый «соціализмъ», будучи невиненъ логически, какъ чисто идеалистическая вещь, былъ столько же невиненъ и въ практически-гражданскомъ отношеніи, — объ этомъ странно и говорить, потому что онъ никогда не выходилъ изъ области мечтаній. Что касается до Бѣлинскаго, то въ его мнѣніяхъ, кажется, и вовсе не было никакого соціализма. Въ вопросахъ внутренней жизни русскаго общества, которые все больше начинали его занимать въ послѣдніе годы, онъ довольно ясно видѣлъ положеніе вещей; его такъ-называемое отрицаніе обращалось противъ самыхъ дѣйствительныхъ золъ нашего общественнаго и народнаго быта, противъ крѣпостного права, бюрократическаго произвола, всякаго рода общественной несправедливости, обскурантизма и т. д., и надо полагать, что эти, слишкомъ осязательныя и слишкомъ часто напоминавшія о себѣ явленія были для него предметомъ такого близкаго значенія и такъ его возбуждали, что едва ли онъ могъ найти интересъ въ системѣ, столь крайне идеалистической, какъ тогдашній соціализмъ. Онъ, повидимому, не задавался столь отдаленными перспективами. Наконецъ, въ его сочиненіяхъ нѣтъ ничего похожаго на соціализмъ...

Въ сороковыхъ годахъ, кружокъ друзей, которые лѣтъ десять передъ тѣмъ съ юношескимъ энтузіазмомъ увлекались нѣмецкой философіей и были мало замѣтны въ литературѣ, еще полной романтическими преданіями, — этотъ кружокъ, съ своими новыми развѣтвленіями, хотя все еще немногочисленный, занималъ въ литературѣ господствующее положеніе. Разнообразная дѣятельность Герцена, университетское преподаваніе и историческія сочиненія Грановскаго, труды по русской исторіи гг. Соловьева, Кавелина, Павлова, изученіе европейской новѣйшей исторіи, политико-экономическіе интересы, изученіе новой европейской литературы—въ работахъ Фролова, Боткина, Кудрявцева, Влад. Милютина, Анненкова и т. д., все это вносило въ литературу содержаніе, полное глубокаго значенія. Эта дѣятельность, проникнутая однимъ общимъ характеромъ,—стремленіемъ къ просвѣщенію, къ объясненію русской жизни, къ нравственному освобожденію,—съ перваго раза, какъ она могла установиться нѣсколько правильно, привлекла къ себѣ ту часть общества, въ которой были лучшіе задатки и въ которой подобныя стремленія еще оставались неяснымъ инстинктомъ. Бѣлинскому, въ этой дѣятельности, принадлежала очень важная роль: онъ не былъ въ этомъ цѣломъ кругу господствующей личностью,—которой и вовсе не было;—многимъ онъ даже обязанъ былъ другимъ,—но это былъ человѣкъ страстнаго убѣжденія, неутомимой дѣятельности, и онъ, безъ сомнѣнія,

сдѣлалъ больше всѣхъ другихъ въ распространеніи тѣхъ понятій, которыя составляли содержаніе и особенность такъ-называемаго «западнаго» направленія.

Главная сила таланта Бѣлинскаго состояла въ живомъ пониманіи искусства; проницательность его критики, признаваемая самими его противниками, много разъ замѣчательнымъ образомъ оправдывалась. Главная заслуга Бѣлинскаго — созданіе русской критики, и вмѣстѣ—эстетической исторіи литературы. Съ первой статьи, которою онъ началъ свое критическое поприще, онъ установляетъ теоретическія понятія о литературѣ, изъ которыхъ, путемъ послѣдовательнаго развитія, образовались его позднѣйшія понятія. Въ своихъ эстетическихъ представленіяхъ, онъ началъ съ теоріи безсознательнаго творчества, но по мѣрѣ того, какъ спадалъ философскій туманъ и разъяснялось для него жизненное назначеніе искусства, Бѣлинскій отклоняется отъ первоначальной точки зрѣнія, и даетъ все больше и больше мѣста теоріи сознательнаго творчества и требованіямъ жизни и общества. Онъ понимаетъ теперь искусство уже не какъ безсознательное и эгоистическое витаніе художника въ его исключительной сферѣ, но какъ одно изъ выраженій жизни, разумѣніе которой и служеніе ей обязательны для художника, какъ для всякаго мыслящаго человѣка. Цѣня въ литературѣ одно изъ главнѣйшихъ средствъ общественнаго развитія, особенно въ тѣ времена, когда только въ литературѣ общественная мысль могла сколько-нибудь высказываться, — критика переходила на публицистическую почву, или точнѣе говоря, впервые поставила дѣйствительную задачу, предстоящую литературѣ,—которая до того времени довольствовалась у насъ ролью или отвлеченной, или элементарно-дидактической, или дилеттантской. Какъ бы дальше ни совершалось движеніе, какіе принципы ни проповѣдовала бы литература, но съ тѣхъ поръ она уже стояла на почвѣ дѣйствительныхъ интересовъ жизни, выражала существующія въ ней направленія, а не служила только отвлеченному дилеттантскому развлеченію. Въ этомъ измѣненіи значенія литературы въ обществѣ, — очень большая доля заслуги принадлежала именно Бѣлинскому.

Дѣятельность Бѣлинскаго въ этомъ отношеніи, и вообще дѣятельность этого круга находила опору въ естественномъ возрастаніи самой литературы. Въ сороковыхъ годахъ литература представляла любопытное зрѣлище новой возникавшей жизни. Тотъ

протестъ противъ застоя и стѣсненія образованности и общественной жизни,—къ которому приходилъ кругъ Бѣлинскаго, — выражался въ то же время въ литературѣ поэтической. Когда вырабатывалось теоретически понятіе о необходимости реальнаго содержанія въ литературѣ, о необходимости изученія самой жизни, объ изгнаніи романтической фантастики, — въ нашей поэзіи являются таланты первостепенной силы, идущіе въ этомъ самомъ направленіи: Гоголь, Кольцовъ, Лермонтовъ. Всѣ они являются совершенно независимо одинъ отъ другого, и вмѣстѣ независимо отъ критической школы круга Бѣлинскаго [1]). Гоголь и Кольцовъ явились внѣ всякаго вліянія европейской литературы, даже съ самымъ ограниченнымъ образованіемъ,—но это не помѣшало ни тому, ни другому изображать народную жизнь съ такой поэзіей и нравы общества съ такой правдой, какихъ еще не видѣла наша литература. Здѣсь являлась, наконецъ, та чистая дѣйствительность, которой доискивалась философская теорія. Съ Гоголемъ литература окончательно становилась на ту дорогу, которой такъ долго искала ощупью, и совершенно свободная отъ чужихъ вліяній, пріобрѣтала чисто русское содержаніе. Развитіе Лермонтова шло инымъ путемъ, съ одной стороны подъ сильнымъ вліяніемъ Байрона, съ другой — въ общественномъ кругу, очень далекомъ отъ народной жизни, но, несмотря на то, и Лермонтовъ замѣчательно угадывалъ народно-поэтическіе мотивы (въ «Пѣснѣ о Калашниковѣ»), какъ въ то время это удавалось только одному Кольцову, и какъ удавалось только рѣдко и очень немногимъ послѣ того. Вмѣстѣ съ тѣмъ, во многихъ стихотвореніяхъ и въ «Героѣ нашего времени» онъ затрогивалъ самыя глубокія помышленія лучшихъ умовъ своего времени.

Это совпаденіе теоретическаго развитія понятій съ фактами поэтической литературы указывало, что въ этихъ явленіяхъ была своя историческая необходимость. Въ самомъ дѣлѣ, среди полнаго торжества понятій оффиціальной народности, среди той литературы, —«писанной слогомъ помадныхъ объявленій», по выраженію Гоголя,—которая доказывала, что мы живемъ въ лучшемъ изъ міровъ, являлась литература, которая, повидимому ничѣмъ не нарушая господствующаго тона, мало замѣтно для большинства, и отчасти даже для самихъ дѣятелей, вносила совершенно новыя начала. Гоголь, слѣдуя въ своихъ общественныхъ

---

[1]) Только Кольцовъ былъ дружески связанъ съ кружкомъ Станкевича, и отчасти развился подъ его вліяніемъ,—но сущность его поэзіи образовалась конечно раньше и вполнѣ самостоятельно.

взглядахъ преданіямъ пушкинскаго круга, не помышляя ни о какомъ осужденіи существующихъ формъ, даже заискивая передъ властями, издаетъ глубокую сатиру, гдѣ дѣйствительно сквозь смѣхъ слышались слезы; противъ воли автора въ его изображеніяхъ говорило отрицаніе описываемой имъ жизни, такъ что самъ Гоголь не могъ впослѣдствіи вынести этого значенія своихъ произведеній и отрекся отъ нихъ... Поэзія Лермонтова, исполненная глубокаго и сильнаго чувства, въ своемъ соприкосновеніи съ жизнью общества была только поэзіей скорби, безнадежности и озлобленія. Въ его произведеніяхъ встрѣчали выраженіе своего чувства тѣ «лишніе» люди, которые, съ своими порывами къ общественной дѣятельности, съ своими идеалами и стремленіями, даже съ своимъ образованіемъ, находили себя совершенно чужими въ господствующихъ нравахъ. Въ поэзіи Кольцова, народная «муза» опять не имѣла никакихъ пѣсенъ для народности оффиціальной...

Общественная важность элементовъ, внесенныхъ въ литературу этими писателями, очевидная уже изъ ихъ параллельнаго и независимаго другъ отъ друга развитія, и изъ содержанія самыхъ произведеній, обнаруживалась далѣе и тѣмъ, что эти элементы послужили основаніемъ дальнѣйшаго литературнаго развитія. Къ Гоголю особенно примыкаетъ такъ-называемая «натуральная школа», которая послѣдовала его указаніямъ и стала рисовать русскую дѣйствительность, не подкрашивая ее фальшивыми красками. Лермонтовскіе мотивы въ большой степени вошли въ изображеніе типовъ новаго образованнаго поколѣнія сороковыхъ годовъ. Кольцовъ навсегда устранилъ прежнія книжныя поддѣлки народно-поэтическаго склада и указалъ, чѣмъ можетъ быть поэзія въ настоящемъ народномъ стилѣ.

«Натуральная школа» (не забудемъ, что ея послѣднимъ завершеніемъ былъ тогда г. Тургеневъ, съ «Записками Охотника») шла по дорогѣ, указанной Гоголемъ, уже сознательно. Естественно, что она вызвала противъ себя вражду всѣхъ старыхъ партій, между прочимъ и прежней пушкинской школы; къ ней недружелюбно относились и славянофилы. Однимъ непріятно было видѣть въ ней несомнѣнное развитіе гоголевской сатиры, за которой, напримѣръ, пушкинская школа, по всему складу своихъ понятій, не хотѣла признать ея отрицательнаго значенія, или по крайней мѣрѣ одобрить его; другимъ непріятно было замѣтить очевидную связь «натуральной школы» съ образомъ мыслей, отличавшимъ «западное» направленіе: въ ней, не безъ основанія, чуяли вліяніе Бѣлинскаго. Въ самомъ дѣлѣ, одной изъ главныхъ

заслугъ его критики было то, что она съ перваго взгляда угадала и разъяснила все высокое значенiе Гоголя, и тѣмъ безъ сомнѣнiя въ большой степени увеличила его влiянiе. Для писателей «натуральной школы» непосредственное впечатлѣнiе произведенiй Гоголя усиливалось всѣмъ влiянiемъ Бѣлинскаго.

Такимъ образомъ, литература и критика дѣйствовали взаимно одна на другую, и литературные вопросы совершенно измѣнили свой характеръ. «Словесныхъ дѣлъ мастера», романтическiе стилисты должны были сойти со сцены; явилось требованiе общественнаго содержанiя въ литературныхъ произведенiяхъ, и Бѣлинскому почти исключительно принадлежитъ установленiе новыхъ литературныхъ идей. Задача писателя — не только художественная, но и общественная; онъ обязанъ служить лучшимъ интересамъ человѣческой мысли, нравственнаго и гражданскаго достоинства въ своемъ обществѣ, потому что и содержанiе искусства тождественно съ этими интересами. Бѣлинскiй, хотя крайне стѣсненный въ своей литературной дѣятельности извѣстными внѣшними препятствiями, успѣлъ выразить и утвердить новый складъ не только литературныхъ, но и общественныхъ понятiй; для новыхъ поколѣнiй онъ сталъ нравственно-воспитывающей силой.

Изучая мнѣнiя Бѣлинскаго, необходимо имѣть въ виду, что эти мнѣнiя въ то время не могли быть и не были выражены съ достаточной полнотой, и что, поэтому, для полнаго пониманiя ихъ надо, если не прямо предпринять «чтенiе между строками» (при чемъ легко преувеличить или произвольно понять содержанiе), то по крайней мѣрѣ взять въ соображенiе то, что бывало высказано нѣкоторыми писателями этого круга безъ упомянутыхъ стѣсненiй, и по этому дополнять недостающее воображенiемъ.

Взятая въ цѣломъ, система мнѣнiй Бѣлинскаго и всего круга, которому онъ принадлежалъ, была продолжающимся развитiемъ идей, появившихся въ русскомъ образованномъ обществѣ въ двадцатыхъ годахъ: это была новая ступень того же критическаго обращенiя къ вопросамъ нашей внутренней жизни, и того же стремленiя къ формамъ общественности, болѣе совершеннымъ въ гражданскомъ смыслѣ. Движенiе двадцатыхъ годовъ было прервано и не оставило никакого опредѣленнаго результата; но мысль, въ немъ лежавшая, сохранилась. Посредствующимъ звеномъ между стремленiями двухъ поколѣнiй было «Письмо» Чаадаева; его скептицизмъ и европейскiя симпатiи были тѣмъ со-

держаніемъ, которое нужно было переработать, чтобы идти дальше. Новое направленіе, пройдя свою предварительную школу въ идеализмѣ Гегелевой философіи, вскорѣ заявило свои общественные взгляды: достигнувъ своей зрѣлости, оно рѣшительно покинуло дорогу оффиціальной народности, не удовлетворяясь ея результатомъ—существовавшимъ характеромъ умственной и общественной жизни. Но дѣятельность для людей этого направленія была тогда возможна исключительно въ области предметовъ и интересовъ литературныхъ; поэтому, Бѣлинскому оставалось бороться противъ старыхъ литературныхъ партій, олицетворявшихъ въ себѣ консервативную рутину. Господствующая система понятій оффиціальной народности не могла подлежать критикѣ; въ этомъ отношеніи новое направленіе было совершенно связано; въ спорахъ съ старыми литературными партіями, оно по необходимости должно было умалчивать объ этой сторонѣ ихъ мнѣній, выражая только свое несочувствіе къ «квасному и кулачному патріотизму»; чисто литературная часть дѣятельности старыхъ партій была подорвана уже вскорѣ новымъ направленіемъ. Главнымъ противникомъ, съ которымъ слѣдовало бороться, оставались славянофилы [1].

---

[1]) По поводу славянофильства, г. Погодинъ выставляетъ противъ меня въ „Гражданинѣ“ цѣлый рядъ всякихъ обвиненій, между прочимъ въ томъ, что я то включаю въ славянофильство его, г. Погодина, и „Москвитянинъ“, то выдѣляю ихъ,—и что я не узналъ литературы предмета (я перечитывалъ ее еще со студентской скамьи). Но самъ обвинитель конечно запамятовалъ эту литературу, потому что выдѣленіе „Москвитянина“ г. Погодина и Шевырева (какъ и выдѣленіе „Маяка“) изъ славянофильства сдѣлано вовсе не мною въ первый разъ, а гораздо ранѣе,—сначала, отчасти самими настоящими славянофилами, а потомъ между прочимъ нѣкоторыми критиками, *совершенно благопріятными* славянофильству. Предоставляемъ г. Погодину, *знающему* литературу, припомнить, какія это были критики. (Если онъ не припомнитъ, я пожалуй послѣ самъ укажу цитаты, гдѣ онъ это найдетъ).

Въ *сороковыхъ* годахъ, напротивъ, часто смѣшивали „Москвитянинъ“, г. Погодина и Шевырева, и славянофиловъ въ одну партію, по той простой причинѣ, что въ то время отчасти не вполнѣ еще опредѣлилась ихъ разница, отчасти потому, что славянофилы, не имѣя собственнаго изданія, прибѣгали иногда къ „Москвитянину“. Впослѣдствіи, чтобы высказываться безъ чужихъ дополненій, славянофилы начали издавать свои „Сборники“.

А существенная разница между ними, говоря вкратцѣ, была та, что въ понятіяхъ „Москвитянина“ было гораздо больше поддакиванія и лести оффиціальной народности (или казенной, какъ прибавляетъ г. Погодинъ,—все равно), чѣмъ славянофилы считали приличнымъ, и что въ „Москвитянинѣ“ былъ еще особый такъ сказать юродивый элементъ, котораго славянофилы также удалялись.

Наконецъ, относительно другихъ мнимыхъ историческихъ ошибокъ, открытыхъ г. Погодинымъ въ моемъ изложеніи славянофильства, прибавлю, что, во-первыхъ, въ настоящихъ очеркахъ я вообще не бралъ на себя полнаго и послѣдовательнаго изложенія фактовъ, и предполагая ихъ извѣстными, останавливался на томъ, что по моему

кружокъ, къ которому принадлежалъ Бѣлинскій, боролся съ ними въ особенности потому, что видѣлъ въ славянофильствѣ силу, равную себѣ по умственному оружію и общимъ философскимъ основаніямъ (другіе равны не были), но въ его мнѣніяхъ видѣлъ тѣ же начала оффиціальной народности, только въ формѣ, облеченной въ философскія доказательства, ухищренной и доктринерской. Выше мы имѣли случай упоминать, какъ легко было въ сороковыхъ годахъ смѣшивать славянофильство съ мнѣніями г. Погодина и Шевырева; иногда славянофилы вступали въ «Москвитянинъ», не отказываясь отъ солидарности съ его другими мнѣніями. Понятно, что большинство читателей въ то время совершенно ихъ смѣшивало, и критика не могла не трактовать ихъ вмѣстѣ. Но положеніе круга Бѣлинскаго въ этомъ спорѣ было далеко не благопріятное: ихъ противники являлись въ слишкомъ тѣсномъ союзѣ съ авторитетомъ, до котораго нельзя было касаться.

Споръ, происходившій между двумя сторонами, представлялъ собой въ сущности давнее историческое столкновеніе двухъ началъ, которыя можно опредѣлить какъ консервативное преданіе и потребность прогресса, какъ національную исключительность и стремленіе къ усвоенію европейской образованности. Теперь этотъ споръ велся въ области тѣхъ теоретическихъ понятій, до которыхъ достигъ небольшой слой наиболѣе образованныхъ людей. Обѣ стороны исходили изъ однихъ первоначальныхъ философскихъ изученій. Философія Гегеля была такъ абстрактна, что изъ нея, въ практическихъ примѣненіяхъ, можно было извлекать самые несходные выводы, и они были извлечены. Славянофилы выводили изъ нея свое ученіе въ духѣ правой стороны Гегелевой школы; ихъ противники, отчасти наскучивъ философской казуистикой и тѣсными результатами, какіе давала эта философія въ своемъ буквальномъ смыслѣ, отчасти подъ вліяніемъ другого порядка идей, вынесеннаго изъ общественно-политическихъ изученій, —

мнѣнію требовало новаго объясненія; во-вторыхъ, полной исторіи славянофильства не можетъ быть въ моемъ изложеніи и потому, что предѣлы очерковъ ограничены половиной пятидесятыхъ годовъ, что упоминается въ заглавіи; въ-третьихъ, для нѣкоторыхъ (г. Погодину неясныхъ) отзывовъ о положеніи партій, я имѣлъ данныя, вѣроятно забытыя г. Погодинымъ (укажу для примѣра хоть біографію Грановскаго). Наконецъ, что касается другихъ неясностей, которыя г. Погодинъ вызываетъ меня истолковать, то пусть мой противникъ потрудится самъ объяснить ихъ себѣ (я желаю только объясненія безпристрастнаго), — а я *въ настоящее время* толковать ихъ подробнѣе не имѣю желанія: другимъ читателямъ, довольно компетентнымъ въ славянофильскомъ вопросѣ — сколько я слышалъ—мои мнѣнія, невразумительныя для г. Погодина, были достаточно понятны.

отвергли ея консервативные выводы и развивали ея основанія дальше, въ томъ духѣ, въ какомъ стали излагать это ученіе въ самой Германіи наиболѣе смѣлые послѣдователи школы. (Образчикомъ остаются, напр., извѣстныя «Письма объ Изученіи Природы»,—въ которыхъ многія страницы написаны какъ будто теперь, какимъ-нибудь изъ писателей, основывающихъ философію на началахъ естествознанія). Разница въ этихъ пріемахъ философскаго разсужденія, естественно сопровождалась разницей, даже противоположностью въ выводѣ — во всей системѣ мнѣній. Славянофилы и кругъ друзей Бѣлинскаго разошлись и въ теологіи, и въ исторіи, и въ понятіяхъ общественныхъ.

Мы видѣли, въ какомъ духѣ славянофилы развивали свою теологическую систему. Для ихъ противниковъ, эта аргументація не была убѣдительна, ни въ теоретической, ни въ исторической части [1]). Относительно первой, противники славянофильства стояли на совершенно иной точкѣ зрѣнія: чистому супранатурализму славянофиловъ они противопоставили бы право свободнаго изслѣдованія; на славянофильскую догматику, которой принудительность возмущала въ нихъ самые глубокіе инстинкты ума и чувства, они противопоставили бы «молодыхъ гегеліанцевъ», раціоналистовъ, тюбингенскую школу. Даже для тѣхъ членовъ круга, которые сами отличались религіознымъ идеализмомъ, какъ Грановскій, не имѣла ничего сочувственнаго догматика славянофиловъ, на которой они утверждали самыя важныя положенія объ исторіи и цивилизаціи запада и востока, и которая въ девятнадцатомъ столѣтіи хотѣла сохранить значеніе, принадлежавшее ей въ десятомъ вѣкѣ. Дѣленіе человѣческой цивилизаціи на два развитія, по раздвоенію догматики, было невообразимо для противниковъ славянофильства, по всѣмъ ихъ историческимъ понятіямъ. Въ мірѣ византійскомъ, поставленномъ такъ высоко славянофилами, они видѣли только застой и упадокъ. Если русскому народу не приходились духъ и формы запада, — спрашивали они, — то что же общаго имѣлъ русскій народъ съ жизнью византійской? Гдѣ была органическая связь между славянами, варварами отъ молодости, и греками, варварами отъ дряхлости? И что такое Византія, какъ не тотъ же Римъ, но Римъ временъ упадка, безъ славныхъ воспоминаній, безъ раскаянія? Въ теологическомъ устройствѣ Византіи они ви-

---

[1]) Понятно, что здѣсь рѣчь идетъ не объ однихъ печатныхъ разсужденіяхъ сторонъ. Въ печати, прямая постановка этихъ вопросовъ была тогда немыслима. Но по временамъ противники встрѣчались, и печатную полемику замѣняли устныя бесѣды и препирательства, — изъ которыхъ кое-что проскользало и въ литературу.

дѣли тотъ же существенный характеръ, какъ въ западномъ мірѣ, только болѣе вялый и апатическій; въ ея устройствѣ гражданскомъ — только неограниченный деспотизмъ и страдательное повиновеніе, поглощеніе личности государствомъ, государства императоромъ. Южные славяне были въ продолжительныхъ и тѣсныхъ связяхъ съ этой Византіей: что же они изъ этого вынесли? Гдѣ цивилизующая сила византійскаго принципа, у самихъ грековъ, и у всѣхъ тѣхъ народовъ, которые принимали этотъ принципъ?

Такимъ образомъ, несогласіе мнѣній распространялось и на историческую часть вопроса. Какъ славянофилы восхваляли древнюю Русь, такъ ихъ противники считали русскую старину, періодъ господства византійскихъ заимствованій,—временемъ патріархальнаго деспотизма и невѣжества, для заключенія котораго необходима была реформа. Бѣлинскій и его друзья не убѣждались контрастомъ греко-славянской и западной цивилизаціи, который выставляло славянофильство: съ одной стороны, они искали и не находили тѣхъ великихъ истинъ, которыя заключались въ древле-русской цивилизаціи, и находили только развитіе внѣшней силы въ Московскомъ царствѣ, византійско-восточнаго склада, и нравы, описанные Котошихинымъ; съ другой, удивлялись, какъ славянофильство могло такъ легко и странно относиться къ тому, что выработано умственной и политической исторіей Европы... Наконецъ, они только смѣялись надъ тѣмъ, какъ близкій по духу славянофиламъ «Москвитянинъ», особенно устами Шевырева, обличалъ «развратъ мышленія» и «безстыдство знанія», овладѣвшіе Европой...

Противъ писателей «западнаго» направленія, и противъ Бѣлинскаго особенно, не одинъ разъ впослѣдствіи выставляемы были обвиненія въ этомъ пренебреженіи къ древней Руси и непониманіи ея, въ такомъ же непониманіи и несправедливомъ отношеніи къ народной поэзіи, къ возникавшей малорусской литературѣ, наконецъ къ цѣлому славянскому міру; рядомъ съ этимъ, винили ихъ въ крайнемъ поклоненіи Петру Великому, реформѣ, государственному началу (даже въ «централизаціи»!), за которымъ они признавали право какъ за силой, и т. п. Винили даже въ несочувствіи вообще къ народному. Устраняя это послѣднее обвиненіе, какъ основанное, относительно Бѣлинскаго, на явномъ недоразумѣніи, о другихъ обвиненіяхъ надо замѣтить слѣдующее. Во-первыхъ, обвинители отчасти приводятъ мнѣнія Бѣлинскаго безъ должнаго разбора, смѣшивая въ одно его первыя сочиненія и послѣднія, тогда какъ первыя были только началомъ, приго-

товленіемъ, которое послѣ было имъ покинуто. Во-вторыхъ, мнѣнія Бѣлинскаго объ этихъ предметахъ всего чаще высказывались въ полемической формѣ, слѣдовательно, высказывались въ болѣе обыкновеннаго рѣзкой формѣ, и, разсчитанныя на опроверженіе противнаго мнѣнія, по необходимости выставляли больше одну спорную часть предмета. Въ-третьихъ, недостатки Бѣлинскаго были недостатками времени: въ то время не было ни тѣхъ научныхъ изслѣдованій, которыя теперь измѣнили къ лучшему наши историческія представленія, ни тѣхъ явленій литературныхъ, которыя такимъ же образомъ измѣняли прежніе взгляды,— каково напр. послѣднее развитіе малорусской литературы и т. п. Въ мнѣніяхъ Бѣлинскаго были, правда, и дѣйствительныя ошибки и крайности, но за то кому мы больше всего обязаны тѣмъ, что остановлены были другія крайности, конечно гораздо болѣе вредныя?

Вникнувъ въ понятія Бѣлинскаго, мы увидимъ, что въ свое время, сказанное имъ имѣло свои основанія, могло или должно было быть сказано; увидимъ, что были въ его мнѣніяхъ и ошибки, но увидимъ также ихъ причину, и потому умѣримъ и обвиненія, или совершенно ихъ отвергнемъ. Славянофилы, и ихъ друзья въ «Москвитянинѣ» пустили въ ходъ мысль о «гніеніи Запада»: отчасти, эта мысль служила и полемическимъ ударомъ «западному» направленію. Люди этого направленія находили проповѣдь о гніеніи Запада просто безсмысленной, когда она шла, напр., отъ Шевырева, но вмѣстѣ и вредной, потому что она самымъ грубымъ образомъ вторила тому обскурантизму, котораго у насъ всегда бывало вдоволь. Серьёзнѣе относились они къ этому обвиненію, когда оно шло отъ настоящихъ славянофиловъ, какъ Хомяковъ, Кирѣевскій,—потому что и мнѣнія ихъ были серьёзнѣе. На положеніе о гніеніи Запада они отвѣчали различными объясненіями. Прежде всего, они находили, что мысль не нова, и даже принадлежитъ не намъ, а нѣкоторымъ писателямъ самой Европы. «Европа, — говорили они, — не дожидалась ни поэзіи Хомякова, ни прозы редакторовъ «Москвитянина», чтобы понять, что она теперь наканунѣ переворота, возрожденія или полнаго разложенія. Сознаніе упадка нынѣшняго общества, это — соціализмъ, и конечно, его писатели заимствовали свой приговоръ противъ современной Европы не изъ сочиненій Шафарика, Коллара или Мицкевича. Соціализмъ былъ извѣстенъ въ Россіи лѣтъ десять раньше того, чѣмъ стали говорить о славянофилахъ»... Но если указанный источникъ могъ существовать для Хомякова или Кирѣевскаго, то для другихъ проповѣдниковъ гніенія Запада,

какъ для Шевырева, послужили, быть можетъ, другіе источники, также западные, только имѣвшіе гораздо менѣе смысла или вовсе его неимѣвшіе, напр., писанія всякихъ ретроградныхъ партій, феодаловъ и клерикаловъ, которымъ современная Европа казалась близкой къ гибели по крайнему развитію невѣрія и либерализма: это совершенно сходилось съ тѣмъ, что́ подобныя ретроградныя партіи думали объ Европѣ и у насъ.

Но откуда бы ни взялась, эта мысль была крайней нелѣпостью какъ аргументъ противъ нашего заимствованія западной образованности. Если даже вѣрить западнымъ пессимистамъ, то гибель грозила въ Европѣ только извѣстнымъ общественнымъ формамъ, въ которыхъ дѣйствительно было и есть много гнилого, но вовсе не самой цивилизаціи, не собраннымъ ею богатствамъ науки и искусства. Самъ западный пессимизмъ, у соціалистовъ, происходилъ изъ чувства общественной справедливости, которое было плодомъ той же цивилизаціи и становится болѣе и болѣе общимъ. У насъ проповѣдники гніенія Запада даже не поняли, или не захотѣли понять настоящаго значенія этихъ западныхъ отрицаній современной европейской жизни, и они напрасно ссылались на западныхъ отрицателей (какъ и теперь вздумали ссылаться на Гартмана), потому что западные отрицатели, конечно, не удовлетворились бы *тѣми* разрѣшеніями этого вопроса, какое предлагали наши философы. Западное недовольство европейской жизнью было недовольство взрослаго человѣка результатомъ, который былъ бы еще очень и очень хорошъ для мальчика или юноши, и наша проповѣдь европейскаго гніенія производила тѣмъ болѣе тяжелое впечатлѣніе, что наша собственная образованность была по-истинѣ нищенская.

Бѣлинскій между прочимъ остановился на этомъ предметѣ по поводу «Русскихъ Ночей» кн. Одоевскаго, гдѣ одно изъ дѣйствующихъ лицъ, Фаустъ, излагаетъ это гніеніе Запада. Бѣлинскій указываетъ сходство его мнѣній съ славянофильскими,— признаетъ, что много есть очень вѣрнаго въ его изображеніяхъ общественныхъ бѣдствій европейской жизни, напр., пролетаріата и т. п., но приводитъ цѣлый рядъ своихъ возраженій на общую мысль, и въ заключеніе очень вѣрно характеризуетъ сомнѣніе этого Фауста,—и, конечно, кн. Одоевскаго. «Да, ужасно въ нравственномъ отношеніи состояніе современной Европы, — говоритъ Бѣлинскій. Скажемъ болѣе: оно уже никому не новость, особенно для самой Европы, и тамъ объ этомъ и говорятъ и пишутъ еще съ гораздо бо́льшимъ знаніемъ дѣла и бо́льшимъ убѣжденіемъ, нежели въ состояніи дѣлать это кто-либо у насъ. Но какое

же заключеніе должно сдѣлать изъ этого взгляда на состояніе Европы? Неужели согласиться съ Фаустомъ, что Европа того и гляди прикажетъ долго жить, а мы, славяне, напечемъ блиновъ на весь міръ, да и давай поминки творить по покойницѣ?... Подобная мысль, еслибъ о ея существованіи узнала Европа, никого не ужаснула бы тамъ... Нельзя такъ легко дѣлать заключенія о такихъ тяжелыхъ вещахъ, какова смерть—не только народа (морить народовъ намъ ужъ нипочемъ), но цѣлой, и притомъ лучшей, образованнѣйшей части свѣта. Европа больна,—это правда, но не бойтесь, чтобы она умерла; ея болѣзнь отъ избытка здоровья, отъ избытка жизненныхъ силъ; это болѣзнь временная, это кризисъ внутренней, подземной борьбы стараго съ новымъ: это—усиліе отрѣшиться отъ общественныхъ основаній среднихъ вѣковъ и замѣнить ихъ основаніями, на разумѣ и натурѣ человѣка основанными. Европѣ не въ первый разъ быть больною: она была больна во время крестовыхъ походовъ и ждала тогда конца міра; она была больна передъ реформаціею и во время реформаціи,—а вѣдь не умерла же, къ удовольствію господъ душеприкащиковъ ея! Идя своею дорогою развитія, мы, русскіе, имѣемъ слабость всѣ явленія западной исторіи *мѣрять на свой собственный аршинъ:* мудрено ли послѣ этого, что Европа представляется намъ то домомъ умалишенныхъ, то безнадежною больною? мы кричимъ: «Западъ! Востокъ! Тевтонское племя! Славянское племя!» и забываемъ, что подъ этими словами должно разумѣть *человѣчество*... Мы предвидимъ наше великое будущее; но хотимъ непремѣнно имѣть его на счетъ смерти Европы: какой по-истинѣ *братскій* взглядъ на вещи! Не лучше ли, не человѣчнѣе ли, не гуманнѣе ли разсуждать такъ: насъ ожидаетъ безконечное развитіе, великіе успѣхи въ будущемъ, но и развитіе Европы и ея успѣхи пойдутъ своимъ чередомъ? Неужели для счастія одного брата непремѣнно нужна гибель другого? Какая не философская, не цивилизованная, и не христіанская мысль!..» [1]).

Бѣлинскій опровергаетъ затѣмъ и другія мнѣнія Фауста, приводившія его къ сомнѣніямъ о судьбѣ Европы, и его замѣчанія достаточно разъясняютъ дѣло. Надо замѣтить, что у славянофиловъ и въ «Москвитянинѣ» гибель Европы утверждалась еще гораздо болѣе категорически (хотя, быть можетъ, съ меньшими доказательствами), чѣмъ у кн. Одоевскаго, — и нужно представить себѣ условія тогдашней литературы, чтобы судить о впечатлѣніи, какое должны были производить эти обвиненія западной

¹) Сочин. Бѣл. IX, стр. 56 и слѣд.

образованности, и безъ того заподозрѣнной у насъ, какъ источника всякой порчи. Безъ этого, нападенія на западную Европу были совершенно безвредны, и дѣйствительно служили поводомъ къ самому веселому остроумію Герцена.

Мы видѣли прежде, какимъ образомъ споръ о родовомъ и общинномъ бытѣ выросталъ въ спорѣ партій до спора о самомъ принципѣ цивилизаціи. Писатели «западнаго» направленія могли быть неправы въ исторической части предмета, видя родовой бытъ тамъ, гдѣ были другія бытовыя формы, — но вопросъ этимъ не исчерпывался. Говоря о поглощеніи личности родовымъ бытомъ, «западное» направленіе разумѣло то поглощеніе личности бытовыми формами (какія именно онѣ были, въ *этомъ* смыслѣ было почти безразлично), которое кончалось политическимъ безправіемъ и рабствомъ. Общинный бытъ, защищаемый славянофилами, не предотвратилъ также этого рабства. Славянофилы отвергали европейское понятіе о личности, смѣшивая его съ узкимъ эгоизмомъ и не желая видѣть его другого значенія, которое представлялось цѣлымъ рядомъ историческихъ освободительныхъ идей, достигнутыхъ развитіемъ личности на Западѣ. Но сами славянофилы не разрѣшали вопроса объ отношеніи личности и государства, или разрѣшали его очень странно. Настаивая на общинѣ, они не объясняли, какимъ образомъ она могла имѣть цивилизующее вліяніе, и почему внутренній общественно-политическій результатъ ея былъ такъ ограниченъ. Кіевскій общинный бытъ не помѣшалъ образоваться чисто-деспотическому характеру московскаго царства, не помѣшалъ потомъ подавленію всѣхъ инстинктовъ свободы, зародышъ которыхъ былъ въ древнихъ учрежденіяхъ... «Западное» направленіе думало, что община сдѣлала мало, что не спасши древней общественной свободы, она и потомъ не спасла крестьянина отъ крѣпостного права, и что ея дальнѣйшее существованіе (которое безъ сомнѣнія было бы важно) едва ли можетъ быть прочно безъ свободы личности. Оно думало при этомъ, что самый нашъ интересъ къ общинѣ начался только тогда, когда западный соціализмъ, забывши старую европейскую общину, вновь теоретически построилъ ее, — тогда только и мы вспомнили о своей старой, еще уцѣлѣвшей общинѣ.

На указанія о поглощеніи личности бытовыми формами (тѣми или другими) въ древней Руси, — славянофилы отвѣчали, въ упомянутой прежде статьѣ М... З... К..., своеобразной теоріей, по которой, напротивъ, личность въ древне-русской жизни была развита, но съ тѣмъ вмѣстѣ столь проникнута христіанскимъ смиреніемъ и интересомъ общины, что отри-

цала самоё себя и передавала все свое содержаніе одному верховному главѣ цѣлой земской общины... «Москвитянинъ,—говоритъ (намекая на эту статью М... З... К...) одинъ современникъ,—заимствовалъ свои аргументы изъ старыхъ русскихъ лѣтописей, изъ греческаго катихизиса и Гегелевскаго формализма. Славянофильскій авторъ полагаетъ, что начало личности было развито въ древней Россіи, но что личность, просвѣщенная греческою церковью, обладала высокимъ даромъ самопожертвованія и добровольно переносила свою свободу на личность государя... Онъ выражаетъ собой состраданіе, благоволеніе и свободную индивидуальность. Каждый отказывался отъ личной самостоятельности, и вмѣстѣ съ тѣмъ спасалъ ее въ представителѣ личнаго начала, государѣ.» Упомянутый современникъ самымъ рѣшительнымъ образомъ возстаетъ противъ этой «испорченной діалектики», противъ этого «безнравственнаго злоупотребленія словъ», безнравственнаго потому, что оно дѣлается сознательно. «Что значатъ эти метафорическія рѣшенія, которыя представляютъ только самый вопросъ навыворотъ? Къ чему эти образы, эти символы, вмѣсто самыхъ вещей? Развѣ славянофилы изучали лѣтописи Византіи затѣмъ, чтобы привить себѣ эту византійскую язву? Мы не греки временъ Палеологовъ, чтобы спорить объ opus operans и opus operatum въ то время, когда къ намъ въ дверь стучится великое и неизвѣстное будущее»... «Философская метода славянофиловъ не нова; въ тридцатыхъ годахъ такимъ же образомъ говорила правая сторона гегеліанцевъ; нѣтъ такой нелѣпости, которой нельзя было бы ввести въ формы пустой діалектики, давая ей видъ глубокой метафизики... Славянофильскій авторъ, говоря о верховномъ представительствѣ личности, только парафразировалъ очень извѣстное опредѣленіе рабства, которое даетъ Гегель въ своей Феноменологіи (Herr und Knecht). Но онъ преднамѣренно забылъ, какъ Гегель выходитъ изъ этой низшей ступени человѣческаго сознанія... Надобно замѣтить, что этотъ философскій жаргонъ, по формѣ принадлежащій наукѣ, а по содержанію схоластикѣ, встрѣчается также у іезуитовъ. Монталамберъ, отвѣчая на запросъ о жестокостяхъ, совершенныхъ папскимъ правительствомъ въ римскихъ тюрьмахъ, говорилъ: Вы говорите о жестокостяхъ папы, но онъ не можетъ быть жестокъ, ему запрещаетъ это его положеніе; онъ, намѣстникъ Іисуса Христа, можетъ только прощать, быть милосерднымъ, и дѣйствительно папы всегда прощаютъ... Насмѣшка,—которая заставляетъ презирать человѣческое слово», и проч.

Таковы были мнѣнія людей «западнаго» направленія о сла-

вянофильской теоріи, выраженной въ статьѣ М... З... К... [1]). Мнѣнія Бѣлинскаго были безъ сомнѣнія совершенно съ этимъ солидарны, и его собственныя опроверженія славянофильства были писаны съ той же общей точки зрѣнія. Съ теоріей М... З... К..., въ которой теологическій принципъ древней Руси также занималъ важное мѣсто, естественно соединялось извѣстное ученіе о «приниженіи личности» и о «смиреніи», будто бы составлявшемъ главнѣйшую черту въ національномъ характерѣ древней Руси, ея высокое достоинство, причину величественнаго развитія ея исторіи и ея превосходство надъ западнымъ міромъ. Эту теорію въ то время въ особенности проповѣдывалъ Шевыревъ, а впослѣдствіи К. Аксаковъ. Бѣлинскій довольно ѣдко отвѣчалъ однажды на теорію смиренія обзоромъ главнѣйшихъ фактовъ нашей исторіи, изъ котораго оказывалось, что едва-ли національное смиреніе помогло образованію русскаго государства, и что оно вообще далеко не составляло отличительнаго качества руководящихъ лицъ русской исторіи [2]).

Разногласіе въ философскихъ понятіяхъ, въ мнѣніяхъ о теологическомъ принципѣ и западной цивилизаціи, приводило къ разногласію объ отношеніяхъ русскаго народа къ Западу и о русскомъ національномъ развитіи. Когда славянофилы противополагали Россію Западу, «западная» школа ставила ихъ въ ту тѣсную связь, гдѣ ихъ нравственнымъ соединеніемъ служили общечеловѣческіе принципы и идеалы. Для Бѣлинскаго и его друзей не были ни убѣдительны, ни привлекательны толки о предназначеніи русской цивилизаціи, долженствующей будто бы преодолѣть и замѣнить европейскую. Эти толки казались имъ мистической фантазіей, чѣмъ они дѣйствительно и были. Въ общемъ счетѣ, Бѣлинскій признавалъ извѣстную пользу славянофильскаго движенія,— хотя только условную и относительную, тамъ, гдѣ оно указывало недостатки русскаго европеизма; но затѣмъ, идеалы славянофиловъ, обращенные назадъ, считалъ только вреднымъ романтизмомъ, удаляющимъ отъ здраваго пониманія современныхъ потребностей нашего образованія.

Въ новѣйшее время Бѣлинскаго, какъ и другихъ людей того направленія, какъ Грановскій, Герценъ и т. п., нерѣдко упрекали въ космополитизмѣ,—въ чемъ-то такомъ, чтó какъ будто дѣ-

---

[1]) Ср. статью г. Кавелина „О юридическомъ бытѣ древней Россіи", по поводу которой славянофильскій критикъ выставлялъ эту теорію, и отвѣтъ г. Кавелина на его возраженія.

[2]) Соч., т. XI, стр. 30 и слѣд.

лало ихъ людьми, чуждыми русской жизни, мало ее понимающими, искавшими для нея чужихъ идеаловъ, и т. п. Нѣтъ ничего страннѣе этого обвиненія. Эти обвиненія принадлежатъ въ особенности тѣмъ ультра-національнымъ мыслителямъ, высшая философія которыхъ заключается въ извѣстномъ мнѣніи, что мы всѣхъ можемъ закидать шапками. Къ сожалѣнію должно сказать, что первые поводы къ этимъ обвиненіямъ даны были отчасти самими славянофилами, а также и ихъ союзниками въ «Москвитянинѣ». Друзья Бѣлинскаго съ негодованіемъ говорили о наклонности, дѣйствительно тогда существовавшей у ихъ противниковъ—прямо или косвенно винить «западное» направленіе, вмѣстѣ съ любовью къ Европѣ, въ недостаткѣ любви къ отечеству, — и напротивъ, приписывать самимъ себѣ привилегію патріотизма. Славянофилы и ихъ союзники въ «Москвитянинѣ» вообще терпѣть не могли такъ-называемой ими «петербургской» литературы, желчно отзывались о натуральной школѣ, Тургеневѣ, кн. Одоевскомъ, и т. д. Было очень возможно, что въ начинавшейся послѣ Гоголя школѣ, которая обратилась къ изображенію народной и общественной дѣйствительности, были нѣкоторыя ошибки, неточности, невыдержанность тона: но невозможно было отвергать, ни у этихъ писателей, ни у Бѣлинскаго, Грановскаго, Герцена и пр., полной искренности и самаго одушевленнаго патріотизма. Ихъ враги въ «московской» литературѣ не постояли однако за такими обвиненіями, и кругъ Бѣлинскаго справедливо могъ извлекать отсюда недовѣріе къ цѣлой школѣ.

«Положеніе натуральной школы, — говоритъ Бѣлинскій по этому поводу,—между двумя непріязненными ей партіями (партіей старыхъ противниковъ Гоголя и его школы, и партіей славянофильской) по истинѣ странно: отъ одной она должна защищать Гоголя, и отъ обѣихъ—самое себя; одна нападаетъ на нее за симпатію къ простому народу, другая нападаетъ на нее за отсутствіе къ нему всякаго сочувствія... [1]). Оставимъ въ сторонѣ разглагольствованія критика «Москвитянина» о народѣ;... а сами замѣтимъ только, что враги натуральной школы отличаются между прочимъ удивительною скромностію въ отношеніи къ самимъ себѣ и удивительною готовностью отдавать должную справедливость даже своимъ противникамъ. Недавно одинъ изъ нихъ, г. Хомяковъ, съ *рѣдкою* въ нашъ хитрый и осторожный вѣкъ *наивностію*, объявилъ печатно, что въ немъ чувство любви къ отечеству «не-

---

[1]) Славянофилы говорили о ней, что „она не обнаружила никакого сочувствія къ народу и такъ же легкомысленно клевещетъ на него, какъ и на общество“, и т. п.

вольное и прирожденное», а у его противниковъ—«пріобрѣтенное волею и разсудкомъ, такъ сказать наживное» (Моск. Сборникъ, 1847, стр. 356). А вотъ теперь г. М... З... К... объявляетъ, въ пользу себя и своего литературнаго прихода, монополію на симпатію къ простому народу! Откуда взялись у этихъ господъ притязанія на исключительное обладаніе всѣми этими добродѣтелями? Гдѣ, когда, какими книгами, сочиненіями, статьями, доказали они, что они больше другихъ знаютъ и любятъ русскій народъ? Все, что́ дѣлалось литераторами для споспѣшествованія развитію первоначальной образованности между народомъ, дѣлалось не ими. Укажемъ на «Сельское Чтеніе», издаваемое княземъ Одоевскимъ и г. Заблоцкимъ... Знаемъ, что гг. славянофилы смотрятъ на это изданіе почему-то не очень ласково, и не высоко цѣнятъ его; но не будемъ здѣсь спорить съ ними о томъ, хороша или дурна эта книжка: пусть она и дурна, да дѣло въ томъ, что литературная партія, на которую они такъ нападаютъ, сдѣлала что могла для народа и тѣмъ показала свое желаніе быть ему полезною; а они, славянофилы, ничего не сдѣлали для него». Бѣлинскій ссылается потомъ на Даля, который принадлежалъ тогда къ «петербургской» литературѣ, и котораго мудрено было обвинить, что онъ не знаетъ и не любитъ русскаго народа, и т. д. [1]). Когда прошла пора «натуральной школы», то сама критика, продолжавшая дѣло Бѣлинскаго, указала слабыя стороны этой школы,—но за ней нельзя и теперь отвергнуть большой литературной заслуги: критика Бѣлинскаго и солидарная съ ней школа повѣствователей окончательно утвердили и развили въ литературѣ начала, внесенныя Гоголемъ, и дали имъ сознательное значеніе. Для *того* времени, когда дѣятельность самихъ славянофиловъ дѣйствительно еще немного заявила себя внѣ полемики, слова Бѣлинскаго могли быть очень справедливы.

Другой писатель «западнаго» направленія, полемизируя съ «Москвитяниномъ», подъ псевдонимомъ Ярополка Водянскаго (въ статьѣ «Москвитянинъ и Вселенная»), намекаетъ на одинъ фактъ отношеній славянофильства къ его противникамъ, по поводу стихотворенія Языкова «Сержантъ Сурминъ». «Кажется,—говоритъ Ярополкъ Водянскій,—успокоившаяся отъ суетъ муза г. Языкова рѣшительно посвящаетъ нѣкогда забубённое перо свое поэзіи исправительной и обличительной. Это истинная цѣль искусства; пора поэзіи сдѣлаться трибуналомъ de la poésie correctionelle. Мы имѣли случай читать еще поэтическія произведенія того же ис-

---

[1]) Сочин., т. XI, стр. 252 и слѣд.

правительнаго направленія, ждемъ ихъ въ печати; это—громъ и молнія; озлобленный поэтъ не остается въ абстракціяхъ; онъ указуетъ негодующимъ перстомъ *лица*—при полномъ изданіи можно приложить адресы!.. Исправлять нравы! что можетъ быть выше этой цѣли? развѣ не ее имѣлъ въ виду самоотверженный Коцебу и авторъ «Выжигиныхъ» и другихъ нравственно-сатирическихъ романовъ?» Здѣсь идетъ рѣчь о томъ стихотвореніи Языкова, о которомъ разсказывается въ біографіи Чаадаева и Грановскаго; въ послѣдней упомянуты и другіе факты, въ которыхъ обнаруживались подобныя отношенія славянофиловъ и ихъ союзниковъ къ «западному» направленію [1]).

Но мнимый крайній европеизмъ Бѣлинскаго въ сущности вовсе не былъ такой крайній, какъ объ этомъ говорили и еще говорятъ. Чтобы въ этомъ убѣдиться, достаточно познакомиться ближе съ его понятіями, и не останавливаясь исключительно на нѣкоторыхъ особенно рѣзкихъ (или могущихъ казаться рѣзкими) выраженіяхъ, какія случаются у Бѣлинскаго, обратить вниманіе на спокойное изложеніе его понятій, какъ онѣ сложились въ концѣ его дѣятельности [2])... По поводу славянофильскихъ заботъ о національности, Бѣлинскій думаетъ, что эти заботы вовсе не нужны, что гдѣ народъ имѣетъ дѣйствительныя внутреннія силы, ему нечего хлопотать о своей національности, она, какъ природа, будетъ проявляться сама собой. По мнѣнію его, славянофильскія мечтанія о древней Руси — чисто маниловская фантазія, что изъ нашей жизни невозможно вычеркнуть періодъ Петра Великаго,— потому что самый этотъ періодъ есть уже исторія, которая вошла въ нашъ національный характеръ. «Не объ измѣненіи того, что̀ совершилось безъ нашего вѣдома и что̀ смѣется надъ нашею волею, должны мы думать, а объ измѣненіи самихъ себя на основаніи уже указаннаго намъ пути высшею насъ волею. Дѣло въ томъ, что пора намъ перестать *казаться*, и начать *быть*, пора оставить, какъ дурную привычку, довольствоваться словами и европейскія формы и внѣшность принимать за европеизмъ. Скажемъ болѣе: пора намъ перестать восхищаться европейскимъ потому только, что оно не азіятское, но любить, уважать его, стремиться къ нему потому только, что оно *человѣческое*, и на этомъ основаніи, все европейское, въ чемъ нѣтъ человѣческаго, отвер-

[1]) Г. Погодинъ упоминаетъ объ этихъ отношеніяхъ темной фразой: „Бывали случаи и періоды *охлажденія между иными*, вслѣдствіе недоразумѣній или крайностей, которыя *другимъ казались опасными*, и даже *вредными для дѣла* (?), въ данныхъ обстоятельствахъ". Гражданинъ, № 11.

[2]) Таковы, напр. его обозрѣнія литературы за 1846 и 1847 годъ; Сочин., т. XI.

гать съ такой же энергіею, какъ и все азіятское, въ чемъ нѣтъ человѣческаго. Европейскихъ элементовъ такъ много вошло въ русскую жизнь, въ русскіе нравы, что намъ вовсе не нужно безпрестанно обращаться къ Европѣ, чтобъ сознавать наши потребности: и на основаніи того, что́ уже усвоено нами отъ Европы, мы достаточно можемъ судить о томъ, что намъ нужно» (XI, 23). Мнимая борьба человѣческаго съ національнымъ есть въ сущности только борьба новаго съ старымъ, современнаго съ отживающимъ. «Собственно говоря, борьба человѣческаго съ національнымъ есть не больше, какъ риторическая фигура; но въ дѣйствительности ея нѣтъ. Даже и тогда, когда прогрессъ одного народа совершается чрезъ заимствованіе у другого, онъ тѣмъ не менѣе совершается національно. Иначе нѣтъ прогресса. Когда народъ поддается напору чуждыхъ ему идей и обычаевъ, не имѣя въ себѣ силы переработывать ихъ самодѣятельностію собственной національности, въ собственную же сущность, — тогда онъ гибнетъ политически» (XI, 39). Итакъ, хлопотать намѣренно о народности, наперекоръ европейскому, безполезно и ни къ чему не ведетъ; но эти толки имѣютъ свое основаніе,—именно въ пробудившемся желаніи изучить свою собственную дѣйствительность...

Причина фальшивыхъ понятій славянофильства о нашемъ настоящемъ лежала, по мнѣнію Бѣлинскаго, между прочимъ въ неправильной оцѣнкѣ Петра. Къ объясненію реформы онъ возвращался нѣсколько разъ, и постоянно въ томъ смыслѣ, что Петръ не только не былъ враждебенъ національности, но есть именно ея лучшій представитель. Таково было еще мнѣніе Чаадаева; теперь оно развивалось новыми соображеніями, и у Бѣлинскаго, и у другихъ писателей «западнаго» направленія. Одинъ изъ нихъ высказывалъ, впослѣдствіи, эту мысль въ такой рѣшительной формѣ: «Петровскій періодъ сразу сталъ *народнѣе* періода царей московскихъ. Онъ глубоко взошелъ въ нашу исторію, въ наши нравы, въ нашу плоть и кровь; въ немъ есть что-то необычайно родное намъ, юное; отвратительная примѣсь казарменной дерзости и австрійскаго канцелярства не составляетъ его главной характеристики. Съ этимъ періодомъ связаны дорогія намъ воспоминанія нашего могучаго роста, нашей славы и нашихъ бѣдствій; онъ сдержалъ слово и создалъ сильное государство. Народъ любитъ успѣхъ и силу.»

Въ спорахъ объ этомъ предметѣ славянофилы выиграли развѣ одно—они побудили смотрѣть строже на способы исполненія реформы; но сущность мнѣній Бѣлинскаго и его друзей останется гораздо вѣрнѣе исторіи, чѣмъ мнѣнія славянофильства. Что ка-

сается обвиненій въ пристрастіи къ реформѣ, какія продолжаются и до сихъ поръ, то очень часто Бѣлинскій оказывается виноватъ только въ томъ, что не былъ знакомъ съ тѣми новыми изслѣдованіями, какія изданы были послѣ его смерти.

Таковы же большею частію были и тѣ обвиненія, которыя поднимаемы были противъ мнѣній Бѣлинскаго о народной поэзіи. Бѣлинскій дѣйствительно думалъ о ней далеко не такъ, какъ думаютъ теперь; онъ не восторгался ею безусловно, находилъ въ ней много грубаго и неизящнаго. Но можно не принимать теперь его мнѣній, а обвинять его за нихъ странно и несправедливо. Существенной причиной новаго взгляда на народную поэзію было введеніе новыхъ пріемовъ изученія, которыхъ въ то время еще не было и которые, должно сказать, не нами же были выдуманы. Бѣлинскій въ свое время высказывалъ мнѣнія, которыя были очень естественны при тогдашнемъ состояніи этихъ изученій. Онъ начинаетъ говорить о народной поэзіи съ тридцатыхъ годовъ; единственная большая статья его объ этомъ предметѣ написана въ 1841-мъ году. Главными авторитетами въ дѣлѣ русской народной поэзіи были тогда Сахаровъ, Снегиревъ, Макаровъ, и т. п.,—Сахаровъ, имѣвшій самыя странныя понятія о дѣлѣ, самоучка, который не останавливался присочинять къ народной поэзіи собственныя свои добавленія и орнаменты; Снегиревъ, некритичность котораго довольно извѣстна; Макаровъ, котораго теперь странно даже называть въ числѣ изслѣдователей, и котораго однако и позднѣе 1841 пускали даже въ серьёзныя ученыя изданія. Даже Надеждинъ, человѣкъ обширной учености и съ несомнѣнными заслугами въ русской археологіи и этнографіи, но человѣкъ *того* времени, до послѣдняго времени не имѣлъ тѣхъ понятій о предметѣ, какія считаются правильными въ наше время. Бѣлинскій не занимался спеціально предметомъ, но онъ стоялъ на уровнѣ тѣхъ понятій, какія были у тогдашнихъ спеціалистовъ этого дѣла. Онъ судилъ о произведеніяхъ народной поэзіи по непосредственнымъ эстетическимъ впечатлѣніямъ, и по общимъ историческимъ даннымъ, и, конечно, не могъ видѣть въ различныхъ ея подробностяхъ того смысла, какой открыли въ нихъ только новѣйшія изслѣдованія съ помощью сравнительнаго языкознанія, миѳологіи и археологіи. При жизни Бѣлинскаго, не было сдѣлано почти еще ни одной попытки такого рода изслѣдованій. Съ другой стороны, Бѣлинскій въ своихъ разсужденіяхъ объ этомъ предметѣ имѣлъ въ виду то, какъ отражались толки о народности на самой литературѣ. Онъ еще съ тридцатыхъ годовъ началъ высказываться противъ фальшивой и поверхностной

погони за «народностью», справедливо обличалъ внѣшнія подделки подъ народность, считая ихъ новаго рода романтической мишурой,—а въ то время было очень много произведеній такого рода, гдѣ народность состояла въ подборѣ различныхъ народныхъ поговорокъ и прибаутокъ, въ трактирныхъ сценахъ, въ «малéнько мужицкомъ языкѣ», какъ выражался тогда «Маякъ», и пр. и гдѣ этой мнимо-народной внѣшностью одѣвалось самое немудреное, а нерѣдко совершенно пошлое мнимо-народное содержаніе [1]). Въ томъ же смыслѣ Бѣлинскій не имѣлъ сочувствія къ тогдашней малороссійской литературѣ, которую также считалъ дѣломъ народно-романтической прихоти и моды. Въ самомъ дѣлѣ, по тогдашнимъ началамъ трудно было ожидать, чтобы малороссійская литература могла быть или стать достояніемъ и потребностью народа, средствомъ его образованія; а малорусской литературы въ болѣе широкомъ объёмѣ онъ не считалъ возможной, какъ не считаютъ ея возможной сами славянофилы. По его мнѣнію,—когда высшіе классы малорусскаго народа, лучшіе его таланты, какъ Гоголь, присоединялись къ русскому обществу и образованію, было бы напрасной тратой силъ стремиться къ основанію особой малорусской литературы: Гоголь не усумнился писать по-русски и прекрасно сдѣлалъ, потому что на малорусскомъ языкѣ не были бы возможны даже такія малорусскія повѣсти, какъ «Тарасъ Бульба»,—о другихъ нечего и говорить.

Словомъ, «народность» въ глазахъ Бѣлинскаго была высокимъ достоинствомъ, необходимымъ признакомъ истинно художественнаго произведенія, когда писатель дѣйствительно схватывалъ черты народнаго характера и языка, но всякая подделка, подражавшая народности съ внѣшней, матеріальной стороны, оскорбляла въ немъ чувство художественности, какъ грубое малеванье, особенно когда съ этимъ внѣшнимъ подражаніемъ народности связывалась грубая поддѣлка подъ народный складъ мысли; такъ-называемый

[1]) Его взглядъ на литературную народность выраженъ еще въ статьѣ о повѣстяхъ Гоголя («Телескопъ», 1835; Сочин. I, 226): «Повѣсти г. Гоголя народны въ высочайшей степени; но я не хочу слишкомъ распространяться объ ихъ народности, ибо народность есть не достоинство, а необходимое условіе истинно художественнаго произведенія, если подъ народностію должно разумѣть вѣрность изображенія нравовъ, обычаевъ и характера того или другого народа, той или другой страны. Жизнь всякаго народа проявляется въ своихъ, ей одной свойственныхъ формахъ, слѣдовательно, если изображеніе жизни вѣрно, то и народно... Право, пора бы намъ перестать хлопотать о народности (въ 1835!), такъ же какъ пора бы перестать писать не имѣя таланта, ибо эта народность похожа на «Тѣнь» въ баснѣ Крылова; г. Гоголь о ней нимало не думаетъ, и она сама напрашивается къ нему, тогда какъ многіе изъ всѣхъ силъ гонаются за нею, и ловятъ—одну тривіальность.»

«квасной и кулачный» патріотизмъ, который выдавали и выдаютъ еще за самый народный, былъ ему въ высшей степени противенъ.

Ему не нравились и болѣе изысканныя поддѣлки подъ народный характеръ и народныя воззрѣнія, когда, напр., славянофильскіе поэты излагали въ стихотворной формѣ свои тенденціи. Такъ Бѣлинскій судилъ о стихотвореніяхъ Хомякова, въ которыхъ особенно много этой изысканной притязательности. Рядомъ съ Хомяковымъ, онъ очень вѣрно характеризовалъ и произведенія другого славянофильскаго поэта, Языкова [1]).

Но несмотря на то, что Бѣлинскій былъ однимъ изъ самыхъ крайнихъ представителей «западнаго» направленія, онъ относился къ славянофильству съ безпристрастіемъ, какого не оказывали ему противники его изъ этой школы. Онъ оспаривалъ ихъ мнѣнія о русской исторіи, цивилизаціи, національности, но, отдавая справедливость ихъ искреннему и самостоятельному убѣжденію, признавалъ, хотя относительную, но значительную пользу ихъ дѣятельности. Начало славянофильства Бѣлинскій видитъ въ мнѣніяхъ Карамзина. «Извѣстно, что въ глазахъ Карамзина Іоаннъ III былъ выше Петра Великаго, а до-петровская Русь лучше Россіи новой. Вотъ источникъ такъ-называемаго славянофильства, которое мы, впрочемъ, во многихъ отношеніяхъ считаемъ весьма важнымъ явленіемъ, доказывающимъ, въ свою очередь, что время зрѣлости и возмужалости нашей литературы близко. Во времена дѣтства литературы всѣхъ занимаютъ вопросы, если даже и важные сами по себѣ, то не имѣющіе никакого дѣльнаго примѣненія къ жизни. Такъ-называемое славянофильство, безъ всякаго сомнѣнія, касается самыхъ жизненныхъ, самыхъ важныхъ вопросовъ нашей общественности. Какъ оно ихъ касается и какъ оно къ нимъ относится—это другое дѣло. Но прежде всего, славянофильство есть убѣжденіе, которое, какъ всякое убѣжденіе, заслуживаетъ полнаго уваженія, даже и въ такомъ случаѣ, если съ нимъ вовсе не согласны». Значеніе славянофильства Бѣлинскій считаетъ чисто-отрицательнымъ. «Дѣло въ томъ, что положительная сторона ихъ доктрины заключается въ какихъ-то туманныхъ мистическихъ предчувствіяхъ побѣды Востока надъ Западомъ, которыхъ несостоятельность слишкомъ ясно обнаруживается фактами дѣйствительности, всѣми вмѣстѣ и каждымъ порознь. Но отрицательная сторона ихъ ученія гораздо болѣе заслуживаетъ вниманія не въ томъ, что они говорятъ противъ гніющаго будто бы Запада (Запада славянофилы рѣшительно не понимаютъ, потому что мѣряютъ его на восточный

---

[1]) См. обозрѣніе русской литературы за 1844 г.; Сочин., т. IX.

аршинъ); но въ томъ, что̀ они говорятъ противъ русскаго европеизма, а объ этомъ они говорятъ много дѣльнаго, съ чѣмъ нельзя не согласиться хотя на половину, какъ, напр., что въ русской жизни есть какая-то двойственность, слѣдовательно, отсутствіе нравственнаго единства; что это лишаетъ насъ рѣзко выразившагося національнаго характера, какимъ, къ чести ихъ, отличаются почти всѣ европейскіе народы; что это дѣлаетъ насъ какими-то междоумками, которые хорошо умѣютъ мыслить по-французски, по-нѣмецки и по-англійски, но никакъ не умѣютъ мыслить по-русски; и что причина всего этого въ реформѣ Петра Великаго. Все это справедливо до извѣстной степени...» [1]). Бѣлинскій дѣлаетъ дальше весьма справедливыя замѣчанія о положительныхъ мнѣніяхъ славянофильства, и вообще, въ обстоятельствахъ тогдашней литературы, очень вѣрно опредѣлялъ его значеніе. Также вѣрно онъ объяснялъ и мнимый крайній европеизмъ своего собственнаго направленія, тѣ «западные очки», которыми обыкновенно попрекали это направленіе.

«Важность теоретическихъ вопросовъ,—говоритъ онъ въ той же статьѣ,—зависитъ отъ ихъ отношенія къ дѣйствительности. То, что̀ для насъ, русскихъ, еще важные вопросы, давно уже рѣшено въ Европѣ, давно уже составляетъ тамъ простыя истины жизни, въ которыхъ никто не сомнѣвается, о которыхъ никто не споритъ, и въ которыхъ всѣ согласны. И—что̀ всего лучше—эти вопросы рѣшены тамъ самою жизнію, или, если теорія и имѣла участіе въ ихъ рѣшеніи, то при помощи дѣйствительности. Но это нисколько не должно отнимать у насъ смѣлости и охоты заниматься рѣшеніемъ такихъ вопросовъ, потому что пока не рѣшимъ мы ихъ сами собою и для самихъ себя, намъ не будетъ никакой пользы въ томъ, что они рѣшены въ Европѣ. Перенесенные на почву нашей жизни, эти вопросы тѣ же, да не тѣ, и требуютъ другого рѣшенія. Теперь (1847) Европу занимаютъ новые великіе вопросы. Интересоваться ими, слѣдить за ними намъ можно и должно, ибо ничто человѣческое не должно быть чуждо намъ, если мы хотимъ быть людьми. Но въ то же время для насъ было бы вовсе безплодно принимать эти вопросы, какъ наши собственные. Въ нихъ нашего только то, что̀ примѣнимо къ нашему положенію; все остальное чуждо намъ, и мы стали бы играть роль донъ-Кихотовъ, горячась изъ него. Этимъ мы заслужили бы скорѣе насмѣшки европейцевъ, нежели ихъ уваженіе. У себя, въ себѣ, вокругъ себя, вотъ гдѣ должны мы искать и вопросовъ и

1) Сочин. XI, 20 и слѣд.

ихъ рѣшенія. Это направленіе будетъ плодотворно, если и не будетъ блестяще. И начатки этого направленія видимъ мы въ современной русской литературѣ, а въ нихъ—близость ея зрѣлости»...

Близкую зрѣлость литературы Бѣлинскій вообще видѣлъ въ обращеніи ея къ изученію русской дѣйствительности, и особенно явленій общественныхъ. Въ этомъ смыслѣ онъ усердно защищалъ отъ всякихъ нападеній «натуральную школу», которая въ первый разъ съ интересомъ и съ любовью стала изучать и изображать низшіе общественные классы. Это не нравилось въ особенности старымъ литературнымъ школамъ и извѣстному обширному слою общества, который, издавна, по прямымъ и косвеннымъ вліяніямъ крѣпостничества и чиновничества, привыкъ презирать «необразованнаго» мужика. «Что за охота наводнять литературу мужиками?» повторяетъ Бѣлинскій вопросъ людей этого рода, и старается объяснить нравственное значеніе, религіозный долгъ и общественную необходимость участія и интереса къ низшимъ классамъ, «отъ которыхъ мы отворачиваемся, какъ отъ парій, отъ падшихъ, какъ отъ прокаженныхъ» [1]. «Посмотрите, — продолжаетъ онъ далѣе,—какъ въ нашъ вѣкъ вездѣ заняты всѣ участью низшихъ классовъ, какъ частная благотворительность всюду переходитъ въ общественную, какъ вездѣ основываются хорошо организованныя, богатыя вѣрными средствами общества, для распространенія просвѣщенія въ низшихъ классахъ, для пособія нуждающимся и страждущимъ, для отвращенія и предупрежденія нищеты и ея неизбѣжнаго слѣдствія—безнравственности и разврата... Это общее движеніе, столь благородное, столь человѣческое, столь христіанское, встрѣтило своихъ порицателей въ лицѣ поклонниковъ тупой и косной патріархальности... Но это ли не отрадное въ высшей степени явленіе новѣйшей цивилизаціи, успѣховъ ума, просвѣщенія и образованности? Могло ли не отразиться въ литературѣ это новое общественное движеніе, въ литературѣ, которая всегда бываетъ выраженіемъ общества! Въ этомъ отношеніи литература сдѣлала едва ли не больше: она скорѣе способствовала возбужденію въ обществѣ такого направленія, нежели только отразила его въ себѣ, скорѣе упредила его, нежели только не отстала отъ него». Въ другомъ мѣстѣ, Бѣлинскій защищаетъ это направленіе отъ другого упрека—въ утилитарности, и объясняетъ, что общественная полезность нисколько не мѣшаетъ эстетическому достоинству произведеній, что искусство въ этомъ отношеніи можетъ идти совершенно рядомъ съ наукой. «Политико-экономъ,

[1]) Сочин., IX, 340 и слѣд.

вооружаясь статистическими числами, *доказываетъ*, дѣйствуя на умъ своихъ читателей или слушателей, что положеніе такого-то класса въ обществѣ много улучшилось или много ухудшилось, вслѣдствіе такихъ-то и такихъ-то причинъ. Поэтъ, вооружаясь живымъ и яркимъ изображеніемъ дѣйствительности, *показываетъ*, въ вѣрной картинѣ, дѣйствуя на фантазію своихъ читателей, что положеніе такого-то класса въ обществѣ дѣйствительно много улучшилось или ухудшилось отъ такихъ-то и такихъ-то причинъ. Одинъ доказываетъ, другой показываетъ, и оба *убѣждаютъ*, только одинъ логическими доводами, другой — картинами. Но перваго слушаютъ и понимаютъ немногіе, другого — всѣ. *Высочайшій и священнѣйшій интересъ общества* есть его собственное *благосостояніе*, равно простертое на каждаго изъ его членовъ. Путь къ этому благосостоянію—*сознаніе*, а сознанію искусство можетъ способствовать не меньше науки. Тутъ и наука, и искусство равно необходимы»...

Такимъ образомъ выяснялась совершенно положительная цѣль литературы и истинный смыслъ, какой она должна имѣть въ жизни общества. Относительно современной ему литературы, Бѣлинскій не былъ въ заблужденіи; онъ видѣлъ, что въ этомъ самомъ существенномъ отношеніи наша литература еще только приближается къ своей зрѣлости, но что ея дальнѣйшее развитіе намѣчено, и успѣхъ развитія будетъ зависѣть уже только отъ внѣшнихъ условій, въ которыя она будетъ поставлена, отъ того, получитъ ли она необходимый просторъ. «Литература наша дошла до такого положенія, что ея успѣхи въ будущемъ, ея движеніе впередъ зависятъ больше отъ объема и количества предметовъ, *доступныхъ ея завѣдыванію*, нежели отъ нея самой. Чѣмъ шире будутъ границы ея содержанія, тѣмъ больше будетъ пищи для ея дѣятельности, тѣмъ быстрѣе и плодовитѣе будетъ ея развитіе. Какъ бы то ни было, но если она еще не достигла своей зрѣлости, она уже *нашла*, нащупала, такъ сказать, *прямую дорогу* къ ней,—а это великій успѣхъ съ ея стороны» (XI, 43).

Таковы были мнѣнія Бѣлинскаго, насколько они были тогда высказаны имъ *въ печати*. Основнымъ его желаніемъ, съ самаго начала и до конца, было—просвѣщеніе, въ европейскомъ смыслѣ. Его тяжело поражало невѣжество и забитость массъ, свѣтское невѣжество высшихъ классовъ, обскурантизмъ, возведенный въ систему, ничтожество общественной жизни. Въ одномъ просвѣщеніи онъ видѣлъ надежду на лучшее будущее. Съ теченіемъ его дѣятельности, его мнѣнія все больше выяснялись; изученіе дѣйствительности, котораго онъ требовалъ отъ литературы, опре-

дѣлялось болѣе и болѣе точно — какъ изученіе общественныхъ отношеній и стремленіе къ равному для всѣхъ благосостоянію. Отвлеченные идеалы стараго времени, идеалы истины, добра и красоты, развились въ положительныя стремленія... Условія тогдашней литературы не давали Бѣлинскому возможности изложить сколько-нибудь полно свои понятія,—онъ излагалъ ихъ въ тѣхъ тѣсныхъ предѣлахъ, какіе доставляла литературная критика, единственная возможная форма тогдашней публицистики: но его понимали и въ этихъ предѣлахъ, и онъ имѣлъ чрезвычайно обширное нравственное вліяніе и въ литературѣ, и въ умахъ новыхъ поколѣній. Что было за этими предѣлами, т.-е., въ чемъ именно состояли общественныя мнѣнія Бѣлинскаго, — объ этомъ въ свое время читатели догадывались; намъ это извѣстно теперь по разсказамъ современниковъ, близко его знавшихъ, и по тому немногому, что извѣстно пока изъ вещей, писанныхъ Бѣлинскимъ не для печати. Таково въ особенности письмо его къ Гоголю, по поводу «Переписки съ Друзьями», почти единственный документъ этого рода. Это письмо—представляющее въ нашей литературѣ рѣдкій примѣръ открытой свободной рѣчи—замѣчательно въ высокой степени по энергіи чувства, какимъ оно проникнуто, и благородному отрицанію общественной несправедливости. Это письмо должно быть въ памяти у всякаго, кто сталъ бы опредѣлять воззрѣнія Бѣлинскаго...

Въ томъ развитіи нашей литературы, наполняющемъ тридцатые и сороковые годы, когда она не столько служила отголоскомъ массы общества, сколько упреждала его (по справедливому замѣчанію Бѣлинскаго), сколько дѣйствовала силами небольшого круга своихъ лучшихъ дѣятелей, — Бѣлинскому принадлежала своя обширная доля. Бѣлинскій, конечно, не былъ человѣкъ ученый, и ему иногда недоставало свѣдѣній [1]), но, несмотря на то, онъ могъ занимать одно изъ господствующихъ мѣстъ въ литературѣ его направленія, въ которой между прочими дѣйствовали тогда нѣсколько людей съ замѣчательнымъ талантомъ и обширнымъ образованіемъ. Бѣлинскаго равняла съ ними, и иногда ставила выше ихъ, сила убѣжденія и увлекающее дѣйствіе на другихъ. Его большая заслуга состояла въ томъ, что его усиленныя и твердыя стремленія много содѣйствовали литературной

[1]) Въ этомъ онъ, конечно, уступалъ и многимъ изъ своихъ друзей, и изъ противниковъ, — послѣдніе не одинъ разъ этимъ его упрекали; но должно сказать однако, что уступая многимъ своимъ противникамъ въ учености, онъ, конечно, былъ несравненно болѣе *образованный* человѣкъ, чѣмъ напр. писатели „Москвитянина". Притомъ, онъ и не брался за предметы чистой учености.

дѣятельности этого круга сложиться въ опредѣленное направленіе. Въ частности его заслуга была въ томъ, что онъ началъ настоящую критику въ русской литературѣ, распространилъ здравыя теоретическія понятія объ искусствѣ и много способствовалъ развитію той литературной школы, которая образовалась подъ вліяніемъ Гоголя и утверждалась на здравомъ изученіи дѣйствительной жизни.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Бѣлинскій былъ настоящимъ основателемъ исторіи русской литературы съ XVIII-го вѣка. Онъ положилъ конецъ тому безсистемному взгляду, при которомъ исторія литературы была только реестромъ произведеній и послужнымъ спискомъ писателей, съ голословными одобреніями или порицаніями, и первый далъ исторіи литературы дѣйствительно историческій характеръ послѣдовательнаго развитія. Его эстетическія оцѣнки старыхъ и новыхъ писателей сохраняютъ свою цѣну до сихъ поръ и не могутъ быть обойдены новой критикой. Позднѣе, противъ Бѣлинскаго и въ этомъ отношеніи были подняты обвиненія, утверждавшія, что онъ, напротивъ, былъ плохимъ историкомъ, что онъ дѣлалъ много ошибокъ, особенно вслѣдствіе того, что мало занимался чисто фактической стороной предмета и пренебрегалъ «преданіями», которыя именно помогли бы ему вѣрнѣе понять литературныя отношенія прежняго времени [1]). Подобныя обвиненія повторялись не разъ, и въ нихъ еще слышится отголосокъ другихъ обвиненій, которыя поднимали противъ Бѣлинскаго его враги изъ старыхъ литературныхъ партій, — что онъ не знаетъ «преданій», а вмѣстѣ не уважаетъ и старыхъ писателей...

На эти обвиненія довольно сказать нѣсколько словъ. Дѣйствительно, фактическая сторона литературной исторіи у Бѣлинскаго разработана мало, но она, во-первыхъ, была дѣломъ второй важности, когда нужно было прежде установить самую сущность историческаго вопроса, къ которой могла бы потомъ примкнуть фактическая разработка. Эта послѣдняя дѣйствительно и началась уже только послѣ того, какъ былъ поставленъ самый историческій вопросъ. Правда, мало-по-малу, эта разработка раскрыла много новыхъ подробностей, напр., именно указала много незамѣченныхъ прежде нитей, связывавшихъ литературу съ жизнью; но это была уже совсѣмъ иная сторона задачи. Бѣлинскій писалъ исторію художественной литературы, его точка

[1]) См. напр. Р. Вѣстникъ, 1861, № 6. Но приведенные образчики ошибокъ Бѣлинскаго, напр. о Станевичѣ, не принадлежатъ къ особенно важнымъ.

зрѣнія была эстетическая,—и здѣсь новая разработка прибавила очень немного, а въ тѣхъ изслѣдованіяхъ, на которыя направились теперь историки, литература принималась уже въ самомъ обширномъ смыслѣ, не только художественная, но и всякая, и новая исторія становилась исторіей уже не столько литературы собственно, сколько исторіей образованія, общественной жизни и нравовъ,—главный интересъ ея былъ культурный, а не художественный. Во-вторыхъ, пользоваться «преданіями» было и не такъ удобно. Преданія, о которыхъ идетъ рѣчь, бываютъ, обыкновенно, въ буквальномъ смыслѣ преданія, изустные разсказы людей, близкихъ къ тѣмъ или другимъ лицамъ и фактамъ прошлой литературы. Пользоваться этими преданіями можно было бы только двумя путями: или, если бы сами обладатели преданій собрали и изложили ихъ, или же, надо было добывать отъ нихъ эти преданія личными разспросами. Первое было бы самое естественное; но слишкомъ извѣстно, что наши владѣльцы преданій (въ тѣ времена) именно ничего не дѣлали въ этомъ отношеніи: въ началѣ это еще могло быть неудобно по близости времени, но они не сдѣлали этого и послѣ. Для примѣра довольно сказать, что обладатели преданій не дали біографіи ни Пушкина, отъ котораго сами получили большую долю своего заимствованнаго свѣта, — ни Жуковскаго, который только недавно нашелъ біографа въ своемъ *нѣмецкомъ*, а не русскомъ другѣ,—ни Гоголя, біографія котораго составлена не близкимъ къ нему лицомъ. Только въ послѣдніе годы «преданія» начинаютъ показываться, вызываемыя всёго больше новыми изслѣдованіями, — но и то большей частью въ видѣ совершенно сырого матеріала, переписки и т. п. Надобно полагать, что обладатели преданій ожидали, что къ нимъ лично должны были обращаться тѣ, кому было нужно. Но личныя сношенія не всегда удобны, а иногда совершенно невозможны. Извѣстно, напримѣръ, какъ относились къ Бѣлинскому друзья Пушкина, отъ которыхъ онъ будто бы «могъ» получить свѣдѣнія о Пушкинѣ;—мы думаемъ, напротивъ, что при той злобѣ, какую владѣльцы преданій питали къ Бѣлинскому, самая ихъ бесѣда была бы невозможна... Наконецъ, *ошибки*, въ которыхъ упрекаетъ Бѣлинскаго авторъ упомянутой статьи, вовсе не такъ крупны, чтобы повредить достоинству его труда. Историческія и эстетическія положенія Бѣлинскаго, которыя въ свое время старымъ партіямъ показались настоящимъ святотатствомъ («Карамзинъ тобой ужаленъ, Ломоносовъ—не поэтъ», и т. п.), уже вскорѣ стали господствующими понятіями; и чтобы должнымъ образомъ оцѣнить этотъ фактъ, должно еще припом-

нить, что̀ представляла наша критика и исторія литературы *до* Бѣлинскаго.

Только черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Бѣлинскаго явилась первая возможность говорить о немъ въ литературѣ, назвать его имя... Первыя воспоминанія о Бѣлинскомъ и очеркъ дѣятельности «критика Гоголевскаго періода», сдѣланы были уже новымъ литературнымъ поколѣніемъ. Эта оцѣнка, очень высоко ставившая Бѣлинскаго, внушена была сознаніемъ его непосредственнаго вліянія на развитіе новыхъ силъ, готовившихся дѣйствовать въ литературѣ, и въ своихъ главныхъ основаніяхъ эта оцѣнка была, конечно, справедлива. Въ лучшей части образованнаго общества и литературы остается и до сихъ поръ это отношеніе къ Бѣлинскому, какъ писателю, для котораго его дѣятельность была дѣломъ жизни, страстнаго убѣжденія и глубокаго патріотизма. Новое поколѣніе начинаетъ требовательнѣе относиться къ Бѣлинскому—съ различныхъ точекъ зрѣнія, и справедливо, съ нынѣшней точки зрѣнія, указывало нѣкоторыя односторонности и крайности его мнѣній, которыя, конечно, не были непогрѣшимы; но большей частью эти односторонности и крайности находятъ свое объясненіе и оправданіе въ условіяхъ времени, въ которое пришлась дѣятельность Бѣлинскаго, и въ свойствѣ тѣхъ насущныхъ вопросовъ, которые предстояло тогда разъяснять литературѣ. Между прочимъ, на Бѣлинскомъ отражались и послѣдніе толки о «людяхъ сороковыхъ годовъ», и та недовѣрчивость, которая возникла относительно ихъ по сохранившимся образчикамъ того времени; видя, какъ очень многіе изъ этихъ послѣднихъ могиканъ «сороковыхъ годовъ» не только не сохранили прежнихъ идеально-благородныхъ взглядовъ и стремленій, но возъимѣли стремленія прямо противоположныя,—теперь стали думать, что идеи сороковыхъ годовъ вообще были шатки и непрочны, если оканчивались подобнымъ результатомъ. Спрашивали, чѣмъ былъ бы самъ Бѣлинскій въ наше время, и предполагали, что, вѣроятно, и онъ не остался бы тѣмъ, чѣмъ былъ. Такіе вопросы вообще довольно странны и очень безполезны,—потому что отвѣтъ на нихъ можетъ быть только произвольный; но такъ какъ въ ихъ условной постановкѣ ищутъ нагляднаго объясненія дѣла, вводя въ нашу жизнь людей изъ «царства мертвыхъ», то въ отвѣтъ на такой вопросъ мы привели бы слова одного современника той эпохи, человѣка стоявшаго и тогда и послѣ въ *другомъ* лагерѣ, чѣмъ Бѣлинскій, именно въ

лагерѣ близкомъ къ славянофильству. Вотъ слова этого современника:

«Горячаго сочувствія стоилъ при жизни и стóитъ по смерти тотъ, кто самъ умѣлъ горячо и беззавѣтно сочувствовать всему благородному, прекрасному и великому. Безстрашный боецъ за правду, Бѣлинскій не усумнился ни разу отречься отъ лжи, какъ только сознавалъ ее, и гордо отвѣчалъ тѣмъ, которые упрекали его за измѣненіе взглядовъ и мыслей, что не измѣняетъ мыслей тотъ, кто не дорожитъ правдой. Кажется, онъ даже созданъ былъ такъ, что *натура его не могла устоять противъ правды*, какъ бы правда ни противорѣчила его прежнему взгляду, какихъ бы жертвъ она ни потребовала... Смѣло и честно звалъ онъ первый геніальнымъ то, чтó онъ таковымъ сознавалъ и, благодаря своему критическому чутью, ошибался рѣдко. Также смѣло и честно разоблачалъ онъ, часто наперекоръ утвердившимся мнѣніямъ, все, чтó казалось ему ложнымъ и напыщеннымъ, заходилъ иногда за предѣлы, но въ сущности, въ основахъ не ошибался никогда... Теоріи увлекали его, какъ и многихъ, но въ немъ было всегда нѣчто высшее теорій, чего нѣтъ во многихъ. Вполнѣ сынъ своего вѣка, онъ не опередилъ, да и не долженъ былъ опережать его... Еслибы Бѣлинскій прожилъ до нашего времени, онъ и теперь стоялъ бы во главѣ критическаго сознанія, по той простой причинѣ, что сохранилъ бы высшее свойство своей натуры: неспособность закоснѣть въ теоріи противъ правды, искусства и жизни».

Эти слова кажутся намъ очень справедливыми.

А. Пыпинъ.

ТЕОРІЯ ДАРВИНА

И

ВОПРОСЫ ПЕДАГОГІИ

Alf. Decandolle, Histoire des sciences et des savants, depuis deux siècles.

Прошло то старое время, когда каждая наука стояла *особнякомъ,* и когда, поэтому, открытія въ области естествознанія могли оставаться безъ вліянія на науки политическія и наоборотъ. Въ наши дни всѣ науки такъ тѣсно связаны между собою, что сильная мысль, нашедшая себѣ подтвержденіе въ фактахъ, представляемыхъ одною изъ отраслей человѣческихъ знаній, отражается на всѣхъ остальныхъ. И немудрено: въ сущности, всѣ науки имѣютъ цѣлью изслѣдованіе человѣка и природы, въ ихъ настоящемъ, прошломъ и будущемъ, а потому оставлять безъ вниманія какіе-либо факты, бросающіе свѣтъ на вопросы, еще не разрѣшенные — значило бы, для *всякой* науки, отворачиваться отъ жизни.

Всякому, конечно, извѣстна теорія, названная по имени Дарвина, теорія, по которой разнообразіе въ органической природѣ произошло въ силу естественнаго «подбора» особей, полового подбора, совершаемаго самою природою, въ средѣ которой все существующее стремится поддержать свое существованіе, и гдѣ успѣваютъ въ этомъ лишь тѣ организмы, которые сильнѣе другихъ и въ своей «борьбѣ за существованіе» одерживаютъ верхъ надъ встрѣчаемыми препятствіями или развиваются при

наиболѣе благопріятныхъ для нихъ условіяхъ. Теорія Дарвина предполагаетъ слѣдовательно, прежде всего, наслѣдственность извѣстныхъ физическихъ свойствъ и зависящихъ отъ нихъ психическихъ явленій. Только въ силу этой наслѣдственности, которая превращаетъ временныя, даже случайныя видоизмѣненія въ постоянныя для послѣдующихъ поколѣній, и мыслимо «происхожденіе видовъ» путемъ «подбора родителей», совершающагося въ природѣ подъ вліяніемъ «борьбы за существованіе». *Во что обращается при этомъ сила воспитанія?*

Зная связь всѣхъ наукъ между собою, мы не удивимся тому, что сильная мысль, сдѣлавшаяся популярною благодаря Дарвину, но намѣченная предшественниками его и развитая его послѣдователями, отразилась на философіи, на политической экономіи, исторіи, даже филологіи; страннымъ можетъ показаться только то, почему теорія Дарвина, подтверждаемая безчисленными доказательствами, имѣла до сихъ поръ столь незначительное вліяніе на *педагогію,* науку спеціально посвященную *всестороннему* изученію человѣка, такъ какъ главнѣйшая задача ея состоитъ во *всестороннемъ* развитіи человѣка, въ возбужденіи къ дѣятельности *всѣхъ* силъ, присущихъ человѣку? Не странно ли въ самомъ дѣлѣ, что *индуктивный* методъ, восходящій отъ частнаго къ общему, получилъ всеобщее приложеніе, благодаря *педагогамъ,* указавшимъ на легкость и доступность его, проникъ въ исторію, географію, математику и проч., и что, до сихъ поръ только нѣтъ, сколько мнѣ извѣстно, ни одного руководства къ *педагогіи,* изложеннаго по этому методу? Не странно ли, что педагоги всѣхъ странъ ратуютъ за обученіе посредствомъ усовершенія внѣшнихъ чувствъ и воспріятій, передаваемыхъ послѣдними, что педагоги всѣхъ народовъ требуютъ синтезиса *фактовъ,* а не отвлеченія, при обученіи, и сами обходятъ такой *фактъ,* какова теорія Дарвина. Или для нихъ безразлично знать, насколько,—признавъ теорію Дарвина и *извѣстную связь* между физическимъ и психическимъ развитіемъ организмовъ, чего *никто* не отвергаетъ, ни идеалисты, ни матеріалисты, — знать, насколько остается при этомъ простора для воспитателя?

Едва ли педагогъ сочтетъ пустымъ такой вопросъ, а если до сихъ поръ онъ предлагается лишь весьма немногими изъ педагоговъ, то едва ли не потому, что *антропологія* еще не довольно близко знакома большинству педагоговъ, и что въ средѣ послѣднихъ еще очень многіе, вмѣсто того, чтобы всматриваться въ указанія *жизни*, какою бы наукою они ни были представлены, довольствуются пареніемъ въ выси поднебесной и подъ-часъ на

такой высотѣ, откуда имъ трудно разглядѣть то, что дѣлается на землѣ. Говоря о педагогахъ, я разумѣю пишущую братію изъ нихъ; что же касается практиковъ, стоящихъ непосредственно у дѣла воспитанія и обученія—то большинство ихъ, къ несчастію, настолько подавлено «борьбою за собственное существованіе», поприще наблюденія ихъ такъ тѣсно, а пища, предлагаемая имъ «пишущими педагогами» настолько неудобоварима, что эти труженики, въ большинствѣ случаевъ, смотрятъ и не видятъ, т.-е. не выводятъ изъ жизни своей собственной педагогической теоріи. Между тѣмъ, едва ли кто-нибудь изъ этихъ практиковъ, или изъ «кабинетныхъ» педагоговъ, рѣшится отвергать, что такой вопросъ, какъ теорія Дарвина, есть вопросъ близкій къ каждому изъ нихъ и притомъ не только потому, что такое или иное отношеніе къ этому вопросу можетъ коснуться «борьбы за существованіе» самихъ педагоговъ, но и потому, что въ средѣ послѣднихъ есть немало людей, дорожащихъ не только кускомъ хлѣба, но истиной и убѣжденіями своими.

Но кто изъ насъ не воспитываетъ и въ этомъ смыслѣ кто изъ насъ не педагогъ? Къ каждому изъ насъ близокъ вопросъ о законахъ воспитанія, т.-е. умственнаго развитія человѣчества, такъ какъ при рѣшеніи его идетъ рѣчь о насъ самихъ, родителяхъ и дѣтяхъ нашихъ. И такимъ-то вопросомъ, какъ значеніе теоріи Дарвина по отношенію ко всему, что только есть самаго драгоцѣннаго для человѣка, мы пренебрегаемъ!

Сегодня мы не рѣшаемъ этого вопроса, но приглашаемъ читателей подумать надъ нимъ по поводу недавно вышедшей въ Женевѣ книги, съ содержаніемъ которой мы познакомимъ читателя, насколько оно касается нашего предмета, пользуясь этимъ случаемъ для того, чтобы высказать нѣсколько своихъ, самостоятельныхъ соображеній.

Книга, на которую я хочу обратить вниманіе родителей и учителей, написана Альфонсомъ де-Кандоллемъ, сыномъ того знаменитаго де-Кандолля, который, какъ профессоръ Женевской академіи, какъ профессоръ «Collége de France» въ Парижѣ и академіи въ Монпелье и какъ авторъ многихъ сочиненій, пріобрѣлъ себѣ репутацію одного изъ лучшихъ ботаниковъ нашего времени. Авторъ разсматриваемой книги, пошедши по стопамъ отца, продолжалъ нѣкоторыя изъ его сочиненій, читалъ ботанику въ Женевѣ, но по отзыву компетентныхъ лицъ не сравнялся съ нимъ по значенію въ наукѣ. Разсматриваемая нами книга его не имѣетъ прямого отношенія къ предмету его специальности, ботаникѣ, но представляетъ напротивъ попытку примѣнить методъ

естественно-историческій, которымъ авторъ привыкъ владѣть, къ философскому вопросу, весьма важному для всѣхъ отраслей знанія. Подъ заглавіемъ: «Histoire des sciences et des savants, depuis deux siècles» (Исторія наукъ и ученыхъ въ послѣднія два столѣтія), де-Кандолль подѣлился съ публикою нѣсколькими монографіями, имѣющими болѣе или менѣе близкое отношеніе къ вопросу о законахъ умственнаго развитія человѣчества; но какъ мало заглавіе ни соотвѣтствуетъ содержанію книги, нетрудно замѣтить однако, что каждая изъ статей этого сборника проникнута одною мыслью, а именно указать значеніе теоріи Дарвина для изученія законовъ умственнаго развитія человѣчества, для педагогіи. Теорія Дарвина не могла не представлять особеннаго интереса для нашего автора уже потому, что имъ самимъ, еще въ 1855 году, четыре года до появленія *первой* книги Дарвина, въ сочиненіи его о географіи растеній (Géographie botanique raisonnée), было допущено предположеніе о происхожденіи видовъ растеній путемъ подбора особей, совершаемаго самою природою и постепеннаго превращенія временныхъ и случайныхъ видоизмѣненій формъ въ постоянныя. Но, какъ А. де-Кандолль имѣетъ нѣкоторое право считать себя въ числѣ предшественниковъ Дарвина, такъ онъ считаетъ себя обязаннымъ указать на то, что на томъ поприщѣ изслѣдованія, на которомъ мы встрѣчаемся съ нимъ въ настоящее время, Гальтонъ въ сочиненіи о наслѣдственности генія (Hereditary genius. 1869 г.) проложилъ для него первый путь. Но Гальтонъ, задавшись вопросомъ, насколько велика сила наслѣдственности въ появленіи людей геніальныхъ, изучилъ по біографическимъ словарямъ жизнеописанія 65 главнѣйшихъ ученыхъ со временъ Аристотеля до нашихъ дней. Факты, собранные такимъ образомъ, Гальтонъ счелъ основою для своихъ выводовъ и заключеній. Де-Кандолль счелъ такую основу недостаточною, а потому, во-первыхъ: ограничился учеными послѣднихъ двухъ столѣтій, жизнеописанія которыхъ намъ извѣстны съ бо́льшими подробностями и бо́льшею достовѣрностію, и, во-вторыхъ, не позволилъ себѣ, подобно Гальтону, произвольно избрать нѣсколько десятковъ ученыхъ изъ среды тысячъ и предпочелъ изучать біографіи лишь такихъ лицъ, которыя были признаны почетными членами и корреспондентами парижскою академіею, лондонскимъ королевскимъ обществомъ и берлинскою академіею. Такой матеріалъ казался автору болѣе удобнымъ для сколько-нибудь точныхъ наблюденій какъ потому, что при этомъ устранялись пристрастіе автора и ошибочность заключеній его о представителяхъ наукъ, въ которыхъ онъ некомпетентенъ, такъ и потому, что

число *иностранныхъ* членовъ во всѣхъ академіяхъ обыкновенно ограничено извѣстнымъ комплектомъ лицъ, что и обязываетъ академіи быть настолько строгими при выборѣ, что едва ли нельзя признать *средняго* уровня избираемыхъ выше средняго уровня лицъ, не отличенныхъ академіями. Не слѣдуетъ упускать изъ виду и того, что идетъ рѣчь объ отношеніи академій къ *иностранцамъ*, а потому если бы мнѣнія трехъ ученыхъ учрежденій совпали, что касается выбора извѣстнаго лица, не связаннаго ни съ кѣмъ изъ нихъ узами національности, нерѣдко ведущими къ пристрастію, то такой фактъ, повторявшійся однако довольно часто, свидѣтельствовалъ бы безспорно о научномъ значеніи избраннаго; точно также если бы оказалось, что въ извѣстный періодъ времени всѣ академіи избирали иностранныхъ сочленовъ своихъ предпочтительно изъ среды извѣстной національности, или что въ извѣстное время всѣ академіи отличаютъ математиковъ, или зоологовъ предпочтительно предъ другими учеными, то и такія явленія невозможно было бы счесть случайными, и было бы, напротивъ, основаніе вывести изъ совокупности ихъ извѣстные законы. Наконецъ, предлагая рядъ изслѣдованій о числѣ *ученыхъ* въ различное время, у разныхъ народовъ, на различныхъ поприщахъ, авторъ предваряетъ о томъ, что онъ къ «ученымъ» причисляетъ лишь тѣхъ, которые въ чемъ-либо *подвинули* впередъ науку, а не тѣхъ, которые много *знаютъ;* въ такомъ смыслѣ и академіи обыкновенно понимали слово «ученый», и въ смыслѣ этого слова необходимо условиться заблаговременно, для того, чтобы отъ ограниченія поприща изслѣдованія выиграли точность наблюденій и безошибность выводовъ. Для того, чтобы исчерпать вопросъ о методѣ изслѣдованія, избранномъ авторомъ, я теперь же укажу на то, что де-Кандолль принадлежитъ къ числу тѣхъ естествоиспытателей, которые полагаютъ «*точность*» естественныхъ наукъ гораздо болѣе въ способѣ изслѣдованія, чѣмъ въ достигаемыхъ результатахъ, такъ какъ, по мнѣнію его, естествознаніе ведетъ прежде всего къ выясненію для изслѣдователя *безконечности* въ явленіяхъ природы, *безконечно* большихъ и *безконечно* малыхъ величинъ. «Ни одинъ астрономъ,— говоритъ авторъ,—ни на минуту не допуститъ того, что явленія ограничиваются тѣми, которыя доступны его лучшему телескопу, но многіе натуралисты, вооруженные микроскопомъ еще такъ выражаются, будто бы они видятъ *начало* чего-нибудь». Такое воззрѣніе автора, имѣя большое значеніе для разсматриваемаго имъ вопроса, помогло ему не только осторожно отнестись къ выводамъ изъ теоріи Дарвина по отношенію къ законамъ умствен-

наго развитія человѣка, но и внимательно изслѣдовать множество другихъ причинъ, кромѣ законовъ Дарвина, обусловливающихъ это развитіе, и такимъ образомъ выступить на поприще, близкое всѣмъ, принимающимъ къ сердцу интересы воспитанія и обученія.

Для того, чтобы подвергнуть наблюденію лишь возможно лучше выясненные факты, авторъ разсматриваемой книги, какъ мы сказали, останавливается на ученыхъ, заслужившихъ отличія академій. Уставъ парижской академіи наукъ, согласно которому не болѣе восьми иностранцевъ могутъ быть почетными членами ея одновременно, состоялся въ 1699 году; съ тѣхъ поръ парижская академія всегда имѣла по восьми почетныхъ членовъ изъ иностранцевъ, но полный списокъ послѣднихъ не былъ составляемъ, и составленъ въ первый разъ съ большимъ трудомъ де-Кандоллемъ, который приводитъ его въ своей книгѣ: за 205 лѣтъ оказывается 95 назначеній, изъ числа которыхъ авторъ исключаетъ три имени, такъ какъ они принадлежатъ лицамъ, отличавшимся лишь покровительствомъ наукѣ и не послужившимъ ей никакимъ самостоятельнымъ трудомъ. Такимъ образомъ, остались въ спискѣ 92 ученыхъ, изъ которыхъ 52 до конца прошлаго вѣка и 40 въ текущемъ столѣтіи; де-Кандоллемъ обозначены въ спискѣ, для каждаго изъ ученыхъ, предметъ спеціальности его, родина, національность, вѣроисповѣданіе, профессія и общественное положеніе. Принимая во вниманіе, что комплектъ *восьми* почетныхъ членовъ, который могъ быть достаточнымъ во времена Ньютона, слишкомъ незначителенъ для нашего времени, авторъ составляетъ списки корреспондентовъ парижской академіи, такъ какъ и этимъ званіемъ академія отличала лицъ, лишь наиболѣе выдававшихся, по ея мнѣнію, ученыхъ; но за невозможностію представить списки корреспондентовъ за каждый изъ 205 лѣтъ, авторъ даетъ списки за 1750, 1788, 1829 и 1869 года, т.-е. списки, представляющіе положеніе дѣла въ теченіе двухъ послѣднихъ столѣтій, съ болѣе или менѣе правильными промежутками около 40 лѣтъ. Вставивъ въ эти четыре списка имена и восьми почетныхъ членовъ парижской академіи, де-Кандолль нашелъ, что въ 1750 году французская академія наукъ удостоила званія почетнаго члена или корреспондента 35 лицъ, въ 1789 году—39; въ 1829 году—69; и столько же числилось всего иностранныхъ ученыхъ, отличенныхъ французскою академіею и въ 1869 году.

Лондонское королевское общество основано въ 1662 году; въ XVIII вѣкѣ число *иностранныхъ* членовъ этого общества не было ограничено никакимъ комплектомъ, и только въ текущемъ вѣкѣ принято за правило не имѣть ихъ одновременно болѣе 50.

Многихъ изысканій стоило де-Кандоллю составленіе списковъ иностранныхъ членовъ лондонскаго королевскаго общества, но и эта задача имъ рѣшена, а для того, чтобы облегчить сравненіе, списки составлены имъ для тѣхъ же эпохъ, для которыхъ составлены списки ученыхъ, отличенныхъ французскою академіею. Такимъ образомъ, оказалось, что въ 1750-мъ году лондонское королевское общество насчитывало 74 *иностранныхъ* члена; въ 1789 году—64; въ 1829 году—48 и въ 1869 году—49.

Берлинская академія основана въ 1700 году, но и по настоящее время число членовъ изъ иностранцевъ не отдѣлено отъ числа членовъ изъ нѣмцевъ, а потому составленіе списковъ *иностранныхъ* членовъ этой академіи для четырехъ вышеозначенныхъ эпохъ представляло особенныя трудности, которыя удалось преодолѣть де-Кандоллю только при содѣйствіи секретаря академіи, и такимъ образомъ, въ первый разъ появились въ печати списки такого рода. По отношенію къ берлинской академіи годы 1750, 1789, 1829 и 1869 представляются особенно удачно избранными, такъ какъ имъ предшествовало время относительнаго мира, и потому есть основаніе думать, что политическія и національныя страсти остались безъ вліянія на число иностранцевъ различныхъ національностей, почтенныхъ берлинскою академіею; по изслѣдованіямъ де-Кандолля оказалось, что въ 1750 году берлинская академія имѣла 42 члена изъ *иностранцевъ*, въ 1789 году—36, въ 1829 году—51, въ 1869 году—66.

Установивъ такимъ образомъ поприще наблюденія, де-Кандолль приступаетъ къ сличенію фактовъ, къ распредѣленію ихъ на группы, къ выводамъ. Академіи основаны въ Лондонѣ, Парижѣ и Берлинѣ между 1662 и 1700 годами; онѣ могли избирать иностранныхъ членовъ своихъ совершенно свободно изъ числа математиковъ и изъ числа естествоиспытателей; поэтому авторъ считаетъ поучительнымъ вычислить, на основаніи списковъ, напечатанныхъ въ его книгѣ, въ какой пропорціи различныя академіи *въ разное время* отличали ученыхъ каждой изъ двухъ указанныхъ категорій. Эти вычисленія несомнѣнно выясняютъ, что чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ большее число *естествоиспытателей* встрѣчается въ числѣ иностранцевъ, почтенныхъ учеными учрежденіями, *сравнительно* съ числомъ *математиковъ*, и послѣднихъ тѣмъ больше въ числѣ почетныхъ членовъ, чѣмъ дальше отъ нашего времени. Это фактъ и фактъ не случайный, до очевидности выясняющій возрастаніе числа лицъ въ цивилизованномъ мірѣ, посвящающихъ себя изученію естественныхъ наукъ и возрастающее значеніе послѣднихъ. Въ этомъ

отношеніи де-Кандолль справедливо ставитъ въ огромную заслугу Дарвину то, что его труды заставили въ наши дни интересоваться вопросами естествознанія *большинство* читающей публики: чѣмъ больше лицъ вдумываются въ эти вопросы, и чѣмъ больше сознательныхъ наблюдателей, тѣмъ болѣе выигрываетъ наука, служащая, въ свою очередь, человѣчеству. На возрастающее значеніе естественныхъ наукъ въ послѣдніе два столѣтія, выясненное цифрами де-Кандоллемъ, повліяли изобрѣтеніе точныхъ инструментовъ и примѣненіе правильныхъ методовъ наблюденія, а на послѣднее не могло не повліять возникновеніе трехъ академій въ Европѣ, происшедшее, какъ мы знаемъ, между 1662 и 1700 годами. Древніе философы, располагая незначительнымъ числомъ фактовъ, занимались *всѣми* науками, такъ поступали и мыслители среднихъ вѣковъ. Но послѣ изобрѣтенія болѣе совершенныхъ орудій и способовъ наблюденія, число фактовъ настолько возросло, что для каждаго ученаго явилась необходимость ограничить поприще своего наблюденія, *специализировать* свои занятія. Это подтверждается тою рубрикою списковъ, составленныхъ де-Кандоллемъ, въ которой послѣдній, на основаніи біографіи каждаго ученаго, отмѣчалъ, какой наукѣ онъ себя посвятилъ: во времена Лейбница и Ньютона почти при имени каждаго ученаго пришлось бы писать: «математикъ, астрономъ и физикъ»; еще въ XVIII-мъ вѣкѣ часто встрѣчается то же, но въ XIX-мъ вѣкѣ уже весьма рѣдко встрѣчается, чтобы одинъ и тотъ же ученый въ равной мѣрѣ занимался двумя науками. Добавлю къ этому соображеніе, упущенное изъ виду де-Кандоллемъ, но кажущееся мнѣ чрезвычайно существеннымъ для послѣдующихъ выводовъ: *специализація* наукъ, плодотворная специализація ихъ стала возможна не только вслѣдствіе уже указанныхъ причинъ, но и вслѣдствіе распространенія *общаго* образованія. Такъ, въ наше время ученый, посвящая себя *одной* наукѣ, приступаетъ къ этому послѣ того, какъ онъ, посредствомъ *общеобразовательнаго* курса, уже овладѣлъ результатами *всѣхъ* наукъ въ извѣстной мѣрѣ, насколько это необходимо при связи всѣхъ наукъ между собою.

Списки де-Кандолля, въ которыхъ, какъ мы знаемъ, показана и профессія ученыхъ, выясняютъ, что чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ рѣже званіе ученаго соединяется съ какою-либо доходною профессіею. Въ старину ученые часто бывали врачами, если не всегда по званію, то на дѣлѣ, а Вольфъ, математикъ и натуралистъ, занималъ каѳедру юридическихъ наукъ; чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ подобные примѣры рѣже, такъ какъ наука всецѣло поглощаетъ время ученаго. Вотъ по-

чему *экономическое* положеніе страны можетъ сильно отзываться на количествѣ и качествѣ ея ученыхъ: чѣмъ въ средѣ даннаго народа больше лицъ обезпеченныхъ, обладающихъ досугомъ, тѣмъ больше и ученыхъ, т.-е. людей, могущихъ трудиться для науки, хотя бы занятія эти и не представляли матеріальныхъ выгодъ; чѣмъ легче въ данной странѣ совершаются экономическія операціи, тѣмъ болѣе времени остается у лица, просвѣщеннаго и обезпеченнаго, свободнаго отъ заботъ о житейскихъ потребностяхъ, времени, которое оно можетъ отдать наукѣ. Такъ, до конца XVIII-го вѣка, какъ доказываютъ списки де-Кандолля, въ числѣ почетныхъ членовъ и корреспондентовъ академіи было чрезвычайно много лицъ изъ сословія духовенства; съ XIX-го вѣка эти примѣры рѣдки съ тѣхъ поръ, что уменьшены матеріальныя средства духовенства, что во многихъ мѣстахъ упразднены монастыри, обладавшіе досугомъ и богатствомъ; къ тому же изъ католическаго духовенства особенно много занимались наукою аббаты, которые не имѣли занятій по приходу и, владѣя состояніемъ, вовсе не нуждались въ профессіи священника. Ошибочно было бы, полагаетъ де-Кандолль, ставить въ особую заслугу католическому духовенству его занятія наукою, или выводить эти стремленія изъ духа католической церкви и духовенства ея: если бы это было такъ, то миссіонеры, непрерывно посѣщающіе новыя страны, должны были бы сдѣлать много открытій, между тѣмъ какъ ими оказаны самыя ничтожныя услуги наукѣ.

Къ той же мысли о несоединимости спеціальныхъ занятій наукой съ доходною профессіею де-Кандолль возвращается и при изслѣдованіи, на основаніи составленныхъ имъ списковъ, вопроса о томъ, изъ какого слоя общества выходятъ люди, подвигающіе науку? Распредѣливъ ученыхъ по ихъ сословному происхожденію, авторъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: 52 процента *иностранныхъ* членовъ французской академіи принадлежатъ къ среднему классу, 49 процентовъ къ сословію дворянъ и денежной аристократіи, и только 7 процентовъ къ сословію рабочихъ, земледѣльцевъ и проч., при этомъ само по себѣ понятно, что академія, при оцѣнкѣ заслугъ ученаго, не могла принимать въ разсчетъ его происхожденія. Эти результаты, выведенные де-Кандоллемъ математически правильно, но подвергнутые имъ наблюденію при *предвзятой* мысли и недостаточно имъ изслѣдованные, приводятъ его къ совершенно ложнымъ заключеніямъ. Такъ, почтенный авторъ, довольствуясь вышеприведеннымъ *поверхностнымъ* вычисленіемъ, говоритъ, что классъ рабочихъ, земледѣльцевъ и проч. составляетъ отъ $^2/_3$ до $^3/_4$ всего населенія въ странѣ, и тѣмъ

не менѣе эта масса дала всего менѣе знаменитыхъ ученыхъ, «*несмотря на существующія для нея средства возвышенія посредствомъ школы, военной службы, духовнаго сана, промышленности и торговли*»; затѣмъ авторъ настаиваетъ на томъ, что сословіе *дворянъ*, самое малочисленное въ странѣ, дало *относительно* наибольшее число ученыхъ. Авторъ не объясняетъ этого, подобно прусскимъ феодаламъ, благородствомъ крови, но *богатствомъ* и совокупностію другихъ причинъ, которыхъ мы коснемся ниже.

Въ заключеніяхъ автора трудно не замѣтить весьма существенныхъ погрѣшностей—онъ представляетъ одинъ *общій* итогъ ученыхъ по сословіямъ за 200 лѣтъ, и затѣмъ принимаетъ въ разсчетъ возможность образованія и карьеры для массы, которая существуетъ не 200 лѣтъ, а всего только 50 лѣтъ или даже только 25 лѣтъ, такъ какъ только весьма недавно исчезли всякаго рода привилегіи дворянства, облегчавшія ему, *сравнительно* съ другими сословіями, обогащеніе. Вообще говоря, чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ болѣе расчищается дорога для массы; этого не замѣтилъ де-Кандолль, хотя могъ усмотрѣть это изъ имъ же составленныхъ списковъ; вотъ что и дало мнѣ право предположить въ немъ предвзятую мысль въ пользу аристократизма, которая подтверждается и тѣмъ, что такой мыслитель могъ говорить о значеніи для массы *народной школы*, будто бы онъ не зналъ, что всего какихъ-нибудь тридцать лѣтъ тому назадъ это учрежденіе начали ставить на подобающее ему мѣсто! Для того, чтобы статистическими данными доказать ошибочность *метода* вычисленія де-Кандолля, я подраздѣлилъ списокъ 90 ученыхъ, имъ составленный, хронологически на пять группъ: первую группу (10 именъ), до 1700 года, я вовсе не принялъ въ разсчетъ; во второй группѣ, отъ 1700 до 1772 года, т.-е. во время господства привилегій дворянства, оказалось 25 именъ и изъ нихъ 10, принадлежащихъ ученымъ изъ сословія дворянъ и негоціантовъ; это приблизительно процентъ, вычисленный де-Кандоллемъ для *всего* списка. Но что мы видимъ дальше? Въ третьей группѣ, отъ 1772 по 1800 годъ, оказывается *дворянъ* всего 5 изъ 20-ти ученыхъ, т.-е. только 25 процентовъ вмѣсто 40,—вотъ какъ отозвалось на массѣ паденіе привилегій! Въ четвертой группѣ списка, отъ 1800 до 1826 года, на 13 ученыхъ приходится всего 3 *дворянина* и, наконецъ, въ пятой группѣ, за время отъ 1827 года по 1868 годъ, которая и должна быть названа по преимуществу временемъ водворенія юридическаго и экономическаго равноправія сословій, въ спискѣ, на 21 ученаго, оказывается всего 4 ученыхъ изъ сословій дворянъ и негоціантовъ, т.-е. около 20%,

вмѣсто 41%, вычисленныхъ де-Кандоллемъ. На это можно возразить, что тѣмъ не менѣе остается не опровергнутымъ тотъ выводъ автора, что сословіе дворянъ, самое *малочисленное*, дало *наибольшее* число ученыхъ, сравнительно съ другими сословіями. Но я и не имѣлъ въ виду опровергать той безспорной истины, что сословіе наиболѣе богатое и просвѣщенное должно дать *относительно* и наибольшее число ученыхъ. Но мнѣ кажется, что я доказалъ, что съ того времени, какъ привилегіи отняты закономъ у дворянства, *относительное* преобладаніе его въ наукѣ все болѣе и болѣе уменьшается, и слѣдовательно увеличиваются шансы учености для другихъ сословій; въ числѣ послѣднихъ большинство лицъ живетъ доходами отъ профессіи, откуда прямо слѣдуетъ, что де-Кандолль ошибочно поставилъ *богатство* въ числѣ условій, благопріятствующихъ научнымъ занятіямъ: онъ долженъ былъ, не уклоняясь отъ фактической почвы въ область *предвзятыхъ* теорій, указать не на богатство, но на *достатокъ*, и на то, что по мѣрѣ увеличенія числа лицъ обезпеченныхъ, пользующихся *достаткомъ*, и наука *демократизируется*. Несоединимость учености съ доходною профессіею, на которой, какъ я сказалъ выше, нашъ авторъ настаиваетъ, опровергается его же вычисленіями: наибольшее число ученыхъ вышло, какъ мы видѣли, внѣ Франціи изъ *средняго* сословія; въ самой Франціи, по вычисленіямъ де-Кандолля, этотъ классъ общества, существующій преимущественно *доходами отъ профессій*, далъ еще больше ученыхъ. Не очевидно ли послѣ этого, что говоря объ условіяхъ, благопріятствующихъ научнымъ занятіямъ, нѣтъ возможности говорить о *богатствѣ*, но только о *достаткѣ*, и нѣтъ возможности, на основаніи фактовъ, доказывать несоединимость учености съ доходною профессіею? Это можетъ послужить утѣшеніемъ для лицъ, считающихъ себя призванными служить интересамъ массы: факты и вычисленія доказываютъ, что такіе люди не черпали воду рѣшетомъ, что народная школа, экономическія и политическія учрежденія возвышаютъ массу до наслажденія наукою, увеличиваютъ число слугъ науки, но весьма медленно, такъ какъ законы развитія человѣчества, къ обозрѣнію которыхъ мы и приступимъ по де-Кандоллю, весьма сложны, а успѣхи его обусловливаются множествомъ обстоятельствъ. Де-Кандолль правъ, говоря, что «лицамъ *ничего не имѣющимъ* не слѣдуетъ совѣтовать спеціальныхъ занятій наукою», такъ какъ подобныя занятія недоходны, а доходъ такимъ лицамъ необходимъ; но почему не совѣтовать всякому бѣдняку занятій наукою въ раннемъ возрастѣ, т.-е. достиженія имъ такой профессіи, доходъ отъ

которой создаетъ досугъ и возможность посвятить себя наукѣ въ эпоху зрѣлости? Слѣдовательно, только предвзятою мыслію можно объяснить себѣ то, что де-Кандолль увѣряетъ, будто бы стипендіи могутъ увеличить лишь число людей знающихъ, но не число двигателей науки: чѣмъ болѣе лицъ достигнутъ той степени знанія, послѣ которой возможны научныя занятія, тѣмъ болѣе увеличатся и шансы возрастанія числа ученыхъ въ странѣ. Справедливо однако при этомъ то, что не однѣми стипендіями создаются сподвижники науки; обратимся же теперь къ болѣе обстоятельному изслѣдованію этого *сложнаго* явленія, наблюденіе надъ которымъ бросаетъ свѣтъ и на законы умственнаго развитія человѣка.

Въ ряду причинъ, вліяющихъ на развитіе человѣчества, весьма важное значеніе принадлежитъ законамъ Дарвина о наслѣдственности физическихъ свойствъ и зависящихъ отъ нихъ нравственныхъ силъ, и о «естественномъ подборѣ», вслѣдствіе котораго извѣстныя физическія свойства организмовъ, а слѣдовательно и зависящія отъ нихъ психическія силы могутъ угасать, или развиваться, или, видоизмѣняясь постепенно, создаваться вновь отъ поколѣнія до поколѣнія. По мнѣнію де-Кандолля, которое, какъ извѣстно, раздѣляетъ въ настоящее время большинство естествоиспытателей, «затрудненіе не въ томъ, чтобы прослѣдить въ одной и той же породѣ видоизмѣненіе формъ», доказанное Дарвинымъ до очевидности, «и не въ томъ, чтобы отъ времени до времени указать и причины этихъ видоизмѣненій, но въ томъ, чтобы понять, въ какихъ случаяхъ и какимъ образомъ вновь произведенныя формы могутъ окрѣпнуть, удержаться отъ поколѣнія до поколѣнія». «Вопросъ не въ томъ, — говоритъ де-Кандолль въ другомъ мѣстѣ, — существуетъ ли естественный подборъ, и не въ томъ, произошли ли однѣ формы отъ другихъ», что уже вполнѣ выяснено Дарвинымъ, «но въ томъ, чтобы понять, какимъ образомъ, въ какомъ размѣрѣ и по какимъ причинамъ произошли *наслѣдственныя* видоизмѣненія, и какимъ образомъ вліялъ на нихъ, *всегда неизбѣжный*, естественный подборъ?» Поставивъ такимъ образомъ вопросъ и считая теорію Дарвина о происхожденіи видовъ, насколько она *свидѣтельствуетъ о фактѣ* естественнаго подбора и его послѣдствіяхъ, неопровержимою, авторъ пытается отвѣчать на часть изъ поставленныхъ имъ и еще не разрѣшенныхъ вопросовъ, на основаніи составленныхъ имъ списковъ ученыхъ и матеріаловъ, почерпнутыхъ въ біографіяхъ ихъ.

Обратимся, вмѣстѣ съ де-Кандоллемъ, прежде всего къ списку иностранныхъ почетныхъ членовъ парижской академіи наукъ. Если

принять во вниманіе, что по уставу такихъ членовъ бывало всего восемь на весь цивилизованный міръ; что за исключеніемъ Франціи этотъ міръ представляетъ населеніе приблизительно въ 200 милліоновъ; что за 200 лѣтъ состоялось всего 92 назначенія со стороны академіи, быть можетъ, на милліардъ людей—то нельзя не признать, что крайне мало было шансовъ въ пользу того, чтобы академія производила свой выборъ два раза или болѣе того въ одномъ и томъ же семействѣ, и чтобы такимъ образомъ случай привелъ въ академію отца и сына, или сыновей его и внука или внуковъ. Если даже ограничить поприще избранія лицами, печатающими свои труды, допустить 8 наукъ естествовѣдѣнія и за 200 лѣтъ шестнадцать тысячъ писателей, и принять во вниманіе, что изъ нихъ около четырехъ тысячъ писателей были французы, а изъ остальныхъ двѣнадцати тысячъ только 92 были почтены выборомъ во французскую академію наукъ, т.-е. всего около семи на тысячу, то и въ такомъ случаѣ мало представляется вѣроятія на случайное совпаденіе въ одномъ и томъ же семействѣ двухъ или болѣе избраній; эти соображенія представляютъ особенное значеніе, если не упускать изъ виду, сколько было ученыхъ, вовсе не имѣвшихъ сыновей, и такихъ, сыновья которыхъ не дожили до 50-ти лѣтъ. Тѣмъ не менѣе парижская академія четыре раза избирала сыновей лицъ, входившихъ въ составъ ея: Бернульи Даніила и Бернульи Ивана, сыновей Ивана Бернульи, также почтённаго академіею; Эйлера Альберта, какъ отца его Леонарда; Гершеля Джона, сына академика Вильяма Гершеля. Кромѣ того въ спискѣ встрѣчаются имена пяти сыновей спеціалистовъ, посвятившихъ себя наукѣ, итого слѣдовательно *девять* такихъ ученыхъ, ученость отцовъ которыхъ доказана, что составляетъ *десять процентовъ* всего числа иностранцевъ, почтённыхъ академіею. Не довольствуясь этимъ выводомъ, де-Кандолль, желая на основаніи составленныхъ имъ списковъ прослѣдить еще полнѣе *наслѣдственность* учености, отыскиваетъ въ числѣ лицъ, почтённыхъ званіемъ корреспондентовъ академіями французской, лондонской и берлинской, одиннадцать, такихъ, отцы которыхъ также были отличены этими учеными учрежденіями. Принимая во вниманіе, что академики, возведенные въ это званіе *послѣ* 1820 года, могли имѣть сыновей, которые еще *не успѣли* заявить себя, де-Кандолль принимаетъ въ разсчетъ только назначенія по 1820-й годъ; ихъ оказывается всего 65 и изъ нихъ-то въ 11-ти случаяхъ ученые имѣли сыновей, творчество которыхъ въ наукѣ доказано, что составляетъ *семнадцать процентовъ*. Вычисленія для иностранцевъ, почтённыхъ лондонскимъ королевскимъ

обществомъ, даютъ сходные съ вышеприведенными результаты; всѣ эти вычисленія до очевидности *свидѣтельствуютъ о фактѣ*, что въ весьма многихъ случаяхъ за отцемъ, прославившимся въ наукѣ, слѣдовалъ сынъ, пріобрѣтавшій такое же значеніе на научномъ поприщѣ. Но остается еще рѣшить, насколько тутъ участвовала *наслѣдственность* дарованій, и насколько воспитаніе сына отцемъ и другія условія развитія умственныхъ способностей и вкуса къ научнымъ занятіямъ?

Прежде этого полезно сличить факты, *повидимому*, указывающіе на рѣшающее значеніе наслѣдственности и исключительное вліяніе законовъ Дарвина съ другими фактами, которые можно почерпнуть изъ тѣхъ же списковъ де-Кандолля. Авторъ справедливо замѣчаетъ, на основаніи біографій ученыхъ, имена которыхъ имъ занесены въ списки, что *чаще* ученые встрѣчались въ числѣ сыновей протестантскихъ пасторовъ, чѣмъ въ числѣ сыновей спеціалистовъ, занимавшихся наукою, хотя послѣднихъ было *больше*, нежели протестантскихъ пасторовъ; слѣдовательно, если бы *наслѣдственность* имѣла въ данномъ случаѣ рѣшающее и исключительное значеніе, то у ученыхъ по профессіи чаще встрѣчались бы ученые сыновья, чѣмъ, напримѣръ, у протестантскихъ пасторовъ. Итакъ, очевидно, что наслѣдственность и законы Дарвина вообще имѣютъ значеніе въ томъ, что весьма часто отцы, посвятившіе себя наукѣ, имѣютъ сыновей, посвящающихъ себя тому же поприщу; но наслѣдственность не составляетъ при этомъ причины исключительной и для того, чтобы взвѣсить *относительное* значеніе ея, необходимо сличить ее съ другими причинами, вліяющими на развитіе человѣчества, къ изслѣдованію которыхъ по де-Кандоллю мы и перейдемъ, для того, чтобы вновь затѣмъ возвратиться къ оцѣнкѣ теоріи Дарвина.

Обстоятельства, обусловливающія нравственное развитіе человѣка, по мнѣнію де-Кандолля, подлежатъ двоякой классификаціи, съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія: а) ихъ можно подраздѣлить на обстоятельства, *предшествующія* рожденію человѣка (возможное наслѣдованіе отъ одного изъ родителей или предковъ извѣстныхъ свойствъ) и на обстоятельства, *слѣдующія* за рожденіемъ человѣка (воспитаніе, примѣръ, совѣты, личный опытъ, умозаключенія вслѣдствіе научныхъ занятій, окружающія обстоятельства, общественное мнѣніе и учрежденія страны). б) Тѣ же обстоятельства можно подраздѣлить, но менѣе логично, на обстоятельства, сосредоточенныя въ семьѣ, ей присущія (наслѣдственность, воспитаніе, совѣты, примѣры) и на внѣшнія (школа, общественное мнѣніе, законы и учрежденія страны).

Приступая къ изслѣдованію воспитанія, какъ причины, вліяющей на нравственный складъ человѣка, съ какими *задатками* онъ бы ни родился, де-Кандолль имѣетъ въ виду только свою спеціальную задачу—изслѣдованіе причинъ, развивающихъ *научныя* занятія, а потому говоритъ почти исключительно *объ обученіи*, хотя совершенно справедливо не допускаетъ иного обученія, кромѣ *воспитывающаго*. Въ этомъ отношеніи авторомъ высказаны чрезвычайно здравыя мысли, которыя нельзя повторять довольно часто, такъ какъ онѣ настолько просты и очевидны, что мы, привыкнувъ смотрѣть въ даль и не *замѣчать* того, что у насъ *предъ глазами*, не обращаемъ на нихъ никакого вниманія. «Главнѣйшій двигатель всякихъ открытій,—говоритъ авторъ,—состоитъ въ любознательности, въ стремленіи узнать истину о дѣйствительно существующихъ предметахъ... Какова бы ни была сила и направленіе этого стремленія, а воспитаніе можетъ возбуждать, притуплять и направлять любознательность»... Умѣнье наблюдать факты совершенно необходимо для достиженія возможности удовлетворенія любознательности, и каждый изъ насъ одаренъ этимъ свойствомъ въ дѣтствѣ, въ большей или меньшей степени. «Чтò дѣлаютъ затѣмъ въ школахъ,—продолжаетъ авторъ,—для развитія этого драгоцѣннаго дара? — Почти ничего. Чтò дѣлаютъ, напротивъ, для того, чтобы повредить этому драгоцѣнному дару, умертвить его или подавить его развитіемъ другихъ способностей? Чрезвычайно много».—Къ несчастію, это такъ! Въ большинствѣ случаевъ, обучая, мы сообщаемъ свѣдѣнія, забывая о томъ, что мы призваны *посредствомъ обученія* возбудить и развить любознательность. Чтó говорятъ факты, какими они представляются въ спискахъ де-Кандолля?... Много есть городовъ, долгое время обладавшихъ университетами и почти не давшихъ ученыхъ, отличавшихся творчествомъ, но только знающихъ людей. А отчего? Оттого, что хорошъ не тотъ профессоръ, который дѣлится своею богатою сокровищницею знаній, но тотъ, который умѣетъ возбудить любознательность въ своихъ слушателяхъ; а какъ мало такихъ профессоровъ и какъ часто они, представляя слушателямъ науку чѣмъ-то *законченнымъ*, вмѣсто того, чтобы вербовать для этого вѣчно открытаго поприща новыхъ слугъ въ средѣ молодого поколѣнія, убиваютъ въ своихъ слушателяхъ самодѣятельность, притупляютъ въ нихъ стремленіе къ изысканіямъ и воспитываютъ въ нихъ стремленіе питаться пищею, пережеванною другими до тѣхъ поръ, пока они набьютъ себѣ оскомину, и затѣмъ находятъ отдыхъ не въ занятіяхъ, но въ праздности. Де-Кандолль справедливо останавливаетъ вниманіе на томъ фактѣ, что очень многіе

изъ знаменитѣйшихъ ученыхъ обучались у плохихъ, или посредственныхъ учителей. Но, какъ-бы забывая о множествѣ причинъ, обусловливающихъ развитіе человѣка, онъ объясняетъ себѣ этотъ фактъ исключительно тѣмъ, что эти учителя, мало знавшіе сами, умѣли возбудить любознательность въ своихъ слушателяхъ. Если бы это было такъ, то отсюда слѣдовало бы, что *умѣнье преподавать* гораздо благодѣтельнѣе отражается на ученикахъ, чѣмъ обиліе знаній учителя, и что не стоитъ хлопотать о снабженіи страны возможно болѣе просвѣщенными учителями. Но де-Кандолль очевидно заблуждается: хотя значеніе методики обученія безспорно, но и самая методика превращается въ машинальность, если общее развитіе учителя, достигаемое знаніемъ, не служитъ ей основой; затѣмъ, если малознающій учитель, даже «плохой» учитель, какъ говоритъ де-Кандолль, можетъ образовать даровитыхъ учениковъ, то не очевидно ли, что это случится только съ исключительно способными учениками, и что та же цѣль достигнется гораздо лучше, по отношенію къ *большинству* учениковъ, *хорошимъ* учителемъ. Наконецъ, какъ я уже говорилъ, фактъ успѣшнаго обученія посредствомъ плохихъ учителей, указанный де-Кандоллемъ, только въ томъ случаѣ могъ бы получить рѣшающее значеніе, если бы кто-нибудь взялся доказать невозможное, т.-е., что ни одна изъ причинъ, вліяющихъ на развитіе человѣка и перечисленныхъ выше, не создала изъ лицъ плохо обученныхъ извѣстныхъ ученыхъ *вопреки* школѣ, чрезъ которую они прошли. Де-Кандолль, повидимому, придаетъ однако слишкомъ большое значеніе указанному имъ факту, почерпнутому имъ изъ біографій ученыхъ; не сличивъ его со множествомъ противорѣчащихъ явленій, представляемыхъ повседневною жизнію, онъ настолько подчиняется первому впечатлѣнію, что подъ вліяніемъ его извращаетъ значеніе и нѣкоторыхъ другихъ фактовъ, встрѣчаемыхъ на пути: такъ, ему *кажется*, что факты, имъ собранные, свидѣтельствуютъ объ относительно ничтожномъ значеніи германскихъ университетовъ для развитія науки въ Германіи; но не трудно доказать, что де-Кандолль извращаетъ смыслъ вѣрно указанныхъ имъ фактовъ. Такъ, на стр. 118-ой авторъ останавливается на той именно мысли, что университеты существовали въ Германіи въ XVIII-мъ вѣкѣ, а весьма немного въ *это же время* бывало корреспондентовъ академій изъ Германіи сравнительно съ XIX-мъ вѣкомъ, когда существовали почти тѣ же университеты. Если бы это было справедливо, какое ничтожное значеніе получили бы заботы всѣхъ народовъ о народномъ образованіи! Но это не такъ, что доказывается сказаннымъ тѣмъ

же авторомъ на стр. 229-й той же книги, что въ Германіи наука стала процвѣтать съ 1820-го года. Авторъ нѣсколько разъ (стр. 257) указывавшій на то, что во Франціи научное движеніе проявилось съ особенной силой во *второй* половинѣ XVIII-го вѣка, какъ въ періодъ послѣдовавшій за пятидесятилѣтіемъ *мира*, совершенно забываетъ о томъ, что по его же словамъ это движеніе проявилось въ Германіи вслѣдъ за періодомъ почти непрерывныхъ *войнъ*, и что поэтому на послѣднемъ явленіи слѣдовало остановиться нѣсколько дольше, чтобы выяснить его. Между тѣмъ, какъ стоило лишь автору отказаться отъ перваго впечатлѣнія, произведеннаго на него возможнымъ фактомъ воспитанія даровитыхъ ученыхъ плохими учителями, и не трудно было бы, на основаніи историческихъ фактовъ, объяснить себѣ научное движеніе въ въ Германіи: университеты ея улучшились въ концѣ XVIII-го вѣка, но преимущественно въ эпоху наибольшихъ бѣдствій народа, страдавшаго отъ войны, а дали результатъ нѣсколько позже, когда слушатели ихъ выступили на житейскомъ и литературномъ поприщахъ, и когда цѣлая фаланга писателей своими книгами воспитала новое поколѣніе. — Говоритъ ли такой фактъ за силу воспитанія, или противъ нея? Если эта сила могла побороть такое ужасное бѣдствіе, какъ двухсотлѣтній періодъ войнъ, то она не ничтожна, но *въ числѣ другихъ причинъ* едва ли не имѣетъ весьма существеннаго значенія. Итакъ, факты, представленные де-Кандоллемъ, нисколько не колеблютъ догмата нашего времени, —народнаго образованія. Говоря преимущественно о значеніи *обученія*, авторъ упустилъ изъ виду воспитаніе *навыковъ* и *склонностей*, которые почерпаются нами изъ примѣра, совѣта, воспитанія семейнаго, общественнаго и политическаго. Но и я не буду останавливаться дольше на этихъ силахъ воспитанія, такъ какъ о нихъ каждый изъ читателей знаетъ изъ собственнаго опыта; повторю только еще разъ, что воспитанію принадлежитъ много опредѣляющая роль въ умственномъ развитіи человѣка и не только потому, что воспитаніе властно надъ физическою природою человѣка и зависящими отъ нихъ психическими свойствами; повторю также, что де-Кандолль придаетъ слишкомъ ничтожное значеніе этой силѣ, въ чемъ мы будемъ еще имѣть случай убѣдиться впослѣдствіи, и перейду къ анализу другихъ причинъ, участвующихъ въ созиданіи нравственнаго существа человѣка изъ матеріала, даннаго природою, насколько возможно видоизмѣненіе этого матеріала и постепенное наращеніе въ немъ, отъ поколѣнія до поколѣнія, и даже въ предѣлахъ одной жизни, новыхъ свойствъ.

Съ тѣхъ поръ, что извѣстны человѣческія общества, они почти

всегда встрѣчаются обладающими какими-либо религіозными вѣрованіями; здѣсь не мѣсто пытаться объяснить себѣ это явленіе, но не лишнимъ будетъ остановиться на томъ, какъ по фактамъ, собраннымъ авторомъ разсматриваемой книги, оно отражается на прогрессѣ человѣчества, а потому и каждой отдѣльной личности, хотя въ послѣднемъ случаѣ нерѣдко труднѣе прослѣдить его, чѣмъ на совокупности фактовъ. Въ 1870-мъ году въ Европѣ было 144 милліона католиковъ и $68^1/_2$ милліоновъ протестантовъ; слѣдовательно, католики составляли 51% всего населенія Европы, а протестантовъ, составляющихъ лишь 20%, было вдвое меньше, а потому въ спискахъ корреспондентовъ академій должно бы быть *вдвое больше* католиковъ, чѣмъ протестантовъ; списки обнаруживаютъ *обратное* явленіе, и на 92 *иностранныхъ* члена парижской академіи только 16 католиковъ и 71 протестантъ; между тѣмъ, какъ внѣ Франціи въ Европѣ 107 милліоновъ католиковъ и только 68 милліоновъ протестантовъ, послѣдніе дали академіи вчетверо болѣе сочленовъ. Если просмотрѣть списки иностранныхъ членовъ лондонскаго королевскаго общества, то это отношеніе, выражающее преобладаніе протестантовъ, нѣсколько ослабѣваетъ, такъ какъ католическая Франція поставила много ученыхъ, но тѣмъ не менѣе по спискамъ 1829 года и 1869 года, въ которые внесено особенно много французовъ, оказывается столько же католиковъ, какъ протестантовъ, и послѣднихъ даже нѣсколько болѣе *несмотря на то*, что внѣ Великобританіи въ Европѣ всего 44 милліона протестантовъ на $139^1/_2$ милліоновъ католиковъ. Слѣдовательно, очевидно, что изъ среды протестантовъ во всякомъ случаѣ вышло болѣе ученыхъ, нежели изъ среды католиковъ. Это явленіе де-Кандолль объясняетъ себѣ не различіемъ въ догматахъ, но въ принципахъ духовенства и отношеніяхъ его къ паствѣ: чѣмъ болѣе духовенство руководствуется принципомъ *авторитета*, тѣмъ болѣе оно этимъ самымъ подавляетъ духъ пытливости и любознательности, разрушая этотъ краеугольный камень значенія всякаго знанія и движенія впередъ. Принципъ злоупотребленія авторитетомъ можетъ быть присущъ и неприсущъ различнымъ вѣроисповѣданіямъ, и весьма мѣткій историческій примѣръ, приведенный де-Кандоллемъ, доказываетъ, что угнетать авторитетомъ можетъ иногда духовенство даже такой церкви, которая приняла въ число своихъ догматовъ принципъ свободнаго анализа. Такъ, въ Женевѣ отъ 1535 по 1725 годъ господствовала исключительность кальвинизма, какъ извѣстно, властвовавшаго вполнѣ деспотически надъ духовенствомъ и мірянами, и за все это время Женева не произвела *ни одного* выдающагося уче-

наго; напротивъ, съ 1720 и 1730 года, когда было поколеблено поклоненіе всеподавлявшему авторитету Кальвина, *при прочихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ*, изъ среды женевскаго населенія не переставали выходить математики, физики и натуралисты и притомъ въ *относительно* чрезвычайно значительномъ количествѣ. Нельзя отрицать вліянія религіи, хотя, для того, чтобы неупрекать де-Кандолля въ исключительности, но никакъ не слѣдуетъ забывать, что нравственное существо человѣка — явленіе чрезвычайно сложное, зависящее отъ множества причинъ, изъ которыхъ едва ли которой-нибудь можно приписать преобладающее значеніе.

Такъ, у де-Кандолля мы еще разъ встрѣчаемся съ вычисленіями о цифрѣ ученыхъ, вышедшихъ изъ среды протестантскаго населенія, но на этотъ разъ факты уже не указываютъ болѣе на значеніе религіи, а на другую изъ причинъ, вліяющихъ на нравственный складъ человѣка, на «семейныя преданія», какъ говоритъ де-Кандолль. Вотъ факты: разсчитываютъ, что въ концѣ XVII-го вѣка изгнано изъ Франціи протестантовъ до трехъсотъ тысячъ; допустивъ, что столько же было изгнанниковъ во время религіозныхъ войнъ XVI-го вѣка и въ XVIII вѣкѣ, и то не составится и одного милліона протестантовъ, изгнанныхъ изъ Франціи, —и что же? Эта относительно ничтожная горсть людей имѣетъ десять представителей въ парижской академіи наукъ, которые составляютъ 11% всего числа лицъ, почтённыхъ академіею. Кромѣ того, де-Кандолль составилъ списокъ ученыхъ потомковъ протестантовъ, изгнанныхъ изъ Бельгіи, Франціи, Австріи и Италіи, и число ихъ поразительно, въ какой бы странѣ они ни поселились. Если бы на это вліяла исключительно религія или другія причины, но не специфическая причина, присущая именно религіознымъ эмигрантамъ, говоритъ де-Кандолль, то протестантская Германія, поставляя ученыхъ въ той же пропорціи, какъ и эмигранты, должна была бы дать 300 ученыхъ, а она дала ихъ лишь 23. «Извѣстныя идеи, извѣстныя чувства, извѣстныя симпатіи и антипатіи передаются—говоритъ де-Кандолль,—нетолько отъ отца къ сыну, но отъ дѣда къ внуку и дальше»; совокупность этой духовной атмосферы, присущей семейству, вліяніе которой многіе изъ насъ вынесли на себѣ самихъ, де-Кандолль и называетъ «семейными преданіями». Никто не станетъ отрицать того, какимъ могущественнымъ двигателемъ впередъ бываютъ добрыя преданія для отдѣльнаго человѣка и цѣлаго народа; никто не станетъ отвергать весьма существеннаго значенія для цѣлой жизни человѣка той духовной атмосферы, на которой онъ

вскормленъ въ родной семьѣ и родной странѣ. Поэтому трудно не допустить, вмѣстѣ съ де-Кандоллемъ, и того, что тяжкое бѣдствіе, постигшее семью, и бѣдствіе, побудившее лицъ, которыхъ оно непосредственно коснулось, сосредоточиться, бѣжать отъ людей и искать наслажденія въ наукѣ,—можетъ оставаться надолго памятнымъ въ семьѣ и дать извѣстное направленіе дѣятельности, вкусамъ и способностямъ многихъ изъ сочленовъ ея, существуя какъ преданіе отъ поколѣнія до поколѣнія. Но едва ли было бы осторожно, говоря о протестантскихъ эмигрантахъ, преувеличивать, подобно де-Кандоллю, значеніе «семейныхъ преданій», вмѣсто того, чтобы указать и на эту силу, не забывая объ остальныхъ. Такъ, что мы видимъ въ спискѣ де-Кандолля?.. бельгійскіе эмигранты поселились въ *Базелѣ,* французскіе въ Базелѣ, *Женевѣ* и *Невшателѣ,* итальянскіе въ Базелѣ, т.-е. исключительно въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ обстоятельства были особенно благопріятны для умственнаго развитія, благодаря свободѣ и другимъ причинамъ. Кромѣ того, почему опять не вспомнить при этомъ *общеизвѣстнаго* факта, совершенно безспорнаго, на который слѣдовательно можно сослаться безъ малѣйшей натяжки? Фактъ этотъ состоитъ въ томъ, что во всѣхъ *протестантскихъ* странахъ *раньше,* чѣмъ въ католическихъ, возникли народныя училища и теперь еще шире разлито образованіе въ массѣ. Если же это фактъ настолько извѣстный, что я считаю излишнимъ подтверждать его статистическими данными, то нельзя не сопоставить его и съ тѣмъ явленіемъ, что *протестанты* вообще дали больше ученыхъ, чѣмъ католики. Такъ, и протестантскіе эмигранты въ числѣ семейныхъ преданій имѣли преданіе о необходимости образованія, а чѣмъ бо́льшему числу лицъ вы дадите орудіе къ образованію, тѣмъ болѣе вы увеличите вѣроятность возрастанія числа ученыхъ, если только вы окружите лицъ, владѣющихъ ключемъ къ образованію, благопріятными для науки обстоятельствами. Поэтому, не исключая «семейныхъ преданій» изъ числа силъ, вліяющихъ на развитіе человѣчества, я полагаю, что эта сила разлагается въ свою очередь на многія составныя части, преуспѣяніе которыхъ и образуетъ эту силу.

«Извѣстная атмосфера окружаетъ людей и семейства—справедливо говоритъ де-Кандолль,—и чрезвычайно трудно не подчиниться ея вліянію. Всякому пріятно сознавать, что ему сочувствуютъ, его одобряютъ и уважаютъ... Чрезвычайно ограничено число людей, которые въ раннемъ возрастѣ чувствуютъ непреодолимое стремленіе къ тому или иному занятію; почти во всѣхъ случаяхъ на это вліяютъ разнообразныя причины... въ числѣ по-

слѣднихъ есть и нравственныя причины, менѣе опредѣленныя, дѣйствующія косвенными путями; къ такимъ причинамъ относится и *общественное мнѣніе.* Случается иногда, напримѣръ, что богатыя семейства выдаютъ дѣвицъ за бѣдняковъ исключительно во вниманіе къ научному значенію послѣднихъ; въ подобныхъ случаяхъ, объяснимыхъ только извѣстнымъ настроеніемъ общественнаго мнѣнія, совершается, говоря языкомъ Дарвина, «половой подборъ», благопріятный для науки.» Де-Кандолль подмѣчаетъ въ человѣческомъ обществѣ шесть главнѣйшихъ стремленій: а) погоня за матеріальными благами изъ-за удовольствія пріобрѣтать; б) погоня за удовольствіями, т.-е. склонность въ праздности и къ расходованію цѣнностей, вмѣсто созиданія ихъ; в) стремленіе къ политической дѣятельности и вліянію на общество; г) склонность къ изученію религіозныхъ вопросовъ; д) стремленіе къ истинѣ, какъ истинѣ, что и составляетъ задачу всѣхъ наукъ, и е) стремленіе къ изящному, составляющее основу искусствъ. Только весьма страстные люди подчиняются исключительно одной изъ перечисленныхъ склонностей, а большею частью надъ каждымъ лицомъ и каждымъ народомъ господствуютъ одновременно нѣсколько стремленій. Сумму склонностей или стремленій отдѣльныхъ лицъ въ данное время и называютъ общественнымъ мнѣніемъ, которое можетъ быть болѣе или менѣе благопріятно для процвѣтанія наукъ, смотря по роду стремленій, получающихъ одновременно преобладаніе. Такъ, въ нашемъ вѣкѣ въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ преобладаютъ стремленія къ накопленію богатства (а), къ политической дѣятельности (в), и къ разработкѣ религіозныхъ вопросовъ (г); въ Германіи господствовали въ XVIII вѣкѣ стремленія къ удовольствіямъ (б) и къ изящному (е), между тѣмъ какъ въ настоящее время въ нѣмецкомъ обществѣ преобладаютъ стремленія къ политическому значенію (в) и къ научнымъ занятіямъ (д). Только первыя двѣ изъ перечисленныхъ выше склонностей находятся въ прямомъ противорѣчіи съ преуспѣяніемъ наукъ и препятствуютъ развитію человѣчества; всѣ же остальныя совмѣстимы съ прогрессомъ и образуютъ общественное мнѣніе, поощряющее развитіе человѣка, но одаренное различными оттѣнками, смотря по тому, которое изъ многихъ стремленій, совокупность коихъ въ данное время образуетъ характеръ лица или народа, преобладаетъ надъ остальными. Еще разъ забываетъ де-Кандолль о томъ, *какъ* образуются склонности? Опытъ каждаго изъ насъ говоритъ намъ, что склонности частію наслѣдственны и, быть можетъ, большею частью являются продуктомъ воспитанія и воспитывающаго обученія. Если же справедливо,

что склонности управляютъ дѣйствіями человѣка непосредственно и затѣмъ еще разъ отражаются на немъ же, какъ сила, въ видѣ общественнаго мнѣнія, то какое огромное значеніе получаютъ воспитаніе и образованіе въ обширномъ смыслѣ слова, какъ могущія видоизмѣнить, возбудить, подавить и привить склонности и тѣмъ самымъ видоизмѣнить ту нравственную атмосферу, которою дышатъ люди и которую мы называемъ то «семейными преданіями», то «общественнымъ мнѣніемъ».

Принадлежитъ ли государственному устройству и правительству страны извѣстное вліяніе на развитіе личностей, входящихъ въ составъ населенія? Какой странный вопросъ для того, кто понимаетъ, что *воспитываетъ*, т.-е. возбуждаетъ или мертвитъ физическія и психическія силы человѣка не только школа, но, быть можетъ, преимущественно *жизнь!* Послушаемъ де-Кандолля: «Вообще правительства слишкомъ часто смѣшиваютъ обученіе съ успѣхомъ наукъ. Многія правительства считаютъ задачу рѣшенною, если созданы школы, университеты. Они не понимаютъ, что стѣсняя эти учрежденія въ выборѣ способовъ обученія и въ выборѣ самихъ преподавателей, они причиняютъ иногда болѣе вреда, чѣмъ пользы. Они не знаютъ того, до какой степени *наука питается свободою и самодѣятельностію учащихъ и учащихся внѣ стѣнъ учебнаго заведенія*. Часто обременяютъ они профессоровъ лекціями, экзаменами и административными занятіями, отнимающими время у тѣхъ изъ нихъ, которые желали бы работать... Деспотическія правительства иногда привлекали въ свои столицы знаменитыхъ ученыхъ и покровительствовали имъ», но это было лишь временнымъ *перемѣщеніемъ* науки, а не водвореніемъ ея въ странѣ, такъ какъ недоставало для этого благопріятныхъ условій въ душной атмосферѣ, подъ гнетомъ деспотизма. Какъ вліяніе религіи на развитіе человѣчества не зависитъ отъ догматовъ, но отъ принциповъ, вліяющихъ непосредственно на населеніе, о чемъ мы говорили выше, такъ и вліяніе правительства зависитъ не столько отъ *формы* государственнаго устройства, сколько отъ той доли давленія или свободы, которая становится удѣломъ людей. Это подтверждается фактами, такъ какъ исторія представляетъ явленія жесточайшаго деспотизма въ республикахъ и возможно большей свободы въ монархіяхъ; наука же развивалась, независимо отъ формы государственнаго устройства, только тамъ, гдѣ правительство, изъ какого источника ни вытекала бы власть его, не сковывало самодѣятельности учащихъ и учащихся, не угнетало свободы мысли. Еще и въ иномъ отношеніи правительства оказываютъ весьма существенное вліяніе

на развитіе человѣчества: чѣмъ болѣе въ государствѣ, какова бы ни была форма правленія его, такихъ должностей, достиженія которыхъ стóитъ добиваться изъ-за денежной выгоды, тѣмъ болѣе развиваются въ народѣ склонности, неблагопріятныя для преуспѣянія науки и развитія человѣчества, и поселяются въ немъ стремленія, заковывающія людей въ тѣсную сферу матеріальныхъ интересовъ. Я думаю, что приложимость знаній къ практической жизни, крайне необходимая при всякомъ обученіи, не должна прививать къ учащимся стремленіе обогатиться посредствомъ знанія, такъ какъ въ этомъ случаѣ богатство, а не знаніе, стали бы для нихъ цѣлью обученія; приложимость къ жизни сообщаемыхъ ученикамъ свѣдѣній, непрерывно обращая ихъ къ настоящему и окружающей ихъ дѣйствительности, должна направить ихъ любознательность къ изученію всѣхъ представляющихся имъ явленій, къ сознательному отношенію къ *настоящему*, которое должно представляться имъ *не* законченнымъ, для того чтобы они въ зрѣломъ возрастѣ поняли сказанное Лейбницемъ: le présent est engendré du passé et gros de l'avenir — настоящее порождено прошедшимъ и чревато будущимъ. Чѣмъ болѣе въ странѣ развивается критическое отношеніе къ настоящему, тѣмъ менѣе правдоподобны насильственные перевороты, наступающіе только какъ реакція послѣ продолжительнаго усыпленія критики; чѣмъ болѣе въ народѣ развита любознательность съ цѣлью знанія, а не обогащенія, тѣмъ благопріятнѣе почва для развитія нравственнаго существа человѣка и науки.

Исчерпавъ изслѣдованія нравственныхъ причинъ, обусловливающихъ умственное движеніе въ человѣчествѣ, изъ которыхъ я привелъ только главнѣйшія, де-Кандолль приступаетъ къ обзору причинъ матеріальныхъ, имѣющихъ ближайшее и непосредственное отношеніе къ законамъ Дарвина, связь съ которыми существуетъ и для причинъ нравственныхъ, но не всегда настолько очевидна. Де-Кандолль, руководствуясь составленными имъ списками ученыхъ и біографіями послѣднихъ, старается объяснить вліяніе географическаго положенія и климата страны, равно какъ и племенного происхожденія на процвѣтаніе науки въ извѣстное время и въ извѣстномъ мѣстѣ. Изъ списковъ этихъ, въ которыхъ показано мѣсто жительства каждаго ученаго, слѣдуетъ прежде всего, что до сихъ поръ въ числѣ сподвижниковъ науки встрѣчаются, за самыми рѣдкими исключеніями, только представители средней Европы и Сѣверной Америки; въ числѣ иностранныхъ корреспондентовъ парижской академіи наукъ нѣтъ ни одного, который родился бы *южнѣе* Пиренейскаго горнаго хребта и цент-

ральной Италіи, а Португалія, Испанія и Неаполь хотя и дали немногихъ ученыхъ другимъ академіямъ, но ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ особеннаго значенія. Любопытно также, что время не расширяло той географической полосы, изъ которой вербовались иностранные корреспонденты для академій: такъ, французская академія нашла себѣ почетныхъ членовъ въ 9-ти государствахъ въ XVIII-мъ вѣкѣ и только въ 7-ми въ XIX-мъ вѣкѣ. Составивъ одну сводную таблицу ученыхъ, отличенныхъ всѣми тремя академіями, де-Кандолль пришелъ приблизительно къ тѣмъ же выводамъ. Раньше второй половины XVII-го столѣтія, съ которой авторъ разсматриваемой книги начинаетъ свои изслѣдованія, великіе ученые встрѣчались какъ-бы разбросанными не только въ центрѣ Европы, но и по окраинамъ ея: Коперникъ въ Польшѣ, Кеплеръ въ Германіи, Галилей въ Пизѣ, Ньютонъ въ Англіи. «Съ тѣхъ поръ, какъ значительно возрасло число ученыхъ, ихъ географическое распредѣленіе является скорѣе въ видѣ группъ», чѣмъ въ видѣ отдѣльныхъ, случайныхъ, разрозненныхъ явленій. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, во-первыхъ, что де-Кандолль своими наблюденіями вновь подтверждаетъ теорію Монтескьё о зависимости культуры отъ физическихъ условій страны, теорію настолько извѣстную и для всѣхъ ясную, что я на ней не останавливаюсь; но, во-вторыхъ, авторъ указываетъ на то, что научная географическая полоса не представляетъ вполнѣ неизмѣняемой величины, но, напротивъ, скорѣе съуживается. Отсюда слѣдуетъ, что въ числѣ физическихъ условій не одинъ климатъ имѣетъ значеніе, благопріятствуя умственнымъ занятіямъ умѣренными тепломъ и холодомъ, поощряя политическія науки на югѣ, гдѣ днемъ нельзя работать отъ жары, а ночью нельзя работать геологу, химику, физику, натуралисту, при помощи оптическихъ инструментовъ. Кромѣ климата вліяютъ племенное различіе и совокупность уже разсмотрѣнныхъ нами нравственныхъ причинъ; иначе географическая полоса процвѣтанія науки, однажды климатомъ опредѣленная, оставалась бы неизмѣнною вмѣсто того, чтобы съуживаться, какъ бы сгущая умственное развитіе вокругъ наиболѣе просвѣщенныхъ народовъ Европы. Крайне трудно разграничить при этомъ вліяніе національности отъ вліянія другихъ причинъ, но, во всякомъ случаѣ, ясно, что національность не имѣетъ рѣшающаго вліянія, такъ какъ въ разное *время* разные *народы* преобладали на научномъ поприщѣ; слѣдовательно, если въ данномъ случаѣ вліяли и племенныя различія, то не присущія извѣстному племени, но въ немъ отъ времени развившіяся путемъ «естественнаго подбора» по законамъ Дарвина. Мы еще остановимся на этомъ явленіи

впослѣдствіи, а теперь, предлагая свои выводы изъ фактовъ, собранныхъ де-Кандоллемъ и восполняя недосказанное имъ, я укажу на то, что изъ предыдущаго логически вытекаетъ, что національность не *неподвижная* сила, но сила видоизмѣняющаяся, теряющая и пріобрѣтающая извѣстныя свойства подъ вліяніемъ естественнаго подбора и множества другихъ причинъ; отсюда же дальше слѣдуетъ, что иногда и въ извѣстныхъ отношеніяхъ прогрессъ можетъ быть анти-національнымъ, но оставаться при этомъ естественнымъ, если постепенно будутъ созидаться новыя составныя части для той силы, которую мы называемъ національностію. Наконецъ, поклоненіе своей національности безъ критическаго отношенія къ тѣмъ силамъ, которыя ею уже созданы, въ извѣстныхъ случаяхъ могло бы равняться застою и укорененію вредно-дѣйствующихъ силъ, вмѣсто постепеннаго видоизмѣненія ихъ въ силы, благопріятствующія развитію человѣчества и вмѣсто воспріятія новыхъ силъ въ составъ національности. Могъ ли кто-нибудь предсказать, напр., сто лѣтъ тому назадъ, когда въ спискахъ французской академіи первое мѣсто принадлежало итальянцамъ, а въ спискахъ лондонскаго королевскаго общества — французамъ, что въ XIX-мъ вѣкѣ первое мѣсто въ академіяхъ французской, лондонской и петербургской, въ числѣ иностранныхъ сочленовъ, займутъ вездѣ *нѣмцы*? И какъ ошибочно поступилъ бы наблюдатель XVIII-го вѣка, если бы онъ, понимая національность чуть не въ смыслѣ предопредѣленія или по-крайней-мѣрѣ въ смыслѣ *неизмѣняемой* силы, назвалъ итальянцевъ *навсегда* народомъ, наиболѣе способнымъ къ научнымъ занятіямъ, наиболѣе развитымъ. Точно также ошибся бы, кажется мнѣ, тотъ, кто въ XIX-мъ вѣкѣ рѣшился бы, не осмысливъ изслѣдуемыхъ фактовъ, утверждать, что нѣмцамъ навсегда принадлежитъ первое мѣсто въ развитіи человѣчества; но трудно отрицать то, что вслѣдствіе извѣстнаго естественнаго подбора и совокупности нами уже разсмотрѣнныхъ нравственныхъ причинъ, настоящее поколѣніе нѣмцевъ непохоже на нѣмцевъ XVIII-го вѣка, когда нѣмцамъ принадлежала второстепенная роль въ европейской наукѣ. Наконецъ, каждому изъ насъ совершенно памятны послѣдствія того, что Франція, слишкомъ долго ослѣпленная мѣстомъ, которое принадлежало ей въ XVIII-мъ вѣкѣ, слишкомъ долго считала свою *національность* силою неизмѣняющеюся, вмѣсто того, чтобы развивать въ себѣ добрые задатки, искоренять дурные и помнить, что *всѣ* организмы, а въ числѣ ихъ и народы, живутъ, т.-е. видоизмѣняютъ свое нравственное существо путемъ естественнаго подбора, поощряя процвѣтаніе силъ, благопріятствующихъ прогрессу или пре-

пятствующихъ ему, и что, поэтому, каждый народъ, подобно отдѣльной личности, соперничаетъ съ другими народами.

Но не пора ли, наконецъ, теперь подойти ближе къ вопросу, насколько законы Дарвина примѣняются къ умственному развитію человѣчества. Вступая на это поприще, мы вновь возвращаемся къ книгѣ де-Кандолля и въ дальнѣйшемъ изложеніи теоріи Дарвина слѣдуемъ за авторомъ ея.

Сходство дѣтей съ родителями обнаруживается часто только по достиженіи дѣтьми извѣстнаго возраста; часто необходимо, дѣлая наблюденія надъ дѣтьми двадцатипятилѣтняго или тридцатилѣтняго возраста, сравнивать ихъ съ родителями, какими мы знали ихъ двадцать-пять и тридцать лѣтъ тому назадъ, а такое отдаленіе одного наблюденія отъ другого на тридцать лѣтъ до-нельзя затрудняетъ наблюдателя и препятствуетъ точности выводовъ его. Кромѣ того, часто полезно знать одного изъ предковъ, для того, чтобы рѣшить вопросъ объ унаслѣдованіи свойствъ его внукомъ: это доступно иногда только весьма пожилымъ людямъ, а эти послѣдніе часто обладаютъ слабою памятью и притупленною наблюдательностью, — новый источникъ погрѣшностей. Наконецъ, необходимо возвыситься наблюдателю надъ мнѣніемъ большинства, надъ народнымъ міросозерцаніемъ, слишкомъ склоннымъ объяснять себѣ *все* наслѣдственностью способностей, забывая о множествѣ другихъ причинъ, какъ мы видѣли, обусловливающихъ развитіе человѣка. Тѣмъ не менѣе, по мнѣнію де-Кандолля, наукѣ удалось выработать по этому вопросу нѣсколько *безспорныхъ* положеній: 1) Внѣшній видъ всего тѣла, очертаніе отдѣльныхъ органовъ, цвѣтъ кожи, глазъ и волосъ и т. п. дѣтей очевидно напоминаютъ родоначальниковъ, и тѣмъ больше, чѣмъ ближе степень родства. 2) Извѣстное сходство внутреннихъ органовъ и состава организма, обнаруживающееся въ темпераментахъ, долговѣчности, плодовитости и т. п. также очевидно существуетъ между двумя поколѣніями. 3) Весьма часто бываютъ наслѣдственными различные физическіе недуги и умопомѣшательство. 4) Въ непроизвольныхъ жестахъ дѣтей нерѣдко можно узнать воспроизведеніе жестовъ родителей, что замѣчалось каждымъ изъ насъ. 5) Почти всегда рождаются дѣти съ музыкальными способностями, если и отецъ и мать были музыкантами; если же одинъ изъ родителей обладалъ музыкальными дарованіями, а другой нѣтъ, то у дѣтей не замѣчается музыкальныхъ способностей, ослабленныхъ помѣсью, но, напротивъ, въ одной и той же семьѣ встрѣчаются дѣти, въ которыхъ всецѣло воспроизводятся музыкальныя дарованія одного изъ родителей, а другія дѣти, совершенно лишенныя способно-

стей въ музыкѣ. 6) Біографіи ученыхъ, изученныя де-Кандоллемъ, убѣждаютъ послѣдняго въ томъ, что существуютъ цѣлыя семейства *математиковъ*, и что только наслѣдственность именно математическихъ способностей, а не иныхъ спеціальностей, бросается въ глаза, если сличать научныя занятія одного поколѣнія съ предшествовавшимъ ему поколѣніемъ, связаннымъ съ нимъ узами *кровнаго* родства. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что наукою и опытомъ повседневной жизни доказывается наслѣдственность физическихъ свойствъ и *нѣкоторыхъ* психическихъ силъ. Возможно ли въ самомъ дѣлѣ отрицать преемственность умственныхъ способностей, если сангвиническій темпераментъ, могущій перейти по наслѣдству, ведетъ къ раздражительности, которая, слѣдовательно, также можетъ быть наслѣдственною; если развитіе большого мозга соединяется съ развитіемъ умственныхъ способностей, а развитіе мозжечка — съ развитіемъ чувственныхъ склонностей, если, съ другой стороны, формы мозга и мозжечка могутъ быть унаслѣдованы, — что безспорно, — то невозможно усомниться въ томъ, что многія нравственныя качества переходятъ по наслѣдству, т.-е. указываютъ на сходство дѣтей съ родителями, или часто отдаленнымъ предкомъ, представляя при этомъ, однако, множество исключеній, какъ всякое общее правило. Наблюденія надъ домашними животными въ этомъ случаѣ гораздо точнѣе наблюденій надъ человѣкомъ, такъ какъ послѣднія затрудняются во многихъ отношеніяхъ. Такъ, Дарвинъ до очевидности выяснилъ, что уходу за домашними животными удавалось путемъ скрещиванія породъ въ извѣстномъ направленіи, т.-е. путемъ извѣстнаго подбора, создавать внутри одной и той же породы извѣстные виды, превосходившіе другіе по *умственнымъ способностямъ*. Такихъ фактовъ нельзя отрицать и отъ нихъ нельзя отворачиваться, но при этомъ не слѣдуетъ терять изъ виду того, что и въ мірѣ животныхъ многія явленія, которыя приписывали прежде инстинкту, объясняются теперь *и по отношенію къ животнымъ* воспитаніемъ. На цѣлый рядъ такихъ фактовъ указалъ Валласъ (Contributions to the theory of natural selection. 1870. Къ вопросу о естественномъ подборѣ). По замѣчанію его, птицы поютъ не по инстинкту, но часто изъ подражанія, подражая иногда пѣнію птицъ другой породы. Птицы строятъ гнѣзда, избирая не всегда одинъ и тотъ же матеріалъ, но сообразуясь съ мѣстными удобствами. Человѣкъ, впервые проникая въ дѣвственные лѣса, изумляется тому, что животныя, не испытавъ отъ него опасности, не бѣгутъ отъ него; слѣдовательно, не всегда и не всѣмъ дикимъ животнымъ присущъ *инстинктъ*, заставляющій ихъ бѣжать отъ человѣка.

На высотѣ Альповъ бабочки, не видя обыкновенно людей, встрѣчаясь съ ними, охотно садятся на ихъ пестрыя платья, а въ долинахъ, населенныхъ людьми, тѣ же бабочки боязливы. «Личный ли опытъ каждаго животнаго, — говоритъ де-Кандолль, — дѣлаетъ его осторожнымъ, или эта опытность усиливается наслѣдственностію и подборомъ, вслѣдствіе того, что каждая порода лишается прежде всего наименѣе осторожныхъ сочленовъ, слишкомъ довѣрчивыхъ, и поддерживается только наиболѣе бдительными животными этой породы?» Дарвинъ объясняетъ себѣ все это преимущественно наслѣдственностію, превратившеюся въ инстинктъ, и естественнымъ подборомъ, а Валласъ настолько ограничиваетъ значеніе инстинкта, что почти отрицаетъ его. Если же въ мірѣ животныхъ, которыхъ такъ легко насильственно поставить въ положеніе, благопріятное для опытовъ и наблюденій, такъ трудно разграничить унаслѣдованные навыки, унаслѣдованную опытность и унаслѣдованныя способности, проявленіе которыхъ образуетъ нравственную личность животнаго, то насколько еще труднѣе, допустивъ *несомнѣнное* значеніе наслѣдственности для умственнаго развитія человѣка, высказаться о томъ, что̀ именно изъ входящаго въ составъ нравственнаго существа человѣка имѣетъ источникомъ наслѣдственность, и что̀ привито къ нему всѣми, многими или однимъ изъ цѣлаго сонма обстоятельствъ, обусловливающихъ умственное развитіе человѣчества. Во всякомъ случаѣ, совершенно безспорною представляется всѣмъ естествоиспытателямъ, всѣмъ мыслителямъ, — относятся ли они къ идеалистамъ или матеріалистамъ, или, наконецъ, къ *антропологамъ*, на сторонѣ которыхъ я вижу истину, такъ какъ они изучаютъ *обѣ* стороны человѣческаго существа, *психологію* и *соматологію*, — совершенно безспорною представляется всѣмъ связь, существующая между физическими и психическими свойствами организма; столь же очевидна и наслѣдственность многихъ физическихъ свойствъ, какъ явленіе, часто, но не всегда встрѣчающееся. Отсюда можетъ вытекать лишь тотъ выводъ, что человѣкъ рождается со многими унаслѣдованными склонностями и способностями, и если впослѣдствіи, подвергая изслѣдованію *взрослаго* человѣка, и крайне трудно съ точностью указать на то, какую именно роль играла наслѣдственность въ ряду причинъ, подъ вліяніемъ которыхъ сложилась личность человѣка, то отсюда никакъ не слѣдуетъ того, чтобы было возможно, размышляя о *всѣхъ* источникахъ силъ, встрѣчаемыхъ въ человѣкѣ, мы могли забывать о такомъ сильномъ рычагѣ, какъ *наслѣдственность*. Уже не разъ указывалъ я, пользуясь примѣрами у де-Кандолля и другихъ ученыхъ и собственными наблюденіями, на то,

что многіе ошибочно придаютъ наслѣдственности значеніе *предопредѣленія;* такое пониманіе вещей, какъ я уже объяснилъ, говоря о различныхъ національностяхъ, противорѣчитъ фактамъ. Если же, примѣняя законы Дарвина къ воспитанію, *не отрицая* наслѣдственности, помнить лишь о томъ, до какой очевидности доказано этимъ ученымъ, что извѣстныя свойства организма могутъ развиваться или при благопріятной обстановкѣ, или при слабыхъ препятствіяхъ, которыя они въ состояніи преодолѣть, то становится очевиднымъ, что человѣкъ рождается съ извѣстными унаслѣдованными склонностями, что онъ можетъ родиться и со склонностями порочными, но что, затѣмъ, отъ дальнѣйшей жизни зависитъ, допуститъ ли онъ эти склонности къ осуществленію, видоизмѣнитъ ли ихъ, или поборетъ. Вотъ почему де-Кандолль весьма остроумно и справедливо замѣчаетъ, что правы криминалисты, не карая человѣка за *намѣренія* и примѣняя къ нему наказаніе лишь съ той минуты, когда какимъ-либо дѣйствіемъ доказано, что человѣкъ не противустоялъ порочной склонности, — я добавлю: *быть можетъ,* унаслѣдованной, — и приступилъ къ осуществленію ея. Де-Кандолль, допустивъ значеніе наслѣдственности, справедливо нѣсколько разъ напоминаетъ о томъ, насколько другія причины, обусловливающія развитіе, нами разсмотрѣнныя, могутъ видоизмѣнить унаслѣдованныя способности, окружая послѣднія благопріятною или неблагопріятною обстановкою. И не ясно ли при этомъ, согласно законамъ Дарвина, что если на извѣстныя унаслѣдованныя свойства будутъ вліять продолжительное время извѣстныя *нравственныя* причины, ихъ измѣняющія, то эти унаслѣдованныя свойства будутъ продолжать переходить по наслѣдству уже въ *измѣняющемся* и, наконецъ, *измѣненномъ* видѣ; образуется новая *порода* и, затѣмъ, допуская множество исключеній, *могутъ* переходить по *наслѣдству* такія способности, которыя къ предшествовавшимъ поколѣніямъ прививались какими-либо причинами изъ множества причинъ, обусловливающихъ развитіе человѣчества. Чѣмъ бо̀льшее число поколѣній приметъ на себя печать нравственныхъ причинъ извѣстнаго свойства, тѣмъ болѣе вѣроятія на то, чтобы у позднѣйшихъ поколѣній извѣстныя способности вытекали изъ наслѣдственности, постепенно видоизмѣнившей личность человѣка, отъ поколѣнія до поколѣнія. Такимъ образомъ, теорія Дарвина, по моему мнѣнію, не только не уменьшаетъ, но увеличиваетъ отвѣтственность человѣка за свои дѣйствія: все то, что мы дѣлаемъ, согласно этой теоріи, можетъ отразиться не только на насъ самихъ, но и на самыхъ отдаленныхъ потомкахъ нашихъ, благодаря возможности того, чтобы

извѣстные результаты нашихъ дѣйствій создали *постепенно* извѣстныя *наслѣдственныя* склонности и способности.

Но какимъ образомъ наслѣдственность оказываетъ свое дѣйствіе? Очевидно, что если бы не происходило въ природѣ *подбора* родителей со сходными признаками, то послѣдніе не могли бы укорениться въ потомствѣ. Что касается подбора, то, по отношенію къ людямъ, встрѣчается преимущественно подборъ *естественный*, совершаемый самою природою, самою силою вещей: климатъ, средства къ существованію, соперничество между отдѣльными лицами и цѣлыми собраніями лицъ вліяютъ на этотъ естественный подборъ. Но нерѣдко можно замѣтить на человѣчествѣ и результаты *искусственнаго* подбора: такъ, у древнихъ грековъ убивали слабыхъ и болѣзненныхъ дѣтей; неграми изъ Африки населяли Америку, гдѣ рабовладѣльцы заботились о возможно лучшемъ приплодѣ отъ рабовъ своихъ. Такой искусственный подборъ родителей не можетъ не отзываться *нравственными* послѣдствіями на потомствѣ: такъ, деспоты, подвергая тюремному заключенію и убивая людей независимаго образа мыслей, участвуютъ, сами того не сознавая, въ *искусственномъ* подборѣ такихъ родителей, дѣти которыхъ, отъ поколѣнія до поколѣнія, все рѣже будутъ проявлять независимость и энергію и образуютъ поколѣніе робкое и апатичное. Всѣмъ извѣстно, напримѣръ, что въ Испаніи и Португаліи, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, инквизиція была въ сущности ничѣмъ инымъ, какъ искусственнымъ подборомъ въ смыслѣ притупленія населенія, подчиненія его авторитету и подавленія въ немъ независимаго анализа.

Если присмотрѣться къ международной жизни, то нельзя не замѣтить того, что между народами существуетъ соперничество, происходитъ борьба за существованіе, какъ между отдѣльными лицами, а слѣдствіемъ этого бываютъ войны, которыя ведутся изъ-за интересовъ матеріальныхъ и нравственныхъ. Такъ какъ въ борьбѣ за существованіе въ природѣ побѣда остается не за *лучшимъ*, но за организмомъ, наиболѣе принаровленнымъ къ условіямъ жизни въ данное время, то и войны, какъ показываетъ исторія, не только не всегда вели къ прогрессу человѣчество, но иногда предоставляли преобладаніе дурнымъ началамъ надъ добрыми, если послѣднія не находили достаточной поддержки въ условіяхъ, ихъ окружавшихъ, которыя оказывались болѣе благопріятными, *на извѣстное время*, для торжества грубой силы и невѣжества. Новые народы происходятъ, такъ сказать, вслѣдствіе разрушенія древнихъ народовъ, или посредствомъ колоній; но и внутри каждаго народа продолжается борьба за существованіе и

подборъ. Въ средѣ каждаго человѣческаго общества замѣчается въ отдѣльныхъ лицахъ и семействахъ, связываемыхъ общими интересами, другъ на друга похожихъ, стремленіе сближаться другъ съ другомъ, соединяться узами брака, образовать *общества въ обществѣ;* ничего подобнаго не замѣчаютъ у животныхъ, но у людей появляются *сословія* съ тѣхъ поръ, что люди знаютъ семью и собственность. Постепенно у дикихъ входитъ въ обычай, чтобы лица одного колѣна или племени вступали въ бракъ только съ лицами *другого* колѣна или племени, и этотъ обычай, по физіологическимъ, а слѣдовательно и психологическимъ результатамъ представляетъ уже значительный прогрессъ; но, вслѣдъ за этимъ появляются касты и сословія, основы которыхъ отнюдь не тождественны съ основами колѣна или племени, такъ какъ браки совершаются преимущественно между лицами одного и того же сословія. Что сословія оказываютъ вліяніе на подборъ въ извѣстномъ направленіи, ясно само по себѣ, но менѣе очевидно то, что множество *нравственныхъ* причинъ могутъ при этомъ вліять на подборъ и его послѣдствія, а потому я и обращаю на это вниманіе читателя.

Нравственныя причины, которыя обусловливаютъ развитіе человѣка, намъ извѣстны, а потому мы теперь легко поймемъ, что сословныя преданія могутъ быть благопріятными и неблагопріятными для прогресса; вспоминая объ этомъ, не забудемъ того, что всякое правило допускаетъ *множество* исключеній, и что, поэтому, нелѣпо относиться къ отдѣльному представителю какого-либо сословія съ предвзятыми мнѣніями за него или противъ него, которыя могли бы быть вѣрны только по отношенію ко всей совокупности лицъ этого сословія. Для того, чтобы предупредить недоразумѣнія, я долженъ указать на то, что я говорилъ, слѣдуя де-Кандоллю, о сословіяхъ, не какъ объ искусственномъ, но какъ о *естественномъ* подраздѣленіи общества самою силою вещей, отнюдь не о сословіяхъ, создаваемыхъ *привилегіями*, въ различной мѣрѣ предоставляемыми каждому. Де-Кандолль, по моему мнѣнію, справедливо указываетъ на слѣдующія три сословія, какъ создаваемыя самою силою вещей, всегда и вездѣ существующія, какъ результатъ естественнаго подбора: 1) классъ лицъ, работающихъ изъ-за насущнаго хлѣба, при возможности и надеждѣ путемъ сбереженій, образованія и доброй нравственности, подняться выше этой ступени; 2) средній классъ, настолько обезпеченный, чтобы нѣсколько менѣе низшаго быть занятымъ обязательнымъ трудомъ, но не могущій обойтись безъ заработка; къ этому классу относятся капиталисты и землевладѣльцы безраз-

лично, а также извѣстныя доходныя профессіи; 3) высшій слой общества, состоящій изъ лицъ, обладающихъ такимъ достаткомъ, который дозволяетъ имъ принять на себя безвозмездно общественную службу и посвятить свое время дѣламъ общеполезнымъ; всякою страною, монархіею, аристократіею, демократіею управляетъ *меньшинство*, направляющее большинство, для того ли, чтобы послѣднее повиновалось или для того, чтобы оно являлось разумнымъ законодателемъ. Указывая на такое подраздѣленіе общества на сословія, де-Кандолль не сдѣлалъ никакихъ поясненій, но я считаю нужнымъ, хотя бы въ немногихъ словахъ, выяснить, въ какомъ смыслѣ это подраздѣленіе общества мною принято: въ настоящую минуту мы не сочиняемъ идеаловъ, при которыхъ человѣчеству жилось бы возможно лучше, но присматриваемся только къ тѣмъ фактамъ, которые являются результатами законовъ Дарвина по отношенію къ политическому подраздѣленію общества. Фактъ, не возводимый въ теорію, указанный де-Кандоллемъ, вѣренъ: до сихъ поръ вездѣ и всегда вниманіе большинства населенія бывало поглощено преимущественно работою изъ-за куска хлѣба, и въ средѣ этого большинства въ этомъ смыслѣ совершался и подборъ; меньшая часть населенія бывала избавлена относительнымъ достаткомъ своимъ отъ наиболѣе тяжелой работы и бывала занята преимущественно накопленіемъ богатства и доходными профессіями, и, наконецъ, только ничтожное по числу меньшинство населенія руководило обществомъ, управляло имъ, и въ этомъ направленіи въ средѣ его совершался подборъ. Но я уже имѣлъ случай указать на то, что подборъ не только не представляетъ собою силы неизмѣняемой, отъ вѣка и до вѣка дающей тѣ же нравственные результаты, но совершенно наоборотъ — силою, нравственныя послѣдствія которой чрезвычайно измѣнчивы, по мѣрѣ того, какъ какая-либо нравственная причина путемъ наслѣдственности постепенно входитъ въ составъ того источника силъ, который мы называемъ подборомъ. Примѣняя эти свойства подбора къ политическому дѣленію общества, мы легко представимъ себѣ самые различные случаи: во Франціи, судя по спискамъ де-Кандолля (впрочемъ это фактъ общеизвѣстный), средній классъ обладалъ бо́льшимъ просвѣщеніемъ, чѣмъ высшій, правившій государствомъ, и что́ же? *Искусственный* подборъ, совершавшійся закономъ путемъ снабженія высшаго класса привилегіями, не только уступилъ мѣсто *естественному* подбору наиболѣе способныхъ и просвѣщенныхъ изъ среды всѣхъ сословій, но и повелъ къ насильственнымъ переворотамъ, *всегда* пагубнымъ, во имя какой бы идеи они ни совершались. Въ Англіи, напро-

тивъ, гдѣ знанія и капиталы не являлись разъединенными, большинство населенія, поглощенное заботами о повседневной жизни, не раздражаемое привилегіями, *во-время* уступавшими мѣсто *естественному* подбору, охотно предоставляло политическое преобладаніе меньшинству, подкрѣпляя послѣднее своимъ довѣріемъ. Между различными слоями общества, отсутствіе которыхъ немыслимо въ силу законовъ Дарвина, такъ какъ немыслимы абсолютное равенство способностей и собственности, происходятъ, по законамъ Дарвина, непрерывное соперничество, непрерывная борьба за существованіе. Но эта борьба безъ которой немыслима жизнь, можетъ угрожать спокойствію государства только тамъ, гдѣ сословія существуютъ путемъ *искусственнаго* подбора, совершаемаго привилегіями, но не тамъ, гдѣ *ничто*, кромѣ неумолимыхъ законовъ *природы*, не мѣшаетъ *всѣмъ* людямъ пользоваться въ *равной мѣрѣ* вліяніемъ и значеніемъ. Присмотритесь къ такой демократіи, какъ женевская, которая существуетъ гораздо болѣе тысячи лѣтъ, и вы увидите, что и здѣсь есть правящее *меньшинство*, но что̀ вы въ ней еще подмѣтите? Что здѣсь, гдѣ большинство давно свыклось съ *естественнымъ* подборомъ, очень неблагосклонно относятся къ *противуестественной* пропагандѣ коммунистовъ; надобно пожить здѣсь, для то́го чтобы убѣдиться въ томъ, какую ничтожную, по числу, горсть людей представляютъ здѣсь коммунисты, несмотря на то, что въ Женевѣ очень много богачей, могущихъ возбуждать зависть, и что коммунисты пользуются здѣсь такою свободою пропаганды, какъ нигдѣ. Это знаменательное явленіе объясняется политическою зрѣлостію массы, а послѣдняя въ крови ея и вошла въ ея кровь путемъ естественнаго подбора подъ вліяніемъ цѣлаго ряда *нравственныхъ* причинъ, воспитавшихъ массу. Повторяю, что *естественное* дѣленіе общества на извѣстные классы, не поддерживаемое *искусственными* мѣрами, не только не представляетъ чего-то неизмѣннаго, но, напротивъ, непрерывно видоизмѣняется въ подробностяхъ вслѣдствіе мирной борьбы за существованіе между сословіями: легко отдѣлить въ исторіи то время, когда преобладали землевладѣльцы отъ того времени, когда достигли значенія капиталисты, и того времени, когда ассоціація и образованіе дали значеніе въ государствѣ и бѣднякамъ; если внѣшнія препятствія, удаленіе которыхъ не требуетъ особеннаго напряженія силъ, не мѣшаютъ *естественной* борьбѣ за существованіе, естественному соперничеству, то борьба происходитъ безъ кровопролитія и торжество остается за тѣмъ слоемъ общества, свойства котораго наиболѣе принаровлены къ даннымъ условіямъ существованія. Такъ, нельзя не замѣтить того,

напримѣръ, что было время, когда первенство принадлежало наиболѣе мужественнымъ, что въ наши дни оно принадлежитъ наиболѣе знающимъ, и что, по мѣрѣ того, какъ образованіе разливается шире въ массѣ, возрастаютъ сбереженія бѣдняковъ и укореняются коопераціи всякаго рода, Европа, т.-е. тѣ государства, которыя не стоятъ внѣ этого движенія, демократизируется. Это новое направленіе въ нѣкоторыхъ государствахъ Европы, этотъ фазисъ развитія человѣчества, произошли подъ вліяніемъ цѣлаго ряда нравственныхъ причинъ, которыя могутъ укорениться, а быть можетъ уже и укореняются путемъ наслѣдственности и естественнаго подбора, образуя цѣлую массу наслѣдственныхъ склонностей, способностей и навыковъ.

На всѣхъ степеняхъ развитія человѣческихъ обществъ происходитъ естественный подборъ, видоизмѣняющій нравственное существо человѣка отъ поколѣнія до поколѣнія, но *болѣе* или *менѣе* благопріятный прогрессу человѣчества. Такъ, у дикихъ, по де-Кандоллю, непрестанное угнетеніе *слабыхъ* могло бы благопріятно отражаться на потомствѣ въ смыслѣ непрерывнаго улучшенія расы въ *физическомъ* отношеніи, еслибы у нихъ же, въ большинствѣ случаевъ, женщина, имѣющая столь значительное вліяніе на свойства дѣтей, не находилась въ удрученномъ состояніи и собственною слабостію своею не умаляла вліянія отцовъ, въ средѣ которыхъ физическая сила развивается путемъ естественнаго подбора. Я воспользуюсь этимъ случаемъ, для того чтобы остановить на минуту вниманіе на такъ-называемомъ «женскомъ вопросѣ», интересующемъ наше общество. Если справедливо все сказанное нами выше о вліяніи наслѣдственности, въ ряду множества другихъ причинъ, на физическія и *психическія* свойства человѣка; если справедливо также, что въ случаѣ неравенства родителей дѣти не всегда представляютъ нѣчто среднее между отцемъ и матерью, но, напротивъ, часто удаются, то въ совершеннѣйшаго, то въ несовершеннѣйшаго изъ родителей; если, наконецъ, справедливо замѣчаетъ де-Кандолль, что потому дикія племена такъ мало видоизмѣнились, несмотря на то, что истребленіе слабыхъ направляло подборъ въ смыслѣ покровительства сильнѣйшимъ по расѣ, что они угнетаютъ женщину,—то насколько человѣчество задерживало до сихъ поръ прогрессъ свой тѣмъ, что *большинству* женщинъ не давали того воспитанія физическаго и того образованія, которое получаетъ *большинство* мужчинъ? Поступая такимъ образомъ, люди, призывая къ жизни множество нравственныхъ причинъ, могущихъ надѣлить потомковъ *наслѣдственными* условіями прогресса, какъ-бы довольствовались только подборомъ отцовъ,

часто *парализуя* результаты этого подбора пренебреженіемъ къ матерямъ; отсюда слѣдуетъ, что мужчины, поощряя въ женщинахъ любовь къ труду, вкусъ къ научнымъ занятіямъ, вкусъ къ разумному воспитанію и домашнему хозяйству, дѣйствуютъ въ собственномъ интересѣ, такъ какъ они этимъ самымъ увеличиваютъ шансы того, чтобы сыновья и внуки ихъ наслѣдовали хорошія склонности не только отъ отца, но и отъ матери.

Отъ состоянія дикихъ племенъ до состоянія варварскихъ народовъ только одинъ шагъ, но шагъ значительный—на этой степени развитія человѣчества уже появляются раздѣленіе труда и общественная служба, два могущественные рычага, оказывающіе значительное вліяніе на направленіе единственнаго подбора и предполагающіе въ населеніи уже нѣкоторое умственное развитіе. Но и у варварскихъ народовъ сила имѣетъ еще слишкомъ большое значеніе, неблагопріятное для подбора въ смыслѣ прогресса и развитія человѣчества: часто угнетаютъ слабыхъ, часто покровительствуютъ наименѣе способнымъ, терзаютъ за неодобреніе злоупотребленія силой, поощряютъ хитрость, месть, интригу и такимъ образомъ, путемъ подбора скорѣе укореняютъ пороки, нежели добродѣтели. Къ счастію человѣчества, замѣчаетъ де-Кандолль, варвары, пользующіеся властью, не долговѣчнѣе тѣхъ стадъ, въ которыя они стремятся внести *искусственный* подборъ посредствомъ различныхъ жестокостей, и часто не превосходятъ пасомыхъ дарованіями; вотъ почему человѣкъ, живущій гораздо дольше домашнихъ животныхъ и потому могущій повліять путемъ подбора на *нѣсколько* поколѣній и значительно превосходящій животныхъ по умственному развитію, можетъ оказать гораздо большее вліяніе на видоизмѣненіе нравственной природы животныхъ, чѣмъ на личность человѣка. У образованныхъ народовъ дѣйствія власти, вредно отзывающіяся на настоящемъ поколѣніи и потомствѣ, менѣе возможны, такъ какъ право сильнаго утрачиваетъ значеніе на этой степени развитія человѣческаго общества; обыкновенно у образованныхъ народовъ сила употребляется для обузданія преступниковъ и защиты общества отъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ. У образованныхъ народовъ, по мнѣнію де-Кандолля, присоединяются къ раздѣленію труда и общественной службы, уже появляющимся у варваровъ, свобода мысли и слова и свобода дѣйствія для каждаго члена общества — насколько каждый изъ видовъ свободы одного не наноситъ вреда сочленамъ его. Чѣмъ болѣе образованъ народъ, тѣмъ болѣе нужно умственнаго развитія для того, чтобы заработать кусокъ хлѣба, и въ этомъ смыслѣ цивилизація народа оказываетъ огромное вліяніе на подборъ наи-

болѣе способныхъ, такъ какъ наименѣе образованнымъ живется не легко. Но, съ другой стороны, если въ цивилизованномъ обществѣ естественный подборъ совершается непрерывно въ пользу просвѣщенія и развитія, то бѣднѣйшій классъ, наименѣе занятый умственнымъ трудомъ, какъ извѣстно по статистикѣ, размножается гораздо быстрѣе, нежели классы, занятые работою мозга, рѣдко согласующеюся съ значительною плодовитостью; такимъ образомъ, въ природѣ встрѣчаются различныя силы, иногда парализующія другъ друга. Если вы возвысите нравственный уровень массы, то это еще не значитъ, что вся масса будетъ состоять изъ ученыхъ, которымъ физіологія и статистика отказываютъ, въ большинствѣ случаевъ, въ многочисленномъ потомствѣ; но, оставляя массу на той степени, на которой умственныя занятія еще не преобладаютъ надъ всѣмъ остальнымъ, вы уменьшите препятствія, представляемыя непрерывному прогрессу человѣчества тѣмъ, что масса размножается относительно быстрѣе меньшинства и такимъ образомъ нерѣдко подавляетъ тѣ наслѣдственные задатки прогресса, которые могли бы быть занесены въ кровь народа меньшинствомъ. Отсюда слѣдуетъ, что заботиться только о воспитаніи меньшинства, значитъ, для государственнаго человѣка, черпать воду рѣшетомъ, если въ то же время не дать полнаго простора образованію и воспитанію (въ обширномъ смыслѣ этого слова) массы, для того, чтобы послѣдняя, по возможности, возвысилась, приближалась къ меньшинству по нравственному складу и по возможности меньше численностію свою подавляла нравственное наслѣдіе, остающееся потомству отъ меньшинства, чтобы меньшинство это, наконецъ, непрерывно обновлялось притокомъ свѣжихъ силъ изъ массы. Если же мы, при всѣхъ благопріятныхъ условіяхъ для подбора родителей въ смыслѣ прогресса человѣчества, замѣтимъ, что послѣдній совершается не быстро, то вспомнимъ о томъ, что по законамъ Дарвина, нерѣдко встрѣчается *атавизмъ*, т.-е. сходство съ кѣмъ-либо изъ отдаленныхъ предковъ, что наслѣдственность, за исключеніемъ способностей къ музыкѣ и математикѣ, замѣчается большею частью не въ подробностяхъ, но въ общемъ характерѣ психическихъ силъ, и что, наконецъ, наслѣдственность, какъ я уже подробно говорилъ о томъ выше, составляетъ лишь *одну* изъ весьма *многихъ* причинъ, обусловливающихъ развитіе человѣка.

Такимъ образомъ, теорія Дарвина не только не стѣсняетъ свободы дѣйствія такого педагога, который не пожелаетъ быть сильнѣе природы и не только не умаляетъ отвѣтственности его, какъ это могло показаться съ перваго взгляда, но увеличиваетъ эту отвѣтственность, такъ какъ всякая воспитательная дѣятельность касается не *одного* поколѣнія, но многихъ и весьма многихъ.

Къ такому выводу я пришелъ на основаніи педагогіи, пользующейся результатами всѣхъ наукъ, какъ и всякая иная наука. Книга де-Кандолля, какъ видѣли читатели, также дала мнѣ не мало матеріала. Если мнѣ удалось въ предлагаемой статьѣ не столько увеличить запасъ свѣдѣній, сколько возбудить мысль читателя, то цѣль моя достигнута. Пора Россіи призадуматься надъ вопросомъ о *воспитаніи* послѣ того, что до сихъ поръ и такъ долго это весьма существенное условіе естественнаго подбора оставалось почти безъ всякаго вліянія, или потому, что мы о немъ вовсе не заботились, или потому, что мы чуть не по недѣлямъ мѣняли системы, или, наконецъ, потому, что мы заботились только о меньшинствѣ, забывая о массѣ.

Бар. Н. Корфъ.

ВСЕСОСЛОВНАЯ ВЯЛОСТЬ

Мысли по поводу русской всесословной волости.

I.

Вопросъ о всесословной волости поднятъ въ нашей литературѣ вовсе не искусственно. Кто жилъ въ деревнѣ и знаетъ деревню, иначе сказать, землю русскую и жизнь русскую, тотъ понимаетъ, что въ этомъ стремленіи къ новому устройству волости выражается общее глубокое сознаніе нашего общественнаго неустройства. Говорить о политическихъ формахъ, объ организаціи крупныхъ членовъ государственнаго тѣла, совершенно безполезно, пока атомы этого тѣла не живутъ правильною жизнью. Это мы сознали теперь совершенно ясно, но пока еще—совершенно платонически.

Атомы нашего общественнаго организма до сихъ поръ представляютъ вялую ткань, безъ внутренней структуры, безъ энергіи жизни, безъ естественной сплоченности. Это маточный растворъ, можетъ быть чреватый будущностью, но пока еще не представляющій ни одного крѣпкаго и правильнаго кристалла. Метафоры въ сторону! наши сельскія общины и волости — находятся въ состояніи полной распущенности и дремоты. Въ нихъ вовсе нѣтъ истинно-общественной жизни. Сельская община—единица болѣе естественная—существуетъ исключительно какъ узко-хозяйственное учрежденіе. Она владѣетъ общею землею, имѣетъ общія тягости и старается раздѣлить возможно равномѣрнѣе эти хозяйственныя свои права и обязанности. Получить загонъ или полосу не хуже другого, не дать другому случая воспользоваться какою-нибудь лишнею выгодою, уберечь свой дворъ отъ наряда излишней подводы, отъ сбора излишней копѣйки,—вотъ единственные интересы, которые заставляютъ члена общины принимать участіе въ дѣлахъ этой общины. Разъ онъ выгородилъ

себя въ этихъ насущныхъ, чисто личныхъ, вопросахъ,—интересы общины для него не существуютъ.

Открытіе школы, исправленіе моста и всякія другія общеполезныя затѣи встрѣчаются въ огромномъ большинствѣ случаевъ членами общины совершенно враждебно, какъ нападеніе на ихъ скудную мошну, и могутъ быть исполнены лишь полунасильственными мѣрами, напр., „*убѣжденіями*" мировыхъ посредниковъ, „*вліяніемъ*" помѣщика, старшины, писаря, или зажиточныхъ односельцевъ. Попросту сказать, члены общины привыкли слушаться господъ и начальства. Волость—единица чисто административная и отчасти выдуманная. Доказательствомъ ея выдуманности служитъ частая (въ послѣднее время) перемѣна границъ и объёма волости. Волостей въ уѣздѣ бываетъ то больше, то меньше. Деревня приписывается то къ одной, то къ другой волости. Совпаденіе волости съ погостомъ, какъ того желаетъ кн. Васильчиковъ [1]), искусственно уже потому, что въ большинствѣ губерній исчезли всякіе слѣды воспоминанія о погостѣ, и слово это только сохранилось какъ синонимъ кладбища. Устраняя пока вопросъ о томъ, волость, погостъ или сельская община должны служить основными атомами народной жизни, мы хотимъ разсмотрѣть, возможно ли и полезно ли включить въ эти основныя группы представителей всѣхъ классовъ народа? Говоря логически, нельзя сомнѣваться, что всякій, живущій въ предѣлахъ данной мѣстности, обязанъ стать во всѣхъ отношеніяхъ членомъ мѣстной общины. Но это требованіе именно логическое, т.-е. свободное отъ всякихъ случайныхъ и историческихъ условій. Это требованіе должно предполагать заранѣе такія бытовыя условія, которыхъ въ Россіи нѣтъ. Естественное и необходимое въ демократической Америкѣ, въ Швейцаріи, у насъ въ Россіи оно сразу наталкивается на множество коренныхъ условій жизни, съ ними совершенно несродныхъ. Несмотря на 19-е февраля, Россія надолго еще останется страною „*барина*" и „*мужика*". Правда, послѣднія реформы нашей общественной жизни посадили мужика за одну скамью съ бариномъ въ избирательныхъ съѣздахъ, въ уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ собраніяхъ, въ управахъ, въ судѣ присяжныхъ. Правда, готовящіяся реформы уровняютъ барина съ мужикомъ въ дѣлѣ рекрутчины и податей. Но кто вглядывается и вдумывается въ нашу жизнь безъ предубѣжденія, долженъ согласиться, что несмотря на всю юридическую равноправность свою съ бывшимъ бариномъ, мужикъ, говоря вообще, остается въ роли мужика вездѣ, гдѣ ему приходится дѣйствовать на ряду съ бариномъ. Конечно, никто не знаетъ навѣрное,

---

[1]) Въ книгѣ своей о самоуправленіи.

какой родъ отношеній возникнетъ между ними послѣ уравненія воинской и податной повинности, но я твердо убѣжденъ, что и въ рядахъ солдатъ долго еще одинъ будетъ мужикъ, другой баринъ; одинъ будетъ нести на себѣ всѣ тягости службы за себя и другого. Складку народной жизни гораздо труднѣе передѣлать, чѣмъ отмѣнить тотъ или другой юридическій институтъ. Институтъ исчезаетъ въ одинъ день, а привычки, ими воспитанныя, живутъ многіе вѣка. Эльзасъ присоединенъ къ Германіи однимъ почеркомъ пера, но эльзасцы врядъ ли сдѣлаются нѣмцами на нашей памяти. Какъ духъ свободы долго не поддавался оковамъ крѣпостного права, въ первые моменты его появленія, и крѣпостной на бумагѣ долго оставался свободнымъ въ собственномъ сознаніи; такъ, наоборотъ, духъ подчиненія и зависимости, внѣдренный вѣками крѣпостничества, долго еще не покинетъ сердца рабовъ, призванныхъ къ свободѣ. Я не говорю о помѣщичьихъ крестьянахъ въ тѣсномъ смыслѣ, а вообще о нашемъ простомъ народѣ; его общественное положеніе до послѣдняго времени было основано на той же идеѣ крѣпостной зависимости, хотя идея эта принимала различныя формы и разнообразно маскировалась. Крѣпостная зависимость отразилась на всемъ складѣ духа нашего простонародья, на его убѣжденіяхъ, привычкахъ, вкусахъ. Можно сказать безъ преувеличенія, что вслѣдствіе этого сродненія народа съ многовѣковымъ институтомъ, для него крайне невыгоднымъ, самъ институтъ этотъ, со всѣми своими послѣдствіями, сталъ отчасти народнымъ институтомъ.

Смѣшно бы было въ наши дни, въ дни безповоротнаго осужденія и разрушенія крѣпостного права, бояться разсматривать этотъ поконченный вопросъ безъ всякой натяжки и риторическихъ прикрасъ. Для меня нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что даже наканунѣ смерти крѣпостного права народъ вообще относился къ нему безъ скептицизма и протеста. Протестанты, конечно, были нерѣдки въ царство крѣпостного права, протестанты цѣлыми деревнями, протестанты въ одиночку; уходили на Бугъ, на Моздокъ, поджигали хоромы, отказывались ходить на барщину; протестантовъ этихъ сѣкли, ссылали, мы всѣ все это знаемъ. Но почти всѣ безъ исключенія протесты эти были *направлены не противъ основъ института, а противъ частныхъ случаевъ,* противъ тѣхъ примѣненій этого института, которые для заинтересованныхъ въ нихъ казались злоупотребленіемъ, неправдою, отступленіемъ отъ общепринятаго порядка. Только крайне рѣдко попадались отдѣльныя лица, разносившія проповѣдь свободы и еще рѣже бывали случаи бунтовъ изъ принципа. Вообще же народъ признавалъ законность существовавшаго порядка, несомнѣваясь и даже не задумываясь. Онъ признавалъ права господъ на

бо̀льшее и лучшее, признавалъ ихъ право бездѣлья и власти. Барская кость, барская кровь была для него предметомъ вполнѣ реальнымъ, необходимымъ звеномъ въ общественномъ строѣ. „Вы слуги царскіе, мы слуги барскіе"—говорили крѣпостные философы, болѣе сентиментальные увѣряли даже, что „вы наши отцы, мы ваши дѣти". Сословная ненависть крестьянъ къ господамъ рѣшительно не существовала, какъ явленіе общее. Кажется, это сдѣлалось внѣ всякаго сомнѣнія теперь, черезъ 10 лѣтъ послѣ реформы. Ненависти не было именно потому, что барство было такой же признанный народнымъ убѣжденіемъ институтъ, какъ и крестьянство. До сихъ поръ крестьяне и дворовые обыкновенно вспоминаютъ своихъ бывшихъ господъ съ чувствомъ какой-то родственности, хотя они ничуть не забыли тягостей и неправдъ прошлаго. Можетъ быть, нѣкоторые либеральствующіе читатели вмѣнятъ мнѣ въ грѣхъ эти слова; но я говорю ихъ совершенно серьёзно, единственно въ видахъ научной точности наблюденія, не желая ни сентиментальничать, ни бить въ набатъ. Я скажу даже болѣе: по-моему, нашъ простой народъ не могъ и не можетъ смотрѣть иначе на это дѣло. Люди грубаго неустаннаго труда не въ состояніи имѣть на жизнь философскихъ воззрѣній, независимыхъ отъ окружающаго міра. Имъ некогда вникать въ сущность своихъ политическихъ, гражданскихъ и естественныхъ правъ; имъ не съ кѣмъ толковать о нихъ, у нихъ нѣтъ внутреннихъ средствъ додуматься до болѣе справедливаго и выгоднаго порядка. Въ частныхъ случаяхъ весь интересъ ихъ. Если сельскій староста, приказчикъ, становой, баринъ съ нимъ хорошъ, то вообще хорошъ и весь порядокъ; если въ барскомъ или казенномъ лѣсу—дубки рубятся безъ особеннаго труда, если нѣтъ запрету на барскихъ лугахъ, вообще, если есть какой-нибудь просторъ личной выгодѣ,—является вѣра въ благополучіе цѣлаго рода человѣческаго. При такой зависимости отъ частнаго случая, разумѣется, каждый существующій порядокъ долженъ казаться незыблемымъ и абсолютнымъ. Нѣтъ болѣе упрямаго охранителя существующаго и болѣе ожесточеннаго врага всякихъ новшествъ, какъ человѣкъ сохи и вообще человѣкъ непросвѣщенный.

Подобное явленіе встрѣчается вездѣ. Жены мормоновъ, обращенныя въ домашнихъ животныхъ своими *„святыми"* мужьями, жены мусульманъ, ставшія игрушкой прихоти въ рукахъ своихъ владыкъ, вмѣсто того, чтобы возмущаться такимъ невыгоднымъ для нихъ порядкомъ, становятся его горячими приверженцами, защитницами и распространительницами. Точно также зависимое положеніе женщинъ въ разные вѣка и у разныхъ народовъ Европы всегда находило наиболѣе ревностную поддержку въ средѣ самихъ женщинъ;

да и теперь, чѣмъ необразованнѣе женщина, тѣмъ рѣшительнѣе она стоитъ за то ограниченіе своихъ собственныхъ правъ, которое мужчины считаютъ нужнымъ маскировать разными сентиментальными словами. Итакъ, по нашему мнѣнію, сознаніе своего глубокаго различія отъ господъ, своей естественной зависимости отъ нихъ—присуще нашему народу еще и теперь, послѣ 19-го февраля, и будетъ, по всей вѣроятности, присуще ему довольно долгое время.

Мы останавливаемся на этомъ обыкновенномъ и весьма распространенномъ явленіи народной жизни съ тою цѣлію, чтобы поставить вопросъ о всесословной общинѣ на почву дѣйствительности, безъ всякой выдуманности, безъ всякаго сентиментальничанья. Только имѣя постоянно въ виду этотъ неопровержимый фактъ коренного различія въ положеніи двухъ существенныхъ элементовъ общины—можно толковать о пользѣ или вредѣ всесословнаго состава. Кто стоитъ за всесословную общину, тотъ не долженъ скрывать отъ себя, что члены этой общины, при всей возможной юридической равноправности своей, на дѣлѣ не могутъ быть (я говорю, конечно, о ближайшемъ къ намъ времени) равноправны. Старшина мужикъ и старшина баринъ—это будутъ два званія совершенно различныя, различныя еще въ бóльшей степени, чѣмъ, напримѣръ, прежніе бородатые головы губернскихъ городовъ въ своихъ мундирныхъ полукафтанахъ и сабляхъ, смиренно приносившія, вкупѣ съ „*обчествомъ*", посильныя приношенія полиціймейстеру, различались отъ вліятельныхъ аристократовъ, контрирующихъ съ генералъ-губернаторами подъ тѣмъ же титуломъ московскаго или одесскаго городского головы. Точно такое же коренное различіе жизнь сразу установитъ между членомъ схода—бариномъ и такимъ же членомъ схода — мужикомъ. Баринъ во всѣхъ роляхъ останется бариномъ, и въ жизни общины будетъ самымъ вліятельнымъ человѣкомъ.

Поставивъ такимъ образомъ вопросъ въ надлежащемъ свѣтѣ, мы постараемся разсмотрѣть, какія удобства и неудобства могутъ соединиться съ подобнымъ порядкомъ вещей, и насколько, слѣдовательно, желателенъ подобный порядокъ. Мы только просимъ читателя не давать ложнаго толкованія избранной нами точки зрѣнія. Мы вовсе не проповѣдуемъ необходимости и выгоды преимуществъ барства. Мы лично съ гораздо бóльшимъ сочувствіемъ встрѣтили бы возможность другого, болѣе демократическаго, болѣе естественнаго и гораздо болѣе плодотворнаго строя общинной жизни. Но вкусъ, убѣжденіе,—одинъ вопросъ, существующій міръ—совершенно другой. Мы желали бы жить въ обществѣ Ньютоновъ и Платоновъ, а принуждены жить въ обществѣ Коробочекъ и Собакевичей. Зажмурить глаза на дѣйствительность и воображать ее себѣ такою, какою ри-

суетъ вамъ фантазія, хотя и самая возвышенная,—не только очень глупо, но и очень опасно. Какая польза представлять себѣ русскаго мужика съ независимою душею Шиллерскаго Вильгельма Теля, съ глубокимъ демократическимъ чувствомъ какого-нибудь американскаго піонера, и строить на этомъ разсчетѣ все зданіе вашей общины, когда на первомъ же шагу несомнѣнно окажется, что этотъ Тель или Линкольнъ насквозь проникнутъ самыми старовѣрскими, самыми византійскими понятіями о строѣ общества и отношеніяхъ людей, что многія отсталыя вѣрованія друзей косности и регресса изъ болѣе образованнаго класса могутъ показаться ему еще слишкомъ вольнодумными. Какъ изслѣдователь физическаго тѣла, видя извращеніе органовъ, долженъ принять его во вниманіе, не скрывая ни малѣйшей подробности и построить на немъ свои выводы, такъ и изслѣдователь народной жизни долженъ основывать свои заключенія не на томъ, что́ было бы желательно, а на томъ, что́ дѣйствительно у него передъ глазами.

Г. Кошелевъ въ журналѣ „*Бесѣда*“, въ статьѣ своей о всесословной волости, которая дала намъ поводъ высказать настоящія мысли, вооружается противъ всесословнаго состава волости на томъ основаніи, что лица высшихъ классовъ, скажемъ для краткости, господа, не имѣютъ прямого интереса въ тѣхъ именно учрежденіяхъ, которыя должны составлять сущность общинной жизни для крестьянина; школа, врачебная часть, народное продовольствіе, страхованіе отъ огня — все это вопросы чисто крестьянскіе. Только устройство дорогъ г. Кошелевъ признаетъ почему-то исключительнымъ интересомъ высшихъ классовъ. Мы же, съ своей стороны, и устройство дорогъ относимъ къ одной изъ существеннѣйшихъ потребностей крестьянской жизни. Мы вполнѣ согласны съ г. Кошелевымъ, что теперешняя дѣятельность земскихъ учрежденій касается почти исключительно прямыхъ интересовъ одного крестьянства. Но именно въ этомъ самомъ явленіи и лежитъ, по нашему мнѣнію, разрѣшеніе главнѣйшихъ сомнѣній г. Кошелева противъ пользы всесословной общины. Кому неизвѣстно, что наши *всесословныя* земскія собранія въ сущности суть собраніе господъ, распоряжающихся интересами крестьянства.

Гласные изъ крестьянъ, большею частью, волостные старшины, волостные писаря, сидятъ рядомъ съ мировыми посредниками, своими прямыми начальниками, и не выходятъ изъ ихъ послушанія. Предсѣдатель собранія опять тоже ихъ главный начальникъ, какъ предсѣдатель съѣзда мировыхъ посредниковъ. Кромѣ того, кругомъ ихъ мировые судьи, въ которыхъ они постоянно нуждаются, богатые сосѣди-помѣщики, у которыхъ они работаютъ, кредитуются, ищутъ заступничества, иногда ихъ бывшіе господа, съ которыми у нихъ

еще не прекращены обязательныя отношенія. Есть ли какая-нибудь возможность сохранить свою самостоятельность въ такой авторитетной и многочисленной средѣ не только мужику, привыкшему проходить безъ шапки даже мимо двора своихъ товарищей по собранію, но даже и человѣку съ болѣе независимымъ положеніемъ. Прибавьте къ этому, что содержаніе и форма сужденій, ведущихся въ земскомъ собраніи, почти всегда недоступны безграмотному или, что почти то же, малограмотному мужику. Господа сыплютъ фразами и словами, которые для него тарабарская грамота. Ипотечная система, кадастръ, премія, проектъ, акціи, гарантіи,—бѣдные бороды только рты разѣваютъ. Прежде чѣмъ онъ смѣкнетъ о чемъ рѣчь пошла, уже вопросъ голосуется—согласенъ или несогласенъ. Кто несогласенъ пусть встанетъ. Глянетъ на *своего* посредника, на *производителя* (мужицкій титулъ предводителя дворянства)—сидятъ, и онъ останется на мѣстѣ. Я не знаю заволжскихъ губерній, гдѣ, говорятъ, элементъ крестьянства бываетъ иногда господствующимъ, и гдѣ самъ крестьянинъ является, говорятъ, совершенно съ другимъ типомъ, болѣе образованный, болѣе вѣрующій въ свои права. Поэтому я не буду имѣть въ виду этихъ окраинъ, а только внутреннія старыя русскія губерніи, проникнутыя глубоко тѣмъ духомъ крѣпостной зависимости, о которомъ я говорилъ выше. Кто былъ хотя разъ на какомъ-нибудь нашемъ земскомъ собраніи, тотъ, конечно, не раздумывая подтвердитъ мои слова объ отсутствіи всякаго значенія крестьянскихъ гласныхъ и о рѣшительно господскомъ характерѣ нашихъ земскихъ собраній.

При такихъ условіяхъ, если бы мысль г. Кошелева была вѣрна, нужно бы было ожидать, что вопросы народнаго образованія, народнаго здравія, народнаго продовольствія и т. п., въ которыхъ господа прямо не заинтересованы, останутся безъ всякаго движенія. Однако мы вездѣ видимъ совершенно противное. Почти всѣ земства ассигнуютъ серьёзныя цифры на школы, больницы, врачей и пр., такъ что въ сущности активная часть бюджетовъ земства поглощается потребностями одного крестьянскаго сословія. Этотъ общеизвѣстный и общераспространенный фактъ совершенно устраняетъ опасенія г. Кошелева, будто во всесословной волости, при перевѣсѣ господскаго элемента, интересы крестьянъ останутся на заднемъ планѣ. Даже, странно сказать, почти во всѣхъ земскихъ собраніяхъ мысль о расширеніи народнаго образованія, объ ассигнованіи средствъ на новыя школы, о приглашеніи врачей, фельдшеровъ, акушерокъ, приведеніе больницъ въ лучшее состояніе, благоустройствѣ дорогъ и т. п. постоянно проводится и защищается представителями образованнаго класса, а со стороны гласныхъ-крестьянъ встрѣчаетъ если не противодѣйствіе, то равнодушіе и даже несочувствіе, какъ всякій

новый налогъ. Еще убѣдительнѣе вопросъ этотъ рѣшается при разсмотрѣніи дѣятельности чисто крестьянскихъ учрежденій, какъ, напр., волостные и сельскіе сходы. Кто былъ близокъ къ нашей сельской жизни, тотъ хорошо знаетъ, какихъ трудовъ стóитъ завести въ волости или селѣ какое-нибудь полезное для крестьянъ учрежденіе, не говоря уже ссудную кассу, артель или что-нибудь подобное мало извѣданное, а хоть бы просто школу для обученія грамотѣ. Если наши общины имѣютъ драгоцѣнное для нихъ учрежденіе взаимнаго страхованія, котораго громадная польза бросается въ глаза на каждомъ шагу,—то они обязаны этимъ не своей доброй волѣ, а насилію. Предоставьте вопросъ о страхованіи благоразумію самихъ крестьянъ, — мы бы до сихъ поръ не видали даже приступа къ его осуществленію. Если бы не собирали насильственно по полтинѣ съ двора для покупки пожарныхъ трубъ, до сихъ поръ ни одно село не имѣло бы ни одной кишки. Если при настоящемъ безпорядкѣ волостного управленія трубы эти не имѣютъ почти никакого значенія, все-таки самъ фактъ не теряетъ своей силы. Открытіе школы въ деревнѣ почти всегда обязано или пожертвованію, или приказу начальства. Захочетъ волостной старшина или посредникъ настоять на школѣ — мужики погалдятъ - погалдятъ и почтутъ начальство. А то какой-нибудь баринъ отстроитъ избу, устроитъ скамейки, земство пришлетъ учителя, съ крестьянъ попросятъ только топить избу соломою, да развѣ старика-сторожа. Но они обыкновенно не хотятъ и этой доли участія принимать на себя, такъ что почти вездѣ дѣло сводится на доброхотныя даянія, да на земское пособіе. Въ настоящемъ году земство уѣзда, въ средѣ котораго я дѣйствую, сдѣлало весьма щедрое постановленіе, по которому всякое селеніе, приготовившее до извѣстнаго срока помѣщеніе и отопленіе для школы, вправѣ требовать на нее земское пособіе. Управа дала знать объ этомъ черезъ мировыхъ посредниковъ всѣмъ волостямъ; кромѣ того въ собраніи сидѣло болѣе десятка крестьянскихъ гласныхъ. Къ слѣдующему собранію было прислано всего три приговора объ открытіи училищъ и то изъ такихъ селеній, гдѣ помѣщики пожертвовали помѣщенія, а мировой посредникъ употреблялъ все свое вліяніе на составленіе приговоровъ; нѣкоторые знакомые мои тоже хотѣли воспользоваться такимъ выгоднымъ постановленіемъ земства; собравъ крестьянъ, они объяснили имъ значеніе этого постановленія, можетъ быть, невозвратимаго другой разъ, и предлагали имъ помѣщеніе для школы и учителя, которое обязались къ тому же снабдить классною мебелью. Книги и учитель давались отъ земства; крестьянамъ оставалось только принять зданіе школы на свой ремонтъ и отопленіе да, можетъ быть, посылать сторожа. Казалось, что отказъ

отъ такихъ очевидныхъ выгодъ, пріобрѣтаемыхъ почти даромъ, не мыслимъ; но однако мужики этихъ селеній потолклись-потолклись, поблагодарили за милость и *«неоставленье»*, а школы имѣть не пожелали. Всякій попечитель школы нашего уѣзда разскажетъ вамъ то же самое о своемъ околоткѣ. А между тѣмъ въ уѣздѣ есть множество огромныхъ и богатыхъ селъ безъ училищъ. Мнѣ скажутъ, что крестьянъ еще не успѣли убѣдить къ пользѣ тѣхъ учрежденій, къ которымъ они теперь такъ равнодушны; что разъ они увѣруютъ въ пользу школъ и пожарныхъ трубъ, у нихъ тотчасъ явятся и школы, и трубы. Но это будетъ толкованіе произвольное, не подтверждаемое фактами. Въ настоящее время вы не найдете крестьянина, который бы не сознавалъ съ сокрушеніемъ сердца, какъ трудно ему обходиться безъ грамоты, какъ его вездѣ дурачатъ и обираютъ изъ-за одного его безграмотства. Теоретическое сознаніе въ пользѣ школы проникло въ народъ почти повсемѣстно. Наконецъ, мы возьмемъ примѣръ изъ его матеріальной жизни, гдѣ неудобство извѣстнаго порядка чувствуется слишкомъ непосредственно, чтобы человѣкъ могъ его не сознавать. Въ каждой деревнѣ есть много дѣвочекъ и мальчиковъ, много лошадей, гусей, телятъ, утокъ и пр. Каждому двору дѣти эти бываютъ нужны для разныхъ легкихъ работъ; каждый дворъ платится иногда очень дорого за побои хлѣба своего и чужого, птицею и скотиною; своего — потому что онъ лишается хлѣба; чужого, потому что чужіе хозяева загоняютъ его скотину. Казалось бы, самый азбучный разсчетъ, самая ребяческая доля смысла способны были убѣдить нашихъ деревенскихъ хозяевъ, что лучше всего устраивать очередь изъ дѣтей всѣхъ дворовъ для пастьбы скотины и птицы, или сообща нанимать для нихъ подпасковъ; но деревенскіе хозяева поступаютъ иначе: каждый дворъ отдѣльно пасетъ своего теленка, своихъ матокъ, свою птицу, почти всегда на одномъ и томъ же выгонѣ, на одномъ и томъ же берегу. Цѣлая толпа дѣтей, цѣлый день отъ зари до зари, должны бездѣльничать на солнечномъ припёкѣ изъ-за такого пустого дѣла. Естественно, что цѣлый день даже и взрослый не въ силахъ сохранить своего поста; естественно, что толпа мальчиковъ, пользуясь отсутствіемъ старшихъ, затѣетъ какія-нибудь игры и отвлечется отъ своей обязанности. Прозѣвали часъ, и лошади во ржи, гуси въ овсахъ. А между тѣмъ почти исключительно для этой пастьбы крестьянскія дѣти прекращаютъ съ апрѣля до ноября посѣщать сельскую школу и такимъ образомъ несказанно тормазятъ успѣшный ходъ народнаго образованія. Точно также мало благоразумія и экономіи силъ въ другихъ дѣйствіяхъ крестьянскаго быта. Изъ-за $^1/_2$ штофа водки, изъ-за гривенниковой покупки или продажи на базарѣ, цѣлыя вереницы телѣгъ изъ одной

и той же деревни дребезжать по утрамъ въ уѣздный городъ; толпа рабочаго народа, толпа рабочихъ лошадей, упряжь, телѣги, все это расходуется почти даромъ, безъ малѣйшей производительности.

Въ южной Франціи, въ Швейцаріи, я видѣлъ деревенскихъ коммиссіонеровъ, которые въ очень удобныхъ повозочкахъ, съ строгою точностью срока, ѣздятъ отъ извѣстнаго района селеній до города и обратно; они, конечно, каждую вещь съумѣютъ и купить лучше, и доставить бережнѣе, чѣмъ простой крестьянинъ; а честность тутъ также необходима, какъ выгодна.

Еще поразительнѣе неблагоразумie нашего мужика въ дѣлѣ пожаровъ. Ужъ навѣрное онъ хорошо и давно сознаетъ пользу сохраненія своего двора и вредъ пожара. Мужика нечего учить, что солома легко вспыхиваетъ, что въ тѣснотѣ пожаръ опаснѣе, чѣмъ на просторѣ. Поговорите съ любымъ мужикомъ, когда горитъ цѣлый порядокъ деревенскихъ избъ. „Теперь пойдетъ трещать, скажетъ онъ вамъ, хаты-то какъ въ кострѣ складены, одна на одной; жара; солома что порохъ стала, онъ теперь вплоть до проулка сравняетъ, ничего не пропуститъ."

И все-таки, нынче сгоритъ — завтра опять накрываетъ домъ тою же сухою соломенною шапкою, опять втискиваетъ его между бревенъ и соломы, хотя есть очень заботливые законы о разселеніи послѣ пожаровъ, хотя глина для крыши тутъ же во рву.

Отчего все это? причина одна: невѣжество не въ силахъ вкоренить въ себѣ полезныхъ привычекъ, хотя и можетъ иногда понимать ихъ пользу.

Прежде всего, невѣжество не умѣетъ отнестись къ общему дѣлу какъ къ своему, видѣть связь своихъ интересовъ съ чужими интересами. Этимъ невѣжествомъ нерѣдко страдаютъ и высшіе классы общества, неимѣющіе правильнаго гражданскаго воспитанія, замѣняющіе внутреннюю воспитанность духа лоскомъ внѣшняго образованія. Исторія не дала нашему русскому простолюдину здороваго гражданскаго воспитанія и въ то же время лишила его образовательныхъ преимуществъ другихъ классовъ. Оттого общій грѣхъ нашъ отразился на немъ вдвойнѣ. Ожидать другого результата, зная исторію нашего народа, было бы странно. Итакъ, мы утверждаемъ, что включеніе въ составъ общины элемента образованнаго, соединеніе въ одной группѣ мужиковъ съ бариномъ, не только не повредило-бъ интересамъ крестьянъ, но въ большинствѣ случаевъ могло бы принести имъ положительную выгоду, ослабляя противодѣйствіе невѣжества мѣрамъ общей крестьянской пользы. Мы не касаемся въ настоящемъ случаѣ самаго способа осуществленія этой всесословной группы и вообще никакихъ практическихъ подробностей, а только

разсматриваемъ общее значенie всесословности для первичныхъ ступеней общественной жизни.

Мы думаемъ, что предоставленie нашимъ крестьянамъ права вѣдать свои дѣла какъ они сами знаютъ, есть одинъ изъ видовъ той опасной системы laissez faire, laissez passer, которая привела западныя общества къ ихъ теперешнему роковому положенiю на вулканѣ пролетарiата. Право вѣдать самимъ свои дѣла—высокое и полезное само по себѣ—въ примѣненiи къ миллiонамъ невѣждъ, воспитанныхъ въ вѣковой школѣ притѣсненiй и беззаконiя, можетъ легко превратиться въ совершенное безправiе. Мнимая самостоятельность крестьянской общины у насъ почти вездѣ оказывается ничѣмъ инымъ, какъ самолюбiемъ старшины или писаря; а деспотизмъ невѣжды надъ равными ему самый тяжелый изъ всѣхъ деспотизмовъ. Г. Кошелевъ опасается, чтобы помѣщикъ, вторгшись въ составъ волостного управленiя, не направилъ бы интересовъ общины къ своей частной или сословной выгодѣ. Но почему не опасается онъ зла, гораздо болѣе близкаго и гораздо болѣе несомнѣннаго, зла, которое существуетъ вездѣ у насъ на глазахъ?

Кромѣ немногихъ исключенiй, наши теперешнiе мировые посредники стоятъ совершенно въ сторонѣ отъ волостныхъ и сельскихъ общинъ, такъ что полновластными хозяевами ихъ является волостной старшина съ писаремъ. Необразованный человѣкъ, добравшiйся до власти и неимѣющiй надъ собою дѣйствительнаго контроля, не можетъ найти въ себѣ достаточно нравственной силы, чтобы преслѣдовать какiя-нибудь иныя цѣли, кромѣ грубокорыстныхъ. Онъ правъ уже потому, что привыкъ видѣть самого себя игрушкою корысти и произвола другихъ, власть имѣвшихъ; изъ своего житейскаго опыта онъ не вывелъ о свойствѣ власти никакого другого заключенiя кромѣ того, что она сильна и выгодна. Онъ повиновался и терпѣлъ въ роли подчиненнаго, онъ заставляетъ другихъ повиноваться и терпѣть, въ роли власти. Долгъ платежемъ красенъ. Да притомъ нужно еще хорошенько вникнуть, чѣмъ собственно можетъ быть спецiально опасенъ въ составѣ общины господскiй элементъ? Размѣры гражданскихъ правъ общины никакимъ образомъ не могутъ зависѣть отъ произвола того или другого элемента ея. Слѣдовательно, остается мѣсто только для одного злоупотребленiя. Но какъ ни слабо развитie гражданскаго чувства въ нашемъ образованномъ классѣ, все-таки и логика, и опытъ должны убѣдить насъ, что возможность прямыхъ злоупотребленiй гораздо менѣе вѣроятна со стороны людей этого класса, чѣмъ со стороны начальника-мужика. Предположимъ, напр., влiятельнаго помѣщика въ роли представителя мѣстной общины: старшиною, головою, попечителемъ. По своему матерiальному и об-

щественному положенію, онъ, конечно, будетъ лишенъ всякаго повода тѣснить мужика изъ-за полтинника или изъ-за ½ штофа водки, у него не будетъ кумовства, ни соперничества, ни зависти, ни старой вражды къ людямъ, стоящимъ совершенно на другомъ уровнѣ. Ему естественно быть и безпристрастнѣе, и обходительнѣе и внимательнѣе къ нуждамъ своихъ общинниковъ. Люди подобнаго положенія очень цѣнятъ свою репутацію въ околоткѣ, свое значеніе и вліяніе и не захотятъ ихъ потерять безъ нужды. Въ то же время, именно вслѣдствіе ихъ большого значенія, имъ легче будетъ водворять въ жизни общины лучшіе порядки. Если поводомъ къ этимъ заботамъ будетъ въ большинствѣ случаевъ одно самолюбіе и даже хвастовство, все-таки это лучше, чѣмъ безпросыпный сонъ нашей теперешней общинной жизни. По извѣстной нашей всероссійской слабости можно, конечно, ожидать, что старшина-баринъ не захочетъ утруждать себя бременемъ мелочныхъ и ежеминутныхъ дѣлъ, а сдастъ его, по обычаю, на попеченіе какого-нибудь писаря. Но допустивъ даже это, мы остаемся при томъ мнѣніи, что контроль и руководство надъ писаремъ лица авторитетнаго и образованнаго будетъ все - таки значительно выгоднѣе для крестьянъ, чѣмъ стачка съ этимъ писаремъ безграмотнаго старшины. Надежнѣйшимъ судьею при рѣшеніи этого вопроса должны считаться сами крестьяне. Побесѣдуйте съ ними о *„лапотномъ судѣ“* и волостныхъ порядкахъ. Какъ ни натерли имъ горбъ другіе суды и начальства, однако, они рады обратиться куда угодно, лишь бы отдѣлаться отъ своего мужицкаго правосудія. „У насъ ужъ извѣстно какіе порядки, жалуется мужикъ или баба; сегодня тебя обопьютъ, ты правъ, а завтра имъ новаго поднесутъ, ты виноватъ сталъ“.—А ты бы жаловался посреднику.—„Гдѣ, батюшка, намъ до посредника, мы не знаемъ хорошо гдѣ онъ и находится. 30 верстъ проѣдешь туда, да 30 верстъ назадъ, тебя даже до хоромъ не допущаютъ, въ шею гонятъ. У насъ старшина царь. Самъ говоритъ: кто на меня посреднику жалуется, тотъ у него первый виноватый“.— Помню, я какъ-то разговорился съ однимъ умнымъ старикомъ объ ихъ мірскихъ порядкахъ. „Насъ нонче отдали волостнымъ на съѣденіе, сѣтовалъ старикъ, теперь всѣ дѣла у нихъ, что раздѣлы, что рекрутство; Иванъ Сысоичъ (старшина), даромъ что мужикъ, 160 десятинъ купилъ; у тебя экономія-то, кажется, слава Богу, а ему она не нужна, онъ безъ нея получше твово оброкъ собираетъ. Его какъ борова по слободѣ водятъ, изъ кабака въ кабакъ, изъ трактира въ трактиръ. Онъ-то еще въ Покровскомъ *перушки осушилъ*, а сюда къ намъ *докладывать* пришелъ. Какіе нонче порядки?! Недоволенъ волостнымъ судомъ, подавай, говорятъ, въ мировой съѣздъ, а изъ мирового съѣзда все-таки въ волостной сходъ обращаютъ, хоть и въ

иной; въ волостномъ судѣ извѣстно какъ судятъ. Развѣ такъ сыщешь порядокъ? Да и какое это начальство, коли старшина къ начальнику съ рукою лѣзетъ? руку ему подаетъ? Начальникъ можетъ двадцать пять тысячъ на своемъ образованіи имѣетъ, имѣетъ чинъ себѣ, дворянство, и съ мужикомъ-хрякомъ *обращается*. Вотъ былъ у насъ окружной Лукашевичъ, изъ военныхъ. У того была суковатая палка толще твоей руки. Возьметъ и пойдетъ по кабакамъ. Головъ, писарей этихъ какъ свиней билъ, до смерти; ваше мѣсто, говоритъ, въ волости, а не въ кабакѣ. Не давали мнѣ билета: недоимка, говорятъ, за тобою; а за мною все исправно. Жалуюсь окружному, далъ мнѣ записочку; а они все свое говорятъ: давай рубль. Опять иду къ нему. Взялъ это палку свою, въ волость. Ты, говоритъ, голова, уже *больше меня сталъ?* Да какъ зачалъ ихъ всѣхъ возить, всю горницу подмелъ, затаскалъ хуже онучей; самъ-то запыхался весь, сѣлъ на стулъ, не отдышется: „уморили, говоритъ, вы меня подлецы". Вотъ это былъ начальникъ". Я нарочно привелъ въ подлинникѣ этотъ характерный разсказъ деревенскаго политика, привелъ какъ типическій образецъ убѣжденій, обще-распространенныхъ въ нашемъ народѣ. Все наше громадное крестьянское большинство смотритъ такъ на свои мірскія учрежденія, на обязанности начальства. Грозное и грубое начальство не только ни малѣйшимъ образомъ не возмущаетъ нашего мужика, но напротивъ того, одно только и оправдывается въ его убѣжденіи; кроткихъ и вялыхъ мужикъ положительно презираетъ, словно не признаетъ за ними силы настоять на своемъ, подчинить одной своей волѣ разнородныя чужія воли. Но это въ сторону. Я хотѣлъ только доказать, что вмѣшательство господъ въ исключительныя дѣла крестьянъ ничуть не противорѣчитъ убѣжденію и желаніямъ самихъ крестьянъ, что вмѣшательство это сами крестьяне во всякомъ случаѣ считаютъ гораздо для себя полезнѣе, чѣмъ такъ-называемое самоуправленіе, т.-е. самоуправство волостныхъ. Взглядъ этотъ, конечно, основанъ прежде всего на опытѣ; но и помимо опыта, крестьянинъ вообще склоненъ имѣть болѣе довѣрія и уваженія къ благородному, чѣмъ къ своему брату. Глубоко ошибаются тѣ малонаблюдающіе люди, которые разсматриваютъ наше крестьянское сословіе, какъ исполненное какого-то хроническаго антагонизма къ дворянству, жаждущее низвергнуть его монополіи и водворить при первой возможности царство демократіи. Такія представленія взяты не изъ жизни, а изъ книгъ; плоды не наблюденія, а фантазіи. Для такихъ книжныхъ людей всѣ народы, всѣ эпохи исторіи одинаковы. Въ 1789 году, представители третьяго сословія во Франціи были проникнуты сознаніемъ своей силы и своего униженія; поэтому они бурнымъ напоромъ сломали преграды монополій, мѣшавшія ихъ есте-

ственному росту и потопили въ морѣ демократіи дворянъ и духовныхъ. Но третье сословіе Франціи было сословіе богатыхъ, образованныхъ и предпріимчивыхъ людей, которые дѣйствительно стояли и должны были стать по праву во главѣ французской націи. Это былъ тотъ именно классъ общества, который совмѣщалъ въ себѣ науку и промышленность; который первый доработался своимъ мозгомъ до понятій о болѣе справедливомъ и болѣе выгодномъ общественномъ устройствѣ и первый выработалъ въ себѣ способность воспользоваться этимъ новымъ порядкомъ. Предполагать подобное отсутствіе политическаго суевѣрія, подобный раціонализмъ убѣжденій въ массѣ нашего темнаго трудящагося люда, разумѣется, нелѣпо; слѣдовательно, нелѣпо и предполагать въ немъ какіе-либо теоретическіе замыслы на перемѣну общественнаго строя своей земли. Напротивъ того, какъ мы уже не разъ говорили, нашъ простой человѣкъ самый ревностный приверженецъ существующаго порядка. Онъ всосалъ въ себя лучше насъ разныя житейскія суевѣрія. Можетъ быть, никто изъ насъ не цѣнитъ такъ высоко дворянской крови, какъ цѣнятъ ее мужики. Они имѣютъ въ этомъ отношеніи чуть не браминскій взглядъ. Имъ кажется, что съ начала міра, по крайней мѣрѣ, со всемірнаго потопа, пошли дворяне, крестьяне, купцы, попы, цари. „Отъ Хама—нашъ братъ хамъ" скажетъ вамъ всякій старикъ. Безъ этихъ сословныхъ раздѣленій. вѣчныхъ какъ природа, мужикъ не въ состояніи себѣ мыслить міръ. Царь царствуетъ, господа распоряжаются, попы молятся, купцы торгуютъ, солдаты воюютъ, мужики работаютъ. Этотъ дѣтски-простой, строго опредѣленный библейскій распорядокъ приходится какъ разъ по плечу безхитростному разуму, еще не вѣдающему критики и сомнѣній. Дѣти тоже усвоиваютъ себѣ съ удивительною легкостью представленіе такого соціальнаго устройства. Точно также, идея объ антропоморфическомъ божествѣ, творцѣ и хозяинѣ міра, легче воспринимается понятіемъ ребенка и простолюдина, чѣмъ другія, болѣе отвлеченныя представленія божества.

Я всегда замѣчалъ, что мужикъ считаетъ дворянство преимуществомъ природнымъ, недостижимымъ никакимъ другимъ путемъ кромѣ кровнаго. Дворянинъ по чину у него все еще не дворянинъ. Онъ у него всю жизнь будетъ „майоръ", или „Иванъ Васильичъ", но не будетъ „баринъ". Онъ относится съ значительною долею презрѣнія къ простой женщинѣ, попавшей въ барыни, и во всякомъ случаѣ забудетъ ей ея происхожденіе гораздо позже, чѣмъ всѣ мы. Онъ не только не радуется, что его братъ-мужикъ достигъ равенства съ господами, но словно чувствуетъ себя положительно оскорбленнымъ тѣмъ, что мужикъ, подобный ему, вдругъ получаетъ право помыкать имъ какъ баринъ. Одинъ мужичокъ обижался при мнѣ на

распоряженіе станового: „Ну хоть бы настоящій баринъ былъ, жаловался онъ мнѣ; а то нашего же хамскаго помета; отецъ былъ лапотникъ, да и самъ-то еще борону водилъ. Онъ этого и не забывай. Что ему чинъ-то отъ царя даденъ, такъ это и я сково сына въ науку произведу, такой же будетъ. Все та же мужицкая кровь останется, какъ и у нашего брата".—„Призвалъ это меня къ себѣ Иванъ Александровичъ, разсказывалъ другой мужичокъ, желавшій мнѣ выставить глубокое паденіе одного разорившагося сосѣда: садись, говоритъ, выпей со мною! Мнѣ то... Что-жъ я тебѣ скажу — срамъ меня беретъ; думаю, онъ ли это сидитъ передо мною, Иванъ Александровичъ, или не онъ. Добро бы не зналъ каковъ таковъ господинъ былъ, какихъ родовъ, а то вѣдь самъ знаешь... Вотъ притча!.. И ноги не садятся... До чего, подумаешь, водка доводитъ?"...

Насъ здѣсь могутъ остановить и сказать: вы доказываете пользу извѣстнаго порядка тѣмъ, что порядокъ этотъ по вкусу и невѣжественной массѣ, незнакомой съ инымъ порядкомъ; такое доказательство, скажутъ намъ, ни для кого неубѣдительно. Но мы опираемся на взглядъ самого народа не въ видѣ конечнаго довода, а только для устраненія нѣкоторыхъ возраженій, мы хотимъ доказать этими ссылками только два положенія: одно, что теперешнее самоуправленіе народа пустое имя, подъ которымъ скрывается грубый произволъ немногихъ лицъ; другое, что народъ, по убѣжденіямъ и по опыту своему, считаетъ вмѣшательство господъ въ свои дѣла естественнымъ и желаннымъ.

Эти два довода сами по себѣ достаточно вѣски въ общемъ рѣшеніи вопроса. Но и помимо ихъ, со всѣхъ другихъ точекъ зрѣнія, онъ долженъ рѣшиться, по нашему мнѣнію, въ пользу всесословности.

Государство возникло съ тѣмъ, чтобы воспитывать народъ въ гражданской и политической жизни. Слѣдовательно, педагогическая роль государства не можетъ быть отнята у него безъ разрушенія самой идеи государства.

Исторія показываетъ, что государство вездѣ пользовалось скорѣе съ излишествомъ, чѣмъ со скромностью, этимъ правомъ воспитанія общества; какъ оно воспитывало, хорошо или дурно, къ добру или ко вреду, это другой вопросъ. Между прочимъ и нашъ русскій мужикъ былъ воспитанъ извѣстнымъ образомъ: воспитанъ воеводами, ярыжками, подъячими, становыми, окружными, головами и писарями. Эта стадія его воспитанія закончилась. Ученикъ вышелъ въ учителя. Не всѣ остались этимъ довольны; нужно теперь продолжать путь. Мужику говорятъ: тебя научили ходить, ступай теперь самъ, совершенствуй свои задатки. Но въ томъ-то и дѣло, что научили его многому скверному; что многихъ задатковъ, которыми его снабдили,

не слѣдовало бы не только совершенствовать, но даже вовсе имѣть. Пустили одного, онъ и старается воспроизвести образцы, единственно ему вѣдомые; изберуть въ старшины, онъ вспоминаетъ становаго, старается дѣйствовать такъ, какъ его старый учитель.

Кого же ему вспомнить, когда не было другихъ учителей, другого примѣра; когда почти всѣ идеи и принципы, прикасавшіеся къ нему въ разное время его многовѣковаго малолѣтства, были идеи и принципы противуобщественные, въ корень зараженные духомъ слѣпого и исключительнаго себялюбія. Бросать безъ помощи недоросля, испорченнаго долгимъ и систематическимъ воспитаніемъ, въ высшей степени безразсудно. Легко сказать: дѣлай какъ знаешь; самъ будешь виноватъ, если сдѣлаешь худо. Черезъ это вина все-таки не снимается съ истиннаго виновника, съ неразумнаго воспитателя, отказавшагося отъ своего призванія на половинѣ пути. Что-нибудь одно: или совсѣмъ не трогать, совсѣмъ не портить, или честно довести дѣло до конца. Послѣ періода чиновничьяго воспитанія, у насъ на Руси захотѣли попробовать общественнаго. Проба хотя робкая, колеблющаяся впередъ и назадъ, но все-таки сдѣлана. Явились комитеты по крестьянскому вопросу, губернскія присутствія, мировые посредники и съѣзды, земскія собранія и управы, присяжные суды, мировые судьи, училищные совѣты, попечительства и братства... Вездѣ на первомъ планѣ выборъ общества, контроль общества.

Плохо принялись на нашей почвѣ, забалованной неразумнымъ хозяйствомъ, эти дорогія и полезныя растенія. Однако, принялись и стали жить. Какъ ни слабо до сихъ поръ ихъ дѣйствіе, какъ ни хилы ихъ формы, все-таки справедливость требуетъ сказать, что только въ этихъ новыхъ учрежденіяхъ явились новыя, дотолѣ невѣдомыя у насъ отношенія людей къ дѣлу и людямъ.

Все-таки элементы истинно-просвѣщенной общественной дѣятельности, проникнутой сознаніемъ нравственнаго долга, нравственнаго родства съ своими ближними, обнаружились, наконецъ, на ряду съ безучастнымъ оффиціальнымъ верченьемъ служебныхъ колесъ, безраздѣльно царившимъ до того времени. Мировые посредники перваго выбора, при многихъ недостаткахъ своихъ, въ большинствѣ явились достойными проводниками идеи общественнаго возрожденія. Сами помѣщики, сами пострадавшіе, они сдѣлались, говоря вообще, добросовѣстными руководителями новорожденнаго сословія, возникшаго какъ бы изъ праха ихъ собственнаго благосостоянія; они стали его вожатаями, его учителями и при всей короткости своей дѣятельности, успѣли принести народу нѣкоторую пользу. Народъ имъ вѣрилъ, просилъ ихъ совѣта и защиты, и, что важнѣе, находилъ ихъ. Мировые судьи, конечно, тоже страдаютъ своимъ грѣхомъ, но во всякомъ случаѣ грѣхъ сослов-

наго пристрастія и своекорыстія не изъ ихъ числа. Все-таки въ мировомъ судѣ, при всей его вялости, затруднительности и безсилія, — всегда виноватый бѣднякъ нашелъ, наконецъ, свое право и понялъ, что есть на свѣтѣ судъ, „у него же нѣсть на лица зрѣніе". Въ присяжномъ судѣ, въ земскомъ собраніи, мужикъ хотя и чувствовалъ свою нравственную зависимость отъ людей образованныхъ, поставленныхъ выше его въ общественной іерархіи, но не могъ однако не сознавать своего юридическаго равноправія съ ними, не могъ не видѣть, что его голосъ, его искреннее убѣжденіе являются важными орудіями общественной жизни, спасая невиннаго, осуждая преступника, избирая достойнаго, кто бы ни были эти люди: свой ли братъ мужикъ, знатный ли баринъ.

Въ новыхъ учрежденіяхъ оказался тотъ спасительный путь, которымъ необходимо нужно было идти для правильнаго воспитанія народа. Съ этого пути и не слѣдуетъ поэтому сворачивать. Правда, мы плетемся теперь по немъ медленно, безъ энергіи и успѣха. Въ этомъ виноваты одни мы, и мы одни обязаны измѣниться. Путь тутъ не виноватъ ни въ чемъ, и его нужно держаться крѣпче, чѣмъ когда-нибудь.

Въ чемъ же существенный характеръ этого пути? Въ томъ, что общество само ведетъ свои дѣла, не раздробляясь въ узкіе интересы отдѣльныхъ сословій и партій, а взаимно другъ друга пополняя, воспитываясь въ сознаніи своей родственной связи, своего нравственнаго единства. Одни вносятъ въ общую складчину свое образованіе, свои теоретическія способности, свое знакомство съ иноземными порядками, свои привычки общежитія; другіе свое близкое знакомство съ фактами ежедневной жизни, свою практическую смѣтливость и силу терпѣнія. Одни увлекаются духомъ измѣненія и щедрости, другіе упрямо и скупо отстаиваютъ всякій заведенный порядокъ, всякую сколоченную полушку.

Если такой путь мы признаемъ необходимымъ для мирового суда, для земскихъ учрежденій, то было бы глубокою нелогичностью лишать общеземскаго характера ту ступень народной жизни, въ которой коренится дѣйствительная сила всѣхъ другихъ нашихъ общественныхъ учрежденій.

Судъ прежде всего начинается въ жизни общины и глубже захватываетъ ее. Земство безъ общины — словно дерево безъ корней. Община — не только цѣль его дѣятельности, но и главное, чуть не единственное средство; община платитъ, община копаетъ, община возитъ, община же учится, болѣетъ, горитъ, голодаетъ. Если въ жизни этихъ общественныхъ атомовъ неурядица или мертвенный застой, то изъ чего же сложатся здоровыя формы высшаго обществен-

наго порядка? Если государство вообще признаетъ необходимымъ и спасительнымъ воспитывать народъ къ общественной жизни, то оно должно начинать это воспитаніе съ ранняго возраста. Воспитаніе— это рядъ постоянныхъ примѣровъ, пріучающихъ воспитанника къ новымъ способамъ дѣйствій, къ новымъ взглядамъ на вещи. Какъ ни велики грѣхи нашего просвѣщеннаго класса, все-таки онъ одинъ обладаетъ въ извѣстной мѣрѣ этими новыми способами и взглядами; все-таки онъ одинъ хранитель всей нашей науки и всей нашей гражданственности, главнѣйшихъ воспитательныхъ элементовъ общества. Поэтому, устранять изъ жизни общины элементы просвѣщенія— значитъ осуждать общину на неподвижность, значитъ обезсиливать народъ искусственнымъ раздвоеніемъ его, оставляя массы безъ свѣта, а интеллигенцію—безъ почвы. Въ чьихъ интересахъ подобный образъ дѣйствія? Система завоевателей — divide et impera — не имѣетъ смысла въ жизни естественнаго государства, гдѣ всѣ члены тѣла одного состава, всѣ связаны однимъ интересомъ. Во всякомъ случаѣ это система одной минуты, а не цѣлой жизни, система слѣпая, лишенная всякой будущности. Если община не сольетъ въ себѣ всѣхъ жителей данной мѣстности, какъ она сливаетъ ихъ въ Англіи, Швейцаріи, Америкѣ, то у насъ будутъ рядомъ рости два народа (а можетъ быть три и больше), съ отдѣльными интересами, съ отдѣльными свойствами каждый. Ихъ общность въ высшихъ сферахъ жизни будетъ только кажущаяся, неискренняя и невозможная. Оставаясь въ сущности группами, нисколько неродственными, они будутъ невольно злоупотреблять общеземскими формами, которыя имъ дадутъ только удобный предлогъ къ столкновеніямъ и взаимной эксплуатаціи. Чувство солидарности и нравственнаго родства между различными общественными группами можетъ утвердиться только постояннымъ ихъ общеніемъ, постояннымъ сознаніемъ единства своихъ интересовъ. Дѣла церкви, школы, общественной дороги, общественныхъ повинностей, общественной безопасности — вотъ ежедневные вопросы, сближающіе жителей одной мѣстности, дѣлающіе ихъ членами одной естественной группы. Какъ бы ни было различно личное положеніе каждаго изъ этихъ членовъ, всякій изъ нихъ, въ той роли, которая соотвѣтствуетъ его силамъ, является участникомъ общей жизни, защитникомъ общихъ интересовъ. При этомъ порядкѣ нѣтъ необходимости, чтобы баринъ былъ непремѣнно руководящимъ элементомъ общины потому только, что онъ баринъ, т.-е., что онъ богатъ и вліятеленъ. Свободный выборъ своихъ представителей спасалъ бы общину отъ этой необходимости вездѣ, гдѣ она была бы нежелательна. Для общины достаточно одной возможности воспользоваться содѣйствіемъ болѣе просвѣщенныхъ своихъ элементовъ вездѣ, гдѣ

она сама сознала бы выгоду этого. Во всякомъ случаѣ, участіе просвѣщенныхъ людей въ жизни общины, даже безъ оффиціальной роли, было бы полезно уже тѣмъ, что внесло бы въ дѣло общины больше осторожности и чувства отвѣтственности. Ни представители самой общины, ни общественные и правительственные органы, имѣющіе къ ней отношеніе, не могли бы такъ безнаказанно и безцеремонно относиться къ интересамъ общины и отклонять ея дѣятельность отъ ея настоящаго призванія навязываніемъ несвойственныхъ ей обязанностей, какъ это случается теперь. При правильной постановкѣ общиннаго устройства, полиція перестала бы видѣть въ ней безотговорочнаго исполнителя всѣхъ ея приказаній, альфу и омегу всѣхъ тягостей, оброковъ и повинностей, лежащихъ на цѣломъ народѣ. Кругъ обязанностей общины опредѣлился бы тогда съ такою же точностью, какъ и кругъ ея правъ. Въ настоящее же время нѣтъ ничего неопредѣленнѣе этихъ обязанностей. Община собираетъ и доставляетъ статистическія свѣдѣнія для всѣхъ и всякаго; община мостить и гатитъ по приказу всякаго; община представляетъ изъ себя военную команду для всяческаго усмиренія, отысканія, изловленія; община перевозитъ всѣхъ и всякаго на своихъ лошадяхъ и телѣгахъ; община поитъ, кормитъ и даетъ пріютъ всѣмъ, кому прикажутъ; общину гонятъ въ чужія поля и лѣса для измѣреній и освидѣтельствованій; община отвѣчаетъ за все, что случится въ окрестной мѣстности, стоитъ карауломъ надъ арестованными, убитыми, замерзшими, утонувшими и въ страдную пору, и въ зимнія вьюги; община ставитъ рекрутовъ; община сажаетъ деревья по дорогамъ. Словомъ, легче перечислить чего община не обязана дѣлать, чѣмъ то, къ чему она обязана. Всякій согласится, что при иномъ составѣ общины многія тягости, теперь на ней лежащія, неминуемо отойдутъ въ иныя сферы, болѣе подходящія, и удручающая энциклопедичность ея обязанностей оспеціализируется къ явной выгодѣ и ея самой, и цѣлаго общества. Итакъ, мы можемъ теперь выразить нашу мысль въ нѣсколькихъ краткихъ положеніяхъ:

1) Настоящая наша сельская община находится въ состояніи крайне неудовлетворительномъ и несочувственномъ для крестьянъ.

2) Крестьяне наши не только не избѣгаютъ участія господъ въ ихъ дѣлахъ, а положительно желаютъ его.

3) Участіе просвѣщенныхъ людей въ жизни общины одно только въ состояніи воспитательно подѣйствовать на эту жизнь и направить ее на настоящій путь.

4) Сословный характеръ общины укоренитъ въ народѣ духъ раздвоенія и отчужденности, и будетъ въ противорѣчіи съ другими полезными учрежденіями новыхъ реформъ, земствомъ, мировымъ судомъ и пр.

II.

Итакъ, насъ нисколько не страшитъ всесословная волость. Если и явятся затрудненія при ея осуществленіи на практикѣ, если осуществленіе это, быть можетъ, потребуетъ измѣненія нѣкоторыхъ другихъ учрежденій мѣстнаго управленія, то эти затрудненія, во всякомъ случаѣ, не такого характера, чтобы могли остановить самое исполненіе. Насъ страшитъ совершенно другое и гораздо болѣе серьёзное. Всесословная волость была бы не первымъ опытомъ нашихъ стремленій къ возрожденію; но судьба всѣхъ прежнихъ опытовъ нашихъ заставляетъ сильно призадуматься человѣка, котораго сердцу близки интересы своего народа. Во всѣхъ нашихъ опытахъ соціальныхъ реформъ мы обрисовались теперь слишкомъ отчетливо, чтобы можно было идти на встрѣчу новымъ попыткамъ съ радостнымъ и самоувѣреннымъ духомъ.

Исторія нашей цивилизаціи доказываетъ особенно ясно, что самыя лучшія учрежденія сами по себѣ еще не достигаютъ цѣли, если не опираются на силу общественнаго воспитанія. Воспитаніе я разумѣю тутъ въ широкомъ смыслѣ, не въ тѣсномъ значеніи школьнаго вліянія. Какія бы реформы ни производились, какія бы комбинаціи ни придумывались, всѣ онѣ должны оказаться несостоятельными въ рукахъ, неумѣющихъ ими пользоваться. Конечно, умѣнье это не пріобрѣтается сразу, а воспитывается временемъ и упражненіемъ, какъ всѣ способности вообще; слѣдовательно, неудача нашихъ первыхъ опытовъ должна, повидимому, казаться намъ весьма естественною, неимѣющею зловѣщаго смысла. Мы сами далеки отъ мысли, будто рокъ нашего общества — вѣчная неудача. Но мы далеки также и оттого, чтобы утѣшаться жалкими результатами, которые мы пріобрѣли отъ нашихъ величайшихъ общественныхъ реформъ; мы проникнуты убѣжденіемъ, что, помимо ошибокъ, свойственныхъ всякому начинанію вообще, на судьбу этихъ начинаній чрезвычайно вредно повліяли коренные недостатки нашего общественнаго организма. Мы убѣждены поэтому, что безъ настойчивой борьбы противъ этихъ органическихъ недостатковъ нашего общества невозможно разсчитывать на счастливую развязку какого-либо важнаго общественнаго вопроса. Сущность нашей общественной болѣзни можно выразить коротко и ясно: *мы не имѣемъ гражданскаго духа.* Въ нашемъ многомилліонномъ отечествѣ много умныхъ, дѣльныхъ, талантливыхъ людей; еще болѣе людей ловкихъ, умѣющихъ искусно устраивать свои личные и семейные интересы. *Но гражданъ у насъ нѣтъ;* въ этомъ нашъ тяжкій грѣхъ. Заботливаго хозяина, предпріимчиваго купца,

чиновнаго капиталиста — нетрудно встрѣтить у насъ. Въ этомъ отношеніи русскій человѣкъ не дремлетъ и способенъ иногда, безъ особеннаго риска, соперничать съ европейцемъ. Не много требуется духовныхъ силъ, чтобы удовлетворить чувству себялюбія. Лисица тоже настойчиво и неутомимо тащитъ въ свою нору то, что ей потребно. Но изъ такого матеріала не построишь крѣпкаго общественнаго тѣла. Личный интересъ, понимаемый узко, никогда не въ состояніи послужить связующимъ цементомъ. „Моя изба съ краю — я ничего не знаю" — вотъ искренняя гражданская философія русскаго человѣка вообще. Эта философія обращаетъ общество въ безчисленное множество отдѣльныхъ себялюбивыхъ мірковъ, изъ силы и единства дѣлаетъ безконечную расшатанность и рыхлость. Россія уже не разъ въ теченіе своей исторіи расплачивалась сторицею за этотъ зоологическій принципъ, недостойный человѣчества. Удѣльная рознь, татарщина, смуты XVII столѣтія — все кровныя дѣти этого принципа. Эти историческія бѣдствія постигли нашъ народъ именно за его привычку, при всякой опасности, *„брести врозь"*, вмѣсто мужественной и дружной борьбы противъ нея. Подъ впечатлѣніемъ этихъ гибельныхъ событій, народъ, глубоко потрясенный своими несчастіями, невольно воскрешалъ въ себѣ чувство братскаго единенія и съ помощью его не только успѣвалъ отстаивать самостоятельность, но и каждый разъ еще все сильнѣе упрочивалъ свое политическое единство. Этого сознанія своего единства достало народу на то, чтобы сомкнуться вокругъ единаго верховнаго вождя, которому онъ ввѣрилъ свои общественныя судьбы. Но сознанія этого не хватило на то, чтобы видѣть свой собственный интересъ въ каждомъ ежедневномъ дѣйствіи каждой общественной стихіи. Уповая на власть, руководившую его государственною жизнью, народъ безъ вниманія и интереса отнесся къ окружавшимъ его явленіямъ общественной жизни, которыя, несмотря на кажущуюся мелочность свою, въ сущности были для него важнѣе многихъ крупныхъ фактовъ политической жизни. Народъ погрязъ въ подробностяхъ личной жизни, забывъ, что она не можетъ быть изъята изъ-подъ вліянія общественныхъ условій, и понесъ за это забвеніе тяжкое наказаніе. Онъ очутился вдругъ бѣднымъ и неумѣлымъ среди другихъ народовъ, у которыхъ онъ увидѣлъ просвѣщеніе и благосостояніе. Тогда грѣхъ народа, грѣхъ его исторіи, вдругъ сдѣлался очевиденъ до осязательности, какъ нагота Адама послѣ его паденія. Всѣмъ стало ясно, что нужно искать немедленнаго спасенія, выхода; что нужно усиленно наверстывать упущенное, догонять тѣхъ, отъ кого далеко отстали. Библейская вѣра въ *„мѣднаго змія"* не исчезла до сихъ поръ. Поставили, какъ во времена Моисея, мѣдныхъ зміевъ, и мы взирали на нихъ

съ убѣжденіемъ, что одинъ взглядъ на змія — спасетъ насъ отъ угрожающихъ бѣдъ. Освобожденіе крестьянъ, гласный судъ, земство — все это были наши *„мѣдные змiи“*. Предполагали, что черезъ нихъ спасеніе придетъ само собою, безъ всякаго труда и борьбы съ нашей стороны; что свободный крестьянинъ самъ собою сдѣлается такимъ же образованнымъ, какъ американецъ Массачусетса, что земство сразу откроетъ намъ непочатыя сокровища, что неправда сама покинетъ страну, гдѣ возсіяло солнце гласнаго суда. Но на дѣлѣ вышло, конечно, не то; и иного не могло выдти, потому что въ народномъ организмѣ сидѣлъ глубоко старый грѣхъ. Самая главная и самая ранняя реформа прошла счастливѣе всѣхъ: потрясеніе народнаго сознанія было еще тогда свѣжо и сильно, и возбужденный общественный духъ работалъ съ необычнымъ ему порывомъ. Но чѣмъ дальше, тѣмъ реформы принимались холоднѣе и вялѣе и выливались практикою въ формы, все ближе походившія на старые образцы. Можно даже сказать, что новыя учрежденія стали во многихъ отношеніяхъ опаснѣе старыхъ. Старыя были разсчитаны на несовершенство своихъ органовъ и ограждены цѣлою системою недовѣрія. Новыя были, напротивъ того, разсчитаны на гораздо болѣе самостоятельную, гораздо болѣе просвѣщенную и гораздо болѣе добросовѣстную дѣятельность своихъ органовъ. Органы эти становились, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, на недосягаемой высотѣ и, въ случаѣ злонамѣреннаго или невѣжественнаго характера своей дѣятельности, являлись положительною опасностью для общества. Съ одной стороны, законодатель предполагалъ среду, способную къ внимательному наблюденію за своими общими интересами и имѣющую неотразимое вліяніе на отдѣльные органы общественной жизни. Въ этой средѣ онъ видѣлъ самый естественный регуляторъ всѣхъ возможныхъ на практикѣ уклоненій этихъ органовъ отъ пути, начертаннаго закономъ. Съ другой стороны, въ самыхъ органахъ этихъ законодатель предполагалъ, какъ непремѣнное условіе, тонко развитое чувство нравственной отвѣтственности и горячій интересъ къ дѣлу, имъ близкому.

Избирательное начало, положенное въ основу новыхъ учрежденій, казалось обезпечивало за органами общественной дѣятельности именно такой характеръ, такъ какъ безъ подобнаго характера ихъ никакое новое учрежденіе не могло достигнуть своей цѣли. Эти предположенія законодателя встрѣтили на дѣлѣ элементы, которые не входили въ его разсчетъ. Безучастіе къ общественнымъ дѣламъ оказалось повальное. Пословица: *«общее дѣло — ничье дѣло»*, осуществлялось повсюду. Извращеніе на практикѣ мысли законодателя, злонамѣренное или безсознательное, не встрѣчало отпора въ обще-

ственной средѣ. Общество, непривыкшее руководить своими дѣлами, потеряло внутреннее сознаніе своего права судить дѣйствія своихъ агентовъ, контролировать и направлять ихъ, хотя законъ и давалъ ему въ руки это право. Не вѣря въ свое право требовать отвѣтственности отъ другихъ, мы точно также потеряли и чувство собственной отвѣтственности; оттого общественными дѣлами, общественными средствами у насъ до сихъ поръ управляютъ съ неслыханною безцеремонностью и небрежностью. Группы и отдѣльныя лица, стоящія на болѣе просвѣщенной точкѣ зрѣнія, силящіяся внести въ веденіе общественныхъ дѣлъ болѣе строгую отвѣтственность и отчетность, обыкновенно исчезаютъ въ громадномъ большинствѣ людей, усвоившихъ себѣ иныя привычки. Въ этомъ главная причина неудачи нашего земства, мировыхъ судовъ, крестьянскаго самоуправленія и пр.

Человѣку, незнакомому съ провинціею, трудно повѣрить, до какой степени пренебрегаютъ исполненіемъ своихъ обязанностей главнѣйшіе члены этихъ учрежденій. Громадное большинство мировыхъ судей производятъ разбирательства разъ или два въ недѣлю, а иногда и цѣлыя недѣли оставляютъ безъ разбирательства, черезъ что дѣла часто залеживаются у нихъ по нѣскольку мѣсяцевъ безъ всякой причины. Мировые посредники во многихъ уѣздахъ по 3 и по 4 мѣсяца не составляютъ съѣздовъ, внося неслыханную медленность въ движеніи крестьянскихъ дѣлъ; члены и предсѣдатели земскихъ управъ живутъ по деревнямъ, изрѣдка собираясь поболтать въ присутствіи, предоставляя теченіе земскихъ дѣлъ своимъ канцеляріямъ, и совершенно не зная дѣйствительнаго состоянія земскихъ интересовъ въ уѣздѣ. Общество все это знаетъ отлично и обо всемъ этомъ сплетничаетъ до-сыта. Но потребовать отчета въ такихъ дѣйствіяхъ — никто не осмѣливается, не считаетъ возможнымъ, да, признаться, никто и не желаетъ; не желаетъ главнымъ образомъ потому, что въ глубинѣ души чувствуетъ свою солидарность съ виновными, знаетъ хорошо, что онъ самъ дѣйствовалъ бы также, если бы былъ на ихъ мѣстѣ. Оттого не рѣдкость встрѣтить, что по нѣскольку лѣтъ сряду въ одномъ и томъ же уѣздѣ, на одну и ту же должность выбираютъ огромнымъ большинствомъ одно и то же лицо, про котораго нерадѣніе всѣ постоянно толкуютъ. И если вы возмущаетесь этимъ съ перваго взгляда, то, немного подумавъ, сообразивъ качества другихъ, могущихъ быть выбранными, сами согласитесь, что, пожалуй, иначе и поступить нельзя, потому что и всякій другой будетъ дѣйствовать почти также или еще хуже. Мнѣ нѣсколько разъ случалось участвовать въ земскихъ собраніяхъ при обсужденіи разныхъ неправильностей и злоупотребленій въ распо-

раженіи земскими деньгами; постоянно эти обсужденія кончались оправдательными приговорами, иногда самаго наивнаго характера.

Такъ, напр., одно очень цѣнное шоссе было снесено весеннею водою вслѣдствіе очевиднаго пренебреженія своей обязанности земскою управою. Избрана была коммиссія, которая должна была рѣшить: кто виноватъ въ этомъ дѣлѣ, управа ли, строитель шоссе, или подрядчикъ, взявшійся исправлять его; собраніе рѣшило, вопреки мнѣнію коммиссіи, что *„никто не виноватъ“*, вѣроятно, слѣдуя принципу M-me Staël: „tout comprendre—c'est tout pardonner“, [1]) и отвалило еще нѣсколько тысячъ земскихъ денегъ на устройство новаго шоссе.

Виноватыми, стало быть, оказались, какъ всегда, плательщики земскаго налога. Нѣкоторые оптимисты судятъ объ общемъ ходѣ нашихъ земскихъ учрежденій по просвѣщенной дѣятельности нѣкоторыхъ передовыхъ земствъ. Но такихъ очень немного сравнительно съ массою уѣздныхъ земствъ, пребывающихъ въ лѣни и неподвижности. Если бы какой-нибудь досужій наблюдатель захотѣлъ изслѣдовать на мѣстѣ истинное состояніе земскихъ дѣлъ, онъ бы былъ пораженъ ихъ застоемъ и безпорядочностью; онъ бы убѣдился, что цѣлыя трехлѣтія часто проходятъ безъ слѣда и плода, оплачивая дорого стоющій и ничего недѣлающій персоналъ; что нерѣдко земскія управы не имѣютъ вѣрныхъ свѣдѣній ни о количествѣ земли въ уѣздѣ, ни вообще о хозяйственномъ состояніи его, и ограничиваютъ всю свою дѣятельность отпискою по текущимъ бумагамъ и выполненіемъ обязательныхъ расходовъ. Уѣзды, въ которыхъ еще не думали заводить сельскихъ школъ, не новость у насъ. Уѣзды, въ которыхъ съ помощью сосредоточенія мѣстной власти въ рукахъ одного лица многія земскія повинности отбываются одними крестьянами—также не рѣдкость. Земскія деньги идутъ тамъ обыкновенно на различныя почетныя стипендіи, на пособія разнымъ лицамъ, почему-то нуждающимся въ пособіи изъ тощей мужицкой мошны, на крупныя жалованья, на гимназіи мужскія и женскія, недоступныя крестьянскому плательщику, иногда на гарантію безполезныхъ желѣзныхъ дорогъ, а между тѣмъ крестьяне отправляютъ натурою подводную, постойную и дорожную повинность, и могутъ, если хотятъ, на свой же счетъ заводить для себя школы. Въ такихъ уѣздахъ земскія учрежденія должны представляться нашему мужичку весьма мудреною выдумкою. А кто виноватъ во всемъ этомъ? Разумѣется, не законодатель, не учрежденія:—виновата кругомъ нравственная вялость общества, не выработавшаго для себя строгихъ

[1]) Кто все понимаетъ—тотъ прощаетъ все.

правилъ дѣйствія и твердаго убѣжденія, общества, не смѣющаго предъявлять своихъ требованій къ органамъ, имъ же назначеннымъ, и отъ него зависящимъ. Приказчики и слуги общества—вслѣдствіе такой нравственной дряблости его—становятся его безконтрольными распорядителями и всячески помыкають его интересами.

Такой порядокъ дѣлъ дѣлаетъ для насъ невыгодными самыя плодотворныя реформы. Земство ложится новымъ тяжкимъ налогомъ, новый гражданскій судъ становится еще болѣе сложнымъ и болѣе недоступнымъ, чѣмъ старый, подавляя небогатаго человѣка разорительною практикою адвокатовъ и нотаріусовъ, черезъ сѣть которыхъ не долѣзешь до суда. Безспорныя, вовсе не-тяжебныя дѣла, какъ утвержденіе въ правахъ наслѣдства послѣ родного отца, продажа и купля ничтожныхъ по цѣнѣ имуществъ, все это сдѣлалось предметомъ такой эксплуатаціи со стороны адвокатуры и нотаріата, что бѣдному человѣку всего выгоднѣе бросать подобныя дѣла, не начиная. Что прежде, въ царство уѣздныхъ судовъ и взятокъ, стóило 5 руб., то теперь, при нотаріусахъ, адвокатахъ и гласномъ судѣ, стóитъ 500 рублей! Казалось бы обществу естественно требовать, чтобы за всѣ его траты на блестящую обстановку суда, на роскошное обезпеченіе со стороны общества множества новыхъ должностей, на почетъ съ его стороны этимъ должностямъ—новый судъ во всѣхъ своихъ органахъ—главныхъ и второстепенныхъ,—сталъ его дѣятельнымъ и внимательнымъ слугою, а не бралъ на себя роли какого-то олимпійскаго ареопага, недоступнаго будничнымъ интересамъ смертныхъ, преклоняющихся предъ его величіемъ. Но общество опять не смѣетъ и не умѣетъ требовать, общество и здѣсь по старой привычкѣ само наровитъ своихъ слугъ обратить себѣ въ господъ, считая себя въ ихъ полной власти, а не ихъ въ своей. Никакой Солонъ не въ состояніи придумать такого законодательнаго механизма, который бы могъ дѣйствовать на благо общества безъ дѣятельнаго участія самого общества, который бы замѣнилъ зубчатымъ колесомъ или статьею кодекса нравственную энергію живого человѣка. Пока мы не встанемъ всѣми нашими силами на борьбу противъ этой губящей насъ внутренней язвы—не только всесословная волость, но и тѣ общественныя учрежденія, которыми мы уже владѣемъ, будутъ приводить насъ къ одному отрицательному результату.

Спасеніе наше въ нашей собственной бодрости, *въ осмысленіи нашего духа*. Слова поэта-философа: „Osez! Le progrès est à ce prix“ [1]) неопровержимая истина. Но для поднятія нашего гражданскаго духа въ обществѣ *необходимы характеры*. Узкая сфера личныхъ интере-

---

[1]) Дерзайте! прогрессъ добывается только этою цѣною.

совъ, въ какой мы жили такъ долго, и полное устраненіе наше отъ интересовъ высшаго порядка, т.-е. интересовъ общества и государства, измельчило и опошлило характеры.

Подумаешь, у насъ въ Россіи имѣешь дѣло не съ характерами, не съ страстями живыхъ людей, а съ какими-то ватошными чучелами, которыхъ можно передвигать и сжимать безъ всякаго обратнаго воздѣйствія съ ихъ стороны. Упругости ни въ чемъ: ни въ напорѣ, ни въ отпорѣ. Правда, случается иногда, что чувствуется тяжесть, и что эта тяжесть даже раздавливаетъ, опрокидываетъ; но все-таки эта тяжесть бездѣйствующей массы, механическая тяжесть огромнаго вялаго количества, а не энергическое напряженіе организма, исполненнаго жизненныхъ силъ. Этою особенностью нашихъ національныхъ свойствъ можно отчасти объяснить разницу исторіи Россіи съ исторіями западныхъ государствъ, въ родѣ Англіи, Швейцаріи и т. п. Можно бы сказать, что на историческомъ характерѣ нашего народа отразился во всей полнотѣ характеръ той рыхлой почвы, расплывающейся подъ дождемъ, трескающейся отъ солнца, застывающей отъ мороза, почвы, неимѣющей опредѣленныхъ очертаній въ протяженіи своемъ и опредѣленной формы въ отдѣльныхъ частяхъ, на которой издревле разсѣлось русское племя; точно такъ какъ каменные, строго очерченные утесы Швейцаріи, неподдающіеся капризамъ стихій, выражаютъ нравственную стойкость и упругость швейцарскаго горца, съумѣвшаго сдѣлаться свободнымъ и богатымъ вопреки всѣмъ препятствіямъ своего историческаго и географическаго положенія.

У насъ нѣтъ характеровъ—это приговоръ страшный, но не преувеличенный. Можно добыть все, можно все и скоро улучшить. Но легко ли добыть характеры, если ихъ нѣтъ въ народѣ? Тутъ самый запутанный circulus viciosus. Сама борьба добыванія уже требуетъ, чтобы характеры были на лицо, иначе мало шансовъ для борьбы. Англичане, швейцарцы, американцы, древніе римляне, всѣ они добыли себѣ постепенно силу, богатство, образованіе, но всѣ они начали историческую борьбу, обладая орудіемъ борьбы. Не умѣя подписывать своего имени, бароны Англіи съумѣли настоять на Великой Хартіи; не имѣя университетовъ и академій, пастухи съ озера 4-хъ кантоновъ съумѣли утвердить у себя самоуправленіе и равенство; земледѣльцы Америки, задавленные такимъ же физическимъ трудомъ, какъ и наши крестьяне, съумѣли вести войну съ сильнѣйшею націею въ мірѣ и свергнуть съ себя господство этой націи. Римлянинъ завоевалъ половину Европы, будучи еще грубымъ неучемъ, почти невыходя еще изъ суровыхъ привычекъ жизни естественнаго

человѣка. У всѣхъ этихъ народовъ были характеры, и исторія сохранила намъ ихъ образцы.

Часто мы хвастаемся, что у насъ самыя коренныя реформы народной жизни проходятъ безъ борьбы, встрѣчаемыя единодушнымъ сочувствіемъ, и сопоставляемъ съ этими безкорыстными отношеніями своими къ общественному интересу ту шумную и отчаянную борьбу, какая подымается между партіями или сословіями въ Англіи, Франціи и др., по поводу самыхъ законныхъ и настоятельно необходимыхъ измѣненій общественнаго устройства. Мы охотно ссылаемся на безпощадную рабовладѣльческую войну просвѣщенныхъ американцевъ, на исторію англійскихъ хлѣбныхъ законовъ, ихъ избирательныхъ правъ, равноправности евреевъ и католиковъ и разныхъ другихъ соціальныхъ вопросовъ англійской жизни. Тамъ мы видимъ передовыхъ мыслителей и политическихъ дѣятелей, упорно отстаивающихъ очевидную для всѣхъ неправду, между тѣмъ какъ мы, мнимые варвары, единодушно отказываемся отъ трехсотлѣтнихъ своихъ правъ, обезпеченныхъ закономъ и, не раздумывая, разрушаемъ собственными руками свое благосостояніе во имя святыхъ правъ человѣка. Въ земскомъ собраніи, на судѣ присяжныхъ, бывшій владѣлецъ спокойно садится рядомъ съ своимъ бывшимъ крѣпостнымъ, между тѣмъ какъ давно ли утонченное дворянство передовой Франціи заставляло представителей третьяго сословія стоять безъ шапокъ и въ темномъ платьѣ въ своемъ блестящемъ присутствіи.

Англійская аристократія, играющая въ свободу съ народомъ, до сихъ поръ ревниво охраняетъ свои средневѣковыя права, обезземеливъ крестьянина, закабаливъ работника. А мы съ восторгомъ шлемъ адрессы, когда оказывается надобность для блага страны распространить на наши привилегированныя сословія рекрутскую и податную повинность. Мы не поднимаемъ, какъ нѣкогда Гемпденъ, шума изъ-за 20-ти шилинговъ налога не указаннаго въ законѣ, а при первомъ заявленіи намъ становымъ приставомъ окладного листа безропотно уплачиваемъ свои 10½ коп. съ десятины въ государственный поземельный сборъ.

Признаюсь, въ этихъ похвальбахъ я вижу весьма много страннаго.

Совершенная правда и большое счастіе, что великія соціальныя реформы нынѣшняго царствованія, сдѣлавшія изъ него величайшую историческую эпоху, проводятся у насъ почти безпрепятственно. Какъ горячіе приверженцы этихъ правительственныхъ реформъ, мы въ высшей степени довольны такимъ спокойнымъ теченіемъ дѣла, и желаемъ навсегда его продолженія. Но мы настаиваемъ, что наша добрая воля тутъ не при чемъ; что мы сами обрисовываемся въ исторіи этихъ реформъ далеко не въ лестномъ свѣтѣ.

Судьба этихъ реформъ доказала не наше сочувствіе къ нимъ, а наше совершенное сословное и общественное ничтожество. Мы всѣ ворчали, дулись, приходили въ малодушное отчаяніе и поминали сторонниковъ реформъ самою искреннею руганью. Вотъ какъ мы встрѣчали реформы за кулисами нашей жизни, въ ея халатной, т.-е. дѣйствительной, обстановкѣ. Но разъ доходило дѣло до мундирной стороны, разъ приходилось выступать на сцену, — халатное будированіе, чувствуя свое безсиліе, чувствуя всякое отсутствіе связи и системы между своими отдѣльными вспышками, неумѣвши заранѣе уяснить и оградить своихъ интересовъ общими усиліями всѣхъ къ нимъ причастныхъ,—квасилось и лгало само на себя, поневолѣ притворяясь великодушнымъ и либеральнымъ. *Характеровъ не оказалось;* стало быть, неоткуда было взять смѣлости — объявить свою думу со всею откровенностью. У болѣе искреннихъ хватило, правда, духу въ сквозныхъ намекахъ высказать истинный взглядъ большинства. Такіе смѣльчаки сейчасъ же попали въ мѣстные герои, чуть не въ Гарибальди, и отпоръ корпораціи поспѣшилъ ограничиться такою школьною бравадою, какъ вполнѣ удовлетворяющею корпоративному самолюбію, въ границахъ благоразумія. Спрашивается, чѣмъ же похвалиться намъ? Развѣ реформы были совершены по нашему самостоятельному замыслу или проведены были нами съ борьбою черезъ всякія препятствія? Вся наша заслуга въ томъ, что мы вó-время поняли свое безсиліе и вó-время смирились предъ необходимостью. Если бы было иначе, зачѣмъ намъ было ждать обязательныхъ распоряженій власти; зачѣмъ мы не пошли на встрѣчу гуманнымъ предположеніямъ правительства, и сами не навели его на тотъ плодотворный путь, которымъ идетъ теперь настоящее царствованіе? Неужели только назначеніе коммиссіи о военной реформѣ вдругъ раскрыло намъ глаза на несправедливое распредѣленіе повинностей въ нашей общественной средѣ, а до того мы и не догадывались объ этомъ? Адрессы, посыпавшіеся по этому случаю, были вполнѣ умѣстны и вполнѣ заслужены тѣми, кому принадлежалъ замыселъ. Но эти адрессы—въ то же время приговоръ тѣмъ, кто посылалъ ихъ. Тутъ нужно предположить или слѣпоту — молъ, мы не понимали до сихъ поръ всей несправедливости существующаго порядка—или неискренность—дѣтское желаніе притвориться, что я даю самъ, когда приходится отдавать.

Я не сочувствую отъ всей души партіямъ ультрамонтановъ, легитимистовъ, юнкеровъ, но я съ уваженіемъ смотрю на ихъ прочную организацію и на ихъ энергическую дѣятельность во время борьбы за свой принципъ. Съ такими партіями дѣйствительно нужно считаться, и ихъ вражда какъ ихъ союзъ, имѣютъ огромное значеніе въ

игрѣ общественныхъ стихій. Все практическое, все что хочетъ имѣть право на будущность, на побѣду, неминуемо должно быть сплочено въ такой боевой порядокъ и проникнуто такою энергіею характера.

Іезуитизмъ — наслѣдственный и древній врагъ современной цивилизаціи—наглядно учитъ насъ, до какой страшной силы можетъ достигнуть организація. Горсть людей, связанныхъ другъ съ другомъ въ крѣпкую и хорошо разсчитанную систему, оказалась способною ворочать по своему произволу судьбами цѣлыхъ обществъ и государствъ, какъ система умно сопоставленныхъ маленькихъ зубчатыхъ колесъ ворочаетъ огромными бездѣйствующими тяжестями. Что же намъ дѣлать, чтобы выдти изъ этого ложнаго круга, чтобы воспитать въ себѣ гражданскій духъ и способность сильной общественной организаціи, когда у насъ нѣтъ характеровъ, необходимыхъ для этого перевоспитанія?

Прежде всего, кажется, нужно глубокое сознаніе необходимости этого перевоспитанія самихъ себя, сознаніе, которое бы дало намъ силы стряхнуть съ себя апатію и нравственную робость, одушевило бы насъ жаждою болѣе счастливаго и достойнаго жребія. Безъ такого внутренняго возбудительнаго толчка не совершалась и не совершится ни одна глубокая реформа общественной жизни. Психическое возрожденіе необходимо должно сопутствовать возрожденію внѣшнихъ учрежденій, и если оба эти возрожденія не идутъ рядомъ, то послѣднее всегда оказывается мертворожденнымъ. Въ этомъ-то и заключается истинный смыслъ мудраго евангельскаго изреченія: *не наливайте вина новаго въ мѣхи старые.* Минуты спасительнаго раскаянія и одушевленія бываютъ необходимы въ жизни народовъ, какъ они необходимы въ жизни отдѣльныхъ людей. Какъ Магдалина, народъ долженъ быть потрясенъ до сокровенной глубины своего существованія, чтобы имѣть силу совершить поворотъ съ пути грѣха на путь правды. Наша Россія еще недавно пережила такую минуту душевнаго потрясенія послѣ Севастопольскаго погрома, и минута эта сдѣлалась для нея дѣйствительно спасительною, дѣйствительно дала ей силы совлечь съ себя ветхаго человѣка и смѣло ступить на новый путь. Но, къ сожалѣнію, эта минута одушевленія продолжалась не такъ долго, какъ было нужно, — и оттого результаты ея не соотвѣтствовали надеждамъ. Въ исторіи каждаго народа памятны эти великія минуты перерожденій. Пруссія испытала ее въ годину Іены, до-петровская Русь въ 1612 году. Итакъ, одно жгучее сознаніе опасности, по мнѣнію нашему, можетъ возбудить общество къ дѣйствительной работѣ надъ спасеніемъ своей собственной судьбы и обратить его энергію противъ главнѣйшихъ условій своего безсилія. Мы далеки отъ мысли анализировать въ бѣглой журнальной

статьѣ такой трудный и сложный вопросъ, какъ причины безхарактерности нашего общества и бѣдности нашего гражданскаго духа. Но мы не можемъ не остановиться на одномъ явленіи, которое, по нашему мнѣнію, во всякомъ случаѣ имѣетъ важное значеніе въ этомъ вопросѣ.

Мы говоримъ о лживости нашего общественнаго воспитанія, объ отсутствіи среди насъ вѣры въ то, что сами мы дѣлаемъ и говоримъ, о намѣренно-притворной постановкѣ нами многихъ существенныхъ вопросовъ общественной жизни. Лживость эта проявляется на каждомъ шагу, въ пустыхъ и въ серьёзныхъ вещахъ. Но мы рѣдко останавливаемъ на ней свое вниманіе, рѣдко бываемъ способны отнестись объективно къ болѣзненной атмосферѣ, въ которой сами сидимъ.

Человѣкъ лжетъ и цѣлое общество лжетъ, воздавая почетъ и хвалу тѣмъ именно идеаламъ, въ которыхъ совершенное отрицаніе его собственнаго принципа дѣятельности. Общество, въ которомъ бы царилъ откровенный культъ корысти было бы почтеннѣе того, въ которомъ это царствованіе прикрывается дешевымъ благоговѣніемъ ко всему противоположному. Въ жизни, напр., мы дѣйствительно благоговѣемъ только передъ „*бракамиразумными*“ (mariage de raison), то-есть браками, гдѣ капиталъ, выражаемый нашею дочерью или нашимъ сыномъ, помѣщается на выгодныхъ условіяхъ, съ дѣловой точки зрѣнія, безъ всякаго отношенія къ различнымъ идеологическимъ вопросамъ. Такой взглядъ можетъ имѣть свое дѣловое основаніе, убѣдительное для огромнаго большинства — и съ этой точки зрѣнія, его нечего и оспаривать. Но къ чему же мы, проповѣдующіе и практикующіе этотъ взглядъ съ самою почтенною настойчивостью, въ то же время играемъ и другую фальшивую игру: считаемъ, напр., нужнымъ восхищаться разными Юліями и Гретхенъ — въ операхъ, драмахъ и картинахъ; тратимъ значительныя деньги на то, чтобы и для дѣтей нашихъ не осталась необъясненною какая-нибудь подробность художественнаго и нравственнаго совершенства этихъ поэтическихъ образовъ, не только чуждыхъ, но прямо враждебныхъ нашей дѣйствительной жизни.

Мы тутъ понапрасну напускаемъ туману на своихъ юношей; эта безцѣльная ложь причинила уже много роковыхъ столкновеній, разочарованій и жертвъ.

Строго говоря, все наше образованіе основано на подобной лжи. Съ дѣтства пріучаютъ насъ восторгаться самостоятельною мудростью Сократа, смѣло отрицающею предразсудки вѣка, республиканскимъ героизмомъ грековъ и римлянъ, неподкупностью и простотою жизни разныхъ Аристидовъ, Катоновъ и Цинцинатовъ; пріучаютъ для того, чтобы послѣ преслѣдовать въ насъ именно эти самые вкусы и указывать, какъ на идеалъ практической жизни, на тѣхъ именно, кто

наглѣе другихъ топчетъ въ грязь принципы образцовъ, навязанныхъ намъ школою.

Религія не составляетъ нисколько исключенія. Религія вездѣ выставляетъ для подражанія образцы независимости духа, беззавѣтной правдивости, борьбы за идеалъ противъ рутины и невѣжества. Героями религіи не бываютъ человѣкоугодники, льстивые искатели выгодъ, фальшивые смиренники, напротивъ того, они всегда обличители, страдальцы за правду. Поклоняясь ихъ памяти, чествуя ихъ подвиги, мы опять глупо лжемъ, потому что въ сущности ненавидимъ ихъ принципы и осуждаемъ ихъ словомъ и дѣломъ. Если бы эти подвижники были нашими современниками, нѣтъ никакого сомнѣнія, что мы бы преслѣдовали ихъ какъ враговъ и окрестили бы ихъ какимъ-нибудь позорнымъ сектантскимъ именемъ.

Въ послѣднее время, напр., по примѣру Европы, мы стали большіе охотники до юбилеевъ всякаго рода. Прославляютъ память чужихъ и своихъ, Шиллеровъ и Ломоносовыхъ, Петровъ и Гуссовъ. Тратятъ деньги, говорятъ рѣчи, ѣдятъ и пьютъ—и всякій увѣренъ, что совершаетъ жертву во имя цивилизаціи. Въ этихъ празднованіяхъ глубокій комизмъ. Шиллеръ, несмотря на его сентиментальность — поэтъ чисто-революціоннаго духа, пропитанный тѣмъ же вожделѣніемъ естественнаго общественнаго строя, какъ Руссо и его политическіе послѣдователи 93 года.

Гуссъ—глава еретиковъ, крамольникъ противъ церкви и государства, удостоенный всенароднаго сожженія. И вдругъ мы, общество трусливыхъ филистеровъ, боящееся малѣйшей зыби на поверхности нашихъ стоячихъ водъ,—ликуемъ по поводу такихъ героевъ прошлаго!

Также мало позволяемъ мы внѣдряться въ нашу дѣйствительную жизнь и религіи. Приличіе и благоразуміе требуютъ, чтобы мы посѣщали православную церковь, для назиданія нашимъ примѣромъ простого народа, дѣтей, подчиненныхъ, и вообще для охраненія спасительныхъ общественныхъ началъ. Мы продѣлываемъ, правда, съ умѣренностью, всѣ требуемыя процедуры и считаемъ, что съ выходомъ изъ церкви исполнили всѣ обязанности православнаго; весь же ходъ нашей дѣйствительной жизни отъ начала до конца противорѣчитъ основнымъ требованіямъ той самой религіи, которой послѣдователями и поборниками мы себя считаемъ. То религія, а то жизнь; одно нужно въ церкви, другое для домашняго обихода.

Такая лживость весьма серьёзная черта нашего современнаго образованія; ложь коренится не только въ нравственныхъ идеалахъ нашего образованія, но и въ чисто-умственныхъ элементахъ его. Мы знакомимъ своихъ дѣтей со всѣми выводами астрономіи, физической географіи, физики, химіи; хлопочемъ вкоренить въ ихъ разумъ без-

ошибочные пріемы строго научнаго мышленія и рядомъ съ этимъ вдругъ требуемъ, чтобы они принимали на слѣпую вѣру такія ученія, которыя опровергаютъ отъ A до Z всѣ выводы наукъ; малѣйшее дѣйствительное поползновеніе юноши стать на ту точку зрѣнія, на которую мы такъ усиленно наталкиваемъ его, на точку зрѣнія безпристрастнаго изслѣдованія вопросовъ, наиболѣе интересующихъ человѣка, — встрѣчается нами какъ явленіе безнравственное, вредное, свидѣтельствующее о гибельномъ направленіи нашего юношества. Такимъ образомъ изъ школы можетъ устроиться систематическій очагъ лжи, которую нужно отбрасывать тотчасъ же по вступленіи въ дѣйствительную жизнь. Въ школѣ, или, говоря обширнѣе, въ теоріи, мы играемъ въ куклы. Мы притворяемся на нѣсколько часовъ вѣрующими, что деревянная лошадка бѣгаетъ, что оловянный солдатикъ стрѣляетъ, но, конечно, сами собою должны понять, что какъ скоро кончается игра, фантазію нужно прибрать къ мѣсту вмѣстѣ съ куклами.

Результатъ такого положенія дѣла очевиденъ. Когда одна половина жизни діаметрально противорѣчитъ другой, то это все равно, что расколоть жизнь человѣка пополамъ. Расколотую жизнь вы видите у насъ сплошь да рядомъ. Юность проходитъ въ томъ, чтобы подкапывать будущій фундаментъ зрѣлаго человѣка; зрѣлость наступаетъ для того, чтобы осмѣять и прировнять къ нулю всѣ помыслы, всю благородную борьбу юности за ея идеалъ. Когда человѣкъ убѣдится, что его надували въ теченіе лучшей половины его жизни, выдавая миражъ за дѣйствительность, онъ по-неволѣ изверится, станетъ скептикомъ по внутреннему убѣжденію, циникомъ въ практикѣ, а на словахъ—разумѣется—тѣмъ, что окажется нужнымъ по спросу дня. Мы получаемъ такой продуктъ, какой готовимъ: ни хуже, ни лучше; а между тѣмъ удивляемся и даже скорбимъ о нравственномъ безсиліи нашихъ общественныхъ стихій, словно мы вправѣ были ожидать отъ своихъ усилій чего-то совершенно иного? Мы устроили все дѣло общественнаго воспитанія такъ, чтобы лишить его практической силы, чтобы принципы этого воспитанія пребывали себѣ спокойно и неизмѣнно въ институтскихъ тетрадкахъ или гимназическихъ учебникахъ, не касаясь дѣйствительной жизни, и ни къ чему не обязывая ее: вѣдь носятъ же въ институтахъ зеленыя платья съ бѣлыми передниками, а въ гимназіяхъ курточки съ свѣтлыми пуговицами, и однако, по выходѣ изъ заведенія, никто не останется ни въ бѣломъ фартучкѣ, ни въ гимназической курткѣ. Всякій возрастъ имѣетъ свою одежду и—свои принципы.

Впрочемъ, я уже оговорился, что не въ одной школѣ, не для одного дѣтскаго возраста своего мы сохраняемъ принципы, которые

съ чьей-то легкой руки принято считать моральными. И въ зрѣлой жизни современнаго человѣка есть цѣлая сторона, которой предоставляется безпрепятственно пробавляться тѣми же идеями. Эта декоративная сторона жизни — существующая для гостиныхъ, для газетъ, для общественнаго мнѣнія—заключаетъ въ себѣ наши отношенія къ разнымъ невиннымъ вещамъ, въ родѣ науки, литературы, религіи, общественной пользы и т. п. Все, что мы говоримъ и дѣлаемъ по этому поводу, считается ничѣмъ не связаннымъ съ нашими остальными серьёзными дѣйствіями. Это какъ-бы продолженіе нашего любезнаго дѣтства, добровольныя иллюзіи, которыми позволительно тѣшить себя послѣ суровыхъ трудовъ дѣйствительной жизни. Что общаго между ними и правилами нашей житейской мудрости?

Такимъ образомъ, жизнь нашего современнаго человѣка слагается изъ нѣсколькихъ, совершенно отдѣльныхъ элементовъ, неимѣющихъ между собою никакой солидарности; человѣкъ пріучается продѣлывать разные обряды и исповѣдывать различныя вѣрованія, не вѣря ни въ тѣ, ни въ другія, не затрачивая на нихъ малѣйшей доли искренности. Въ результатѣ получается человѣкъ-машина, способный, пожалуй, ловко эксплуатировать свои ближайшіе интересы, но совершенно неспособный къ высшимъ формамъ общественной жизни. Общество, сплошь состоящее изъ такихъ людей, было бы осуждено на разложеніе; это уже былъ бы не цѣлый общественный организмъ, а скопленіе въ одной кучѣ множества эгоизмовъ. Внутри ихъ нѣтъ связи, нѣтъ общаго жизненнаго узла. Когда римляне, утонченно-развитые, скептическіе, циническіе, ходили въ свои языческіе храмы поклоняться богамъ, въ которыхъ они давно не вѣрили, тогда цѣлое общество лгало передъ самимъ собою, и это общество было наканунѣ своей гибели. Накануне такой же катастрофы была недавно и Франція второй имперіи, со всею многостороннею ложью своего существованія.

Наблюдайте отдѣльнаго человѣка. Если онъ допускаетъ въ какой - нибудь сферѣ своей дѣятельности крупную ложь, то онъ напрасно льститъ себя надеждою воздержаться отъ лжи и въ другихъ сферахъ. Человѣку трудно бороться противъ собственнаго метода дѣйствій. Невозможно быть честнымъ на извѣстную пропорцію и безчестнымъ на остальную. Невозможно сегодня разрѣшить себѣ быть негодяемъ, а на завтра заказать себѣ геройскій подвигъ, какъ невозможно ожидать, чтобы краска, пущенная въ текущую воду, окрасила только одну струю. Вы еще властны воздержаться отъ извѣстныхъ поступковъ, но разъ вы допустили ихъ, они дѣлаются привычкою и овладѣваютъ вашею волей. Каждый, кто имѣетъ обычай дѣлать наблюденія надъ внутреннею жизнью людей, хорошо знаетъ,

какимъ жалкимъ безсиліемъ разрѣшаются попытки нетвердаго духа служить разомъ Богу и мамоннѣ; это ослѣпленіе на счетъ своихъ собственныхъ силъ, это незнакомство съ психологіею нравственнаго чувства встрѣчается особенно часто въ нашемъ обществѣ. Только этою слѣпотою и можно себѣ объяснить существованіе столь распространеннаго у насъ взгляда на нравственный характеръ поступковъ, взгляда, по которому нехорошее дѣло, совершенное въ строгой тайнѣ и безъ прямого вреда для другого, — уже не считается безнравственнымъ. А между тѣмъ ясно, что поступить безнравственно— это все равно, что въ сферѣ физической жизни принять внутрь ядовитое вещество. Знаетъ ли кто объ этомъ, или нѣтъ—разницы быть не можетъ; достаточно, что въ систему питанія введена разрушительная примѣсь. Эта примѣсь можетъ не оказать сразу убійственнаго дѣйствія, ее можно, пожалуй, принять и нѣсколько разъ съ кажущеюся безнаказанностью, но никто не будетъ сомнѣваться, что извѣстная сумма вреда произведена въ организмѣ, и что вопросъ только въ томъ, какъ велика должна быть эта сумма для рѣшительнаго обнаруженія своего характера. Когда бы въ обществѣ прочно утвердился такой взглядъ на психологическое вліяніе безнравственныхъ поступковъ, общественное воспитаніе, безъ сомнѣнія, много бы выиграло. Если же все сейчасъ сказанное справедливо по отношенію къ отдѣльному человѣку, то, конечно, оно не менѣе справедливо и по отношенію къ цѣлому обществу. Если двѣ-три крупныя стороны общественной жизни заражены, заражена вся жизнь. Если общество допускаетъ притворство и ложь въ одной сферѣ своей дѣятельности, оно невольно будетъ притворяться и лгать во всѣхъ сферахъ.

Мнѣ кажется, нашъ простой народъ въ этомъ отношеніи имѣетъ преимущество передъ нами, сословіемъ образованныхъ людей. Народъ имѣетъ много грубыхъ и ошибочныхъ теорій. Но всѣ эти теоріи онъ принимаетъ съ наивною искренностью дикаря. Для дѣтскаго и для зрѣлаго возраста, для дома и для площади — у него одни правила. Онъ бьетъ одинаково и сына и жену; онъ молится иконѣ съ тою же матеріальною вѣрою въ красномъ углу своей избы, какъ и передъ церковнымъ иконостасомъ. Вездѣ и во всѣхъ случаяхъ онъ послѣдователенъ самому себѣ, остается самимъ собою; въ немъ не отыщите двойственности, декоративныхъ разговоровъ, декоративныхъ поступковъ. Я думаю, что и нѣкоторые народы счастливѣе насъ въ этомъ отношеніи; можно довольно вѣрно классифицировать живучесть различныхъ гражданскихъ обществъ по степени цѣльности характеровъ, ихъ составляющихъ.

Искренняя и честная постановка воспитательнаго дѣла во всей его совокупности — первое, неизбѣжное условіе для нравственнаго

возрожденія народа. Общество въ этомъ дѣлѣ можетъ и должно сдѣлать болѣе, чѣмъ правительство, потому что общественное воспитаніе сильнѣе школьнаго. У насъ было въ модѣ преслѣдовать и ненавидѣть какой-то нигилизмъ. Но врядъ ли кто изъ враговъ нигилизма даетъ себѣ ясный отчетъ, что̀ такое этотъ нигилизмъ, столь его пугающій. Нигилисты—въ устахъ нашего общества—понятіе необычайно растяжимое; нигилистами называютъ у насъ людей самыхъ разнообразныхъ и самыхъ неподходящихъ качествъ, начиная отъ господъ, ворующихъ платки изъ кармана, до всякаго мыслящаго человѣка, въ чемъ-нибудь несогласнаго съ господствующимъ предразсудкомъ. Мы, съ своей стороны, признаемъ существованіе у насъ нигилизма и нигилистовъ, и признаемъ къ тому же безконечный вредъ ихъ для нашего общества. Только мы находимъ нигилистовъ весьма часто въ рядахъ тѣхъ, кто, по великому заблужденію, считаетъ себя ихъ природными врагами. Нигилизмъ, по нашему мнѣнію, есть отсутствіе вѣры во что бы то ни было, отсутствіе всякаго авторитета, всякаго принципа дѣйствій. Такой нигилизмъ можетъ носить на себѣ всевозможные ярлыки, даже ярлычки религіозности, православія, консерватизма и т. п. успокоительныхъ началъ; можетъ также рядиться въ науку, либерализмъ, сочувствіе къ народу и т. п. Вездѣ онъ останется самимъ собою. Нигилизмъ — есть разнузданное себялюбіе, незнающее ничего, кромѣ своихъ собственныхъ цѣлей; онъ не уважаетъ ничего, ничего не защищаетъ, не приноситъ жертвы ничему тому, что̀ не себялюбіе. *Лживое общественное воспитаніе служитъ естественнымъ и постояннымъ разсадникомъ нигилизма, потому что оно въ корнѣ подрываетъ авторитетъ истины.* Отсутствіе въ обществѣ гражданскаго духа, о которомъ мы сейчасъ говорили, и царящій въ немъ культъ личныхъ выгодъ служитъ самою благодарною почвою для разростанія этого разрушительнаго направленія. Только общественная идея можетъ сопротивляться ему и побороть его. Поэтому нигилизмъ нужно преслѣдовать не въ книгахъ ученыхъ и философовъ, искренно добивающихся истины, по мѣрѣ своихъ силъ, а въ ненормальныхъ условіяхъ общественной жизни, убивающихъ служеніе идеѣ, замѣняющихъ интересы человѣчества интересами отдѣльныхъ лицъ. Если мы подавляемъ взяточничество въ судахъ, произволъ въ администраціи,—мы утверждаемъ вѣру людей въ законъ, и этимъ возстановленіемъ авторитета побиваемъ нигилизмъ. Если лучшая часть общества, его таланты, его счастливцы, обращаютъ свои силы на пользу менѣе талантливыхъ и менѣе счастливыхъ—у людей является вѣра въ пользу этой лучшей половины своей; является новый авторитетъ — авторитетъ общественной заслуги, и нигилизмъ получаетъ новую смертельную рану въ этой но-

вой вѣрѣ и этомъ новомъ авторитетѣ. Иностранцы изумляются, что такое старческое и антисоціальное направленіе, какъ нигилизмъ, распространяется съ необыкновенной силой въ такой дѣвственно-молодой странѣ, какъ Россія. Но что же это значитъ? это значитъ, другими словами, то же самое, что мы говорили въ настоящей статьѣ: въ нашемъ обществѣ нѣтъ гражданскаго духа, а наше общественное воспитаніе исполнено лжи. Это внутренняя органическая причина болѣзни, а нигилизмъ только тотъ паразитный грибъ, который неизбѣжно появляется на гнилыхъ мѣстахъ организма, какъ признакъ разложенія и безсилія.

Воспитаніе народа совершается не въ одномъ дѣтскомъ и юношескомъ возрастѣ, не въ одной семьѣ или школѣ.

Поэтому и для возрожденія общества недостаточно сообщить истинный характеръ воспитанію въ тѣсномъ смыслѣ. Нужно, чтобы и школа взрослаго человѣка измѣнилась въ томъ же духѣ. Гдѣ же эта школа? Въ судѣ, въ земствѣ, во всей мѣстной жизни общества. Необходимо, чтобы и эта школа была устроена на началахъ полной искренности. Недовѣріе—самый безплодный воспитательный элементъ. Если признано необходимымъ вызвать самодѣятельность общества, возвысить въ немъ гражданскій духъ, создать независимые и крѣпкіе характеры—необходимо, чтобы это общество дѣйствительно работало самостоятельно, не для одного звука, не для одного вида. Необходимо строго ограничить предѣлы его дѣятельности, правъ и обязанностей; но въ этихъ предѣлахъ оно должно пользоваться полнымъ довѣріемъ и свободою. Оно въ состояніи выучиться самодѣятельности только путемъ свободнаго опыта, смѣлаго риска и неизбѣжныхъ ошибокъ. Опутанное же сѣтью подозрѣній и предостереженій, принужденное робко оглядываться по сторонамъ и спрашивать одобренія каждаго шага,—общество останется такимъ же безсильнымъ несовершеннолѣтнимъ младенцемъ, какимъ оно является теперь. Что-нибудь одно—или искренній опытъ общественной самодѣятельности, или строгая административная опека. Лучше худшее, но послѣдовательное и смѣлое, чѣмъ лучшее, но безъ вѣры, безъ выдержки, подкапываемое и задерживаемое на каждомъ шагу. Всякое неполное и связанное дѣйствіе лишается своего характера и силы. Ублюдки постоянно безъ плода. Нельзя въ одно и то же время идти впередъ и стоять на мѣстѣ. Нельзя безнаказанно дать законъ, разсчитанный на общую самодѣятельность, и установить для него практику, при которой общество должно бездѣйствовать. Должно сдѣлать разъ рѣшительный выборъ и уже затѣмъ оставаться вѣрнымъ своему рѣшенію. Общество, которое разсматривается государствомъ, какъ нѣчто постороннее, враждебное, чему нельзя довѣрить, зачѣмъ надо

сторожить съ подозрѣніемъ и связывать всякое движеніе, такое общество никогда не выростетъ. Узурпаторы въ родѣ Наполеона вынуждены такъ поступать изъ чувства самосохраненія, и они не много скорбятъ о злѣ, которое причиняетъ ихъ система. Въ странахъ же, гдѣ положеніе законнаго правительства, опирающагося на любовь, убѣжденія и привычки народа, совершенно незыблемо, разумѣется, система недовѣрія не можетъ имѣть никакой цѣли.

Если въ обычное мирное время общество не имѣетъ возможности вести свои дѣла сообща, безъ стѣсненій, если жители не смѣютъ свободно собраться послушать или поговорить, не смѣютъ откровенно выразить своихъ мнѣній путемъ печати и каѳедры, не смѣютъ своимъ собственнымъ почином учредить то, что считаютъ для себя полезнымъ — то странно разсчитывать, чтобы подобное общество могло обнаружить самостоятельную жизнь въ годину какой-нибудь великой народной нужды.

У насъ, по примѣру Европы, заводятъ и общество швейцарскаго креста и стрѣльбища для будущихъ вольныхъ стрѣлковъ; устраиваютъ различные комитеты попеченія, составляютъ адрессы по разнымъ случаямъ. Но все это не что иное, какъ *игра въ общественную дѣятельность, а не истинная дѣятельность общества*. Во всемъ тутъ дѣйствуютъ почти исключительно чиновники; всякое начинаніе и всякая пропаганда идетъ по вѣдомствамъ и инстанціямъ при посредствѣ канцелярскихъ бумагъ за №№-ми, прикомандировывается къ тому или другому департаменту и необходится безъ орденовъ и наградъ. Для выставокъ, отчетовъ, проектовъ, спичей, для представленія къ наградамъ, у насъ дѣйствительно и Америка, и Пруссія, и Швейцарія во-очію; а когда коснется до дѣла, до Севастополя, до польскаго возстанія, то канцелярское бумагомараніе и англоманскіе спичи остаются сами по себѣ, а горькая дѣйствительность сразу спѣшитъ напомнить все что́ угодно, только не Пруссію, не Англію.

Я довольно долго жилъ во Франціи, всего за нѣсколько недѣль до вторженія пруссаковъ. По книгамъ и по собственному наблюденію, я уже былъ знакомъ съ причинами внутренняго зла, разъѣдавшаго страну; я относился весьма несочувственно къ тогдашнему общему строю французской жизни и хорошо сознавалъ разницу между дѣйствительно сильнымъ устройствомъ нѣкоторыхъ другихъ европейскихъ обществъ и французскаго. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ я не могъ не поражаться, живя даже не въ городѣ, а въ деревнѣ, силою организаціи, дѣятельности, даже самостоятельности французскаго общества, сравнительно съ нашимъ. Таланты, образованіе, привычки и интересъ къ общественной дѣятельности, благоустройство и богатство, гордость и предпріимчивость націи—все это не могло быть

сравниваемо съ нашею ракитовою и соломенною Русью. И вдругъ— болѣе сильная общественная организація ворвалась во французскую и раздавила ее, несмотря на геройское сопротивленіе, несмотря на изумительную трату таланта и энергіи со стороны разгромленной Франціи. Меня ужаснуло это. Люди булгаринскаго патріотизма, забрасывающіе всѣхъ шапками, конечно, могли приписать паденіе Франціи обычному *„гніенію Запада“*, безнравственности *„новаго Вавилона“*, *„гидрѣ внутреннихъ раздоровъ“*, бушеванію соціалистическихъ партій и т. п. Всего этого я не буду отрицать и не буду даже разбирать. Все это я даже допускаю. Но эти крикуны-шовинисты не хотятъ признать, что если ту же строгость анализа приложить къ нашему обществу, то оно, пожалуй, тоже обрисуется въ глазахъ посторонняго наблюдателя, какъ общество неучей, бѣдняковъ и лѣнтяевъ всѣхъ видовъ.

Что будетъ, думалось мнѣ, если организація, подобная прусской, ворвется въ наше общественное тѣло? Гдѣ мы отыщемъ элементы сопротивленія? Мы знаемъ, что одинъ иностранецъ, заѣхавъ въ нашъ глухой уѣздный городъ, въ состояніи эксплуатировать его, несмотря на самыя невыгодныя для чужеземца условія. Знаемъ, что нѣтъ такого нищаго, который бы, зайдя въ Россію, какъ говорится, съ кнутикомъ, черезъ годъ-два не сталъ бы у насъ въ какое-нибудь весьма выгодное положеніе. Развѣ разсчитывать на тѣ силы, которыя губили когда-то персидскихъ царей, заходившихъ въ Скиѳію, на стихіи, пространство и время? Въ этомъ смыслѣ вполнѣ дикая Россія, Россія безъ желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ, полная лѣсовъ и болотъ, пожалуй, была непобѣдимѣе. Но Россія съ сѣтью желѣзныхъ дорогъ, обезлѣсенная, населенная иностранцами—стала гораздо доступнѣе аттакѣ цивилизаціи, чѣмъ даже она была въ 1812-мъ году. Современная военная наука дала средства наносить вѣрные, научно-разсчитанные удары и меньше зависѣть отъ расположенія враждебной страны. Теперь для борьбы съ наукою и общественною организаціею нужна такая же высокая наука, такая же строгая организація. Поэтому перерожденіе общественнаго строя есть для насъ вопросъ государственной безопасности, государственнаго могущества и славы. Перерожденіе это должно быть дѣйствительное, а не притворное, потому что судьбу не обманешь фразою.

Евг. Марковъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-ое мая, 1873.

Новый вопросъ о раскольникахъ.—Судебные примѣры.—Необходимость закона о юридическомъ бракѣ.—Отношеніе церкви къ расколу.—Отчетъ оберъ-прокурора Св. Синода за 1871 годъ.—Обращеніе и проповѣдь.—Духовныя училища и сборы.—Походъ въ Хиву и начало военныхъ дѣйствій.—Петербургское градоначальство.—Письмо гр. А. П. Шувалова въ редакцію.—«Впрочемъ».

Ежегодные отчеты по духовному вѣдомству всегда обращали на себя наше вниманіе, такъ какъ они касаются многихъ важныхъ сторонъ народной жизни. На этотъ разъ будетъ умѣстно заняться духовнымъ отчетомъ нѣсколько подробнѣе, потому что одна изъ затрогиваемыхъ имъ сторонъ жизни, а именно условія быта раскольниковъ, въ скоромъ времени будетъ затронута и самимъ законодательствомъ. Извѣстно, что на разсмотрѣніи государственнаго совѣта находится въ настоящее время проектъ нѣкоторыхъ измѣненій въ законодательствѣ о раскольникахъ. Проектъ этотъ выработанъ особой коммиссіею, назначенною еще въ 1864 году. Съ тѣхъ поръ, т.-е. въ теченіи почти 9-ти лѣтъ, коммиссія могла собрать много данныхъ о современномъ состояніи раскола, и надо желать, чтобы данныя эти были обнародованы, такъ какъ дѣло представляетъ много важныхъ вопросовъ, доселѣ недостаточно выясненныхъ, несмотря на успѣхи новѣйшей литературы о расколѣ. Съ достовѣрностью неизвѣстна даже и приблизительная цифра раскольничьяго населенія. Обыкновенно ее принимаютъ въ 10—15 милліоновъ душъ; основываясь уже на одной этой цифрѣ, представляющей пятую часть, а пожалуй, и четверть всего великорусскаго населенія, должно признать огромную важность всякой законодательной мѣры, имѣющей въ виду бытъ раскольниковъ. Въ законодательствѣ нашемъ, какъ извѣстно, принципъ вѣротерпимости проведенъ доселѣ далеко еще не достаточно, и это яснѣе всего обнаруживается отношеніемъ законодательства къ расколу. За-

конъ раздѣляетъ секты на „болѣе вредныя“ и „менѣе вредныя“, то-есть прямо усматриваетъ въ каждомъ иновѣрцѣ русскаго происхожденія—правонарушителя. На такой, чисто-клерикальной точкѣ зрѣнія, въ настоящее время не стоитъ уже ни одно изъ законодательствъ существующихъ въ Европѣ. Но мало того, что удержаніе у насъ такой точки зрѣнія нарушаетъ принципъ вѣротерпимости по отношенію къ нашимъ протестантамъ, то-есть раскольникамъ; изъ него еще истекаютъ и гражданскія, бытовыя послѣдствія весьма прискорбнаго свойства для огромной части народа. Распредѣленіе сектъ на менѣе или болѣе вредныя предоставлено администраціи; такимъ образомъ, не законъ, а административное распоряженіе опредѣляетъ весь гражданскій бытъ массы людей, рѣшаетъ вопросъ, могутъ ли эти люди оставаться безнаказанными или должны подлежать преслѣдованію. Очень многія секты, какъ извѣстно, не признаютъ церковнаго брака, а такъ какъ законодательство безусловно стоитъ на церковной точкѣ зрѣнія, то отсюда происходитъ, что въ огромной массѣ людей, въ населеніяхъ цѣлыхъ мѣстностей, браки, не освященные въ православной церкви, остаются непризнанными, остаются непризнанными и семья и всѣ происходящія изъ нея родственныя связи и наслѣдственныя права; короче—законъ, считая внѣ себя все, что внѣ церкви, ставитъ цѣлыя населенія въ положеніе живущихъ въ прелюбодѣяніи и незаконнорожденныхъ.

Нашъ законъ, какъ мы уже не разъ выясняли, и по отношенію къ признаваемымъ имъ иностраннымъ иновѣріямъ далеко не осуществляетъ принципа полной вѣротерпимости, которая есть не что иное, какъ свобода совѣсти, право всякаго гражданина свободно принимать и исповѣдывать ту или другую вѣру, если только она не соединена съ дѣйствіями, которыя подлежатъ общимъ уголовнымъ законамъ. Но все-таки, законъ выказываетъ болѣе терпимости къ иностраннымъ иновѣріямъ, чѣмъ къ тѣмъ, которыя возникли на русской почвѣ, среди русскаго народа. Такъ, законъ не видитъ правонарушителя ни въ католикѣ, ни въ протестантѣ, ни въ евреѣ, ни въ язычникѣ, если только они не были прежде православными. Но по отношенію къ иновѣрцамъ русскимъ, законъ все еще какъ-бы не можетъ забыть, что они когда-то отпали отъ православія, то-есть совершили правонарушеніе, и въ этомъ смыслѣ, конечно, продолжаетъ отрицать ихъ право, продолжаетъ видѣть въ нихъ не иновѣрцевъ, а именно раскольниковъ. Мы говоримъ, что законъ поступаетъ здѣсь логично: дѣло въ томъ именно, что законъ стоитъ на точкѣ зрѣнія чисто церковной; онъ не признаетъ права отпадать отъ православія, видитъ въ такомъ отпаденіи преступленіе и считаетъ русскихъ иновѣрцевъ отщепенцами, т.-е. правонарушителями. Для полнаго пре-

образованія нашего законодательства согласно съ тѣми раціональными основами, какія уже осуществлены во всѣхъ странахъ Европы безъ исключенія, необходимо совершенно устранить именно эту клерикальную точку зрѣнія, которая въ нашихъ законахъ еще осталась, перестать видѣть преступленіе въ отпаденіи отъ православія вообще, никого не преслѣдовать за вѣру, но преслѣдовать только за дѣйствія, подлежащія общимъ уголовнымъ законамъ. Тогда исчезнетъ нужда произвольно дѣлить секты на менѣе и болѣе вредныя; скопцы, душильщики и хлысты просто за свои дѣйствія будутъ подлежать суду, а расколъ невинный даже и безъ всякаго оффиціальнаго признанія получитъ полную терпимость; для гражданскаго же полноправія его членовъ останется только ввести бракъ по юридическому обязательству, то-есть тотъ самый бракъ, который въ католическихъ странахъ существуетъ независимо отъ церковнаго, существуетъ и въ нѣкоторыхъ протестантскихъ странахъ, и предполагается ко введенію, въ настоящее время, въ Пруссіи. У насъ установленіе этого обязательнаго для всѣхъ юридическаго брака необходимѣе, чѣмъ гдѣ-либо, потому именно, что у насъ существуютъ многочисленные виды раскола, а установленіе какой-либо формы „полицейскаго брака" спеціально для раскольниковъ, у насъ не достигнетъ своей цѣли потому, что видовъ раскола слишкомъ много, и притомъ раскольники наименѣе расположены объявлять о себѣ именно полиціи — это, кажется, не подлежитъ сомнѣнію.

Что измѣненіе нынѣшняго законодательства по отношенію къ русскимъ иновѣрцамъ настоятельно нужно — это не требуетъ доказательствъ. Вспомнимъ, что доселѣ законъ даже и „менѣе вредныхъ" сектантовъ не преслѣдуетъ только тогда, если они ничѣмъ не обнаруживаютъ своей вѣры; но за пропаганду, за отправленіе богослуженія, за устройство или починку существующихъ моленъ, законъ и нынѣ преслѣдуетъ всѣхъ раскольниковъ. И новымъ судамъ приходится примѣнять такой законъ, очевидно слишкомъ устарѣвшій по сравненію его со всѣмъ духомъ хотя бы самой судебной реформы. Для примѣра напомнимъ, что въ прошломъ году въ самарскомъ окружномъ судѣ и казанской судебной палатѣ разбиралось дѣло по обвиненію купца Севастьянова и мѣщанина Вавилина „въ обращеніи избы въ раскольничью молельню, съ устройствомъ въ ней алтаря и престола". Никакого иного преступленія тутъ не было; секта бѣглопоповцевъ, къ которой принадлежали обвиняемые, относится къ „менѣе вреднымъ"; богослуженіе совершалъ даже настоящій священникъ православный, и притомъ такой, который предварительно уволился изъ епархіи, а между тѣмъ былъ сочтенъ „бѣглымъ" за то только, что совершалъ требы и богослуженіе у сектантовъ тайно. Но какъ же было

и совершать ихъ, если не тайно? Окружной судъ опредѣлилъ заключить въ тюрьму на два мѣсяца и Севастьянова, и священника Лебедева, а Вавилина арестовать при полиціи на три недѣли. Апелляціонную жалобу приносили только Севастьяновъ и Вавилинъ, и судебная палата, оправдавъ послѣдняго, оставила въ силѣ приговоръ о заключеніи Севастьянова. И такихъ дѣлъ можетъ возникать множество, потому что законъ настоящей терпимости не даетъ, а вся сущность терпимости заключается въ томъ, что администрація смотритъ, что̀ называется „сквозь пальцы", на менѣе вредныхъ раскольниковъ. Но какая же это гарантія, и раціонально ли, чтобы пятая часть русскаго народа жила единственно подъ такой гарантіею? Стоитъ только кому-нибудь донести — и дѣло начинается. Иногда сама администрація бываетъ поставлена въ невозможность придерживаться и той терпимости, какая существуетъ на практикѣ, именно тогда, когда дѣло возникаетъ по иниціативѣ духовныхъ властей. Самарское дѣло возникло потому, что архіерей сообщилъ губернатору о совершеніи требъ у раскольниковъ священникомъ, который однако уже къ епархіи не принадлежалъ. Защитникъ обвиненныхъ не преминулъ сослаться на сознаніе самимъ правительствомъ принципа полной вѣротерпимости, на слова нашего канцлера, обращенныя къ протестантской депутаціи въ Фридрихсгафенѣ, что начала вѣротерпимости и свободы совѣсти составляютъ убѣжденіе самой верховной власти;—а между тѣмъ судъ, новый судъ, основанный на гуманныхъ началахъ, принужденъ былъ присудить иновѣрцевъ къ заключенію въ тюрьму. Весьма характеристичны были показанія, данныя во время слѣдствія въ судѣ профессорами семинаріи, призванными въ качествѣ свѣдущихъ лицъ. Протоіерей Халколивановъ показалъ, что хотя бѣглопоповцы, какъ и другіе раскольники, разнятся съ православными въ обрядахъ, „но эти разности не повели бы бѣглопоповцевъ къ отпаденію отъ православія, *если бы они повиновались* православной *іерархіи*, какъ единовѣрцы; что послѣдніе, хотя въ обрядахъ также расходятся съ православными, но полное *повиновеніе ихъ епископской власти* усвоило за ними собственное названіе единовѣрцевъ, сближающее ихъ съ православіемъ". Другой профессоръ семинаріи, Гурьевъ, сказалъ тоже самое, именно, что обрядовыя разности не отдѣлили бы бѣглопоповцевъ отъ православія, если бы они не придавали имъ догматическаго значенія, но что *отвергая власть іерархіи*, они вмѣстѣ съ тѣмъ отрицаютъ подлинное значеніе таинства священства. Итакъ, въ чемъ же суть дѣла? Новый судъ, несмотря на всеобщее убѣжденіе въ необходимости вѣротерпимости, принужденъ, на основаніи закона, присуждать людей къ тюрьмѣ за то собственно, что они не повинуются епископской власти и совершаютъ богослуженіе по обря-

дамъ, которые у единовѣрцевъ допускаются, но потому, что единовѣрцы оказываютъ повиновеніе іерархіи. Возможно ли, чтобы въ настоящее время оставался въ силѣ законъ, который преслѣдуетъ такія цѣли, не имѣющія ничего общаго съ обязанностями гражданскими?

Слишкомъ очевидно, что вообще всѣ тѣ изъ нашихъ законовъ, которые имѣютъ основу чисто-клерикальную, то-есть признаютъ особый родъ преступленій, преступленія противъ вѣры, какъ-то отпаденіе отъ православія и богохульство, были отмѣнены, какъ нераціональныя, подающія поводъ только къ произволу и притѣсненію, какъ устарѣвшія, какъ нигдѣ нынѣ въ Европѣ несуществующія. Богохульство также подаетъ поводъ къ уголовнымъ процессамъ въ новыхъ судахъ, и существующій законъ ставитъ суды въ необходимость наказывать такія дѣянія, которыя обнаруживаютъ просто грубость или тотъ же расколъ, наказывать ихъ такою несоотвѣтствующею карой, какъ политическая смерть. Такъ, въ прошломъ ноябрѣ былъ здѣсь, въ Петербургѣ, случай осужденія окружнымъ судомъ крестьянина Калинина за „богохульство и оскорбленіе святыни" къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири. И такихъ случаевъ будетъ еще немало, потому что судебныя учрежденія не имѣютъ права не примѣнять закона, пока онъ существуетъ, а иной составъ присяжныхъ скорѣе оправдаетъ сознавшагося въ убійствѣ, чѣмъ обвиняемаго въ богохульствѣ. Здѣсь законодателю необходимо зайти далѣе массы народа, какъ то сдѣлалъ законодатель въ томъ случаѣ, когда исключилъ изъ общаго уголовнаго кодекса тѣлесное наказаніе, хотя оно вполнѣ соотвѣтствовало убѣжденію массы. Богохульство, повторяемъ, иногда бываетъ не что иное, какъ простое исповѣданіе раскола; достаточно доносчику подслушать сужденіе протестантовъ или нѣкоторыхъ русскихъ сектантовъ объ иконахъ—и „слово и дѣло" богохульства будетъ на лицо.

Чрезвычайно-поучительное и по характеру своему вопіющее дѣло производилось въ прошломъ мартѣ, въ саратовскомъ окружномъ судѣ — дѣло о турецкомъ подданномъ Карауловѣ и мѣщанкѣ Діановой. Оба подсудимые 50-ти лѣтъ, жили себѣ тихо, вмѣстѣ съ малолѣтней дѣвочкой, дочерью Діановой, не дѣлая никому вреда. Вдругъ, квартирная хозяйка ихъ, надо полагать вслѣдствіе ссоры, какъ то обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, доноситъ полиціи, что они „ни съ кѣмъ не говорятъ и не исповѣдуютъ православной религіи". Полиція дѣлаетъ допросъ, на которомъ допрашиваемые просто ничего не отвѣчаютъ. Тогда полицейскій чиновникъ доноситъ начальству, что „Карауловъ и Діанова занимаются приготовленіемъ фальшивыхъ билетовъ для бѣглыхъ солдатъ", каковое обвиненіе оказалось неосновательнымъ. До сихъ поръ виновными ока-

зываются собственно сами доносчики, и любопытно бы знать, былъ ли полицейскій чиновникъ за свой ложный доносъ наказанъ съ вполнѣ заслуженной строгостью? Но въ отчетѣ о дѣлѣ, который мы имѣемъ передъ глазами, о виновности доносчиковъ и слова нѣтъ. Тотъ же полицейскій чиновникъ, продолжая свое доносчическое рвеніе, обвиняетъ Караулова и Діанову въ прелюбодѣяніи—никакого иного повода притянуть ихъ къ суду, повидимому, не оказывалось. Полиція беретъ Караулова, Діанову и дочь ея подъ арестъ, потомъ переводитъ ихъ въ тюрьму, гдѣ они и остаются *почти пять лѣтъ*. Вотъ какія дѣла совершаются на Руси еще въ наше время! Во все это время заключенные молчатъ, и даже защитнику, являющемуся съ предложеніемъ услугъ, не отвѣчаютъ ничего, кромѣ ничего-незначущихъ словъ. Предстали, наконецъ, эти люди передъ судъ, въ арестантскихъ халатахъ, Діанову при этомъ держали подъ руки. Въ чемъ же обвинялись эти люди передъ судомъ? Въ томъ, что, сидя пять лѣтъ безъ причины въ тюрьмѣ, они „изрѣдка богохульствовали". Можетъ ли быть что-нибудь менѣе раціональное: держать людей даромъ пять лѣтъ въ тюрьмѣ и потомъ судить ихъ за то, что они ругаются! Обвиненіе выражалось такъ: что Карауловъ и Діанова, „усвоивъ себѣ вредный взглядъ на религію, отрицающій Бога, церковь и законныя власти, неоднократно, хотя и не въ многолюдномъ собраніи, но въ присутствіи свидѣтелей (т.-е. въ тюрьмѣ), дерзали порицать православную церковь, съ умысломъ произвести соблазнъ, т.-е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 178 ст. улож. о наказаніяхъ." Во время судебнаго разбирательства, подсудимые хранили молчаніе. На вопросъ предсѣдателя суда, зачѣмъ подсудимыхъ подвергли надзору, свидѣтель, помощникъ полицейскаго пристава Поповъ, отвѣчалъ весьма характеристично: „впредь до востребованія", какъ будто дѣло идетъ о почтовомъ poste-restante. Вотъ краснорѣчивый отвѣтъ, который не мѣшаетъ вспоминать почаще, когда приходится говорить объ условіяхъ быта еще существующихъ у насъ для массы народа; неужели же всякъ можетъ быть посаженъ въ тюрьму просто „впредь до востребованія?" Впредь до востребованія держатъ въ тюрьмѣ пять лѣтъ семилѣтнюю дѣвочку! „Когда ихъ стали арестовывать", объясняетъ тотъ же полицейскій чиновникъ, „они такъ сцѣпились, что ихъ нельзя было разцѣпить". Хороша была и рѣчь товарища прокурора: „Подсудимые, благодаря фанатизму, отрицаютъ религію, Бога и властей...." Отрицать религію и Бога, *благодаря фанатизму*— это такое психологическое явленіе, которое было доселѣ неизвѣстно, и нынѣ извлечено изъ неизвѣстности единственно „благодаря" проницательности саратовскаго прокурора. Далѣе обвинитель счелъ необходимымъ признать, что „новѣйшая наука (?) и законодательство

отстояли свободу вѣроисповѣданія, религіозную терпимость, и нигдѣ (?!) она такъ широко не примѣняется, какъ въ обширномъ нашемъ отечествѣ...“ Эти слова доказываютъ тотъ фактъ, что и у насъ въ настоящее время, хотя, быть можетъ, прокуроръ не откажется обвинять людей, выведенныхъ изъ себя преслѣдованіемъ за глупыя дерзости, какъ за тяжкое преступленіе, и хотя присяжные не признаютъ ихъ даже заслуживающими какого-либо снисхожденія, но что никто уже въ нашемъ обществѣ не рѣшится отвергать самый принципъ вѣротерпимости. Стало-быть, принципъ этотъ долженъ быть осуществленъ въ законѣ, и тогда лишится оружія та слѣпая ненависть, которая еще гнѣздится въ умахъ массы, несмотря на всѣми провозглашаемый принципъ вѣротерпимости. Но говорить, что уже теперь *нигдѣ* свобода вѣроисповѣданія такъ широко не примѣняется, какъ въ нашемъ обширномъ отечествѣ, и говорить это по дѣлу о богохульствѣ, съ цѣлью обвиненія такихъ людей, которые пять лѣтъ сидѣли въ тюрьмѣ просто за то, что ни съ кѣмъ говорить не хотѣли, — это такой перлъ юридическаго знанія и краснорѣчія, котораго мы, признаемся, не ожидали и изъ Саратова. Объясняя далѣе, что обвиненные принадлежатъ къ особой, новой сектѣ—„молчальниковъ“, товарищъ прокурора оговорился, что секта эта еще „непризнанная“ (то-есть неупоминаемая закономъ), и что сама консисторія не рѣшилась дать ей названіе, а потому онъ и не обвиняетъ подсудимыхъ „въ принадлежности къ этой сектѣ“. Спрашивается, въ такомъ случаѣ, какое же право имѣлъ представитель обвинительной власти относить подсудимыхъ къ сектѣ, неизвѣстной ни закону, ни консисторіи? И что это за новость объ обвиненіи въ „принадлежности“ къ сектѣ. Развѣ, по мнѣнію обвинителя, вѣротерпимость у насъ такъ широка, что люди еще могутъ быть судимы и за одну только вообще „принадлежность къ сектѣ“, если эта секта не отнесена прямо къ числу вредныхъ?

Присяжные вынесли отвѣтъ „да, виновенъ“ относительно обоихъ подсудимыхъ, безъ всякаго признанія снисхожденія. Вслѣдствіе того, два старика и малолѣтняя дѣвочка, которые были продержаны въ тюрьмѣ пять лѣтъ просто за то, что не хотѣли ни съ кѣмъ говорить, сосланы въ Сибирь на поселеніе, причемъ, кромѣ дѣвочки, лишены всѣхъ правъ состоянія.

Принципъ человѣчности, справедливости, примѣръ всего образованнаго міра, убѣжденіе, заявленное самимъ правительствомъ, наконецъ—живые, вопіющіе примѣры, продолжающіе являться передъ нашими глазами, все убѣждаетъ, что обветшалые, клерикальные законы должны быть безотлагательно и безусловно исключены изъ нашего уголовнаго кодекса. Въ настоящее время вопросъ о правахъ рас-

кольниковъ возбужденъ въ законодательномъ порядкѣ и этимъ случаемъ необходимо воспользоваться, съ тѣмъ, чтобы исправить наше законодательство въ этомъ отношеніи *существеннымъ образомъ*, а не призрачными, маловажными измѣненіями. Если внесенный проектъ по содержанію своему недостаточенъ, если онъ ограничивается однимъ предоставленіемъ раскольникамъ заявлять о своихъ бракахъ полиціи, для приданія этимъ бракамъ законности и еще какими-нибудь мелкими облегченіями въ бытѣ сектъ терпимыхъ, то надо желать, чтобы проектъ былъ передѣланъ. Рѣшеніе отсрочится на время, но это все-таки будетъ лучше, чѣмъ упустить нынѣшній случай проведеніемъ полумѣры или „четверти мѣры", потому что тогда существенное освобожденіе законодательства отъ устарѣвшихъ, клерикальныхъ притязаній, было бы отложено на долгое время, и настолько же отсрочилось бы время нашего полнаго сближенія съ Европою, потому что, повторяемъ, именно эти обветшалые законы составляютъ въ настоящее время существенную, бросающуюся въ глаза черту, грань, отдѣляющую Россію отъ всего образованнаго міра. Настоящимъ случаемъ слѣдуетъ воспользоваться съ тѣмъ, чтобы устранить ее. Для этого въ новомъ законѣ должны быть проведены слѣдующія начала: отмѣна преступленій противъ вѣры вообще, какъ отдѣльнаго криминальнаго факта; наказуемость иновѣрцевъ, сектантовъ и всѣхъ гражданъ единственно за дѣйствія противъ государства, личности, собственности, нравственности и общественнаго порядка; установленіе брака юридическаго, заявленіемъ у нотаріусовъ, мировыхъ судей и волостныхъ старшинъ, сверхъ вѣнчанія въ церкви и независимо отъ вѣнчанія. Подъ это общее опредѣленіе сами собой подойдутъ: устраненіе каръ за отпаденіе отъ христіанства и православія вообще, въ расколъ или иное иновѣріе и узаконеніе дѣтей раскольниковъ. Только при соблюденіи такихъ началъ законъ нашъ перестанетъ быть клерикальнымъ и получитъ общеевропейскій характеръ. Какъ, скажутъ, допустить, чтобы у насъ католицизмъ и протестантизмъ усилились еще русскими адептами? Но это возраженіе идетъ и противъ раціональности, и противъ государственной, практической пользы: во-первыхъ, государству вовсе нѣтъ дѣла до вѣроисповѣданія его гражданъ; во-вторыхъ, число отпаденій въ иностранныя иновѣрія будетъ, во всякомъ случаѣ, невелико, потому что массѣ народа останется чуждою мысль объ иностранномъ иновѣріи; въ-третьихъ, какъ бы мало ни было число отпаденій, если они окажутся въ дѣйствительности, то съ государственной точки зрѣнія это можетъ обѣщать только пользу: дѣйствительное существованіе католиковъ и протестантовъ русской національности, русскаго происхожденія, одно только и дастъ возможность католикамъ литовско-

бѣлорусскаго края не считать себя и не быть признаваемыми обществомъ — поляками, а протестантской массѣ эстовъ и латышей остзейскаго края не считать себя и не быть почитаемыми за нѣмцевъ или чухонъ.

Отчетъ по духовному вѣдомству за 1871 годъ убѣждаетъ насъ, что само православное духовенство нынѣ уже убѣдилось, что единственное вѣрное средство для защиты и возстановленія православія есть не свѣтская кара, но церковная пропаганда, проповѣдь, собесѣдованіе. Приводимъ слова отчета: „Благотворныя послѣдствія спасительнаго дѣйствованія церкви (посредствомъ увѣщанія и разъясненія) на расколъ выражаются не только въ присоединеніяхъ къ ней, совершающихся въ разныхъ епархіяхъ и въ средѣ разныхъ раскольническихъ толковъ, но еще болѣе въ ея *просвѣтительномъ* вліяніи на самое настроеніе и современное положеніе раскола. Вліяніе это съ особенною ясностью обнаруживается въ томъ общемъ, почти повсемѣстномъ явленіи, что расколъ измѣняетъ свой вѣковой характеръ, выходитъ изъ своей замкнутости, слабѣетъ въ своемъ упорствѣ и фанатизмѣ, что раскольники начинаютъ менѣе враждебно и болѣе довѣрчиво относиться къ православнымъ и православному духовенству, что въ нихъ развивается и крѣпнетъ желаніе узнать истину". Эти слова и факты, приводимые отчетомъ въ ихъ подкрѣпленіе, представляютъ драгоцѣнное свидѣтельство съ самой компетентной стороны въ пользу полнаго проведенія начала вѣротерпимости. Всего какой-нибудь десятокъ лѣтъ, какъ прекратились дѣятельныя преслѣдованія раскола и одного этого человѣчнаго послабленія въ короткое время было уже достаточно, чтобы фанатики стали человѣчнѣе, чтобы явленіе *вѣковое* измѣнило свой характеръ. Въ дополненіе къ этимъ словамъ оберъ-прокурорскаго отчета, сошлемся еще на помѣщенную нами выше статью г. Троицкаго: „Новѣйшая полемика раскола". Оставляя въ сторонѣ возраженія почтеннаго автора, какъ спеціалиста, мы не можемъ не замѣтить изъ приводимыхъ имъ новѣйшихъ доводовъ раскола, что прежній слѣпой фанатизмъ его и споры о перстосложеніи и трегубой аллилуйи замѣнились въ наше время болѣе понятными идеями: „ежели народъ—разсуждаетъ теперь расколъ—безъ епископа не составляетъ церкви, то и епископъ безъ народа тоже; государи, по духу и ученію апостольской церкви, суть прирожденные представители народа въ дѣлахъ церкви, а слѣдовательно, и посредники между нимъ и архипастырствомъ, блюстители неприкосновенности чиновъ и уставовъ, обычаевъ и обрядовъ, противъ склонности архипастырства къ обрядоулучшеніямъ и самовластительству". Въ этихъ словахъ мы уже видимъ не прежнее фанатическое ослѣпленіе и словесное препирательство, а простое анти-клерикальное направленіе мысли и

требованіе свободы для государства отъ церкви, протестъ противъ подчиненія государства церковной власти. Дѣйствительно, какъ справедливо говоритъ отчетъ, „фанатики стали человѣчнѣе".

Общее число раскольниковъ, присоединившихся къ православію за 1871 годъ, составляло 2,608 человѣкъ, изъ нихъ 998 — на правилахъ единовѣрія. Для сравненія приведемъ соотвѣтствующія цифры изъ отчета за 1870 годъ: 2,511 и 853. Изъ католичества обратилось въ православіе 2,615 человѣкъ, по отчету же за предшествующій годъ число такихъ обращеній было показано около 3,000. Сравненіе этихъ цифръ показываетъ, что онѣ не случайны; ими, какъ и иными данными общественной статистики, повидимому, управляютъ особые законы: со времени такъ-называемаго „послабленія" расколу, цифры эти съ году на годъ мало измѣняются, и въ нихъ, очевидно, математически сказываются результаты дѣйствія опредѣленной силы среди опредѣленныхъ же обстоятельствъ. Казалось-бы, такое дѣло, какъ обращеніе, представляя въ жизни отдѣльнаго человѣка явленіе непредвидѣнное, случайное, всего менѣе могло бы подлежать дѣйствію законовъ, управляющихъ статистикою. А между тѣмъ, оказывается противоположное. Замѣчательно, что даже спеціальныя цифры обращеній по губерніямъ, — цифры, изъ которыхъ слагаются приведенные итоги, представляютъ съ году на годъ сходство, такъ что въ общихъ чертахъ цифра обращеній даже распредѣляется по мѣстностямъ одинаково. Менѣе удивительно, конечно, сходство числа построенныхъ вновь церквей: въ западномъ краѣ православныхъ церквей построено въ 1871 году 85, а въ 1870 году—83; здѣсь сходство объясняется тѣмъ, что матеріальныя средства не измѣнились. Протестантовъ обращено въ 1871 году 810, армянъ 1,534, евреевъ 544, магометанъ 1,655, язычниковъ 2,797. Итогъ всѣхъ принявшихъ православіе составилъ: 11,565 человѣкъ, и единовѣріе 998. Обращеніе магометанъ, какъ извѣстно, представляетъ большую трудность и не всегда бываетъ прочно; во всѣхъ отчетахъ показывалось значительное число отпаденій обращенныхъ мусульманъ; сложивъ цифры такихъ отпаденій только въ трехъ епархіяхъ: казанской, вятской и астраханской, мы получаемъ цифру 1,907; если сравнить ее съ итогомъ обращеній, то окажется, что общій результатъ пропаганды въ мусульманской средѣ за 1871 годъ былъ отрицательный, представивъ убыль, которая должна быть тѣмъ больше значительна, что цифры отпаденій магометанъ приведены въ отчетѣ только „замѣчательнѣйшія", т.-е. не всѣ. Главные успѣхи по обращенію магометанъ были достигнуты, какъ и въ предшествующіе годы, въ Абхазіи.

Едва ли не еще важнѣе, чѣмъ самое обращеніе иновѣрцевъ, есть дѣло проповѣди среди массы православнаго народа. Высшее духов-

ное управленіе сознаетъ важность этого дѣла, какъ о томъ удостовѣряется въ отчетахъ. Но, къ сожалѣнію, не видно, чтобы въ этомъ отношеніи принимались какія-либо общія мѣры; отчеты говорятъ только объ увѣщаніяхъ и наставленіяхъ въ этомъ смыслѣ, съ какими мѣстныя духовныя начальства обращались къ духовенству, такъ что дѣло это, повидимому, считается подлежащимъ исключительно вниманію мѣстныхъ духовныхъ властей. Мѣстныя же власти, кромѣ увѣщаній, учреждаютъ еще особые цензурные комитеты въ уѣздныхъ городахъ для просмотра проповѣдей и для указанія проповѣдникамъ самыхъ предметовъ и даже способовъ поученій; сверхъ того, лучшія поученія печатаются въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ, и доносится епархіальному начальству какъ объ усердныхъ проповѣдникахъ, для поощренія ихъ, такъ и о нерадивыхъ къ дѣлу проповѣди, для взысканія съ нихъ. Затѣмъ, успѣхъ всего дѣла отчетомъ возлагается на развитіе въ самомъ духовенствѣ усердія къ проповѣдямъ. „Съ развитіемъ въ духовенствѣ ревности къ дѣлу церковнаго проповѣдничества, — говоритъ отчетъ, — и самая проповѣдь получаетъ болѣе жизненное направленіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ сильнѣе привлекаетъ къ себѣ вниманіе слушателей. Объ этомъ свидѣтельствуютъ всѣ преосвященные.“ Сознаніе высшимъ духовенствомъ и духовнымъ управленіемъ важности развитія этого дѣла и необходимости придать проповѣди, для ея успѣха, „болѣе жизненное направленіе“—отрадно, но нельзя не замѣтить, что тѣ мѣры, которыя для этого принимаются мѣстными властями, недостаточны по самому своему свойству, и что необходимы мѣры общія, болѣе практическія и широкія. Не умноженіемъ цензурныхъ комитетовъ, конечно, а совершенной отмѣною цензуры для устныхъ поученій можно и возбудить ревность самихъ проповѣдниковъ, и придать жизненность проповѣдямъ. Мы не говоримъ здѣсь о духовной цензурѣ печатныхъ произведеній; но въ самомъ ли дѣлѣ признается невозможнымъ обойтись безъ предварительной цензуры поученій, произносимыхъ устно? Неужели же священникамъ, окончившимъ курсъ семинарій, — не говоря уже о воспитанникахъ духовныхъ академій, — нельзя предоставить слова въ церкви безъ предварительнаго, неизбѣжно мертвящаго самое начиніе, просмотра? Вѣдь не подвергается же просмотру бесѣда священниковъ съ прихожанами при исповѣди, съ учениками при объясненіи догматовъ религіи, то-есть именно въ двухъ важнѣйшихъ отправленіяхъ наставнической миссіи пастырей. Неужели же нельзя положиться на нихъ и въ церковной, устной бесѣдѣ съ народомъ? Умышленнаго лжетолкованія, очевидно, и быть не можетъ; очевидно, цензура проповѣдей имѣетъ назначеніемъ только сглаживать какія-либо неточности въ выраженіяхъ, въ смыслѣ догматическомъ. Но

такъ ли важны могутъ быть подобныя неточности въ бесѣдахъ съ народомъ, совершенно неспособнымъ и уловить ихъ, — въ бесѣдахъ, которыя, вдобавокъ, никѣмъ не записываются, чтобы изъ опасенія возможности такихъ неточностей въ отдѣльныхъ случаяхъ стѣснить все великое дѣло проповѣди, этой громадной силы, которою держится все протестантство, устранять цензурою самую охоту къ проповѣди въ священникахъ и тою же цензурой прямо убивать именно жизненность проповѣдническаго слова, то-есть то именно его качество, въ которомъ само духовное управленіе указываетъ высшее его достоинство и вѣрнѣйшій залогъ его успѣха? Впрочемъ, лучшее доказательство важности освобожденія церковнаго слова отъ цензуры имѣется на-лицо: это—успѣхъ простыхъ „внѣ-богослужебныхъ назиданій", т.-е. такихъ собраній, по воскресеньямъ и праздникамъ, которыя устраиваются священниками для объясненія молитвъ, богослуженія и для чтенія св. писанія съ толкованіями. Въ одной самарской епархіи такія бесѣды происходили за 1871 годъ въ 400 приходахъ, то-есть почти во всѣхъ приходахъ епархіи. Отчетъ свидѣтельствуетъ, что со стороны священниковъ встрѣчается усердная готовность къ развитію такихъ бесѣдъ — и это понятно. Но на такія особыя собранія всегда, конечно, будетъ являться гораздо меньше народу, чѣмъ бываетъ при богослуженіи; вотъ почему эти бесѣды никакъ не могутъ замѣнить проповѣди. Но, спрашивается, какая же надобность стѣснять проповѣдь цензурою, когда религіозныя же собесѣдованія, по самой ихъ формѣ, цензурѣ подлежать не могутъ?

Освободить церковное слово отъ стѣсненія есть, очевидно, главное средство для успѣха проповѣди; при цензурѣ сколько-нибудь значительный успѣхъ рѣшительно невозможенъ. Затѣмъ, вмѣсто „поощренія и взысканія" по усмотрѣнію начальствъ, казалось-бы раціональнымъ отдѣлить изъ богатаго бюджета духовнаго вѣдомства опредѣленную, значительную сумму прямо на вознагражденіе за проповѣди. Приходскихъ соборовъ и церквей во всей имперіи имѣется около 31,000. На милліонъ рублей можно бы выдать по 100 р. въ цѣлой трети приходовъ за постоянное говореніе проповѣдей. Не надо забывать, что, вѣдь, въ сущности изъ всѣхъ расходовъ духовнаго вѣдомства, какъ и изъ всей работы монашествующаго и бѣлаго духовенства, этотъ расходъ и эта именно работа наиболѣе могутъ быть оцѣнены съ мірской точки зрѣнія. А распредѣленіе бюджета, вопросъ о деньгахъ вообще, и могутъ быть разсматриваемы не иначе, какъ именно съ мірской точки зрѣнія, то-есть съ точки зрѣнія приносимой обществу пользы. Если бы прямо на проповѣдь издерживалось въ годъ не менѣе даже, чѣмъ на все содержаніе монастырей, то и это было бы совершенно раціонально. Священникъ, поучающій

народъ, имѣетъ право ожидать себѣ вознагражденія со стороны общества; отшельнику же, желающему жить въ религіозномъ созерцаніи, право требовать вознагражденія принадлежать не можетъ, и производительный расходъ на проповѣдь особенно необходимъ въ такой странѣ, гдѣ, при богатомъ духовномъ бюджетѣ, масса народа незнакома даже и съ первыми истинами религіи, принимая за религію одну обрядность, и за исполненіе религіознаго долга одно соблюденіе обрядности.

Число народныхъ школъ, содержимыхъ духовенствомъ, въ нынѣшнемъ отчетѣ показано 10,381, съ 253,413 учащимися обоего пола. Не будемъ напоминать того, чтó уже не разъ говорилось о призрачности нѣкоторыхъ изъ этихъ школъ; еще недавно мы читали извѣстіе, что въ одномъ городѣ нѣкій начальникъ, несмотря на всѣ свои старанія, не могъ найти ни одной изъ числящихся въ немъ церковныхъ школъ. Замѣтимъ только, что цифра этихъ школъ, нынѣ приводимая отчетомъ по духовному вѣдомству, согласна съ тою, какая нынѣ же показывается со стороны министерства народнаго просвѣщенія, и весьма далеко отстоитъ отъ тѣхъ цифръ этихъ школъ, какія приводились въ прежнія времена. Впрочемъ, само духовное вѣдомство удостовѣряетъ, что, по мѣрѣ открытія народныхъ школъ земствомъ и министерствомъ, число церковно-приходскихъ школъ сокращается. Происходитъ это, во всякомъ случаѣ не оттого, чтобы школъ у насъ было уже слишкомъ много; сокращаться можетъ только число школъ неудовлетворительныхъ или цифра школъ, существовавшихъ только на бумагѣ.

Въ наблюденіяхъ надъ религіозно-нравственнымъ состояніемъ православной паствы настоящій отчетъ, какъ и предшествующіе, указываетъ на пьянство, называя его „главнымъ и самымъ вреднымъ недугомъ нашего народа“ и указывая причинами его, кромѣ недостатка образованія, чрезмѣрное размноженіе питейныхъ заведеній, базары въ воскресные и праздничные дни, отвлекающіе народъ отъ церкви, избраніе на сельскія должности лицъ нетрезваго поведенія. Изъ пороковъ образованнаго общества отчетъ указываетъ: „холодность къ церкви, ея установленіямъ и обрядамъ, порождаемую ложнонаправленнымъ образованіемъ“. Но при этомъ отчетъ свидѣтельствуетъ объ общемъ благочестіи народа, уваженіи его къ религіи и благочестивомъ настроеніи, выразившемся, между прочимъ, въ денежныхъ пожертвованіяхъ на монастыри и храмы, которые за 1871 годъ составили 3,249,340 рублей, сверхъ разныхъ недвижимыхъ имуществъ, пожертвованныхъ съ тѣмъ же назначеніемъ. Эта цифра денежныхъ пожертвованій представляетъ весьма значительное, замѣчательное превышеніе противъ той, которая показана въ отчетѣ за

1870 годъ, а именно на 400 слишкомъ тысячъ рублей болѣе (въ 1870 году 2,800,421 р.).

Преобразованіе учебныхъ заведеній духовнаго вѣдомства подвигалось впередъ, такъ что къ концу 1871 года полное преобразованіе произведено было уже въ 24 семинаріяхъ и 86 училищахъ. О ходѣ преподаванія въ семинаріяхъ въ настоящее время отчетъ даетъ свидѣтельство одобрительное, при чемъ особенно отмѣчаетъ успѣхи въ преподаваніи математики и физики и классическихъ языковъ. Извѣстно, что въ семинаріяхъ, послѣ предметовъ спеціально-духовныхъ, первое мѣсто всегда занимали древніе языки; математика же и физика преподавались въ нихъ крайне-неудовлетворительно. Извѣстно также, что тотъ опытъ „сосредоточенія" общеобразовательнаго курса на классическихъ языкахъ, какой представляли у насъ семинаріи, былъ крайне-неутѣшителенъ. Отчетъ свидѣтельствуетъ, что и въ физико-математическомъ преподаваніи и въ преподаваніи древнихъ языковъ теперь сдѣланы успѣхи, но какимъ же средствомъ произведены были эти успѣхи? Отчетъ говоритъ, что успѣху перваго изъ этихъ двухъ родовъ преподаванія „не мало содѣйствовало" приглашеніе въ семинарію свѣтскихъ наставниковъ изъ окончившихъ курсъ по физико-математическому факультету въ университетахъ. Что же касается преподаванія древнихъ языковъ, то отчетъ прямо высказываетъ, что оно идетъ довольно успѣшно только тамъ, гдѣ оно поручено учителямъ изъ мѣстныхъ гимназій. Итакъ, источниками для удовлетворительной постановки общеобразовательнаго курса въ среднихъ духовныхъ заведеніяхъ оказываются все-таки свѣтскія училища. Но если духовныя училища, въ смыслѣ общеобразовательныхъ, не могутъ существовать безъ прямой поддержки со стороны свѣтскихъ училищъ, то, спрашивается, для чего же нужно существованіе отдѣльныхъ духовныхъ общеобразовательныхъ училищъ, то-есть семинарій?

И дѣйствительно, со времени превращенія гимназій въ школы древнихъ языковъ, совершенно непонятна потребность въ какихъ-то еще особыхъ духовныхъ школахъ древнихъ языковъ. Богословскій курсъ съ полнымъ удобствомъ можетъ быть весь замкнутъ въ академіи, или въ богословскіе факультеты университетовъ, какъ то доказывается примѣромъ странъ протестантскихъ, которыя духовныхъ семинарій не имѣютъ, но производятъ такихъ богослововъ, которыми готово гордиться католичество, какъ напр., Ньюмэнъ. Одна московская газета, неупускающая случая „кольнуть" военныя гимназіи, подъ предлогомъ, что общеобразовательныя заведенія не нужны отдѣльныя для отдѣльнаго вѣдомства, лучше бы сдѣлала, обративъ свое вниманіе на духовныя семинаріи. Отдѣльное существованіе военныхъ гим-

назій имѣетъ тотъ смыслъ, что эти заведенія не классическаго типа; но какой смыслъ имѣетъ одновременное существованіе свѣтскихъ школъ древнихъ языковъ и духовныхъ школъ древнихъ языковъ, особенно когда оказывается, что послѣднія и держатся не иначе какъ отвлекая силы отъ первыхъ. Казалось бы вполнѣ раціональнымъ общеобразовательные курсы семинарій прямо слить съ гимназіями, а семинаріи оставить въ видѣ двухъ спеціальныхъ классовъ для приготовленія къ священно-служительскому сану. Съ другой стороны законъ 26 мая 1869 года, отмѣнившій наслѣдственность духовнаго сословія, никакъ не отмѣнитъ у насъ наслѣдственной духовной касты, касты бурсаковъ, съ особымъ свойственнымъ ей духомъ, до тѣхъ поръ, пока дѣти духовныхъ лицъ свое общее образованіе будутъ получать въ сословныхъ училищахъ—семинаріяхъ. Семинарія и уѣздное духовное училище это—столпы бурсачества, которое ими собственно и держится. Между тѣмъ у насъ на одни расходы по духовно-учебной части издерживается $4^1/_2$ милл. рублей въ годъ, въ томъ числѣ болѣе $1^1/_2$ мил. р. непосредственно изъ государственнаго казначейства, а остальные изъ свѣчного сбора и другихъ доходовъ духовнаго вѣдомства. Какъ бы для намѣренно-сильнѣйшаго поддержанія въ духовномъ сословіи особаго корпоративнаго духа, даже духовныя женскія училища существуютъ отдѣльно отъ прочихъ женскихъ учебныхъ заведеній, и до 25 мая 1871 года выдавали особыя преміи въ видѣ приданаго тѣмъ только воспитанницамъ, которыя выходили замужъ за духовныхъ; съ тѣхъ поръ, положено приданое выдавать тѣмъ воспитанницамъ, которыя выходятъ вообще за людей недостаточныхъ. Вообще мысль, которою руководствуется новѣйшее законодательство по устройству духовнаго вѣдомства, вполнѣ ясна: оно логично стремится упразднить въ нашемъ духовенствѣ кастичность, сословную исключительность и замкнутость; но идетъ оно къ этой цѣли робко, такъ что достиженіе этой цѣли принадлежитъ еще далекому будущему, да и то неиначе, какъ при нѣкоторыхъ дополнительныхъ реформахъ; при полновластіи же архіереевъ въ дѣлѣ духовнаго управленія, при существованіи цѣлой системы отдѣльныхъ школъ для дѣтей духовенства, школъ трехъ степеней, наконецъ, при предполагаемомъ учрежденіи отдѣльнаго духовнаго суда, который будетъ вѣдать не однѣ духовныя вины, но вообще судить духовныя лица—кастичность, замкнутость духовенства и полное разобщеніе его съ обществомъ исчезнутъ нескоро.

Говоря объ отношеніяхъ нашей церкви къ другимъ, единовѣрнымъ и иновѣрнымъ, отчетъ по дѣлу о церкви болгарской только напоминаетъ о положеніи первоначально занятомъ въ этомъ дѣлѣ синодомъ, который, какъ извѣстно, выразился два года тому назадъ

противъ самого созванія вселенскаго собора для суда надъ болгарскими іерархами. О состоявшемся же затѣмъ соборѣ и произнесенномъ имъ отлученіи, отчетъ упоминаетъ только въ общихъ выраженіяхъ, такъ какъ событія эти не относятся къ 1871 году, высказывая свое сожалѣніе о нихъ. О движеніи старо-католиковъ вновь упоминается отчетомъ, но изъ него видно, что никакого оффиціальнаго заявленія со стороны нашей церкви по этому вопросу не было, и только приняты частныя мѣры для ознакомленія германскаго общества съ нашими догматами.

Мы привели выше изъ отчета цифры денежныхъ приношеній на монастыри и храмы, поступившихъ въ теченіи 1871 года. Но цифра эта (около 3¼ милл. р.) далеко не представляетъ собою всей суммы денегъ собранныхъ въ церквахъ. Сумма сбора въ церквахъ за 1871 годъ составляетъ 10.143,154 р.; 3¼ милл. пожертвованные собственно на храмы входятъ въ эту общую сумму. Другія главнѣйшія составныя части ея образуются изъ кошельковаго сбора (также около 3¼ милл. р.), кружечнаго сбора (2 м. 150 т. р.), дохода съ имѣній церквей (1½ м. р.) и др. Въ отчетѣ 1870 года, этому итогу въ 10 слишкомъ милл. соотвѣтствовалъ меньшій итогъ, именно 9 м. 668 т. р. Свѣчной же сборъ въ этихъ итогахъ не считается.

Въ лѣтописи внѣшнихъ дѣлъ Россіи за текущій годъ главное мѣсто займутъ, вѣроятно, война съ Хивою и предшествовавшіе ей переговоры съ Англіею. Поводовъ къ войнѣ съ Хивою накопилось не мало. Раньше всѣхъ средне-азіатскихъ ханствъ, а именно еще со времени Петра Великаго, подчинившись вліянію Россіи, Хива впослѣдствіи не только вышла изъ нашей зависимости, но будучи ближайшимъ къ европейской Россіи ханствомъ, сохранила до сихъ поръ полную самостоятельность, которою и пользовалась для возбужденія подвластныхъ Россіи кочевниковъ, набѣговъ на караваны и захвата плѣнныхъ. Въ 1869 и 1870 годахъ враждебныя дѣйствія Хивы имѣли послѣдствіемъ почти полный перерывъ торговыхъ сношеній. Хивинскій ханъ Мухамедъ-Рахимъ отказался выдать захваченныхъ имъ русскихъ плѣнныхъ и оставлялъ безъ отвѣта предложенія туркестанскаго генералъ-губернатора о прекращеніи враждебныхъ дѣйствій и о заключеніи торговаго трактата. Походъ на Хиву объявленъ былъ въ Ташкентѣ приказомъ командующаго войсками туркестанскаго округа 27 февраля. Этотъ же приказъ содержитъ въ себѣ и распоряженія по образованію отрядовъ, назначенныхъ къ дѣйствіямъ противъ Хивы. Изъ приказа и изъ сообщеній „Русскаго Инвалида" оказывается, что войска наши идутъ на Хиву съ трехъ сторонъ: востока, сѣвера и запада. Главныя силы выступили изъ Джизака (укрѣпленіе на восточной

границѣ Бухары), другой отрядъ выступилъ съ сѣвера изъ Казалинска и форта Перовскаго на урочище Иркибай; оба эти отряда должны соединиться на Буканскихъ горахъ. Западный же отрядъ выступилъ къ Хивѣ изъ Красноводска (на восточномъ берегу Каспійскаго моря). Всѣ отряды будутъ состоять подъ начальствомъ генерала Кауфмана. Кромѣ ихъ, имѣется еще близъ юго-восточнаго угла Каспійскаго моря отрядъ въ Чикишлярѣ, имѣющій обсерваціонное назначеніе. Но первыя извѣстія получены о дѣйствіяхъ именно этого послѣдняго отряда. Изъ послѣдней статьи Вамбери, напечатанной въ аугсбургской „Allgemeine Zeitung" отъ 7 (19) апрѣля, видно, что его, вѣрнаго защитника англійскихъ видовъ, наиболѣе озабочиваетъ именно занятіе русскими пунктовъ въ этой мѣстности, т.-е. вдоль рѣки Атрека, вблизи Хорассана. Онъ видитъ тревожный признакъ даже въ томъ фактѣ, что на картѣ, изданной недавно нашимъ военно-топографическимъ депо, „зеленый цвѣтъ" проведенъ неподалеку отъ самого Буджнурда, въ Хорассанѣ, и онъ приписываетъ Россіи намѣреніе утвердиться въ этомъ направленіи еще далѣе, именно занять Мервъ въ странѣ теке-туркменовъ и вмѣстѣ владѣть ключомъ къ восточному Хорассану.

Въ началѣ марта, отряды, назначенные въ экспедицію противъ Хивы, выступили въ путь. До сихъ поръ, оффиціальныя свѣдѣнія упоминаютъ только о стычкахъ на Атрекѣ и за Атрекомъ. Первая стычка была совершенно незначительна, но оффиціальное извѣстіе о ней само по себѣ было не лишено значенія; въ этомъ извѣстіи сказано было, что рѣка Атрекъ, впадающая въ Каспійское море, составляетъ границу нашихъ владѣній съ Персіею. Самое провозглашеніе или установленіе этого факта достойно примѣчанія. Извѣстно, что въ англійскихъ газетахъ разглашена было зимою мнимая конвенція, въ силу которой Персія будто бы уступила намъ часть территоріи за Атрекомъ. Само персидское правительство впослѣдствіи опровергло это извѣстіе. По сущности дѣла, все-таки оставалось сомнительнымъ, составляетъ ли Атрекъ нашу границу съ Персіею или нѣтъ, не потому, конечно, чтобы наше право занимать правый берегъ этой рѣки подвергалось сомнѣнію, а скорѣе потому, что принадлежность лѣваго берега къ персидскимъ владѣніямъ ничемъ недоказана. Наше право въ той мѣстности создалось, правда, весьма недавно, такъ какъ все наше поселеніе по ту сторону Каспійскаго моря, а именно занятіе Красноводска и Балханскихъ горъ состоялось только въ послѣдніе годы; приближеніе же наше оттуда на югъ, къ устью Атрека, совершилось только въ 1871 году. Тѣмъ не менѣе расположеніе нашихъ отрядовъ въ этихъ мѣстностяхъ, населенныхъ хищными кочевниками, не признающими надъ собой власти ни од-

ного изъ сосѣднихъ государствъ, само по себѣ составило фактъ законнаго владѣнія. Что касается лѣваго берега Атрека, то власть персидскаго шаха надъ живущими здѣсь трухменцами, которые спеціально занимаются разбойничьими набѣгами на персидскія же владѣнія, было весьма сомнительно, и Вамбери въ одной изъ прежнихъ статей въ „Аугсбургской" газетѣ опровергалъ извѣстіе объ уступкѣ намъ заатрекской мѣстности шахомъ тѣмъ именно аргументомъ, что шахъ не могъ уступить намъ того, чѣмъ самъ въ дѣйствительности не владѣетъ.

Какъ бы то ни было, теперь принадлежность лѣваго берега Атрека къ персидскимъ владѣніямъ уже не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ мы видѣли изъ оффиціальнаго извѣстія, что ее признало наше правительство. Извѣстіе это, впрочемъ, провозглашая рѣку Атрекъ границею, въ то же время передавало фактъ, что русскій отрядъ переходилъ эту границу; но переходъ этотъ былъ вынужденный и кратковременный. Въ виду скопища трухменцевъ, образовавшагося на лѣвомъ берегу для переправы на нашу сторону, русскій отрядъ имѣлъ полное право предупредить намѣреніе непріятеля, перейдя самъ границу, разсѣявъ скопище и затѣмъ возвратившись на свой берегъ. Персидское правительство только въ такомъ случаѣ могло бы жаловаться на подобный переходъ границы, если бы имъ самимъ были приняты мѣры для предупрежденія тѣхъ хищническихъ набѣговъ, которые совершались изъ этой принадлежащей ему территоріи на нашихъ туркменъ, у которыхъ трухменцы уводятъ или искалечиваютъ верблюдовъ. При тѣхъ же обстоятельствахъ, которыми вынужденъ былъ переходъ границы русскимъ отрядомъ, персидское правительство можетъ быть только благодарно этому отряду, который отнялъ у трухменцевъ одного плѣннаго персіянина, переданнаго затѣмъ персидскимъ властямъ.

Впрочемъ, есть оффиціальное извѣстіе о другомъ дѣлѣ, бывшемъ за Атрекомъ. Начальникъ чикишлярскаго отряда, полковникъ Маркозовъ тремя колоннами перешелъ Атрекъ 28 февраля, для наказанія туркменъ, кочующихъ между этой рѣчкой и рѣкой Гюргенемъ (тоже впадаетъ въ Каспійское море) за набѣги на правый берегъ Атрека, и когда туркмены, послѣ схватки, укрылись за Гюргень, то часть одной изъ нашихъ колоннъ перешла въ бродъ и эту рѣку, дошла до аула одного подвластнаго Персіи хана, и въ его сопровожденіи приблизилась къ персидской крѣпости Ахъ-Кало, гдѣ встрѣчена была радушно и даже получила позволеніе возвратиться на сю сторону Гюргеня чрезъ крѣпостной мостъ. Съ своей стороны замѣтимъ, что это происходило не только на территоріи уже безспорно-персидской, но и всего въ какихъ-нибудь 50-ти верстахъ отъ персидскаго города

Астрабада. Въ этомъ обстоятельствѣ мы видимъ причину сомнѣваться въ основательности слуха, сообщеннаго одной русской газетой, будто персидское правительство прислало въ Петербургъ ноту съ представленіями противъ нарушенія границъ его территоріи нашими войсками, и будто наше правительство отвѣчало на эту ноту, что такъ какъ оно уже три мѣсяца тому назадъ просило Персію не считать умышленнымъ случайный переходъ нашихъ войскъ по персидской территоріи, при столкновеніи съ туркменскими племенами, и какъ персидское правительство, въ свое время, ничего не возразило противъ такого заявленія,—то молчаніе это и было принято за согласіе. Всему этому можно бы еще повѣрить, если бы имѣлся въ виду только фактъ перваго, дѣйствительно случайнаго перехода нашихъ войскъ чрезъ Атрекъ. Но экспедиція полковника Маркозова, очевидно, не могла быть предпринята иначе, какъ въ полной увѣренности, что она не дастъ повода къ нареканіямъ, и самый пріемъ оказанный нашимъ войскамъ со стороны персидскихъ властей доказываетъ, что никакого разногласія тутъ нѣтъ, что́, впрочемъ, доказывается, съ другой стороны, и прибытіемъ шаха въ предѣлы Россіи. Итакъ, если допустить самый фактъ существованія персидской ноты съ представленіями, то въ ней можно подозрѣвать протестъ скорѣе формальный только, и могущій имѣть значеніе не въ прямомъ смыслѣ, а собственно въ смыслѣ предупрежденія какихъ-либо преувеличенныхъ слуховъ о предварительномъ соглашеніи и мнимой солидарности Персіи съ Россіею въ нынѣшнемъ ходѣ дѣлъ въ Средней Азіи.

Оффиціальныя извѣстія до сихъ поръ и сообщили только объ этихъ двухъ дѣлахъ на Атрекѣ и Гюргенѣ, а также о томъ, что нашъ красноводскій отрядъ уже двинулся къ Хивѣ въ двадцатыхъ числахъ марта. Путь отъ Красноводска до Хивы составляетъ 750 верстъ; отъ Чикишляра (по Атреку) до Хивы—765 верстъ.

Частныя же извѣстія сообщаютъ о важной перемѣнѣ будто бы происшедшей въ Хивѣ вслѣдствіе движенія нашихъ отрядовъ. Ханъ будто бы оставилъ своего диванбеги, враждебнаго Россіи, и выслалъ русскихъ плѣнныхъ на встрѣчу нашимъ войскамъ. Такъ какъ главнымъ поводомъ къ экспедиціи служило именно упорное удерживаніе ханомъ нашихъ плѣнниковъ, то съ освобожденіямъ ихъ экспедиція могла бы быть продолжаема уже только съ цѣлію наказать хана за то, что онъ вынудилъ насъ къ походу. Положеніе, принятое въ послѣднее время въ среднеазіатскомъ вопросѣ Англіею, едва ли и не будетъ причиною, что Россія теперь не удовлетворится одной, слишкомъ поздней выдачей плѣнныхъ. Потребовавъ отъ насъ обязательства признать Афганистанъ нейтральной территоріею, англійская дипломація сама сдѣлала почти неизбѣжнымъ тотъ предполагаемый

нами фактъ, что Россія уже не можетъ удовлетвориться выдачею плѣнныхъ. Переговоры, происходившіе осенью, велись съ англійской стороны такъ оживленно и имъ придавалось въ Англіи такое значеніе, что теперь для насъ отказаться отъ похода на Хиву стало труднѣе, такъ какъ это было бы понято за-границей въ смыслѣ отступленія нашего — не предъ хивинскимъ владыкою, конечно. Съ другой стороны, получивъ обязательство наше относительно Афганистана, до котораго намъ еще весьма далеко, англійская дипломація уже лишила себя всякой возможности дѣлать намъ представленія относительно Хивы, которая къ намъ довольно близка. Вотъ почему нынѣшнія разсужденія, высказываемыя газетою „Daily News", по поводу извѣстія о выдачѣ русскихъ плѣнныхъ ханомъ хивинскимъ, что Россія теперь уже едва ли удовлетворится этой уступкой, и что войска наши все-таки пойдутъ впередъ для полученія серьёзныхъ гарантій, хотя могутъ быть вполнѣ вѣрны и сходиться съ собственнымъ нашимъ мнѣніемъ, но изъ нихъ все-таки логически не истекаетъ необходимость и даже возможность какихъ-либо предупредительныхъ мѣръ со стороны Англіи. „Цѣль экспедиціи совершенно ясна", говоритъ „Daily News": „она заключается въ овладѣніи низовьями Аму-Дарьи, занятіи угрожающей позиціи на открытой границѣ Персіи и полнымъ контролемъ надъ всѣми номадами долины Атрека"; овладѣніе низовьями Аму-Дарьи означаетъ не что иное, какъ овладѣніе Хивой. Не знаемъ, простираются ли такъ далеко виды нашего правительства, но даже допустивъ это, спрашивается, что́ же можетъ сдѣлать противъ этого Англія, когда прямымъ результатомъ ея переговоровъ съ Россіею и самого обязательства, полученнаго ею отъ Россіи, было полное предоставленіе Англіею Хивы на произволъ судьбы? Что касается „угрожающаго положенія" на западѣ, т.-е. на персидской границѣ, въ виду котораго „Daily News" требуетъ серьёзныхъ мѣръ для обезпеченія афганистанской границы, и предполагаемаго тайнаго союза на востокѣ владѣтеля Кашгара съ Россіею, въ виду котораго нѣкоторые голоса въ Англіи требуютъ даже немедленнаго занятія англичанами Кашмира, то достаточно указать на слѣдующіе успокоительные факты: на западѣ, отъ устьевъ Атрека до Герата—около 1000 верстъ! на востокѣ, отъ Номангана (въ Коканскомъ ханствѣ) чрезъ Кашгаръ до Кашмира—около 1500 верстъ, сквозь ущелья одного изъ высочайшихъ горныхъ хребтовъ въ мірѣ!

Впрочемъ, хотя вопросъ объ отношеніяхъ Россіи и Англіи въ Средней Азіи весьма важенъ, но разбирать его со всей полнотой и обстоятельностью, приличными дѣлу, было умѣстно только въ то самое время, когда происходили переговоры, а не послѣ; теперь же

разсматривать его во всемъ его объемѣ нѣтъ повода. Въ свое время печать наша, какъ извѣстно, не могла заняться этимъ вопросомъ и высказать въ пору мнѣніе русскаго общества, которое только тогда можетъ имѣть цѣну и заграницей, когда тамъ знаютъ, что оно проявилось самостоятельно. Вотъ почему мы впослѣдствіи, когда возможность высказываться представилась, не воспользовались этой возможностью. Нашлась, впрочемъ, газета, которая поставила въ заслугу русской печати самый фактъ непроизвольнаго ея молчанія вначалѣ. Нѣтъ надобности говорить, что это были „Московскія Вѣдомости". Получивъ, наконецъ, возможность говорить, вмѣстѣ со всѣми, эта газета даже выразила сожалѣніе, что *англійская* печать не послѣдовала примѣру (!) осторожности, данному русской печатью въ этомъ случаѣ. Впрочемъ, это характеристическая черта всей дѣятельности издателей московской газеты: самоувѣренно отрицать факты всѣмъ извѣстные и какъ ни въ чемъ ни бывало разсуждать себѣ совершенно независимо отъ аксіомъ. Наивность безстыдства „Московскихъ Вѣдомостей" особенно мила тогда, когда онѣ своего же ученика—газету „Голосъ" обвиняютъ въ подобномъ пріемѣ—говорить гласно прямо противоположное тому, что всѣмъ негласно извѣстно. Такъ, „Московскія Вѣдомости" недавно уличали „Голосъ" въ томъ, что редакторъ его вмѣстѣ съ другими редакторами былъ поставленъ въ извѣстность о жалобахъ военной администраціи на нѣкоторыя сужденія печати, а между тѣмъ, рѣшился потомъ гласно сказать, въ похвалу военной администраціи, что она никогда не жалуется на печать. Пусть бы кто другой уличалъ въ этомъ „Голосъ"; но не учителю уличать своего ученика въ подражаніи. Положимъ, „Голосъ" и поступилъ такъ, какъ сообщали „Моск. Вѣд.". Но онъ, по крайней мѣрѣ, могъ разсчитывать, что не всѣмъ извѣстно тó, чтó онъ желалъ игнорировать. А каково удивляться и сожалѣть, что англійская печать не послѣдовала примѣру сдержанности, данному русской печатью!

Возвращаясь къ хивинской экспедиціи, пожелаемъ ей одного, чтобы она имѣла ясно предначертанную цѣль. Возможны только двѣ цѣли: или покорить Хиву, или просто наказать хана, а затѣмъ возвратиться назадъ, возстановивъ снова степь между нами и его владѣніями. Занять же за степью одинъ пунктъ, значило бы все равно, что желать покоренія, только отсрочить его. Такъ, занятіе Чемкента, пункта за степью, привело насъ къ покоренію всего туркестантскаго края, а занятіе Джизака, тоже пункта за степью, привело насъ въ Самаркандъ. Пусть мы только накажемъ хивинскаго хана, какъ наказали англичане абиссинскаго царя, или покоримъ Хиву, если она того стóитъ. Лишь бы покореніе не произошло слу-

чайно, лишь бы случайно мы не очутились съ такимъ расширеніемъ границъ, котораго сами не желали.

Въ минувшемъ мѣсяцѣ обнародовано въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ высочайше утвержденное 20-го марта, мнѣніе государственнаго совѣта, объ образованіи петербургскаго градоначальства и о сопровождающихъ его измѣненіяхъ въ устройствѣ мѣстной администраціи, а также утвержденные того же числа положеніе о градоначальствѣ и штатъ его. Должности петербурскаго оберъ-полиціймейстера и его помощника упразднены и лица ихъ занимавшія назначены въ должности градоначальника столицы и его помощника. Сущность новаго положенія заключается въ томъ, что отнынѣ собственно городъ Петербургъ изъятъ изъ губерніи, изъ вѣдѣнія губернатора и губернскихъ мѣстъ (которые, впрочемъ, и впредь помѣщаются въ Петербургѣ). Губернаторомъ Петербурга, то-есть, начальникомъ управленія столицею въ административномъ отношеніи, сдѣланъ непосредственный начальникъ полиціи, оберъ-полиціймейстеръ, переименованный въ градоначальники; онъ пользуется всѣми правами губернатора, и городская управа, и городской голова поставлены къ нему въ такое же отношеніе, въ какомъ тѣ же учрежденія въ Москвѣ находятся къ губернатору и генералъ-губернатору. Москву мы приводимъ въ примѣръ потому, что тамъ существуютъ отдѣльно всѣ три инстанціи, которыя въ Петербургѣ теперь слиты въ одну. Въ Москвѣ есть генералъ-губернаторъ, которому городское общественное управленіе подчинено; губернаторъ, которому оно отчасти подчинено, какъ разъяснилъ недавній циркуляръ, наконецъ, оберъ-полиціймейстеръ, непосредственный начальникъ полиціи, которому городское общественное управленіе не подчинено уже ни въ какой мѣрѣ. Теперь, представимъ себѣ, что московскій оберъ-полиціймейстеръ сдѣланъ начальникомъ всего городского управленія, съ упраздненіемъ должностей губернатора и генералъ-губернатора, или съ изъятіемъ города Москвы изъ вѣдѣнія этихъ двухъ лицъ, тогда мы получимъ основную черту той организаціи, которая теперь введена въ Петербургѣ. Мы взяли въ примѣръ Москву, потому что иначе большинству читателей трудно было бы наглядно разъяснить сущность преобразованія властей въ Петербургѣ; генералъ-губернатора здѣсь нѣтъ, а о здѣшнемъ губернаторѣ и доселѣ было мало слышно.

Итакъ, градоначальникъ есть губернаторъ города Петербурга; петербургская же губернія, за исключеніемъ столицы, остается въ вѣдѣніи гражданскаго губернатора, какъ и доселѣ. Но губернатору Петербурга, градоначальнику, положеніе предоставляетъ такое пре-

имущество, какимъ не пользуется ни одинъ изъ губернаторовъ имперіи: право не только доносить непосредственно верховной власти о болѣе важныхъ происшествіяхъ въ столицѣ и „главнѣйшихъ предметахъ полицейскаго управленія въ оной“ (этимъ правомъ, какъ извѣстно, пользовался и оберъ-полиційместеръ), но и „испрашивать въ потребныхъ случаяхъ разрѣшенія Его Величества“. Правомъ этимъ (сказано въ Положеніи) онъ имѣетъ, однако, пользоваться съ должною осмотрительностью, отнюдь не дозволяя себѣ утруждать Государя Императора представленіями по такимъ предметамъ полицейскаго управленія, разрѣшеніе коихъ, на основаніи уставовъ и учрежденій, зависитъ отъ министровъ и главноуправляющихъ, или же для представленія коихъ на Высочайшее воззрѣніе установленъ особый ходъ“. Послѣднія слова, очевидно, относятся къ мѣрамъ законодательнымъ; первая оговорка ограждаетъ права высшихъ административныхъ органовъ; что же касается круга вѣдѣнія городского общественнаго управленія, то по отношенію къ нему здѣсь ограниченія не положено, и затѣмъ будетъ зависѣть уже отъ самого градоначальника примѣнять или не примѣнять въ потребныхъ случаяхъ дарованное ему право непосредственно испрашивать повелѣніе по такимъ дѣламъ, которыя по Городовому Положенію подлежатъ вѣдѣнію общественнаго управленія.

Другое немаловажное преимущество дано градоначальнику новымъ закономъ относительно кредита, предоставленнаго въ полное его распоряженіе: „въ смѣту г. С.-Петербурга вносится впредь ежегодно сумма въ тридцать тысячъ рублей, на непредвидѣнныя надобности по благоустройству столицы; сумма эта, оставаясь въ вѣдѣніи городской управы, имѣетъ быть расходуема ею на означенный предметъ исключительно по указаніямъ С.-Петербургскаго градоначальника“. Объ отчетности по расходованію этой суммы въ положеніи не упоминается, однако, управа будетъ, разумѣется, вести эту отчетность; но, спрашивается, будетъ ли отчетность эта такова, чтобы она могла подлежать ревизіи думы, такъ какъ это будетъ зависѣть отъ степени опредѣленности самыхъ указаній градоначальника о каждомъ расходѣ. Напримѣръ, если указаніе будетъ заключаться только въ предложеніи отпустить извѣстному чиновнику такую-то сумму на такую-то надобность, то затѣмъ въ отчетности управы обо всемъ производствѣ этого расхода только и останется свѣдѣніе, что такая-то сумма была выдана на извѣстный предметъ по указанію градоначальника.

Подчиненность городского общественнаго управленія начальнику столичной полиціи, то-есть градоначальнику, обусловливается, во-первыхъ, уже тѣмъ, что на градоначальника переносятся теперь всѣ

тѣ права по надзору за законностью дѣйствій городского общественнаго управленія, которыя установлены правилами о примѣненіи къ столицамъ Городового Положенія; во-вторыхъ, тѣмъ, что, какъ объяснено выше, городская управа производитъ нѣкоторые расходы изъ средствъ города прямо по указаніямъ градоначальника. При градоначальникѣ учреждается особое „совѣщательное присутствіе", безъ рѣшающаго голоса. Это — совѣтъ градоначальника, нѣчто въ родѣ тѣхъ губернаторскихъ совѣтовъ, которые предполагались прежнимъ проектомъ административно-полицейской реформы. Совѣщательное присутствіе состоитъ изъ помощника градоначальника, управляющаго его канцеляріею и чиновниковъ управленія градоначальства. Между тѣмъ, обсужденію его подлежитъ не только вопросъ о преданіи суду чиновъ градоначальства и полиціи, но и такой вопросъ, который уже прямо входитъ въ кругъ вѣдѣнія общественнаго управленія, именно—постановленія столичныхъ городскихъ сословій объ исключеніи изъ ихъ среды порочныхъ членовъ и, наконецъ, даже „другія дѣла, требующія коллегіальнаго обсужденія по усмотрѣнію градоначальника".

Весь расходъ по содержанію петербургскаго градоначальства и соединенныхъ съ нимъ учрежденій (врачебнаго присутствія и отдѣльныхъ частей полицейскаго управленія) составитъ по штатамъ 290,850 рублей, изъ которыхъ 150,620 рублей относятся на средства города, а 140,230 рублей на государственное казначейство. Въ соединеніи съ кредитомъ въ 30 т. р., предоставленнымъ градоначальнику по благоустройству столицы, весь расходъ города на дѣйствіе новыхъ административно-полицейскихъ учрежденій составитъ 180,620 р. въ годъ. Нельзя не замѣтить, что въ бюджетѣ этихъ учрежденій содержаніе самого высшаго управленія составляетъ весьма крупную цифру, а именно на содержаніе градоначальника, съ помощникомъ, чиновниками особыхъ порученій и канцеляріею, опредѣляется до 110 тысячъ рублей. Высказывать общее сужденіе о характерѣ этого преобразованія мы считаемъ излишнимъ въ виду того мнѣнія по предмету лучшаго устройства столичной полиціи, которое мы высказывали уже не разъ, и которое сводилось къ тому, что наиболѣе раціональнымъ намъ казалось раздѣленіе столичной полиціи на государственную полицію безопасности, не имѣющую отношенія къ дѣламъ городского управленія, подчиненную прямо министерству внутреннихъ дѣлъ, и на полицію благочинія и порядка, подчиненную непосредственно самому городскому общественному управленію.

Мы получили отъ г. Петербургскаго губернскаго предводителя дворянства слѣдующее письмо:

С.-Петербургъ, 3-го апрѣля 1873-го г. — М. г. Въ отчетѣ вашемъ о послѣднемъ чрезвычайномъ собраніи С.-Петербургскаго дворянства, вкрались довольно крупныя невѣрности. А. П. Платоновъ будучи болѣнъ не участвовалъ ни въ одномъ засѣданіи собранія и кромѣ проекта о „Всесословной волости, *никакое* его предложеніе не было *пущено на голоса*". Предложеніе о томъ чтобы *вопросъ о „всесословной волости", вообще, не разсматривался собраніемъ* было сдѣлано другимъ членомъ и дѣйствительно представляло собою *такъ-называемый „предварительный вопросъ"*, несвоевременно поставленный; но *голосованія* по этому вопросу *не было* и предложеніе отклонено предсѣдателемъ именно по причинѣ несвоевременнаго представленія.

Въ качествѣ предсѣдателя чрезвычайнаго собранія С.-Петербургскаго дворянства 1873-го года прошу помѣстить мое письмо въ майскую книжку „Вѣстника Европы".

Примите и пр. Гр. Шуваловъ, С.-Петерб. Губерн. Предводитель Дворянства.

Еще до полученія этого письма, мы прочли подобное же сообщеніе графа А. П. Шувалова, разосланное имъ въ газеты. Въ виду такого обстоятельства мы не можемъ теперь помѣстить письма къ намъ безъ всякой оговорки съ своей стороны, какъ сдѣлали бы то, еслибы г. С.-Петербургскій губернскій предводитель дворянства обратился къ намъ съ возстановленіемъ, впрочемъ, весьма и весьма второстепеннаго факта. Но обращеніе въ газеты, очевидно, обнаруживало намѣреніе не только возстановить фактъ, въ настоящемъ случаѣ маловажный, но и набросить тѣнь сомнѣнія на весь смыслъ нашего разсужденія, между тѣмъ, какъ наше разсужденіе основывалось вовсе не на именахъ лицъ, а на фактахъ весьма существенныхъ, оставленныхъ, однако, безъ опроверженія. Нашъ хроникеръ, какъ теперь оказывается, не разслышалъ имени лица, внесшаго предложеніе объ устраненіи вопроса о всесословной волости, и принялъ его за автора одного изъ проектовъ, что̀ и подало ему поводъ счесть голосованіе по проекту г. Платонова за голосованіе по означенному предложенію. Мы весьма благодарны за такую поправку, но позволяемъ себѣ замѣтить, что такъ или иначе называлось то или другое лицо, но независимо отъ того, мы имѣли въ виду достаточно фактовъ для сужденія, которые мы произнесли, а именно, что предложеніе, заключавшее въ себѣ, какъ то признаётъ теперь и самъ графъ Шуваловъ, „предварительный вопросъ", было поставлено имъ сперва въ ряду предложеній учредительныхъ; а что предсѣдатель объявлялъ открытыми пренія по всѣмъ столь разнороднымъ предложеніямъ вмѣстѣ, это можетъ

напомнить графу Шувалову протоколъ, если только было занесено туда прямое возраженіе одного изъ членовъ, сказавшаго, что онъ не понимаетъ, какимъ же образомъ будутъ разсуждать въ одно время и о проектахъ, и о томъ, чтобы о самомъ вопросѣ не разсуждать! Всѣ же прочія существенныя наши замѣчанія о томъ, что каждое предложеніе заставало предсѣдателя въ расплохъ, что онъ, только вслѣдствіе разъясненій со стороны другихъ членовъ, давалъ имъ опредѣленное направленіе, что объявленіе числа поданныхъ голосовъ было неудовлетворительно, такъ какъ оно не свѣрялось съ общимъ числомъ всѣхъ присутствующихъ членовъ; что самый способъ голосованія посредствомъ вставанія въ нашихъ собраніяхъ ведетъ къ ошибкамъ и даже нѣкоторому произволу; что относительно требованія баллотировки и вообще хода преній должны существовать точныя правила,—все это остается и теперь совершенно вѣрнымъ, независимо отъ того, назывался ли авторъ „предварительнаго вопроса" А. П. Платоновымъ, или какимъ-нибудь другимъ именемъ. Въ заключеніе, замѣтимъ также, что возстановленіе факта, не измѣняющее впрочемъ сущности дѣла, можно было сдѣлать, не прибѣгая къ несовсѣмъ „парламентскому" намеку на то, что мы,—какъ выразился графъ А. П. Шуваловъ, подчеркивая въ своемъ газетномъ объясненіи то, что ему кажется страннымъ,—говоримъ „о русскомъ незнаніи правилъ *сеймованія*" (курсивъ подлинника). Понимая почтеннаго графа на его полусловѣ, на его искусствѣ подчеркиванія, мы спѣшимъ успокоить возникшія въ немъ, повидимому, филологическія подозрѣнія: *сеймъ* такое же русское слово, какъ, напримѣръ, *голосъ*, и если отъ послѣдняго производится *голосованіе*, то нѣтъ опасности произвести и отъ перваго *сеймованіе*, и затѣмъ говорить о незнаніи у насъ порядка сеймованія. Правда, мы имѣемъ другой терминъ: порядокъ засѣданія; онъ, безъ сомнѣнія, возникъ у насъ въ ту эпоху, когда, дѣйствительно, въ нашихъ собраніяхъ существеннымъ было сидѣніе, а не говореніе, и при этомъ еще наши бояре засѣдали, „уставя брады"; но все же мы думаемъ, что употребленіе нами другого слова, произведеннаго по аналогіи, не требовало курсива, да и вообще нашъ отзывъ по своей цѣли не могъ подать повода къ какой-нибудь раздражительности. Мы разсуждали вполнѣ объективно, отдали даже справедливость безпристрастію предсѣдателя и такту всѣхъ ораторовъ собранія, наконецъ, мы, во избѣжаніе всякихъ личностей, отказались подвергать критическому просмотру рѣчи дѣйствительно слабыя, какъ, напр., та, логика которой состояла въ переходѣ отъ англійскаго самоуправленія къ разъясненію значенія розги въ нашемъ крестьянскомъ быту и къ анекдоту о томъ, какъ крестьяне однажды высѣкли самихъ судей,—анекдоту, который, очевидно, не

велъ къ уясненію ни вопроса о всесловной волости, ни характера англійскаго самоуправленія.

Мы уже заключили нынѣшнюю хронику, когда вышелъ въ свѣтъ № 15 „Недѣли“ съ „опроверженіемъ“ отъ министерства народнаго просвѣщенія извѣстія, помѣщеннаго въ этой газетѣ, о томъ, что будто бы изъ семи чеховъ, назначенныхъ въ гимназіи учителями, двое оказались несвѣдущими въ исторіи, а двое—латинскаго и греческаго языковъ, преподаваемыхъ уже ими два года. Изъ „опроверженія“ видно, что все это такъ, да не такъ, а именно: „Въ концѣ прошлаго года случилось впервые, что двое славянскихъ стипендіатовъ—вышеозначенный чехъ и одинъ словинецъ, въ то же почти время допущенный къ преподаванію древнихъ языковъ въ одной изъ с.-петербургскихъ гимназій до выдержанія формальнаго (?) испытанія на званіе учителя по случаю, послѣдовавшаго уже въ теченіи учебнаго года, назначенія штатнаго преподавателя ея инспекторомъ прогимназіи,—не выдержали испытанія не въ древнихъ языкахъ, которые они преподаютъ и въ которыхъ они оказались достаточно сильными, а въ русской исторіи, и точно также въ концѣ прошлаго года впервые случилось, что одинъ изъ славянскихъ стипендіатовъ — русскій изъ Галиціи, также допущенный съ октября же 1872 г. къ преподаванію латинскаго въ одной изъ с.-петербургскихъ гимназій въ низшихъ двухъ классахъ ея, былъ найденъ на испытаніи въ университетѣ не вполнѣ удовлетворительнымъ по латинскому языку, и также, какъ и двое вышеупомянутыхъ его товарищей оказавшихъ неудовлетворительныя познанія по русской исторіи, не получили учительскаго диплома.“ Итакъ, истина состоитъ въ томъ, что было всего три непріятныхъ случая: въ двухъ случаяхъ признано было однако, что незнаніе русской исторіи не есть препятствіе для чеха и словинца къ тому, чтобы имъ поручить преподаваніе латинскаго языка, между тѣмъ, какъ для русскаго студента не выдержать экзамена изъ какого-нибудь предмета значитъ не получить вовсе кандидатскаго диплома и, слѣдовательно, не имѣть права вообще быть преподавателемъ; а въ третьемъ случаѣ, дѣйствительно оказалось, что лицо, преподававшее уже латинскій языкъ съ октября мѣсяца, само потомъ не выдержало экзамена, и именно въ латинскомъ языкѣ. Но насъ привело въ недоумѣніе не это обстоятельство, а заключительныя слова министерскаго „опроверженія“: „*Впрочемъ* (?),—говоритъ „опроверженіе“,—начальство с.-петербургскаго учебнаго округа, которое чрезъ своихъ окружныхъ инспекторовъ внимательно слѣдитъ за преподаваніемъ въ здѣшнихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ всѣхъ

предметовъ вообще, и древнихъ языковъ въ особенности, *сочло за должное*, *не устранять* (т.-е. послѣ того, какъ одинъ изъ славянъ уже доказалъ въ университетѣ, что онъ плохъ въ латыни) отъ преподаванія древнихъ языковъ и вышеозначенныхъ трехъ бывшихъ стипендіатовъ, удостовѣрившись (?), что они ведутъ свое дѣло хорошо, съ большимъ усердіемъ и педагогическимъ тактомъ, но, конечно, подъ условіемъ, что къ началу новаго учебнаго года (т.-е. къ августу мѣсяцу), они будутъ уже имѣть учительскій дипломъ."

Итакъ, господинъ изъ Галиціи будетъ учить латинскому языку еще до августа, не потому, что онъ знаетъ латинскій языкъ, но потому, что онъ „ведетъ дѣло свое хорошо", усерденъ и имѣетъ педагогическій тактъ, въ нашихъ глазахъ даже необычайный, такъ какъ учить съ успѣхомъ тому, что самъ, по свидѣтельству университета, знаешь неудовлетворительно—дѣло мудреное. Мы сознаемся, что для насъ остается совершенно непонятнымъ это „впрочемъ". Человѣкъ неудовлетворительно знаетъ латинскій языкъ, „впрочемъ" можетъ продолжать преподаваніе латинскаго языка! Чтó значитъ это „впрочемъ"? Начальство с.-петербургскаго учебнаго округа „сочло за должное", но почему? на все есть уставы; на основаніи какого параграфа, въ случаѣ незнанія предмета самимъ преподавателемъ, можно допустить его къ преподаванію мало извѣстнаго ему предмета за одно „усердіе" и „педагогическій тактъ"? Мы, впрочемъ, думаемъ, что тутъ вина только того, кто редактировалъ это „опроверженіе", и увлекся примѣромъ Катона, употреблявшаго свое знаменитое „caeterum" иногда и не совсѣмъ кстати.

НОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦІЯ ГИМНАЗІЙ.

По поводу правилъ, изданныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія для испытанія учениковъ гимназій и прогимназій.

Когда, два года тому назадъ, былъ утвержденъ новый уставъ гимназій и прогимназій, то этимъ же уставомъ было опредѣлено изложить правила испытанія учениковъ при поступленіи въ заведенія, при переводѣ изъ класса и при окончаніи ими курса „въ особой инструкціи, утвержденной министерствомъ народнаго просвѣщенія для всѣхъ учебныхъ округовъ и публикуемой во всеобщее свѣдѣніе".

Не ранѣе, какъ года полтора спустя, а именно 8 декабря прош-

лаго года, инструкція эта была, наконецъ, утверждена министромъ; оффиціальный органъ министерства народнаго просвѣщенія въ январьской книжкѣ, возвѣщая о появленіи этой инструкціи, называетъ ее „обширною". Дѣйствительно, инструкція занимаетъ 48 страницъ весьма убористой печати и состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ:

1) Общія положенія, въ которыхъ тщательно разсматривается употребленіе первыхъ 5-ти чиселъ для выраженія успѣховъ, прилежанія и вниманія учениковъ.

2) Правила для пріемныхъ испытаній, регламентировавшія съ самою мелочною подробностію весь порядокъ пріема учениковъ.

3) Правила испытаній переводныхъ изъ класса въ классъ, которыми вопросъ этотъ сведенъ къ производству ариѳметическихъ выкладокъ и подысканію параграфа инструкціи, опредѣляющаго при какихъ цифрахъ, означающихъ успѣхи ученика, послѣдній долженъ быть переведенъ въ слѣдующій классъ, оставленъ въ своемъ классѣ, исключенъ изъ заведенія и проч. Конечно, отнынѣ вопросъ о переводѣ учениковъ въ слѣдующіе классы не будетъ болѣе предметомъ оживленныхъ преній въ педагогическихъ совѣтахъ, такъ какъ, безъ сомнѣнія, будутъ приняты всѣ мѣры, дабы инструкція исполнялась самымъ исправнымъ образомъ, а въ многочисленныхъ параграфахъ ея заранѣе предусмотрѣны всевозможныя комбинаціи цифръ, выражающихъ успѣхи учениковъ.

4) Наконецъ, четвертый и самый обширный отдѣлъ инструкціи занимается выпускнымъ экзаменомъ.

Мы не рѣшаемся выписывать названія, даннаго этимъ экзаменамъ въ инструкціи, скажемъ только, что оно составляетъ дословный переводъ извѣстнаго термина *Maturitäts*-Prüfungen, первую половину котораго и нѣмцы не перевели съ латинскаго на свой отечественный языкъ. Вѣроятно названіе, данное инструкціею выпускнымъ экзаменамъ, мало будетъ употребляться въ практикѣ и могло бы совсѣмъ быть забытымъ, если бы извѣстные всѣмъ гимназическіе аттестаты не были переименованы въ аттестаты — *maturitatis!*

Подробности, предложенныя инструкціею для выпускныхъ экзаменовъ, свидѣтельствуютъ прежде всего о крайнемъ недовѣріи министерства ко всему личному составу гимназій и прогимназій:

1) У экзаменной коммиссіи отнято право составленія задачъ для письменныхъ отвѣтовъ; задачи эти заготовляются въ *канцеляріяхъ* попечителей и присылаются въ гимназіи въ запечатанныхъ конвертахъ съ надписью: „вскрыть въ присутствіи членовъ испытательной коммиссіи *и учениковъ* (?) передъ самымъ началомъ письменнаго испытанія по такому-то предмету" — (§ 52). Недовѣріе къ педагогическимъ корпораціямъ заведеній доходитъ до того, что инструкція

предвидитъ даже случай внезапной болѣзни ученика во время производства экзамена. На этотъ случай попечители обязаны присылать по запасной темѣ на каждый предметъ, также въ запечатанныхъ конвертахъ съ надписью: „*запасная тема по такому предмету*". „Въ случаѣ, если бы не было надобности обратиться къ запаснымъ темамъ",—сказано въ § 52, „конверты отсылаются обратно къ начальству учебнаго округа *нераспечатанными*".

2) Правила, предписываемыя § 55, направлены противъ плутовства учениковъ во время письменныхъ испытаній. Экзаменующіеся въ день экзамена не могутъ принести рѣшительно никакой книги не только въ комнату, назначенную для экзамена, но даже въ гимназію. Опоздавшіе прибыть къ самому началу письменнаго испытанія къ оному не допускаются. Для письменныхъ испытаній назначается самая обширная зала въ гимназіи и въ ней каждый экзаменующійся получаетъ особый столъ, отдѣльно стоящій отъ другихъ столовъ". Весь § 55-й въ этомъ же родѣ, и ни одному заведенію не дозволено считать своихъ окончившихъ курсъ достаточно развитыми нравственно, чтобы не прибѣгать, по крайней мѣрѣ, къ грубымъ видамъ обмана. Извѣстный англійскій педагогъ Арнольдъ имѣлъ обыкновеніе всегда вѣрить своимъ воспитанникамъ, и послѣдніе оцѣнили это. Арнольду нельзя лгать, говорили они: онъ всему вѣритъ! Интересно, какимъ образомъ московскіе классики, которымъ знакомо приведенное свѣдѣніе объ Арнольдѣ, будутъ защищать инструкцію 8-го декабря.

Въ обзорѣ дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія за 1872 годъ, напечатанномъ въ январьской книгѣ его органа за нынѣшній годъ, проводится мысль, что инструкція 8-го декабря имѣла будто бы въ виду правила для экзаменовъ, выработанныя „въ *образованнѣйшихъ странахъ*". Если подъ образованнѣйшими странами подразумѣваются Англія и Германія, то мы рѣшаемся утверждать, что инструкція хотя и почерпнула большую часть своихъ положеній (думаемъ, что точнѣе было бы сказать: всѣ) изъ разныхъ нѣмецкихъ инструкцій, но пропитала всѣ эти положенія однимъ началомъ, за которымъ нельзя не признать отечественнаго происхожденія.

Сколько намъ пришлось познакомиться съ чужеземными инструкціями, всѣ онѣ уступаютъ нашей русской въ многочисленности параграфовъ и въ степени мелочности регламентаціи, и только сводя правила для экзаменовъ, изданныя въ *разныхъ* нѣмецкихъ государствахъ, можно было получить 75 *обширныхъ* параграфовъ „обширной" инструкціи 8-го декабря. Наконецъ, не въ одной только Англіи, но и въ Германіи, самостоятельность педагогическихъ корпорацій учебныхъ заведеній ревниво охраняется всѣми сколько-нибудь прикосно-

венными дѣлу воспитанія; наша же русская инструкція, какъ-бы опасаясь, что мелочною регламентаціею недостаточно устранено вліяніе взглядовъ и пріемовъ, выработанныхъ въ каждой гимназіи, ввела въ испытательную коммиссію, производящую выпускной экзаменъ, чиновника, командируемаго попечителемъ округа и рѣшилась придать этому чиновнику, въ противность точному смыслу Высочайше утвержденнаго въ 1871 году устава гимназій, преобладающій голосъ въ сужденіяхъ коммиссіи. По §§ 39, 57 и 66 инструкціи, въ случаѣ несогласія депутата попечителя съ большинствомъ испытательной коммиссіи, дѣло представляется на разсмотрѣніе подлежащаго высшаго начальства и представляется *не директоромъ*, *а депутатомъ*.

Въ доказательство справедливости нашихъ словъ, что преобладающее значеніе депутата попечителя противорѣчитъ уставу гимназій, сошлемся на слѣдующіе параграфы устава:

1) § 74, по которому переводъ учениковъ изъ класса въ классъ и выдача аттестатовъ окончившимъ съ успѣхомъ курсъ ученія подлежатъ „*обсужденію и окончательному рѣшенію педагогическаго совѣта*".

2) § 71, по которому всѣ рѣшенія спеціальныхъ коммиссій, составленныхъ изъ членовъ совѣта (а такою коммиссіею должна быть признана испытательная), представляются непремѣнно на утвержденіе педагогическаго совѣта.

3) § 69, которымъ съ совершенной точностію опредѣленъ составъ педагогическаго совѣта, такъ что присвоеніе кому-либо права преобладающаго голоса въ вопросѣ, предоставленномъ закономъ окончательному рѣшенію совѣта (§ 75), должно бы, казалось, дѣлаться не иначе какъ въ законодательномъ порядкѣ. Мы, по крайней мѣрѣ, не нашли законоположеній, которыя уполномочивали бы высшее начальство гимназій сообщать своимъ чиновникамъ, которые можетъ быть начали свою служебную карьеру писарями въ канцеляріяхъ министра или попечителей, права членовъ педагогическихъ совѣтовъ даже и съ обыкновеннымъ, а не только съ преобладающимъ голосомъ.

Не принадлежа къ числу защитниковъ классицизма quand même, мы радовались, однако, когда система эта окончательно водворилась въ нашихъ гимназіяхъ: намъ казалось, что съ водвореніемъ опредѣленной системы, не подвергаемой болѣе вопросу или ломкѣ, наши заведенія на долгое время будутъ обезпечены отъ мелочной регламентаціи извнѣ и такимъ образомъ получатъ, наконецъ, возможность развиваться самостоятельно, органически. Изданная 8-го декабря инструкція убѣдила насъ, что мы ошибались: наши учебныя заведенія по прежнему не обезпечены отъ самаго мелочного вмѣшательства центральныхъ управленій, не обезпечены даже точнымъ смысломъ устава, утвержденнаго Высочайшею властью.

Полагаю, немного найдется педагогическихъ совѣтовъ, которые не дорожили бы предоставленнымъ имъ § 74-мъ устава правомъ *обсудить и окончательно рѣшить* вопросъ о выдачѣ аттестатовъ окончившимъ курсъ. Инструкція 8-го декабря свела это право на обязанность внести въ установленный инструкціею бланкъ успѣхи каждаго окончившаго курсъ, опредѣленные чиновникомъ чуждымъ совѣту, и затѣмъ подписать этотъ бланкъ всѣмъ членамъ совѣта, который такимъ образомъ изъ инстанціи, окончательно рѣшающей вопросъ, обращается какъ-бы въ собственную канцелярію чиновника канцеляріи попечителя.

Чтобы обезпечить на будущее время самостоятельность нашихъ учебныхъ заведеній, намъ представляется только одна мѣра: это— ограниченіе до надлежащаго минимума состава центральныхъ управленій, которыя кишатъ чиновниками, ищущими дѣла и жаждущими возможности отличиться разработкою до мелочей какого-либо вопроса. Если бы такая мысль когда-нибудь была приведена въ исполненіе, то центральныя управленія для составленія новыхъ инструкцій и пересмотра старыхъ были бы принуждены обращаться къ директорамъ и учителямъ гимназій, и тогда, вѣроятно, новыя инструкціи наши сдѣлались бы менѣе обширными, но за то онѣ не становились бы въ противорѣчіе съ такими статьями закона, которыя обезпечиваютъ необходимую для дѣла самостоятельность педагогическихъ коллегій.

П. Н.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-ое мая, 1873.

Пріѣздъ императора Вильгельма.—Измѣненіе австрійской конституціи—Новый законъ о выборахъ.—Соглашеніе съ Галиціей.—Результаты частныхъ выборовъ во Франціи. — Ремюза и Бароде. — Германскія дѣла. — Духовные законы. — Положеніе Эльзаса.

Въ ряду политическихъ событій истекшаго мѣсяца важное мѣсто займетъ пріѣздъ императора германскаго, короля прусскаго Вильгельма I въ Петербургъ. Пріѣздъ этотъ хотя и не представляетъ непосредственной связи съ какимъ-либо изъ стоящихъ на очереди вопросовъ, но тѣмъ не менѣе имѣетъ важное политическое значеніе, потому что ознаменовываетъ собою еще разъ дружественныя отношенія, существующія между нашимъ и берлинскимъ кабинетомъ. Личность императора Вильгельма заслуживаетъ всякаго уваженія, и сопровождавшіе его, ближайшіе его помощники князь Бисмаркъ и графъ Мольтке, безспорно принадлежатъ къ числу замѣчательнѣйшихъ людей новѣйшей исторіи. Естественно поэтому, что населеніе русской столицы стекалось огромными массами встрѣчать ихъ вездѣ, гдѣ они являлись, и радушно привѣтствовало гостей своего Государя.

Между тѣмъ конституціонная жизнь Австріи, то-есть, той части монархіи, которая состоитъ подъ австрійскою, а не венгерскою короной, вступила въ прошломъ мѣсяцѣ въ новый періодъ существованія. Эрою, съ которой начинается этотъ періодъ, является состоявшаяся въ прошломъ мѣсяцѣ избирательная реформа. Основаніемъ конституціонной жизни австрійскихъ земель или Цислейтаніи, служитъ октябрьскій дипломъ 1860 года и февральскій патентъ 1861 года. Эти два документа, взятые каждый отдѣльно, имѣли смыслъ различный: дипломъ 1860 года и политика на немъ основанная, первымъ

представителемъ которой былъ графъ Голуховскій, предполагали устройство Цислейтаніи на основаніи принциповъ близкихъ къ федерализму, то-есть не только предоставленіе разнымъ королевствамъ, входящимъ въ составъ Цислейтаніи, областныхъ сеймовъ для обсужденія мѣстныхъ дѣлъ, но и признаніе за каждой изъ этихъ единицъ ея исторической, національной личности, самостоятельности. При полномъ развитіи этихъ началъ, Цислейтанія представила бы союзъ самостоятельныхъ національныхъ единицъ, съ общей властью и представительствомъ единственно по обще-имперскимъ дѣламъ въ Вѣнѣ. Но такъ какъ австрійское правительство есть все-таки правительство нѣмецкое, стремившееся въ то время въ своей внѣшней политикѣ прежде всего къ германскимъ цѣлямъ; такъ какъ, съ другой стороны, нѣмецкія провинціи Австріи и вообще нѣмецкій элементъ во всѣхъ ея земляхъ представляли наиболѣе вліятельную по богатству и образованности часть населенія имперіи, то естественно, что скоро сказалась реакція отъ принципа федерализма къ принципу централизма или унитаризма, котораго примѣненіе вело въ Австріи къ преобладанію нѣмецкаго элемента въ общихъ дѣлахъ. Результатомъ этой реакціи былъ февральскій патентъ 1861 года и политика, которой первымъ представителемъ явился Шмерлингъ. Если бы патентъ 1861 года былъ составленъ въ отмѣну диплома 1860 года, то перемѣна произошла бы полная, и затѣмъ вопросъ былъ бы только въ успѣхѣ. Но такъ какъ февральскій патентъ былъ составленъ и изданъ не въ отмѣну, а въ дополненіе октябрьскаго диплома, то отсюда произошла неизбѣжность колебаній отъ одного принципа къ другому; патентъ 1861 года не низводилъ сеймы королевствъ и земель на степень простыхъ провинціальныхъ сеймовъ; онъ признавалъ, что не только законодательство въ дѣлахъ чисто-мѣстныхъ и притомъ не требующихъ однообразнаго по всей имперіи устройства, должно принадлежать національнымъ сеймамъ, но продолжалъ видѣть въ историческихъ національностяхъ такія государственныя единицы, которыя по взаимному соглашенію уступали часть своей полноправности въ пользу общей власти общаго представительства и законодательства по общимъ дѣламъ въ Вѣнѣ. Такимъ образомъ, и учрежденный этимъ закономъ имперскій сеймъ, рейхсратъ долженъ былъ составляться изъ уполномоченныхъ, присланныхъ національными сеймами. Но такъ какъ въ то же время рейхсрату присвоивалась гораздо бо̀льшая компетентность, чѣмъ какую могъ бы имѣть простой съѣздъ уполномоченныхъ отъ различныхъ самостоятельныхъ королевствъ и земель, то отсюда явилась оппозиція противъ рейхсрата и централистскихъ аттрибутовъ его со стороны отдѣльныхъ національностей. И такъ какъ рейхсратъ самъ долженъ былъ состав-

ляться изъ уполномоченныхъ отъ національныхъ сеймовъ, то ясно, что такая конституція въ одно и то же время и посягала на полную автономію національностей, и давала имъ въ руки сильнѣйшее орудіе противъ своего осуществленія: стоило важнѣйшимъ не-германскимъ національнымъ сеймамъ не прислать депутатовъ въ рейхсратъ или отозвать ихъ оттуда, и рейхсратъ дѣлался некомпетентнымъ по неполнотѣ или, по меньшей мѣрѣ, лишался авторитета обще-національнаго австрійскаго представительства, превращаясь въ представительство собственно-нѣмецкое.

Этимъ орудіемъ и пользовались безъ всякаго стѣсненія чехи и поляки, такъ что хотя законъ предполагалъ основою конституціонной жизни соглашеніе, но въ дѣйствительности рейхсратъ въ Вѣнѣ безпрестанно оказывался неполнымъ и представлялъ собою прямое свидѣтельство отсутствія соглашенія. Событія 1866 года заставили правительство серьёзно подумать объ упроченіи государственнаго быта. Настоятельнѣе всего было достигнуть соглашенія съ Венгріею, оно и было достигнуто въ 1867 году; на этомъ соглашеніи и утвердилась конституція 1867 года для Цислейтаніи. Эта конституція оставляла рейхсратъ въ видѣ собранія депутатовъ отъ національныхъ сеймовъ королевствъ и земель Цислейтаніи и учредила еще высшее представительство всей монархіи, какъ Цислейтаніи, такъ и Транслейтаніи, въ образѣ собранія делегацій отъ австрійскаго и венгерскаго государственныхъ сеймовъ, которые сходятся поочередно въ Вѣнѣ и въ Пештѣ. Буквою своей, соглашеніе, достигнутое съ Венгріею, на началѣ полнаго равенства и взаимной самостоятельности для обѣихъ половинъ монархіи, то-есть для австрійской имперіи и венгерской короны, ничего не рѣшило относительно внутренняго устройства въ австрійскихъ земляхъ. Но на практикѣ соглашеніе съ Венгріею въ томъ видѣ, какъ оно состоялось, должно было повліять на правительственную политику и внутри Цислейтаніи. Дѣло въ томъ, что правительство, признавъ начало дуализма, признавъ земли венгерской короны отдѣльнымъ отъ Австріи государствомъ, равноправнымъ съ австрійскою имперіею и соединеннымъ съ ней только въ лицѣ монарха, возстановило въ земляхъ за Лейтою полное преобладаніе мадьярскаго элемента, а затѣмъ естественно должно было стремиться, чтобы и земли по-сю сторону Лейты получили сходное устройство, то-есть составляли не союзъ національностей, но единое австрійское государство, другую половину монархіи, съ преобладаніемъ нѣмцевъ на этой сторонѣ Лейты, какъ венгры преобладаютъ на той сторонѣ. Иначе, еслибы въ одной половинѣ монархіи, въ Транслейтаніи, установилось подчиненіе всѣхъ національныхъ элементовъ одному, осуществленіе государственной идеи въ одномъ верховномъ

сеймѣ, а въ другой половинѣ установилась бы полная равноправность и автономія нѣсколькихъ національностей, то при такомъ неравномѣрномъ распредѣленіи ядромъ австро-венгерской монархіи очевидно сдѣлалась бы Венгрія; мы видѣли бы подъ скипетромъ короля-императора Франца-Іосифа Венгрію съ подчиненными ей прочими землями венгерской короны, и затѣмъ нѣсколько небольшихъ самостоятельныхъ національныхъ единицъ; ясно, что ядромъ, центромъ всего этого состава была бы Венгрія.

Итакъ, конституція 1867 года, основанная на дуализмѣ, должна была осуществиться не иначе, какъ при согласіи прочихъ національностей Австріи пожертвовать своими мечтами о полной національной автономіи, о полномъ возстановленіи своихъ историческихъ правъ, въ пользу созданія въ Вѣнѣ австрійскаго единства, подобно тому, какъ въ Пештѣ осуществлено было единство венгерское. Исторія Цислейтаніи съ 1867 года и представляетъ рядъ попытокъ къ соглашенію національностей, причемъ имъ въ разные моменты обѣщались бóльшія или меньшія уступки въ смыслѣ внутренней самостоятельности каждой изъ нихъ въ управленіи собственными дѣлами. Слѣдовавшія одно за другимъ министерства: Белькреди, Потоцкаго, Гогенварта и Ауэрсперга представляютъ собою рядъ тѣхъ самыхъ колебаній въ смыслѣ бóльшихъ или меньшихъ отступленій отъ единства, которыя первоначально выразились въ Голуховскомъ и Шмерлингѣ, но только новѣйшія колебанія происходили уже въ меньшихъ размѣрахъ, такъ какъ правительство вполнѣ уяснило себѣ, что дуализмъ, обязательный по соглашенію съ Венгріею, самъ по себѣ уже исключаетъ возможность дѣйствительно федеральнаго устройства въ австрійской половинѣ монархіи. Важнѣйшее изъ упомянутыхъ сейчасъ колебаній представлялось назначеніемъ министерства Гогенварта, которое соглашалось даже признать историческія права „чешской короны“ и продѣлать всю церемонію возстановленія въ Богеміи непрерывности законнаго порядка (Rechtscontinuität), лишь бы чехи съ своей стороны согласились потомъ признать надъ собой компетентность австрійскаго рейхсрата въ важнѣйшихъ законодательныхъ дѣлахъ. Попытка эта не имѣла успѣха; также не имѣла успѣха и новѣйшая попытка кабинета Ауэрсперга достигнуть соглашенія съ галицiйскими поляками.

Изъ всего сказаннаго видно, что во всей государственной постройкѣ Австріи 1861 и 1867 годовъ была важная логическая ошибка: рейхсратъ, имперскій сеймъ, долженъ былъ служить органомъ подчиненія отдѣльныхъ національностей австрійскому единству, полновластіе рейхсрата по отношенію къ отдѣльнымъ землямъ было отрицаніемъ полноправности національныхъ сеймовъ этихъ земель; а

между тѣмъ самый составъ рейхсрата прямо зависѣлъ отъ этихъ національныхъ сеймовъ, такъ что еслибы нѣсколько сеймовъ одновременно не прислали въ рейхсратъ депутатовъ, то изъ рейхсрата отсутствовала бы треть или половина законнаго числа его членовъ.

Конституція 1867 года, система дуализма, для осуществленія своего требовала прежде всего устраненія этого очевиднаго противорѣчія. Если совокупность австрійскихъ земель есть государство, а не союзъ государствъ, то ясно, что источникомъ государственнаго сейма должны быть прямые выборы населенія разныхъ провинцій, а не созваніе пословъ отъ національныхъ сеймовъ. Этого требовала логика, и удовлетвореніе ея требованію само по себѣ должно отнять изъ рукъ оппозиціи національностей главное ея орудіе — отказъ національныхъ сеймовъ прислать депутатовъ въ рейхсратъ или выходъ этихъ депутатовъ изъ рейхсрата.

Министерство князя Адольфа Ауэрсперга и г. Лассера, образовавшееся въ декабрѣ 1871 года, съ самаго начала избрало своей задачей проведеніе закона о прямыхъ выборахъ и осуществленіе соглашенія съ Галиціей. Сперва оно стремилось къ достиженію обѣихъ этихъ цѣлей одновременно, надѣясь посредствомъ нѣкоторыхъ особыхъ уступокъ Галиціи заручиться голосами поляковъ на рейсхратѣ для проведенія избирательной реформы. Для проведенія же этого закона, какъ измѣненія конституціи, требовалось большинство $^2/_3$ членовъ рейхсрата. Но поляки требовали за эту услугу болѣе, чѣмъ правительство предполагало имъ дать, а когда оказалось, что законъ о прямыхъ выборахъ прошелъ большинствомъ $^2/_3$ и безъ помощи поляковъ, тогда, разумѣется, соглашеніе съ ними отодвинулось уже на второй планъ. Нѣсколько мѣсяцевъ министерство собиралось съ силами, подготовляя почву для внесенія проекта избирательной реформы; наконецъ, въ засѣданіи 15 февраля внесло въ палату депутатовъ рейхсрата проекты двухъ законовъ, въ которыхъ и заключалось преобразованіе системы выборовъ. Одинъ былъ проектъ измѣненія конституціи въ смыслѣ установленія прямыхъ выборовъ; этотъ-то проектъ и нуждался въ одобреніи его большинствомъ $^2/_3$ голосовъ. Другой проектъ заключалъ въ себѣ новое распредѣленіе избирательныхъ округовъ. Въ объяснительной рѣчи къ этимъ проектамъ министръ-президентъ князь Ауэрспергъ назвалъ проведеніе закона о прямыхъ выборахъ „осуществленіемъ австрійской государственной идеи (Staatsgedanken).“ Число депутатовъ въ рейхсратѣ опредѣляется новымъ закономъ въ 351; въ этомъ составѣ отдѣльныя земли участвуютъ слѣдующими цифрами: Богемія 91, Галиція 63, Далмація 9, Нижняя Австрія 36, Верхняя Австрія 17, Зальцбургъ 5, Штирія 23, Каринтія 9, Краина 10, Буковина 9, Моравія 36, Силезія 10,

Тироль 18, Форарльбергъ 3, Истрія 4, Гёрцъ 4, Тріестъ 4. Такимъ образомъ, нѣмецкія земли избираютъ 115 депутатовъ, а прочіе 236 депутатовъ, что соотвѣтствуетъ и численному отношенію населеній, такъ какъ населеніе нѣмецкихъ земель составляетъ около 7-ми милліоновъ, то-есть примѣрно треть всего населенія Цислейтаніи, около 20 милл. Но равновѣсіе это нарушается тѣмъ, что тому лишнему $1\frac{1}{2}$ милліону нѣмцевъ, который разсѣянъ по землямъ не-нѣмецкимъ, предоставлено, при распредѣленіи избирательныхъ округовъ, болѣе депутатовъ, чѣмъ бы соотвѣтствовало строго числу нѣмецкихъ избирателей. Впрочемъ, главное значеніе этой реформы все-таки не въ измѣненіи численныхъ отношеній представительства народностей, но въ томъ именно, что членовъ рейхсрата будетъ избирать *все* населеніе каждой земли, а не большинство населенія этой земли, представляемое сеймомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что при новомъ способѣ избранія, на выборахъ въ Богеміи пройдетъ въ рейхсратъ болѣе нѣмцевъ, а въ Галиціи болѣе русиновъ, чѣмъ сколько тѣхъ и другихъ проходило тогда, когда депутатовъ въ рейхсратъ избирали сеймъ Богеміи, въ которомъ большинство принадлежитъ чехамъ, и сеймъ Галиціи, въ которомъ большинство принадлежитъ полякамъ.

Категоріи избирателей, установленныя прежнимъ закономъ, удержаны и въ нынѣшнемъ; выборы въ сельскихъ округахъ будутъ производиться въ двухъ степеняхъ, то-есть посредствомъ избранія выборщиковъ (Wahlmänner) въ городахъ непосредственнымъ избраніемъ. Подача голосовъ будетъ письменная и закрытая (тайная), но въ селеніяхъ можетъ быть допускаема и устная, такъ какъ избиратели могутъ и не знать грамоты. Избиратели должны имѣть не менѣе 24 лѣтъ отъ роду, избираемые не менѣе 30-ти лѣтъ; избираемы только лица, состоящія въ австрійскомъ подданствѣ не менѣе года и принадлежащія лично къ одной изъ категорій избирателей. Члены рейхсрата избираются на шесть лѣтъ. Единственный слѣдъ прежняго федеральнаго принципа сохранился въ томъ постановленіи новаго закона, что въ делегаціяхъ, то-есть въ томъ высшемъ имперскомъ собраніи, которое представляетъ обѣ половины габсбургской монархіи, Цислейтанію и Транслейтанію, остается, по прежнему, опредѣленное число представителей каждой національности, и что эти представители избираются не совокупно всѣмъ рейхсратомъ, но отдѣльно національными его группами, то-есть депутатами именно той земли, которой представителя требуется избрать въ делегацію.

Чехи не участвовали въ засѣданіяхъ рейхсрата уже со времени паденія министерства Гогенварта; поляки, какъ уже сказано выше, требовали предварительныхъ уступокъ, и не получивъ ихъ, отказались даже присутствовать при разсмотрѣніи новаго избирательнаго

закона. Грохольскій, бывшій при Гогенвартѣ министромъ, объявилъ, что новый законъ не можетъ быть утвержденъ безъ согласія сеймовъ королевствъ и земель, такъ какъ отнимаетъ у нихъ существенное право, и что проведеніе его въ одномъ рейхсратѣ будетъ нарушеніемъ законности. Послѣ того, поляки удалились изъ рейхсрата, и такимъ образомъ новый законъ былъ принятъ безъ оппозиціи. Въ палатѣ депутатовъ въ одномъ засѣданіи, 6-го марта, состоялись и пренія по закону объ измѣненіи конституціи въ смыслѣ прямыхъ выборовъ, и принятіе этого закона большинствомъ 119-ти голосовъ противъ 2-хъ; 10-го марта палата депутатовъ приняла и законъ о новомъ распредѣленіи избирательныхъ округовъ. По принятіи законовъ верхнею палатою, они были утверждены императоромъ и обнародованы 6-го апрѣля.

Проведеніе этой коренной реформы, которая должна значительно измѣнить конституціонную жизнь Цислейтаніи, вызвало живѣйшую радость въ средѣ „конституціонной", то-есть нѣмецкой централистской партіи и было встрѣчено съ сочувствіемъ всей нѣмецкой печатью за предѣлами Австріи. Это вполнѣ понятно. Органы нѣмецкой партіи разсчитываютъ, что при новомъ способѣ избранія, въ Галиціи, напримѣръ, изъ 63-хъ опредѣленныхъ для нея депутатовъ, можно достигнуть избранія отъ 20-ти до 30-ти приверженцевъ нѣмецкой партіи или, все равно, „преданныхъ" депутатовъ. Итакъ, если въ добавокъ къ 115-ти депутатамъ чисто-нѣмецкихъ земель удастся провести въ рейхсратъ еще только треть преданныхъ людей во всѣхъ другихъ земляхъ, то уже получится въ рейхсратѣ состоящее въ полномъ распоряженіи нѣмецкой партіи большинство 193-хъ противъ 158-ми; если же удастся провести въ не-германскихъ земляхъ цѣлую половину преданныхъ кандидатовъ, то нѣмецкой партіи будетъ принадлежать въ рейхсратѣ компактное большинство двухъ третей, пользуясь которымъ она можетъ измѣнять какъ пожелаетъ и самую конституцію. Но справедливо однако замѣтить, что въ прежнихъ попыткахъ къ соглашенію съ отдѣльными національностями, національности оказались столь неуступчивыми, столь готовыми принести самую возможность правильной конституціонной жизни въ жертву своимъ отдѣльнымъ притязаніямъ, что надѣяться долѣе на возможность соглашеній со всѣми ими было просто невозможно. Правительству нужно отдать справедливость въ томъ, что оно въ самомъ дѣлѣ искренно старалось о соглашеніи. Конечно, было бы лучше, если бы правильный ходъ конституціонной жизни установился на удовлетворительномъ для всѣхъ соглашеніи. Но послѣ шестилѣтнихъ безплодныхъ усилій въ этомъ смыслѣ оказывалось все-таки необхо-

димымъ, такъ или иначе, обезпечить правильность конституціонныхъ отправленій.

Итакъ, изъ двухъ своихъ задачъ, министерство князя Адольфа Ауэрсперга осуществило одну, но важнѣйшую. Соглашеніе же съ Галиціею не удалось, но мысль о немъ все-таки не оставлена и сами поляки хотя отказались участвовать въ проведеніи закона о выборахъ, но не стали въ рѣшительно враждебное отношеніе къ правительству. Открытіе сессіи делегацій, которое обыкновенно бываетъ уже по окончаніи сессіи рейхсрата, нынѣ происходило 2 апрѣля, и затѣмъ совѣщаніе делегацій и дальнѣйшія работы рейхсрата происходили одновременно до 24 апрѣля. Въ делегацію поляки явились въ полномъ числѣ. Съ своей стороны правительство сдѣлало имъ тоже двѣ любезности. Министръ Лассеръ высказался въ палатѣ депутатовъ противъ раздѣленія города Львова на два избирательныхъ округа, предложеннаго централистомъ Курандою съ той цѣлью, чтобы одного изъ депутатовъ Львова могли избирать евреи, которые присылали бы, конечно, преданнаго нѣмецкой партіи человѣка. Въ виду заявленія министра это предложеніе, которое иначе непремѣнно прошло бы, взято было назадъ. Затѣмъ, незадолго передъ закрытіемъ сессіи, бургомистръ Львова Земялковскій былъ назначенъ министромъ безъ портфеля, такъ что у Галиціи есть опять свой министръ, какъ было при Гогенвартѣ. Наканунѣ назначенія Земялковскаго министромъ, галиційскіе депутаты, оставившіе рейхсратъ по случаю проведенія закона о выборахъ, объявлены были въ рейхсратѣ сложившими съ себя свое званіе; но такъ какъ это объявленіе послѣдовало 21-го числа, т.-е. за три дня до закрытія сессіи и распущенія всей нынѣшней палаты депутатовъ, то оно не имѣло особаго значенія.

Президентъ палаты депутатовъ, кавалеръ фонъ-Гопфенъ, въ послѣднемъ засѣданіи, обозрѣвая истекшую ея сессію, которая продолжалась 16 мѣсяцевъ, съ перерывомъ отъ іюня до декабря, назвалъ ее „достопамятною" и указалъ на большое значеніе совершившейся избирательной реформы: „въ жизни всѣхъ государствъ,—сказалъ Гопфенъ, — наступаютъ моменты, рѣшающіе будущность; на такомъ поворотѣ стала теперь Австрія". Палата депутатовъ рейхсрата, исходившая изъ избраній національныхъ сеймовъ, собралась въ первый разъ 1-го мая 1861 года и была распущена 24-го апрѣля 1873 г.; но въ теченіе этого двѣнадцатилѣтняго періода нѣсколько разъ происходили общіе выборы, такъ что составъ палаты не разъ измѣнился.

Кромѣ избирательной реформы, въ послѣднюю парламентскую сессію въ Австріи проведена была еще реформа уголовнаго судопро-

изводства и соединенное съ нею учрежденіе присяжныхъ, которое отнынѣ дѣйствуетъ и въ Австріи. Слѣдующая сессія откроется уже съ палатою депутатовъ, избранною на основаніи новаго закона о выборахъ. Закрытіе сессіи 24-го апрѣля было совершено лично императоромъ; въ тронной рѣчи о двухъ главныхъ цѣляхъ правительства за послѣднее время упоминалось слѣдующимъ образомъ: „благодаря вашему патріотическому содѣйствію удалось доставить имперскому представительству соотвѣтствующую обстоятельствамъ независимость, введеніемъ непосредственнаго его образованія, и тѣмъ безъ ущерба для самостоятельности земель доставить *единству государства* (Einheit des Reichs) подобающее выраженіе“. ...„Старанія дать королевству Галиціи такое развитіе автономіи, которое, однако, соотвѣтствовало бы единству и могуществу всего государства (Gesammtstaats) не достигли цѣли; но въ призваніи въ совѣтъ короны члена, принадлежащаго Галиціи, королевство это усмотритъ доказательство постоянной нашей заботливости“.

Около того же времени происходили въ Вѣнѣ два торжества, одно императорское семейное, другое — международное. Первымъ было совершонное 20-го апрѣля бракосочетаніе старшей дочери императора Франца-Іосифа, эрцгерцогини Гизели (род. въ 1856 году) съ принцомъ Леопольдомъ баварскимъ, двоюроднымъ братомъ короля. Вторымъ было открытіе 1-го мая, императоромъ Францомъ-Іосифомъ, въ присутствіи наслѣдниковъ престоловъ Германіи и Великобританіи, вѣнской всемірной выставки.

„Парижскихъ избирателей разгадать нельзя“, замѣтила „Кёльнская“ газета, *до* результата апрѣльскихъ выборовъ, и результатъ выборовъ вполнѣ подтвердилъ такое предсказаніе: казалось бы, что̀ легче, какъ узнать истинное настроеніе Парижа, гдѣ сто̀итъ только выдти на улицу, чтобы тотчасъ ощутить біеніе политическаго пульса. Но на этотъ разъ результатъ показалъ, что въ истинномъ настроеніи Парижа могутъ совершенно ошибаться самые компетентные люди: глава правительства и редакторы умнѣйшихъ газетъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Тьеръ не дозволилъ бы графу Ремюза̀ явиться кандидатомъ, если бы сколько-нибудь сомнѣвался въ успѣхѣ его кандидатуры, потому что это значило бы рисковать авторитетомъ правительства. Безспорно также, что ни консервативные республиканскіе, ни либерально-монархическіе органы и собранія не придали бы впередъ такъ много значенія избранію противнаго кандидата, г. Бародѐ, еслибы предполагали его успѣхъ вѣроятнымъ. Между тѣмъ, и правительственные органы и органы умѣренныхъ партій сами ставили вопросъ такъ, что избраніе Бародѐ будетъ будто бы означать тор-

жество партіи безпорядка, выразить недовѣріе правительству, и поколеблеть даже и финансовое и политическое положеніе Франціи. Мы думаемъ, что такое преувеличенно-ужасное значеніе придавалось оффиціозною и умѣренною печатью кандидатурѣ Бародѐ не столько съ цѣлью повредить ей, сколько въ разсчетѣ, что она не будетъ имѣть успѣха, что поэтому нельзя достаточно преувеличить впередъ того благопріятнаго для правительства значенія, какое долженъ былъ получить успѣхъ „правительственнаго" кандидата.

Однако, избранъ былъ Бародѐ, и мы думаемъ, именно потому, что кандидатура Ремюза̀, благодаря тѣмъ преувеличеніямъ друзей правительства, получила прямое значеніе „оффиціальной"; Тьеръ, который столько гремѣлъ во время имперіи противъ оффиціальныхъ кандидатуръ, допустилъ, однако, нѣчто въ родѣ возстановленія этой системы.

Вотъ почему парижскіе избиратели поступили совершенно раціонально, не избравъ Ремюза̀. Лично, Ремюза̀ разумѣется заслуживалъ всякаго предпочтенія; но при той обстановкѣ, какая была придана дѣлу, избиратели должны были уже отложить личныя предпочтенія въ сторону и вотировать не въ пользу того или другого лица, но въ пользу той или другой изъ заявленныхъ ими программъ. Оба кандидата въ своихъ программахъ провозглашали неприкосновенность принципа всеобщей подачи голосовъ; но въ программѣ Бародѐ сверхъ того стояли: немедленное распущеніе собранія, амнистія и несочувствіе къ учрежденію второй палаты. Когда выборъ сводился уже исключительно къ предпочтенію той или другой программы, то ясное дѣло, что избиратели парижскіе должны были заявить себя въ пользу программы Бародѐ. Говорили, что это непрактично; что побѣда радикальной программы не достигнетъ цѣли, но, наоборотъ, усилитъ реакцію въ нынѣшнемъ собраніи, а у Тьера отниметъ охоту ускорять будущіе общіе выборы. Но столько же основаній думать, что на нынѣшнюю палату можно дѣйствовать не уступчивостью и умѣренностью на выборахъ, а наоборотъ, самымъ рѣшительнымъ осужденіемъ ея, такъ чтобы она убѣдилась, что чѣмъ долѣе она будетъ неправильно задерживать въ своихъ рукахъ власть, тѣмъ вѣроятнѣе будетъ становиться бо́льшій и бо́льшій успѣхъ радикаловъ при будущихъ выборахъ, которые все равно должны же наступить когда-нибудь. Короче, Франція имѣетъ основаніе думать, что на нынѣшнюю палату вѣрнѣе дѣйствовать устрашеніемъ, чѣмъ уступчивостью.

Въ пользу кандидатуры Бародѐ была собственно вся радикальная часть національнаго собранія, съ такими именами, какъ Гамбетта, Луи-Бланъ и Эдгардъ Кине. Радикальная партія возставала противъ кандидатуры Ремюза̀ прямо потому, что кандидатура эта получила характеръ оффиціальный; радикальная партія и самъ

Гамбетта выказали со времени учрежденія правительства Тьера достаточно умѣренности, вообще поддерживали его, несмотря на то, что въ большей части отдѣльныхъ вопросовъ расходились съ нимъ. Но всему есть предѣлы, и спрашивалось, не повело ли бы безусловное подчиненіе Тьеру со стороны радикаловъ скорѣе къ выгодѣ, чѣмъ къ невыгодѣ для видовъ консервативнаго большинства собранія. Увѣренный въ полномъ послушаніи себѣ всей республиканской партіи, Тьеръ могъ бы обратить всѣ свои усилія къ тому, чтобы склонить въ свою пользу, посредствомъ уступокъ, консервативное большинство. И въ самомъ дѣлѣ, примѣровъ поддержки, оказанной Тьеру радикалами, мы уже видѣли немало, но примѣра уступокъ радикаламъ со стороны Тьера мы еще не видали. Напротивъ, всѣ уступки, имъ сдѣланныя, были сдѣланы въ пользу консервативнаго большинства. Этимъ образомъ дѣйствій Тьеръ нѣсколько напоминаетъ басню о томъ пастухѣ, который отнималъ кормъ у козъ домашнихъ, для того, чтобы прикормить козъ дикихъ; въ баснѣ—домашнія козы пропали, а дикія козы все-таки ушли. Этого пока не случалось съ партіями, среди которыхъ дѣйствуетъ Тьеръ, но тѣмъ не менѣе вполнѣ понятно, что часть „домашнихъ козъ“ пожелала предупредить пастуха о невозможности лишать ихъ корма неопредѣленное время.

Но, по нашему мнѣнію, все-таки было бы большимъ преувеличеніемъ полагать, что избраніе Бародѐ и другихъ радикальныхъ кандидатовъ въ самомъ дѣлѣ серьёзно ослабитъ правительство, и доставитъ какую-либо выгоду правой сторонѣ. Напротивъ, очень можетъ случиться, что результатъ выборовъ сильнѣе чѣмъ на правительство подѣйствуетъ именно на консерваторовъ правой стороны и нѣсколько умѣритъ ихъ порывы къ установленію „gouvernement de combat“, показавъ имъ еще разъ, съ какою страшною силою и съ какимъ глубокимъ раздраженіемъ имъ пришлось бы мѣряться въ томъ случаѣ, если бы они въ самомъ дѣлѣ рѣшились на „борьбу“ противъ существующаго порядка, т.-е. противъ республики. Что касается правительства, то оно слишкомъ успѣшно ведетъ дѣла Франціи, чтобы не имѣть новой увѣренности въ искреннемъ сочувствіи и поддержкѣ со стороны массы населенія. Такъ и теперь, уже послѣ выборовъ, разнесся слухъ, будто дальнѣйшими переговорами съ Германіею правительство пріобрѣло обѣщаніе, что послѣдній пунктъ французской территоріи, который останется во власти германскихъ войскъ, будетъ очищенъ даже 5-го августа. Подъ вліяніемъ уже этого извѣстія, а также и естественнаго отрезвленія отъ избирательныхъ намѣренныхъ преувеличеній, то неблагопріятное собственно для правительства впечатлѣніе, какое могли произвести

нынѣшніе частные выборы, безъ сомнѣнія, скоро и весьма значительно стушуется. Данное ему „внушеніе" оно должно принять къ свѣдѣнію, и употребить какъ новый аргументъ противъ притязаній правой стороны о новыхъ ей уступкахъ.

Германская имперія все еще занята главнымъ образомъ заботами своего объединенія, и нельзя не признать, что она не только не торопится воспользоваться единствомъ для развитія своихъ учрежденій въ прогрессивномъ духѣ, но даже выказываетъ положительную медлительность въ приступѣ къ этому важнѣйшему дѣлу. Со времени провозглашенія германской имперіи въ Версалѣ уже прошло два года и нѣсколько мѣсяцевъ, а между тѣмъ до сихъ поръ дѣйствительно либеральное пріобрѣтеніе для германскаго общества едва ли не представляется одною только реформою уѣзднаго или окружного устройства въ Пруссіи, и то не во всѣхъ провинціяхъ Пруссіи. Правда, въ періодѣ подготовки, выработки, находятся уже возбужденные, несомнѣнно либеральные, хотя и второстепенные, съ политической точки зрѣнія, вопросы: о провѣркѣ способа выдачи желѣзно-дорожныхъ концессій (по заявленію Ласкера въ прусскомъ сеймѣ, для обсужденія этого вопроса учреждена, не парламентская, впрочемъ, но правительственная коммиссія), о необходимости измѣнить существующее законодательство по учрежденію акціонерныхъ компаній (по заявленію его же, сдѣланному въ имперскомъ сеймѣ), о введеніи обязательнаго юридическаго брака (предложеніе Фёлька и другихъ, разсматриваемое въ коммиссіи имперскаго сейма) и о новомъ законѣ относительно печати для всей имперіи (коммиссія имперскаго сейма составляетъ свой докладъ по этому предмету съ предположеніями объ отмѣнѣ залоговъ и штемпеля для газетъ, и съ ограниченіемъ права администраціи задерживать нумера газетъ, до судебнаго приговора). Послѣдній изъ исчисленныхъ проектовъ могъ бы получить важность первостепеннаго политическаго пріобрѣтенія, но только въ такомъ случаѣ, если бы коммиссія рѣшилась вовсе отмѣнить право предварительнаго задержанія, которымъ администрація въ Пруссіи пользуется также весьма широко и если бы, сверхъ того, въ законъ включено было постановленіе, что газеты могутъ быть преслѣдуемы только за собственныя сужденія, но не за цитаты и приведеніе какихъ-либо документовъ и рѣчей.

Утѣшительно, что все-таки хотя идетъ рѣчь о нѣкоторыхъ пріобрѣтеніяхъ для общества въ либеральномъ смыслѣ. Но въ области совершившихся фактовъ, практики, пока еще не имѣется ничего значительнаго, кромѣ, повторяемъ,—окружной реформы. Борьба имперскаго правительства съ клерикализмомъ могла бы имѣть такой ха-

рактеръ; по самому существу своему, противодѣйствіе притязаніямъ духовенства и освобожденіе школы отъ клерикальнаго вліянія должны были имѣть въ высшей степени либеральное значеніе, но только при иныхъ условіяхъ, то-есть тогда, если бы борьба эта велась въ самомъ дѣлѣ съ цѣлью освобожденія общества отъ клерикальнаго ига, а не была направлена главнымъ образомъ прямо къ подчиненію духовныхъ властей власти свѣтской, короче, если бы правительство боролось за общественный прогрессъ, а не просто за усиленіе своей власти, за установленіе дисциплины и такого единоначалія, чтобы и церкви состояли подъ общею командой.

Сущность законовъ Фалька, подчиняющихъ юрисдикціи прусскаго государства кары, налагаемыя духовными властями, и полному контролю государства самое воспитаніе духовныхъ лицъ и степень ихъ образованности, съ правомъ сверхъ того для государства прямо удалять отъ должности духовныя лица за нарушенія правъ свѣтской власти, такова, что она заслоняетъ собою то, что было дѣйствительно либеральнаго въ новомъ законѣ объ инспекціи училищъ, который освободилъ школу отъ давленія клерикализма. Ясно, что свѣтская власть, прежде самымъ пагубнымъ образомъ благопріятствовавшая несправедливому давленію клерикализма на школу, теперь неудовольствовалась возстановленіемъ справедливости, но тотчасъ же снова нарушила ее, перейдя въ противоположную крайность. Весьма естественно, впрочемъ, что остановиться здѣсь на либеральной точкѣ всѣхъ менѣе способенъ былъ именно канцлеръ, князь Бисмаркъ: нѣкогда онъ безусловно проповѣдовалъ „христіанскую миссію“ государства, т.-е. порабощеніе его клерикальнымъ цѣлямъ; отвергнувъ теперь это воззрѣніе, онъ все-таки не способенъ былъ остановиться на взаимной свободѣ, но въ силу того личнаго духа предпринялъ нѣчто весьма похожее на полное порабощеніе церкви государству. Нашъ почтенный берлинскій корреспондентъ въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ писемъ, разъясняя политическую сторону этого дѣла, напоминалъ, что борьба между духовною и свѣтскою властями ведется искони, велась всегда, начиная съ древнѣйшихъ историческихъ временъ, и это безспорно. Но изъ этого все-таки не слѣдуетъ, что фактъ такой борьбы долженъ быть принятъ въ основаніе законодательства, признанъ и упроченъ имъ. Наоборотъ, борьба эта должна быть прекращена въ законодательствѣ, посредствомъ осуществленія полной взаимной свободы государства и церкви. Только тогда, когда государство окончательно перестанетъ признавать юридически духовныя власти властями и духовныя требованія обязательными для законодательства, только тогда и само духовенство лишится повода участвовать въ политической борьбѣ. Оно принимаетъ участіе въ

выборахъ, интригуетъ противъ такого или иного состава управленія только потому, что въ законѣ оно видитъ орудіе къ порабощенію имъ общества. Какъ только законъ окончательно потеряетъ это значеніе, будетъ вовсе игнорировать самое существованіе различныхъ церквей, политическая борьба духовенства со свѣтской властью прекратится, какъ она не существуетъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Развѣ философы и поэты составляютъ въ государствѣ политическую партію, развѣ они на выборахъ выставляютъ своихъ кандидатовъ? Нѣтъ, потому что самъ законъ вовсе не представляетъ собою средства для проведенія той или иной школы философіи, для направленія поэзіи въ томъ или иномъ смыслѣ. Но новые германскіе законы прямо отступаютъ отъ этого, единственнаго раціональнаго принципа. Англійская газета „Pall-Mall", которая сама скорѣе одобряетъ, чѣмъ порицаетъ эти законы, прямо высказываетъ, однако, что „авторы этихъ мѣръ основали свое законодательство на сознательномъ отверженіи итальянскаго политическаго принципа—свободная церковь въ свободномъ государствѣ".

Законовъ этихъ, какъ извѣстно, было четыре: 1) объ ограниченіи дисциплинарной власти церкви и учрежденіи королевскаго суда по церковнымъ дѣламъ; 2) о предварительномъ общемъ образованіи священниковъ и ихъ назначеніи; 3) о выступленіи изъ церкви, т.-е. изъ духовнаго сана и изъ исповѣданія, и 4) объ ограниченіи карательной власти церкви. Для проведенія этихъ законовъ потребовалось ввести ограниченія въ статьи 15 и 18-ю прусской конституціи 31-го января 1850 года, которыми провозглашалось полное самоуправленіе церквей въ ихъ внутреннихъ дѣлахъ и ихъ школахъ, подъ общимъ только надзоромъ государства. Въ настоящее время это измѣненіе конституціи принято обѣими прусскими палатами и утверждено королемъ, а самые относящіеся сюда законы въ палатѣ депутатовъ прошли еще до вакацій, по случаю праздниковъ, а по возобновленіи сессіи были приняты и палатою господъ; въ результатѣ не могло быть сомнѣнія, такъ какъ князь Бисмаркъ положительно заявилъ, что правительство ни въ какомъ случаѣ не откажется отъ этихъ законовъ, а оппозиція въ палатѣ господъ нынѣ сломана: послѣ категорическаго объявленія Бисмарка, палата господъ, большинствомъ 74-хъ противъ 38-ми, постановила прямо приступить къ разсмотрѣнію этихъ законовъ въ общемъ собраніи, не дожидаясь доклада коммиссіи, и послѣ общихъ преній палата приняла проекты этихъ законовъ безъ измѣненія.

Протестантское духовенство крайне недовольно такими мѣрами, о католическомъ уже и говорить нечего. Такъ, протестантскіе пасторы въ Помераніи, провинціи извѣстной своей „лояльностью", не

совершили въ день рожденія короля, 22-го марта, обычнаго въ этомъ случаѣ богослуженія въ церквахъ, а на сдѣланныя имъ замѣчанія отвѣчали, что они отправили богослуженіе въ воскресенье вмѣстѣ и по случаю этого праздника. Преслѣдованію они не подверглись, потому что покамѣстъ нѣтъ такого закона, который обязывалъ бы пасторовъ отправлять богослуженіе въ день рожденія короля. Но, идя по тому пути, на который оно вступило, по пути не игнорированія всего клерикализма, а подчиненія, дисциплинированія его правительству, прусское законодательство несомнѣнно должно будетъ обогатиться и такимъ закономъ, и еще многими ему подобными. Проще всего, еслибы законъ не хотѣлъ знать никакихъ демонстрацій духовенства; но если онъ ставитъ себѣ цѣлью бороться съ этими демонстраціями, то ему придется дополнять себя мелочными постановленіями до безконечности, такъ какъ поле демонстрацій безконечно. Придется сперва точно опредѣлить, въ какіе оффиціальные дни должна происходить церковная служба. Но тогда католическій епископъ можетъ въ оффиціальный праздникъ предоставить службу священнику, а въ церковный праздникъ служить самъ, соборнѣ; пасторъ же можетъ въ оффиціальный праздникъ сказать проповѣдь въ 10 минутъ, между тѣмъ, какъ въ воскресенье онъ говоритъ часъ. Придется опредѣлить закономъ, въ какіе дни должно быть архіерейское служеніе и установить minimum продолжительности протестантскихъ проповѣдей въ оффиціальные дни. Но и тогда далеко не будетъ огорожено поле, на которомъ могутъ происходить демонстраціи: можно будетъ въ церковные праздники приглашать въ церковь оркестръ, а въ оффиціальные ограничиваться органомъ, или въ воскресенье исполнить миссу Бетховена, а въ оффиціальный понедѣльникъ самую зауряднную музыку. Неужели все это опредѣлять закономъ? Если же малѣйшая подробность имъ опредѣлена не будетъ, то все равно демонстрація останется возможною, и чѣмъ строже опредѣленіе закона, тѣмъ большее значеніе получитъ демонстрація въ любой формѣ, такъ что, наконецъ, употребленіе такой или иной ризы или цвѣтовъ на алтарѣ въ извѣстный день получитъ совершенно такую же важность, какую доселѣ представляло бы открытое порицаніе какой-либо правительственной мѣры въ проповѣди.

Между тѣмъ именно этого рода борьба уже началась и производится дѣятельно со стороны правительства. Она выражается и въ болѣе крупныхъ мѣрахъ, какъ, напримѣръ, изгнаніе викарія Раппа изъ Эльзаса и возбужденіе судебнаго преслѣдованія противъ архіепископа Гнѣзненскаго, за сопротивленіе введенію нѣмецкаго языка въ духовное преподаваніе въ Познани, но и въ мелочныхъ мѣрахъ преслѣдованія противъ газетъ даже за одно перепечатаніе непріят-

ныхъ правительству документовъ. Наконецъ, даже такая ультра-оптимистическая въ національномъ смыслѣ газета, которая и называется National-Zeitung, стала жаловаться, что это ужъ крайне непріятно видѣть, какъ въ Пруссіи въ наше время Germania и другія клерикальныя газеты принуждены приводить цитаты съ пропусками изъ боязни захвата, которому онѣ часто подвергаются.

Положеніе дѣлъ въ Эльзасѣ не только не улучшается, но даже ухудшается, хотя, впрочемъ, ухудшеніе здѣсь состоитъ быть можетъ просто въ томъ, что германская печать сама доселѣ слишкомъ легкомысленно смотрѣла на недовольство насильно присоединенныхъ провинцій, а теперь начинаетъ убѣждаться, что недовольство это гораздо серьёзнѣе, чѣмъ сама національная печать его представляла. Видимый признакъ поворота въ мнѣніяхъ объ этомъ предметѣ не только нѣмецкой прессы, но и германскаго правительства, представился въ истекшемъ мѣсяцѣ отрѣшеніемъ отъ должности страсбургскаго бургомистра Лаута. Муниципальному совѣту не было предоставлено избрать ему преемника, и должность его поручена административному лицу. Назначеніе Лаута бургомистромъ состоялось по распоряженію германскаго правительства, и смѣненъ онъ теперь также императорскимъ повелѣніемъ. Нѣмецкія газеты приводятъ теперь много „винъ“ Лаута, но всѣ онѣ относятся именно только къ отсутствію германскаго патріотизма. Ни въ какомъ нарушеніи обязанности по должности онъ не уличается и сама оффиціальная страсбургская газета признаетъ, что смѣненный бургомистръ пользуется всеобщимъ уваженіемъ и не безъ юмора прибавляетъ, что такому человѣку самому должно быть пріятно быть освобожденнымъ отъ нравственно-тягостнаго положенія. Обвиняется же Лаутъ въ слѣдующемъ: когда вышло императорское повелѣніе о переименованіи улицъ Страсбурга нѣмецкими названіями, то на домѣ Лаута явилась вывѣска съ французскимъ названіемъ улицы; онъ продолжалъ называть себя мэромъ, между тѣмъ какъ ему предписано было называться бургомистромъ; постройку нѣмецкаго театра онъ велъ медленно; въ день рожденія императора не вывѣсилъ никакихъ флаговъ на зданіи ратуши, и какъ онъ, такъ и весь муниципальный совѣтъ не явились на оффиціальное празднество; наконецъ, онъ позволилъ себѣ сказать оберъ-президенту провинціи, —правда, въ частномъ разговорѣ, — что хотя 1 октября 1871 года, въ день избранія національности, онъ не воспользовался правомъ сохранить французскую національность, но поступилъ такъ единственно потому, что французы все-равно придутъ опять.

Хотя, разумѣется, нельзя одобрять подобныхъ мелочныхъ заявленій, имѣвшихъ характеръ демонстраціи со стороны главнаго пред-

ставителя городского общества, но нельзя не признать, что и вызваны они были не менѣе мелочными распоряженіями въ родѣ переименованія улицъ и должностей. Впрочемъ, повторяемъ, нѣмецкая печать начинаетъ понимать, что дѣло не въ Лаутѣ, не въ одномъ человѣкѣ и даже не въ данномъ личномъ составѣ всего муниципальнаго совѣта. Въ этомъ отношеніи „Аугсбургская" газета весьма горячо стоящая за всѣ интересы германства и германизаціи, высказываетъ нелишенные интереса соображенія... „Оппозиція и вражда противъ Германіи,—говоритъ она,—здѣсь не ограничивается нѣсколькими лицами. Напротивъ, большая часть населенія сознательно противится всему нѣмецкому; сюда принадлежатъ всѣ тѣ, кто получилъ чисто-французское воспитаніе, всѣ, которые чувствуютъ себя французами по духу и мышленію, то-есть весь образованный классъ населенія, преимущественно въ городахъ, классъ вліятельный по своему имуществу. Эти люди не могли перемѣниться такъ скоро, да они вообще и не перемѣнятся... Чтобы сгладить здѣсь контрасты, необходимо новое поколѣніе, воспитанное въ нѣмецкомъ духѣ, въ культурѣ нѣмецкой. Невѣрно говорятъ и о нѣмецкой партіи среди образованныхъ эльзасцовъ. Правда, среди протестантовъ кое-гдѣ еще замѣчаются слабые германскія сочувствія, но не можетъ быть и рѣчи о какомъ-либо политическомъ вліяніи такихъ людей. Еще менѣе слѣдуетъ обманывать себя тѣмъ фактомъ, что эльзасцы въ разныхъ случаяхъ обращались къ правительству для достиженія той или другой отдѣльной цѣли. Эльзасцы слишкомъ ловкіе дѣловые люди, чтобы не умѣть наилучшимъ образомъ воспользоваться для себя всякимъ положеніемъ. Такъ какъ изъ такихъ офранцузившихся (verwälscheten) эльзасцевъ, естественно, только немногіе могли оставить страну, то понятно, что оставшіеся затѣмъ, принужденные стать въ болѣе опредѣленное отношеніе къ даннымъ обстоятельствамъ, впали въ столкновеніе съ нѣмецкимъ правительствомъ и изъ своего прежде пассивнаго положенія должны были перейти въ наступательное (aggressive)..... По всей вѣроятности враждебныя демонстраціи умножатся и примутъ болѣе рѣзкій характеръ, между прочимъ уже и потому, что успѣхъ, какого достигла Франція въ вопросѣ объ очищеніи ея территоріи, оживилъ надежды ея приверженцевъ, а предстоящее очищеніе Бельфора въ особенности вскружило голову иному, даже благоразумному жителю верхняго Эльзаса". Но „Аугсбургская" газета, сознающая такіе факты, не выводитъ того заключенія, которое, казалось бы, истекаетъ изъ нихъ естественно: если надежды передѣлать нынѣшнее поколѣніе въ Эльзасѣ нѣтъ, и для „сглаженія контрастовъ" приходится воспитать сперва новое поколѣніе, то тѣмъ самымъ доказывается не только безплодность, но

и вредность всякихъ придирчивыхъ мѣропріятій для внезапнаго онѣмеченія Эльзаса, такъ какъ они очевидно могутъ только усиливать раздраженіе „возсоединенныхъ братьевъ“, и укрѣплять ихъ въ томъ Wälschthum, которое требуется изгладить. Напротивъ, „Аугсбургская“ газета отъ приведенныхъ признаній приходитъ къ слѣдующему нелогическому выводу: „въ виду этихъ явленій правительство, которое до 1-го октября 1872 г. могло многое допускать, должно было измѣнить свой образъ дѣйствій, и можно только привѣтствовать такую въ немъ перемѣну, что оно перестаетъ склонять уступками, какъ, напр., устройство французскаго театра, освобожденіе членовъ коммерческаго суда отъ обязательной присяги и т. д., такихъ людей, которые на все это отвѣчаютъ презрѣніемъ и насмѣшкой. Противъ такихъ людей нужна строгость, и позволительно только ожидать, что болѣе строгія мѣры не будутъ выходить изъ границъ законности и будутъ принимаемы съ соблюденіемъ политическаго такта“.

Дѣло объединенія Германіи и въ нѣкоторыхъ иныхъ чисто нѣмецкихъ странахъ не идетъ такъ скоро и гладко, какъ бы того хотѣлось національной прусской партіи. Изъ Бадена доходятъ въ послѣднее время извѣстія въ томъ смыслѣ, что настроеніе тамошняго населенія вовсе не такъ безусловно благопріятно объединенію, какъ настроеніе самого баденскаго правительства. Въ Баваріи трудности, разумѣется, еще больше, такъ какъ тамъ и само правительство далеко еще не примирилось съ мыслью о полномъ единствѣ законодательства. На недавно бывшихъ въ Берлинѣ конференціяхъ министровъ юстиціи германскихъ государствъ, баварскій министръ отвергъ предложеніе Пруссіи объ учрежденіи общаго для имперіи верховнаго суда съ полноправностью въ гражданской юрисдикціи, и министры прочихъ южныхъ государствъ присоединились къ мнѣнію министра Баваріи. Сперва въ Мангеймѣ, а потомъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ произошли безпорядки, которые хотя и были вызваны только вздорожаніемъ пива и ограничились нападеніемъ на пивоварни, но были такъ значительны по размѣрамъ, что въ нихъ нельзя не подозрѣвать скрытаго политическаго мотива. Пивовары защищались кипяткомъ и направленіемъ въ толпу горячаго пара, но войска также были выведены на улицы и неоднократно употребляли огнестрѣльное оружіе, такъ что убитыхъ и раненыхъ насчитывали десятками.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ПАРИЖА.

24 апрѣля 1873.

Кандидатура Ремюза и Бароде.

Если что мѣшаетъ оптимистическому взгляду на наше будущее, такъ это тѣ насильственные и внезапные переходы отъ опасенія къ надеждѣ, которые мы постоянно переживаемъ. Подобныя перемѣны бросаются въ глаза, и ихъ нельзя не назвать болѣзненными кризисами. Всего съ мѣсяцъ тому назадъ, если бы мнѣ пришлось вамъ писать, то мое письмо было бы, по всей вѣроятности, окрашено въ розовый цвѣтъ. Тьеръ, казалось, достигъ апогея своей популярности; онъ только-что оказалъ важную и неожиданную услугу, обезпечивъ окончательное освобожденіе территоріи въ срокъ ближайшій, чѣмъ на то разсчитывали. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы въ ту минуту происходили общіе выборы, то Тьеръ былъ бы избранъ во многихъ департаментахъ, а, быть можетъ, и во всѣхъ. Правая сторона собранія одна только была недовольна и дулась, потому что освобожденіе территоріи придвигало эпоху распущенія собранія, но вся Франція была разстрогана и благодарна, и президенту довелось пережить нѣсколько пріятныхъ минутъ. Увы! эти минуты пролетѣли слишкомъ быстро. Еслибы мнѣ приходилось въ настоящую минуту опредѣлить, насколько еще великъ кредитъ Тьера, то я былъ бы, конечно, въ затрудненіи, но оцѣнка моя не была бы особенно крупна.

Странная и трагическая вещь: обстоятельство, порожденное самымъ тріумфомъ президента, вызвало эту новую перипетію. Дѣйствительно, кандидатура Ремюза, министра иностранныхъ дѣлъ, обусловливалась договоромъ объ освобожденіи территоріи, а между тѣмъ эта самая кандидатура, не взирая на всю ея законность, скомпрометтировала все дѣло и грозитъ погубить не только правительство Тьера, но и самую республику.

Каковъ бы ни былъ результатъ выборовъ [1]), эта кандидатура была ошибкой; она повлечетъ несчастныя послѣдствія даже въ случаѣ успѣха, а если окажется неуспѣшной, что, во всякомъ случаѣ, возможно, то будетъ чистымъ бѣдствіемъ, настоящимъ Ватерлоо. Дни консервативной республики будутъ сочтены, и мы перейдемъ къ состоянію полнѣйшей неизвѣстности.

---

[1]) Избранъ Бароде. — *Ред.*

Но, скажете вы, какъ же было не предвидѣть этого? Дѣло, какъ увидите, очень просто.

Выборъ единственнаго депутата въ Парижѣ, благодаря нелѣпости нашего избирательнаго механизма, всегда представляется дѣломъ очень труднымъ. Общіе выборы, которые производятся по избирательнымъ спискамъ и гдѣ Парижу приходится выбирать между нѣсколькими десятками депутатовъ, гораздо менѣе рискованны. Мы имѣемъ дѣло съ нѣсколькими избирательными списками, изъ которыхъ каждый является выраженіемъ извѣстной партіи, но многіе избиратели комбинирують по своей охотѣ имена депутатовъ, такъ что результатъ выборовъ можетъ быть отчасти эклектическій и не имѣетъ остраго характера манифестація, вызванной однимъ какимъ-нибудь именемъ, и которой содѣйствовали бы всѣ столичные избиратели. Поэтому благоразумныхъ людей весьма озабочивало то обстоятельство, что приходилось пополнять только одно вакантное мѣсто, и главнымъ ихъ стараніемъ было найти такого кандидата, который отвѣчалъ бы требованіямъ минуты, то-есть могъ бы получить большинство голосовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не былъ бы ни изъ радикаловъ, ни изъ партіи враждебной республикѣ, словомъ, найти кандидата изъ консервативныхъ республиканцевъ. Многіе подумывали о Ремюза̀, либеральномъ и прекрасномъ человѣкѣ, пользовавшемся всеобщимъ уваженіемъ и дружнымъ съ Тьеромъ, который, вдобавокъ, одинъ изъ всѣхъ министровъ не былъ депутатомъ. Но всѣ знали, вмѣстѣ съ тѣмъ, что Ремюза̀ очень скроменъ и не желаетъ, чтобы имя его возбуждало много толковъ, и поэтому, вѣроятно, его и не стали бы безпокоить, какъ вдругъ счастливое заключеніе берлинскаго договора, честь котораго онъ раздѣлялъ вмѣстѣ съ Тьеромъ, остановило на немъ общественное вниманіе и внушило мысль предложить ему кандидатуру, какъ блистательное доказательство благодарности. Многіе надѣялись, что радикалы, увлеченные общею радостью, не рѣшатся выставлять своего кандидата въ соперники Ремюза̀, и что послѣдній можетъ быть выбранъ единодушно, — обстоятельство, которое произвело бы самое благопріятное впечатлѣніе какъ внутри страны, такъ и извнѣ. Тьеръ живо ухватился за эту идею, не сомнѣваясь, что великій успѣхъ, только-что одержанный имъ, окажетъ рѣшительное вліяніе на выборъ его министра, и радуясь, что онъ побѣдитъ радикаловъ безъ битвы.

Побѣда, которою онъ льстилъ себя при этомъ, была бы побѣдой *консервативной республики*, а результатъ, котораго онъ ждалъ отъ этой побѣды, это — образованіе большой республиканской консервативной партіи, которая бы доминировала надъ всѣми остальными и могла бы разсчитывать на преобладаніе въ ближайшихъ общихъ вы-

борахъ. Разсчетъ былъ хорошъ, но лишь подъ тѣмъ условіемъ, если удастся отъ точки до точки, если министръ иностранныхъ дѣлъ не встрѣтитъ конкуррента и дѣло обойдется безъ баталіи. Въ противномъ случаѣ правительство оказывалось скомпромѐттированнымъ и даже въ случаѣ побѣды не вышло бы изъ дѣла безъ урона. Каково же было бы въ случаѣ пораженія!

Къ несчастію, Тьеръ упустилъ изъ вида ожесточенность духа партій. Нѣтъ сомнѣнія, что радикалы только исполнили бы свой патріотическій долгъ, если бы рѣшились не выставлять соперника Ремюзà, но они не съумѣли подчиниться необходимости. Они очень хорошо поняли, какой ударъ готовится имъ, и хотя затруднялись найти кандидата, потому что люди рѣдки во всѣхъ партіяхъ, однако рѣшились отыскать его и вступить въ борьбу съ правительствомъ во что бы то ни стало. Къ тому же, рискъ съ ихъ стороны былъ не особенно великъ: они многочисленны въ Парижѣ и могли во всякомъ случаѣ разсчитывать, что не потерпятъ позорнаго пораженія; но обстоятельства послали имъ отличнаго кандидата, который хотя ни въ какомъ отношеніи не можетъ выдержать сравненія съ Ремюзà, однако способенъ взять верхъ надъ нимъ на выборахъ. Этотъ кандидатъ — г. Бародѐ, бывшій мэръ города Ліона. Какимъ образомъ Бародѐ, о которомъ никто не думалъ три недѣли тому назадъ, вдругъ сдѣлался опаснымъ соперникомъ такого человѣка, какъ Ремюзà? Въ этомъ виновато собраніе и отчасти само правительство.

Ліонскій муниципалитетъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существовалъ еще нѣсколько дней тому назадъ, былъ ничѣмъ инымъ, какъ преобразованной революціонной коммуной, которая водворилась въ Ліонѣ въ утро 4-го сентября 1870 г., раньше даже, чѣмъ имперія была низвергнута въ Парижѣ. Съ тѣхъ поръ она отчасти побраталась съ парижской коммуной и не могла похвалиться ни своимъ умомъ, ни своей нравственностью. Но нельзя было и помышлять о томъ, чтобы замѣнить ее, потому что въ Ліонѣ большинство безспорно на сторонѣ радикаловъ, и тѣ же самые люди, если не худшіе, были бы проведены новыми выборами. Правительство поэтому терпѣло его, тѣмъ болѣе, что Бародѐ и его муниципальный совѣтъ, которые вначалѣ какъ будто признавали себя выше всѣхъ законовъ, въ концѣ концовъ нѣсколько смирились. Но собраніе, гораздо болѣе раздраженное противъ ліонскаго муниципалитета, чѣмъ правительство, потому что этотъ муниципалитетъ ко всѣмъ своимъ порокамъ присоединялъ еще и тотъ, что былъ фанатически антиклерикаленъ,— не успокоилось до тѣхъ поръ, пока не убѣдило правительство отвѣчать на насиліе насиліемъ. Такимъ образомъ былъ вотированъ законъ, который уже потому былъ дуренъ, что былъ на-

правленъ противъ одного города и даже противъ одного человѣка. Центральная мэрія въ Ліонѣ была упразднена съ единственной цѣлью отрѣшить отъ должности Бародѐ. Но черезъ это самое Бародѐ попалъ въ жертвы, въ мученики, т.-е. какъ разъ оказался такимъ кандидатомъ, какихъ любятъ радикалы, т.-е. такимъ, кандидатура котораго могла надѣлать шума. Парижскіе радикалы немедленно ухватились за него и выставили его *кандидатомъ муниципальныхъ вольностей*, въ противоположность *кандидату освобожденія территоріи*. Ліонскіе радикалы, которымъ предстоитъ двое выборовъ, черезъ двѣ недѣли спустя послѣ выборовъ въ Парижѣ и которые не сомнѣваются въ результатѣ, намѣрены отблагодарить парижскихъ друзей за вѣжливость, какую эти послѣдніе оказываютъ городу Ліону въ лицѣ Бародѐ, тѣмъ, что въ свою очередь выставятъ кандидатомъ какого-нибудь парижскаго радикала.

Это поведеніе, повторяю, непростительно въ виду того, что радикаламъ не слѣдовало бы ослаблять правительство Тьера, которое одно до сихъ поръ дѣлало возможнымъ для насъ сохранять хотя ту республику, какая у насъ имѣется. Но, кромѣ того, радикаламъ слѣдовало бы понять, что самое освобожденіе территоріи, хотя оно и регулировано и обезпечено берлинской конвенціей, требуетъ, однако, осмотрительнаго поведенія до той самой минуты, пока не осуществится на дѣлѣ. Выкупъ, который Франціи приходится уплачивать, будетъ окончательно внесенъ только 5-го сентября текущаго года, но пока этого еще не сдѣлано, и взносы по займу, которые еще предстоитъ собрать, могутъ быть болѣе или менѣе затруднительны, сообразно съ политическими обстоятельствами. Берлинская конвенція опирается на гипотезѣ полнѣйшаго спокойствія во Франціи, между тѣмъ, если Бародѐ будетъ избранъ въ Парижѣ, то положеніе сдѣлается такимъ натянутымъ, что нельзя будетъ ни за что ручаться. Уже замѣчено, что со времени избирательной борьбы взносы послѣдняго займа идутъ туже.

Но попробуйте убѣдить нашихъ радикаловъ или даже вообще всѣ наши партіи отнестись къ дѣлу хладнокровно и обсудить его со всѣхъ сторонъ! Какъ бы да не такъ: мы кипятимся по вопросу Ремюза-Бародѐ, словно о нѣмцахъ не осталось и помину во Франціи. Всѣ забыли и думать о берлинской конвенціи, а пустились въ безконечныя пренія о республикѣ и о монархіи, объ *относительной* и о *безусловной неприкосновенности* всеобщей подачи голосовъ. И не одни радикалы закусили удила. Такъ-называемые консерваторы, пожалуй, еще неблагоразумнѣе ихъ. Имъ хочется во что бы то ни стало сообщить реакціонный оттѣнокъ кандидатурѣ Ремюза. Между тѣмъ одно несомнѣнно: если радикализмъ и можетъ быть побѣжденъ

въ Парижѣ, то не иначе какъ при помощи честной и явно-республиканской кандидатуры. Поэтому Ремюза было необходимо заявить себя республиканскимъ кандидатомъ, что, впрочемъ, нисколько не противно его убѣжденіямъ, а главное безъ всякихъ отговорокъ объявить о своей приверженности къ системѣ всеобщей подачи голосовъ въ томъ видѣ, въ какомъ она нынѣ существуетъ. Онъ это и сдѣлалъ: но искаженіе системы всеобщей подачи голосовъ составляетъ одинъ изъ коньковъ правой. Бороться противъ нее явно,—не осмѣливаются, и стремятся ограничить ее посредствомъ различныхъ уловокъ. Намѣреваются особенно поналечь на условія мѣстожительства и быть можетъ отдалить срокъ избирательнаго совершеннолѣтія. Словомъ, желаютъ снова повторить печальную ошибку, въ которую нѣкогда впали, вотировавъ законъ 31-го мая 1850 г., единственнымъ результатомъ котораго было то, что онъ далъ предлогъ для государственнаго переворота 2-го декабря 1851 г. Ремюза самъ слишкомъ проницательный человѣкъ, чтобы не понимать этого; поэтому онъ ясно высказался за неприкосновенность всеобщей подачи голосовъ. Къ несчастью, самъ Тьеръ не вполнѣ проникся невозможностью безнаказанно оскорбить суевѣрное отношеніе къ всеобщей подачѣ голосовъ, и въ этомъ отношеніи принялъ неосторожныя обязательства передъ правой. Положеніе дѣла слѣдующее: лѣвая считаетъ Ремюза недостаточнымъ республиканцемъ, а правая находитъ, что онъ черезъ-чуръ зараженъ республиканизмомъ. При этомъ всего любопытнѣе отношеніе различныхъ группъ правой. Честные орлеанисты рѣшились поддерживать Ремюза и даже мнѣ говорили, что сами орлеанскіе принцы совѣтовали своимъ друзьямъ подавать за него свои голоса. Но пристрастные политики, а въ особенности клерикалы, дѣлая видъ, что поддерживаютъ Ремюза въ своихъ органахъ, защищаютъ его дѣло такъ, что даютъ противъ него оружіе республиканцамъ, весьма ловко набрасывая тѣнь на искренность его демократическаго *proffession de foi*. Легитимисты и бонапартисты дѣйствуютъ болѣе откровенно, и, можно сказать, нахально противъ кандидата Тьера. Самые ярые открыто работаютъ въ пользу Бароде, потому что надѣются, что торжество этого кандидата произведетъ смуту и вызоветъ кризисъ, которымъ они думаютъ воспользоваться. Другіе сочинили третьяго кандидата, у котораго, впрочемъ, нѣтъ ни малѣйшихъ шансовъ на успѣхъ. Этотъ третій кандидатъ — полковникъ баронъ Стоффель, способный офицеръ и знаменитый своими замѣчательными военными докладами, которые онъ присылалъ изъ Берлина Наполеону III. Онъ бонапартистъ въ душѣ и лично очень раздраженъ противъ правительства, которое уволило его въ отставку за нѣкоторыя неблагонамѣренныя изданія. На митингѣ легитимно-

бонапартистскомъ, созванномъ совсѣмъ недавно, порѣшена была эта кандидатура. На этомъ митингѣ приверженцы Генриха V съ восторгомъ рукоплескали яростнымъ декламаціямъ наполеонистскихъ журналистовъ. Герцогъ Ларошфуко-Бизаччіа лично предсѣдательствуетъ въ избирательномъ комитетѣ бонапартистскаго кандидата. Итакъ, если сліяніе двухъ отраслей бурбонскаго дома оказалось невозможнымъ, за то сліяніе легитимистовъ и бонапартистовъ можно считать совершившимся фактомъ, вызваннымъ общею ненавистью къ Тьеру, республикѣ и орлеанскому дому.

Но если легитимисты и бонапартисты слились во-едино, то республиканцы, напротивъ того, разъединились, и это разъединеніе по всей вѣроятности переживетъ выборы. Старѣйшіе авторитеты партіи, тѣ, которые опытнѣе и должны были бы имѣть наиболѣе вліянія, какъ-то Литтре́, Карно́, историкъ Анри Мартенъ и даже самые выдающіеся приверженцы Прудона стали на сторону Ремюза̀. Гамбетта находится во главѣ *Бародистовъ*, но говорятъ, что вовлеченъ противъ воли въ эту борьбу хвостомъ своей партіи, — явленіе, которое повторяется довольно часто въ нашей демагогіи, да вѣроятно и во всѣхъ демагогіяхъ въ мірѣ. Особенное впечатлѣніе произвело заявленіе Греви́ въ пользу Ремюза̀. Независимый характеръ, искусная сдержанность, справедливая слава, пріобрѣтенная имъ при исполненіи трудныхъ обязанностей президента собранія — все придаетъ большой авторитетъ его сужденію. Голоса всѣхъ партій поддерживали его въ званіи президента со времени созванія собранія въ Бордо. Онъ недавно сложилъ съ себя это званіе въ минуту раздраженія, быть можетъ разсчитаннаго, потому что ему показалось, что авторитетъ его не признается правой. Но вообще полагаютъ, что эта отставка была уже давно задумана, и что Греви пожелалъ выдти изъ своего президентскаго нейтралитета, чтобы, ставъ во главѣ умѣренной лѣвой, играть болѣе активную роль. Правая воспользовалась этимъ обстоятельствомъ, чтобы избрать, въ лицѣ Бюффе́, президента особенно непріятнаго Тьеру, что не мало затруднитъ сношенія между правительствомъ и собраніемъ, когда послѣднее возобновитъ свои засѣданія послѣ пасхальныхъ каникулъ. Что касается Греви, то быть можетъ ему не чужда задняя мысль наслѣдовать Тьеру въ качествѣ президента республики. Какъ бы то ни было, онъ, какъ я уже сказалъ, примкнулъ къ кандидатурѣ Ремюза̀ и въ случаѣ избранія Бародѐ былъ бы нѣсколько скомпрометтированъ общимъ пораженіемъ. Гамбетта, торжествующій и отдѣлавшійся отъ всѣхъ соперниковъ, сдѣлался бы весьма опасенъ, тѣмъ болѣе, что тѣ выборы, которые должны имѣть мѣсто въ провинціи, окажутся также, по всей вѣроятности, въ пользу радикаловъ.

Я, какъ видите, отвелъ большое мѣсто этому избирательному дѣлу; но въ данную минуту оно составляетъ главную заботу дня, и я не могу оставить его, не поговоривъ объ избирательныхъ собраніяхъ, которые происходили. Хотя мы еще живемъ при осадномъ положеніи, но правительство большею частію игнорируетъ его и лишь время отъ времени пользуется имъ, чтобы сократить безъ лишнихъ разговоровъ какую-нибудь газету, которая ему не нравится или его стѣсняетъ. Поэтому ораторамъ на общественныхъ собраніяхъ была полная воля, и разумѣется кандидатура Бародѐ вызывала самые многочисленные потоки краснорѣчія, между тѣмъ, какъ о противной кандидатурѣ почти не упоминалось. Но не въ этомъ самая суть. Консерваторы и умѣренные республиканцы впадаютъ въ ту ошибку, что не особенно усердно посѣщаютъ эти сборища, на что, разумѣется, требуется извѣстная смѣлость, такъ что радикаламъ принадлежитъ на нихъ первенствующая роль. Неудивительно поэтому, что всѣ привѣтствія были на сторонѣ Бародѐ, но что было удивительно, такъ это внезапное пробужденіе коммунальныхъ рѣчей и идей, если только можно назвать идеями то, что зарождается въ этихъ скудоумныхъ, но опасныхъ мѣрахъ. Эти народные трибуны доказали существованіе цѣлаго новаго контингента коммуналистовъ, который вполнѣ способенъ и готовъ замѣнить собой, если представится случай, тотъ, который сослали въ Новую Каледонію. Эта перспектива не изъ радостныхъ, и съ удовольствіемъ вспоминаешь, что у этихъ общественныхъ реформаторовъ въ настоящую минуту отобраны ружья и поэтому нельзя опасаться вооруженныхъ демонстрацій.

Я не знаю хорошенько, что насъ ждетъ, если Бародѐ будетъ избранъ. Радикалы, конечно, не потребовали бы немедленно, чтобы все управленіе было передано въ ихъ руки; весьма вѣроятно даже, что ихъ предводители нашли бы ловкимъ выказать первоначально нѣкоторую умѣренность въ своей побѣдѣ. Но Тьеръ былъ бы глубоко задѣтъ со многихъ сторонъ и оскорбленъ въ своихъ чувствахъ. Онъ не всегда, какъ вамъ извѣстно, владѣетъ своимъ первымъ движеніемъ, и я не удивлюсь, если онъ подастъ въ отставку *ab irato*, и отчаявшись въ правительственной способности республиканцевъ, на этотъ разъ не возьметъ ее назадъ. Если онъ останется во главѣ управленія, то будетъ роковымъ образомъ оттѣсненъ къ правой, и тогда ему придется отказаться отъ всякой надежды рѣшительно повліять на будущіе, общіе выборы, потому что одно чувство съ каждымъ днемъ растетъ во всей странѣ: это нелюбовь къ правой, вполнѣ заслуживающей, впрочемъ, свою непопулярность.

Положеніе уже было бы довольно затруднительное даже и въ томъ случаѣ, если бы Ремюза восторжествовалъ, какъ я все еще не

теряю надежды. Тогда Тьеръ не сталъ бы сближаться съ правой и правая не чувствовала бы охоты сближаться съ нимъ; но эта партія, за которою остается численное превосходство въ собраніи, столько же будетъ разъярена тріумфомъ умѣренной республики, въ лицѣ Ремюза, сколько и тріумфомъ радикальной республики въ лицѣ Бародѐ. Даже, пожалуй, еще сильнѣе, потому что умѣренная республика имѣетъ больше шансовъ на существованіе, тогда какъ радикальная была бы мимолетнымъ ураганомъ, послѣ котораго можно было бы искать прибѣжища въ необузданномъ деспотизмѣ. Какимъ образомъ Тьеръ дастъ дальнѣйшій ходъ соглашенію, съ такимъ трудомъ выработанному шесть недѣль тому назадъ комиссіей тридцати и съ неменьшимъ трудомъ ратификованному собраніемъ? Какимъ путемъ добьется онъ второй палаты, на которой такъ рѣшительно настаиваетъ, но которой лѣвая никогда не желала, а правая больше не захочетъ дать ему, потому что вообще находитъ, что онъ черезъчуръ увлекается республиканскими идеями? А главное: какимъ образомъ отдѣлается онъ отъ обязательствъ, которыя онъ положительно принялъ на себя не только отъ своего имени, но и отъ имени всѣхъ своихъ министровъ, включая сюда и Ремюза, — обязательствъ, обусловливающихъ ограниченіе всеобщей подачи голосовъ? Рѣшительно не знаю, но предвижу бури и не безъ страха помышляю о возобновленіи засѣданій національнаго собранія.

Вотъ въ какомъ положеніи мы находимся всего какой-нибудь мѣсяцъ спустя послѣ заключенія окончательнаго договора объ очищеніи территоріи, и право печально думать о томъ, какъ скоро изгладилось впечатлѣніе, произведенное этимъ великимъ событіемъ, которое было такъ пріятно само по себѣ и еще потому, что доказало какими рессурсами можетъ располагать Франція; наконецъ, и по разнымъ другимъ обстоятельствамъ, а именно: стараніями со стороны нѣмцевъ разсѣять всѣ опасенія на счетъ крѣпости Бельфора. Можно съ увѣренностью сказать, что никакое другое правительство, кромѣ правительства Тьера, ни крайняя республика, ни монархія не достигли бы съ такой легкостью и быстротой желаннаго результата. Преждевременное очищеніе территоріи, это—какъ выразился недавно одинъ изъ нашихъ хорошихъ публицистовъ въ *Revue des deux Mondes*—„цѣна труда, честности, здраваго смысла, не поддающагося никакимъ подстрекательствамъ, настойчиваго терпѣнія правительства въ дѣлѣ, стоящемъ выше всѣхъ интересовъ партій. Это доказательство живучести страны, которую посѣтили такія тяжкія испытанія. Въ какихъ-нибудь два года Франціи удалось вернуть нѣкоторое равновѣсіе, заслужить уваженіе чужихъ народовъ, возстановить часть своего кредита; въ какихъ-нибудь два года, ей

приходится уплатить пять мильярдовъ контрибуціи, не говоря уже о томъ, что война поглотила по крайней мѣрѣ еще пять мильярдовъ, и она выполнитъ всѣ свои обязательства до единаго, не внося безпорядка во внутреннія дѣла, не подвергаясь серьёзнымъ монетнымъ или промышленнымъ кризисамъ, и безъ того, чтобы банковые билеты претерпѣли малѣйшее пониженіе. Франція пережила эти испытанія не поколебавшись, и теперь готовится вступить въ тотъ моментъ, когда ей возвращена будетъ полная независимость, полная свобода ея территоріи."

Все это прекрасно и совершенно справедливо, но тѣмъ печальнѣе, что подобные результаты не ставятся ни во что правительству, которое ихъ добыло, что о нихъ забываютъ, когда правительство требуетъ доказательства довѣрія, котораго оно заслужило, и которое у него оспариваютъ. Перипетіи избирательной борьбы продолжаются въ тотъ самый моментъ, какъ я вамъ пишу, и шансы Ремюза́, какъ мнѣ кажется, ослабѣваютъ съ минуты на минуту. Относительно либеральные орлеанисты, какъ мнѣ кажется, измѣняютъ въ настоящій моментъ образу дѣйствій, о которомъ я упоминалъ выше съ похвалой, и готовы взять обратно угрюмое содѣйствіе, оказываемое ими этой кандидатурѣ, которая между тѣмъ никакъ не можетъ обойтись безъ нихъ. Настоящій моментъ несомнѣнно самый тревожный изъ всѣхъ какіе когда-либо переживала республика Тьера. Предстоящее голосованіе рѣшитъ многое, и я жалѣю, что не могу сообщить вамъ его результата въ настоящемъ письмѣ.

Если что можетъ отчасти вознаградить насъ за политическія тревоги, такъ это состояніе, весьма удовлетворительное, общественныхъ доходовъ. Франція рѣшительно замѣчательная страна; она ничего лучшаго не желаетъ, какъ трудиться, производить, потреблять и платить, при чемъ не слѣдуетъ забывать, что дѣла шли бы еще лучше, если бы имъ не мѣшала неопредѣленность политическаго положенія. При существующихъ обстоятельствахъ, роспись доходовъ за первые три мѣсяца текущаго года, которая появилась въ „*Journal Officiel*", можно сказать изумительна. Нѣкоторые налоги, конечно, не вполнѣ удовлетворительны, но въ суммѣ доходы казны превысили всѣ бюджетныя соображенія слишкомъ на двѣнадцать милліоновъ, что предвѣщаетъ излишекъ въ пятьдесятъ милліоновъ за цѣлый годъ, если политика не спутаетъ всѣхъ разсчетовъ. Соотвѣтствующіе три мѣсяца прошлаго года дали избытка въ пятьдесятъ пять милліоновъ, и всего замѣчательнѣе, что это увеличеніе относится къ новымъ налогамъ. Старые налоги дали всего тринадцать милліоновъ, между тѣмъ какъ новые доставили сорокъ-два.

Налоги, превысившіе бюджетную оцѣнку, суть: пошлина на гер-

бовую бумагу, туземный сахаръ, табакъ и нѣкоторыя менѣе важныя пошлины. Всѣ онѣ вмѣстѣ дали избытокъ въ тридцать-два милліона. За то колоніальный и иностранный сахаръ, напитки, спички, желѣзныя дороги, порохъ и почта дали по разсчету недоборъ въ двадцать одинъ милліонъ съ половиной, который слѣдуетъ вычесть изъ избытка вышеупомянутыхъ налоговъ, чтобы получить дѣйствительный избытокъ.

Налогъ на табакъ, который внушалъ опасенія въ прошломъ году, идетъ по прежнему crescendo, и это доказываетъ, что курильщики, сначало-было запуганные увеличеніемъ цѣнъ, вернулись къ своимъ прежнимъ привычкамъ. Весьма вѣроятно, что еслибы акцизъ удостоилъ нѣсколько улучшить свои произведенія, то потребленіе еще увеличилось бы; но сигары, весьма вздорожавшія, вообще отвратительны, и надо помнить, что куришь ихъ ради освобожденія территоріи, чтобы съ ними примириться.

Налогъ на напитки далъ на семь милліоновъ меньше того, что ожидали: семьдесятъ четыре милліона, вмѣсто восьмидесяти одного. Если этотъ фактъ означаетъ въ то же самое время соотвѣтствующее уменьшеніе въ потребленіи алкоголя, то можно только поздравить себя, но тѣмъ не менѣе нельзя не указать на задержку въ потребленіи различныхъ продуктовъ, которая происходитъ отъ чрезмѣрнаго налога. Довольно ощутительное сокращеніе, и по той же самой причинѣ, произошло въ доходѣ, доставляемомъ почтой, гдѣ нельзя найти такой утѣшительной стороны, какъ по отношенію къ алкоголю. Мысль повысить почтовую пошлину была злополучной во всѣхъ отношеніяхъ; она значительно ограничиваетъ число писемъ; она идетъ въ разрѣзъ съ общими стремленіями всѣхъ другихъ народовъ и является важной помѣхой при заключеніи почтовыхъ конвенцій. Всякій другой налогъ былъ бы гораздо лучше.

Различныя парламентскія коммиссіи, которымъ поручено произвести слѣдствіе надъ революціей 4 сентября, надъ дѣйствіями и поступками правительства національной обороны и надъ парижской коммуной, обнародовали весьма недавно нѣсколько томовъ своихъ отчетовъ, а дѣло ихъ, кажется, далеко еще отъ своего окончанія; оно по всей вѣроятности не будетъ окончено до распущенія собранія и остается спрашивать себя, къ чему послужило это безконечное слѣдствіе, которое не можетъ привести ни какимъ серьёзнымъ результатамъ?

Оно обнаружило пропасть интересныхъ и, увы! печальныхъ фактовъ, но такъ какъ коммиссіи составлены главнымъ образомъ изъ членовъ правой, то слѣдствіе считается дѣломъ партіи и встрѣчаетъ мало довѣрія. Оно возбуждаетъ лишь одно безплодное раздраженіе,

и радикалы, противъ которыхъ оно направлено, нимало отъ него не страдаютъ. Упомянувъ объ этомъ, приходится замѣтить, что слѣдствіе обнаруживаетъ весьма странныя вещи. Я укажу, какъ на особенно любопытныя, на исторію администраціи префекта Эскироса въ Марсели. Это такая анархія, о которой трудно себѣ составить понятіе. Префектъ, доминируемый уличными демагогами, настоящими санкюлотами, вынужденный ѣсть и пить съ ними, и зачастую подъ дулами ружей, направленныхъ въ него, постоянно бунтуется противъ самого Гамбетты. Самъ Эскиросъ, впрочемъ, весьма оригинальная личность. Онъ долго жилъ въ качествѣ политическаго эмигранта въ Голландіи и въ Англіи и напечаталъ объ этихъ странахъ рядъ статей, вполнѣ замѣчательныхъ и весьма разумныхъ въ „*Revue des deux Mondes*“. Живя въ Англіи и разсуждая объ англичанахъ, онъ былъ почти тори, но какъ скоро онъ ступилъ на почву Франціи, а главное, какъ скоро на него возложили республиканскую миссію, онъ выказалъ совсѣмъ иныя свойства и принялся обезьянничать, копируя эпоху 1793 года.

Важный фактъ, вполнѣ обнаруживаемый слѣдствіемъ, но о которомъ лучше было бы, пожалуй, умолчать—это сепаратистскія тенденціи, которыя во время войны проявились на югѣ, а главное въ Провансѣ. Тамъ не желали признавать никакого центральнаго правительства, а желали управляться самостоятельно, жить для самихъ себя, оборонять лишь самихъ себя, не заботясь о томъ, что могло происходить въ другомъ мѣстѣ. Французскому единству грозила бы нѣкоторая опасность, быть можетъ, еслибы ему часто приходилось подвергаться испытанію, путемъ бѣдствій. Но, повторяю, къ чему обнаруживать подобныя вещи? Нація, гарантированная отъ революціи и обладающая вѣковыми учрежденіями, одна можетъ позволить себѣ подобныя разслѣдованія самой себя.

Въ дѣлѣ слѣдствія на счетъ революціи 4 сентября въ Парижѣ, весьма интересно показаніе генерала Сумена, который былъ тогда комендантомъ крѣпости и недавно умеръ въ томъ же званіи.

Это показаніе лучше всякаго другого доказываетъ, насколько революція была дѣломъ неподготовленнымъ и какъ несправедливо искать въ ней заговора. Въ ночь съ 3-го на 4-е сентября, по прибытіи извѣстій изъ Седана, генералъ, спавшій уже, былъ разбуженъ однимъ сенаторомъ, съ которымъ онъ былъ друженъ и который сказалъ ему слѣдующее, въ этихъ самыхъ выраженіяхъ: „*nous sommes f.....s; demain nous aurons une révolution*“. На другой день генералъ, въ ту самую минуту, какъ онъ отдавалъ приказанія своимъ подчиненнымъ, увидѣлъ секретаря префекта полиціи и между ними завязался слѣдующій разговоръ:

— Съ какими вы вѣстями? гдѣ префектъ?

— Префектъ уѣхалъ: правительства больше нѣтъ.

— Что мнѣ дѣлать?

— Дѣлайте, что хотите. Что касается меня, я пришелъ съ вами проститься. Я отправляюсь въ Бельгію.

Согласитесь, что когда правительство дожило до того, что его чиновники дезертируютъ, не выказывая ни малѣйшаго признака сопротивленія, то надо говорить о крушеніи, а не о революціи. Кромѣ того, вполнѣ констатировано, что генералъ, которому спеціально была поручена оборона законодательнаго корпуса, не отдавалъ никакихъ приказаній, потому что чувствовалъ, что солдаты его не послушаются. Всѣмъ казалось, что вотъ наступилъ конецъ, послѣдній конецъ. Тогда впечатлѣніе было еще свѣжо, но теперь бонапартизмъ снова сдѣлался партіей, съ которой приходится считаться. Вотъ какъ велика измѣнчивость французскаго ума!

Эти воспоминанія переносятъ меня къ маршалу Базену, который все еще находится въ заточеніи въ Версалѣ, и до сихъ поръ еще не назначено время, когда процессъ его начнется. Ссылаются на проволочки слѣдствія и формальности военнаго правосудія; но я вполнѣ увѣренъ, что процессъ уже имѣлъ бы мѣсто, если бы Тьеръ не сопротивлялся ему тайно, но весьма рѣшительно. Нѣсколько времени тому назадъ въ различныхъ французскихъ и иностранныхъ газетахъ, а именно въ англійскихъ и нѣмецкихъ, появились различныя статьи, очевидно имѣвшія цѣлью выставить маршала въ самомъ благопріятномъ свѣтѣ и даже подготовить къ мысли объ его освобожденіи въ силу указа о *non-lieu*, то-есть, недостаточности причинъ для отданія подъ судъ. Но общественное мнѣніе весьма щекотливо на этотъ счетъ; оно не выноситъ, чтобы хвалили маршала, и непремѣнно требуетъ суда надъ нимъ. Поэтому эти пробные маневры остались безъ послѣдствій и молчаніе снова воцарилось на счетъ этого дѣла. За невозможностью лучшаго исхода, Тьеръ старается затягивать дѣло, разсчитывая на какое-нибудь неожиданное обстоятельство, которое освободитъ его отъ бремени, которое сильно удручаетъ его. Общественное мнѣніе повинуется чувству справедливости и мести, но не разсуждаетъ. Тьеръ же, наоборотъ, понимаетъ весьма ясно неудобства и даже опасности подобныхъ преній, которыя затронутъ многое и многихъ и при которыхъ маршалу придется обвинять, чтобы защитить самого себя. Вотъ одинъ изъ мотивовъ поведенія Тьера. Но существуютъ еще и другіе, о которыхъ я уже, кажется, упоминалъ вамъ: его почтеніе къ маршаламъ Франціи вообще и спеціальное уваженіе къ маршалу Базену, котораго онъ считаетъ великимъ полководцемъ, и наконецъ, мучительное чувство личной

отвѣтственности, потому что маршалъ поселился въ Швейцаріи послѣ войны, и вовсе не спѣшилъ вернуться во Францію. Тьеръ убѣдилъ его переѣхать во Францію, говоря ему, что онъ за все ручается. Но не взирая ни на что, процессъ будетъ имѣть мѣсто и произведетъ сильное потрясеніе, и остается только желать, чтобы онъ не совпалъ съ другими причинами къ волненію. Бѣгство невозможно, потому что было бы равнозначуще сознанію въ своей виновности, а маршалъ, какая бы участь его ни ждала, не согласится на подобное униженіе.

Насколько внутреннія заботы дозволяютъ намъ заниматься внѣшними дѣлами, общее вниманіе привлекается религіозной распрей въ Швейцаріи. Находятъ нѣсколько рѣзкимъ образъ дѣйствій федеральнаго совѣта и кантональныхъ правительствъ, но такъ какъ врагомъ является, въ концѣ концовъ, клерикализмъ, и онъ же самъ является зачинщикомъ, то либералы безъ особеннаго неудовольствія слѣдятъ за его неудачами. Католики же, напротивъ того, внѣ себя отъ ярости и ничего лучшаго не желали бы, какъ заставить Тьера повторить безумную ошибку, въ родѣ былого вмѣшательства Гизо въ швейцарскія дѣла въ эпоху Зондербунда. Къ счастію, Тьеръ, хотя слишкомъ убѣжденный, что Франція должна представлять за границей интересы католицизма, умѣетъ отдавать себѣ отчетъ въ обстоятельствахъ и понимаетъ, что настоящій моментъ мало пригоденъ къ тому, чтобы ввязываться въ дѣло, которое можетъ стать европейскимъ. Радикалы и либералы въ Швейцаріи и не скрываютъ, впрочемъ, что существующія обстоятельства именно и побуждаютъ ихъ дѣйствовать не стѣсняясь и съ полнымъ спокойствіемъ духа. Безсиліе Франціи и явная поддержка со стороны двухъ другихъ великихъ сосѣднихъ державъ, Германіи и Италіи, предоставляютъ имъ полный просторъ для дѣйствій, и они намѣрены воспользоваться случаемъ. Это движеніе можетъ зайти очень далеко, и если насильственныя мѣры противъ личностей, конечно, не похвальны, то онѣ не должны заставлять забывать о послѣдствіяхъ, которыя могутъ произойти изъ этой распри. Подобно тому, какъ реформація шестнадцатаго вѣка не могла не увѣнчаться успѣхомъ, не будь пристрастнаго содѣйствія со стороны государей, такъ и современная католическая реформа, предпринятая Дёллингерами и Гіацинтами и отъ которой быть можетъ зависитъ возрожденіе латинскихъ расъ—нуждалась въ почвѣ, на которой бы она могла опереться и пустить корни съ согласія государства. Она, повидимому, нашла эту почву въ Швейцаріи, гдѣ народъ уже теперь на дѣлѣ или по своимъ стремленіямъ привлеченъ на сторону *старо-католиковъ* или *католиковъ-либераловъ*,—какъ они безразлично называютъ себя, — въ большинствѣ католиче-

скихъ кантоновъ. Особенный интересъ представляетъ предпріятіе отца Гіацинта въ Женевѣ; его конференціи и его проповѣди пользуются тамъ большимъ успѣхомъ, и еслибы ему удалось основать тамъ ядро католицизма безъ латинскаго языка и безъ целибата, то этотъ фактъ могъ бы имѣть громадныя послѣдствія для насъ самихъ.

Народный французскій инстинктъ по своей природѣ не имѣетъ въ себѣ ничего реформаторскаго; онъ колеблется между двумя фанатизмами, и если отказывается отъ суевѣрія, завѣщаннаго предками, то лишь затѣмъ, чтобы перейти къ крайнему отрицанію. Ему очень трудно понять такія среднія явленія, какъ отецъ Гіацинтъ, и онъ ихъ не любитъ. Онъ непослѣдовательный католикъ, говорятъ про него, пожимая плечами, тѣ, которые судятъ о немъ наименѣе недоброжелательно, и не размыслятъ о томъ, что реформаторы шестнадцатаго столѣтія тоже были вначалѣ просто лишь непослѣдовательными католиками. Поэтому мы весьма скептично относимся къ этой попыткѣ обновленія католицизма; но если мы увидимъ, что она осуществилась на дѣлѣ и живетъ рядомъ съ нами, то быть можетъ впечатлѣнія нѣсколько измѣнятся и примѣръ заразитъ и насъ самихъ, чего съ своей стороны я очень желаю.

Въ виду треволненій, происходящихъ въ католическомъ мірѣ и принимая во вниманіе политическое состояніе Европы, понятно, что лѣта и здоровье папы возбуждаютъ особый интересъ между нами, которые остаемся прикованными къ римской куріи. Я хорошенько не знаю, насколько опасны болѣзненные симптомы, проявившіеся въ послѣднее время, но на основаніи дипломатическихъ сообщеній, сдѣланныхъ уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, французское правительство убѣждено, что св. отецъ не переживетъ лѣта, и послѣдствія его кончины составляютъ для него предметъ весьма естественныхъ заботъ. Неизвѣстно, какія распоряженія сдѣланы на счетъ созванія конклава, неизвѣстно даже, будетъ ли созванъ конклавъ и не воспользуется ли папа непогрѣшимостью, которую призналъ за собой, для того, чтобы попросту безъ затѣй назначить себѣ преемника по завѣщанію. Въ этомъ случаѣ, не особенно вѣроятномъ, но возможномъ, нѣмецкое правительство, разумѣется, не признало бы новаго папы и произошелъ бы, такимъ образомъ, расколъ. Съ другой стороны, предположивъ, что конклавъ будетъ созванъ въ Римѣ, что также невѣроятно, но возможно, и гдѣ этотъ конклавъ, подъ давленіемъ Италіи и Германіи изберетъ папу, расположеннаго къ этимъ обѣимъ державамъ,—будетъ ли признана власть этого новаго первосвященника во Франціи? Признаютъ ли его выборъ свободнымъ? Какъ видите, смерть Пія IX влечетъ за собой самыя разнообразныя шансы для раскола. Въ настоящее время носится слухъ, будто фран-

кѣ проявляется столько же изящества, сколько и силы, и она заканчивается нравственнымъ и здравымъ выводомъ.

Пьеса Сарду, хотя и блещетъ весьма интересными частностями, но построена довольно грубо, гораздо грубѣе, чѣмъ обыкновенно бываютъ пьесы этого автора. Это происходитъ оттого, что она сдѣлана на заказъ для одной американской актрисы и одной американской кочевой драматической труппы, и появилась въ „*Gymnase*" лишь по возвращеніи изъ этого заморскаго путешествія. Эта фабрикація пьесъ для вывоза составляетъ новую черту литературной промышленности нашего времени.

Н.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ФЛОРЕНЦІИ.

12-го апрѣля, 1873.

Искусство въ Италіи.

Съ приближеніемъ всемірной выставки въ Вѣнѣ, у насъ, въ Италіи, выдвигаются впередъ тѣ вопросы касательно состоянія искусства въ Италіи, которые уже не мало занимали собою въ эпоху всемірной парижской выставки 1867 года. Это вопросы обширные и сложные, и быть можетъ настоящій моментъ весьма пригоденъ для того, чтобы поднять ихъ снова.

Италіи отведена на вѣнской выставкѣ болѣе обширная площадь подъ ея произведенія, чѣмъ въ Лондонѣ и Парижѣ, и не взирая на это многія итальянскія произведенія, предназначенныя къ выставкѣ, не могутъ быть приняты коммиссіей, завѣдывающей итальянскимъ отдѣломъ, по недостатку мѣста. Такимъ образомъ, изъ шести-семи произведеній, представленныхъ итальянскими артистами, было принято только одно. Слѣдовательно, въ количествѣ произведеній нельзя отчаяваться, хотя качество ихъ можетъ повергнуть въ глубокое раздумье. Міръ привыкъ считать Италію страной искусства по преимуществу и ожидать отъ нея чудесъ творчества, которыхъ, сдается мнѣ, она не въ состояніи произвести въ настоящую минуту. Въ сферѣ искусства замѣчается то же самое явленіе, что и въ другихъ отрасляхъ культуры: вмѣстѣ съ распространеніемъ культуры, расширяется ея популярность, но утрачивается оригинальность. Искусство стало легкимъ; всѣ въ немъ знаютъ кое-какой толкъ и всѣ

имъ кое-какъ занимаются. Изъ ревнивой студіи артиста искусство перешло въ школы, въ академіи, во всѣ семейства и сдѣлалось общимъ достояніемъ. Таковъ духъ вѣка, а противъ духа вѣка безполезно ратовать. Но, надобно сознаться, подобный духъ особенно благопріятствуетъ процвѣтанію посредственности. Въ прошлыя времена искусство и наука были славой и достояніемъ избраннаго меньшинства; въ настоящее время искусство стало общимъ достояніемъ, и въ силу этого уровень его значительно понизился. На мѣсто великаго, труднаго, всесторонняго, истиннаго искусства выступило искусство мелкое и легкое, преслѣдующее мелкія цѣли, довольствующееся мелкими эффектами и разработывающее мелкіе сюжеты, которыми оно вдохновляется на школьной скамьѣ.

Въ академіяхъ преміи даются за лучшіе образцы рисунка, за лучшіе образцы отдѣлки, за лучшіе образцы перспективы и проч. Вслѣдствіе этого юноша, готовящійся къ профессіи артиста, привыкаетъ преслѣдовать одну какую-нибудь сторону въ своемъ искусствѣ, а не всѣ, хлопочетъ о частностяхъ и не заботится о цѣломъ. Наши скульпторы превратились въ простыхъ ремесленниковъ, лѣпящихъ изъ глины; какое паденіе сравнительно съ греками или съ Микель-Анжело, который облекалъ въ мраморъ тѣ могучіе и живые образы, которые создавало его геніальное воображеніе! Современный скульпторъ работаетъ съ полнымъ комфортомъ и можетъ безъ конца ошибаться и безнаказанно мять на всѣ лады мягкую и послушную глину, которая принимаетъ всевозможныя формы подъ его руками, безъ особенныхъ усилій съ его стороны. Формовщикъ и бѣдный рѣзчикъ сдѣлаютъ остальное. Рѣзчикъ распинается за скульптора; если онъ воспроизведетъ гипсовую форму недостаточно точно, то его прогоняютъ безъ всякой церемоніи; если-же напротивъ того онъ украситъ ее, то вся честь остается за артистомъ, для котораго искусный рѣзчикъ крайне важенъ.

Съ своей стороны живописцы привыкли также довольствоваться малымъ; одни утѣшаются тѣмъ, что ихъ осѣнила *счастливая мысль*, какъ они выражаются; другіе просятъ васъ обратить вниманіе на *красоту линій*; третьи указываютъ вамъ на то, что *воздухъ у нихъ очень прозраченъ*; четвертые хвалятся тѣмъ, что *фигуры исполнены оживленія;* пятые тщеславятся тѣмъ, что открыли *новые эффекты освѣщенія*; шестые просятъ васъ обратить вниманіе на *живость красокъ*; седьмые на *чистоту рисунка* и проч. и проч. Такимъ образомъ, всѣ болѣе или менѣе полагаютъ все достоинство своихъ произведеній на одномъ какомъ-нибудь пунктѣ. Ихъ искусство не является результатомъ широкой и полной методы наблюденія отношеній между природой и ея изображеніемъ: оно сводится къ про-

стому механическому пріему, болѣе или менѣе удачному, посредствомъ котораго они достигаютъ, при нѣкоторомъ талантѣ, прекраснѣйшихъ, но частныхъ и неполныхъ эффектовъ. Кромѣ этихъ недостатковъ, которыми страдаетъ современное искусство и которые присущи не Италіи собственно, но вѣку, въ какомъ мы живемъ,— существуютъ еще частныя и, надѣюсь, временныя причины, не дозволяющія современному итальянскому искусству сравняться по красотѣ съ древнимъ искусствомъ.

Искусство эпохи возрожденія было проникнуто двумя чувствами: эстетическое чувство греческой красоты и религіозное чувство христіанской вѣры. Сила, величіе, оригинальность искусства этой эпохи заключались въ совершенной гармоніи между античной формой и идеальнымъ содержаніемъ. Въ настоящее время идеальнаго содержанія въ итальянскомъ искусствѣ болѣе не существуетъ и не можетъ существовать, такъ какъ всякое религіозное вѣрованіе заглохло въ Италіи; античная же форма отвергается, ненавидится и преслѣдуется какъ классическая, педантичная, условная. Собственно, академіи виноваты въ преслѣдованіи, которому подвергается античное искусство: вмѣсто того, чтобы учить, какимъ образомъ древніе артисты изучали дѣйствительность и изображали природу, они рекомендуютъ рабски списывать древнія формы, причемъ случается, что торсъ атлета присвоивается святому анахорету, а обликъ Венеры — Мадоннѣ. Современный итальянскій артистъ утратилъ старинныя религіозныя вѣрованія, но еще не замѣнилъ ихъ пониманіемъ современной жизни. Онъ далеко еще не вникъ въ смыслъ этой жизни, и ему необходимо постигнуть ея сущность, прежде чѣмъ изображать ее. Въ настоящую минуту мы переживаемъ переходную эпоху, весьма неблагопріятную для созданія великихъ твореній искусства. Лагерь искусства раздѣляется въ Италіи между академиками новой школы и новаторами, или какъ они сами себя называютъ *avveniristi* (люди будущаго, *будущники*), которые пока сами не знаютъ чего хотятъ и что дѣлаютъ. Академики списываютъ античныя модели и окрещиваютъ ихъ новыми именами; *avveniristi* объявляютъ себя врагами всякихъ классическихъ формъ и проповѣдуютъ реализмъ, но съуживаютъ его границы, преслѣдуя одинъ лишь грубый реализмъ. Въ погонѣ за оригинальностью, они впадаютъ въ странности и нелѣпости; вмѣсто правильныхъ линій прибѣгаютъ къ изысканнымъ, приличныя и изящныя позы замѣняютъ безобразными и отталкивающими. Одинъ скульпторъ желаетъ, напримѣръ, изобразить монахиню въ моментъ упраздненія монастырей; онъ изображаетъ ее просто *въ интересномъ* положеніи, и напрасно сталъ бы зритель искать въ лицѣ бѣдной заключенницы, какое впечатлѣніе произвелъ на нее законъ, предписывающій ея осво-

божденіе: онъ ничего не увидитъ кромѣ безобразнаго и возмутительнаго ожирѣнія. Другой скульпторъ желаетъ изобразить Нерона, артиста, и представляетъ его грубымъ созданіемъ, переодѣтымъ въ женское платье и въ весьма некрасивой, анти-артистической позѣ. Третій желаетъ нарисовать пейзажъ — и списываетъ первую попавшуюся ему на глаза улицу, въ дождливый день. Онъ изображаетъ на полотнѣ полосу грязи — и это называется реализмомъ, новымъ искусствомъ, искусствомъ будущаго и является дерзкой пародіей на истинное искусство, великое искусство, интеллигентное, вдохновленное, идеальное искусство, оживляющее, напр., реформаторскій геній Рихарда Вагнера въ музыкальной драмѣ. Всѣ эти господа вѣруютъ въ проггрессъ, взываютъ къ искусству будущаго, то-есть искусству, которое движется впередъ, расширяется, измѣняется согласно времени, согласно тѣмъ идеямъ, которыя всякое время приноситъ съ собой, — великое, великолѣпное искусство, которое вдохновляется своей эпохой и вдохновляетъ ее, которое полно волненія и само волнуетъ. Но что можетъ волновать ограниченное искусство нашихъ *avveniristi?* Какая вѣра вдохновляетъ ихъ? какая высокая идея поддерживаетъ ихъ? Гдѣ то искусство, которое дозволяло бы имъ понимать и другимъ пояснять истины природы? Вѣдь тайна искусства заключается въ томъ, чтобы открыть поэзію въ правдѣ и изобразить ее. И наши *avveniristi* еще жалуются, что не существуетъ больше Меценатовъ, которые бы понимали ихъ творенія, и съ презрѣніемъ относятся къ копистамъ античныхъ произведеній, фабрикантамъ Венеръ и Мадоннъ на англійскій, французскій, американскій, нѣмецкій, русскій вкусъ, потому что существуютъ Венеры и Мадонны на всѣ вкусы; наши мастера это знаютъ и съ помощью извѣстныхъ пріемовъ ловко превращаютъ какого-нибудь Беато-Анжелико въ Рафаэля, а Рафаэля въ Тиціана, смотря по желанію иностранцевъ, готовыхъ платить большія деньги за произведенія этихъ великихъ художниковъ. Такимѣ образомъ, и скульпторы, работающіе на коммиссію, отлично знаютъ, что не мускулы *à la* Микель-Анжело, но гибкія формы *à la* Канова находятъ сбытъ среди богатыхъ аматёровъ, и принимаютъ все это въ соображеніе. Эти люди превратились въ ремесленниковъ; и эти ремесленники по крайней мѣрѣ подражаютъ великому прошлому искусству, которое искусно воспроизводило природу. Но *avveniristi* напрасно жалуются на равнодушіе богачей, которые отказываются поощрять ихъ произведенія. *Avveniristi* вообще заявляютъ крайнее пренебреженіе къ законченности рисунка; они утверждаютъ, что эта законченность составляетъ единственное достоинство произведеній Рафаэля, котораго они вообще не одобряютъ. Они не желаютъ утомлять себя ради такого ничтожнаго результата; мало

того, они идутъ дальше и обращаютъ это достоинство, столь трудно пріобрѣтаемое, въ существенный и важный недостатокъ. Хорошо рисовать и хорошо писать для такихъ новаторовъ кажется большимъ порокомъ, почти такимъ же, какъ и одѣваться прилично, выражаться красиво и вносить въ жизнь нѣкоторое изящество. Изящество для нихъ является привилегіей аристократовъ и педантовъ, которую всякій независимый артистъ долженъ старательно избѣгать. Съ такими принципами въ искусствѣ каждый писака можетъ претендовать на званіе литератора, всякое маранье можетъ идти за картину, всякій напѣвъ—за мелодію. Но мудренаго нѣтъ, что никто не хочетъ признавать писакъ, маляровъ и проч. за артистовъ, и они тогда утѣшаютъ себя мыслію, что будущее принадлежитъ имъ, такъ какъ настоящее ничего имъ не даетъ и не можетъ дать, что они—*будущники*.

Между представителями этихъ двухъ крайнихъ и нелѣпыхъ системъ: академиками и *avveniristi*, стоятъ тѣ немногіе благородные артисты, которые стараются примирить насколько возможно широкія требованія современнаго искусства съ совершенствомъ классической формы. Изъ числа этихъ художниковъ, стремящихся примирить реальность съ поэзіей, выдѣляются по своимъ произведеніямъ: Винченцо Вело изъ Лугано, занимающій первое мѣсто, и Карони изъ того же города, Маньи, Тантардини, Табакки, Арджентн и другіе изъ Милана, города, который безспорно занимаетъ въ настоящее время первое мѣсто среди городовъ Италіи какъ по своей литературной, такъ и по артистической культурѣ. Во Флоренціи славятся Дюпрè (возбудившій много толковъ въ послѣдніе дни своимъ колоссальнымъ монументомъ Кавуру, предназначеннымъ для города Турина и стоившимъ пол-милліона франковъ), Ривальта, Камби, Паццн (Феди—чистый академикъ, а сициліецъ Сальваторъ Грита, проживающій во Флоренціи—*avvenirista*), и менѣе замѣчательные въ другихъ городахъ Италіи. По части живописи замѣчательна въ Туринѣ школа двухъ братьевъ Гамба, одинъ пейзажистъ, другой историческій живописецъ, школа Гастальди, Понтремоли, Корси и Пасториса; въ Миланѣ, кромѣ старика Гайеца, до сихъ поръ еще живого и дѣятельнаго, Индуно, Джуліано, Пальяно; во Флоренціи—Усси (который недавно окончилъ большую картину, заказанную вице-королемъ египетскимъ и озаглавленную: Путешествіе правовѣрныхъ въ Мекку), Беллуччи, Кастаньола, портретистъ Гордиджіани; Синьорини—*avvenirista*, Полластрини же—академикъ. Пейзажистъ Бенассаи, калабріецъ, проживающій во Флоренціи, поставляетъ рисунки для великолѣпной фарфоровой фабрики маркиза Джинори; въ Неаполѣ—Морелли по части исторической жи-

вописи, Филиппо Палицци—рисующій животныхъ, Малдарелли, Міола и нѣсколько другихъ.

Если не всѣ эти артисты способны создать искусство будущаго, то животныя Паллици, нѣкоторыя тиціановскія картины Гайеца, нѣкоторыя картины *à la* Деларошъ Морелли, *Il Duca d'Atene* Усси, не взирая на нѣкоторую холодность, и нѣкоторыя картины Гастальди, Пальяно и другихъ всегда будутъ фигурировать въ исторіи нашего искусства; они удовлетворительны для настоящаго времени и доказываютъ, что хотя и заглохли преданія артистовъ нашей великой эпохи, но артистическая жизнь не вполнѣ замерла, и желаніе и попытки воскресить ее постоянно проявляются. Но для того, чтобы это возрожденіе стало возможнымъ, необходимо, чтобы наши артисты не обращали искусство въ мелкое орудіе политическихъ и честолюбивыхъ партій, которыя, ради проведенія своихъ собственныхъ мелкихъ цѣлей, унижаютъ достоинство великаго искусства.

Съ нѣкоторыхъ поръ къ вопросамъ искусства примѣшалась политика. Симпатіи къ Франціи или къ Германіи, проявляющіяся въ политическихъ кружкахъ, сообщаются и кружкамъ литературнымъ и артистическимъ. Вслѣдствіе раздраженія, испытываемаго многими итальянцами противъ Франціи, благодаря дерзости, съ какою относятся къ намъ легитимистскіе органы, многіе сочли своей обязанностью обратить всѣ свои симпатіи на Германію. Для такихъ политиковъ политическое паденіе французской націи какъ будто необходимо влечетъ за собой паденіе ея литературнаго и артистическаго авторитета, и превосходные Жеромы, Мейсонье обратились въ послѣднія шесть лѣтъ въ плохихъ школяровъ; напротивъ того, величайшее почтеніе оказывается школѣ, процвѣтающей въ Дюссельдорфѣ, Мюнхенѣ, Дрезденѣ и въ самомъ Берлинѣ. Подобно тому какъ на парижской выставкѣ пѣлись гимны въ честь артистическаго генія Франціи, такъ мы должны ожидать, что на вѣнской выставкѣ будетъ прославляться на всѣ лады артистическій геній Германіи и картины Дюссельдорфской школы превозноситься до небесъ. Когда въ Италіи устроится всемірная выставка, тогда быть можетъ снова начнутъ чествовать нашихъ святыхъ и нашихъ мадоннъ, потому что мода слѣдуетъ за тѣмъ, кто ее провозглашаетъ. Въ настоящую минуту германскій вопросъ на очереди и занимаетъ умы въ Италіи. У Германіи, разумѣется, есть здѣсь свои приверженцы и свои противники, и какъ общее правило можно признать, что умѣренная партія хорошо расположена къ Франціи, между тѣмъ какъ демократическая партія заявляетъ, хотя бы даже не ощущала того, свои симпатіи къ Германіи. Симпатіи изъ сферы политической переходятъ въ область артистическую; въ силу этого демократическая партія поставила въ

прошломъ году на сцену и апплодировала въ Болоньѣ *Лоэнгрину* Рихарда Вагнера. Но такъ какъ политическіе внутренніе вопросы гораздо болѣе занимаютъ умы, чѣмъ вопросы внѣшніе, то въ прошломъ мѣсяцѣ въ Миланѣ случился курьёзный фактъ. Между тѣмъ какъ въ Болоньѣ демократическая партія поддерживала *Лоэнгрина* наперекоръ умѣреннымъ, которые его не хотѣли, — въ Миланѣ демократы провалили Лоэнгрина черезъ нѣсколько представленій только потому, что умѣренные поддерживали его. Умѣренные апплодировали „Лоэнгрину" потому, что въ трехъ умѣренныхъ миланскихъ газетахъ *La Perseveranza, Il Pungolo, Il Corriere di Milano* всѣ три музыкальныхъ критика, господа Филиппи, Боито, Торелли Віоллеръ случайно принадлежатъ къ поклонникамъ Вагнера. Недостаточная серьёзность нашей журналистики выражается въ томъ, что достаточно, чтобы критики умѣренныхъ органовъ восхваляли Вагнера, и демократическія газеты начнутъ его преслѣдовать и вопить противъ вторженія чужеземнаго искусства, нѣмецкаго искусства, скудныхъ германскихъ формулъ въ Италіи и восклицать: *да здравствуетъ Верди!* какъ представитель музыкальнаго итальянскаго генія. Хоть бы они кричали: *да здравствуетъ Россини!* Какъ бы то ни было, а фактъ тотъ, что они столько шумѣли и вопили, что вынудили импрессаріо прекратить представленія. Скандалъ, случившійся въ Миланѣ, весьма прискорбенъ потому, что переноситъ политическіе, и самые мелкіе при томъ, вопросы въ сферу искусства и этимъ спутываетъ весь критерій искусства, которому приходится отнынѣ угождать пристрастному меньшинству, вмѣсто того, чтобы искать одобренія всѣхъ тѣхъ, кто любитъ и понимаетъ искусство. Нельзя не прибавить также, что паденію нѣмца Вагнера въ Миланѣ немало содѣйствовало также то мнѣніе, которое питаетъ о себѣ Миланъ. Этотъ городъ зовется и признаетъ себя итальянскимъ Парижемъ; кромѣ того, воспоминаніе о Маджентскомъ сраженіи, которое освободило его отъ владычества австрійцевъ, поддерживаетъ въ этомъ городѣ живѣйшую симпатію къ французамъ. Въ Парижѣ провалился *Танейзеръ:* чтобы не остаться позади, миланцы освистали *Лоэнгрина.* Свистки миланцевъ Вагнеру заглушились апплодисментами Верди, изъ кареты котораго неаполитанская чернь выпрягла, въ знакъ почтенія, лошадей и повезла на себѣ знаменитаго композитора. Когда фанатизмъ принимаетъ такія безобразныя формы, тогда нѣтъ возможности разсуждать объ искусствѣ. Вообще въ настоящую минуту въ Италіи *говорятъ много, но разсуждаютъ мало.*

Въ драматическомъ лагерѣ составляется проектъ за проектомъ, чтобы вывести драматическое искусство изъ состоянія бродяжничества и основать постоянные театры. Въ настоящее время каждая

драматическая труппа вынуждена переносить свои пенаты изъ одного города въ другой, черезъ каждый мѣсяцъ и, самое бо́льшее, черезъ каждые два мѣсяца. Труппамъ приходится тратить на переѣзды свои небольшія сбереженія, и вотъ причина ихъ многочисленности. Каждому значительному городу приходится ежегодно созерцать на сценахъ своихъ различныхъ театровъ, какъ въ волшебномъ фонарѣ, по крайней мѣрѣ съ дюжину драматическихъ труппъ, состоящихъ изъ плохихъ актеровъ, плохо оплачиваемыхъ, и довольствоваться представленіями переводныхъ съ французскаго пьесъ или же оригинальными, итальянскими произведеніями, лишенными всякой оригинальности, причемъ обстановка самая жалкая, костюмы самые бѣдные, да и самыя роли плохо затвержены: каждый вечеръ дается новая пьеса, а потому неудивительно, что роли выучиваются актерами не твердо. Артистамъ нѣтъ времени изучать свои роли, тѣмъ менѣе образовывать себя; мѣняя ежемѣсячно свою публику, они усвоиваютъ себѣ банальную манеру игры, которая удовлетворяетъ съ перваго раза массу. Публика тоже не воспитывается, потому что не имѣетъ времени изучить артиста и исправить, подъ его вліяніемъ, свой собственный вкусъ. Зло сознается какъ артистами, такъ и публикой, и мѣры противъ него принимаются; но какія? Нѣкоторые смѣлые спекулянты предлагаютъ муниципалитету выгодныя условія единственно лишь затѣмъ, чтобы получить право называться постоянными и привилегированными труппами, и такимъ образомъ только компрометтируютъ недобросовѣстнымъ примѣненіемъ хорошую идею, которая могла бы дать отличные результаты, еслибы была примѣнена какъ слѣдуетъ. Весьма вѣроятно, что черезъ годъ Туринъ, Флоренція и Римъ обзаведутся каждый постояннымъ драматическимъ театромъ. Но нельзя ожидать многаго отъ этихъ театровъ, на которыхъ не будетъ показываться никто изъ нашихъ великихъ актеровъ: ни Росси, ни Сальвини, ни Дондини, ни Гаттинелли, ни Ристори, ни Пеццана. Всѣ эти великіе артисты наши продолжаютъ тѣмъ временемъ свои скитанія, и когда изъѣздятъ всю Италію, то отправляются за границу. Такъ сдѣлалъ Эрнесто Росси, который прожилъ въ Америкѣ два года и вернулся покрытый славой и осыпанный золотомъ. Южная Америка наградила нашего знаменитаго артиста всяческими оваціями; князья и президенты, общества и муниципалитеты осыпали его своими дарами и оспаривали другъ у друга. Никогда еще въ Америкѣ не видѣли такого Гамлета, такого Макбета, такого Ромео, такого Паоло, такого Кина, такого Ореста. Росси первый далъ понять американцамъ дивную красоту *Божественной комедіи*. Росси ограничилъ свой репертуаръ нѣсколькими десятками ролей изъ самыхъ крупныхъ произведеній, но вложилъ въ нихъ всю свою душу; особливо въ

тѣхъ, гдѣ требуется юношеская страсть, съ примѣсью тонкой и глубокой ироніи, онъ является неоцѣненнымъ и несравненнымъ артистомъ. Его сотрудники далеко недостойны его, но по крайней мѣрѣ знаютъ свое дѣло и свои роли, и если не передаютъ вполнѣ тѣ характеры, которые изображаютъ, то по крайней мѣрѣ не искажаютъ ихъ, потому что Росси такой же искусный режиссеръ, какъ и талантливый актеръ. Въ настоящую минуту онъ находится въ Италіи, гдѣ готовится дать нѣсколько представленій, прежде чѣмъ снова уѣхать за-границу. Его ожидаютъ въ Вѣнѣ, гдѣ онъ дастъ нѣсколько представленій во время выставки. Отсюда онъ совершитъ путешествіе по Голландіи и Германіи. Онъ думаетъ также будущей осенью побывать въ Петербургѣ, и въ то время, какъ будетъ печататься настоящее письмо, одинъ изъ его агентовъ долженъ прибыть въ вашъ городъ, чтобы устроить его посѣщеніе. Отъ всего сердца желаю Росси встрѣтить у русскихъ такую же симпатію, какую онъ справедливо заслужилъ не только между своими соотечественниками, но и въ далекихъ странахъ.

D. G.

НОВѢЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Нравственная отвѣтственность.

Old-fashioned Ethics and common-sense Metaphysics with some of their applications, by *William Thomas Thornton*, author of a treatise „on Labour“ (Старомодная этика и метафизика обыденнаго смысла, съ нѣкоторыми изъ ихъ приложеній, соч. *Уилліама Томаса Торнтона*). London, 1873.

Сочиненіе, по поводу котораго мы желаемъ говорить о *нравственной отвѣтственности*, принадлежитъ, какъ показываетъ самое заглавіе его, къ разряду полемическихъ. Весьма либеральный въ политическихъ вопросахъ, авторъ заявляетъ себя сторонникомъ „старомодной морали и обыденной философіи“;—въ шести главахъ своего новаго сочиненія онъ возстаетъ противъ утилитаризма, противъ притязаній исторіи на званіе науки, противъ философическихъ ученій Юма, противъ *гокслеизма* (отъ фамиліи извѣстнаго естествоиспытателя Гоксли) и противъ новѣйшихъ фазъ научнаго атеизма, и хочетъ опредѣлить, наконецъ, „предѣлы доказательнаго деизма“. Замѣчательно, что Торнтонъ принимаетъ почти всѣ главные выводы

современной науки, на которыхъ атеизмъ создавалъ свое зданіе: происхожденіе видовъ по теоріи Дарвина, зависимость человѣческой воли отъ окружающихъ обстоятельствъ и т. д., но это нисколько не мѣшаетъ ему воевать съ своими противниками, и нельзя сказать, чтобы неудачно, такъ какъ намѣченная авторомъ цѣль достигается почти во всѣхъ случаяхъ. Цѣль эта, впрочемъ, довольно ограниченная: авторъ непосредственно заинтересованъ въ доказательствѣ „не силы деизма, но слабости атеизма и пустоты его діалектическихъ притязаній". Что во всякой формѣ набожности всего болѣе возбуждаетъ порицаніе и насмѣшку—это ея излишнее усердіе въ вѣрѣ, ея готовность примириться и согласиться съ разными нелѣпостями, какія могутъ истекать изъ тѣхъ или другихъ требованій ложной набожности. Торнтонъ задумалъ доказать, что тому же самому упреку подлежатъ и тѣ самые философы, которые любятъ осмѣивать набожность. „Что нѣтъ ничего нефилософичнѣе упорнаго атеизма, что нѣтъ ничего суевѣрнѣе его довѣрчивости, что нѣтъ такихъ вѣрованій столь чудовищныхъ, какъ тѣ, посредствомъ которыхъ атеизмъ старается наполнить пустоту, создаваемую его собственнымъ невѣріемъ — вотъ мой нынѣшній тезисъ" (стр. 201), — говоритъ авторъ. И дѣйствительно, гипотезы, которыя создаетъ въ своихъ доводахъ атеизмъ изъ понятій о силѣ и матеріи, столь же много подлежатъ научному сомнѣнію, какъ и нѣкоторыя гипотезы о вмѣшательствѣ божества въ дѣла сего міра и человѣческихъ обществъ. Большинство существующихъ религій понимаетъ эту шаткость чистаго деизма и потому опирается, въ своихъ послѣднихъ доводахъ, на сверхъестественное откровеніе. Но Торнтонъ—деистъ совсѣмъ иного рода. Онъ прямо говоритъ, что опираться на откровеніе значитъ, „подвергать весь предметъ религіи спору"; если религія въ свою защиту объявляетъ только, что она противоположна разуму, что она требуетъ лишь вѣры, то тѣмъ хуже для нея, такъ какъ такая защита равна капитуляціи. Нашъ авторъ увѣренъ даже, что въ стараніяхъ современной науки, избѣгать въ своихъ объясненіяхъ „божественной гипотезы", всего болѣе виновно презрительное отношеніе существующихъ религій къ открытіямъ и изслѣдованіямъ науки. Торнтонъ, напротивъ, основываетъ свои религіозныя убѣжденія на данныхъ строгой науки, и все, что онъ говоритъ противъ тѣхъ или другихъ атеистическихъ предположеній, вторгшихся въ предѣлы науки, все это онъ старается основать на выводахъ и требованіяхъ самой науки. Въ одномъ мѣстѣ своего сочиненія (*стр. 216*), нашъ авторъ даже удивляется, зачѣмъ ученые не пользуются столь удобно прилагаемой гипотезой (a good working hypothesis), какъ идея о божествѣ, которая „въ точности совпадаетъ съ большей частью фактовъ и не про-

тиворѣчитъ ни одному изъ нихъ". Мы нарочно приводимъ эту фразу о божественной гипотезѣ, чтобы показать на самомъ слогѣ автора, что онъ высказываетъ свои мысли не догматически, но со всею сдержанностью научнаго изслѣдователя. Хотя для него лично существованіе Бога не подлежитъ сомнѣнію, тѣмъ не менѣе онъ говоритъ о божествѣ, какъ о гипотезѣ; его осторожность допускаетъ даже, что эта гипотеза совпадаетъ „не *со всѣми* фактами, но *съ большей частью*". Онъ какъ бы допускаетъ возможность и право сомнѣнія относительно существованія Высшаго Существа, но это сомнѣніе будетъ, по его мнѣнію, во всякомъ случаѣ страннымъ: онъ удивляется ему, онъ его не понимаетъ.

Мы должны засвидѣтельствовать, съ своей стороны, что во всѣхъ своихъ статьяхъ Торнтонъ держится *этого* главнаго правила добросовѣстной полемики;—онъ всегда честно и вѣрно передаетъ мысли своего противника и никогда не заподозриваетъ его въ какихъ-нибудь дурныхъ намѣреніяхъ. Это не фанатикъ, желающій прежде всего опозорить своего соперника, и не корыстный адвокатъ, ждущій доброй награды за свою ловкую рѣчь. Вступая въ борьбу съ людьми науки, онъ не видитъ въ ихъ, ошибочныхъ, по его мнѣнію, выводахъ, одну лишь „лгущую ученость". Торнтонъ—писатель съ самыми лучшими намѣреніями, который въ своихъ сомнѣніяхъ и вѣрованіяхъ старается служить прежде всего правдѣ и справедливости, и вотъ почему его читаешь съ интересомъ даже въ тѣхъ мѣстахъ, съ которыми наиболѣе несогласенъ.

Мы вынуждены, конечно, относительно обсужденія вопросовъ религіознаго свойства, отказаться отъ критики торнтоновской „метафизики" божественнаго плана міроздания, чудесъ и молитвы, гдѣ онъ объясняетъ, въ своемъ набожномъ усердіи, напримѣръ, недавнее выздоровленіе принца Уэльскаго силою молитвъ британскаго народа; но за то мы вполнѣ воспользуемся „этикою" автора для уясненія вопроса о нравственной отвѣтственности, при чемъ съ одною изъ статей автора мы спорить не станемъ, а противъ другой представимъ сильныя, по нашему мнѣнію, возраженія: мы пожертвуемъ ему притязаніе исторіи на званіе точной науки, но за то спасемъ утилитаризмъ отъ его преувеличенныхъ нападеній.

Притязаніе исторіи на званіе точной науки основывается на томъ предположеніи, что „въ нравственномъ мірѣ, какъ въ физическомъ, неизмѣнное правило, неизбѣжное послѣдствіе, непремѣнная правильность" составляютъ „одну обширную схему всеобщаго порядка... Дѣйствія людей, а слѣдовательно и обществъ, управляются прочными вѣчными законами", которые „предписываютъ каждому человѣку его мѣсто въ необходимой цѣпи бытія, не давая ему *ни-*

какого выбора относительно этого мѣста". Общественныя явленія „суть результаты великихъ и общихъ причинъ, которыя, дѣйствуя на весь составъ общества, *должны* производить извѣстныя послѣдствія *помимо* (without regard) *желаній* отдѣльныхъ лицъ, изъ которыхъ общество составлено" (*Бокль*). Отсюда прямой выводъ, что „человѣческія желанія зависятъ отъ *научныхъ* законовъ". „Общіе законы, управляющіе (affecting) обществами, хотя измѣняются въ своей дѣятельности спеціальными законами, управляющими отдѣльною личностью, но, допустивъ возможность наблюденія ихъ результатовъ на полѣ, достаточно обширномъ, и въ продолженіе періода достаточно долгаго для того, чтобы они захватили въ себя всевозможныя сочетанія спеціальныхъ законовъ, они могутъ оказаться производящими *постоянные* результаты" (*Милль*).

Эти положенія современной науки возбудили въ Торнтонѣ опасеніе, что въ своихъ послѣднихъ выводахъ они должны отринуть нравственную отвѣтственность человѣка, то-есть допустить такъ-называемую „невмѣняемость" матеріалистовъ. И въ самомъ дѣлѣ, если допустить, что дѣйствія людей управляются постоянными и неизмѣнными законами, то люди не могутъ быть свободными дѣятелями, а гдѣ нѣтъ свободной дѣятельности, тамъ не можетъ быть и нравственной отвѣтственности. Если люди принуждены, силою обстоятельствъ или вообще какою-нибудь силою, двигаться лишь въ одномъ направленіи, то отъ нихъ нельзя требовать, чтобы они двигались въ другомъ, противоположномъ направленіи. Жизнью человѣка, такимъ образомъ, управляютъ не собственные его разсчеты и желанія, а какая-то невѣдомая судьба въ образѣ „вѣчныхъ законовъ природы". По нѣкоторымъ фактическимъ соображеніямъ Бокля, можно утверждать даже, что онъ дѣйствительно держался этого мнѣнія, и можно только удивляться ему, какимъ образомъ, держась подобнаго взгляда на вещи, онъ однихъ историческихъ дѣятелей хвалилъ, а другихъ порицалъ. Толкуя неправильно факты, онъ хотѣлъ доказывать, что въ данномъ состояніи общества опредѣленное число лицъ *должно* положить конецъ своей жизни, — что другое тоже опредѣленное число лицо *должно* совершить убійство,—что когда заработная плата и цѣны на извѣстномъ уровнѣ, то ежегодно *должно* совершаться опредѣленное число браковъ,—и что всѣ эти опредѣленныя числа „опредѣляются не характеромъ и желаніемъ отдѣльныхъ лицъ, но великими общими фактами, надъ которыми отдѣльныя личности не имѣютъ никакой власти". Такимъ образомъ выходитъ, что не количество самоубійствъ или убійствъ зависитъ отъ числа лицъ, готовыхъ совершить его, но число самоубійцъ или убійцъ зависитъ отъ количества преступленій, которое должно быть совершено. „Убій-

ство—подтверждаетъ въ другомъ мѣстѣ Бокль—совершается съ такою же правильностью и находится въ столь однообразномъ отношеніи къ нѣкоторымъ извѣстнымъ обстоятельствамъ, какъ движенія прилива и отлива и отношенія временъ года... Однообразное воспроизведеніе преступленія яснѣе обозначается и удобнѣе предсказывается, чѣмъ физическіе законы касательно болѣзни и разрушенія нашихъ тѣлъ. Преступленія людей — это результатъ не столько пороковъ отдѣльныхъ преступниковъ, сколько того состоянія общества, въ которое вержены отдѣльныя лица". Чтобы быть еще болѣе послѣдовательнымъ, ему слѣдовало бы въ послѣднемъ положеніи прямо сказать, что преступленія людей вовсе не зависятъ ни отъ пороковъ, ни отъ добродѣтелей преступниковъ, но исключительно отъ даннаго состоянія общества.

Бокль подтверждаетъ свой взглядъ еще разсужденіями о волѣ отдѣльнаго лица. „Когда мы совершаемъ какое-нибудь дѣйствіе,—говоритъ онъ,—мы совершаемъ его вслѣдствіе одного или многихъ побужденій; эти побужденія — результаты нѣкоторыхъ предшествующихъ вліяній (антецедентовъ); итакъ, если бы намъ были извѣстны всѣ антецеденты со всѣми законами ихъ движеній, то мы могли бы съ безошибочною точностью предсказать всѣ ихъ непосредственные результаты". Сдѣлайте мнѣ только эти уступки, говоритъ знаменитый историкъ, и я вамъ докажу все остальное. Между тѣмъ, всѣ эти его требованія справедливы и доказываются научнымъ образомъ какъ соціальными данными, такъ и физіологіей: никто изъ серьёзныхъ ученыхъ не сомнѣвается въ томъ, что побужденія человѣка не что иное, какъ продуктъ всѣхъ условій и обстоятельствъ, среди которыхъ онъ живетъ, и что всѣ эти условія и обстоятельства вызваны въ свою очередь предшествовавшими событіями;—никто изъ нихъ не сомнѣвается также и въ томъ, что знаніе всѣхъ антецедентовъ и законовъ ихъ движеній дало бы намъ возможность предвидѣть результаты ихъ вліяній, но бѣда въ томъ, что законовъ этихъ нѣтъ, какъ нѣтъ самого будущаго въ исторіи человѣческихъ обществъ. Законы будущаго создаются вмѣстѣ съ будущимъ; догадываться о нихъ можно такъ или иначе, но предсказывать ихъ могъ бы только тотъ, кто пріобрѣлъ бы возможность опредѣлить окончательныя цѣли и судьбы человѣческихъ обществъ. Прошлый опытъ людей въ ихъ общей жизни можетъ, конечно, служить намъ руководителемъ въ настоящемъ для того, чтобы создать лучшее будущее, но этотъ опытъ ничего положительнаго не говоритъ о томъ, каково это будущее будетъ и какими именно путями оно станетъ происходить. Исторія опредѣляетъ только законы, по которымъ происходила прошлая жизнь человѣческихъ обществъ, но такъ какъ прожитая однажды

жизнь не повторяется, то и законы ея могутъ давать лишь нѣкоторыя болѣе или менѣе остроумныя и полезныя догадки о будущемъ; но по этимъ законамъ никакъ нельзя предсказывать будущее въ точности, и слѣдовательно, сами эти законы не могутъ быть названы научными въ смыслѣ законовъ физическихъ, опредѣляемыхъ точными отраслями знанія, то-есть, законовъ, которые могутъ быть сами провѣрены путемъ опытовъ и предсказанія которыхъ, поэтому, несомнѣнны и точны. Физическій законъ есть не что иное, какъ отчетъ о причинности однообразно повторяющихся явленій, а такъ какъ въ человѣческихъ дѣлахъ однообразіе невозможно, то и законы, по которымъ движется общественная жизнь, не могутъ имѣть тѣхъ аттрибутовъ и качествъ, какими отличаются законы физической природы; въ послѣдней все опредѣлено, все повторяется съ неизмѣнною правильностью и однообразіемъ, между тѣмъ какъ въ первой все зависитъ отъ разныхъ случайностей, которыя сами по себѣ совершаются не безъ причинъ, но которыхъ тѣмъ не менѣе ни предвидѣть, ни предсказать съ точностью научнаго закона невозможно: характеръ одной отдѣльной личности въ исторіи разбиваетъ всѣ разсчеты и догадки науки. Попробуйте, напримѣръ, судить о будущемъ Россіи наканунѣ появленія Петра Великаго;—Токквиль правъ, когда онъ утверждаетъ послѣ глубокаго изученія „стараго режима", что занимай французскій тронъ около 1750-го года государь въ родѣ Фридриха Великаго, и всѣ реформы, которыя произвела революція, были бы произведены безъ малѣйшихъ потрясеній государства и съ сохраненіемъ королевской власти.

Мы не отвергаемъ возможности опредѣленія въ исторіи зависимости и причинной связи между разными общественными явленіями, при разныхъ обстоятельствахъ; мы утверждаемъ только, что всѣ эти историческія или, какъ ихъ теперь нерѣдко называютъ, соціологическія опредѣленія могутъ давать намъ лишь однѣ догадки относительно будущаго развитія человѣческихъ обществъ и общественной жизни. Какъ до-историческій человѣкъ не могъ имѣть никакого точнаго понятія объ исторической жизни народовъ, такъ мы не имѣемъ никакихъ положительныхъ законовъ для опредѣленія будущей жизни человѣчества. Эта жизнь можетъ улучшиться или ухудшиться смотря по тому, какъ станемъ дѣйствовать въ будущемъ мы сами подъ вліяніемъ всѣхъ импульсовъ, завѣщанныхъ намъ исторіей. Но эти послѣдніе импульсы не закабалили насъ навсегда идти однимъ и тѣмъ же порядкомъ, однообразно и даже противно нашимъ собственнымъ желаніямъ; — напротивъ, они лишь обусловливаютъ наши желанія, результатомъ которыхъ являются поступки. Наша воля опредѣляется, разумѣется, извѣстными побужденіями,

которыя въ свою очередь истекаютъ изъ всѣхъ условій и обстоятельствъ нашей жизни въ обществѣ, но такъ какъ эти условія и обстоятельства не вѣчны, и зависятъ нерѣдко отъ самихъ людей, то само собою разумѣется, что и поступки людей, вызванные побужденіями, которыя возникли изъ тѣхъ условій и обстоятельствъ, должны быть вмѣняемы въ отвѣтственность самихъ дѣйствующихъ лицъ, а не совокупности ихъ, именуемыхъ обществомъ. Нравственная отвѣтственность человѣка является такимъ образомъ несомнѣнною: человѣкъ можетъ падать и можетъ совершенствоваться; человѣкъ можетъ способствовать или препятствовать совершенствованію самого общества;—имъ руководятъ не слѣпыя силы природы, но ясное сознаніе того, что онъ дѣлаетъ.

Признавъ, такимъ образомъ, существованіе нравственной отвѣтственности человѣка за свои поступки, мы должны еще опредѣлить критерій этой отвѣтственности, то-есть то, что человѣку слѣдуетъ дѣлать въ своей личной и общественной жизни, и то, отъ чего онъ долженъ воздерживаться. Въ опредѣленіи этого нравственнаго принципа мы расходимся въ мнѣніяхъ съ Торнтономъ, который является противникомъ утилитарнаго ученія, хотя въ то же самое время отрицается отъ школы идеалистовъ. Но его возраженія противъ утилитаризма, отличаясь нѣкоторою оригинальностью, нисколько не колеблютъ основъ утилитарнаго ученія; напротивъ, собственная теорія Торнтона, исходящая изъ какихъ-то „естественныхъ правъ“ человѣка на жизнь и на движимую собственность, имѣетъ сама въ своей основѣ утилитарные принципы, но какъ самостоятельное ученіе, серьёзной критики не выдерживаетъ. Мы займемся возраженіями автора противъ утилитаризма по-подробнѣе.

Но прежде, чѣмъ приступить къ критикѣ полемическихъ доводовъ Торнтона, мы должны знать, какъ понимаетъ онъ свою задачу, какъ опредѣляетъ онъ утилитарное ученіе. Посмотримъ, поэтому, какъ излагаетъ авторъ основныя положенія утилитаризма.

Единственною цѣлью человѣческаго существованія слѣдуетъ считать наслажденіе жизнью — счастіе. Но наслажденія бываютъ разныхъ родовъ и степеней: бываютъ чувственныя наслажденія, умственныя, нравственныя, бываютъ наслажденія временныя и постоянныя; есть безумный восторгъ и трезвое довольство, счастье жизни можетъ продолжаться безъ всякихъ нарушеній, но можетъ и подвергаться тѣмъ или другимъ невзгодамъ. Какъ бы то ни было, все достоинство жизни заключается въ наслажденіяхъ, которыя она доставляетъ, или можетъ доставить въ будущемъ. Превосходство всѣхъ правилъ жизни должно, слѣдовательно, зависѣть въ ихъ способности приводить къ единственной цѣли жизни—наслажденію. А такъ

какъ эти правила должны быть правилами поведенія, правилами нравственности, то ясно, что утилитаризмъ видитъ нравственность лишь въ тѣхъ дѣйствіяхъ, которыя приводятъ къ счастью. Но подъ „счастьемъ“ утилитаризмъ разумѣетъ счастье не самого дѣятеля только, но счастье всѣхъ или, по крайней мѣрѣ, наибольшаго числа людей въ обществѣ или въ цѣломъ мірѣ. Утилитаризмъ предполагаетъ личное счастье человѣка лишь въ общемъ счастьѣ всѣхъ людей, — онъ не допускаетъ преслѣдованія личныхъ наслажденій на счетъ страданія другихъ лицъ. Такимъ образомъ, онъ признаетъ справедливыми лишь тѣ поступки, которые способствуютъ развитію счастья въ обществѣ, и находитъ несправедливыми тѣ, которые противны этому развитію. Изъ всѣхъ наслажденій утилитаризмъ предпочитаетъ наслажденія, пріобрѣтаемыя жизнью въ добродѣтели, и онъ основываетъ это свое предпочтеніе на томъ общеизвѣстномъ фактѣ, что всякій человѣкъ, равно знакомый съ разнаго рода наслажденіями, предпочитаетъ нравственныя всѣмъ другимъ. Этотъ фактъ доказываетъ, что нравственныя наслажденія выше всѣхъ другихъ, а такъ какъ утилитаризмъ совѣтуетъ предпочитать высшія наслажденія низшимъ, то ясно, что въ идеалѣ своемъ онъ желаетъ, чтобы люди вели жизнь въ добродѣтели. Но такая жизнь требуетъ подчиненія личныхъ интересовъ общественнымъ, — и дѣйствительно, добродѣтель перестала бы быть добродѣтелью въ утилитарномъ смыслѣ слова, если бы она не требовала этого подчиненія. Отсюда выходитъ, слѣдовательно, что высшимъ наслажденіемъ по утилитарной системѣ будетъ не что иное, какъ наслажденіе, извлекаемое изъ доставленія счастья не себѣ, а другимъ людямъ. Этого мало,—утилитаризмъ желаетъ, чтобы за этимъ наслажденіемъ его приверженцы гнались, побуждаемые лишь самыми чистыми и самыми безкорыстными мотивами. Имѣя въ виду такія предписанія утилитаризма, Торнтонъ не понимаетъ съ какой стати обвиняютъ утилитаристовъ во враждѣ къ религіи; напротивъ, утилитаризмъ, по мнѣнію нашего автора, есть „не что иное, какъ дополнительное развитіе одной половины христіанства“ (и притомъ самой существенной—прибавимъ мы), такъ какъ онъ „не только принимаетъ, но и расширяетъ золотое правило Іисуса Назаретскаго, увѣщавшаго насъ любить нашихъ ближнихъ лучше самихъ себя, дѣлать другимъ не только то, что мы желали бы, чтобы они дѣлали для насъ, но еще гораздо больше, и не только не преслѣдовать наши интересы на счетъ интересовъ другихъ людей, но признавать нашимъ собственнымъ главнымъ интересомъ способствованіе интересамъ другихъ“. Безкорыстность утилитаризма дѣйствительно полная, такъ какъ единственною наградою его приверженцевъ за ихъ службу общественнымъ интересамъ это моральное уче-

ніе находитъ въ собственной совѣсти дѣятеля: исполняя въ точности правила своей нравственности, утилитаристъ избѣгаетъ упрековъ своей совѣсти,—того, что называютъ самопорицаніемъ. Джонъ Стюартъ Миллъ выразилъ однажды мученія самопорицанія блистательнымъ сравненіемъ съ муками ада: говоря о томъ, что абсолютное (безусловное) само по себѣ невозможно, немыслимо, онъ сказалъ, что онъ столь твердъ въ этой мысли, что еслибъ ему погрозили за нее адомъ, онъ сталъ бы терпѣть муки ада, но не отказался бы отъ своей мысли. Онъ готовъ, слѣдовательно, перенести все, лишь бы не подвергнуться самопорицанію за измѣну своему вѣрному убѣжденію.

Если теперь мы посмотримъ на исходную точку нашихъ разсужденій объ утилитаризмѣ и сравнимъ ее съ послѣднимъ выводомъ этого ученія, то единственная цѣль человѣческаго существованія—наслажденіе—предстанетъ въ формѣ совсѣмъ не той, которую разумѣютъ обыкновенно подъ словомъ: *наслажденіе*. Здѣсь, въ концѣ нашихъ разсужденій, мы заговорили уже о „мукахъ ада!" Наслажденія утилитаризмъ ищетъ не въ баловствѣ своей физической натуры, а въ самопожертвованіи изъ-за общаго блага, изъ-за общей пользы.

Такова картина утилитаризма по Торнтону. Въ ней ясно видно, что утилитарная мораль призываетъ людей въ одно и то же время и къ самымъ высшимъ въ идеальномъ смыслѣ наслажденіямъ, и къ самому высокому самопожертвованію. Торнтонъ не пожалѣлъ красокъ для того, чтобы какъ можно ярче выставить величавыя стороны утилитаризма, которыя являются здѣсь отчасти до того величавыми, что чуть не переступаютъ грани въ каррикатуру. Высшія требованія утилитаризма дѣйствительно сопряжены съ полнымъ самопожертвованіемъ, но эти требованія не совсѣмъ забываютъ и личнаго достоинства человѣка, даже его животнаго эгоизма. Еслибъ Торнтонъ правильнѣе оцѣнилъ утилитарное ученіе въ его отношеніяхъ къ личной пользѣ людей и взглянулъ бы на его высшіе идеалы съ менѣе блестящей стороны, онъ можетъ быть не написалъ бы вовсе своего „анти-утилитаризма," который есть не что иное, какъ недостаточно глубоко продуманный утилитаризмъ...

Торнтонъ обвиняетъ утилитаризмъ въ трехъ важныхъ недостаткахъ, изъ которыхъ одинъ показываетъ будто бы неправильность, ложность, несостоятельность самого ученія вообще. Во-вторыхъ, если признать утилитаризмъ ученіемъ состоятельнымъ и правильнымъ, то онъ лишитъ насъ возможности различать справедливое отъ ложнаго въ практической жизни. Въ-третьихъ, наконецъ, утилитаризмъ стираетъ всѣ разности добродѣтели, такъ что мы теряемъ способность отличать добродѣтель отъ справедливости, геройство отъ простого исполненія долга.

Несостоятельность утилитаризма заключается, по мнѣнію Торнтона, непосредственно въ томъ его основномъ принципѣ, что польза сама по себѣ заключаетъ въ себѣ добродѣтель. Онъ допускаетъ, что добродѣтель не можетъ быть безъ пользы, но польза, въ какомъ бы количествѣ она ни являлась, сама по себѣ не можетъ стать добродѣтелью: „Я отрицаю, — поясняетъ онъ, — что всякое увеличеніе общаго счастья должно считаться справедливымъ, и точно также я не допускаю, чтобы все, что уменьшаетъ общее счастье или препятствуетъ его увеличенію, должно считать несправедливымъ.“ Въ доказательство вѣрности своего отрицанія, онъ приводитъ слѣдующіе факты, изъ которыхъ одни имѣютъ въ виду самопожертвованіе людей въ пользу общества, а другіе — самопожертвованіе въ пользу отдѣльныхъ личностей.

Первымъ фактомъ въ этой серіи является легенда о принесеніи въ жертву Діанѣ дочери Агамемнона, Ифигеніи. „Чернобородые цари, съ волчьими глазами“, рѣшили убить Ифигенію, такъ какъ отъ этого убійства они ожидали мистической помощи своему предпріятію противъ Трои. Положимъ теперь, что и сама Ифигенія была убѣждена въ необходимости ея смерти для представившейся въ этомъ случаѣ патріотической цѣли, но, тѣмъ не менѣе, она могла сопротивляться, и имѣла право на то. Справедливы ли были цари, наблюдавшіе за тѣмъ, какъ ее приносили въ жертву? — спрашиваетъ нашъ авторъ, вполнѣ убѣжденный въ томъ, что утилитаризмъ долженъ оправдать ихъ. Что въ этомъ фактѣ дѣло идетъ объ общей пользѣ — это такъ, но кто здѣсь стремится къ общей пользѣ — цари ли, или Ифигенія? Ифигенія, мы предположили, не желаетъ этой пользы, не желаетъ совершить того высокаго самопожертвованія, которое предлагаютъ ей цари, — она, значитъ, не принадлежитъ къ разряду людей съ высшимъ патріотическимъ вдохновеніемъ, но вотъ и все. Убить ее за это никакъ не слѣдуетъ: утилитаризмъ выше всего цѣнитъ жизнь, ибо иначе онъ ничего бы не говорилъ ни о какихъ наслажденіяхъ. Утилитаризмъ требуетъ отъ человѣка, чтобы онъ способствовалъ общей пользѣ не на счетъ страданія другихъ, а на счетъ своего личнаго счастія. Вотъ если бы цари сами себя принесли въ жертву, ради торжества Греціи надъ Троею, тогда бы они на самомъ дѣлѣ дѣйствовали по утилитарному принципу, и всякій утилитаристъ изумился бы ихъ геройству. Въ этомъ фактѣ съ Ифигеніей, однимъ словомъ, нѣтъ ничего такого, что могъ бы похвалить утилитаризмъ, изображенный выше самимъ же Торнтономъ; этотъ фактъ есть лишь первый промахъ нашего автора.

Другой фактъ съ тремя матросами, спасшимися въ маленькой лодкѣ съ погибшаго корабля, совершенно подобенъ факту съ Ифи-

геніей. Дѣло въ томъ, что всѣ они находятъ, что, останься они втроемъ въ лодкѣ, лодка ихъ не выдержитъ, и что, слѣдовательно, одному изъ нихъ нужно погибнуть для того, чтобы другіе двое могли спастись. Одинъ долженъ пожертвовать собою въ пользу двоихъ, то же самое, что жертва Ифигеніи въ пользу царей. Этотъ фактъ также мало доказываетъ несостоятельность утилитаризма, какъ и первый. Мало того, этотъ фактъ принадлежитъ къ простымъ фактамъ животной борьбы за существованіе, такъ что къ нему примѣненіе нравственности почти невозможно. На обломкахъ фрегата Медузы, плававшихъ съ группою почти безумныхъ отъ голода людей, мать съѣла своего ребенка,—кто же станетъ примѣнять къ ней какіе-либо принципы нравственности, а между тѣмъ тѣ два матроса, которые бросили въ море третьяго, находились почти въ такомъ же положеніи, какъ эта мать.

Идемъ далѣе. Вы упали и сломали себѣ ногу, а мимо васъ проѣзжаетъ вашъ сосѣдъ въ просторной коляскѣ, — имѣютъ ли право сострадательные прохожіе, окружившіе васъ, остановить сосѣда и отправить васъ домой въ его коляскѣ?... Или, идетъ сильный дождь, вы видите бѣдную женщину, сильно страдающую отъ дождя, и прохожаго съ двумя зонтиками, — имѣете ли вы право взять отъ него лишній зонтикъ и прикрыть имъ страдающую женщину?... „По всей вѣроятности, — разсуждаетъ авторъ послѣ предложенія этихъ фактовъ, — вы, въ самомъ дѣлѣ, такъ и поступите, и мало нашлось бы такихъ людей, которые стали бы сильно порицать васъ за то, что вы возгорѣлись такимъ негодованіемъ...“ „Нѣтъ никакого сомнѣнія,— прибавляетъ онъ далѣе, — что общественное счастіе пріобрѣло бы широкое развитіе, если бы каждый человѣкъ чувствовалъ непреодолимую обязанность помогать своему ближнему всякій разъ, когда онъ это можетъ, подвергая себя лишь ничтожному или вовсе никакому неудобству, — или если бы, въ подобномъ случаѣ, внѣшняя сила всегда являлась на-лицо, чтобы принудить къ помощи всякаго, кто не желаетъ помогать по собственной волѣ...“ Казалось-бы этихъ разсужденій самого автора достаточно для того, чтобы показать малозначительность этихъ фактовъ, доказывающихъ будто бы несостоятельность утилитаризма. Но нѣтъ, — Торнтонъ находитъ, что только „ученикъ Прудона“ могъ бы считать себя, въ данныхъ фактахъ, правымъ захватить чужую коляску и зонтикъ противно воли собственника. Но, не говоря о томъ, что Прудонъ былъ честнымъ человѣкомъ, и быть его послѣдователемъ въ честности заслуживаетъ всякой похвалы, право собственности могло бы быть, по мнѣнію самого Торнтона, такъ ограничено, — и даже хорошо было бы, еслибъ его такъ ограничили, — что не только простой прохожій, но сама внѣшняя власть побудила бы гражданъ къ подобнымъ одолженіямъ

своихъ ближнихъ. Но Торнтонъ считаетъ право собственности не общественнымъ или политическимъ правомъ, а „естественнымъ", — и отсюда его противорѣчіе. Такъ понимать право собственности могутъ только въ странахъ, гдѣ огромнымъ вліяніемъ пользуется буржуазія. Ни одинъ русскій буржуа, будь онъ самъ Катковъ, не представилъ бы подобныхъ примѣровъ, такъ какъ онъ каждый день можетъ убѣдиться на улицѣ, что русская полиція поступаетъ въ первомъ изъ Торнтоновскихъ фактовъ именно такъ, какъ „ученикъ Прудона", и, по нашему мнѣнію, какъ по мнѣнію всѣхъ утилитаристовъ, справедливо...

Дальнѣйшіе факты автора должны доказывать, что факты, болѣе вредные, чѣмъ полезные общему счастію, могутъ заслуживать похвалы, какъ проявленія наивысшей добродѣтели. Но, въ дѣйствительности, эти высокодобродѣтельные поступки или одобряются самимъ утилитаризмомъ, или оказываются поступками, въ высокой степени безразсудными. Судите сами, читатель. Въ романѣ г-жи Бичеръ-Стоу: „Minister's Wooing" изображено пуританское общество, въ которомъ вѣрили, что большинство людей создано съ исключительною цѣлью попасть въ вѣчное пламя ада. Героиня романа, Мэри Скоддеръ, принадлежитъ къ этой сектѣ; она говоритъ своему любовнику: „Въ прошлое воскресенье священникъ проповѣдывалъ по тексту: „я желалъ бы, чтобы Христосъ проклялъ меня изъ-за моихъ братьевъ, изъ-за моихъ родственниковъ", и затѣмъ онъ доказывалъ, что мы должны отказаться отъ нашего собственнаго спасенія, если нужно, ради пользы другихъ. Говорятъ, что это жестокое ученіе, но я чувствую, что я могла бы принять его. Да, я готова пожертвовать моею душою за тебя, — да, я желала бы этого." Поступокъ Мэри Скоддеръ, какъ поступокъ самопожертвованія ради спасенія любовника, ничего не говоритъ противъ утилитарнаго ученія, такъ какъ утилитаризмъ одобряетъ подобное геройство, и мы рѣшительно не понимаемъ, какимъ образомъ этотъ фактъ является возраженіемъ противъ утилитарной нравственности.

Другое дѣло другіе два факта. Въ Китаѣ приговореннымъ къ смертной казни дозволено представлять вмѣсто себя подставныхъ. Положимъ, что преступный отецъ спасается такимъ образомъ отъ смерти любящимъ его сыномъ, котораго, хотя онъ ни въ чемъ неповиненъ, казнятъ вмѣсто его преступнаго отца, дѣлающагося теперь въ глазахъ всякаго моралиста существомъ еще болѣе гнуснымъ. Можетъ ли утилитаризмъ одобрить такой поступокъ сына?.. Еще одинъ подобный примѣръ изъ жизни Англіи: бережливый сынъ соглашается дать моту-отцу часть доходовъ съ принадлежащаго ему майоратнаго имѣнія; отецъ навѣрное промотаетъ эти доходы, а сынъ могъ бы ихъ употребить для общей пользы страны. Одобритъ ли

утилитаризмъ и этого сына? По мнѣнію Торнтона, эти сыновья заслуживаютъ удивленія за ихъ сыновнюю преданность; онъ находитъ въ ихъ поступкахъ какое-то безкорыстіе и какую-то добродѣтель высшаго сорта, ибо они жертвуютъ здѣсь, будто бы, бо́льшимъ количествомъ своего собственнаго счастья, чѣмъ какое доставляютъ они своимъ отцамъ. Но, въ дѣйствительности, и китаецъ, и англичанинъ просто поощряютъ своихъ отцовъ въ дурномъ поведеніи и, ради этого поощренія, первый жертвуетъ своею собственною жизнью, а второй — богатствомъ, которое могло бы найти въ его же рукахъ чень хорошее употребленіе. Что же такое въ этихъ поступкахъ заслуживаетъ удивленія? Не говоря о томъ, что самые характеры лицъ значительно противорѣчатъ мысли о возможности подобныхъ фактовъ, — если такіе факты дѣйствительно возможны, то они, во-первыхъ, исключительнаго свойства, а, во-вторыхъ, совершенно безразсудные, и потому къ нимъ нельзя примѣнить принципа нравственной отвѣтственности. Утилитаризмъ не изумляется имъ, онъ ихъ порицаетъ, какъ всякое безполезное безразсудство, и онъ гораздо болѣе правъ, чѣмъ Торнтонъ, нашедшій здѣсь поводъ къ прославленію сыновней преданности.

Итакъ, *всѣ* факты автора, которыми онъ надѣялся доказать несостоятельность и ложность утилитарнаго ученія, оказываются сами ложными и несостоятельными. Мы нарочно перебрали ихъ *всѣ*, чтобы показать, какъ твердъ утилитаризмъ въ своихъ нравственныхъ принципахъ, и что возраженія Торнтона могутъ служить лишь доводомъ того, что Торнтонъ невѣрно понимаетъ сущность утилитарнаго ученія.

Какъ бы то ни было, состоятельность утилитаризма, какъ нравственной доктрины, не убѣждаетъ Торнтона въ *практической* состоятельности этого ученія. Своимъ вторымъ обвиненіемъ противъ утилитарнаго ученія онъ ставитъ то, что утилитарный критерій справедливости — *общая польза* — не можетъ служить вѣрнымъ мѣриломъ нравственности или безнравственности поступковъ. По утилитарному ученію выходитъ, что „нравственность поступковъ зависитъ вполнѣ и единственно отъ ихъ послѣдствій“: въ этомъ смыслѣ по крайней мѣрѣ выражается одинъ изъ важнѣйшихъ авторитетовъ школы, Джонъ Ст. Милль: „Утилитарные моралисты, — говоритъ онъ, — ушли дальше всѣхъ въ утвержденіи того, что побужденія не играютъ никакой роли (has nothing to do) въ нравственности поступка.“ Торнтонъ убѣжденъ, напротивъ, что есть тысячи фактовъ, гдѣ нравственность или безнравственность поступка опредѣляется исключительно побужденіями, и, въ доказательство справедливости своего мнѣнія, приводитъ одинъ такой примѣръ, который, однако, какъ мы сейчасъ увидимъ, оказывается бездоказательнымъ. Два доктора лечатъ каждый одного больного одною и тою же болѣзнью, и каждый изъ нихъ убиваетъ своего

паціента сильнымъ пріемомъ стрихнина, но докторъ № 1-й далъ стрихнинъ съ намѣреніемъ излечить больного, а докторъ № 2-й далъ его для того, чтобы убить больного. Спрашивается, является ли актъ убійства въ обоихъ случаяхъ „одинаково безнравственнымъ" (equally immoral)?.. Да, разумѣется, этотъ актъ будетъ, во всякомъ случаѣ, безнравственный, но *одинаково* ли — этого мы не понимаемъ, потому что дѣло моральнаго ученія заключается въ опредѣленіи нравственности или безнравственности поступка, а не въ степени преступности его. Въ этическомъ смыслѣ поступки могутъ быть лишь нравственны или безнравственны; степеней нравственности этика не признаетъ. Намѣренія того и другого изъ врачей, въ данномъ случаѣ, служатъ лишь оцѣнкою личности самихъ врачей, но не ихъ поступка: докторъ № 1-й оказывается просто неосторожнымъ, легкомысленнымъ человѣкомъ, между тѣмъ какъ докторъ № 2-й — не что иное, какъ убійца, но поступокъ и того и другого безнравственъ. Убійство — всегда фактъ безнравственный, какими бы побужденіями ни руководился человѣкъ, совершая его, какъ, съ другой стороны, спасеніе человѣка отъ смерти всегда будетъ актомъ справедливымъ въ этическомъ смыслѣ. Конечно, Торнтонъ могъ бы противъ нашего послѣдняго вывода возразить ссылкою опять на Милля, который, какъ извѣстно, возставалъ въ британскомъ парламентѣ противъ отмѣны смертной казни, и Торнтонъ дѣйствительно дѣлаетъ намекъ на эту защиту (стр. 25) смертной казни; но утилитаризмъ вообще не можетъ нести отвѣтственность за ошибки и непослѣдовательность важнѣйшихъ своихъ сторонниковъ, какъ нельзя, напримѣръ, основываясь исключительно на томъ фактѣ, что основатель позитивизма, Огюстъ Контъ, исполнялъ церемоніи „религіи человѣчества", приписывать всѣмъ позитивистамъ ту же вѣру въ эти церемоніи или въ самую религію.

Продолжая далѣе свои выводы изъ того утилитарнаго положенія, что побужденія не играютъ никакой роли въ опредѣленіи нравственности поступка, Торнтонъ приходитъ къ новому обвиненію. Такъ какъ утилитаризмъ настаиваетъ главнымъ образомъ на общественныхъ послѣдствіяхъ поступка, то Торнтону кажется, что утилитарная нравственность способна оправдывать всякія средства величіемъ цѣли, и что затѣмъ утилитаризмъ долженъ признавать за каждымъ человѣкомъ право на собственные свои законы. И вотъ, въ изложеніи нашего автора является на сцену и Робеспьеръ, и сентябрьскія убійства, и прусскій захватъ Шлезвигъ-Голштиніи, а наконецъ и всѣ тѣ „ревностные филантропы, которые не прочь истребить половину человѣчества для обращенія другой половины въ граждан всемірной красной республики", и всѣ тѣ „обожатели князя Висмарка, которые, держась убѣжденія въ томъ, что государ-

ственное расширеніе есть *высшее благо* націи, полагають долгомъ патріота устранить всѣ торжественные трактаты, препятствующіе этому расширенію".

Но обвиненіе утилитаризма въ томъ, что будто бы онъ оправдываетъ средства цѣлями, совсѣмъ не вяжется съ тѣми опредѣленіями этого ученія, которые даетъ самъ Торнтонъ въ началѣ полемики: общая польза, которую преслѣдуетъ утилитаризмъ, имѣетъ весьма мало общаго съ *salus populi* разныхъ политическихъ партій. Утилитаризмъ основываетъ свои предписанія не на отвлеченныхъ утопіяхъ, но на опытѣ исторіи; для него только тѣ дѣйствія, та общая польза имѣютъ обязательную силу, разумность и состоятельность которыхъ оправданы историческою жизнью народовъ. Утилитаризмъ, какъ проговаривается въ одномъ мѣстѣ нашъ авторъ, требуетъ отъ своихъ послѣдователей „принимать въ соображеніе не только вѣроятные результаты предпринимаемаго дѣла, но и обыкновенныя послѣдствія всѣхъ поступковъ того же рода". Какимъ же образомъ онъ можетъ оправдывать кого бы то ни было въ политической дѣятельности, если тотъ руководствуется въ своихъ поступкахъ исключительно одними „вѣроятными результатами" своего дѣла, то-есть, цѣлями, и знать не хочетъ объ „обыкновенныхъ послѣдствіяхъ дѣлъ подобнаго рода", то-есть, о средствахъ? Какимъ образомъ красный республиканецъ, готовый погубить половину человѣчества, для того только, чтобы оставшаяся половина объявила красную республику, можетъ быть оправданъ по утилитарному ученію? Объявленіе красной республики — это результатъ вѣроятный— не больше, но истребленіе людей посредствомъ революціи — это фактъ несомнѣнный, подтверждаемый всею исторіей. Какимъ же образомъ утилитаризмъ—это ученіе о наибольшемъ счастьѣ наибольшаго числа—можетъ оправдывать революціонера, который рѣшается истреблять людей массами ради „вѣроятнаго" блаженства остающихся въ живыхъ. Вообще говоря, утилитаризмъ, какъ ученіе, которое считаетъ „единственною цѣлью человѣческаго существованія наслажденіе жизнью", вовсе не можетъ оправдывать не только политической рѣзни, но и вообще лишенія кого бы то ни было жизни. Исключеніемъ изъ этого правила могутъ быть одни лишь требованія самозащиты.

Но мы можемъ представить крѣпкіе доводы противъ подведенія диктаторскихъ наклонностей подъ покровъ утилитаризма еще съ другой стороны. Извѣстно, что всякій диктаторъ ссылается въ оправданіе своихъ насильственныхъ дѣйствій—будь то Робеспьеръ, Наполеонъ или Феликсъ Пія—на свое безкорыстное желаніе послужить общимъ пользамъ народныхъ массъ или страны. Предположимъ, что каждый изъ нихъ дѣйствуетъ совершенно искренно и

дѣйствительно убѣжденъ въ томъ, что только онъ одинъ, своею энергическою и произвольною дѣятельностью, можетъ спасти страну отъ погибели. Но, спрашивается—желаютъ ли сами народныя массы или страны, чтобы самозванный спаситель спасалъ ихъ,—кѣмъ они, эти спасители или охранители, уполномочены на свою диктатуру и кто провѣрялъ ихъ взгляды на возможность спасенія или облагодѣтельствованія страны? Утилитаризмъ стремится къ наибольшему счастью наибольшаго числа, и такъ какъ въ этомъ наибольшемъ счастьѣ наибольшаго числа прежде всего заинтересовано само „наибольшее число", то безъ его одобрительнаго голоса никто не долженъ присвоивать себѣ исключительно право рѣшенія въ такомъ вопросѣ величайшей важности, касающемся всѣхъ: только само „наибольшее число" можетъ назначать себѣ людей, которые бы изображали собою народное желаніе „общей пользы". Что же касается до отдѣльныхъ лицъ, стремящихся къ общей пользѣ въ политикѣ, то весь районъ ихъ дѣятельности ограничивается лишь ихъ собственной личностью: только собою имѣютъ они право жертвовать, когда угодно и какъ имъ вздумается, но никакъ не согражданами. Общая польза, которую разумѣетъ утилитарное ученіе, не та общая государственная польза, которую можетъ придумывать себѣ всякій по своему разумѣнію, но та, которая при данномъ состояніи общества опредѣляется желаніями всѣхъ или, по крайней мѣрѣ, наибольшаго числа гражданъ, способныхъ имѣть политическія желанія.

Переходимъ къ третьему и послѣднему возраженію Торнтона, которое основано на томъ положеніи утилитарномъ, что каждый человѣкъ, если желаетъ быть высоконравственнымъ, долженъ всѣмъ жертвовать ради общей пользы, что лишь этимъ путемъ онъ въ состояніи достигать высшаго наслажденія, которымъ однимъ измѣряется достоинство жизни. Но если преслѣдованіе общей пользы даетъ все, чѣмъ дорогá жизнь, если нравственность поступковъ опредѣляется точно также общею пользою ихъ, то отсюда слѣдуетъ, по мнѣнію Торнтона, что когда мы не стараемся *всѣми силами* споспѣшествовать общему благу, съ какими бы жертвами подобныя старанія ни сопрягались, то мы поступаемъ безнравственно, грѣшимъ противъ нравственныхъ постановленій утилитаризма. Талантливый редакторъ „Fortnightly Review", утилитаристъ Джонъ Морли (Morley) выразился однажды, что „справедливость есть общественная идея въ ея высшемъ, самомъ широкомъ и наиболѣе обязательномъ выраженіи... Ею обозначается нравственный принципъ, который обязываетъ каждаго такъ руководить своимъ поведеніемъ и своими отношеніями, своими притязаніями и пріобрѣтеніями, чтобы они гармонировали съ высшимъ благомъ всѣхъ". Это опредѣленіе „справедли-

вости“ нашъ авторъ выставляетъ какъ подтвержденіе своей вышеприведенной мысли, то-есть, что если приверженецъ утилитаризма хоть въ чемъ-нибудь отступаетъ отъ самыхъ крайнихъ пожертвованій въ пользу общей пользы, то онъ уже долженъ считаться человѣкомъ безнравственнымъ и даже преступнымъ, такъ что общество уже пріобрѣтаетъ право карать его. Общественный долгъ вторгается всюду, во всѣ стороны человѣческой жизни и включаетъ въ себя всѣ проявленія человѣческой добродѣтели: нѣтъ больше ни честности, ни великодушія, ни вѣрности, ни гуманности, ни терпѣливаго смиренія, ни рыцарскаго самопожертвованія—все только одна справедливость, и сама справедливость опредѣляется лишь наивысшей пользою. Общество устанавливаетъ эту „справедливость“, и что въ нее войдетъ, все должно быть исполняемо отдѣльною личностью, подъ угрозою каръ и безъ всякихъ надеждъ на какую-либо признательность, такъ какъ всѣ ваши дѣла суть не что иное, какъ исполненіе общественнаго долга. Объясняя такимъ образомъ утилитарныя требованія въ общественной жизни, Торнтонъ прежде всего развиваетъ свои доводы въ пользу того мнѣнія, что утилитаризмъ будто бы оправдываетъ всякую диктатуру, дозволяя каждой личности имѣть свои собственные взгляды на „общую пользу“; — въ самомъ дѣлѣ, если общество можетъ налагать на своихъ согражданъ всевозможныя тягости во имя общей пользы, — если утилитаризмъ такимъ образомъ предаетъ личность въ полное рабство обществу, то, какимъ же образомъ можетъ онъ въ то же время оправдывать диктатуру какого-нибудь отдѣльнаго лица надъ всѣмъ обществомъ? Очевидно, что Торнтонъ не понимаетъ сущности утилитарнаго ученія и перепутываетъ всѣ его понятія.

Но будемъ разсуждать о третьемъ обвиненіи Торнтона, которое во всякомъ случаѣ имѣетъ въ своемъ основаніи гораздо больше правды, чѣмъ обвиненіе утилитаризма въ оправданіи диктаторскихъ наклонностей. Дѣйствительно, утилитаризмъ, въ интересахъ общей пользы, требователенъ, болѣе всѣхъ другихъ моральныхъ ученій, но эта требовательность ограничена самимъ понятіемъ объ общей пользѣ, которое во всякій данный моментъ исторіи мѣняется согласно съ обстоятельствами, въ которыхъ живетъ общество, и съ перемѣнами въ умственномъ развитіи общества. Есть такія общественныя потребности, которыя необходимы для существованія и процвѣтанія общества,—ихъ считаютъ обязательными для всѣхъ: *долгомъ*. Есть другія, удовлетвореніе которыхъ весьма полезно для общества, но которыя, при ихъ исполненіи, требуютъ слишкомъ большого напряженія нравственныхъ силъ или крайняго самоотверженія, на что способны лишь немногіе люди, и общество, поэтому, оставляетъ удовлетвореніе этихъ потребностей

на произволъ самихъ гражданъ. Общество признаетъ проявленіе такого рвенія къ общественному благу въ высокой степени важнымъ, но такъ какъ оно не можетъ наложить его на всѣхъ, хотя весьма желаетъ, чтобы это рвеніе проявлялось, то оно не вводитъ такіе поступки въ область „долга", а даетъ имъ особое, высшее мѣсто, называетъ ихъ *добродѣтельными* или *доблестными*. Можно, конечно, полагать вмѣстѣ съ Морли, что, и въ этихъ высшихъ проявленіяхъ нашего рвенія къ общему благу мы дѣйствуемъ лишь подъ руководствомъ одного чувства справедливости къ нашимъ ближнимъ, но общество можетъ называть эту справедливость какими угодно именами, смотря по казусу, по поводу котораго проявляетъ человѣкъ свою величайшую преданность общественному благу. Утилитаризмъ, слѣдовательно, не уничтожаетъ никакихъ добродѣтелей и не даетъ обществу никакого права налагать на личность какія-либо обязанности, для исполненія которыхъ необходимо обладать необыкновенными добродѣтелями. Но нѣтъ также сомнѣнія въ томъ, что утилитаризмъ всѣ права личности ставитъ въ зависимость отъ общественныхъ пользъ, а слѣдовательно, отъ самого общества: такъ-называемыя „естественныя права человѣка" не имѣютъ никакого смысла въ глазахъ утилитаристовъ. Но утилитаризмъ вовсе не врагъ личной свободы или личной собственности, такъ какъ и та и другая, при извѣстныхъ условіяхъ исторической жизни, способствуютъ общественному развитію, то-есть, общеполезны, но какъ личная свобода, такъ и личная собственность — учрежденія не природныя, но общественныя, и потому могутъ быть, согласно съ общественными потребностями, ограничены и даже уничтожены. Въ древнемъ мірѣ и въ доисторическомъ періодѣ не было ни той ни другой. Одно только естественное право слѣдовало бы признавать всѣмъ утилитаристамъ, это — право на жизнь, ибо жизнь не общественный даръ. Общество можетъ предъявлять къ человѣку тѣ или другія притязанія въ вознагражденіе за охрану его жизни, но на самую жизнь оно не имѣетъ никакихъ правъ, и напротивъ, именно изъ-за того, что человѣку дорога жизнь и что онъ старался охранить ее и обезпечить ея существованіе, возникло само общество.

Моральная система Торнтона построена, напротивъ, на „естественныхъ правахъ", которыхъ она признаетъ два: 1) абсолютное право, если оно не нарушено какимъ-либо злоупотребленіемъ или не ограничено по собственному согласію, поступать съ собственною своею особою какъ угодно, но *безвредно* для другихъ; и 2) столь же абсолютное право располагать какъ угодно продуктомъ своего собственнаго *честнаго* труда или труда чужихъ, права которыхъ *честно* пріобрѣтены вами. Утилитаризмъ откровенно сказывается въ этихъ

„правахъ“ нашего автора: онъ хочетъ личной свободы, но „безвредной“ для другихъ; онъ желаетъ права личной собственности, но на „честное“ пріобрѣтеніе; онъ желаетъ, слѣдовательно, такого права личной свободы и такого права личной собственности, которыя не нарушали бы правъ другихъ гражданъ, правъ или пользы общества.

Все дальнѣйшее изложеніе Торнтона заключается лишь въ защитѣ этихъ личныхъ правъ противъ общественныхъ; но мы уже доказали выше, что оба эти права не могутъ быть названы „естественными“ и потому подлежатъ всѣмъ измѣненіямъ, какія можетъ найти необходимыми общество въ своихъ общихъ интересахъ.

Lettres à la Princesse, par *C.-A. Sainte-Beuve*, de l'Académie française (Письма къ Принцессѣ *Сентъ-Бёва*, члена французской академіи). Paris, *Michel Lévy*, frères, 1873.

Въ этихъ письмахъ (ихъ 263)—къ кузинѣ Наполеона III, принцесоѣ Матильдѣ, читатель найдетъ поразительныя доказательства нравственной ничтожности одного изъ наиболѣе талантливыхъ литературныхъ критиковъ Франціи Луи-Филиппа и Наполеона III. Всѣ партіи, за исключеніемъ весьма немногихъ отдѣльныхъ писателей, признавали Сентъ-Бёва „первымъ“ критикомъ Франціи; даже такой радикалъ, какъ Ранкъ, секретарь Гамбетты и дѣятель коммуны въ первое время ея существованія, находилъ возможнымъ простить Сентъ-Бёву его сенаторское достоинство за его замѣчательныя критическія соображенія; однимъ словомъ, это былъ Бѣлинскій нынѣшней Франціи. Его отзывы рѣшали участь писателя, его совѣты всѣ принимали съ благодарностью, его похвалы достаточно было для того, чтобы составить литературную репутацію, и между тѣмъ, какъ мы видимъ теперь изъ этой переписки съ принцессою Матильдою, это была одна изъ самыхъ ничтожныхъ личностей въ нравственномъ отношеніи, это былъ жалкій придворный, выпрашивающій себѣ подачки у императорскаго стола. Сопоставляя его значеніе во французской литературѣ съ его личнымъ характеромъ, невольно приходится согласиться съ рѣзкими приговорами Потвэна надъ французскими литераторами. Если этотъ жалкій льстецъ и низкопоклонникъ, неблагодарный даже къ тѣмъ, которые наградили его сенаторскимъ жалованьемъ за всѣ его холопскіе подходы,—если этотъ Сентъ-Бёвъ могъ играть столь важную роль въ литературномъ мірѣ, то изъ кого же, изъ какихъ еще нравственныхъ ничтожностей состоялъ весь этотъ міръ?! Онъ самъ, какъ критикъ, могъ проповѣдывать лишь однѣ quasi-нравственныя пошлости, но какую же мораль находили читатели въ произведеніяхъ всѣхъ французскихъ писателей, считавшихъ Сентъ-Бёва своимъ лучшимъ и строжайшимъ цѣнителемъ?...

Приведемъ нѣсколько фактовъ изъ этихъ писемъ.

Сентъ-Бёвъ дѣлается еженедѣльнымъ посѣтителемъ салоновъ принцессы въ пятидесятыхъ годахъ своей жизни; принцесса дѣлаетъ ему нѣкоторые подарки, а Сентъ-Бёвъ распускается въ разныхъ любезностяхъ, при чемъ почти въ каждомъ изъ своихъ писемъ онъ не забываетъ „положить къ ногамъ принцессы свидѣтельства своей почтительной преданности". Принцесса посылаетъ ему коверъ, вышитый ею самою: „Какъ! принцесса — восклицаетъ по этому поводу нашъ критикъ — могу ли я осмѣлиться ступить ногами на это великолѣпіе, достойное Персіи или Турціи, и которое вышло изъ вашихъ рукъ? Но за то мои глаза будутъ отдыхать на немъ съ благодарностью и нѣжностію." Нужно ли принцессѣ заманить къ себѣ когонибудь изъ литературныхъ знаменитостей: Ренана, напримѣръ, или Вате, и Сентъ-Бёвъ тутъ какъ тутъ. „Вы видите, принцесса, пишетъ онъ послѣ удачнаго приглашенія Ренана, что я весьма точный и усердный *секретарь вашихъ приказаній*, и что я пользуюсь всякимъ случаемъ заявить себя самымъ признательнымъ и наиболѣе почтительнымъ образомъ преданнымъ изъ вашихъ слугъ." Уѣзжаетъ ли принцесса на два мѣсяца въ Италію, и Сентъ-Бёвъ уже пишетъ: „Я могу только предложить вамъ, принцесса, мои чувства признательности, вѣрную преданность и желаніе, чтобы эти два мѣсяца вашего пребыванія въ Италіи были также полны и пріятны для васъ, какъ они будутъ пусты для насъ." Даритъ ли ему принцесса корзинку съ яблоками и мандаринами, и Сентъ-Бёвъ разсыпается уже въ такихъ пошлостяхъ: „Я получилъ эти золотыя яблоки, эти мандарины, которыхъ я никогда не ѣлъ и которые принялъ за совсѣмъ другое. Мое невѣжество равно лишь вашей добротѣ." Какъ много походитъ этотъ первый критикъ Франціи на Хлестакова, когда тотъ говоритъ: „А ваши ручки лучше всякой погоды"!

Очень характеристичны также его письма, въ которыхъ онъ хлопочетъ, чтобы ему дали сенаторское достоинство и жалованье, о чемъ весьма много старалась принцесса Матильда. Но когда Сентъ-Бёвъ получилъ наконецъ мѣсто сенатора, тонъ его писемъ измѣняется: и въ своихъ критикахъ, и въ своихъ сенатскихъ рѣчахъ онъ начинаетъ пускаться въ разныя либеральности. Принцесса намекаетъ ему на его перемѣны, но Сентъ-Бёвъ уже не слушается и въ одинъ прекрасный день переходитъ изъ оффиціозной газеты „Constitutionnel" въ либеральный „Temps." Этотъ переходъ окончательно ссоритъ принцессу съ Сентъ-Бёвомъ, и затѣмъ переписка прекращается. Можно подумать, что всѣ свои униженія и пошлые комплименты Сентъ-Бёвъ расточалъ лишь въ видахъ добиться мѣста въ сенатѣ.

Таковъ былъ первый литературный критикъ Франціи Луи-Филиппа и Наполеона III!

ОБЩЕСТВЕННАЯ ГИГІЕНА.

Сборникъ сочиненій по судебной медицинѣ, судебной психіатріи, медицинской полиціи, общественной гигіенѣ, эпидеміологіи, медицинской географіи и статистикѣ, изд. медицинскимъ департаментомъ. Томы II и III. 1872 г. Томъ I. 1873 г.

„Сборникъ", издаваемый медицинскимъ департаментомъ, по своему отношенію къ общественной жизни есть, безспорно, одно изъ наиболѣе важныхъ изданій въ области нашей ученой литературы. Въ немъ мы знакомимся со многими общественно-гигіеническими вопросами и съ сущностью тѣхъ мѣръ, которыя наиболѣе пригодны для поддержанія общественнаго благосостоянія въ санитарномъ отношеніи. Поэтому, „Сборникъ", какъ органъ общественной гигіены, представляетъ интересъ для каждаго, кто сознаетъ, что общественно-гигіеническія условія, въ которыхъ находится народонаселеніе, составляютъ одну изъ главныхъ причинъ или его благосостоянія, или бѣдственнаго положенія, смотря по качественности этихъ условій. Съ этой стороны „Сборникъ" интересенъ даже для массы публики. Для лицъ судебнаго вѣдомства польза его очевидна, если принять въ соображеніе важность судебно-медицинской экспертизы для рѣшенія многихъ судебныхъ дѣлъ.

О важномъ значеніи „Сборника" для врачей мы уже и не будемъ говорить, такъ какъ онъ собственно для нихъ и издается. Въ программу „Сборника" входитъ, правда, очень много наукъ, изъ которыхъ каждая съ полнымъ правомъ могла бы требовать для себя особаго журнала; но не должно забывать, что въ настоящее время у насъ существуютъ только начатки спеціально-ученой литературы, и раздробленія „Сборника" на отдѣльные, спеціальные журналы по каждой изъ наукъ, входящихъ въ его программу (что́ было бы весьма желательно), можно ожидать только въ будущемъ, при дальнѣйшемъ развитіи нашей литературы вообще, соотвѣтственно развитію и потребностямъ самого общества.

Содержаніе трехъ послѣднихъ книжекъ „Сборника", о которыхъ мы хотимъ говорить, весьма разнообразно; укажемъ на нѣкоторыя статьи этихъ книжекъ.

Во II-мъ томѣ „Сборника" прошлаго года обращаютъ на себя вниманіе два случая *убійства* (статья г. Штейнберга), совершоннаго страдавшими *меланхоліей*, слѣдовательно людьми, неспособными ко вмѣненію. Эти случаи и множество другихъ подобныхъ имъ указываютъ на необходимость расширенія сферы судебно-психіатрическаго

изслѣдованія преступниковъ. До сихъ поръ способность ко вмѣненію преступниковъ служитъ предметомъ споровъ между юристами и врачами: первые обыкновенно смотрятъ на преступниковъ какъ на людей, вполнѣ обладающихъ умственными способностями, предполагаютъ у нихъ *злую* волю, и только въ явныхъ и рѣзкихъ случаяхъ ненормальности умственныхъ способностей у послѣднихъ требуютъ участія врачей для рѣшенія вопроса о способности ко вмѣненію подсудимыхъ; врачи же, наоборотъ, склонны видѣть, во множествѣ случаевъ преступленій, не преступниковъ, а людей психически-ненормальныхъ, и въ нихъ—не злую, а *больную* волю, и требуютъ, чтобы психическое состояніе преступниковъ было подвергаемо врачебному изслѣдованію чаще, чѣмъ сколько это дѣлается до сихъ поръ. Справедливость здѣсь на сторонѣ врачей, такъ какъ нерѣдко бывали осуждаемы люди, совершавшіе уголовныя преступленія въ умопомѣшательствѣ, примѣры чему мы видимъ въ криминальной практикѣ всѣхъ странъ. Англійскій юрисконсультъ Фицрой-Келли заявилъ въ 1864 г., что въ теченіе послѣднихъ 64-хъ лѣтъ въ Англіи было совершенно 60 легальныхъ убійствъ, т.-е. было казнено такое же число умалишенныхъ. Англійскій врачъ Мадденъ въ своемъ сочиненіи „объ умопомѣшательствѣ и объ уголовной отвѣтственности умопомѣшанныхъ“ сообщаетъ, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ были присуждены къ смерти 11 умопомѣшанныхъ, изъ которыхъ 8 казнены, а 3 помилованы, но заточены.

Весьма любопытныя разсужденія о *психическомъ состояніи преступниковъ* мы находимъ въ статьѣ подъ этимъ же заглавіемъ въ III т. „Сборника“. Авторъ принимаетъ, что у преступниковъ существуютъ психическія аномаліи, но не умственныя, а *нравственныя:* испорченность, необузданныя страсти и желанія и отсутствіе силы воли бороться съ ними. Эти нравственные недостатки часто бываютъ наслѣдственными и могутъ доходить до полнаго отсутствія нравственнаго чувства, что авторъ называетъ *нравственнымъ идіотизмомъ*. Такихъ людей слѣдуетъ изолировать для пользы общества и нравственно улучшать ихъ; но, по словамъ автора, обращеніе съ преступникомъ, имѣющее цѣлью только наказаніе для наказанія, очень опасно и для общества и для самого преступника, оно никогда его не улучшаетъ и часто дѣлаетъ худшимъ; оно производитъ 40—45 процентовъ рецидивистовъ.

Въ основу тюремнаго вопроса, по мнѣнію автора, должны быть положены научныя данныя, изученіе нравственнаго состоянія преступниковъ и средствъ къ улучшенію его, которыя сводятся къ *нравственному леченію* преступниковъ (метода Деметца).

Рука объ руку съ нравственной испорченностью и преступленіемъ идетъ *пьянство*, часто тоже составляющее психическую болѣзнь. Въ

І-мъ томѣ „Сборника“ 1873 г. помѣщена весьма дѣльная статья г. Шмелева о *мѣрахъ противъ пьянства.* О мѣрахъ противъ него въ Россіи должно подумать серьёзно: изъ приведенной въ статьѣ г. Шмелева, на стр. 174, вѣдомости о числѣ бѣлогорячечныхъ больныхъ отъ пьянства, за 11 лѣтъ, въ Александровской и Обуховской больницахъ въ Петербургѣ, видно, что число этихъ больныхъ страшно возрастаетъ; такъ, напр., въ этихъ обѣихъ больницахъ въ 1861 г. было 211 чел. одержимыхъ бѣлою горячкой, а въ 1871 г. ихъ было 718! Изъ существующихъ статистическихъ данныхъ авторъ дѣлаетъ тотъ выводъ, что число случаевъ смерти отъ пьянства въ Россіи прогрессивно возрастаетъ отъ запада къ востоку. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ статистическія свѣдѣнія о пьянствѣ въ Россіи весьма ограниченны.

Подробно разсмотрѣвъ средства, предложенныя и примѣненныя противъ пьянства въ Западной Европѣ и Сѣверо-американскихъ штатахъ (общества трезвости, пріюты для пьяницъ, законы для ограниченія розничной продажи спиртныхъ напитковъ и проч.), авторъ переходитъ къ Россіи и считаетъ лучшими, прямыми мѣрами противъ пьянства въ Россіи учрежденіе общественныхъ питейныхъ заведеній, пропаганду воздержанія отъ спиртныхъ напитковъ словомъ, дѣломъ и примѣромъ, въ особенности въ средѣ ремесленнаго и фабричнаго населенія большихъ городовъ, въ которомъ сильно развито привычное пьянство, и наконецъ, попеченіе о пьяницахъ, для которыхъ должны быть устроиваемы *пріюты*, съ цѣлью излеченія пьяницъ отъ страсти къ спиртнымъ напиткамъ. Изъ этой же статьи мы узнаемъ, что въ Петербургѣ проектируется учрежденіе пріюта для пьяницъ при Обуховской больницѣ. Весьма желательно, чтобъ этотъ проектъ осуществился и чтобы, наконецъ, перестали появляться въ газетахъ разныя рекламы о леченіи отъ пьянства.

Весьма важную роль въ вопросѣ о пьянствѣ должно играть самое качество спиртныхъ напитковъ; разсмотрѣнію его посвящена во II-мъ томѣ „Сборника“ 1872 г. статья г. Гофмана подъ заглавіемъ: „Объ изслѣдованіи и очищеніи водокъ съ медико-полицейскою цѣлью“. Предметомъ этой статьи главнымъ образомъ служитъ открытіе *сивушнаго масла* въ разныхъ спиртныхъ напиткахъ, котораго въ нихъ, на основаніи нашихъ законоположеній, вовсе не должно быть, и которое вреднымъ образомъ дѣйствуетъ на организмъ и весьма вѣроятно предрасполагаетъ къ пьянству, производя разстройство желудка и другихъ органовъ. Полиціи слѣдовало бы обращать большое вниманіе на чистоту питей и содержаніе въ нихъ сивушнаго масла, что несомнѣнно повело бы къ ограниченію дурныхъ послѣдствій отъ употребленія спиртныхъ напитковъ.

Человѣку въ обыденной жизни, какъ мы узнаемъ изъ разсматриваемыхъ нами книжекъ „Сборника“, угрожаетъ много опасностей:

въ комнатномъ воздухѣ можетъ заключаться мышьякъ, отдѣляющійся въ формѣ пыли со стѣнъ, окрашенныхъ зеленою краскою, содержащею мышьякъ, или оклеенныхъ зелеными обоями, въ которыхъ найденъ тоже мышьякъ; даже всякаго цвѣта обои могутъ быть ядовиты по содержанію въ нихъ мышьяковистой кислоты; зеленый абажуръ на лампѣ тоже можетъ служить источникомъ отравленія мышьякомъ. Ликеры, фруктовые соки, спиртные напитки, разнаго рода пища подкрашиваются фуксиномъ, содержащимъ мышьякъ. Еще недавно въ Петербургѣ былъ случай отравленія горошкомъ, окрашеннымъ швейнфуртскою зеленью, для приданія ему свѣжаго зеленаго цвѣта. Вредными для здоровья могутъ быть окрашенныя анилиновыми красками разныя шерстяныя издѣлія, напримѣръ чулки, шерстяныя рубашки, конфекты. Дамскія шелковыя платья могутъ воспламеняться сами собою вслѣдствіе обработки шелка пикрино-кислымъ свинцомъ. Причиною вреда для здоровья могутъ быть комнатныя растенія, выдыхающія азотистыя соединенія; отъ коровъ человѣкъ можетъ заразиться ящуромъ, отъ лошадей—сапомъ; ему угрожаютъ опасностью даже древесныя вши, которыя въ Пруссіи напали на квартиру одного педагога и такъ измучили его, что значительно пострадало его здоровье. Эта вошь часто обитаетъ въ старыхъ книгахъ, и потому въ особенности угрожаетъ классикамъ. При множествѣ вредныхъ вліяній, угрожающихъ человѣку на каждомъ шагу, или лишающихъ его жизни, или значительно сокращающихъ ее, понятна важность *гигіены* и необходимость возможно ранняго ея изученія, именно *преподаванія ея въ школахъ;* изученіе ея необходимо не только для сохраненія жизни и здоровья, но и для *счастья* человѣка, и потому совершенно справедливыми представляются слова автора сочиненія: „Système de la Nature“, сказавшаго: „L'homme n'est malheureux que parce qu'il méconnait la nature“. Отъ незнанія законовъ и вліяній природы и отъ неумѣнья противодѣйствовать послѣднимъ, страдаетъ самъ человѣкъ, гибнутъ продукты его трудовъ, слабнутъ или уничтожаются его производительныя силы; отсюда понятны также важность и полезность основательнаго естественно-научнаго образованія для каждаго.

Весьма важными обстоятельствами въ жизни цѣлыхъ обществъ являются *повальныя болѣзни* и устройство санитарной части для предотвращенія ихъ. Главныя повальныя болѣзни нашего времени суть: *холера*—исчадіе Востока, и *оспа*—наслѣдіе для Европы послѣ франко-прусской войны. На статистическомъ конгрессѣ, бывшемъ въ Петербургѣ, англійскій врачъ Муатъ, между прочимъ, сказалъ („Сборникъ“, т. I, 1873 г., отд. II, стр. 40): „Холера одна уничтожила болѣе людей и разстроила болѣе семейныхъ очаговъ, чѣмъ всѣ войны взятыя вмѣстѣ, съ осады Іерусалима до осады Парижа, чѣмъ всѣ

неурожаи, погубившіе громадное число жертвъ, чѣмъ чума и всѣ другія эпидеміи, исторія которыхъ намъ извѣстна. Въ своихъ припадкахъ она безпощадна и въ самыхъ, повидимому, легкихъ случаяхъ небезопасна. Неужели изъ этого не вытекаетъ важность серьёзнаго изученія этой болѣзни, и неужели не слѣдуетъ высоко цѣнить отысканіе способовъ, какъ предупредить вторженіе или остановить ужасное распространеніе этого бича?" Въ той же статьѣ г. Бенезе о дѣятельности врачей на статистическомъ конгрессѣ въ Петербургѣ помѣщены доклады д-ра г. Архангельскаго о собираніи статистическихъ свѣдѣній о холерѣ и докладъ д-ра Э. Шперка о статистикѣ сифилиса, заслужившіе одобреніе и благодарность врачей, участвовавшихъ въ съѣздѣ. Читая эти доклады, убѣждаешься, что дѣйствительно лучшій и непосредственный способъ для принятія мѣръ какъ противъ холеры, такъ и противъ послѣдней соціальной болѣзни есть болѣе близкое ознакомленіе съ этими болѣзнями при посредствѣ *статистическихъ* данныхъ, изъ которыхъ сами собою должны вытекать тѣ мѣры, которыя необходимо принимать противъ этихъ болѣзней. Но необходимо прежде всего, чтобы мѣры противъ холеры принимались *заблаговременно*, а противъ сифилиса — *постоянно*. На обработку медико-статистическихъ данныхъ о заболѣвшихъ оспой въ Петербургѣ обращено большое вниманіе со стороны с.-петербургскаго врачебнаго управленія (Сборн., т. III, 1872). Съ идеями о надлежащемъ устройствѣ санитарной части вообще читатели могутъ познакомиться въ статьѣ проф. А. Якобія (Сборн., т. II. 1872 г.).

Всѣ статьи, о которыхъ мы упомянули въ нашемъ обзорѣ послѣднихъ трехъ книжекъ „Сборника", издаваемаго медицинскимъ департаментомъ, помѣщены въ двухъ отдѣлахъ этого изданія. Но, сверхъ того, при каждой книжкѣ „Сборника" помѣщается по нѣскольку листовъ „Приложеній" къ нему: „Руководства къ гигіенѣ" и „Руководства къ судебной медицинѣ". Въ заключеніе нашего обзора скажемъ нѣсколько словъ объ этихъ руководствахъ. „Руководство къ гигіенѣ" составляется д-ромъ Ф. Эрисманномъ, который зарекомендовалъ себя уже прежде своими изслѣдованіями зрительной способности учащихся въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ въ Петербургѣ и подвальныхъ этажей. Его руководство есть сводъ новѣйшихъ соотвѣтственныхъ изслѣдованій по физикѣ, химіи, физіологіи и другихъ наукъ, которыя служатъ основами для гигіены; руководство его вполнѣ современно и отличается строгимъ научнымъ направленіемъ; до сихъ поръ напечатано 42 листа его руководства, которое обѣщаетъ быть очень обширнымъ сочиненіемъ. Польза такого руководства очевидна.

Во II-мъ томѣ „Сборника" 1872 года началось „Руководство къ судебной медицинѣ Каспера", обработанное нѣсколькими русскими

врачами и профессорами. До сихъ поръ появился 1-й отдѣлъ I-й части: *половыя отправленія* (т. II и III Сборн., 1872) и начало (11 листовъ) II-й части: *изслѣдованіе трупа* (т. I Сборн., 1873); какъ видно изъ названія и содержанія этого послѣдняго руководства, оно назначается собственно для врачей. Въ политико-литературномъ журналѣ—не мѣсто разбирать содержаніе появившихся въ печати отдѣловъ этого руководства. Содержаніе 1-го отдѣла I-й части, обработанной г. Мержеевскимъ, наводитъ на грустныя размышленія по отношенію приводимыхъ имъ случаевъ (казуистика) къ общественной нравственности. Въ подробно разсказанныхъ имъ случаяхъ преступленій (для избѣжанія названій ихъ въ частности, назовемъ ихъ общимъ именемъ — *половыми преступленіями*), мы видимъ ужасающіе примѣры извращенія полового инстинкта,—извращенія, приближающаго человѣка къ дикимъ животнымъ, или заставляющаго предполагать въ преступникахъ, сюда относящихся, умопомѣшательство или idiотизмъ. Для насъ важно здѣсь то, что во множествѣ случаевъ начатки этихъ преступленій, наклонность къ нимъ, проявляются еще въ очень юныхъ возрастахъ: дѣтскомъ, отроческомъ, и потомъ уже развиваются съ большею, неудержимою силою, и то, что большинство преступниковъ было или вовсе лишено воспитанія, или пользовалось дурнымъ, недостаточнымъ воспитаніемъ. Изъ этого нельзя не заключить, что первоначальною причиною этихъ преступленій въ большинствѣ случаевъ служатъ отсутствіе или недостатки *воспитанія*, домашняго или школьнаго, и что для предотвращенія такихъ случаевъ могущественнымъ средствомъ можетъ быть надлежащее воспитаніе, какъ тѣлесное, такъ и психическое. Въ дѣтскомъ возрастѣ, какъ извѣстно, существуетъ большая несоразмѣрность между двумя основными качествами человѣческаго характера, т.-е. чувствительностью и страстностью, съ одной стороны, и умомъ и волею, съ другой [1]). Главная задача воспитателей дать здоровую пищу воображенію и отклонить его отъ чувственнаго направленія. Сверхъ того, чувствительность кожи у дѣтей можетъ служить причиною ихъ дурныхъ наклонностей, не говоря уже о многихъ патологическихъ состояніяхъ кожи и слизистой оболочки, въ особенности на половыхъ частяхъ, какъ-то о зудѣ, сыпяхъ и проч. Большую роль играетъ наслѣдственность наклонностей; много значатъ разныя болѣзненныя состоянія тѣла, въ особенности мочевыхъ и половыхъ органовъ. Изъ всѣхъ этихъ намековъ понятно, что въ дѣлѣ воспитанія должны принимать участіе какъ воспитатели, такъ и врачи, и что и тѣ и

---

[1]) См. статью Ил. Мечникова «Воспитаніе съ антропологической точки зрѣнія» («Вѣстникъ Европы», январь, 1871 г.), которая, вѣроятно, была замѣчена воспитателями.

другіе, разумными мѣрами, могутъ убить въ зародышѣ тѣ дурныя наклонности ихъ воспитанниковъ, которыя въ будущемъ могутъ сдѣлать ихъ преступниками противъ самихъ себя или противъ цѣломудрія другихъ. На первомъ планѣ здѣсь, конечно, должно быть поставлено реальное образованіе съ юныхъ лѣтъ, которое можетъ благодѣтельнымъ и трезвымъ образомъ дѣйствовать на воображеніе дѣтей.

Другая причина преступленій, о которыхъ мы говоримъ, кроется въ уровнѣ общественной нравственности и въ качествѣ тѣхъ удовольствій, въ которыхъ общество ищетъ развлеченій; здѣсь достаточно упомянуть о недавнемъ еще преобладаніи оффенбаховскихъ пьесъ на театрахъ, о французскихъ куплетахъ, которые поются въ кафе-шантанахъ, о страсти публики къ деморализующимъ, криминальнымъ романамъ, развивающимъ патологическую подражательность и проч.

Съ перваго взгляда кажется излишнею та подробность, съ какою изложена г. Мержеевскимъ казуистика половыхъ преступленій; но если ближе всмотрѣться въ дѣло, то такая подробность является необходимою въ спеціальномъ судебно-медицинскомъ органѣ, такъ какъ при преступленіяхъ этого рода, обыкновенно совершаемыхъ наединѣ и, слѣдовательно, бѣдныхъ доказательствами, единственнымъ средствомъ добраться до истины какъ для судей, такъ и для врачей, остается подробный разсказъ потерпѣвшихъ о совершеніи преступленія и о всѣхъ обстоятельствахъ, обстановкѣ, къ нему относящихся; только при знаніи ихъ судья и врачъ могутъ выпутаться изъ лабиринта часто лживыхъ показаній какъ со стороны обвиняемыхъ, такъ и потерпѣвшихъ, и только этимъ путемъ могутъ дойти, и то часто съ трудомъ, до рѣшенія вопроса о совершеніи преступленія, въ тѣхъ случаяхъ, когда уже прошло много времени послѣ совершенія его, т.-е. когда на лицо нѣтъ никакихъ уликъ.

Будемъ надѣяться, что читатели не посѣтуютъ на насъ за этотъ, можетъ быть нѣсколько подробный обзоръ послѣднихъ трехъ книжекъ „Сборника", издаваемаго медицинскимъ департаментомъ. Содержаніе ихъ имѣетъ слишкомъ близкое отношеніе къ общественной жизни, чтобы можно было его игнорировать; многія статьи этихъ книжекъ представляютъ интересъ для всѣхъ членовъ общества, которые только желаютъ пользы для жизни самого общества, и нельзя не быть признательнымъ за изданіе „Сборника" медицинскому департаменту, заботящемуся какъ о судебно-медицинскомъ образованіи своихъ врачей, такъ и о томъ, съ другой стороны, чтобъ они могли передавать въ публику здоровыя начала гигіены, столь необходимыя для благосостоянія общественнаго организма.

В.

ЦВѢТЫ НА ПСЕВДО-КЛАССИЧЕСКОЙ ПОЧВѢ.

Размышленія г. Куторги „О наукѣ и ея значеніи въ государствѣ".

Всѣ истинные почитатели классическаго образованія и серьёзной науки повержены въ печаль и уныніе. Стражи русскаго классицизма, стоявшіе съ огненными мечами у храма русскаго просвѣщенія и изгонявшіе оттуда какъ еретиковъ и измѣнниковъ всѣхъ тѣхъ, кого они подозрѣвали въ недостаточномъ увлеченіи классическимъ образованіемъ, теперь сами впали въ ересь и измѣнили дѣлу классицизма. На страницахъ „Московскихъ Вѣдомостей" и „Русскаго Вѣстника" стали появляться—horribile dictu—такіе промахи въ латинской грамматикѣ и языкѣ, за которое русскому гимназисту былъ бы безпощадно закрытъ доступъ въ университетъ, и за которые ученикъ англійскаго колледжа подвергся бы самому отеческому наказанію. Господа Катковъ и Леонтьевъ, которые нѣкогда взбаломутили все русское литературное море изъ-за того, что одинъ ученый юристъ въ статьѣ о римскомъ правѣ позволилъ себѣ между прочимъ употребить выраженіе ordo equestris, вмѣсто ordo equester, теперь устроили въ своихъ изданіяхъ, преимущественно же въ „Русскомъ Вѣстникѣ", цѣлый пріютъ для ошибокъ противъ классицизма и убѣжище ученыхъ, которые сдѣлали себѣ монополію изъ легкомысленнаго толкованія древнихъ писателей подъ маской строгой научности.

Вооружись теперь, читатель, твоимъ запасомъ классическихъ свѣдѣній, и проникнемъ съ тобой въ этотъ мрачный лабиринтъ классическихъ промаховъ. Посмотримъ, насколько у насъ извѣстны классическіе языки тѣмъ, которые говорятъ, что они всю свою жизнь посвятили изученію древняго міра. Заглянемъ сначала въ „Московскія Вѣдомости". Въ этомъ литературномъ органѣ, предназначенномъ болѣе для легкихъ вылазокъ и быстрыхъ наѣздовъ, безъ сомнѣнія рѣдко приходится трактовать о такой высокой матеріи какъ латинскіе тексты, но и туда проникла язва пренебреженія къ классицизму. Въ № 85-мъ „Московскихъ Вѣдомостей", отъ 5-го апрѣля, упоминается „объ *изреченіи Горація:* vita brevis, ars longa est." Мы покорнѣйше просимъ г. Леонтьева, въ теченіи столькихъ лѣтъ объяснявшаго Горація студентамъ московскаго университета, сообщить въ своей газетѣ, въ какомъ изданіи Горація онъ нашелъ это выраженіе, не

поддающееся ни подъ какой метръ. Мы до сихъ поръ полагали, что это выраженіе принадлежитъ знаменитому основателю эмпирической медицины у грековъ, извѣстному Гиппократу (Афоризмы: Sectio I. Aphor. 1), и можемъ увѣрить г. директора классическаго лицея въ Москвѣ, что ни въ одномъ изъ общеупотребительныхъ изданій Горація ничего подобнаго не находится. Перейдемъ теперь прямо къ „Русскому Вѣстнику". Въ мартовской книжкѣ этого ученаго журнала помѣщена ученѣйшая статья г. Куторги: „О наукѣ и ея значеніи въ государствѣ." Статья эта, какъ сказано въ примѣчаніи къ ней, „предназначается служить введеніемъ къ полному собранію сочиненій автора." Въ началѣ самой статьи помѣщено цѣликомъ извѣстное введеніе Тита Ливія къ его исторіи Рима, и почтенный авторъ статьи говоритъ по этому поводу: „Приступая къ собранію своихъ историческихъ трудовъ, составленныхъ въ теченіе сорокалѣтней литературно-ученой дѣятельности и частью уже изданныхъ, частью еще рукописныхъ, не могу не привести прекрасныхъ словъ Тита Ливія, помѣщенныхъ имъ въ его знаменитомъ введеніи въ исторію Рима" [1]).

Читатель, конечно, задумается надъ этимъ *„не могу не привести"* и спроситъ себя, въ чемъ же заключалась та роковая сила, которая заставила современнаго историка позанять введеніе къ своимъ „Opera omnia" у Ливія? А иной при такой претензіи вспомнитъ еще поговорку: Quod licet Jovi, non licet bovi! Но г. Куторга спѣшитъ объяснить изумленному читателю, что скромность заставила его вспомнить скромнаго Тита-Ливія въ ту самую минуту, когда онъ подумалъ издать свои *opera*. Титъ-Ливій, оказывается, опасался за успѣхъ своего труда. „Если, говоритъ г. Куторга, историкъ обезсмертившій себя великимъ произведеніемъ и описывавшій событія отечественной республики смотрѣлъ на свой трудъ съ подобнымъ недовѣріемъ, то не должно ли и это недовѣріе еще усилиться въ человѣкѣ, посвятившемъ себя изслѣдованію отдаленной древности и предмету, къ которому у насъ нѣтъ и тѣни сочувствія?" Но есть ли тѣнь знанія въ тѣхъ, которые, посвящая себя изученію классической древности, не знаютъ сами грамматики древнихъ языковъ? Этотъ вопросъ поважнѣе. Г. Куторга позволилъ себѣ сдѣлать выходку противъ современнаго общества, а мы позволимъ себѣ развѣдать, достаточно ли онъ имѣлъ самъ сочувствія къ отдаленной древности, чтобы въ сорокъ лѣтъ своихъ трудовъ надъ древностью научиться переводить Тита-

---

[1]) Изъ этой фразы можно заключить, что есть особенное сочиненіе Тита Ливія подъ заглавіемъ: „Введеніе въ И. Р.", и что *прекрасныя слова*, приведенныя г. Куторгою, составляютъ лишь отрывокъ изъ этого сочиненія, между тѣмъ какъ въ нихъ и состоитъ все введеніе.

Ливія безъ ошибокъ. Прослѣдимъ переводъ г. Куторги отъ начала до конца.

Ливій.	Куторга.
Facturusne operae pretium sim, si a primordio Urbis res populi Romani *perscripserim*, nec satis scio;	Заслужу ли я одобреніе, что *описалъ* дѣла римскихъ гражданъ, начиная съ самаго первобытнаго времени города — не знаю;

Здѣсь ошибка во времени: надо было бы перевести *опишу*, а не „описалъ". Perscripserim есть дѣйствительно conjunct. *perf.*, но эта же форма употребляется и въ смыслѣ сослагательнаго будущаго времени, такъ что Мадвигъ видитъ въ ней и conjunct. futuri exacti. Ясно, что здѣсь она употреблена въ послѣднемъ значеніи, такъ какъ предполагается, что предисловіе написано Ливіемъ прежде исторіи, на что указываютъ слова: „Ego contra hoc quoque", и самое заключеніе, такъ своеобразно переданное ученымъ переводчикомъ (см. ниже). Далѣе:

nec, si sciam, dicere ausim: quippe qui, quum veterem tum *vulgatam* esse rem, videam, dum novi semper scriptores, aut in rebus certius aliquid adlaturos se, aut scribendi arte rudem vetustatem superaturos, credunt.	но если бы зналъ, не рѣшился бы высказать. Вижу, что *это* (?) считается и устарѣлымъ и *слишкомъ простымъ*, и что новые писатели всегда *обращаются къ болѣе современнымъ событіямъ*, полагая, что они или вѣрнѣе ихъ представятъ, или искусствомъ изложенія превзойдутъ безъискусственную древность.

Въ этомъ мѣстѣ г. Куторга позволилъ себѣ 5 болѣе или менѣе крупныхъ ошибокъ: 1) tum послѣ quum (если именно это слово, а не другое г. Куторга хотѣлъ выразить въ своемъ переводѣ) не значитъ *слишкомъ* (чего смыслъ здѣсь не требуетъ), а скорѣе: *еще болѣе*; 2) vulgatus не значитъ простой, а пошлый; 3) что разумѣетъ г. Куторга подъ словомъ *это*, которое здѣсь играетъ такую важную роль? Читателю г-на Куторги остается совершенно неизвѣстнымъ, „что считается устарѣлымъ и слишкомъ простымъ". Можно подумать, что подъ таинственнымъ *это* слѣдуетъ разумѣть писаніе римской исторіи, а между тѣмъ Ливій говоритъ: *такъ какъ я вижу*, *что этотъ пріемъ* (т.-е. въ началѣ сочиненія заявлять о правахъ своего труда на общее вниманіе или скорѣе признательность) *устарѣлъ—а еще болѣе опошлился.* Вотъ, что хотѣлъ сказать Титъ-Ливій! 4) semper novi scriptores — не новые писатели, а вновь появляющіеся писатели; 5) „всегда обращаются къ болѣе современнымъ событіямъ". Эти слова сочинены переводчикомъ, который вслѣдствіе этой вставки исказилъ смыслъ подлинника и вложилъ въ уста Ливія упрекъ современнымъ ему римскимъ историкамъ въ непріязненности къ разработкѣ древней исторіи и въ увлеченіи событіями новаго времени.

Utcumque erit въ началѣ слѣдующей фразы переведено словами: „что бы однако ни случилось", слѣдовало бы перевести: „что бы (мнѣ) ни предстояло.

Principis terrarum populi у г. Куторги переведено: первенствующей на землѣ республики. Хотя *populus* употреблено здѣсь не въ этнографическомъ, а въ политическомъ смыслѣ, все же неточно переводить его по-русски словомъ республика.

Res est *praeterea et* inmensi operis ut quae supra septingentesimum annum repetatur; *et* quae, ab exiguis profecta initiis, eo creverit, ut jam magnitudine laboret sua; *et* legentium plerisque, haud dubito, quin primae origines proximaque originibus minus praebitura voluptatis sint, festinantibus ad haec nova...

Этотъ предметъ потребовалъ огромнаго труда, ибо обнимаетъ собою болѣе семисотъ лѣтъ и излагаетъ дѣла республики, которая, выйдя изъ весьма малаго начала, до того разрослась, что уже страдаетъ своей громадностью. Между тѣмъ не сомнѣваюсь, что первоначальныя времена и событія ближайшія къ первобытной эпохѣ, представятъ многимъ читателямъ такъ мало занимательнаго, что они поспѣшатъ къ событіямъ новымъ...

Важное въ данномъ случаѣ слово praeterea улетучилось въ рукахъ переводчика, тогда какъ оно указываетъ на вторую причину, почему Ливій могъ бы не встрѣтить признательности: первая причина—tanta scriptorum turba, вторая—трудность предмета для пишущаго, третья—предпочтеніе читателей къ новому передъ старымъ. Все это въ переводѣ перебито. Искаженіе смысла началось со слова *потребовалъ*, вмѣсто *требуетъ*, или *сопряженъ съ огромнымъ трудомъ*. Кромѣ того, слово *res*, поставленное въ началѣ съ особенной силой для противоположности scriptores слѣдовало перевести не „этотъ предметъ“, а *самый предметъ*. „Между тѣмъ“ произвольно вставленное переводчикомъ окончательно запутываетъ развитіе мысли: яснѣе было бы передать et—et посредствомъ: *во-первыхъ—во-вторыхъ; съ одной стороны—съ другой*.

Legentium *plerisque* не значитъ: „*многимъ* читателямъ“, а *большинству читателей*. Это одна изъ такихъ ошибокъ, за которыя ученики подвергаются особо строгому взысканію, и даже розгамъ, тамъ, гдѣ таковыя мѣры внушенія употребляются.

Въ той же фразѣ встрѣчаемъ подобную же крупную синтаксическую ошибку—причина и послѣдствія перевернуты: Ливій говоритъ, что древность доставитъ читателямъ менѣе удовольствія, потому что они интересуются новымъ временемъ, а переводчикъ его: что читатели интересуются новой исторіей, потому что древняя не доставляетъ имъ удовольствія.

Ego contra hoc *quoque* laboris praemium petam, ut me a conspectu malorum, quae nostra tot per annos vidit aetas, tantisper, certe dum prisca illa tota mente repeto, avertam, omnis expers curae, quae scribentis animum, etsi non flectere a vero, sollicitum tamen efficere possit.

Я же, напротивъ, считаю наградою за трудъ, что, углубляясь всѣмъ умомъ въ старину, отвлекаюсь отъ созерцанія бѣдствій: ихъ же видѣло въ теченіе столькихъ лѣтъ наше время, и *становлюсь свободнымъ* отъ всякихъ заботъ, которыя могли бы, если не отклонить духъ писателя отъ истины, то возбудить въ немъ тревогу.

Слово quoque переводчикъ, вѣроятно не зная, что съ нимъ дѣлать, утаилъ, хотя оно указываетъ на вторую награду писателя въ отличіе отъ первой—juvabit tamen, rerum gestarum memoriae... consuluisse. Что же касается до цѣлой фразы, то она передаетъ только грамматическій смыслъ подлинника, затемняя его логическій смыслъ своимъ неуклюжимъ построеніемъ. Описывая древность, историкъ не стѣсняется страхомъ оскорбить какое-нибудь лицо, тогда какъ при описаніи новаго времени онъ обязанъ принимать въ разсчетъ и личные вопросы, что можетъ быть и не заставитъ его уклониться отъ истины, но во всякомъ случаѣ смущаетъ его спокойствіе.

Quae ante conditam condendamve urbem, poëticis magis decora *fabulis*, quam incorruptis rerum gestarum monumentis, traduntur, ea nec adfirmare, nec refellere, in animo est. Datur haec venia antiquitati, ut, miscendo humana divinis, *primordia* urbium augustiora faciat.

Преданія о происшествіяхъ до построеннаго, или же построимаго (!?) города, принадлежатъ болѣе поэтическимъ *былинамъ*, чѣмъ непреложнымъ памятникамъ исторіи, и ихъ ни утверждать, ни опровергать не намѣренъ. Это уступка древности: совокупляя человѣческое съ божескимъ, *да облекаетъ* она первобытность городовъ святыней.

Для читателя, который не имѣлъ бы возможности справиться съ подлинникомъ, такой переводъ былъ бы совершенно непонятенъ. Кромѣ того въ частностяхъ есть много неточностей—fabulae нельзя переводить былинами [1]), а primordia urbium не „первобытность“ городовъ, но *первые начатки*; наконецъ: augustiora faciat—не *„да облекаетъ святынею“*, а вѣрнѣе: придаетъ бóльшее величіе. Въ переводѣ г. Куторги сравнительная степень осталась безъ передачи.

Et, si cui *populo* licere oportet, consecrare origines suas, et ad deos referre auctores, ea belli gloria est populo Romano, ut, quum suum conditoris que sui parentem Martem *potissimum* ferat, tam et hoc gentes humanae patiantur *aequo animo*, quam imperium patiuntur.

Но если какой-либо республикѣ должно дозволить освящать свое происхожденіе и возводить къ богамъ своихъ основателей, то военная слава Рима такова что человѣческія племена могутъ съ тѣмъ же *спокойствіемъ духа* допустить притязаніе римлянъ, что ихъ родоначальникомъ и родителемъ строителя былъ Марсъ *Всемощный*, съ какимъ они допускаютъ ихъ владычество.

---

[1]) Fabula означаетъ всякое сказаніе, т.-е. что сказывается — сказка, басня, миѳъ и даже молва, тогда какъ подъ былиной разумѣется исключительно короткій народный эпосъ въ тѣсномъ смыслѣ. Преданіе о чудесномъ рожденіи Ромула есть fabula, но возникла ли изъ него былина (Gedicht, у Нибура), этого мы не знаемъ, если не хотимъ на слово вѣрить Нибуру; оно могло остаться въ прозаической сказкѣ, которою впослѣдствіи могли воспользоваться и не народные поэты для своихъ вымысловъ (poëtarum fabulae у Ливія); такъ поступилъ, напр. Энній, пользовавшійся не былинами, а лѣтописями. Мало ли у Нестора fabulae! а былинъ пока не найдено. Словомъ fabula—Sage; а былина—Volksgedicht, Ballade. Первое относится лишь къ содержанію, второе и ко внѣшней формѣ.

Опять populus переведено *республикой*. „Возводить къ богамъ *своихъ* основателей". Здѣсь совершенно непонята конструкція подлинника: объектъ къ глаголу referre только origines suas; auctores же есть приложеніе къ deos и не значитъ вовсе *основателей*. Вслѣдствіе невѣрной конструкціи искаженъ и самый смыслъ подлинника. Ливій не могъ сказать, что римляне возводили основателей своего города къ богамъ—а говоритъ, что римляне освящали свое происхожденіе и возводили его къ богамъ, какъ къ источнику. Aequo animo не съ спокойствіемъ духа (здѣсь дѣло идетъ не о стоикахъ), а просто „равнодушно" или „покойно".

Martem potissimum—Марсъ Всемощный. Это—перлъ классической эрудиціи (ерунды)! Ученый издатель сорокалѣтнихъ трудовъ принялъ латинское нарѣчіе *potissimum*, т.-е. „преимущественно предъ всѣми" или „именно", за прилагательное, и снабдивъ Марса качествомъ, какого древніе вообще не приписывали своимъ богамъ, обогатилъ классическую миѳологію новою разновидностью Марса. Если г. Леонтьевъ засядетъ съ цѣлью написать о поклоненіи Марсу, то пусть онъ остережется перевода г. Куторги, который послѣ сорокалѣтнихъ трудовъ надъ классическою древностью не отличилъ нарѣчія отъ прилагательнаго. Неужели и сорока лѣтъ мало для изученія классическихъ языковъ? Не въ правѣ ли г. Катковъ послѣ этого утверждать, что нужно для того по крайней мѣрѣ восемьдесятъ лѣтъ?

Ad illa mihi pro se quisque acriter intendat animum, quae vita, qui mores fuerint; per quos viros, *quibusque artibus*, domi militiaeque, et partum et auctum imperium sit. Labente deinde paullatim *disciplina*, *velut* desidentes primo mores sequatur animo; deinde ut magis magisque *lapsi sint;* tum *ire* coeperint *praecipites*: donec...	Мнѣ же напротивъ желательно чтобы каждый обратилъ зоркое вниманіе въ моемъ трудѣ на то: какова была жизнь и каковы нравы; какими мужами и какимъ *способомъ дѣйствій* въ дѣлахъ внутреннихъ и военныхъ было создано и увеличено владычество; чтобы читатель прослѣдилъ мыслью какъ, при падающей гражданственности, нравы сперва *какъ бы слабѣли*, потомъ болѣе и болѣе *потряслись*, затѣмъ стали быстро *идти къ упадку*, пока и пр.

Выраженіе „способъ дѣйствій" неудачно, потому что здѣсь подъ artes слѣдуетъ разумѣть нравственныя качества, какъ очень часто у Саллюстія—bonae—malae artes и просто artes. См. Sall. Jug. 82, 2, о Меттелѣ: Vir egregius in aliis artibus nimis molliter aegritudinem pati. Ср. также Цицерона, Pro imp. Cn. Pomp. 13, 36: Non enim solum bellandi virtus in summo atque perfecto imperatore quaerenda est, sed multae sunt *artes* eximiae, hujus administrae comitesque virtutis.

Disciplina—не гражданственность. Velut desidentes—„не какъ бы ослабѣли", а „*стали какъ бы подаваться*" или „*осѣдать*"—метафора отъ зданія. Поэтому Ливій и употребилъ слово velut—*какъ бы,* которое лишено смысла при устраненіи метафоры; да и lapsi sunt—„не по-

трясались" а *падать*, и praecipitem ire—не „идти къ упадку", а просто *разрушаться*; такимъ образомъ, у Ливія мы видимъ послѣдовательную градацію безслѣдно испарившуюся въ переводѣ.

Hoc illud est praecipue in cognitione rerum salubre ac frugiferum, omnis te exempli documenta in illustri posita monumento intueri...	Въ томъ и состоитъ *спасительная* и *плодотворная* польза знанія дѣлъ (т.-е. исторіи), что ты видишь предъ собою всякаго рода поученія, начертанныя на славномъ памятникѣ и пр.

„Спасительная и плодотворная польза"!—это просто покушеніе на добрую память Ливія, какъ будто бы онъ допускалъ гибельную и безплодную пользу! Слѣдуетъ: въ томъ и заключается преимущественно спасительная и плодотворная сила познанія исторіи".

Caeterum aut me amor negotii suscepti fallit, aut nulla umquam respublica nec major nec *sanctior* nec bonis exemplis ditior fuit.	Впрочемъ, или меня ослѣпляетъ любовь къ избранному предмету, или дѣйствительно до сихъ поръ не было республики ни величественнѣе, *ни святѣе* нашей, ни богаче добрыми примѣрами...

Святая Римская Республика!!! На языкѣ Ливія sanctus не имѣетъ позднѣйшаго смысла — „святой", т.-е., признанный святымъ, а значитъ благочестивый, нравственный въ личномъ смыслѣ, т.-е., чтящій нравственные законы, проявляющіеся главнымъ образомъ въ религіи и правѣ.

Nuper divitiae avaritiam... invexere.	Нынѣ же богатства породили корыстолюбіе и т. д.

Nuper не значитъ „нынѣ", а *въ недавнее время*.

Cum bonis potius ominibus votisque ac precationibus deorum dearumque, si, ut poëtis, nobis quoque mos esset, libentius inciperemus, ut orsis tanti operis successus prosperos darent.	Начнемъ охотнѣе, подражая обычаю поэтовъ, добрыми предзнаменованіями, обѣтами и молитвами къ богамъ и богинямъ, да дадутъ они благополучный успѣхъ труду нашему.

Полное извращеніе мысли Ливія! Смыслъ подлинника слѣдующій: если бы у историковъ былъ тотъ же обычай, что и у поэтовъ,—начинать молитвами, обѣтами и т. п., то Ливій охотнѣе началъ бы именно такимъ образомъ, но у историковъ такого обычая нѣтъ, а потому Ливій и начинаетъ свою исторію прямо съ факта,—съ судьбы Энея и Антенора по разрушеніи Трои, тогда какъ по переводу г. Куторги надо было бы ожидать молитвъ и обѣтовъ.

Невѣжественный переводчикъ Ливія обнаружилъ здѣсь, кромѣ незнанія латинской грамматики, и замѣчательное отсутствіе сообразительности. Незнаніе грамматики въ смѣшеніи conjunctivi adhortativi—выражающаго приглашеніе, съ conjunctivo imperfecti conditionalis, выражающимъ условіе, не соотвѣтствующее дѣйствительности—отсутствіе же сообразительности въ томъ, что не догадался посмотрѣть, съ чего же начинаетъ Ливій свою исторію. Такой переводъ и незнакомому съ латинскимъ языкомъ долженъ былъ бы показаться по-

дозрителенъ уже вслѣдствіе страннаго выраженія: *начнемъ охотнѣе*!

Если римскому писателю такъ не посчастливилось въ рукахъ г. Куторги, то греческимъ пришлось бы конечно еще хуже пострадать отъ его толкованій. И дѣйствительно, хотя ему случилось въ своей статьѣ перевести буквально одну только греческую фразу, онъ и тутъ успѣлъ доказать свое безпристрастное отношеніе къ обоимъ древнимъ языкамъ. На стр. 20, слова Платона: Πολλὰ καλὰ, ἦν δ'ἐγὼ, καὶ πολλὰ ἀγαθὰ καὶ ἕκαστα οὕτως εἶναί φαμεν... переведены: „Много прекрасныхъ дѣйствій, много добрыхъ дѣлъ, и каждое изъ нихъ мы усматриваемъ", — хотя Платонъ говоритъ здѣсь, что „за каждымъ предметомъ мы признаемъ извѣстные признаки". Да и переводъ „прекрасныя дѣйствія", „добрыя дѣла" произволенъ, — здѣсь разумѣются всякія проявленія идеи красоты и добра.

Въ виду всего этого, мы хотѣли предложить г-ну Куторгѣ оставить въ покоѣ классиковъ и заняться переводомъ плохихъ французскихъ романовъ, но оказывается, что г. Куторга считаетъ совершенно не нужнымъ церемониться и съ новыми языками. Такъ, напр., французское выраженіе église militante (стр. 41), онъ передаетъ — „воинственная церковь", вѣроятно полагая, что воинственный духъ французовъ заставилъ ихъ отказаться отъ обще-христіанскаго понятія „воинствующей церкви" и приписать галликанской церкви воинственность — église belliqueuse.

На стр. же 27 приводится извѣстный стихъ Шиллера о наукѣ: Einem ist sie *die hohe*, die himmlische Göttin, dem Andern и т. д. въ слѣдующемъ искаженіи: Einem ist sie die himmlische Göttin, dem Anderen eine tüchtige Kuh, die ihn mit Butter versorgt. Странно именно то, что г. Куторга, ухо котораго должно было привыкнуть къ классическимъ гекзаметрамъ, не замѣтилъ, что въ искаженномъ имъ стихѣ нѣтъ никакого метра!

Такова филологическая сторона разбираемой нами статьи „Русскаго Вѣстника". Внутреннее содержаніе ея, или мысли въ ней высказанныя, не отличаются большей основательностью или ученостью. Мы, впрочемъ, не коснулись бы содержанія статьи, если бы не узнали, что она произвела на многихъ читателей „Русскаго Вѣстника" — „потрясающее дѣйствіе". Статья эта зловѣщаго свойства, она исполнена Кассандриныхъ прорицаній, которыя грозятъ Россіи въ будущемъ страшными бѣдствіями и даже *паденіемъ*. Разсмотримъ же это произведеніе грозной Музы, состоящее изъ двухъ частей — схоластической и исторической.

Первая—заключаетъ въ себѣ водянистыя разсужденія о наукѣ и ея свойствахъ, написанныя тяжелымъ языкомъ и „высокимъ" слогомъ въ родѣ тѣхъ латинскихъ разсужденій, которыя писались въ цвѣтущую эпоху магистровъ „элоквенціи". Это риторическая хрія въ честь и славу науки, которую мы лучше всего можемъ оцѣнить словами самого г. Куторги: „Было время, когда считали необходимымъ разсуждать о пользѣ науки и приводить тому подтвержденія и доказательства. Это время прошло, и едва ли возвратится. Доказывать пользу науки не значитъ ли доказывать пользу образованія, или доказывать свѣтъ и теплоту солнца!!" (стр. 29). И тѣмъ не менѣе г. Куторга беретъ-таки на себя этотъ нелѣпый трудъ. Вторая часть — историческая, заключаетъ въ себѣ перечень тѣхъ государствъ, которыя пали вслѣдствіе пренебреженія наукой или перенесенія къ себѣ ложно понятой науки или, наконецъ, вслѣдствіе стѣсненія науки. Первое мѣсто въ ряду этихъ злополучныхъ государствъ занимаетъ *Аравійскій Халифатъ*. Неужели, воскликнетъ удивленный читатель, еще въ гимназіи много слышавшій о высокой образованности аравитянъ, неужели Халифатъ палъ отъ отсутствія науки? Именно такъ, поучаетъ его г. Куторга: „Въ ученыхъ трудахъ аравитянъ (стр. 32) нѣтъ и слѣдовъ самостоятельнаго изученія; о наукѣ никто изъ нихъ не думалъ и не догадывался; вся литература состоитъ или изъ переводовъ или заимствованій и подражанія, или, наконецъ, изъ компиляцій и сборниковъ". Но что же будетъ съ нами, если такой ученый, какъ г. Куторга, не можетъ и переводить съ латинскаго, какъ переводили арабскіе ученые, и въ грамматикѣ не дошелъ до нарѣчій?!

Строгое осужденіе научной дѣятельности аравитянъ было главнымъ образомъ вызвано тѣмъ, что г. Куторга вмѣстѣ съ другими учеными считалъ долгое время аравійскаго математика Абулъ-Вефу *творцомъ теоріи луны* (стр. 32); но недавно онъ узналъ изъ статьи французскаго ученаго Бертрана (Journal de Savants, Octobre, 1871), что „Абулъ-Вефа былъ только простымъ толкователемъ Птолемэя, не присоединивъ къ его труду ничего собственнаго" (стр. 34). Другое заблужденіе г. Куторги заключалось въ томъ, что онъ вмѣстѣ съ другими учеными „признавалъ въ аравійскомъ мыслителѣ Ашъ-Шахрастаніѣ знаменитаго философа", пока не узналъ отъ германскаго оріенталиста Гарбрюкера, что Ашъ-Шахрастаній „пользовался только различными византійскими сборниками, и что главнѣйшая цѣль его состояла въ доставленіи своимъ соотечественникамъ притчъ или мудрыхъ изреченій эллинскихъ мыслителей", причемъ Ашъ-Шахрастаній приписалъ Гомеру—стихотворныя притчи Менандра—подобно тому, какъ нынѣ г. Леонтьевъ приписалъ Горацію изреченіе Гиппократа.

Но, скажетъ читатель, положимъ, что негодованіе г. Куторги противъ Абулъ-Вефы и Ашъ-Шахрастанія совершенно справедливо: развѣ аравійская образованность не выставила иныхъ знаменитыхъ именъ? Развѣ арабы ничего не сдѣлали для медицины, химіи, географіи, ариѳметики, алгебры, астрономіи, оптики, физики, наконецъ, философіи [1]? Самъ г. Куторга былъ вынужденъ признать, что „есть однако часть, хотя не литературы, а письменности, которою аравитяне занимались и съ болѣе строгимъ вниманіемъ и съ бо́льшимъ усердіемъ, а потому она не лишена достоинства: говоримъ о сочиненіяхъ, посвященныхъ земледѣлію". Но всѣ эти ученыя заслуги ни къ чему не повели, и не могли спасти аравитянъ. Вся бѣда ихъ, по мнѣнію г. Куторги, заключалась въ томъ, что у нихъ не было классической филологіи—что „они не начали тѣмъ, чѣмъ впослѣдствіи начали западные европейцы эпоху Возрожденія". Нельзя не удивиться безпристрастію историка, который упрекаетъ аравитянъ въ томъ, что они не начали тѣмъ, чѣмъ впослѣдствіи начали западные европейцы. Развѣ западные европейцы начали жить съ эпохи Возрожденія, т.-е., съ XV-го вѣка? Развѣ этому не предшествовалъ тысячелѣтній періодъ въ ихъ жизни, когда они имѣли несравненно менѣе понятій о наукѣ, чѣмъ аравитяне, и когда они учились у аравитянъ? Но, detur et haec venia antiquitati — сдѣлаемъ и эту уступку г. Куторгѣ: положимъ, что аравитяне не проявили никакой самостоятельности въ наукѣ, что они только „заимствовали чуждыя (чужія) свѣдѣнія", что ихъ образованность „служила имъ наружнымъ блескомъ и украшеніемъ", развѣ *это* было причиной паденія аравійскаго Халифата? Историкъ „Русскаго Вѣстника" категорически это утверждаетъ. „Если бы, говоритъ онъ на стр. 31-й, аравитяне начали тѣмъ, чѣмъ въ послѣдствіи начали западные европейцы въ эпоху Возрожденія; если бы они вмѣсто переводовъ и собранія мудрыхъ изреченій, посвятили себя строгому изученію самого знанія, то нѣтъ сомнѣнія, что Халифатъ стоялъ бы твердо до нашего времени и спасъ бы восточную Европу *отъ нашествія турокъ*"!!! Смѣло и строго научно.

Перейдемъ къ другимъ государствамъ: „Въ судьбѣ польскаго королевства, говоритъ г. Куторга, есть черты, напоминающія судьбу аравійскаго Халифата. Быстрое распространеніе государства, большой и столь же кратковременный блескъ, и вслѣдъ за нимъ такое же быстрое разложеніе и паденіе. Въ концѣ XVI-го вѣка Польша

---

[1]) Вмѣсто того, чтобы украшать себя павлиными перьями и ссылаться на послѣднюю книжку французскаго «*Журнала для Ученыхъ*», лучше было бы познакомиться г. Куторгѣ съ цивилизаціей арабовъ хотя бы изъ популярнаго сочиненія Дрепера: Intellectual Developement of Europe. T. II. Гл. XVI.

возвысилась, а два столѣтія спустя она уже не существовала. Есть сходство и въ самой причинѣ этого событія: оно произошло отъ *совершеннаго отсутствія науки.* Но вмѣстѣ съ тѣмъ и глубокое между ними различіе. Чтó въ Халифатствѣ дѣлалось по невѣдѣнію... то творилось въ Польшѣ съ полнымъ сознаніемъ и намѣренно: говоримъ о водвореніи ученія, изобрѣтеннаго іезуитами" (стр. 45).

Педагогическая дѣятельность іезуитовъ, по мнѣнію г. Куторги, представляла двѣ пагубныя стороны, которыя особенно рекомендуемъ вниманію гг. Каткова и Леонтьева: „Введеніемъ въ своихъ коллегіяхъ той деспотической дисциплины, которая отвергала всякій помыселъ о самостоятельности и обращала человѣка въ послушное орудіе, іезуиты подавили въ молодомъ поколѣніи идею свободы личной дѣятельности, а изобрѣтеніемъ, въ противоположность ученію филологическому, особаго способа преподаванія и ученія, состоявшаго не въ развитіи умственнаго труда и послѣдовательности мысли, а въ сообщеніи разнаго рода такъ-называемыхъ полезныхъ для жизни свѣдѣній, они подавили свободу мысли. Этотъ іезуитскій способъ ученія, по мнѣнію г. Куторги—есть *буквально тотъ самый*, чтó у насъ называютъ общеобразовательнымъ и что наши противники классицизма превозносятъ, настоятельно требуя его введенія. По странному смѣшенію понятій, многіе придаютъ ему имя реальнаго" и т. д. (стр. 43). Дѣйствительно, странное смѣшеніе понятій!

Мы не знаемъ, что побудило г. Куторгу къ отождествленію іезуитскаго преподаванія съ такъ-называемымъ реальнымъ—поверхностное ли знакомство съ іезуитской педагогіей или, напротивъ, слишкомъ близкое знакомство съ этой педагогіей, основанной, какъ извѣстно, на принципѣ, что цѣль оправдываетъ средство, и допускавшею поэтому, даже искаженіе исторіи— ad majorem Dei gloriam.

Но допустимъ, что педагоги-іезуиты навлекли на Польшу всѣ тѣ бѣдствія, которыя готовили своему отечеству русскіе реалисты—развѣ *это* было причиною раздѣленія Польши? Не дѣйствовали ли при этомъ также и политическія причины? заикнется читатель. Но г. Куторга ожидалъ такое возраженіе и приготовилъ противъ него побѣдоносный отпоръ.

„Есть, впрочемъ, говоритъ онъ на страницѣ 55, много приверженцевъ мнѣнія, что польское королевство стало только жертвою честолюбія трехъ сосѣднихъ державъ, стремившихся къ пріобрѣтенію его достоянія и что оно пало вслѣдствіе нѣсколькихъ несчастныхъ сраженій (?). Имъ противорѣчитъ изученіе исторіи и опровергаетъ всѣ мечты ихъ".

Но, можетъ быть, паденіе Польши было слѣдствіемъ разнообразныхъ и сложныхъ историческихъ, географическихъ, этнографическихъ бытовыхъ, экономическихъ и т. д. причинъ? Къ чему ихъ изучать?

Не проще ли объяснить паденіе Польши одной причиной?—отсутствіемъ науки, подобно тому, какъ іезуитскіе историки объясняли паденіе многихъ государствъ неповиновеніемъ папѣ.

Если отсутствіе науки погубило Аравійскій Халифатъ и Польшу, то та же причина вызвала и третью страшную катастрофу—французскую революцію. „Попраніе идей эпохи Возрожденія, замѣчаетъ г. Куторга на стр. 51, произвело во Франціи революцію" и нѣсколько далѣе объясняетъ свою мысль такимъ образомъ: „Идеи эпохи Возрожденія принялись во Франціи такъ глубоко, что ихъ нельзя было уничтожить. Ихъ могли преслѣдовать, на время остановить и попрать, но не искоренить. Съ ними росло воздѣйствіе, и когда черезъ столѣтіе созрѣло, то, прорвавшись съ ужасающею силою, повергло Францію въ кровавый переворотъ, извѣстный подъ именемъ великой революціи".

Изъ этого опять слѣдуетъ обратное, что французскую революцію произвели идеи Возрожденія, т.-е. классическая филологія. Вѣроятно, г. Куторга этого не замѣтилъ, иначе никакъ бы не напугалъ московскихъ старушекъ, которыя до сихъ поръ видятъ во французской революціи только страшную катастрофу, кровавый переворотъ, le règne de la terreur. Но не однѣхъ только старушекъ напугалъ онъ своей статьей — есть о чемъ призадуматься и всѣмъ. Выводъ изъ статьи заключается въ томъ, что отсутствіе истинной науки, основанной на классической филологіи, погубило и Халифатъ, и Польшу, и Италію, и Испанію, и Португалію, и Богемію (стр. 44), и Австрію, и повергло Францію въ нескончаемую революцію—слѣдовательно, та же причина можетъ погубить и Россію! Но гдѣ же взять Россіи классическую филологію, когда корифеи этой науки послѣ сорокалѣтней учено-литературной дѣятельности не въ состояніи перевести двухъ страницъ изъ Ливія, чтобы не надѣлать множества ошибокъ противъ грамматики и смысла? Вотъ въ чемъ заключается грустная сторона дѣла! Въ настоящее время Россія побѣждаетъ на крайнемъ Востокѣ послѣдніе остатки разбойничьихъ ханствъ. Безъ сомнѣнія, русскіе солдаты покроютъ себя славою предъ Хивою и упрочатъ могущество Россіи на Востокѣ. Но къ чему все это послужитъ? Увеличеніе политическаго могущества Россіи также безполезно для нея, какъ и внутреннее преуспѣяніе. „Какъ ни удобны, говоря языкомъ г. Куторги (стр. 16), желѣзныя дороги, телеграфы и пароходы; какъ ни полезны переносимыя къ намъ разнаго рода учрежденія" — все это ни къ чему не поведетъ безъ классической филологіи; а гдѣ ее взять, если ея даже нѣтъ въ статьяхъ „Русскаго Вѣстника"? Мы съ ужасомъ думаемъ о будущемъ,—Россіи, можетъ быть, грозитъ участь Аравійскаго Халифата и, несмотря на теперешнія побѣды надъ Хивою, можетъ быть, придетъ время, когда хивинскій ханъ

разобьетъ свою палатку на площади передъ Страстнымъ бульваромъ, и въ небольшомъ разстояніи оттуда хивинскій ходжа будетъ дуть по пятамъ русскихъ юношей при изученіи корана!

Вотъ до чего доводитъ излишнее усердіе въ доказываніи пользы классической филологіи! Вотъ до чего доводятъ ненаучное изученіе исторіи и произвольное ея построеніе! Подобно тому, какъ въ старой медицинѣ бывали врачи, которые всѣ болѣзни объясняли одной причиной и потому отъ всѣхъ болѣзней лечили однимъ только средствомъ,—бывали и историки, которые старались всѣ событія объяснять одной какой-нибудь причиной, не изучая самыхъ событій. При такомъ взглядѣ на дѣло, историческая наука очень упрощалась, и незачѣмъ было изслѣдовать сложные законы человѣческаго общежитія, когда судьбу всѣхъ народовъ можно было объяснить однимъ какимъ-нибудь закономъ. Но эти пріемы устарѣли, и если они были простительны въ началѣ сорокалѣтней дѣятельности г. Куторги, то въ концѣ этой дѣятельности они не своевременны. Мы, потому, совѣтовали бы ему для его пользы и ради распространенія его изслѣдованій, не помѣщать статьи „о наукѣ" въ началѣ 4-хъ томовъ его сочиненій для того, чтобы не внушать читателямъ недовѣрія къ его ученымъ пріемамъ, а развѣ помѣстить ее въ самомъ концѣ четвертаго тома, да и то въ латинскомъ переводѣ.

Но довольно объ авторѣ статьи „О наукѣ и ея значеніи въ государствѣ"; что же касается до ея издателей, бывшихъ профессоровъ московскаго университета гг. Каткова и Леонтьева, то мы имѣемъ и имъ преподать одинъ совѣтъ.

Недавно въ одной изъ передовыхъ статей своей газеты, они воскликнули по поводу пересмотра университетскаго устава: *„Наука гніетъ, студенты бьютъ баклуши"*. Мы посовѣтовали бы имъ быть осторожнѣе въ подобнаго рода обличеніяхъ. Если наука начала гдѣ-нибудь гнить, то развѣ на страницахъ „Русскаго Вѣстника", и если кто-нибудь бьетъ баклуши, то одни редакторы этого журнала, которые не замѣчаютъ въ своихъ изданіяхъ самыхъ грубыхъ ошибокъ противъ латинской грамматики и литературы и противъ здраваго смысла!

Москва, 15 апрѣля 1873. Д. Е.

ИЗВѢСТІЯ.

I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Засѣданіе комитета 26-го февраля 1873 года.

1) Выслано 60 р. въ пособіе семейству писателя, находящемуся въ бѣдности.

2) Выдано 75 р. писателю, на уплату долговъ, сдѣланныхъ на погребеніе дочери и на леченіе жены.

3) Выдано въ ссуду 300 р. одному писателю.

4) Выдано 75 р. дочери писателя, лишенной, по преклонности лѣтъ и болѣзненному состоянію, способовъ снискивать пропитаніе.

5) Выдано 50 р. на леченіе одного писателя.

6) Изъявлена благодарность Общества за сдѣланныя пожертвованія: А. Н. Стоянову, Г. Г. Даниловичу и Р. В. Авдіеву.

Засѣданіе комитета 12-го марта 1873 года.

1) Отклонены ходатайства четырехъ лицъ о пособіи, такъ какъ просители не удовлетворяютъ условіямъ, при которыхъ выдаются пособія изъ литературнаго фонда.

2) Изъявлена благодарность Общества Е. И. Якушкину, А. Н. Стоянову и В. А. Манассеину за содѣйствіе ихъ комитету.

3) Выданы пособія: двумъ лицамъ по 25 руб., одному 35 р., двумъ по 50 р. и одному 75 р.

Отчетъ казначея за февраль 1873 г.

Къ 1-му февраля состояло въ кассѣ 59,241 р. 10 к.—Въ теченіе мѣсяца поступило 1,213 р. 68 к., въ томъ числѣ: взносы 41 члена общества 597 руб.; отъ редакціи „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" 100 р.; пожертвованія: М. Н. Анненкова, чрезъ редакцію „Вѣстника Европы" 139 руб., неизвѣстной, чрезъ редакцію „Донской Газеты" 100 р., А. Н. Стоянова 100 р., Г. Г. Даниловича 50 р., Р. В. Авдіева 11 р., Н. Н. Герарда 10 руб.; процентовъ по текущему счету 106 р. 68 к.—Израсходовано 1,370 р., въ томъ числѣ: на пенсіи 4 лицамъ 420 р., на продолжительное пособіе 100 р., на единовременныя пособія 8 лицамъ 550 р., на ссуду 300 р.—Къ 1-му марта на лицо 59,084 руб. 78 коп., въ томъ числѣ процентными бу... 56,600 р., на текущемъ счету 2,306 руб. 68 коп., деньгами 17... 10 коп.

М. Стасюлеви...

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Сочиненія Лермонтова, съ портретомъ его, двумя снимками съ почерка и статьею о Лермонтовѣ *А. Н. Пыпина*. Изд. 3-е, исправл. и дополн., подъ ред. П. А. Ефремова. Т. I и II. Спб. 1873. Ц. 3 р. 50 к.

Новому изданію сочиненій Лермонтова предстояло прежде всего исправить недостатки двухъ прежнихъ (С. С. Дудышкина), гдѣ поэзія хотя и отдѣлена отъ стихотворныхъ опытовъ дѣтства, но послѣдніе искажены произвольными пропусками издателя, — снова свѣрить текстъ съ рукописями и, наконецъ, дополнить опущенное прежними изданіями. Остающееся за тѣмъ составитъ содержаніе особаго дополнительнаго тома, куда войдетъ и неизданная обширная повѣсть Лермонтова. Порядокъ изданія оставленъ хронологическій, но въ отношеніи общаго распредѣленія издатель предпочелъ дать первое мѣсто произведеніямъ, изданнымъ при жизни Лермонтова, присоединивъ къ этому лучшее изъ посмертныхъ, вмѣстѣ съ письмами поэта. Самое изданіе снабжено подробнымъ указателемъ статей о Лермонтовѣ и біографическимъ очеркомъ судьбы поэта и характеристикой его произведеній. Однимъ словомъ, новое изданіе старалось удовлетворить всѣмъ самымъ строгимъ требованіямъ критики и *быть* достойнымъ памяти поэта, который, по справедливому замѣчанію А. Н. Пыпина, „надолго останется однимъ изъ любимѣйшихъ представителей русской поэзіи, по энергіи чувства, богатству поэтическихъ мотивовъ и необыкновенной прелести формы“. Не даромъ Бѣлинскій восхищался въ лермонтовской „Думѣ“, алмазной крѣпостью стиха, громовою силою бурнаго одушевленія, исполинскою энергіею благороднаго негодованія и глубокой грусти“.

А. С. Пушкинъ. Матеріалы для его біографіи и оцѣнки произведеній. *П. В. Анненкова*. Спб., 1873. Ц. 2 р. 50 к.

Пушкину не посчастливилось, какъ Лермонтову. Лучшимъ изданіемъ его поэзіи остается все-таки первое, а послѣдующія выходили все ниже и ниже по своимъ качествамъ. Лучшая его біографія принадлежитъ первому изданію; но вотъ и теперь она же является вновь, безъ всякихъ измѣненій, какъ будто съ того времени не появлялось въ свѣтъ никакихъ матеріаловъ для біографіи поэта; даже публикѣ предоставлено угадать, какое это второе изданіе, а сами издатели ни однимъ словомъ не намекнули на то. Если такая механическая работа оправдывается нѣсколько невозможностью пріобрѣсти первое изданіе, для своего времени весьма замѣчательное и обстоятельное, то все же нельзя извинить отсутствія, напримѣръ, такихъ недостатковъ, какъ сохраненіе въ новомъ изданіи инкогнито Мицкевича, который продолжаетъ безъ всякой надобности и въ новомъ изданіи скрываться подъ буквою М.

Филологическія розысканія академика *Я. К. Грота*. Матеріалы для словаря, грамматики и исторіи русскаго языка. Спб. 1873. Стр. 668.

Настоящій томъ соединилъ въ одно цѣлое труды ученаго автора, помѣщавшіеся въ различныхъ изданіяхъ; но это не одна перепечатка, такъ какъ всѣ статьи пересмотрѣны и отчасти измѣнены въ новомъ изданіи. Въ этихъ статьяхъ изслѣдователи отечественнаго языка найдутъ для себя значительную опору и руководство преимущественно въ области лексикографіи. Главное мѣсто въ этомъ сборникѣ принадлежитъ новому и еще не изданному труду: „Спорные вопросы русскаго правописанія отъ Петра Великаго донынѣ“. Хотя почтенный ученый находитъ русское правописаніе болѣе установившимся, нежели нѣмецкое, но все же нельзя не признать существующаго у насъ въ этомъ отношеніи хаоса весьма значительнымъ, и потому нельзя не поблагодарить автора за его попытку, если не окончательно рѣшить всѣ спорные вопросы нашего правописанія, то по крайней мѣрѣ исторически объяснить практикуемую путаницу и тѣмъ содѣйствовать къ большей устойчивости нашей орѳографіи.

Полное собраніе сочиненій Гофмана, перев. и изд. подъ ред. Н. В. Гербеля и А. Л. Соколовскаго. Т. I. Спб. 1873. Стр. 354. Ц. 75 коп.

Полное изданіе будетъ состоять изъ 12 томовъ одинаковаго объёма съ нынѣшнимъ, соотвѣтственно послѣднему изданію оригинала въ 1857 г. До сихъ поръ сочиненія Гофмана были знакомы у насъ въ извлеченіяхъ прежняго времени; между тѣмъ талантъ этого писателя, имя котораго сдѣлалось нарицательнымъ для всего фантастическаго въ литературѣ, заслуживало большаго вниманія нашихъ переводчиковъ. У Гофмана фантастическое служило не внѣшнею оболочкою, не аллегоріею, но вполнѣ самостоятельнымъ міромъ, какимъ оно является въ одной народной поэзіи, цѣлою областью человѣческаго духа, постоянно соприкасающеюся съ міромъ дѣйствительнымъ. Издатели обѣщаютъ приложить къ одному изъ послѣдующихъ томовъ біографію поэта, и можно только пожалѣть, что они не съ этого начали.

Единственный русскій путеводитель по Вѣнѣ и ея окрестностямъ, съ планами выставки и города. Соч. *Е. Львовъ-Кочетовъ*. Москва, 1873. Ц. 2 р. 50 коп. (!). Стр. 186.

Въ Германіи не только Вѣна, но почти всякій городъ имѣетъ для себя гидъ; для Вѣны же существуетъ ихъ нѣсколько, начиная съ „Wiener-Baedeker“, такъ что русскій гидъ представляетъ удобства для однихъ незнающихъ нѣмецкаго языка, а его составителю остается только „не мудрствовать лукаво“. И тѣмъ не менѣе авторъ русскаго гида не воздержался отъ послѣдняго, доказывая, что туземные гиды изображаютъ все въ розовомъ свѣтѣ и вслѣдствіе того „чистый и незлобивый русачекъ является домой ощипанный“. Но въ такомъ случаѣ не слѣдовало бы и автору брать и дома съ „русачка“ 2 р. 50 коп. за 186 страничекъ. Излишня также тенденціозность гида: авторъ пишетъ въ Москвѣ и заключаетъ свой гидъ увѣреніемъ, что „Вѣна страдаетъ полнѣйшимъ отсутствіемъ внутренней чистоты, комфорта и даже самыхъ простыхъ удобствъ“! Вѣроятно, авторъ не нашелъ въ Вѣнѣ кислыхъ щей. Но независимо отъ авторскихъ мнѣній и взглядовъ, трудъ его не безполезенъ для незнающихъ языка, а планъ города, исполненный въ Вѣнѣ, весьма удовлетворителенъ.

ОБЪ ИЗДАНІИ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“ ВЪ 1873-мъ ГОДУ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

НА ГОДОВОЙ ЭКЗЕМПЛЯРЪ — 12-ТЬ КНИГЪ

I.—**Въ С.-Петербургѣ:** 1) *Безъ доставки* на домъ **15** руб. **50** . — 2) *Съ доставкою* по городской почтѣ **16** р.

II.—**Въ Москвѣ:** 1) Съ пересылкою *чрезъ книжный магазинъ* *И. Г. Соловьева* **16** р. 2) Съ пересылкою *чрезъ Газетную Экспедицію* **17** р.

III. — **Въ губерніи:** Съ пересылкою чрезъ Газетную Экспедицію **7** р.

IV. — **Заграницею:** За пересылку чрезъ Иностранную Экспедицію къ вышеупомянутой цѣнѣ (17 р.) прилагается: a) **2** руб. — въ *Германію* и *Австрію;* b) **3** р.— въ *Бельгію, Нидерланды* и *Придунайскія Княжества;* c) **4** р. — во *Францію* и *Данію;* d) **5** р. — въ *Англію, Швецію, Испанію, Португалію, Турцію* и *Грецію:* e) **6** р.—въ *Швейцарію;* f) **7** р.—въ *Италію* и *Японію.*

---

1. — *ПОДПИСКА* принимается: a) отъ городскихъ подписчиковъ въ Главной Конторѣ журнала при книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, въ С.-Петербургѣ, Невск. Пр., 30; b) Иногородные и иностранные высылаютъ по почтѣ исключительно въ Редакцію (Галерная, 20), съ сообщеніемъ подробнаго адресса: имени, отчества, фамиліи и того *почтоваго учрежденія*, его губерніи и уѣзда, гдѣ есть выдача газетъ и журналовъ.

2. — *ПЕРЕМѢНА АДРЕССА* сообщается въ Редакцію такъ, чтобы извѣщеніе могло поспѣть до сдачи книги въ Газетную Экспедицію. За невозможностью извѣстить Редакцію своевременно, слѣдуетъ сообщить мѣстной Почтовой Конторѣ свой новый адрессъ для дальнѣйшаго отправленія журнала, а Редакцію извѣстить о перемѣнѣ адресса для слѣдующихъ нумеровъ. При перемѣнѣ адресса, необходимо указывать мѣсто прежняго отправленія журнала, и съ какого нумера начать перемѣну.

Примѣчаніе. — По почтовымъ правиламъ, городскіе подписчики, переходя въ иногородные, прилагаютъ 1 р. 50 к., а иногородные — въ городскіе 50 коп.

3. — *ЖАЛОБА*, въ случаѣ неполученія книги журнала въ срокъ, препровождается прямо въ Редакцію, съ помѣщеніемъ на ней свидѣтельства мѣстной Почтовой Конторы и ея штемпеля. По полученіи такой жалобы, Редакція немедленно представляетъ въ Газетную Экспедицію дубликатъ для отсылки съ первою почтою; но безъ свидѣтельства Почтовой Конторы, Газетная Экспедиція должна будетъ предварительно сноситься съ Почтовою Конторою, и Редакція удовлетворитъ только по полученіи отвѣта послѣдней.

Примѣчаніе. — Жалоба должна быть отправляема никакъ не позже полученія слѣдующаго нумера журнала; въ противномъ случаѣ, Редакція лишится возможности удовлетворить подписчика.—Точно также Редакція не можетъ удовлетворять жалобы тѣхъ подписчиковъ, которые, въ противность первому условію подписки, требуютъ высылки журнала на такія станціи желѣзныхъ дорогъ, гдѣ *нѣтъ* почтовыхъ учрежденій.

М. Стасюлевичъ
Издатель и отвѣтственный редакторъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Невск. просп., 30.